БОЛЬШИЕ И КНИГИ

Жюль Верн

ТАИНСТВЕННЫЙ ОСТРОВ

«ИНОСТРАНКА»

Таинственный остров
Жюль Верн

Аннотация
Жюль Верн. Таинственный остров
Часть первая. Потерпевшие крушение в воздухе
I. Над пучиной
II. Отважное бегство
III. Исчезновение Смита
IV. Устройство жилища
V. Потеря огня
VI. Охота
VII. Инженер найден
VIII. Возвращение домой
IX. Где же мы?
X. На острове…
XI. Крестины острова
XII. Серный источник
XIII. Гончарная печь
XIV. Положение острова определено
XV. Изготовление железа
XVI. Дюгонь
XVII. Взрыв
XVIII. Подземный дворец
XIX. Устройство дворца

XX. В ожидании хлеба
XXI. Первые морозы
XXII. Дробинка
Часть вторая. Покинутый
I. Исчезнувшая черепаха
II. Удивительная находка
III. Экспедиция на лодке
IV. Ягуар
V. Остатки воздушного шара
VI. Новый слуга
VII. Хозяйственные работы
VIII. Скотный двор
IX. Изготовление стекла
X. Постройка бота
XI. Вторая зима
XII. Послание
XIII. Остров Табор
XIV. Дикий человек
XV. Неизвестный
XVI. Первый хлеб
XVII. Тайна неизвестного
XVIII. Телеграф
XIX. Новая загадка
XX. Что открыла пластинка?
Часть третья. Тайна острова
I. Черный флаг

II. Подвиг Айртона
III. Взрыв
IV. Таинственная мина
V. Батарея
VI. Выстрел
VII. В осаде
VIII. Герберт выздоравливает
IX. Тревожная весть
X. Между жизнью и смертью
XI. На поиски
XII. Освободились
XIII. Судья острова Линкольна
XIV. Пробуждение вулкана
XV. Телеграмма
XVI. Капитан Немо
XVII. Завещание капитана Немо
XVIII. Подземные силы
XIX. Огонь и вода
XX. Уцелевшая скала
Словарь
О Жюле Верне и «Таинственном острове»
1
2
3
4
5

Цветные иллюстрации Зденека Буриана к роману «Таинственный остров»

Аннотация

Жюль Верн — замечательный писатель, создатель научно-фантастического романа, один из самых читаемых французских авторов в мире. С самого детства нас сопровождают его необыкновенные произведения: «Вокруг света в восемьдесят дней», «Пятнадцатилетний капитан», «Дети капитана Гранта», «Двадцать тысяч лье под водой». В настоящем издании представлен один из лучших романов Жюля Верна «Таинственный остров».

В авантюрный сюжет вплетены буря, извержение вулкана, нападения пиратов и, конечно, история выживания на клочке земли посреди океана. Находчивые герои, выброшенные ураганом на необитаемый остров, сами варят сахар и выплавляют сталь, изготавливают кирпичи, шерсть, стекло, серную и азотную кислоту, нитроглицерин и динамит, конструируют телеграф и прядильную машину. «Таинственный остров» — захватывающая история приключений островитян, «пособие по выживанию», гимн

человеческой отваге и силе воли.

Благодаря великолепным иллюстрациям чешского художника Зденека Буриана (1905–1981) читатели смогут в полной мере пережить с героями романа удивительные приключения, совершить потрясающие открытия, ощутить радость победы над стихией.

Жюль Верн
Таинственный остров

Illustrations © Zdeněk Burian
© Е. П. Брандис (наследник), статья, 2022
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022
Издательство Иностранка®

Часть первая. Потерпевшие крушение в воздухе

I. Над пучиной

— Что, мы поднимаемся?

— Нет! Опускаемся!

— Хуже, господин Сайрес! Мы просто падаем!

— Ради Христа, кидайте балласт!

— Мы только что избавились от последнего мешка!

— Поднялся ли шар?

— Нет!

— Я уже слышу клокотание волн!

— Под нами море!

— Шар в пятистах футах от воды!

В эту минуту раздался громкий и властный голос:

— Бросайте все!.. Пускай все пропадает! Положимся на волю Господа!

Все эти возгласы раздавались в воздухе над безбрежной пустыней вод Тихого океана около четырех часов вечера 23 марта 1865 года.

Всем, вероятно, еще памятен пришедший с северо-востока страшный ураган, который случился в том году. Барометр тогда упал до семисот десяти миллиметров. Этот ураган свирепствовал без перерыва с 18 по 26 марта. Он произвел гро-

мадные опустошения в Америке, Европе, Азии, захватив полосу земного шара шириной в четыре с половиной тысячи миль — все пространство между тридцать пятой параллелью северной широты и сороковой — южной.

Опрокинутые дома, изуродованные города, вывороченные с корнем леса, вышедшие из берегов, словно во время сильного прилива, реки, выброшенные на берег сотни кораблей, по сводкам бюро «Веритас», смерчи, уничтожавшие все на своем пути, тысячи людей, погибших на суше или сгинувших в бездне морских вод, — вот что оставил после себя этот ужаснейший ураган. Яростью и силой он превосходил даже те свирепые бури, какие разорили Гавану 25 октября 1810 года и Гваделупу 26 июля 1825 года.

В то время, когда на море и на суше происходили такие катастрофы, в бушующих слоях атмосферы разыгрывалась не менее ужасная драма.

Воздушный шар, подхваченный ураганом, летел со скоростью девяносто миль в час[1] и при этом еще быстро крутился, как колесо.

В подвешенной к шару корзине сидели пятеро

---

[1] Примечания: 1

То есть 46 метров в секунду, или 166 километров в час (около 42 лье, считая в одном лье 4 километра). (*Примеч. автора.*)

пассажиров, их было трудно различить среди густого тумана, смешанного с мелкими брызгами воды, поднимавшимися с поверхности бушующего океана.

Откуда взялся этот воздушный шар, игрушка страшнейшей бури? Из какого уголка земли его сюда загнало?

Очевидно, он не мог отправиться в полет во время урагана. Тем более что ураган свирепствовал уже пять дней, а первые признаки его проявились уже 18 марта.

Вероятнее всего, шар принесло издалека, потому что при таком свирепом урагане он должен был пролетать не менее двух тысяч миль в сутки.

Так или иначе, пассажиры воздушного шара при нынешних обстоятельствах не имели никакой возможности судить о расстоянии, которое они преодолели с момента вылета. Воздушный шар со страшной силой несло вперед, но пассажиры вовсе не чувствовали ни его вращения, ни даже самого движения. Взор их не мог проникнуть сквозь облачный слой. Кругом была плотная пелена тумана, так что невозможно было определить, ночь сейчас или день. Ни проблеска света, ни легкого отзвука с обитаемой земли

не долетало до них в высокие слои атмосферы. Лишь быстрое снижение шара могло помочь им заметить морские волны и осознать грозящую опасность.

Когда были сброшены все тяжелые предметы, каковыми являлись запасы провизии, оружие и прочее, шар снова поднялся в верхние слои атмосферы, на высоту четырех с половиной тысяч футов. Пассажиры, понимая, что под ними море, а не твердая земля, и сознавая, что вверху опасность меньше, чем внизу, кидали не колеблясь даже самые необходимые вещи и пеклись лишь о том, чтобы во что бы то ни стало сохранить газ — эту душу своего аппарата, который поддерживал их над бездонной пучиной.

Ночь прошла в ужасных тревогах, которые едва ли перенесли бы люди менее энергичные. С наступлением рассвета ураган, казалось, начал понемногу затихать. Густые облака поднялись в верхние слои атмосферы. За несколько часов воронка смерча расширилась и как бы смялась. Ураган теперь заслуживал наименования «очень свежий ветер», то есть скорость воздушных потоков уменьшилась вдвое. Ветер дул, как говорят моряки, в три рифа, но уже можно было предвидеть дальнейшее улучшение.

Около одиннадцати утра видимость в верхнем горизонте заметно прояснилась. Насыщенный влагой воздух придал ей ту особую прозрачность, которую не только видишь, но и ощущаешь всеми органами чувств после того, как пронесется сильная буря. Казалось, ураган не умчался дальше, на запад, а самопроизвольно прекратился. Может быть, когда смялась воронка смерча, атмосфера окончательно разрядилась, как то порой случается с тайфунами в Индийском океане.

Примерно в это время снова можно было заметить, что воздушный шар, безостановочно двигавшийся вперед, тихо опускается вниз. Казалось даже, что он мало-помалу пустеет и оболочка его, растягиваясь и удлиняясь, переходит постепенно из формы шара в яйцеобразную.

Около полудня воздушный шар был уже на высоте всего двух тысяч футов над поверхностью моря. Поскольку в объеме он имел пятьдесят тысяч кубических футов, то благодаря такой вместимости, очевидно, мог еще долго продержаться в воздухе, то поднимаясь выше, то двигаясь по горизонтали. Тем временем пассажиры выкинули свои последние вещи, остатки провизии, даже все, что было в их карманах. Один из них, вцепившись в кольцо, соединявшее веревочную сетку,

старался покрепче привязать корзину, висевшую под воздушным шаром. Было очевидно, что пассажиры не смогут заставить шар подняться, так как у них не хватало газа.

Таким образом, им грозила неминуемая гибель! Под ними простиралась не земля, даже не остров. На всем пространстве не было видно ни единого клочка суши — никакой тверди, куда можно было бы устремиться!

До самого горизонта простиралась бескрайняя водная стихия, громадные волны бушевали с ужасной силой. Даже с той высоты, где двигался теперь воздушный шар, высоты, с которой можно было обозревать пространство на сорок миль вокруг, терпящие бедствие не могли разглядеть ничего, кроме безграничного океана. Он представлял обширную клокочущую, ревущую водную равнину, яростно перекатывавшую громаднейшие валы с белыми гребнями. Ни единого клочка земли! Ни одного корабля!

Надо было во что бы то ни стало затормозить движение вниз — помешать шару опуститься в страшную пучину океана. Пассажиры, находившиеся внутри маленькой корзины, очевидно, должны были действовать без промедления.

Но все усилия были напрасны. Шар опускался

все ниже и ниже, не переставая при этом стремительно двигаться вперед, по направлению ветра, дувшего с северо-востока на юго-запад.

Положение было отчаянное!

Несчастные явно уже не могли управлять шаром. Любые попытки были тщетны. Воздушный шар сжимался все сильнее. Газ быстро улетучивался через прорвавшуюся оболочку, и задержать его не было никакой возможности.

Падение заметно ускорялось, и около часа дня корзина с пассажирами висела всего в шестистах футах над поверхностью океана. Оставалось одно, что можно было сделать в данную минуту, — и это было сделано.

Пассажиры были людьми, наделенными незаурядной энергией, умевшими смотреть в глаза любой опасности и даже смерти. Невзирая на всю безнадежность положения, ни один из них не жаловался.

Они решили бороться до последнего мгновения.

Корзина, привязанная к шару, представляла собой простой короб, сплетенный из ивовой лозы, и если бы воздушный шар спустился еще ниже, то не было бы опять-таки никакой возможности удержать его на поверхности воды.

В два часа воздушный шар висел почти в четырехстах футах от поверхности океана.

В это время раздался громкий голос, в котором не слышалось никакого страха. Ему ответили не менее энергично.

— Все ли выброшено?

— Остались только ваши десять тысяч франков золотом, Сайрес!

— В воду!

Тяжелый мешок полетел в море…

— Ну как, шар поднимается?

— Едва-едва… но сейчас опять начнет опускаться!

— Что еще можно выкинуть?

— Ничего!

— Как — ничего? А наша корзина!

— В море корзину! Будем держаться за веревки.

Это было единственное и самое последнее средство облегчить воздушный шар.

Веревки обрезали, корзина полетела в воду, и воздушный шар снова поднялся на две тысячи футов.

Все пять пассажиров подтянулись по веревкам к кольцу и, глядя в бездонную пропасть, повисли в петлях сетки, охватывавшей воздушный шар.

Всякому известно, какой чувствительностью обладают воздушные шары. Достаточно бросить самую легкую вещь, чтобы произвести заметное перемещение по вертикали. Аппарат, плывущий в воздухе, похож в этом отношении на математически точные весы. Понятно, что после всякого значительного облегчения воздушный шар должен быстро подняться на большую высоту. То же произошло и в настоящем случае.

Но после минутного колебания в верхних слоях атмосферы воздушный шар вновь начал снижаться. Газ вырывался через образовавшуюся дыру, зачинить которую было невозможно.

Несчастные сделали все, что могли. Теперь в их распоряжении не осталось уже решительно никаких средств.

В четыре часа шар снова снизился до пятисот футов над поверхностью воды.

Раздался звонкий лай. Лаяла собака, взятая одним из пассажиров; пес тоже уцепился за петли сетки возле своего хозяина.

— Топ что-то увидал! — воскликнул кто-то.

Вслед за этим раздался громкий возглас:

— Земля! Земля!

Действительно, шар по-прежнему несло ветром на юго-запад; с рассвета он уже преодолел

сотни миль, и перед путниками возник довольно высокий берег.

Но этот клочок суши находился милях в тридцати под ветром; следовательно, чтобы до него добраться, нужно было еще некоторое время продержаться в воздухе, и то при условии, что ветер понесет шар прямо по направлению к земле, видневшейся на горизонте.

Ужасное положение!

Пассажиры уже ясно могли разглядеть сушу, до которой надо было добраться во что бы то ни стало. Они не могли понять, что это: остров или какой-нибудь материк, так как несчастные не могли сообразить, в какую часть света занес их свирепый ураган.

Но какова бы ни была эта земля, обитаемая или нет, гостеприимная или нет, во всяком случае надо было до нее добраться!

Скоро стало очевидно, что шар не может дольше держаться…

Уже гребни огромных валов несколько раз захлестывали нижний край сетки, что, разумеется, еще больше увеличивало вес всей конструкции, и шар с трудом летел, словно птица, у которой в крыльях свинец.

Спустя полчаса земля была уже на расстоянии

всего одной мили, но воздушный шар ослабел, вытянулся, покрылся множеством больших складок, и газ сохранялся в нем только в самой верхушке. Пассажиры, уцепившиеся за сетку, были слишком тяжелы для шара, утратившего способность парить, и скоро они, наполовину погруженные в море, оказались под ударами свирепых водяных валов. Оболочка воздушного шара превратилась в мешок, и завывающий ветер погнал ее, точно парус.

Быть может, ее таким образом пригонит к берегу?!

Земля была уже всего на расстоянии двух кабельтовых, когда под вопли пассажиров воздушный шар, который, казалось, уже не в силах был подняться, сделал внезапный рывок и, как бы мгновенно облегченный потерей значительной части своего веса, снова поднялся на высоту пятисот футов и там попал в струю воздушного течения, которое, вместо того чтобы нести шар прямо по направлению к берегу, потащило его почти параллельно. Спустя еще две минуты его пригнало ближе к берегу, и он рухнул на песчаное взморье.

Пассажиры, помогая друг другу, успели высвободиться из петель сетки, охватывавшей

оболочку шара. Воздушный шар, освободившийся от груза и подхваченный новым порывом ветра, как подстреленная птица, сохранившая еще признаки жизни, скоро исчез в пространстве.

В корзине помещались пятеро пассажиров и собака, а между тем на берег выбросило только четверых.

Не хватало одного человека!

Вероятно, этого несчастного смыло волной, поэтому облегченный шар поднялся в последний раз и, таким образом, через несколько минут очутился у берега.

Едва четверо несчастных, потерпевших крушение, успели ступить на твердую землю, как ими овладела мысль о пропавшем товарище. Они закричали:

— Вероятно, он сумеет доплыть до берега! Надо спасти его!

Они побежали к воде.

II. Отважное бегство

Что же, наконец, это было за общество, состоявшее из уместившихся в гондоле пятерых пассажиров, выкинутых ураганом на какой-то неведомый берег? Это были вовсе не ученые-аэронавты или любители воздушных экспедиций, а пленники, наделенные невообразимой отвагой и сумевшие бежать при самых страшных обстоятельствах. Тысячу раз они могли погибнуть. Воздушный шар с его прохудившейся оболочкой давно мог похоронить их в пучине океана…

Но судьба хранила несчастных, и, бежав из Ричмонда, осажденного войсками генерала Гранта, они 20 марта очутились в семи тысячах миль от столицы Виргинии, главного укрепленного пункта южан во время страшной американской междоусобной войны[2]. Это воздушное путешествие продолжалось пять дней.

Вот, между прочим, при каких обстоятельствах

---

[2] Примечания: 2

Имеется в виду Война Севера и Юга (отсюда — южане и северяне, федералисты) — Гражданская война 1861–1865 гг. в Северной Америке. Северяне боролись за освобождение негров, южане были сторонниками рабства. Война закончилась 26 мая 1865 г. победой северян. (*Здесь и далее, кроме специально оговоренных случаев, примеч. ред.*)

произошло бегство пленников.

В феврале 1865 года, во время одной из атак, тщетно предпринимавшихся генералом Грантом с целью завладеть Ричмондом, несколько офицеров попали во власть неприятеля и были задержаны в городе. Один из самых замечательных людей, состоявших при главном штабе федералистов, тоже очутился в плену. Его звали Сайрес Смит.

Родом из Массачусетса, он был инженер, весьма сведущий человек, которому правительство Соединенных Штатов поручило провести железную дорогу, имевшую важное значение во время Гражданской войны. Смит представлял тип американца из северных штатов: он был худощавый, поджарый, лет около сорока; седеющие волосы были коротко острижены, бороды он не носил, оставил только густые усы. Облик Смита с его чеканным профилем напоминал один из тех живописных типов, которые словно для того и существуют, чтобы быть помещены на медалях; глаза его смотрели живо, но улыбка редко трогала его губы. Смит принадлежал к числу тех инженеров, которые в начале карьеры с удовольствием работают молотом и заступом. В этом человеке изобретательность ума сочеталась с умелыми

руками. Мускулы были великолепно развитыми и крепкими. Смит был столько же человек дела, сколько человек мысли; он всегда действовал свободно, отважно, не страшась препятствий и не опасаясь неудач. При своем образовании и опыте он никогда не унывал; ни при каких обстоятельствах не терялся; всегда и везде сохранял твердость духа, пылкость желаний и могущество воли. Девизом этого человека могли бы быть слова Вильгельма Оранского, сказанные еще в семнадцатом веке: «Если я действую, то не испытываю надобности в мечтаниях, если упорно преследую цель, то не нуждаюсь в успехе».

Вместе с этим Смит был олицетворенное мужество и отвага. Он участвовал во всех сражениях этой жестокой междоусобной войны. Начав под командой Гранта[3] в качестве добровольца, он дрался при Падьюке, Белмонте, Питсбург-Лендинге, при осаде Коринфа, при Порт-Гибсоне, Блэк-Ривер, Чаттануге, Уайлдернессе, на Потомаке — словом, всюду и с одинаковой храбростью.

Это был солдат, достойный генерала Гранта,

---

[3] Примечания: 3

Грант Улисс (полное имя *Улисс Симпсон Грант*; 1822–1885) — американский государственный и военный деятель, генерал; 18-й президент США; во время Гражданской войны главнокомандующий армией Севера.

отвечавшего на вопрос о людских потерях: «Я никогда не считаю своих убитых!»

Смит сотни раз мог попасть в число этих несчастных жертв, которых не считал жестокий Грант. Он охотно принимал участие во всех сражениях, но судьба ему благоволила, пока наконец он, весь израненный, не был захвачен на поле сражения при Ричмонде.

В один и тот же день со Смитом попал в руки южан и другой замечательный человек. Это был не кто иной, как достопочтенный Гедеон Спилетт, корреспондент всемирно известной газеты «Нью-Йорк геральд», которому поручено было следить за всеми военными передвижениями в северных армиях.

Спилетт принадлежал к разряду тех удивительных английских или американских репортеров, которые ни перед чем не останавливаются, когда дело идет о том, чтобы добыть какую-нибудь точную информацию и в самом скором времени передать ее в свою газету. Газеты Соединенных Штатов, в том числе и «Нью-Йорк геральд», представляют большую силу и имеют множество корреспондентов. В первом ряду таковых журналистов был Спилетт.

Спилетт — человек весьма достойный, отваж-

ный, способный, готовый, что называется, в огонь и в воду; постоянно следящий за событиями целого мира, объехавший весь свет, солдат и в то же время артистическая натура, решительный во всяком деле; не обращавший внимания ни на усталость, ни на опасность, когда нужно было поставить новости, годные для оживления газетных столбцов; жаждущий всего курьезного, неизвестного, невозможного; поглощенный беспрестанным поиском новых приключений и происшествий, — был один из тех неутомимых наблюдателей, которые описывают виденное под градом пуль и картечи, составляют статьи под ударами ядер и которым всякая опасность — истинное счастье.

Он участвовал во всех сражениях в первых рядах, с револьвером в одной руке, с записной книжкой — в другой, и осколки бомб не заставляли дрожать его карандаш. Он не отягощал телеграфные провода бесконечными депешами, как то делают многие корреспонденты, когда им говорить совершенно не о чем, но каждое его замечание — краткое, точное, ясное — отлично уясняло общий ход какого бы то ни было события. Иногда он отпускал удачные остроты. В находчивости у него тоже не было недостатка. Например,

после боя при Блэк-Ривер, желая во что бы то ни стало удержать за собой место у окошка телеграфной конторы, чтобы вовремя передать в свою газету сведения о результате сражения, он в продолжение двух часов телеграфировал первые главы *Библии*. Это, разумеется, обошлось газете в две тысячи долларов, зато она первой узнала об исходе битвы.

Спилетт был высокого роста. Ему было не более сорока лет. Светлые, с рыжеватым отливом бакенбарды обрамляли его лицо. Глаза у него были живые и зоркие — глаза человека, привыкшего сразу оценивать подробности окружающей действительности. Он отличался крепким сложением и закалился в разных климатических условиях, как кусок раскаленной стали в холодной воде.

Спилетт целых десять лет неутомимо исполнял обязанности корреспондента «Нью-Йорк геральд», которую он обогатил и своими репортажами, и своими рисунками, потому что этот человек так же хорошо владел карандашом, как и пером. В ту минуту, как его захватили в плен, он на ходу описывал происходившее сражение. Последняя фраза в его записной книжке была такая: «Южанин в меня прицеливается… и…» Но

южанин промахнулся, Спилетт остался цел и, по своему обыкновению, выпутался из беды, не получив ни малейшей царапины.

Смит и Спилетт, до сих пор знавшие друг друга только понаслышке, оба были доставлены в Ричмонд. Инженер скоро оправился от своей раны и во время выздоровления познакомился с корреспондентом. Эти два человека понравились друг другу и подружились. Скоро у обоих возникла мысль бежать из плена, присоединиться к армии Гранта и сражаться в его рядах за федеральное единство.

Американцы решили рискнуть при первой благоприятной возможности.

Но хотя в самом городе они и пользовались совершенной свободой, Ричмонд так строго охранялся, что бегство казалось почти невозможным.

Между тем к Смиту явился в Ричмонд его слуга, готовый идти за своим господином и в ад, и в рай. Это был негр, родившийся в поместье, принадлежавшем инженеру, родители его были рабами, но Смит, отрицавший рабство, уже давно отпустил его на волю. Раб, получив свободу, не захотел покинуть своего господина; он был ему так предан, что не задумался бы пожертвовать для него жизнью. Это был парень тридцати лет,

здоровый, ловкий, проворный, смышленый, кроткий, иногда наивный, всегда веселый, услужливый и добрый. При крещении его нарекли Навуходоносором[4], но все звали его Набом, и он так привык к своей короткой кличке, что на нее только и откликался.

Когда Наб услышал, что господин его очутился в плену, он, недолго думая, покинул Массачусетс, добрался до Ричмонда и благодаря всевозможным происка м и хитростям, двадцать раз подвергаясь опасности лишиться жизни, пробрался наконец в осажденный город.

Невозможно описать то удовольствие, с каким Смит встретил своего верного слугу, и радость Наба при виде своего любимого господина.

Но Наб, очутившись в Ричмонде, скоро увидел, что покинуть город несравненно труднее, чем войти, потому что пленники находились под строжайшим надзором. Надо было ждать какого-нибудь необычайного стечения обстоятельств, чтобы попытаться бежать, но такой случай трудно было предвидеть.

Между тем Грант продолжал решительные

---

[4] Примечания: 4

Католические и в особенности протестантские священники в Соединенных Штатах любили давать библейские имена детям рабов, принявших христианство.

военные действия.

Взятие Питерсберга стоило ему очень дорого. Военные силы генерала, увеличенные войсками Бутлера, застряли под Ричмондом, не добившись никаких результатов, и ничто пока не предвещало скорого освобождения пленных. Американский корреспондент, которому скучная и однообразная жизнь в неволе не доставляла никаких интересных новостей, достойных быть занесенными в записную книжку, умирал от тоски и был готов на все, чтобы только выбраться из ненавистного города. Он несколько раз пытался бежать, но безуспешно.

Осада продолжалась, и, в то время как пленники измышляли различные средства побега, стремясь присоединиться к войскам генерала Гранта, некоторые из осажденных, в свою очередь, хотели выйти из города и примкнуть к действующей армии. К числу таких принадлежал и ярый сторонник южан Джонатан Форстер. Дело в том, что если пленники не могли покинуть город, то южане и подавно не имели возможности сделать это, потому что их кругом обступала армия северян. Ричмондский губернатор уже довольно долго не мог никак связаться с

главнокомандующим Ли[5], а между тем необходимо было дать знать о положении города и тем ускорить движение вспомогательной армии. В таких стесненных обстоятельствах Джонатану Форстеру пришла в голову остроумная мысль — подняться на воздушном шаре, перелететь осадную линию и таким образом пробраться к армии южан.

Губернатор разрешил сделать эту попытку. Вскоре был сооружен аэростат, предоставленный в распоряжение Форстера, которого должны были сопровождать еще пять человек. Все они запаслись оружием, на случай если придется защищаться, спустившись на землю, и провизией, на случай если воздушное путешествие продлится несколько дней.

Отлет был назначен на 18 марта. Аэронавты намеревались отправиться ночью и при умеренном северо-западном ветре рассчитывали за несколько часов добраться до лагеря генерала Ли.

Но северо-западный ветер задувал все сильнее и сильнее, и с 18-го числа уже можно было заметить, что он переходит в ураган. Наконец

---

[5] Примечания: 5

Роберт Эдвард Ли (1807–1870) — генерал армии Конфедеративных Штатов Америки, командующий Северовиргинской армией и главнокомандующий армией Конфедерации.

поднялась такая буря, что отлет Форстера был отменен; начальство решило, что невозможно рисковать воздушным шаром и людьми, которые намеревались пуститься в это воздушное путешествие.

Шар, наполненный газом и привязанный на главной площади Ричмонда, был приготовлен к отправке при первых признаках наступления тихой погоды, и весь город с большим нетерпением ожидал, когда утихнет буря.

Но ни 18, ни 19 марта буря не только не успокоилась, но, напротив, с каждым часом становилась свирепее. Воздушный шар, привязанный толстыми веревками, поминутно мог сорваться, так его мотало во все стороны.

Ночь с 19 на 20 марта прошла без малейших признаков перемены к лучшему; к утру ураган рассвирепел пуще прежнего. Об отлете нечего было и думать.

В этот самый день Смит повстречался на одной из улиц Ричмонда с человеком, которого он до этого времени ни разу не видел. Это был моряк Пенкроф, мужчина лет тридцати-сорока, здоровый, сильно загорелый, с живыми и беспрестанно мигающими глазами, но с чрезвычайно добрым выражением лица. Пенкроф

был уроженец северных штатов, избороздивший на своем веку все моря земного шара. Во время своих многочисленных путешествий он испытал немало необыкновенных приключений, какие только могли выпасть на долю существа двуногого и лишенного перьев[6]. Бесполезно прибавлять к характеристике моряка, что он был предприимчивый малый, готовый отважиться на что угодно, — человек, которого трудно было чем-либо поразить.

Пенкроф в начале 1865 года прибыл по делам из Нью-Джерси в Ричмонд вместе с мальчиком пятнадцати лет, Гербертом Брауном, сыном своего капитана, — сиротой, которого он любил как родного. Так как Пенкроф не успел покинуть Ричмонд до начала военных действий, то он, к великому своему огорчению, тоже был задержан и ныне также думал лишь о том, как бы поскорее бежать из города. Моряк немало слыхал об инженере Смите; он знал, как жаждет этот отважный человек освободиться из плена. Пенкроф смело подошел к инженеру и, не отрекомендовавшись, прямо сказал ему:

— Господин Смит, а не надоел ли вам Рич-

[6] Примечания: 6

Имеется в виду высказывание древнегреческого философа Платона, определившего человека как «двуногое существо без перьев».

монд?

Инженер пристально поглядел на незнакомца. Пенкроф, не дождавшись ответа, прибавил вполголоса:

— Не хотите ли бежать?

— Когда? Как?.. — быстро спросил инженер, и можно было с уверенностью сказать, что этот вопрос вырвался у него совершенно нечаянно, так как он еще не знал, к какой партии принадлежит неизвестный.

Но, пристально поглядев на открытое лицо моряка, он перестал сомневаться, точно ли перед ним честный человек.

— Кто вы? — спросил отрывисто инженер.

Моряк отрекомендовался.

— Ну и каким же способом вы предполагаете бежать? — спросил Смит.

— А вот на этом шаре, который без толку болтается на площади и словно поджидает нас!..

Пенкрофу не нужно было объяснять далее. Инженер с первого слова все понял. Он схватил моряка за руку и потащил к себе.

Тут Пенкроф объяснил свой, в сущности, очень простой план. Чтобы привести его в исполнение, надо было рискнуть только… жизнью. Ураган, правда, уже разошелся в полную силу, но такой

искусный и отважный инженер, как Смит, сумел бы направить воздушный шар по верному маршруту. Что касается Пенкрофа, то он, нисколько не колеблясь, отправился бы в это воздушное путешествие — разумеется, вместе с Гербертом. Моряк видал на своем веку не такие бури и умел с ними справляться.

Смит слушал Пенкрофа, не произнося ни единого слова, но глаза его блестели. Случай к бегству представился, и инженер был не из тех, кто мог бы этот случай упустить. Проект моряка был очень опасен, но все-таки исполним. Несмотря на строгий надзор, ночью можно было подойти к шару, тихонько забраться в корзину, а затем — обрезать канаты, которые удерживали воздушное судно. Конечно, риск был, и немалый, но были и шансы на успех, и если бы не эта буря… Впрочем, если бы стояла хорошая погода, то шар давно бы уже улетел и пленникам не представилось бы возможности бежать…

— Но я здесь не один!.. — сказал Смит.

— Сколько же человек вы хотели бы взять с собой? — спросил моряк.

— Двоих: моего друга Спилетта и слугу Наба.

— Значит, вас трое, — ответил Пенкроф, — а с Гербертом и со мной — пятеро. Шар должен был

поднять шестерых…

— Итак, решено. Мы отправимся, — заявил Смит.

В это «мы» заочно включался и американский корреспондент, но Спилетт, как мы уже сказали, был не из тех, кто отступает, и когда ему рассказали о плане моряка, он его беспрекословно одобрил. Он был поражен, как это ему уже давно не пришла в голову такая простая мысль — улететь на шаре южан.

Что касается Наба, то верный слуга хотя и не привык к воздушным путешествиям, но готов был всюду следовать за своим господином.

— Сегодня вечером, — сказал Пенкроф, — мы все пятеро, не выдавая наших намерений, будем шататься по площади… так, будто любопытства ради!

— Вечером, в десять часов, — уточнил Смит. — Дай только бог, чтобы буря не стихла прежде нашего отлета…

Пенкроф, простясь со Смитом и Спилеттом, вернулся к себе на квартиру, где оставался юный Герберт.

Смелый мальчик знал уже о замысле моряка и не без тревоги ждал результата его свидания с инженером.

Ураган не стихал. Ни Джонатан Форстер, ни его товарищи не могли и думать об отлете в хлипкой корзине в такую страшную погоду. День был ужасный: яростные порывы бури с каждым часом усиливались.

Инженер только одного боялся: чтобы воздушный шар, который то и дело порывами ветра бросало к земле, не был поврежден и не разорвался на тысячу мелких кусков. В продолжение нескольких часов он бродил взад и вперед по совершенно пустой площади, наблюдая за каждым движением шара. Пенкроф, заложив руки в карманы и мучительно зевая, как человек, совершенно не знающий, каким образом развеять скуку, тоже посматривал на шар, опасаясь, что оболочка шара не выдержит или что его вот-вот сорвет порывом разбушевавшейся стихии и он взовьется под облака.

Наступил вечер. Сгустились глубокие сумерки. Густой туман стелился по земле. Падающий снег сменялся стеной дождя. Погода стояла очень холодная. Над Ричмондом как будто повисла давящая мгла. Жестокая буря, казалось, породила вынужденное перемирие между осаждавшими и осажденными: пушечный гром замолк при страшных раскатах урагана.

Городские улицы совсем опустели. В такую ужасную погоду не было никакой нужды сторожить воздушный шар и охранять площадь, посреди которой он бился и рвался во все стороны. Очевидно, все благоприятствовало бегству пленников; но страшно было при одной мысли о воздушном путешествии сквозь бушующий ураган…

— Тьфу ты пропасть, как задувает! — сказал Пенкроф, прижимая шляпу, когда сильный порыв ветра хотел сорвать ее с головы. — Ну да что ж! Будет и урагану когда-нибудь конец!

В половине десятого Смит и его товарищи с разных концов пробрались на площадь, где газовые фонари погасли от сильного ветра, и пятеро заговорщиков очутились в совершенной темноте. Трудно было разглядеть даже громаду воздушного шара, совсем прибитого ветром к земле. Концы канатов, тянувшихся от сетки, были закреплены у мешков с балластом, и, кроме того, корзина оказалась привязанной толстым канатом, который был продет в кольцо, забитое в булыжник мостовой.

Беглецы сошлись у корзины. Их никто не видел, но темнота была такая, что и они с трудом могли разглядеть друг друга.

Смит, Спилетт, Наб и Герберт, не говоря ни слова, разместились в маленькой корзине, а Пенкроф по приказанию инженера поспешно отвязывал мешки с балластом.

В несколько минут он кончил работу и тоже забрался в гондолу.

Воздушный шар держался теперь на одном канате, и все ждали последнего приказания Смита.

В эту самую минуту какой-то пес одним сильным прыжком вскочил в корзину. То был Топ, пес инженера, который, сорвавшись с цепи, кинулся за хозяином.

Смит, боясь, что шар может не поднять шестерых, хотел вытолкнуть пса на землю.

— Эге! Одним пассажиром больше! Ну, не беда! — сказал моряк, выкидывая из корзины два мешка с песком.

Затем Пенкроф отвязал последний канат, и шар, который вначале повело вбок, со страшной силой рванулся, задев, разрушил две печные трубы и скоро пропал из виду.

Ураган бушевал со всей силой. Смит не мог и думать о том, чтобы спуститься ночью. С наступлением дня за густыми облаками нельзя было разглядеть ни малейших признаков земли. Только через пять дней после отправления, когда

ураган начал понемногу стихать, беглецы увидели под ногами безграничное море.

Читатель уже знает, как из пяти человек, отправлявшихся в ночь на 20 марта, четверо были выброшены 24 марта на какой-то пустынный берег, в шести тысячах миль от Ричмонда[7]. И тот, кого не было, тот, кого четверо спасенных должны были прежде всего найти, был Сайрес Смит.

[7] Примечания: 7

5 апреля 1865 г. генерал Грант взял Ричмонд. Армия южан была побеждена. Генерал Ли отступил к западу, и американское единство восторжествовало. (*Примеч. автора.*)

III. Исчезновение Смита

Смит, под которым оборвались петли сетки, охватывавшей воздушный шар, был смыт волной. Его собаки тоже не было. Верное животное добровольно кинулось в воду на помощь своему хозяину.

— Вперед! — крикнул Гедеон Спилетт.

И все четверо, несмотря на усталость, начали поиски.

Бедняга Наб при мысли потерять того, кто был ему дороже всех на свете, плакал от бешенства и отчаяния.

Между тем моментом, когда Смит исчез, и тем, когда его товарищи были выкинуты на твердую землю, не прошло больше двух минут. Таким образом, они еще могли надеяться вовремя прийти ему на помощь.

— Искать! Искать! — кричал Наб.

— Да, Наб, — отвечал Гедеон Спилетт, — и мы найдем его!

— Живого?

— Живого!

— Он умеет плавать? — спросил Пенкроф.

— Да! — ответил Наб.

— Кроме того, с ним Топ!..

Моряк, прислушиваясь к реву морских волн, только покачивал головой.

Инженер пропал к северу от берега, на расстоянии около полумили от того места, куда выкинуло его товарищей. Если бы он мог добраться до ближайшего берегового пункта, ему бы нужно было проплыть самое большее полмили.

Было уже около шести вечера. Поднялся густой туман; наступившая ночь была очень темна. Потерпевшие крушение шли вперед, направляясь по северному берегу совершенно неизвестной земли, о географическом положении которой они могли лишь гадать.

Они с трудом передвигали ноги по песчаной, усеянной камнями почве, лишенной, казалось, всякой растительности. Почва — неровная, сильно изрытая — местами была усеяна небольшими ямами, которые очень утомляли путешественников. Из каждой ямы то и дело вылетали большие птицы и, устремляясь в разные стороны, пропадали в темноте. Другие, более проворные на лету, поднимались целыми стаями и проносились, словно тучи.

Моряк по крикам птиц догадался, что это были чайки и поморники. Пронзительные крики птиц

перекрывал ужасный рев бушующего моря.

Время от времени несчастные останавливались, громко кричали и прислушивались, не ответит ли кто.

Они рассчитывали, что, подойдя ближе к тому месту, где пропал инженер, смогут услыхать лай Топа, даже если сам Смит будет не в состоянии подать голос.

Но ничего не было слышно, кроме шума морских валов и неустанного клокотания прибоя.

Маленький отряд снова двинулся дальше, исследуя извилины побережья.

Пройдя таким образом минут двадцать, путешественники вынуждены были остановиться, увидав перед собой белые гребни пенившихся волн. Дальше земли не было. Они очутились на оконечности острого мыса, через который валы перекатывались с ужасным ревом.

— Это мыс, — сказал моряк. — Надо вернуться назад, но держась правой стороны, — тогда мы придем на настоящую землю.

— А если он там! — возразил Наб, показывая на пенившиеся в темноте волны.

— Ну, покричим еще, может, он услышит!

И все в один голос стали громко кричать.

Никто не отвечал.

Они подождали временного затишья и снова начали звать.

Снова никакого ответа.

Тогда они направились обратно, в противоположную от мыса сторону, по совершенно такой же песчаной и каменистой почве.

Пенкроф заметил, что берег чем дальше, тем становится круче, что почва поднимается, и ему казалось, что утес, на котором они теперь находились, должен был соединяться длинной полосой земли с высоким побережьем, неясно видневшимся в темноте.

Птицы реже попадались на этой части берега. Море уже не так волновалось, не так шумело, и даже можно было видеть, что движение валов в этой части океана заметно уменьшалось. Тут почти не слышно было прибоя морских волн.

Моряк по всем этим признакам заключил, что берег, начиная от мыса, образует род небольшой полукруглой бухты, которая была защищена выдававшимся мысом со стороны открытого моря.

Но, следуя в этом направлении, путешественники двигались к югу, то есть в противоположную сторону от той части берега, куда мог бы добраться Смит. Они прошли уже полторы мили, а на побережье все еще не было видно никакого

поворота, который направил бы их на север. Путешественники, несмотря на всю усталость и изнеможение, шли по изрытой почве с таким же мужеством, каждую минуту надеясь, что вот-вот они наткнутся на этот желанный крутой поворот к северу.

Каково же было их отчаяние, когда, пройдя около двух миль, они снова были задержаны морем, очутившись на каком-то высоком мысе, образуемом крутыми скользкими скалами.

— Мы, господа, на островке! — сказал Пенкроф. — И прошагали его с одного конца в другой!

Замечание моряка было справедливо. Они были выброшены не на материк и даже не на остров, а на небольшой островок, который в длину имел не больше двух миль и ширина которого тоже, по-видимому, была не очень велика.

Принадлежал ли этот пустынный, усеянный камнями, без всяких признаков растительности островок к какому-нибудь большому архипелагу или только предоставлял убежище стаям морских птиц?

Трудно было решить.

Путешественники, стоя на сравнительно небольшом возвышении и глядя на все окружающее сквозь облака густого тумана, не могли сказать почти ничего определенного насчет положения острова. Когда наши путники увидели его сквозь туман из гондолы воздушного шара, они не могли хорошенько его рассмотреть и определить, велик ли он. Однако Пенкрофу, привыкшему на море рассматривать предметы в самые темные ночи, казалось, что на западе возвышается какая-то темная, неясная масса,

которую он принимал за высокий берег материка или большого острова.

Но теперь, в ночной тьме, невозможно было понять, что это за остров. Покинуть островок тоже было нельзя, так как его со всех сторон окружало море.

Поиски инженера поневоле пришлось отложить до наступления утра.

— Молчание Смита еще ничего не доказывает, — говорил Спилетт. — Быть может, его выкинуло волной, он ушибся, впал в беспамятство и не в состоянии отвечать на все наши крики… Но мы не должны отчаиваться.

У Спилетта мелькнула мысль развести где-нибудь костер, который послужил бы инженеру сигналом. Но напрасно они все четверо искали дрова. На островке, кроме камней и песка, решительно ничего нельзя было найти.

Невозможно себе представить огорчение Наба и его товарищей.

Оставалось ждать рассвета. Инженер или спасся и уже находился где-нибудь на острове, или же безвозвратно погиб в страшной пучине морских вод.

Долгими и мучительными показались им ночные часы. Погода стояла холодная. Потерпевшие

воздушное крушение сильно продрогли в своих одеждах, насквозь промокших от морской воды.

Но никто из них не замечал этого холода. Никому целую ночь даже не приходило в голову присесть и отдохнуть. Побеждая усталость и не желая расстаться с надеждой отыскать любимого товарища, они ходили взад и вперед по пустынному островку, возвращаясь постоянно к той части северного побережья, которую они считали ближайшим местом последней катастрофы. Они с замиранием сердца прислушивались, кричали, снова прислушивались.

В атмосфере царила мертвая тишина; шумевшее море начинало понемногу успокаиваться, и голоса их должны были разноситься на далекое расстояние.

Один раз им показалось, что на крик Наба откликнулись.

Герберт сказал Пенкрофу:

— Это эхо доказывает, что к западу недалеко от нас есть какая-то земля!

Моряк утвердительно кивнул. Глаза не могли обмануть его. Если он, Пенкроф, хорошо или худо мог увидеть землю или сколько-нибудь догадываться о ее существовании, это значило, что земля действительно была близко.

Отдаленное эхо было единственным ответом на все крики Наба; глубокая тишина господствовала на маленьком островке.

Между тем небо мало-помалу прояснялось. Около полуночи засверкали некоторые звезды, и если бы Смит находился в эту минуту возле своих товарищей, он сейчас бы увидел, что звезды эти не принадлежали к созвездиям Северного полушария.

Полярная звезда не показывалась на этом новом горизонте; созвездия, сверкавшие в зените, были совсем не те, какие можно всегда наблюдать в северной части Нового Света; ярко сверкавшее на горизонте созвездие Южного Креста указывало, что путники находятся в Южном полушарии.

Ночь прошла. Около пяти утра, 25 марта, небо в вышине стало слегка светлеть. На горизонте было еще темно. С первыми лучами солнца с моря надвинулся такой непроницаемый туман, что нельзя было решительно ничего разглядеть в двадцати шагах. Туманные облака сбивались в огромные массы, которые тяжело ползли над водой.

Это было совсем некстати.

Наконец дождались дня, но все-таки ничего не могли разглядеть вокруг.

Пенкроф и Герберт не сводили глаз с западной части горизонта, между тем как Наб и Спилетт с замирающим сердцем вглядывались в даль.

— Ничего не значит, что я не вижу берега, — сказал Пенкроф. — Я его чую… я чую, что он там… там… Это так же верно, как то, что мы теперь не в Ричмонде!

Туман скоро должен был подняться. Это предвещало хорошую погоду. Солнце уже согревало верхние слои атмосферы, и его животворные лучи рассеивались по поверхности маленького островка.

Действительно, около половины седьмого, спустя три четверти часа после восхода солнца, туман начал становиться прозрачнее. Он поднимался с поверхности воды и скапливался вверху. Скоро весь островок словно вышел из облака; затем блеснуло и море, без конца простиравшееся на востоке, но на западе ограниченное довольно высоким и крутым берегом.

Да, там берег какой-то земли.

Между островком и берегом с шумом проносилось быстрое течение. Было трудно, если не невозможно, переплыть этот пролив.

Но один из потерпевших крушение, недолго думая, кинулся в воду и поплыл, не посовето-

вавшись с товарищами и даже не сказав им ни единого слова.

Это был Наб. Он торопился переплыть на высокий берег, чтобы оттуда направиться на север. Никто не мог его удержать. Напрасно Пенкроф уговаривал негра вернуться.

Спилетт хотел последовать примеру Наба.

— Вы хотите переплыть этот пролив? — спросил моряк, подойдя к нему.

— Да, — ответил Гедеон Спилетт.

— Ну так послушайте меня, подождите, — сказал Пенкроф. — Наб и один может помочь своему господину. Надо быть большим силачом, чтобы перебраться тут вплавь, и вы рискуете, что вас унесет в открытое море, потому что течение очень быстрое и сильное. Коли я не ошибаюсь, это отливное течение. Вы видите на песке, что уровень воды понижается? Подождем немного, при малой воде мы, может, сумеем перейти вброд…

— Ваша правда, — ответил Спилетт. — Мне кажется, нам лучше не разлучаться.

Наб между тем отважно боролся с сильным течением. Он плыл наискосок. Плечи негра при каждом взмахе могучих рук выходили из воды. Полмили, отделявшие островок от земли, он переплыл за час, только течением его снесло на

несколько сотен футов ниже того места, куда он рассчитывал попасть.

Наб вышел на берег у высокой гранитной скалы, быстро отряхнулся, затем пустился бежать во всю прыть и скоро пропал за вершиной одного утеса, который находился почти на одной высоте с северной оконечностью островка.

Товарищи Наба с тревогой смотрели на смелую попытку негра, и, когда он скрылся из виду, они обратили взоры на землю, где предстояло теперь искать приюта.

Они подобрали какие-то ракушки, валявшиеся на песке. Это было не бог весть что, но другой еды им пока не удалось найти.

Берег, возвышавшийся у них перед глазами, образовывал обширный залив, заканчивавшийся весьма острым, глубоко вдававшимся в море мысом. Не было ни малейших признаков растительности. Мыс прихотливым изгибом примыкал к высоким гранитным скалам. В северной части, напротив, залив был гораздо шире и образовал более пологий берег, тянувшийся с юго-запада на северо-восток и кончавшийся узким и длинным мысом. Между этими двумя крайними точками, в которые упиралась дуга упомянутой губы, расстояние было по крайней мере восемь миль.

В полумиле от берега островок тянулся в море узкой полосой и казался каким-то громадным китообразным животным, лежавшим на мели. В самом широком месте он достигал четверти мили.

Та сторона побережья, которая находилась прямо против островка, представляла на первом плане плоский песчаный берег, усеянный темными скалами, которые в настоящую минуту мало-помалу вновь проступали в спадающей воде морского отлива. Далее возвышалось что-то похожее на отвесную гранитную крепостную стену, увенчанную каменным карнизом высотой по крайней мере в триста футов над морем. Эта стена тянулась вбок на протяжении трех миль, а затем круто заворачивала направо гранитной стелой, словно высеченной человеческими руками. По левую же сторону, выше мыса, прихотливо изрезанный береговой утес, выдвигаясь призматическими осколками обвалившихся скал, переходил в более пологий спуск и мало-помалу сливался с утесами южной оконечности.

На верхней площадке берега не было видно ни единого деревца; она напоминала Столовую гору мыса Доброй Надежды, только в значительно меньших размерах. По крайней мере,

так казалось с маленького островка. Направо, за поворотом гранитной стены, виднелась какая-то растительность. Вдали легко было заметить развесистые зеленые кроны больших деревьев, древесная чаща тянулась вглубь берега и наконец вовсе пропадала из виду. Приятно было глядеть на эту зелень между нагромождением скал и песка: она несколько оживляла суровые очертания гранитных утесов.

Наконец, на дальнем плане, по направлению к северо-западу, на расстоянии около восьми миль, виднелась какая-то сверкающая белая вершина, сильно отражавшая солнечные лучи. Это была, вероятно, вершина какой-нибудь отдаленной горы, увенчанная вечными снегами.

Трудно было решить, является ли эта земля только островом, или она принадлежит какому-нибудь материку, но по одному виду этих беспорядочно нагроможденных скал всякий не колеблясь ответил бы, что она имеет вулканическое происхождение.

Спилетт, Пенкроф и Герберт, оставшись втроем на островке, внимательно осматривали землю, на которой, быть может, им придется жить много лет, а может, и умереть, если только эта земля не лежит близко от морских путей.

— Ну, — сказал Герберт, обращаясь к моряку, — что ты скажешь?

— Наперед трудно решить что-нибудь, — ответил Пенкроф. — Может, там хорошо, а может, и худо, как и везде. Посмотрим. Но вот отлив уже начался. Через три часа мы поищем проход, а уж там как-нибудь выпутаемся из беды. Главное — найти мистера Смита!

Пенкроф не ошибся. Через три часа, когда вода окончательно спала, бóльшая часть песчаного слоя, образовавшего ложе пролива, совершенно обнажилась. Между островком и берегом остался только узкий проливчик, через который очень легко было перебраться на ту сторону.

Около десяти утра Спилетт и двое его товарищей сняли с себя одежду, связали всё в небольшие узлы и, положив их на головы, пошли вброд через пролив, имевший около пяти футов глубины. Герберт, для которого и это было очень глубоко, поплыл, как рыба, и раньше других очутился на берегу.

Таким образом, все трое без особых затруднений добрались до противоположного берега. Там солнце быстро их обсушило; они оделись в сухое платье, так как на него не попало ни единой капли воды во время переправы, и стали совето-

ваться, с чего начать поиски.

IV. Устройство жилища

Прежде всего Спилетт попросил моряка подождать на этом месте, а сам, не теряя ни минуты, поднялся по берегу в ту сторону, куда несколькими часами раньше направился Наб, и скоро исчез за береговым утесом.

Герберт хотел последовать за Спилеттом.

— Останься, Герберт, — сказал ему Пенкроф. — Мы тем временем разобьем лагерь и поищем, нет ли здесь чего-нибудь съедобного, питательнее этих раковин. Когда наши друзья воротятся, им надо будет хорошенько подкрепить силы. Давай примемся сейчас за дело. В лесу найдутся дрова, в гнездах — птичьи яйца; стало быть, нам остается подумать об устройстве какого-нибудь жилья.

— Пойду посмотрю, нет ли в этих скалах какой-нибудь пещеры, — ответил Герберт. — Может, найду какую-нибудь расщелину, чтобы мы могли там приютиться на первых порах.

— Дело говоришь! — одобрил Пенкроф. — Ну, в путь, дружище!

Они начали пробираться у подножия громадной стены утеса, по плоскому песчаному берегу, который становился все шире и шире по мере

того, как отступала вода.

Но вместо того, чтобы подняться на север, они начали спускаться к югу.

Пенкроф заметил, что в нескольких сотнях футов ниже того места, где они вышли на берег, перебравшись через пролив, в утесе есть узкая расселина, которая, по его мнению, служила выходом для какой-нибудь речки или источника. Необходимо было обосноваться где-нибудь рядом с пресной водой, к тому же моряк сообразил, что Смита течением могло принести к этому берегу.

Высокая стена утеса, как было сказано, выступала на триста футов над остальным берегом, но то была гладкая сплошная громада, и хотя у основания море ее кое-где и поразмыло, нельзя было заметить ни малейшей щели или трещины, которая могла бы послужить временным пристанищем. Это была отвесная стена, состоявшая из твердого гранита, остававшегося несокрушимым под ударами морских валов. Над ней летали различные морские птицы, преимущественно разные породы перепончатолапых, с длинным, сплюснутым и заостренным клювом; они кружили с пронзительным гоготом и, видимо, нисколько не опасались людского присутствия, которое, вероятно, в первый раз нарушило их

спокойствие в этой пустыне. Среди птиц Пенкроф заметил нескольких поморников, которых иногда называют морскими разбойниками, а также узнал небольших прожорливых чаек, которые гнездятся во впадинах гранита. Одним ружейным выстрелом в эти стаи можно было бы добыть порядочный запас дичи. Но чтобы выстрелить, надо иметь, во-первых, ружье, во-вторых, порох и дробь, а у Пенкрофа и Герберта ничего этого в настоящую минуту не было.

Впрочем, эти чайки и поморники малосъедобны: даже их яйца имеют отвратительный вкус.

Герберт, пройдя немного влево, скоро увидел обвитые водорослями скалы, которые за несколько часов перед этим еще были закрыты водой морского прилива. В скальных расщелинах, в мягких и скользких водорослях, лепились двустворчатые раковины, которыми не могли пренебречь голодные люди.

Герберт позвал Пенкрофа и объявил о своем открытии.

— А! Вот и устрицы! — воскликнул моряк. — Они на первых порах заменят мясо.

— Это вовсе не простые устрицы, — возразил молодой Герберт, внимательно разглядывавший раковины, приставшие к утесу, — это литодомы.

— А их едят? — спросил Пенкроф.

— Разумеется, едят.

— Ну, попробуем, что это за литодомы!

Моряк мог в этом случае положиться на Герберта, потому что юноша был весьма силен в естествознании. Он всегда чувствовал большую склонность к изучению этой науки. Отец Герберта старался развить эту склонность и отправил мальчика в Бостон к лучшим профессорам, к знаменитому швейцарскому натуралисту Агассису, который сильно полюбил прилежного ученика.

Впоследствии Герберту не раз пригодились эти познания.

Литодомы представляют собой удлиненные раковины, которые целыми гроздьями прирастают к гранитным утесам. Они принадлежат к роду моллюсков-бурильщиков, которые просверливают для себя отверстия в самых твердых камнях; их раковины закруглены с двух сторон, чего нельзя заметить в обыкновенных раковинах.

Пенкроф и Герберт истребили порядочное количество литодомов, которые на солнце приоткрывали свои створки. Они ели их, как устриц, и нисколько не жаловались на недостаток перца или какой-нибудь другой приправы в этом роде, потому что литодомы имеют весьма острый вкус,

словно кто-нибудь их уже наперчил.

Они скоро утолили голод, но вызвали жажду, начавшую сильно их мучить. Теперь требовалось поскорее найти где-нибудь ручей пресной воды, на что нельзя было наверное рассчитывать в этой причудливо изрытой почве. Пенкроф и Герберт, наевшись вволю, набрали полные карманы и носовые платки литодомов и с этим запасом вернулись назад по высокому берегу.

Пройдя шагов двести, они подошли к тому ущелью, где, по мнению Пенкрофа, должна была протекать, вровень с берегом, маленькая речка.

В этом месте береговой утес, казалось, был расколот действием подземных сил. У основания утеса находилась небольшая выемка, которая, вдаваясь глубоко в гранит, оканчивалась довольно острым углом. Речка имела в ширину около ста футов. Она почти прямо углублялась между двух гранитных скал, которые, казалось, понижались у верховья устья, затем круто заворачивала и в полумиле совершенно пропадала в густой чаще.

— Здесь вода, а там лес, — сказал Пенкроф. — Ну, Герберт, теперь не хватает только жилья!

В речке вода была чиста и прозрачна. Моряк тотчас сообразил, что во время отлива, при низком уровне моря, когда волны не заливают этой

выемки, вода в устье должна быть пресная. Так оно и было. Успокоившись насчет воды, Герберт снова начал искать какое-нибудь временное убежище, но безуспешно. Стена везде была гладкая, сплошной гранит.

Но около устья речки, выше наносов приливного течения, гранитные обвалы образовали не то чтобы пещеру или грот, а ряд коридоров между громадами высоких скал; такие коридоры очень часто встречаются в гранитных скалах и носят название «дымовых труб».

Пенкроф и Герберт далеко прошли по этим коридорам.

В них было довольно светло, потому что солнечные лучи проникали в глубину длинных ходов через отдушины, образовавшиеся между скалами, которые каким-то чудом держались в равновесии.

Но вместе с лучами света врывался и ветер, а с ветром — пронизывающий холод!

Однако моряк надеялся, что, завалив часть подземных ходов, засыпав некоторые отдушины песком и камнями, в «Трубах» можно довольно уютно устроиться.

План этих «Труб» напоминал типографский значок &, который сокращенно обозначает

латинские слова «et cetera» — «и прочее»[8]. Действительно, отгородив верхнюю петлю знака, через которую врывался ветер с юга и запада, можно было бы воспользоваться нижним ее коленом.

— Вот где предстоит работа! — сказал Пенкроф. — Если Смит еще жив и вернется к нам, он сумеет устроиться в этом лабиринте.

— Да, он жив! — воскликнул Герберт. — И к тому времени, когда он вернется, надо устроить хоть сколько-нибудь сносное жилище. В левом коридоре мы сложим печь и оставим одну отдушину для дыма.

— Мы это можем устроить, дружище, — ответил Пенкроф, — и эти «Трубы» нам пригодятся. Но прежде всего пойдем поищем горючий материал. Мне кажется, что древесина тоже пригодится, чтобы заложить отдушины, через которые черт свистит в дудку!

Герберт и Пенкроф двинулись вверх вдоль левого берега реки.

Течение было довольно быстрое, и по реке плыло несколько гнилых деревьев. С подъемом воды — а в эту минуту она уже значительно прибыла

---

[8] Примечания: 8
В современной практике & заменяет союз «и».

— сплавленные деревья могло отнести на значительное расстояние. Моряк взял на заметку, что этими постоянными приливами и отливами впоследствии можно будет пользоваться для перетаскивания тяжелых предметов.

Через четверть часа Пенкроф и Герберт подошли к крутому повороту, который делала река, углубляясь влево. Начиная с этого места она протекала по великолепному густому лесу. Несмотря на осеннюю пору, деревья стояли все еще совершенно зеленые, потому что они принадлежали к семейству хвойных, которые распространены во всех странах земного шара, начиная с северных и до тропических.

Молодой натуралист сейчас же заметил множество деодаров, кедров, произрастающих в гималайской зоне, от них по всему лесу распространялся приятный смолистый аромат. Промеж высоких, красивых деревьев стояли небольшие ветвистые сосны, широко раскидывавшие свою крону. Пенкроф, ступая по высокой траве, слышал, как у него под ногами сухие ветки ломались и трещали, словно какой-нибудь фейерверк.

— Ну, дружище, — сказал он, обращаясь к Герберту, — хотя мне и неизвестны названия этих огромных деревьев, я, по крайней мере, могу

отнести их к разряду горючих, а это для нас в настоящую минуту самое важное!

— Да, разумеется, уж и этого одного более чем достаточно! Здесь мы наберем порядочный запас! — сказал Герберт и тотчас же принялся за работу.

Работа пошла очень быстро. На земле всюду валялся хворост, так что не было никакой необходимости лазить и обламывать ветки.

Но, несмотря на такое богатство горючего материала, у Пенкрофа и Герберта не было решительно никакого средства, чтобы доставить его к месту назначения.

Чрезвычайно сухая древесина должна была отлично гореть, так что следовало перетащить как можно больший запас дров к «Трубам», однако для этого усилий двух человек было совсем недостаточно.

Герберт поделился с моряком своими опасениями.

— Э! Дружище, — ответил Пенкроф, — непременно есть какое-нибудь средство доставить этот лес! Всегда на всякое дело можно найти средство! Если бы у нас была двухколесная тележка или какое-нибудь небольшое судно, тогда нечего было бы придумывать и не было бы работы голове!

— А река? — сказал Герберт.

— Хорошо придумано! — ответил Пенкроф. — Река лучше всяких тележек, ее и везти не надо — сама идет!

— Но так как вода еще прибывает, — заметил Герберт, — то тележка наша потащит дрова совсем не в ту сторону, куда мы хотим их сплавлять…

— В таком случае нам придется подождать отлива, и тогда мы легко доставим их к «Трубам». А прежде мы заготовим побольше древесины.

Моряк в сопровождении Герберта направился к опушке леса, подступавшего к излучине реки. Каждый, сообразно своим силам, перетаскивал небольшие деревья в одно место и связывал между собой. На берегу реки в густой траве, где, видимо, никогда еще не ступала нога человека, тоже имелось немало хвороста.

Пенкроф тотчас же начал придумывать способ для укладки и сплава будущих дров.

Отыскав на берегу небольшое углубление в скале, размытой течением, моряк при помощи Герберта разместил там несколько довольно толстых бревен, которые были прочно связаны сухими лианами. Таким образом, они соорудили нечто вроде деревянного плота, куда они поне-

многу перетащили все собранные дрова; скоро образовалась такая груда, словно тут работало по крайней мере двадцать человек.

В один час все было уже готово, и надо было только ожидать, когда вода пойдет обратно.

Чтобы не стоять сложа руки в ожидании отлива, Пенкроф и Герберт решились подняться на верхнюю площадку скалы и с этой высоты хорошенько осмотреться.

К счастью, в двухстах шагах за поворотом реки сплошная стена понижалась к лесной опушке и в этом месте представляла нечто вроде лестницы, которой можно было воспользоваться.

Моряк и Герберт начали подниматься наверх, и так как оба они были мускулистые и крепкие, то за несколько минут добрались до верхней площадки, возвышавшейся над устьем реки.

Путники бросили взгляд на неизмеримый океан. Они с волнением осматривали всю северную часть берега, где произошла ужасная катастрофа. В этом именно месте исчез Смит. Они пристально вглядывались, не плывет ли где обрывок оболочки воздушного шара, за который мог бы уцепиться несчастный товарищ.

Но нигде ничего!

На берегу тоже не было видно ни Спилетта, ни

Наба. Вероятно, они ушли так далеко, что отсюда их нельзя было заметить.

— Мне как-то не верится, — воскликнул Герберт, — чтобы такой отважный человек, как господин Смит, мог утонуть! Он непременно добрался до берега.

Моряк с грустью покачал головой.

Он уже не рассчитывал снова увидеть Смита, но, не желая огорчать Герберта, сказал:

— Конечно, конечно. Наш инженер из тех, которые умеют выпутаться из беды там, где всякий другой наверняка погибнет!..

Они осматривались с большим вниманием. Перед ними тянулась песчаная полоса, ограниченная справа от устья реки грядой подводных скал. Эти темные, едва показавшиеся из воды каменные глыбы напоминали гигантских морских животных, разлегшихся среди пенных бурунов; за линией рифов сверкала на солнце морская гладь. С юга панораму замыкал остроконечный высокий мыс, и нельзя было определить, продолжается ли за ним суша, или же она вытянута с юго-востока на юго-запад, образуя некий длинный полуостров. С северной стороны берег, просматривавшийся далеко, плавно изгибался, образуя полукруглую бухту. Ее края были низки-

ми, пологими, без гранитных скал, с широкими песчаными наносами, обнажавшимися при отливе.

На западе взору их прежде всего предстала гора со снежной вершиной, которая возвышалась в шести или семи милях. С первых ее откосов, на протяжении двух миль от берега, виднелись обширные, поросшие лесом пространства, словно испещренные темно-зелеными пятнами — это были купы вечнозеленых деревьев. Далее, между лесом и плоской возвышенностью, зеленел обширный луг, прихотливо усеянный множеством деревьев. Слева, между густыми зарослями, кое-где сверкала река, и казалось, что ее извилистое русло ведет к южной части горы, где поток, вероятно, брал свое начало. В том месте, где моряк соорудил плот, речка протекала между двумя высокими гранитными стенами; по левому берегу стена шла сплошная и обрывистая; справа, напротив, она мало-помалу понижалась: каменный вал постепенно переходил в отдельные скалы, а скалы — в нагромождения булыжника почти до самой вершины.

— Что это, остров? — проговорил моряк.

— Если остров, то очень большой! — ответил мальчик.

— Остров, каков бы он ни был, все-таки остров! — заметил Пенкроф.

Но этот важный вопрос еще нельзя было решить окончательно. Что касается самой земли, то было ясно, является ли она островом или частью какого-нибудь материка, все-таки она весьма живописна и плодородна.

— Мы и за то должны благодарить судьбу, что она занесла нас на плодоносную землю! — сказал Пенкроф.

— Да, слава богу, что так случилось! — ответил мальчик.

Долго еще Пенкроф и Герберт разглядывали ту неведомую землю, куда их забросила судьба, но, даже составив первое впечатление, ни тот ни другой все же не могли вообразить, что ждет их тут.

Затем они повернули назад, следуя по южному краю гранитного плато, обрамленного длинными фестонами причудливых утесов, которые принимали иногда самые странные формы. Тут было множество птиц, гнездившихся в скалах и ущельях.

Герберт, скакавший с одного камня на другой, спугнул большую стаю пернатых.

— А! — воскликнул он. — Это не поморники и не чайки!

— Как же называются эти птицы? — спросил Пенкроф. — Похожи как будто на голубей.

— Да, это дикие голуби, их еще называют скалистыми, — ответил Герберт. — Я их сразу распознал по черной кайме на крыльях, по белому хвосту и голубовато-пепельному цвету перьев. Но дело в том, что этих скалистых голубей можно есть, — я, по крайней мере, знаю, что яйца их превосходного вкуса… Лишь бы только нашлись они в гнездах!

— Если найдутся, то мы не станем ждать, пока вылупятся голубята, а сейчас же состряпаем из них яичницу! — весело сказал моряк.

— В чем же ты рассчитываешь жарить свою яичницу? — спросил Герберт. — В собственной шляпе?

— Ну уж нет! Я таких фокусов еще не выучился показывать, — ответил Пенкроф. — В таком случае, дружище, мы, так и быть, сварим яйца всмятку, и я берусь управиться с самыми крутыми!

Пенкроф и Герберт стали очень внимательно осматривать все трещины и неровности гранитного утеса и действительно нашли в углублениях множество яиц. Они набрали несколько дюжин, уложили в шейный платок моряка и затем на-

чали спускаться со стены, так как надо было вовремя поспеть к плоту с дровами.

Когда они пришли к излучине реки, было около часа дня. Течение уже перешло в обратное. Надо было пользоваться отливом, чтобы сплавить заготовленную древесину.

Пенкроф не решался пустить плот по течению и не хотел сам на нем плыть, а потому необходимо было как-нибудь иначе управлять им и удерживать его в струе течения. Разумеется, моряк недолго раздумывал, когда дело коснулось канатов и снастей. Он быстро сплел из сухих лиан длинную веревку в несколько сажен. Этот канат он привязал к плоту, и, в то время как Герберт гнал плот вперед, моряк, держа в руке конец каната, направлял его по течению.

Выдумка оказалась вполне удачной. Огромный ворох хвороста и сухих деревьев, придерживаемый моряком, быстро подвигался вперед. Следуя по высокому и крутому берегу, нечего было опасаться, что плот сядет на мель. Пенкроф и Герберт часа за два пригнали плот к устью реки, поставив его в нескольких шагах от «Труб».

V. Потеря огня

Как только плот разгрузили, первым делом Пенкрофа было приспособить «Трубы» для сколько-нибудь уютного жилья. Для этого следовало заделать ряд коридоров, через которые врывался снаружи холодный ветер. Песок, камни, переплетенные ветки, смоченная глина были использованы для герметического заделывания проходов трубы, открытой южному ветру. Они изолировали верхнюю петлю знака &. Сбоку был оставлен только один узкий и извилистый проход для выхода дыма и усиления тяги воздуха в устроенном очаге. Таким образом, жилище в скалах было разделено на три или на четыре комнаты, если только можно назвать комнатами мрачные берлоги, в которых не стал бы селиться никакой дикий зверь. Но зато здесь было сухо и можно было встать во весь рост, по крайней мере в главной комнате, занимавшей середину «Труб». Земля в комнатах была засыпана мелким песком, и вообще, в ожидании лучшего в них можно было устроиться довольно уютно.

Пенкроф и Герберт, усердно работая, ни на минуту не переставали разговаривать.

— Наши товарищи, — говорил Герберт, — может, найдут лучшее помещение, чем наше?

— Да, может быть, — ответил моряк. — Но уж лучше синица в руке, чем журавль в небе, говорит пословица.

— Ах! — повторял Герберт. — Если бы они привели Смита! Если бы они нашли его! Как бы мы были счастливы!

— Да! — проговорил Пенкроф. — Это был истинно честный и хороший человек!

— Был?.. — произнес Герберт. — Разве ты не рассчитываешь его увидеть?

— Боже сохрани! Рассчитываю!.. — ответил моряк.

Между тем работа быстро подвигалась к концу, и Пенкроф был очень доволен.

— Ну, — говорил он, — теперь наши друзья могут вернуться. Их ждет уютное помещение.

Оставалось еще устроить печь и приготовить обед.

Дело, в сущности, простое и легкое. В глубине первого левого коридора «Труб», у самого отверстия уже устроенного небольшого очага, были выложены широкие плоские камни, выбранные из обвалов скалистого берега. Это делалось для того, чтобы дым не уносил тепло наружу и в

самих «Трубах» можно было постоянно поддерживать нужную температуру. В одной из комнат был свален порядочный запас всякого хвороста и дров, и моряк уже уложил на камнях очага несколько небольших поленьев вперемежку с мелкими сухими ветками.

В то время как Пенкроф занимался укладкой топлива, Герберт спросил, есть ли у него спички.

— Разумеется, есть, — ответил Пенкроф, — и прибавлю: к счастью, есть, потому что без спичек и без трута мы пропадем.

— Отчего? Разве нельзя добыть огонь по способу дикарей, — сказал Герберт, — посредством трения одного куска сухого дерева о другой?

— Ну, на это плохая надежда! Попробуй-ка сам, только сотрешь себе ладони и увидишь, что это вовсе не так легко.

— Однако этот способ весьма прост и часто используется на островах Тихого океана.

— Я не спорю, — ответил Пенкроф, — но дикари, надо полагать, умеют за это взяться или же выбирают какое-нибудь особенное дерево, потому что я не раз пытался добыть огонь таким способом и у меня ровно ничего не получалось. А потому я, признаюсь, предпочитаю спички. Да где же они?

Пенкроф стал искать в жилете спичечницу, ко-

торую постоянно носил при себе как отчаянный курильщик, но ее там не оказалось.

Моряк обшарил карманы панталон и, к величайшему изумлению, не нашел и в них коробки со спичками.

— Вот глупость! Больше чем глупость! — сказал он, глядя на Герберта. — Спичечница выпала из кармана, я ее потерял! А у тебя, Герберт, разве нет огнива или чего-нибудь для добывания огня?

— Нет, Пенкроф!

Моряк с досады почесал лоб и вышел из «Труб» в сопровождении Герберта.

Они с величайшим вниманием шарили в песке, на утесах, где собирали дрова, на берегу маленькой речки, но напрасно. Спичечница была медная и не сразу бросалась в глаза.

— Пенкроф, — сказал Герберт, — не выкинул ли ты свою спичечницу из корзины, когда мы всё бросали в море?

— Нет-нет, не выкидывал, — ответил моряк. — Впрочем, потом нас так тряхнуло, что такая маленькая вещь очень легко могла выпасть из кармана. Ведь выпала же трубка! Проклятая спичечница! Где она может быть?

— Знаешь что, — сказал Герберт, — теперь вода спала, пойдем поскорее к тому месту, где нас

выбросило на берег.

Едва ли можно было отыскать маленькую спичечницу, которую во время прилива могло отнести куда-нибудь в сторону и забить между камешками. Однако не мешало попытать счастья. Пенкроф и Герберт, не теряя ни минуты, быстро направились на оконечность той самой косы, где их выбросило на твердую землю. Это место находилось на расстоянии пары сотен шагов от «Труб».

Там они самым тщательным образом осмотрели все камушки, щели и трещины скалистого берега. Но безуспешно. Если бы спичечница и упала в этом месте, ее могло далеко отнести сильным прибоем морских волн. По мере того как вода отступала, моряк обыскивал все проходы между скал, но ничего не мог найти.

Это была тяжелая и непоправимая потеря.

Пенкроф не мог скрыть беспокойства. Он морщил лоб, на лице у него выступили капли пота. Он не произносил ни единого слова. Герберт хотел его утешить, заявив, что спички, весьма вероятно, уже давно размокли в морской воде и что, стало быть, все равно уже воспользоваться ими будет нельзя.

— Нет, — ответил Пенкроф. — Они лежали в

медной спичечнице, которая очень плотно закрывалась, так что вода попасть внутрь не могла. Но как, в самом деле, нам теперь быть?

— Найдем какое-нибудь средство добыть огонь, — сказал Герберт. — Смит или Спилетт, вероятно, выручат нас.

— Да, — ответил Пенкроф, — но до того времени мы все-таки останемся без огня и встретим товарищей самым скудным обедом!

— Неужели ни у кого из них не найдется ни огнива, ни спичек? — воскликнул Герберт.

— Сомневаюсь, — ответил моряк, покачивая головой. — Во-первых, Наб и мистер Смит не курят. Что же касается корреспондента Спилетта, то он скорее сберег свою записную книжку, чем коробку со спичками…

Герберт ничего не ответил. Потеря спичечницы, очевидно, очень его тревожила, но мальчик все-таки не терял надежды тем или другим способом добыть огонь. Пенкроф, человек более опытный, думал об этом иначе. Во всяком случае, он решил, что остается одно: ждать возвращения Наба и Спилетта.

Приходилось поневоле отказаться от крутых яиц, которые он рассчитывал сварить; обед же из сырого мяса не представлял ничего приятного.

На обратном пути моряк и Герберт, на тот случай, если огня решительно неоткуда будет добыть, запаслись ракушками и молча направились к «Трубам».

Моряк все еще не терял надежды найти пропавшую спичечницу, и в продолжение всей ходьбы глаза его не отрывались от земли. Он прошел даже левый берег реки, начиная с устья и до поворота, где был привязан плот. Он взбирался на верхнюю площадку, забегал во все стороны, искал в высоких травах на лесной опушке — все тщетно.

Было уже пять часов вечера, когда Герберт и Пенкроф вошли в «Трубы». Незачем прибавлять, что даже самые темные углы ходов были тщательно обысканы, и надо было окончательно отказаться от дальнейших поисков.

Около шести, когда исчезали последние солнечные лучи за западной возвышенностью, Герберт, ходивший взад и вперед по песчаному берегу, известил моряка о возвращении Наба и Спилетта.

Их было только двое!..

У Герберта болезненно забилось сердце. Моряк не ошибся в своих предсказаниях… Смита не удалось найти.

Гедеон Спилетт, подойдя к товарищам, сел

на скалу, не произнеся ни единого слова. Изнуренный продолжительной ходьбой и мучимый голодом, он не имел сил заговорить.

Что касается Наба, то его покрасневшие глаза показывали, сколько он плакал, а слезы, снова полившиеся из его глаз при вопросе о Смите, слишком ясно свидетельствовали, что у него не осталось ни малейшей надежды…

Между тем Спилетт, немного отдохнув, начал рассказывать о ходе поисков.

Они с Набом прошли вдоль берега больше восьми миль, и следовательно, гораздо дальше того места, где пропали инженер и его пес. Никакого следа! На всей этой прибрежной полосе нельзя было найти ни свежевывернутого булыжника, ни какого-нибудь знака или черты на песке, ни отпечатка ботинка. По всему было видно, что на этот берег не ступал еще ни один человек. Море представляло собой такую же пустыню, как и берег. Там, в нескольких сотнях футов от берега, Смит, вероятно, и нашел могилу.

В эту минуту Наб встал и голосом, показывавшим, как много еще у него сохранилось надежды, закричал:

— Нет! Нет! Он не умер! Нет! Это неправда! Он умер? Полноте! Я или другой кто-нибудь, может

быть! Но он! Никогда! Этот человек может одолеть любую опасность!.. — Затем, как бы вдруг ослабев, негр прошептал: — Ах! Я не могу больше думать об этом!

Герберт подбежал к нему.

— Наб, — сказал мальчик, — не отчаивайтесь, мы найдем его. Успокойтесь! Съешьте чего-нибудь, ведь вы голодны! Пожалуйста, умоляю вас!

И с этими словами Герберт подал несчастному негру несколько пригоршней ракушек.

Наб уже не ел несколько часов, но он отказался. Потеряв своего господина, он не мог или не хотел больше жить на свете.

Что касается Спилетта, то он с большим аппетитом истреблял этих моллюсков, затем растянулся на песке у подножия скалы. Он совершенно изнемог от усталости, но был спокоен.

— Господин Спилетт, — сказал Герберт, обращаясь к корреспонденту и взяв его за руку, — мы здесь нашли помещение, где вы можете устроиться лучше, чем тут. Уже наступает ночь. Пойдите отдохнуть немного! Завтра мы увидим…

Спилетт встал и в сопровождении мальчика направился к «Трубам».

В эту минуту Пенкроф подошел к корреспонденту и самым спокойным тоном спросил, не

завалялась ли у него как-нибудь случайно спичка.

Спилетт остановился, поискал у себя в карманах и, не найдя ничего, сказал:

— У меня были, но ведь я все выкинул…

Тогда моряк позвал Наба и задал ему тот же вопрос. Но и у негра спичек не оказалось.

— Проклятие! — воскликнул моряк, не будучи уже в состоянии дольше сдерживать своей досады.

Спилетт услыхал это и подошел к Пенкрофу.

— Нет ни единой спички? — спросил корреспондент.

— Да, и, стало быть, мы будем без огня…

— Ах! — воскликнул Наб. — Если бы здесь был мой господин! Он бы научил нас, что делать!

Все четверо словно замерли на месте. Они не решались даже глядеть друг на друга.

Герберт первый прервал молчание.

— Мистер Спилетт, — сказал мальчик, — ведь вы курите, вы всегда носите при себе спички! Может, вы плохо искали? Посмотрите еще в карманах! Одна спичка может нас спасти!

Корреспондент, не говоря ни слова, снова принялся тщательно шарить во всех карманах своих панталон, жилета, пальто и, к великой радости

Пенкрофа, а также к чрезвычайному своему изумлению, почувствовал какую-то деревянную палочку, забившуюся за подкладку жилета. Он через материю держал пальцами маленький кусочек дерева, но не знал, как его оттуда вытащить. Это наверняка была спичка, и вытаскивать ее надо было крайне осторожно, чтобы как-нибудь нечаянно не отломить фосфорной головки.

— Позвольте мне это сделать! — сказал Герберт.

И мальчик с большой ловкостью, осторожно вытащил этот маленький кусочек дерева, эту крошечную и вместе с тем драгоценную безделицу, которая имела для несчастных такое важное значение. Спичка была совершенно цела…

— Спичка! Спичка! — закричал Пенкроф. — О! Это для нас теперь лучше всякого клада!

Он взял спичку и в сопровождении товарищей вошел в «Трубы».

С этим маленьким кусочком дерева, который в обитаемых землях изводится с таким равнодушием целыми сотнями, надо было при настоящих обстоятельствах обращаться с величайшей осторожностью.

Моряк прежде всего удостоверился, что спичка совсем сухая. Затем он сказал:

— Мне нужна бумага.

— Вот бумага, — сказал Гедеон Спилетт, подавая вырванный не без некоторого колебания листок из записной книжки.

Пенкроф взял бумагу и присел на корточки. Затем он под кучу хвороста подложил несколько охапок травы, листьев и сухого мха и устроил все таким образом, чтобы воздух мог свободно притекать снизу и сухое дерево могло быстро воспламениться.

Далее Пенкроф свернул бумажный листок конусом, как это делают курители трубки во время сильного ветра, и воткнул ее в середину мха. Затем он взял шершавый камешек и не без замирания сердца тихо чиркнул спичкой, задержав дыхание.

Первое соприкосновение не произвело на фосфор никакого действия. Пенкроф не имел духу чиркнуть сильнее, боясь отломить головку спички.

— Нет, не могу! — воскликнул он. — У меня дрожит рука… Спичка не загорается… Не могу… И не хочу!..

И моряк поднялся и передал спичку Герберту.

Разумеется, мальчику ни разу в своей жизни не приходилось так сильно волноваться, как те-

перь. Должно быть, так же волновался Прометей, намереваясь похитить огонь у богов. Однако, преодолев колебания, Герберт быстро чиркнул спичкой о шероховатый камень.

Послышался слабый треск, и фосфор вспыхнул голубоватым пламенем, распространяя острый дым. Герберт тихо повернул спичку, чтобы увеличить пламя, и затем всунул ее в бумажную трубочку.

В несколько секунд загорелась бумага, а за ней тотчас же вспыхнули мох и вся растопка.

Через несколько минут затрещали сухие ветки и веселое пламя ярко засверкало среди мрака коридоров.

— Ну, — воскликнул Пенкроф, отходя от огня, — никогда еще на своем веку я не испытывал такого волнения!

Огонь пылал все ярче. Дым свободно выходил через узкую отдушину. Сильной тягой мало-помалу уносило сырость, и в «Трубах» начала распространяться приятная теплота.

Надо было позаботиться о том, как сберечь драгоценный огонь; следовало сохранить в золе несколько горячих угольков.

Но это, разумеется, было уже не столь трудно. Стоило только внимательно присматривать, так

как в дровах недостатка не было и запасы топлива можно было возобновлять заблаговременно.

Пенкроф, конечно, прежде всего воспользовался огнем для приготовления ужина более питательного, чем моллюски. Герберт принес две дюжины яиц.

Спилетт, прислонившись в углу, молча глядел на все эти приготовления.

Жив ли еще Смит? Если жив, то где он теперь? Если уцелел после своего падения, каким образом объяснить, что он до сих пор не нашел средства уведомить об этом своих товарищей? Вот какие мысли мучили корреспондента.

Что касается Наба, то он бесцельно шатался взад и вперед по плоскому песчаному берегу.

Пенкроф, умевший готовить пятьдесят два кушанья из яиц, не мог теперь во всем блеске показать свое искусство; ему приходилось довольствоваться самым простым способом: положить их в горячую золу и испечь на медленном огне.

Через несколько минут яйца были готовы, и моряк предложил Спилетту отведать его стряпню.

Таков был первый ужин на неведомой земле.

Печеные яйца были превосходны, а так как яйцо содержит вещества, самые необходимые для

питания человека, то все совершенно достаточно подкрепили свои силы.

Ах, если бы возвратился тот, кого не хватало теперь среди них! Если б все пятеро пленников, бежавших из Ричмонда, собрались сейчас вместе, в этом закутке среди скал, у ярко горевшего костра, на сухом песчаном полу, они от души возблагодарили бы Небо. Но увы! Среди них не было Сайреса Смита, изобретательного и предприимчивого ученого, признанного их главы, — он погиб, и они даже не могли предать земле его прах.

Прошел день 25 марта. Наступила ночь. Между скал и утесов завывал сильный ветер, и слышался монотонный прибой у берега. Небольшие голыши, гонимые взад и вперед морскими волнами, перекатывались с оглушительным шумом.

Корреспондент, записав в книжку последовательно все происшествия дня, а именно: появление новой земли, исчезновение инженера, разведку на берегу, волнения по поводу спички и прочее, — забрался в темный угол галереи и, изможденный и усталый после долгих поисков, уснул.

Герберт тоже очень скоро погрузился в сон. Что касается моряка, он то дремал, то просыпался

и, так сказать, спал вполглаза, ни на минуту не отходя от огня и то и дело подкладывая новые поленья в тлеющий очаг.

Только один из спасшихся беглецов не хотел отдохнуть в «Трубах». То был несчастный Наб, который, несмотря на все просьбы товарищей, всю ночь блуждал по берегу, призывая своего господина.

VI. Охота

С наступлением утра начали осматривать уцелевшее имущество.

Оказалось, что, кроме одежды, которая на них была в момент катастрофы, ровно ничего не осталось.

Правда, у Спилетта случайно уцелели записная книжка и карманные часы, но больше ничего — ни ружья, никакого инструмента, ни даже перочинного ножика.

Робинзон Крузо и Швейцарский Робинзон[9] — герои Дефо и Висса — точно так же, как Селькирк и Рейналь[10], выкинутые при Хуан-Фернандесе или близ Оклендского архипелага, никогда не находились в такой абсолютной бедности. Они обыкновенно получали хоть какую-нибудь поддержку со своего корабля, севшего на мель, или в виде семян, или в виде рогатого скота, или в

---

[9] Примечания: 9

Имеется в виду герой романа Йохана Висса «Швейцарский Робинзон», где рассказывается о швейцарской семье, пережившей кораблекрушение и обживающей необитаемый остров. Эту книгу Жюль Верн любил с детства.

[10] Примечания: 10

Селькирк и *Рейналь* — реальные люди, подолгу жившие в одиночестве на пустынном острове.

виде каких-нибудь орудий, запасов, или, если корабль разбивался, море приносило им обломки и разные вещи с этого корабля.

Отважным же американцам, потерпевшим крушение в воздухе, неоткуда было ждать поддержки. С пустыми руками приходилось до всего доходить и только благословлять Небо, что под ногами была твердая земля!

Да, если бы Смит был вместе с ними, если бы этот инженер, с его изобретательным умом и со всеми своими практическими познаниями, находился тут, быть может, положение их не было бы таким отчаянным. Но увы! Они не рассчитывали увидеть когда-нибудь Сайреса Смита и должны были до всего доходить сами.

Прежде чем обосноваться в этой части берега, следовало разведать, что это за земля: принадлежит ли она к какому-нибудь континенту, живет ли кто там, или это всего лишь берег какого-нибудь пустынного острова.

По мнению Пенкрофа, удобнее было отложить на несколько дней такие изыскания. Надо было заготовить съестных припасов и добыть более удобоваримой пищи, чем яйца и ракушки. Исследователи, которым предстояло столько лишений, должны были прежде позаботиться о подкрепле-

нии физических сил.

«Трубы» на первых порах могли быть довольно сносным убежищем; к тому же в них горел огонь, и поддерживать его вовсе было не трудно, если оставлять постоянно в золе несколько горячих углей. Далее, в скалах и на плоском песчаном берегу не было недостатка в ракушках и яйцах. У берега летали сотни голубей, и надо было только поскорее придумать способ, как изловить их, или же просто пустить в ход палки и камни. В соседнем лесу, быть может, росли какие-нибудь съедобные плоды. Наконец, пресной воды тоже было вдоволь.

Все решили остаться на несколько дней в «Трубах», чтобы приготовиться к экспедиции для исследования прибрежной полосы и окрестностей.

Наб больше других стоял за это решение. У него были свои соображения и предчувствия, и он вовсе не стремился покинуть тот берег, где так недавно разыгралась столь страшная катастрофа.

Ему казалось просто невозможным, чтобы такой человек погиб столь нелепой смертью, чтобы волна смыла его и он утонул так близко от берега! Нет, пока море не выбросит на берег тело Сайреса

Смита и пока он, Наб, собственными глазами не увидит его, не потрогает, он не поверит в гибель хозяина! В сердце Наба не угасала надежда. Быть может, он сам убедил себя в этом, но такой самообман был достоин уважения, и Пенкроф не решался противоречить Набу. Сам же он был уверен, что инженер Сайрес Смит нашел себе могилу в морской пучине, но с Набом, конечно, спорить было бесполезно. В своей привязанности к Сайресу Смиту он был подобен верному псу, который не может покинуть место, где умер хозяин, он настолько погрузился в скорбные переживания, что вряд ли был в силах перенести утрату.

Утром 26 марта Наб с первыми лучами солнца направился на север и снова стал осматривать то место, где пропал несчастный Смит.

Завтрак в этот день состоял исключительно из голубиных яиц и морских моллюсков. Герберт недалеко от «Труб», в углублении утеса, отыскал соль, осевшую вследствие испарения морской воды, и такая находка была теперь как нельзя более кстати.

После завтрака Пенкроф спросил корреспондента, не хочет ли он отправиться в лес, куда они вместе с Гербертом уже собрались, рассчитывая добыть там какой-нибудь дичи. Но все трое после

нескольких минут размышления решили, что одному надо остаться дома — во-первых, чтобы поддерживать огонь, а во-вторых, присматривать за Набом, чтобы в случае нужды оказать ему помощь.

Итак, Спилетт остался.

— Ну, пойдем на охоту, Герберт! — сказал моряк. — Охотничьи припасы мы наберем по дороге, а ружье вырубим в лесу.

Но в ту самую минуту, как они уже совсем собрались в путь, Герберт заметил, что трут весь вышел, и сказал моряку, что надо его чем-нибудь заменить.

— Чем заменить? — спросил Пенкроф.

— Какой-нибудь жженой тряпкой, — ответил мальчик. — В случае нужды и этим можно заменить трут.

Моряк согласился с Гербертом. Единственным неудобством было то, что приходилось пожертвовать куском платка. Однако дело того стоило, и они подпалили большой клетчатый платок Пенкрофа. Эту тряпку оставили в центральной комнате, в небольшом углублении утеса, куда не могли проникнуть ни ветер, ни сырость.

Было уже девять часов утра. Погода, видимо, должна была перемениться к худшему: дул юго-

восточный береговой ветер. Герберт и Пенкроф, бросив последний взгляд на струйку дыма, вырывавшуюся из вершины утеса, стали подыматься по левому берегу реки.

Войдя в лес, Пенкроф на первом же дереве сломал две довольно толстые ветки, которые должны были послужить охотникам дубинами; Герберт постарался обточить их концы. Чего бы они не отдали за какой-нибудь нож!

Затем охотники пошли далее по высоким травам, следуя вдоль берега. За поворотом на юго-запад река мало-помалу сузилась, над тесным руслом нависали густые деревья.

Чтобы не сбиться с дороги, Пенкроф решил не уходить далеко от речки, которая всегда могла привести их обратно к тому месту, откуда они вышли. Но пробираться по берегу было очень трудно: на каждом шагу попадались гибкие ветви деревьев, нагнувшиеся к самой воде; всюду торчали лианы и колючки кустарников, которые беспрестанно приходилось сбивать палками. Герберт то и дело с проворством молодой кошки проскальзывал промеж сухих, изломанных пней и часто надолго пропадал в лесной чаще. Но Пенкроф всякий раз окликал его и просил далеко не отходить.

Моряк между тем с большим вниманием вглядывался в рельеф незнакомой местности. Довольно пологий левый берег едва заметно становился выше. В иных местах почва была влажная и болотистая. Чувствовалось, что под ней находится целая сеть маленьких ручейков, которые вливались в реку. В иных местах речушка протекала среди лесной чащи. Противоположный берег был более высокий и неровный, его изгибы вторили очертаниям ложбины, по которой пролегало русло реки; холм, поросший роскошными деревьями, расположенными по его уступам, образовал род занавеса, за которым скрывалась даль. По этому берегу было еще труднее идти, потому что рельеф там был значительно круче и деревья, совсем склонившиеся над водой, держались только благодаря толстым и здоровым корням.

Не стоит повторять, что этот лес, а равно и весь берег, обследованный Пенкрофом и его спутниками, не посещало еще ни одно человеческое существо. Пенкроф лишь изредка замечал следы зверей, породы которых он не мог определить. По мнению Герберта, следы эти, вероятнее всего, принадлежали какому-нибудь страшному зверю, которых, несомненно, тут было очень много. Но

не было ни зарубок на древесных стволах, ни кострищ от погасших костров, ни отпечатка человеческой ноги — словом, ничего, что доказывало бы, что эти земли, лежащие среди Тихого океана, посещал когда-либо человек.

Герберт и Пенкроф, встречая на каждом шагу преграды, молча и весьма медленно продвигались вперед, так что за целый час прошли не больше одной мили.

До сих пор ничто еще не предвещало удачной охоты. Дичи было немного, птицы кое-где пели и порхали под ветками высоких деревьев; при приближении людей они с испугу уже немного подымались со своих мест, словно инстинктивно чуя опасность. В числе прочих пернатых Герберт в болотистой части леса заметил птицу с длинным заостренным клювом, которую по строению тела он принял за зимородка. Но ее оперение было более грубым и имело металлический оттенок.

— Это, должно быть, жакамар, — сказал Герберт, стараясь поближе подойти к птице.

— Удобный случай отведать этого жакамара, — ответил моряк, — но он, кажется, не выказывает большой охоты попасть на вертел.

В эту самую минуту камень, метко пущенный мальчиком, попал как раз в крыло; но удар был

слаб, потому что жакамар обратился в бегство и через минуту совсем пропал из виду.

— Эх, как неудачно! — воскликнул Герберт.

— Ну ничего, дружище, — ответил моряк. — Удар был очень ловок, и птица его не переживет! Не огорчайся, завтра она будет наша.

Исследование продолжалось. По мере того как охотники продвигались вперед, различные деревья казались все великолепнее, но на них еще нигде не было видно ожидаемых съедобных плодов. Пенкроф напрасно искал глазами драгоценные пальмы, которые в Северном полушарии произрастают до сороковой параллели, а в Южном полушарии только до тридцать пятой, — здешний лес состоял исключительно из хвойных деревьев, похожих на те, какие растут на северо-западном берегу Америки, и громадных елей, вышиной около пятисот пятидесяти футов.

В эту минуту целая стая небольших птиц, с красивыми перьями, с длинным и ярким хвостом, рассыпалась по зеленым ветвям, оставляя на лету нежный пух, который покрыл землю. Герберт поднял несколько пушинок и, внимательно рассмотрев их, сказал:

— Это куруку.

— Ну, я предпочел бы цесарку или глухаря…

Можно ли есть этих куруку, вот вопрос…

— Да, конечно можно, — ответил Герберт. — Их мясо даже очень нежно. Если я не ошибаюсь, они близко подпускают и их можно бить просто палкой… Проверим эти сведения на деле!

Тихо крадясь по траве, они подходили ближе к тому дереву, нижние ветки которого были сплошь покрыты маленькими птичками. Куруку, сидя на дереве, выслеживали насекомых, составляющих исключительную пищу этих маленьких пернатых. Снизу видно было, как их оперенные лапки крепко обхватывали молодые побеги.

Охотники подползли к самому стволу дерева, выпрямились и, размахивая палками наподобие кос, начали сбивать целые ряды куруку, которые, казалось, вовсе не думали о том, чтобы перелететь повыше, а преспокойно поджидали палочные удары. Когда уже около сотни их лежало на земле, остальные спохватились и улетели.

— Вот дичь, совсем под стать таким охотникам, как мы! — сказал Пенкроф. — Их можно было брать прямо голыми руками!

Моряк нанизал всех убитых птиц, как полевых жаворонков, на гибкий прут, и охотники пошли далее.

В этом месте река слегка заворачивала и таким

образом делала крюк к югу, но этот поворот, вероятно, недалеко шел, потому что река брала начало в горе и питалась, конечно, тающими снегами, покрывшими центральную белую вершину.

Главная цель настоящей экскурсии состояла в том, чтобы доставить в «Трубы» возможно больше дичи. До сих пор еще нельзя было сказать, чтобы цель эта была достигнута. Моряк весьма деятельно производил свои поиски и ужасно сердился всякий раз, когда какая-нибудь птица, которую он едва только успевал заметить, пропадала в густой траве.

О, если бы с ним была собака!

Но Топ пропал в одно время со своим господином и, вероятно, с ним же и погиб…

Около трех часов пополудни охотники заметили другую стаю птиц, сидевших на дереве и истреблявших какие-то ароматные ягоды. В лесу вдруг раздался какой-то крик, похожий на звук трубы или рожка. Эти странные пронзительные звуки издавались сидевшими поблизости глухарями.

Скоро прилетело еще несколько пар глухарей, отличавшихся желтовато-коричневым оперением.

Пенкроф решил во что бы то ни стало поймать

одного из них, величиной с добрую курицу, но это оказалось делом нелегким. Глухари были чрезвычайно осторожны и не подпускали к себе близко.

После нескольких совершенно безуспешных попыток Пенкроф сказал своему юному спутнику:

— Если нельзя их убить, так попробуем поймать на удочку!

— На удочку?! — с удивлением воскликнул Герберт. — На удочку, как какого-нибудь карпа?

— Да, как карпа, — серьезно отвечал моряк. — Гляди и учись, дружище!

Пенкроф нашел в траве с полдюжины глухариных гнезд — в каждом гнезде по два или по три яйца. Он эти гнезда не тронул и в надежде, что пернатые хозяева не замедлят возвратиться в свои убежища, задумал расставить удочки с крючками. Моряк отвел Герберта подальше от гнезд и принялся за работу.

Герберт хотя и сомневался в успехе предприятия старого товарища, но тем не менее с живейшим интересом следил за всеми приготовлениями.

Удочки были сделаны из тоненьких лиан, достигавших от пятнадцати до двадцати футов длины. Толстые, крепкие шипы с загнутым остри-

ем были собраны с кустарника вроде акации и прикреплены вместо крючков. Все это было сделано с ловкостью, достойной ученика Исаака Уолтона[11]. Что касается приманки, то ею должны были служить большие красные черви, которых немало попадалось в траве.

Закончив приготовления, Пенкроф лег в траву, осторожно прополз до глухариных гнезд, расположил около них свои удочки, затем взял в руку концы лиан и притаился вместе с Гербертом за огромным деревом.

Оба терпеливо ожидали.

Чем далее, тем все более и более сомневался Герберт в успехе остроумной выдумки моряка.

Прошло добрых полчаса.

Наконец глухари, как и предвидел Пенкроф, возвратились к своим гнездам.

Бедные птицы беззаботно прыгали, что-то поклевывали на земле и нисколько не подозревали о присутствии охотников.

---

[11] Примечания: 11

Исаак Уолтон (1593–1683) — английский писатель, наиболее известен как автор трактата о рыбной ловле «Искусный рыболов» («*The Compleat Angler*»).

Герберт все еще не верил в успех, но начал, однако, волноваться. Он сдерживал дыхание и боялся шевельнуться.

Пенкроф, вытаращив глаза и разинув рот, словно собирался проглотить глухаря живьем, тоже не без волнения следил за прыжками будущей добычи.

Глухари прогуливались между роковыми

крючками и не обращали на них ни малейшего внимания.

Пенкроф начал легонько пошевеливать лианами, и насаженные на шипы черви задвигались, как живые.

Это движение тотчас же было замечено глухарями, и они устремились на приманку.

Три глухаря, отличавшиеся особой жадностью, не замедлили проглотить и червей, и крючки.

Пенкроф быстро дернул лианы. Хлопанье крыльями показало ему, что птицы попались на удочки.

— Ура! — воскликнул моряк, кидаясь к добыче. Он без труда схватил глухарей. — Ура!

Герберт захлопал в ладоши.

— В первый раз вижу, как ловят птиц на удочку! — воскликнул мальчик. — Молодец, Пенкроф! Отлично придумал! Вот выдумка так выдумка!

— Это выдумка не моя, дружище, — отвечал скромный моряк, — это выдумано прежде меня. Погоди, придет еще и наш черед изобретать!

Глухари были связаны попарно за лапки, и Пенкроф, очень довольный тем, что возвращается не с пустыми руками, отправился с Гербертом в обратный путь.

Следуя вдоль берега реки, они достигли своего

приюта около шести часов вечера.

VII. Инженер найден

Спилетт, неподвижно стоя на берегу моря, смотрел на надвигавшиеся с востока тучи. Ветер уже был очень силен и с наступлением вечера все более и более крепчал. Небо имело весьма зловещий вид.

Герберт вошел в «Трубы», а Пенкроф приблизился к Спилетту, который так задумался, что не заметил его приближения.

— Ночь будет бурная, — сказал моряк, — настоящий праздник для буревестников!

Спилетт обернулся, увидел Пенкрофа и спросил:

— Как вы думаете, на каком расстоянии от берега маленького островка волна унесла нашего товарища?

Моряк не ожидал этого вопроса. Он с минуту подумал и ответил:

— Самое большее — в двух кабельтовых.

— Если мы предположим, что товарищ наш погиб, то трудно допустить, чтобы та же участь постигла и Топа. Наконец, если оба они утонули, так почему же не выбросило на берег ни тело Смита, ни труп его собаки?

— Тут удивляться нечего, господин Спилетт, — отвечал моряк. — Море ведь очень бурлило тогда. К тому же заметьте, что течением их могло отнести очень далеко.

— Так вы полагаете, что товарищ наш утонул? — снова спросил Спилетт.

— Да, я полагаю.

— А я другого мнения, — сказал Спилетт. — Я знаю, что вы опытнее меня, Пенкроф, но это исчезновение Смита и Топа представляется мне весьма загадочным!

— Я желал бы усомниться в их гибели, — отвечал моряк, — но, к несчастью, я в ней уверен, твердо уверен!

С этими словами Пенкроф направился к «Трубам».

Очаг пылал; Герберт подкинул охапку сухих сучьев, и яркое пламя осветило темные изгибы коридора.

Пенкроф занялся приготовлением обеда.

Принимая во внимание, до какой степени все утомились и изнурены, моряк отложил в сторону куруку и ощипал двух глухарей, которых насадил на вертел и начал жарить.

Было уже семь часов вечера, а Наб все еще не вернулся.

Это продолжительное отсутствие несколько тревожило Пенкрофа. Он опасался, не постигло ли негра какое-нибудь несчастье на незнакомой земле.

— Край неизвестный, — проговорил моряк, — всего можно ожидать… Кроме того, бедняга в такой кручине, что, пожалуй, еще наложит на себя руки!

Герберт совершенно иначе смотрел на дело. По его мнению, долгое отсутствие негра предвещало только хорошее. Он, вероятно, нашел след пропавшего и с новым усердием продолжал поиски.

— Разве Наб не возвратился бы, если бы потерял всякую надежду? — говорил мальчик. — Он, верно, нашел какой-нибудь след! И пошел по этому следу! Кто знает, может, он уже отыскал Смита и теперь они вместе пробираются к нам!

Спилетт и Пенкроф молча слушали рассуждения Герберта.

Спилетт несколько раз кивнул, как бы в знак согласия. Бравый моряк не шевельнулся. Он был убежден, что Смита найти нельзя, но негр действительно мог далеко зайти и потому запоздать с возвращением.

Герберт, рассуждая о возможности встречи Наба со Смитом, не был, однако, спокоен. Его начало

одолевать какое-то тяжелое предчувствие. Он несколько раз вставал со своего места и говорил:

— Не пойти ли мне навстречу Набу?

На что Пенкроф отвечал:

— Это бесполезно, дружище. В такую темь и непогоду ты и в двух шагах не заметишь Наба. Лучше подождать. Если завтра Наб не возвратится, мы вместе отправимся его разыскивать.

Спилетт согласился с мнением моряка. Он еще заметил при этом, что им следует держаться, насколько позволят обстоятельства, вместе, и Герберту пришлось отказаться от своего намерения.

Это так огорчило подростка, что по щекам его скатились две крупные слезы.

Спилетт не мог удержаться, чтобы не поцеловать великодушного мальчика.

Непогода разыгралась. Юго-восточный ветер яростно свирепствовал. Слышно было, как морские волны бились о прибрежные скалы. Дождь лил стеной. Мелкие камни, усеивавшие берег, с громом перекатывались; песок, вздымаемый порывами урагана, смешивался с ливнем. Воздух был наполнен водяной и минеральной пылью. Между устьем реки и отвесом утеса кипел прибой. Дым, вгоняемый бурей обратно в узкое отверстие

остроконечной скалы, распространялся по коридору и едва позволял дышать.

Поэтому Пенкроф, как только изжарились глухари, поспешил погасить огонь, сохранив только несколько тлеющих угольев под пеплом.

Дождались и восьми часов, а Наба все еще не было.

Впрочем, теперь можно было предполагать, что разыгравшаяся буря застала его в дороге и он вынужден был искать убежища где-нибудь в расселине скалы или в пещере и там ожидать, когда утихнет непогода или, по крайней мере, настанет рассвет.

Ужин состоял из одних глухарей, но мясо их было превосходного вкуса, и все охотно его ели. Пенкроф и Герберт, изнуренные долгой ходьбой, отличались волчьим аппетитом.

После ужина каждый удалился в уголок, где ночевал в предыдущую ночь, и расположился на покой.

Буря все более и более свирепела.

— Каково гудёт! — проговорил Пенкроф.

— По счастью, наши «Трубы» прочны! — заметил Герберт.

«Трубы» действительно были прочны. То были громадные глыбы гранита.

Однако некоторые из этих громад, казалось, сотрясались. Пенкроф это чувствовал, приложив руку к стене.

«Авось выдержит и не завалится! — думал моряк. — У страха глаза велики, и потому мы теперь всего боимся…»

Утешая себя таким размышлением, моряк прислушивался к раскатам камней, обрывавшихся с вершины плато и падавших на берег.

Несколько каменных обломков с грохотом свалились на «Трубы», разбились о них, и осколки запрыгали по стенам утесов.

Два раза Пенкроф тихонько поднимался со своего места и вскарабкивался к отверстию коридора для наблюдений.

Он убедился, что их убежищу не угрожают обвалы, и, успокоившись, снова улегся.

Герберт давно уснул и, невзирая на вой урагана, спал глубоким сном.

Уснул наконец и Пенкроф, который привык во время своих морских странствий ко всяким бурям и с ними освоился.

Один Спилетт никак не мог успокоиться и сомкнуть глаз.

Его мучили угрызения совести. Он не мог простить себе, что не отправился вместе с Набом на

поиски. Он не верил, что Смит утонул, но тот мог подвергнуться опасностям на берегу… Что могло задержать так долго Наба?

Волнуемый этими вопросами, Спилетт вертелся с боку на бок и почти не обращал внимания на ярость урагана. По временам его утомленные веки смыкались, но неотступная тревога тотчас же заставляла его очнуться.

Время шло. Было уже два часа ночи, когда Пенкроф вдруг почувствовал, что его кто-то сильно теребит.

— Что такое? — воскликнул моряк, просыпаясь.

Спилетт, наклонившись над ним, говорил:

— Слушайте, Пенкроф, слушайте!

Моряк прислушался, но ничего не услыхал, кроме шума волн и воя ветра.

— Ветер шумит, — сказал он.

— Нет, — отвечал Спилетт, снова прислушиваясь, — нет… мне послышалось…

— Что?

— Собачий лай!

— Собачий лай? — воскликнул моряк, быстро вскакивая со своего места.

— Да, да… лай…

— Невозможно, господин Спилетт, невозмож-

но! — проговорил Пенкроф. — В такую бурю трудно расслышать собачий лай... Вам просто почудилось...

— Не почудилось, Пенкроф! Погодите, погодите!.. Слушайте!.. Слышите?..

Пенкроф начал вслушиваться, и ему показалось, что действительно в минуту затишья донесся отдаленный собачий лай.

— Ну что, слышите? — спросил Спилетт, схватив руку моряка и крепко ее сжав.

— Да... да... — отвечал Пенкроф с величайшим волнением.

— Это Топ! Это лает Топ! — воскликнул Герберт, просыпаясь и вскакивая со своего ложа. — Скорее! Скорее!

Все кинулись к выходу.

Им чрезвычайно трудно было выйти из своего убежища, потому что ветер с силой отбрасывал их назад. Наконец кое-как они выбрались и, ухватившись за выступы утеса, огляделись.

Кругом царствовала совершенная темнота. Море, небо, земля — все сливалось в один непроницаемый мрак.

В продолжение нескольких минут Спилетт и его товарищи не могли двинуться с места; дождь поливал их немилосердно, песок ослеплял, ветер

чуть не срывал с утеса. Затем, когда снова наступило короткое затишье, они опять услыхали отдаленный собачий лай.

— Лай доносится издалека, — проговорил моряк.

— Это Топ! — воскликнул Герберт. — Кому ж тут лаять, кроме Топа, в этом пустынном и необитаемом краю?

— Это так, — сказал Пенкроф, — но чего он лает словно на одном месте? Если бы Наб был с ним, он бы поспешил к нам…

— Может быть, Наб где-нибудь спрятался, пока не утихнет ураган? — заметил Спилетт.

— Погодите! — сказал Пенкроф и юркнул в отверстие, служившее дверью в «Трубы».

Менее чем через минуту моряк возвратился с зажженным сосновым суком в руках.

— Подадим сигнал! — сказал он.

И, подняв зажженный сук, начал махать им в воздухе, испуская громкий, пронзительный свист.

Лаявший пес словно ожидал этого сигнала: лай усилился, заметно начал приближаться, и скоро большая собака очутилась около Спилетта и его товарищей, которые поспешили войти в коридор.

Пенкроф кинул охапку сухих сучьев на тлеющие угли, и тотчас же вспыхнул яркий огонь.

— Это Топ! — воскликнул Герберт.

Да, это действительно был Топ, превосходный экземпляр породы англо-нормандских гончих, отличавшийся изумительным чутьем, удивительной быстротой бега и необычайной неутомимостью.

Но собака прибежала одна. Ее не сопровождал ни хозяин, ни Наб!

Каким же образом Топ очутился на дороге к их убежищу?

— Каким бы чутьем его ни наделила природа, он не мог почуять нас за сто миль, например, или даже за двадцать, — сказал Спилетт.

— В самом деле, почему он направился именно к «Трубам»? — ответил Пенкроф. — Чутье, да еще в такую темь и бурю, не могло тут помочь!

— И заметьте, что Топ на вид вовсе не изнурен и даже не испачкан тиной… На нем нет ни песчинки, ни пятнышка! — заметил Герберт.

Он привлек собаку к себе и взял ее голову в обе руки.

Топ благосклонно позволил эту вольность и ласково потерся мордой о колени мальчика.

— Если собака нашлась, то найдется и ее хозя-

ин! — сказал Спилетт.

— О, если бы он нашелся! — воскликнул Герберт. — Пойдемте же искать! Скорее! Скорее! Топ нас проводит!

Пенкроф не стал выдвигать возражений. Он понимал, что предположения о гибели Смита могли оказаться ошибочными.

— В путь! — скомандовал моряк.

Перед отправлением на поиски он погасил огонь и тщательно присыпал горячие угли пеплом.

Топ, издавая отрывистый тихий лай, как бы торопивший в дорогу, прежде всех кинулся к выходу. За Топом последовали Герберт и остальные.

— Я на всякий случай захватил с собой, что осталось от ужина, — сказал моряк, с величайшим трудом пробираясь по утесу.

Ярость урагана достигла высочайшей степени. Ни малейшего просвета не было на темном небе.

— Экая темь! — проговорил Пенкроф. — Подика найди тут дорогу!

— Мне кажется, самое лучшее будет следовать за Топом, — сказал Спилетт.

Так и сделали. Вперед побежала собака, за ней последовали Спилетт и Герберт, а позади всех

моряк.

По пути разговаривать не было возможности. Дождь уже утих, но ураган свирепствовал с прежней яростью.

К счастью для наших путников, ветер дул в спину и песок, вздымаемый вихрем, не забивал им глаза. Они шли даже быстрее, чем желали, потому что их подгоняло ветром.

Надежда найти пропавшего товарища удваивала их силы. Они были уверены, что Наб ожидает где-нибудь поблизости и прислал за ними Топа, что Наб около своего господина и зовет их…

Но зачем зовет?

Жив ли еще Сайрес Смит, или требуется только отдать последний долг его останкам?

Обойдя крутой склон, по которому небезопасно было спускаться в темноте, Герберт, Спилетт и Пенкроф остановились, чтобы перевести дух.

Навес утеса защищал их от дождя и ветра, и здесь они могли несколько минут отдохнуть от мучительной ходьбы или, говоря точнее, пятна-

дцатиминутного бега.

Тут они могли снова разговаривать. Когда Герберт произнес имя Смита, Топ тотчас же потихоньку залаял и завизжал, как бы желая дать понять, что его хозяин был спасен.

— Он жив, Топ, а? — воскликнул Герберт, наклоняясь к верной собаке. — Спасся?

Топ снова залаял, будто подтверждая.

— Пойдем! Пойдем скорее! — воскликнул Герберт. — Они нас ждут!

Снова пустились в путь.

Было уже около половины третьего ночи.

Начинался утренний прилив.

— Теперь новолуние, — сказал моряк, — прилив будет очень сильный, особенно при этаком ветре.

Громадные валы с ревом бились о подводные камни и перекатывались через островок. Плоская часть мыса совершенно скрылась под водой.

Как только моряк и его спутники вышли из-за скал, ветер снова погнал их с ужасной силой. Они не шли, а почти бежали, следуя за Топом, который бодро устремился вперед.

Они поднимались к северу; с правой стороны с оглушительным шумом разбивались волны, а с левой лежала незнакомая земля, окутанная

непроницаемым мраком.

К четырем часам утра они прошли, по их расчету, около пяти миль.

Тучи несколько рассеялись, дождь перестал, но порывы ветра стали холоднее.

Пенкроф, Герберт и Спилетт, плохо защищаемые от холода промокшим легким платьем, дрожали, как в лихорадке, но ни у кого из них не вырвалось ни единой жалобы.

Они решили во что бы то ни стало следовать за Топом и достигнуть места, куда вело их умное животное.

Около пяти начало светать. На востоке в вышине, где тучи сгрудились не так плотно, обозначилась светлая полоса. Пенистые гребни волн окрасились желтоватым цветом. Края облаков стали жемчужно-серыми, а вскоре ниже, под темной плотной полосой тумана, высветился морской горизонт. По воде пробежали тусклые блики, и гребни волн опять стали белыми. Слева начали проступать очертания береговой линии.

В шесть часов рассвело.

Тучи с необычайной быстротой неслись по небу.

Моряк и его спутники в это время находились уже милях в шести от своего убежища.

Они пробирались теперь по очень плоскому берегу, защищенному от моря рядом скал, которые прилив покрыл до самых вершин. Земля, видневшаяся слева, усеянная песчаными холмами, поросшими волчецом, представляла дикую пустошь. Там и сям возвышались редкие деревья. Далеко позади, на юго-западе, виднелась опушка леса.

— Топ чего-то вдруг начал волноваться! — сказал Герберт.

Действительно, собака бросалась то вперед, то назад, подбегала то к Герберту, то к Спилетту, то к моряку, словно приглашая их ускорить шаг.

— Топ поворачивает! — снова вскричал Герберт.

В самом деле, Топ повернул от берега и пустился бежать между песчаных холмов.

— За ним! За ним! — воскликнул Герберт, спеша за псом.

Местность казалась совершенно необитаемой.

Песчаные холмы, окруженные бесчисленным множеством прихотливо разбросанных холмиков, представляли собой нечто вроде песчаного лабиринта, по которому можно было пробираться только с чутьем Топа.

Пройдя еще минут пять, Спилетт и его товари-

щи очутились против углубления, вырытого в песчаном холме.

Топ остановился и громко залаял…

— Сюда! Сюда! — воскликнул Герберт, бросаясь в пещеру.

Спилетт и Пенкроф последовали за мальчиком.

В пещере был Наб. Он стоял на коленях около тела, распростертого на ложе из сухой травы! То был Сайрес Смит…

VIII. Возвращение домой

Наб не шевельнулся.

Моряк крикнул ему:

— Жив?

Наб не отвечал.

Спилетт и Пенкроф побледнели. Герберт в ужасе стиснул руки, не смея двинуться с места.

Бедный негр, поглощенный горем, не видал, как вошли товарищи, и не слыхал вопроса моряка.

Спилетт стал на колени около безжизненного тела, приложил ухо к груди инженера и стал прислушиваться, бьется ли у него сердце.

Наб приподнял голову и посмотрел на всех невидящим взглядом.

Отчаяние не могло больше изменить лицо человека. Наб был неузнаваем.

Он думал, что господин его умер.

Спилетт поднялся и крикнул:

— Он жив!

Пенкроф, в свою очередь, опустился на колени около Смита и тоже приложил ухо к его груди.

— Что? — прошептал Герберт.

— Дышит, — ответил моряк.

— Где бы достать воды? — спросил Спилетт.

Герберт кинулся на поиски.

В сотне шагов он нашел прозрачный ручей.

Но чем зачерпнуть воды? Мальчик намочил свой носовой платок и бегом возвратился в пещеру.

Спилетт приложил смоченный платок к лицу инженера, и это тотчас же произвело благодетельное действие; глубокий вздох вырвался из груди Смита, и губы его пошевелились, словно он хотел что-то сказать.

— Мы его спасем! — проговорил Спилетт.

Эти слова словно воскресили Наба. Он вскочил и быстро, но бережно раздел своего господина, чтобы осмотреть, нет ли где раны.

Не только раны — не было даже ушиба, даже на руках не было ни единой царапины. Было просто невероятно, что на теле утопавшего не осталось никаких следов борьбы со стихией, когда Смиту пришлось преодолеть линию рифов.

— Это удивительно! — сказал Спилетт. — Хоть бы одна ссадинка! А ведь он должен был перебираться вплавь через подводные камни.

— Через целую каменную гряду! — прибавил моряк.

— Это выяснится после, — сказал Спилетт. — Когда Смит поправится, он нам расскажет все

свои приключения. Теперь надо постараться привести его в чувство. Давайте его растирать.

— Чем? — спросил Герберт.

— А вот моей курткой, — сказал моряк.

Растирание очень скоро оказало воздействие. Инженер пошевелил руками и начал дышать ровнее.

Смит лишился чувств от потери сил и истощения, и, не явись вовремя Спилетт с Пенкрофом и Гербертом, он бы, наверное, погиб.

— Вы вообразили, что господин ваш мертв? — спросил у Наба моряк.

— Да! Я был уверен, что он мертв! Если бы Топ вас не нашел, если бы вы сюда не пришли, я похоронил бы его, а потом сам бы умер на его могиле!

— Вот уж действительно можно сказать, что жизнь вашего господина висела на волоске! Наб, расскажите-ка теперь, как вы его нашли.

Тогда Наб рассказал все подробно и по порядку.

Накануне, покинув «Трубы», он двинулся по берегу в северо-западном направлении и достиг участка, который уже обследовал прежде.

— У меня, признаюсь, не было уже никакой надежды, — говорил негр, — но я все еще не мог уйти и бродил между скал, все искал следы на

песке. Я знал, что прилив стирает все следы, и потому искал выше, куда волны не доходят. Я не думал, что господин мой жив. Я хотел только найти его тело и своими руками предать его земле.

Я долго искал, но все поиски остались безуспешны. Берег был такой пустынный и дикий, что сюда отроду, казалось, не заходил человек. Миллионы ракушек, которыми был усеян берег, все до одной были целехоньки. На всем пространстве, куда ни глянь, не было видно никаких признаков, что когда-нибудь кто-либо приставал в этих местах.

Я решил подняться на несколько миль выше; я думал, что, может, течением тело занесло куда-нибудь дальше. Когда труп плавает на небольшом расстоянии от пологого берега, то волны почти всегда рано или поздно выбрасывают его на берег… Я это знал и хотел увидеть в последний раз своего господина.

Я прошел еще мили две вдоль берега, осмотрел во время отлива всю цепь подводных скал, а когда начался прилив — всю высокую часть, ничего не нашел и уж совсем отчаялся… Было уже около пяти часов вечера. Вдруг я заметил следы на песке…

— Следы? — воскликнул Пенкроф.

— Да, — отвечал Наб.

— И эти следы начинались у самых подводных скал? — спросил Спилетт.

— Нет, они начинались с того места, куда прилив не доходит, а около подводных скал их, верно, смыло волнами. Когда я увидел эти следы, — продолжал Наб, — я чуть не сошел с ума! Они были очень отчетливы и вели прямо к песчаным холмам. Я кинулся в этом направлении. Я то бежал, то двигался едва не на цыпочках… боялся как-нибудь сбиться со следа или стереть эти отпечатки. Не прошло и пяти минут, как наступила темнота, но я услыхал лай собаки. Это был Топ, и он привел меня в эту пещеру, где лежал мой господин!

Я бросился к телу, прислушивался, бьется ли еще сердце… Мне показалось, что уж все кончено! Я думал, что мне остается только похоронить его и самому умереть на его могиле.

И тут мне пришло в голову, что, может, и вы все пожелаете с ним в последний раз проститься. Я подумал: вдруг Топ сможет вас отыскать и привести сюда. Я подозвал его, несколько раз повторил ему имя Спилетта, которого он знает лучше других наших спутников, указал ему на юг, и Топ кинулся в ту сторону.

Я недаром положился на собаку: она отыскала вас и привела сюда.

Все выслушали рассказ Наба с величайшим вниманием.

— Одно удивительно… — сказал Спилетт.

— Что? — спросил Герберт.

— Ведь Смит должен был бороться с волнами, пока перебирался через подводные камни, а между тем на его теле нет ни единой царапинки! — отвечал Спилетт.

— Удивительно еще и то, — заметил Пенкроф, — как мог он попасть в эту пещеру. Ведь от берега будет добрая миля, а то и больше!

— Я сначала думал, что Наб перенес его сюда, — сказал Спилетт. — Ведь ты не переносил?

— Нет, не переносил, — отвечал негр.

— Ты, может, забыл?

— Нет, я хорошо помню все как было.

— Значит, Смит сам сюда добрался, — сказал Пенкроф.

— Очевидно, — отвечал Спилетт, — но невероятно!

— Когда он поправится, он нам все это объяснит, — сказал Герберт. — Он скоро очнется; растирание очень помогло! Смотрите! Смотрите! Он опять пошевелил руками!

— Дыхание почти ровное, — сказал Спилетт. — Тсс! Он что-то проговорил…

— У него вырвался стон!

Наб наклонился над своим господином и назвал его несколько раз по имени.

Но Смит не слышал верного слуги. Глаза его были еще закрыты. Жизнь возвратилась, но он еще не пришел в сознание.

— Экая досада, что нет огня и негде его достать! — сказал Пенкроф. — Я совсем упустил из виду, что огонь может нам понадобиться, не то бы захватил с собой жженую тряпку. Здесь вдоволь кремней — сейчас можно было бы развести какой угодно костер! У вас в карманах ничего не найдется, господин Спилетт?

— Ничего, — отвечал тот, обшаривая свои карманы, — ничего, кроме часов. Надо, значит, как можно скорее перенести Смита в «Трубы».

Все с этим согласились.

Смит приходил в чувство быстрее, чем ожидали. Вода, которой смачивали ему губы, заметно его оживляла. Пенкрофу пришла мысль вместе с водой вливать ему в рот сок, выжатый из мяса глухарей, которых он с собой захватил на всякий случай. Герберт сбегал на берег и принес две большие двустворчатые раковины.

— Давай сюда, мы составим ему микстуру! — сказал бравый моряк.

Он действительно составил нечто вроде микстуры, которую начал осторожно, по капле, вливать в рот инженера.

— Смотрите! Смотрите! — вскричал Герберт. — Он глотает!

Смит открыл глаза.

Наб и Спилетт наклонились над ним.

— Господин! Господин! — воскликнул Наб.

Смит его услыхал. Он узнал Наба и Спилетта, потом Герберта и Пенкрофа и слабой рукой пожал их руки.

Из его уст вырвалось несколько слов — несколько слов, которые прежде он уже произносил невнятно и которые показывали, какие мысли его заботили. На этот раз эти слова были поняты.

— Остров или материк? — проговорил он.

— Есть о чем заботиться! — воскликнул моряк. — Лишь бы вы были живы, господин Смит, а остальное нам все нипочем! Кто его знает, остров это или континент? Потом увидим!

Смит сделал утвердительный знак и уснул.

— Пусть он спит, это отлично! — сказал Спилетт. — А мы пока придумаем, как его перенести отсюда в наши «Трубы».

— А вот мы пойдем посмотрим, не найдется ли чего, чтобы соорудить носилки, — сказал моряк.

С этими словами он вышел из пещеры в сопровождении Наба и Герберта, и все вместе отправились к высокому песчаному холму, увенчанному несколькими чахлыми, низкими деревцами.

По дороге Пенкроф не переставал повторять:

— Остров или материк! Заботиться об этом, когда душа чуть держится в теле… Что за человек!

Достигнув вершины песчаного холма, Пенкроф осмотрелся и сказал:

— Вот это деревцо годится нам на носилки. Не жалейте рук, молодцы, на инструменты надеяться нечего!

Все ревностно принялись за дело.

Они быстро обломали ветви с сосны, побитой ветром, сплели из ветвей носилки и устлали их листьями и травой.

— Кажется, годится? — сказал Пенкроф.

— Отлично перенесем! — воскликнул Герберт.

Работа была окончена в сорок минут, и к десяти часам моряк, Герберт и Наб возвратились к Смиту, от которого не отходил Спилетт.

Смит пробудился от сна или, скорее, от забытья. На щеках его, которые до сих пор были бледны как смерть, появилась легкая краска. Он немного приподнялся, поглядел вокруг и глазами, казалось, спрашивал, где он очутился.

— В состоянии ли вы выслушать меня, Смит? — спросил Спилетт.

— Нет, — отвечал инженер.

— Я полагаю, — сказал бравый моряк, — что прежде разговоров господину Смиту следовало бы снова подкрепиться. Это глухари, господин Смит, — прибавил он, подавая ему бульон, к ко-

торому примешал на этот раз крошки мяса.

Сайрес Смит подкрепился предложенной пищей, а то, чего не мог съесть больной, истребили его лекари, которые страшно проголодались.

— Завтрак скудный! — сказал Пенкроф. — Но не унывайте: дома нас ожидают припасы. Знайте, господин Смит, — прибавил он, обращаясь к инженеру, — что там, к югу, у нас есть дом и комнаты, постели и очаг… А в кладовой запасено несколько дюжин птиц, которых Герберт называет какими-то куруку. Ваши носилки готовы, и, как только вы почувствуете себя лучше, мы вас на них уложим и перенесем домой.

— Благодарю, дружище, — ответил Смит. — Еще час или два, и я в состоянии буду идти… Говорите, Спилетт! Рассказывайте!

Спилетт рассказал все, что с ними случилось: как они упали, как пристали к незнакомой земле, которая казалась совершенной пустыней, как нашли «Трубы» и устроились там, как разыскивали его; он, разумеется, не забыл упомянуть о преданности Наба и о сметливости Топа.

— Так разве не вы подняли меня на берегу? — слабым голосом спросил Смит.

— Нет, — отвечал Спилетт.

— Как далеко эта пещера от подводных скал?

— По крайней мере полмили, — ответил Пенкроф, — и если вы удивляетесь, что очутились здесь, то мы удивлены этим не меньше вас.

— Это действительно очень странно! — проговорил Смит, который постепенно все более и более оживлялся.

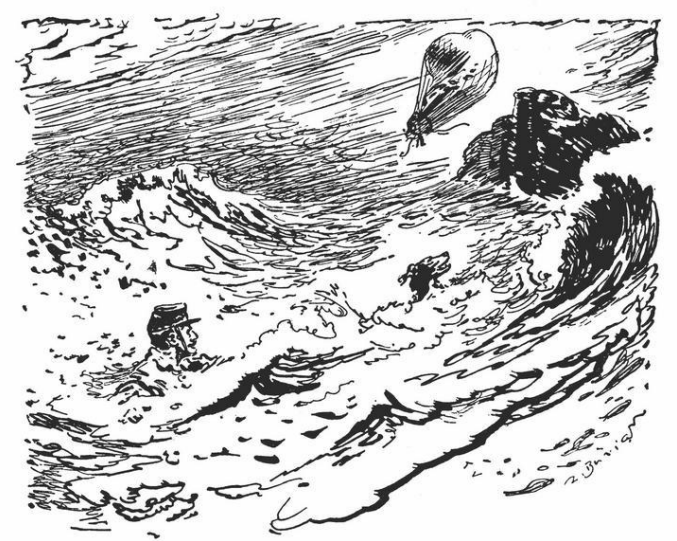
— Вы можете рассказать, что с вами было, когда вас унесло волнами? — спросил моряк.

Смит с минуту молчал, как бы стараясь собраться с мыслями и что-то припомнить, потом ответил:

— Я знаю, что меня выкинуло из сетки шара и я погрузился в воду на несколько саженей глубины. Когда я вынырнул на поверхность, кругом было темно, и во мраке я почувствовал около себя какое-то живое существо. Это был Топ, явившийся мне на помощь. Я поднял глаза. Воздушный шар уже исчез. Я очутился среди разъяренных волн, на расстоянии полумили от берега. Я пытался бороться с бушующим морем и поплыл. Топ вцепился зубами в мою одежду и поддерживал меня на поверхности. Вдруг быстрое течение подхватило и понесло меня на север. Напрасно я боролся со стихией, я чувствовал, что иду ко дну и увлекаю за собой Топа… С этой минуты я ничего более не помню.

— Однако вас, очевидно, выкинуло на берег, и у вас достало сил добраться до этой пещеры, потому что Наб отыскал вас здесь по вашим следам, — сказал Пенкроф.

— Да… очевидно… — проговорил задумчиво Смит. — Вы не встречали человеческих следов на этом берегу?



— Ни единого, — отвечал Спилетт. — К тому же если бы какой-нибудь местный избавитель и явился вам на помощь, он не бросил бы вас на произвол судьбы в этой пещере.

— Вы совершенно правы, дорогой Спилетт, — сказал Смит. Затем он обратился к негру: — Скажи мне, Наб, не ты меня принес сюда? Ты, может, забыл это? Ты ведь был тогда очень расстроен… Ты, может, не помнишь?.. Но нет, это немыслимо!.. Сохранились эти следы?

— Сохранились, — отвечал Наб. — Да вот тут, у входа в пещеру, вот в этом месте… Другие смыло дождем.

— Пенкроф, — сказал Смит, — сделайте одолжение, возьмите мои башмаки и посмотрите, совпадут ли они с этими следами.

Моряк поспешил исполнить просьбу инженера.

Герберт и он, сопровождаемые Набом, направились к тому месту, где сохранились следы.

Смит сказал Спилетту:

— Произошли какие-то необъяснимые вещи!

— Действительно необъяснимые! — отвечал Спилетт.

— Не будем теперь ломать над ними голову, дорогой Спилетт. Потолкуем об этом после.

Минуту спустя Герберт, Наб и моряк возвратились.

— Сомневаться невозможно, господин Смит, — сказал Пенкроф, — ваши башмаки как нельзя лучше соответствуют отпечаткам. Следы, значит, ваши!

— Вероятно, я все перепутал и перезабыл! — отвечал Смит. — Я, видимо, добрался сюда бессознательно, как лунатик. Или, еще вернее, меня привел сюда Топ… Да, Топ вытащил меня из воды и привел сюда… Поди ко мне, Топ, поди, мой верный, добрый пес!

Великолепное животное с лаем кинулось к своему хозяину, который не поскупился на ласки.

— Значит, вся честь принадлежит Топу? — сказал моряк. — Молодец, Топ!

Около полудня Пенкроф спросил у Смита, как он себя чувствует — можно ли его перенести.

В ответ на это Смит сделал энергичное движение и встал.

Но он тотчас же должен был опереться на моряка, иначе не удержался бы на ногах и упал.

— Отлично! Отлично! — проговорил Пенкроф. — Ну, носилки для господина инженера!

Носилки, покрытые мягким мхом и травой, были доставлены, товарищи уложили Смита и

направились к «Трубам».

Пенкроф шел впереди, Наб позади.

До «Труб» было восемь миль, но так как идти быстро было нельзя и к тому же надо было делать частые остановки для отдыха, то моряк рассчитывал добраться до дому не раньше чем через шесть часов.

Ветер все еще дул с ужасной силой, но, по счастью, дождь уже перестал.

Лежа на носилках, Смит безмолвно, но внимательно осматривал места, по которым проходили, особенно верхнюю террасу. Несомненно, очертания этого побережья, пески, скалистые утесы и лес — все это запечатлелось в памяти инженера. Однако часа через два усталость взяла свое, он вытянулся на носилках и заснул.

В половине шестого караван достиг места, откуда уже виднелись «Трубы».

Смит спал глубоким сном и не проснулся.

Пенкроф, к величайшему своему изумлению, увидел, что страшная буря, свирепствовавшая накануне, почти совершенно изменила вид этой местности. Произошли значительные обвалы; огромные обломки утесов громоздились на берегу; густой ковер морских трав и водорослей покрывал песок.

Перед самым отверстием «Труб» почва была в глубоких рытвинах, где еще оставалась морская вода.

Пенкроф вдруг кинулся со всех ног в коридор, словно его поразила какая-то тревожная мысль.

Он почти в ту же минуту возвратился назад и, остановившись перед товарищами, смотрел на них, как бы не решаясь объявить о новой беде.

— Что такое, Пенкроф? — спросил Спилетт.

— Огонь погас!

Да, огонь погас, пепел превратился в грязь; жженая тряпка, заменявшая трут, исчезла…

Море проникло в глубину коридоров и все перевернуло, все разрушило в «Трубах»!

IX. Где же мы?

Печальное известие, сообщенное Пенкрофом, по-разному подействовало на его товарищей.

Наб, совершенно поглощенный радостью свидания со своим дорогим господином, едва его выслушал и нисколько им не озаботился.

Герберт очень встревожился и смутился.

Что касается Спилетта, то он преспокойно ответил:

— Ей-ей, Пенкроф, мне это решительно все равно!

— Все равно, господин Спилетт? Повторяю вам, что у нас нет огня!

— Экая беда!

— Нет и средства его добыть!

— Ну так что ж?

— Однако…

— Да разве Смит не с нами? — прервал Спилетт. — Разве у нас нет инженера Смита? Он найдет средство добыть огонь.

— Из чего?

— Из ничего!

Что было отвечать на это Пенкрофу?

Он сам разделял веру товарищей в Смита и его

могущество.

Инженер был для всех идеалом, кладезем всех человеческих познаний, ума и находчивости. Они были убеждены, что лучше очутиться на необитаемом острове со Смитом, чем в самом оживленном городе без него. Они были уверены, что кто имеет счастье находиться со Смитом, тот ни в чем не будет терпеть нужды, что кто с ним, тому нечего ни унывать, ни отчаиваться. Если бы этим людям вдруг объявили, что вулканическое извержение сейчас разрушит землю, что земля сейчас провалится в бездну Тихого океана, они бы безмятежно ответили:

— Здесь Смит! Поговорите об этом с ним.

Но пока инженер еще лежал в забытьи, прибегнуть к его изобретательности было невозможно, а потому приходилось довольствоваться весьма скудным ужином.

— Глухари съедены? — спросил Герберт.

— До последней косточки! — отвечал Пенкроф.

— У нас ведь есть другая дичь в запасе.

— Как же будем ее жарить без огня? Да и дичи этой уж нет: ее, верно, унесло волнами. Надо что-нибудь придумать…

— Прежде всего уложим удобнее Смита, — сказал Спилетт.

— Куда его лучше перенести?

— Лучше всего в средний коридор.

Смит был перенесен и уложен там на водорослях.

Инженер погрузился в глубокий сон.

— Отлично, что он уснул, — сказал Спилетт. — Это скорее всего восстановит его силы, лучше всякой пищи подкрепит.

Наступила ночь, ветер теперь дул с северо-востока; сделалось очень холодно.

— Ну, теперь у нас прохладно! — сказал Пенкроф.

Действительно, было прохладно. Море унесло перегородки, устроенные Пенкрофом в некоторых частях коридоров, и теперь везде дул сквозной ветер.

— Надо непременно чем-нибудь укрыть Сайреса, — сказал Спилетт.

Все, словно сговорившись, сняли с себя кто куртку, кто китель и тщательно укутали товарища.

В этот вечер ужин состоял из одних ракушек, собранных Гербертом и Набом в весьма изрядном количестве на берегу. Мальчик, впрочем, присоединил к этим моллюскам съедобные водоросли, которые нашел на высоких скалах, куда морские

воды захлестывали только во время самых высоких приливов.

— Это что за трава? — спросил Пенкроф.

— Это водоросли, — отвечал Герберт.

— И что, ими будешь сыт?

— Да, Пенкроф. Это саргассы, водоросли из семейства фукусовых.

— А!

— Саргассы, если их подсушить, представляют собой очень питательное студенистое вещество вроде желе…

— Попробуем! — сказал Пенкроф.

Истребив значительное количество литодом, он принялся сосать саргассы.

— Право, недурно! — сказал Пенкроф.

Все остальные были того же мнения.

— Я читал, что на азиатских берегах туземцы охотно ими питаются, — сказал Герберт.

— Ну и на здоровье им! — сказал Пенкроф.

— Скажи по правде, — засмеялся Герберт, — тебе не нравятся эти саргассы?

— Отчего не нравятся?! Очень нравятся, только все-таки я бы желал, чтобы господин Смит поскорее поправился и выручил нас… Экий холодище!

Действительно, холод сделался очень сильным, и не было никаких средств помочь этому горю.

— Надо что-нибудь придумать! — повторял моряк. — Непременно надо что-нибудь придумать!

И он начал «придумывать».

Он нашел немного сухого мха и два камешка.

— Попытаемся!

Он усердно принялся ударять камнем о камень; скоро полетели искры, но мох был недостаточно сухой и никак не хотел воспламеняться, и, кроме того, эти искры были вовсе не похожи на те, какие выбиваются из куска стали.

— Нет, из этого ничего не выйдет! — сказал огорченный Пенкроф. — Попробуем теперь тереть кусочки дерева, как делают дикари. Помоги-ка, Наб! Не очень-то я верю в это средство, а все-таки попытаться не мешает…

Бравый моряк и Наб выбрали две сухие деревяшки и принялись за дело.

Но как они ни старались, все понапрасну. Они только разогрели куски дерева и еще больше разогрелись сами.

После часовой работы с Пенкрофа полил градом пот, и он с горькой досадой отшвырнул от себя куски дерева.

— Я тогда поверю, что дикари этим способом добывают огонь, когда зимой будет жарче, чем летом! — сказал он. — Скорее загорятся мои руки,

если их тереть, чем эти деревяшки!

— Ты напрасно сомневаешься, Пенкроф, — сказал Герберт. — Достоверно известно, что дикари именно этим способом добывают огонь…

— Ладно! Ладно!

— Но может быть, они используют для этого какое-нибудь особое дерево… А потом, нужна еще и сноровка. У нас, может, нет сноровки?..

— Ладно! Ладно!

Досада бравого моряка продолжалась недолго. Когда Герберт, подняв брошенные им деревяшки, в свою очередь принялся усердно тереть, Пенкроф не мог удержаться от смеха.

— Хочет нас с тобой перещеголять, Наб, да не перещеголяет! — сказал он. — Три, дружище, три!

— Я тру, — отвечал, смеясь, Герберт, — но я вовсе не имею претензии вас перещеголять. Я просто хочу согреться, потому что мне тоже надоело дрожать от холода. Ты увидишь, Пенкроф, что скоро мне будет так же жарко, как и тебе!

— На здоровье, на здоровье, дружище! — отвечал моряк. Затем он обратился к Спилетту: — Приходится сидеть без огня, господин Спилетт!

— Да, Пенкроф, — отвечал Спилетт, — но погодите, проснется Смит — и огонь тотчас же запылает!

В ожидании будущих благ Спилетт спокойно улегся в коридоре на песке и уснул.

Герберт, Наб и Пенкроф последовали его примеру, а Топ свернулся у ног своего господина.

На следующее утро, 28 марта, Смит проснулся около восьми часов.

Остальные уже были на ногах и ожидали, когда он откроет глаза.

Первые слова Смита были те же, что и накануне:

— Остров или материк?

Очевидно, эта мысль не покидала его ни на минуту.

— Мы сами не знаем, господин Смит, — ответил ему Пенкроф.

— Вы еще не знаете?

— Но мы узнаем, — прибавил Пенкроф, — когда вы нас поводите повсюду…

— Я надеюсь, что могу начать исследования, — отвечал Смит.

Он без особенных усилий поднялся.

— Вот это по-молодецки! — радостно воскликнул моряк.

— Я умирал от истощения, — сказал Смит. — Дайте чего-нибудь поесть, друзья, я сейчас же поправлюсь! Есть у вас огонь?

На последний вопрос ответ последовал не сразу.

— Ах, господин Смит! — сказал моряк после минутного молчания. — У нас нет огня, или, точнее говоря, у нас пропал огонь…

И Пенкроф подробно рассказал инженеру все, что случилось накануне.

Он развеселил Смита повествованием об одной-единственной спичке и о своих тщетных попытках добыть огонь по способу дикарей.

— Мы об этом подумаем, — сказал инженер. — Может быть, мы найдем что-нибудь похожее на трут. А если не найдем…

— Тогда что? — спросил моряк.

— Тогда мы попробуем сделать спички.

— Химические?

— Химические.

— Да! Дело, как видите, нетрудное, — сказал Спилетт, ударяя моряка по плечу.

Пенкроф не считал это дело легким, но не возражал.

Все вышли на воздух.

День распогодился. Яркое солнце всходило над морем, и его лучи рассыпали золото по граням огромной скалы.

Быстро оглядевшись, Смит сел на обломок ка-

менной глыбы.

— Хотите? — спросил его Герберт, подавая ему пригоршню ракушек и водорослей. — Больше у нас ничего нет…

— Спасибо, дружок, — отвечал Смит, — этого совершенно довольно; по крайней мере, довольно на сегодняшнее утро.

И он с большим аппетитом принялся за эту скудную пищу, запивая ее свежей водой, зачерпнутой в реке в большую раковину.

Товарищи молча смотрели на него, пока он подкреплял силы.

Утолив кое-как голод, Смит скрестил на груди руки и сказал:

— Итак, друзья, вы еще не знаете, куда забросила вас судьба, на материк или на остров?

— Не знаем, — отвечал Герберт.

— Завтра узнаем, — сказал Сайрес. — До тех пор ничего нельзя сделать.

— Но у нас есть чем заняться! — вмешался Пенкроф.

— Что такое?

— Надо добыть огонь, — отвечал моряк, которого тоже преследовала неотвязная мысль.

— Добудем, Пенкроф! Я не знаю, показалось ли мне, или я точно видел вчера, когда вы ме-

ня несли сюда, гору, которая возвышается над окрестностью?

— Да, — отвечал Спилетт, — по дороге мы точно видели гору, и гора эта, по-видимому, довольно высока…

— Отлично, — сказал Смит. — Завтра мы взберемся на ее вершину и увидим, где мы очутились — на материке или на острове. А до тех пор, повторяю, делать нечего…

— А про огонь забыли? — снова напомнил моряк.

— Да будет вам огонь! — отвечал Спилетт. — Имейте немножко терпения, Пенкроф!

Бравый моряк посмотрел на Спилетта с таким видом, словно хотел сказать: «Если *вы* будете добывать этот огонь, то нам еще долго не доведется отведать жаркого!»

Он, впрочем, ничего не сказал.

Смит хранил молчание. Его, казалось, очень мало занимал вопрос об огне. В продолжение нескольких минут он о чем-то раздумывал, а затем сказал:

— Друзья мои, положение наше, быть может, бедственное, но во всяком случае чрезвычайно несложное и простое. Или мы на материке, или на острове. Если на материке, то ценой более или

менее тяжелых трудов и лишений мы достигнем какого-нибудь обитаемого места. Если мы на острове и остров этот обитаем, мы попробуем выпутаться из беды с помощью местных жителей, а если этот остров необитаем, мы попытаемся выпутаться из беды сами.

— Вы справедливо заметили, господин Смит, дело простое и несложное! — ответил Пенкроф.

— Остров это или материк, мы узнаем, — заметил Спилетт, — а пока не можете ли вы сказать, Смит, куда, вы полагаете, закинул нас ураган? То есть в какую часть света?

— Трудно утверждать наверняка, — отвечал инженер, — но, по моим соображениям, мы, должно быть, где-нибудь в Тихом океане или очень от него близко. Вспомните, когда мы вылетели из Ричмонда, ветер дул с северо-востока, и сила родившего его урагана заставляет предполагать, что направление его не изменялось. А если направление ветра не изменялось и он дул с северо-востока на юго-запад, то мы должны были перелететь Северную Каролину, Южную Каролину, Джорджию, Мексиканский залив, Мексику и затем часть Тихого океана. По моим соображениям, наш шар пролетел не менее шести или даже семи тысяч миль, и, если бы ветер хоть

немного изменил свое направление, он занес бы нас или на Маркизские острова, или на Туамоту, или даже — если бы ярость его была сильнее, чем я думаю, — к Новой Зеландии. Если последняя догадка оправдается, то нам легко будет добраться до своих мест. Если придется обратиться к англичанам или к маори, мы сговоримся и с теми и с другими. Если же, напротив, мы попали на какой-нибудь необитаемый остров Микронезии, то мы прежде всего осмотрим его с вершины горы и тогда решим, как и где здесь окончательно обосноваться.

— Окончательно обосноваться? — переспросил Пенкроф.

— Да. И обосноваться как людям, которым никогда отсюда не выбраться, — отвечал Смит.

— Никогда? — воскликнул Спилетт. — Вы говорите «никогда», любезнейший Сайрес?

— Я убежден, Спилетт, — отвечал инженер, — что гораздо разумнее предполагать самое худшее и, таким образом, не ожидать никаких сюрпризов, кроме приятных.

— Хорошо сказано! — воскликнул Пенкроф. — Я, однако, надеюсь, что мимо этого острова — если это остров — проходят какие-нибудь суда… Неужто нас забросило в самую пустынную часть

океана? Уж это было бы, как нарочно, устроено на нашу беду!

— Пока мы не взберемся на гору, мы ничего не можем решить, — сказал Смит.

— Но разве вы так уже поправились, господин Смит, что завтра будете в состоянии взбираться на гору? — спросил Герберт. — Не будет ли это для вас слишком утомительно?

— Надеюсь, что нет, — отвечал инженер, — но с условием, что вы с Пенкрофом отличитесь на охоте и доставите мне сытное жаркое.

— Так как вы упомянули о жарком, господин Смит, то и я напомню вам об огне… Будь я уверен, что будет на чем жарить, я бы пошел за дичью и принес ее…

— Так несите, Пенкроф, — отвечал Смит, — а об остальном не беспокойтесь.

Итак, на общем совете было решено, что Смит и Спилетт останутся дома и проведут день в исследованиях берега и прибрежных утесов, а Наб, Герберт и моряк отправятся в лес, где запасутся топливом и постараются раздобыть всякой дичи, и пернатой и четвероногой, какая попадется.

— Счастливой охоты! — сказал на прощание Смит.

Охотники отправились около десяти утра. Гер-

берт верил в свою удачу и весело шел вперед. Наб был рад выздоровлению инженера. Пенкроф шел бодро, но ворчал себе под нос:

— Думаю, по возвращении я найду тут огонь лишь в том случае, если его зажжет молния!

Они поднялись по берегу. Достигнув излучины реки, моряк спросил:

— С чего ж мы начнем? Поохотимся или будем заготавливать дрова?

— Сначала охота, — отвечал Герберт. — Вон Топ уж ищет!

— Охота так охота! — согласился Пенкроф. — А после мы сюда вернемся и сплавим топливо.

Герберт, Наб и Пенкроф, сделав себе по дубинке из молодых сосен, последовали за Топом, который резво рыскал среди кустов и высокой травы.

— Что, мы опять пойдем по течению реки или прямо в лес? — спросил Герберт. — Не лучше ли в лес?

— Пожалуй что и лучше, — отвечал моряк.

Мальчик поспешил вперед.

— А деревья все одинаковые, Пенкроф, — крикнул он, — все те же сосны!

Лес действительно не представлял разнообразия. В некоторых местах сосны были не так скучены, росли отдельными группами и дости-

гали значительных размеров. Это последнее обстоятельство заставляло думать, что остров находился на более высокой широте, чем предполагал Смит. Попадались пролески и лужайки, загроможденные сухостоем, сучьями и поваленными деревьями, между которыми торчали почерневшие пни. За пролесками снова начиналась почти непроходимая чаща.

— Смотри-ка, какой тут запас топлива! — крикнул Герберт, кивая на сухой валежник и стараясь продраться сквозь чащу.

— Хоть бы на смех какая-нибудь тропка! — сказал Пенкроф, пробираясь следом за мальчиком. — Не спеши так, Герберт, надо помечать дорогу, а то как раз заблудимся на обратном пути.

Говоря это, моряк усердно начал работать руками и ногами, то обламывая верхушки молоденьких сосенок и нижние сучья, то разбивая сухие пни.

— Не знаю, много ли мы выиграли, что пошли не по течению реки, как в первый раз, а пустились прямо в лес, — сказал Пенкроф. — Вот мы уже больше часа шагаем, а еще не видали никакой дичи.

Солнце хотя еще не достигло своей высшей точки над горизонтом, но было уже довольно

высоко. Исследователи начинали подумывать, не воротиться ли назад, когда раздалось восклицание Герберта:

— Пенкроф! Наб! Поглядите-ка, что я нашел!

— Что такое?

— Шишки! Съедобные орешки!

— Какие плоды? Давай сюда! Что за дерево?

— Это кедровая сосна, Пенкроф. Она дает шишки, а в них отличные плоды вроде миндаля. Попробуй! Они уже спелые!

— Хороши, очень хороши! — сказал Пенкроф, попробовав. — Подходи, Наб, и угощайся! — крикнул он негру.

— У нас водоросли вместо хлеба, — продолжал моряк, — ракушки вместо мяса и кедровые шишки на десерт! Что ж, какого ж вам еще обеда для людей, у которых нет ни единой спички?

— Жаловаться не следует, Пенкроф, — отвечал Герберт.

— Я не жалуюсь, дружище, а говорю, как оно есть на самом деле. Я только хочу сказать, что с такого обеда сыт не будешь, а впрочем…

— Топ что-то нашел! — крикнул Наб и кинулся в густую чащу, где с лаем скрылся пес. Если попалась добыча, надо ее поймать, а не спорить, на чем ее зажарить.

К лаю Топа скоро присоединилось какое-то странное не то ворчанье, не то хрюканье.

— Скорее, скорее, Пенкроф! — крикнул Герберт.

— Иду, иду! — отвечал моряк, спеша изо всех сил.

Продравшись сквозь чащу, охотники увидели, что Топ напал на какого-то зверя и крепко вцепился ему в ухо. Это четвероногое, похожее на поросенка, имело около двух с половиной футов в длину, шерсть на нем была коричневого цвета, негустая и чрезвычайно жесткая. Лапы, которыми оно крепко упиралось в землю, были перепончатые.

— Посмотри-ка, Герберт, у него на ногах словно перепонки! — снова воскликнул моряк.

— Да, вижу, это, кажется, кабан или водосвинка… Самый крупный грызун из семейства полукопытных, до метра в длину…

Зверь не отбивался от собаки. Он тупо вращал глазами, заплывшими жиром.

— Может, этот зверь впервые видит людей? Ишь как одурел! — заметил Пенкроф.

Наб, прицелившись своей дубиной, хотел поразить животное, как вдруг оно неожиданно вырвалось из зубов Топа, оставив ему кончик

уха, испустило громкое хрюканье, ринулось на Герберта, опрокинуло его и исчезло в лесу.

— Ах ты, скверная тварь! — воскликнул Пенкроф.

— Догоним! Догоним! — кричал Герберт.

Все трое бросились по следам Топа, но в ту самую минуту, как они настигли собаку, зверь скрылся в озере, окруженном громадными соснами.

Наб, Герберт и Пенкроф остановились.

Топ кинулся в воду, но зверь притаился в глубине и не показывался на поверхность.

— Подождем, — сказал Герберт, — он непременно покажется… он выплывет подышать…

— А не утонет? — спросил Наб.

— Нет, — отвечал Герберт. — У него на ногах перепонки. Подождем, он сейчас выплывет!

Топ держался на воде и тоже, очевидно, поджидал добычу.

— Нам лучше разделиться, — сказал Герберт. — Пусть каждый займет место на берегу этой лужи… Мы таким образом отрежем дорогу… Смотрите, как Топ плавает и разыскивает его!

Герберт не ошибся.

Спустя несколько минут зверь всплыл.

Одним скачком Топ очутился около него и по-

мешал снова скрыться под водой.

Еще минуту спустя зверь был вытащен на берег, и Наб тут же прикончил его.

— Ура! — воскликнул Пенкроф. — Ура! Теперь, если добудем хоть один горящий уголек, этот грызун будет сгрызен до последней косточки.

Пенкроф взвалил зверя на плечи и сказал:

— Пора домой. Поглядите-ка, где солнце! Уж теперь часа два, надо полагать, или около того. Как-то мы теперь разыщем дорогу.

— Ты ведь помечал путь? — сказал Герберт.

— Помечать-то помечал, а заблудиться нетрудно.

— Топ нам поможет!

Топ действительно помог; благодаря умному, чуткому псу они ни разу не сбились с пути и через полчаса благополучно достигли излучины реки.

— Ну, теперь займемся дровами! — сказал Пенкроф. — Хоть без огня оно и ни к чему, а все-таки лучше запастись на всякий случай…

Они принялись за работу, живо ее окончили и отправились дальше.

Не доходя шагов пятидесяти до «Труб», Пенкроф вдруг остановился, снова испустил оглушительное «ура» и, протягивая руку, воскликнул:

— Герберт! Наб! Смотрите!

Из-за скал вырывались клубы дыма…

X. На острове...

Несколько минут спустя охотники уже находились перед ярко пылавшим костром.

Около него сидели Смит и Спилетт.

Пенкроф стоял с добычей на плече, глядел на обоих и не говорил ни слова.

— Что, любезнейший Пенкроф?! — воскликнул Спилетт. — Огонь, как видите, разведен к вашему возвращению — настоящий, как следует, на котором вы отлично можете изжарить эту превосходную дичину и угостить нас на славу.

— Но кто же его зажег?.. — спросил Пенкроф.

— Солнце.

— Солнце?

— Да!

Спилетт говорил правду.

Пенкроф не верил собственным глазам. Он до того был изумлен, что не рассуждал, не соображал и не расспрашивал.

— У вас, значит, было зажигательное стекло, господин Смит? — спросил Герберт.

— Нет, дружок, но я себе смастерил нечто подобное.

И он показал прибор, которым заменил настоя-

щее зажигательное стекло.

То были просто-напросто два круглых стеклышка, которые он снял со своих часов и с часов Гедеона Спилетта. Наполнив их водой и склеив края жирной глиной, он таким образом получил двояковыпуклое стекло. Поймав солнечные лучи, он направил луч на сухой мох и зажег его.

Пенкроф осмотрел прибор, затем, не говоря ни слова, поглядел на инженера.

Если он в эту минуту не считал Смита божеством, то уже, конечно, не считал его и обыкновенным смертным.

Наконец моряк обрел дар речи и воскликнул:

— Занесите это в вашу памятную книжку, господин Спилетт! Занесите непременно!

— Занесено! — ответил Спилетт.

Оправившись от изумления, моряк обратился к Набу:

— Надо приниматься за стряпню, Наб! Я подкину дров и приготовлю вертел, а вы пока потрошите дичину.

— А как ты будешь жарить ее? — спросил Герберт.

— Как обычного поросенка, — отвечал Пенкроф.

Скоро огонь весело затрещал, и от жаркого

начал распространяться аппетитный запах.

Снесенные и разрушенные водой перегородки были снова поставлены, коридоры мало-помалу нагревались, и в «Трубах» сделалось уютнее и теплее.

Инженер и его товарищ, остававшиеся дома, как видит читатель, не сидели сложа руки.

Смит почти совершенно поправился и пробовал свои силы, взобравшись на верхнюю площадку утеса.

Отсюда глаза, привыкшие верно определять видимые пространства и возвышенности, устремились на конус, который он намеревался на следующий день исследовать, и он долго рассматривал четко очерченную вершину.

— Мне кажется, — сказал он Спилетту, — что эта гора находится отсюда милях в шести к северо-западу и возвышается на три тысячи или на три тысячи пятьсот футов над уровнем моря. Следовательно, с ее вершины можно обозреть окрестности по крайней мере миль на пятьдесят. Я надеюсь, что завтра мы окончательно решим вопрос, где мы — на материке или на острове.

— Сегодня ужин на славу! — говорил Пенкроф, приглашая товарищей подкрепиться.

Жаркое было очень вкусно, особенно для го-

лодных. Водоросли и найденные в лесу орехи заменили десерт.

Во время ужина инженер говорил мало. Он был занят мыслями, как лучше устроить на следующее утро исследование горы.

Раз или два Пенкроф начинал разговор об этих исследованиях и высказывал, как, по его мнению, всего лучше приняться за дело, но Смит, как человек методичный, не пускался по этому поводу в длинные рассуждения и в ответ на все речи моряка ограничивался только легким наклоном головы.

— Завтра, — говорил он, — мы узнаем что-нибудь положительное, и тогда видно будет, что нам делать.

Когда ужин был окончен, в костер подкинули несколько охапок сучьев, и обитатели «Труб», в том числе верный Топ, уснули глубоким сном.

Ничто не нарушило мирного спокойствия этой ночи, и на следующее утро, 29 марта, все проснулись бодрые, готовые предпринять экспедицию, которая должна была определенным образом решить их участь.

Все были готовы отправиться в путь.

— Я захватил с собой остатки дичи; хватит еще на целые сутки, — сказал Пенкроф.

— Да я надеюсь, что по дороге нам удастся пополнить свои припасы, — сказал Герберт.

— Оно, конечно, надеяться можно, а все-таки лучше запастись готовым, — отвечал моряк.

Так как стекла, с помощью которых Смит зажигал мох, были снова вставлены в часы, то Пенкроф решил воспользоваться жженой тряпкой.

— Вот и трут готов! — сказал он.

Что же касается кремня, то в почве в нем не было недостатка.

Было семь часов утра, когда исследователи, вооруженные дубинами, покинули «Трубы».

Следуя совету Пенкрофа, решили отправиться уже знакомой дорогой, через лес, а вернуться по другому маршруту.

Они обогнули южный выступ утеса и пошли по левому берегу реки.

Дойдя до того места, где река круто заворачивала к юго-западу, Пенкроф остановился и сказал:

— Теперь надо поискать тропинку, которую мы проложили.

Тропинка, извивавшаяся чуть заметной нитью среди густой зелени, была найдена, и в девять часов утра Смит и его спутники достигли западной опушки леса.

Сначала шли по болотистой низине, потом

почва стала сухой, песчаной: начался пологий подъем, который вел от берега вглубь этих незнакомых мест. В лесу, между высокими деревьями, промелькнуло несколько животных. Топ усердно их выгонял, но его хозяин тотчас же звал его к себе, так как еще не наступило время заниматься охотой. Инженер был из тех людей, которые, поставив задачу, ни на что не отвлекаются, пока не достигнут своей цели. Сейчас Сайрес Смит не обращал внимания ни на характер местности, по которой проходил, ни на ее природные богатства. Он думал только о том, как бы поскорее достигнуть вершины горы, на которую решил подняться, и прямо туда стремился.

В десять часов остановились немного отдохнуть.

При выходе из леса открылись очертания горы. Она состояла из двух конусов. Первый, усеченный на высоте около двух тысяч пятисот футов, поддерживался передними горами причудливой формы, которые разветвлялись, как когти громадной лапы, вцепившейся в почву. Между этими передними горами перекрещивалось множество глубоких, узких долин, покрытых деревьями; несколько зеленых групп росло у самого усечения конуса, что представляло издали подобие раски-

нутых букетов. Растительность была беднее на северо-восточном склоне горы, и тут виднелись довольно глубокие борозды — вероятно, застывшие потоки лавы.

Возле первого конуса стоял второй, слегка закругленный на вершине и несколько склонившийся набок. Вид его напоминал круглую шапку, надетую набекрень. Он, казалось, состоял из обнаженной земли, сквозь которую во многих местах прорезались красноватые скалы.

Смит хотел достигнуть вершины второго конуса и по гребням горных отрогов надеялся туда подняться без особых затруднений.

— Мы на вулканической почве, — сказал Смит. — Следуйте за мной. Мы начнем взбираться по склону вот этой передней горы. Склон состоит из уступов, и, следовательно, по нему легче достигнуть первой площадки.

Почва была изрытая и неровная. Там и сям виднелись перекатные валуны, многочисленные

базальтовые[12] обломки, пемза, обсидиан[13]. Хвойные деревья возвышались здесь отдельными группами, а на несколько сотен футов ниже, в глубине узких ущелий, они сливались в густые рощи, почти непроницаемые для солнечных лучей.

Пока исследователи пробирались по нижним отрогам, Герберт, зорко осматривавшийся, указал на свежие следы, ясно обозначавшие, что тут недавно проходило немало крупных животных.

— Хищных? — спросил Пенкроф.

— И хищных, и нехищных, — ответил Герберт.

— Что ж, может, эти звери неохотно уступят нам свои владения? — сказал Пенкроф.

— Тогда мы с ними потолкуем, — ответил Спилетт, которому уже случалось охотиться на тигров в Индии и на львов в Африке. — С ними не так трудно справиться, как обычно полагают. Но до охоты еще далеко, а пока следует быть настороже.

---

[12] Примечания: 12

Базальт — темный камень, очень плотный и твердый; масса его стекловидна и на вид кажется однородной. Встречается в причудливых формах — шашек, столбов, пирамид, шаров, досок и др. Вулканического происхождения.

[13] Примечания: 13

Обсидиан — также камень вулканического происхождения, похожий на темный кремень, — от бурого и темно-синего цвета до черного. Первобытные люди делали из него наконечники для стрел, ножи и др.

Между тем они мало-помалу поднимались вверх. Дорога очень удлинялась поворотами и преградами, которые надо было обходить. Случалось, что под ногами почва вдруг обрывалась, и путники неожиданно оказывались на краю глубоких провалов. Надо было возвращаться назад, искать какую-нибудь тропинку или по крайней мере место, где можно было ее проложить. Таким образом, напрасно тратилось много времени и сил.

В полдень маленький караван остановился позавтракать под тенью высоких елей, около ручейка, каскадом струившегося по камням наподобие водопада.

— Мы прошли полдороги до первой площадки и на площадке будем, вероятно, не раньше вечера, — сказал инженер. — Уже и отсюда можно кое-что разглядеть. Открывается широкий вид на море. Вот только справа острый мыс мешает определить, соединяется ли берег с землей…

Налево местность также просматривалась на несколько миль к северу, но от северо-запада и до того пункта, где находились исследователи, вид закрывала гора. На северо-западе панораму замыкал горный отрог причудливых очертаний, он казался застывшим потоком лавы, некогда

извергнутой вулканом. Отсюда еще нельзя было разрешить вопроса, который так живо интересовал Смита.

В час они возобновили подъем.

Приходилось идти наискосок, держа курс на юго-запад, и снова углубляться в довольно густые заросли.

Выйдя из чащи, спутники попали на очень крутой подъем, по которому пришлось карабкаться. Хорошо, что он тянулся всего саженей пятнадцать. Наконец они достигли верхнего отрога, где было очень мало деревьев.

— Теперь нам надо повернуть к востоку, — сказал инженер. — Придется немало покружить, пока обойдем все обрывы. Смотрите хорошенько под ноги, а то можно сорваться.

Наб и Герберт шли впереди, Пенкроф позади, Смит и Спилетт между ними, в середине.

Здесь встретилось несколько пар птиц, похожих на фазанов. Герберт их назвал трагопанами и обратил внимание на красные мясистые наросты под горлом, как у индюков, и на крохотные цилиндрические выступы позади глаз. Самки, величиной с большую курицу, были коричневого цвета, а самцы имели великолепное красное оперение, усеянное беленькими пятнами, точно

слезками. Спилетт так ловко подбил одного самца камнем, что уложил его на месте. Пенкроф, который успел уже проголодаться, то и дело посматривал на этого трагопана, представляя себе его отменный вкус.

Попадалось немало следов животных, и животные, посещавшие эти высоты, очевидно, должны были принадлежать к породам, отличающимся верной поступью и крепким сложением.

— Эти следы похожи на следы верблюдов или пиренейских серн, — сказал Герберт. — Смотрите, смотрите! Видите?

— Это не верблюды и не серны, — воскликнул Пенкроф. — Это бараны!

Все остановились шагах в пятидесяти от пяти или шести крупных животных.

— Смотрите, какие крепкие рога, — сказал Герберт, — как они загнуты назад и сплюснуты на концах… И какая славная бурая шерсть…

— Да ведь это бараны? — настаивал Пенкроф.

— Только не простые, не обыкновенные, — отвечал Герберт. — Это муфлоны.

— А годятся они на котлеты и жаркое? — спросил Пенкроф.

— Разумеется, — отвечал Герберт.

— Ну так я тебе говорю, что это бараны! — решил Пенкроф.

Животные, стоя неподвижно, смотрели удивленными глазами, словно впервые видели людей. Затем на них вдруг напал страх, они запрыгали

по скалам и исчезли.

— До свидания! — крикнул им вслед Пенкроф.

При этом бравый моряк скорчил такую смешную мину, что Смит, Спилетт, Герберт и Наб не могли удержаться от смеха.

Они снова начали подниматься. На склоне горы причудливыми зигзагами виднелись потеки застывшей лавы. Путники не раз натыкались на дымящиеся вулканчики, которые приходилось аккуратно обходить. Иногда им встречались кристаллические друзы серы, вкрапленные в породы, которые вулкан выбрасывает перед началом извержения: крупнозернистые, сильно спекшиеся пуццоланы и беловатый вулканический пепел, состоящий из бесчисленных мелких кристаллов полевого шпата.

По мере приближения к первой площадке, образованной усечением нижнего конуса, восхождение становилось все более затруднительным.

К четырем часам им удалось миновать полосу деревьев. Густые рощи и даже отдельные группы деревьев исчезли, и только изредка кое-где попадались голые, уродливые сосны. Нельзя было не удивляться, как устояли они на высоте, где свободно должны бушевать свирепые ветры.

К счастью для инженера и его спутников, по-

года стояла прекрасная и тихая. Вокруг царило совершенное спокойствие. Они не видели солнца, потому что оно уже закатилось за верхний конус, заграждавший горизонт с запада. Огромная тень от этого конуса, протягиваясь до самого побережья, все более и более увеличивалась, по мере того как лучезарное светило склонялось ниже. С востока плыли легкие туманные облака, снизу подсвеченные лучами солнца и отливающие всеми цветами радуги.

Всего каких-нибудь пятьсот футов отделяли исследователей от плоской возвышенности, которой они хотели достичь и где намеревались расположиться на ночь, но приходилось делать столько поворотов и обходов, что эти пятьсот футов растянулись более чем на две тысячи. Земля беспрестанно обрывалась под ногами. Нередко склоны были так круты, что исследователи скользили по выветрившимся потокам лавы, где трудно было поставить ногу.

Близился вечер, и темнота мало-помалу покрывала местность, когда наконец Смит и его спутники, чрезвычайно утомленные семичасовым восхождением, достигли плоскогорья первого конуса.

— Здесь мы расположимся на ночь, — сказал

Смит. — Давайте разобьем лагерь, а потом позаботимся о восстановлении сил. Сначала мы подкрепим их ужином, а затем сном. Мы уже, так сказать, на втором этаже.

Топлива было немного; однако им удалось собрать достаточно мха и сухих кустарников, торчавших по скалам.

Пока Пенкроф устраивал очаг, складывая несколько камней, Наб и Герберт занялись собиранием топлива. Они скоро возвратились, навьюченные хворостом. С помощью кремня и жженой тряпки Наб развел огонь, и яркое пламя отразилось на темных скалах.

Этот огонь был разведен не для стряпни, а для того, чтобы согреться. Убитого по дороге трагопана приберегли на завтра, а к ужину подали остатки дичи и орехи. В половине восьмого окончили скромную трапезу.

Тогда Смиту пришла мысль исследовать в этом полумраке широкое круглое основание, на котором покоился верхний конус горы. Он хотел узнать, можно ли обогнуть подножие конуса, на тот случай, если подъем окажется слишком крутым и невозможно будет взобраться на вершину. Этот вопрос очень тревожил инженера; было весьма вероятно, что сторона, куда кренился

конус, была неприступна. А если нельзя по этому пути достигнуть вершины и обогнуть подножие конуса, то надо будет отказаться от осмотра западных окрестностей и все труды пойдут прахом.

Инженер, не обращая внимания на усталость, предоставив Пенкрофу и Набу заниматься устройством ночной стоянки, а Спилетту — заносить в памятную книжку происшествия дня, пошел по краю плато, направляясь на север. С ним отправился Герберт.

Ночь была тихая, звездная и довольно светлая. Они шли молча.

В некоторых местах площадка расширялась перед ними, и они двигались вперед беспрепятственно. В других местах обвалы заграждали им путь, и приходилось пробираться по такой узенькой тропе, что идти рядом было невозможно. Наконец дело дошло до того, что, пройдя минут двадцать, Сайрес Смит и Герберт вынуждены были остановиться. Начиная с этого места откос обоих конусов сравнивался. Уступы, разделявшие части горы, исчезли. Обогнуть гору, поднимаясь под углом почти в семьдесят градусов, едва ли было возможно.

Инженер и Герберт вынуждены были отказаться от намерения обогнуть конус, однако им

вдруг открылась иная возможность продолжить восхождение прямо вверх. Они увидели перед собой глубокую выемку. То была расселина верхнего кратера, представлявшая подобие горла громадной бутылки, откуда во время вулканического извержения вырывались расплавленные породы. Застывшая лава, отвердевшие шлаки образовали нечто вроде широких ступеней естественной лестницы. Достаточно было Смиту бросить один взгляд, чтобы осознать преимущество этого пути.

— Нам предстоит подняться на тысячу футов, — сказал Смит.

— Я боюсь, что внутри расселины нам встретятся выступы, которые преградят путь, — заметил

Герберт.

— Будем идти, пока возможно, — отвечал Смит, — а там увидим!

По счастью, покатости тут были не крутые, а очень пологие, очень извилистые и образовали внутри вулкана нечто вроде винтовой лестницы, по которой было довольно удобно подниматься.

Что касается самого вулкана, то он, несомненно, совсем погас. Ни единой струи дыма не вырывалось из боковых трещин. Никакого гула, грохотания не выходило из этого темного, громадного колодца, который, быть может, простирался на бесконечную глубину. Все тут было неподвижно, тихо, мертво. В воздухе не чувствовалось сернистых испарений. Вулкан не погрузился в сон — нет, жизнь здесь замерла.

— Кажется, попытка наша может увенчаться успехом, — сказал Смит. — Ты не очень устал, Герберт?

— Нет, нисколько.

Они продолжали подниматься по внутренним стенкам вулкана, когда вдруг кратер расширился над их головами. До сих пор они видели только клочок неба, обрамленный неровностями конуса, а теперь над ними с каждым шагом раскрывалось темно-синее небо, усеянное сверкающими звездами. И чем дальше они продвигались, тем больше звезд и созвездий Южного полушария появлялось в поле их зрения. В зените рдел Антарес из созвездия Скорпиона, чуть дальше сверкала звезда бета созвездия Центавра, которую считают ближайшей к Земле звездою. Воронка кратера все расширялась, и путники различили Фомальгаут

из созвездия Южной Рыбы, созвездие Треугольника, и наконец, почти над самым Южным полюсом, засверкал Южный Крест, путеводная звезда этого полушария, которая, подобно Полярной звезде в Северном полушарии, указывает путь мореплавателям.

Было около восьми часов вечера, когда Смит и Герберт ступили на вершину горы, высшую точку вулканического конуса.

Кругом уже господствовала тьма, и глаз почти ничего не различал на расстоянии двух миль.

Была ли эта неизвестная территория окружена морем, или она соединялась на западе с каким-либо материком?

Этого нельзя было понять. На западе громоздились облака, сгущая темноту.

— Невозможно различить, где море, где земля! — сказал Смит.

Но вдруг на горизонте появился слабый свет, который медленно опускался по мере того, как туча поднималась к зениту.

То был серпик луны, уже готовый исчезнуть, но он достаточно высветил линию горизонта.

Смит увидел колеблющееся отражение этого света на водной поверхности.

Схватив руку Герберта, он выдохнул:

— Остров!

XI. Крестины острова

Спустя полчаса Смит и Герберт уже благополучно достигли своего ночного лагеря.

Не входя в долгие объяснения, инженер объявил своим товарищам, что земля, на которую их забросила судьба, является островом и что завтра надо будет об этом потолковать основательно и принять кое-какие меры.

— Мы, значит, теперь островитяне! — сказал Пенкроф.

Затем каждый устроился поудобнее на ночлег в базальтовой пещере, на высоте двух тысяч пятисот футов над уровнем моря, под тихим звездным небом, и новоявленные «островитяне» мирно и спокойно уснули.

На следующее утро, 30 марта, после скромного завтрака, состоявшего из жареного трагопана, инженер решил, что надо снова взобраться на вершину вулкана.

— Надо хорошенько осмотреть этот остров, где нам, может быть, придется провести всю оставшуюся жизнь, — сказал Смит. — Надо узнать, точно ли он необитаем… Как далеко отстоит от других земель. Не расположен ли он на пути

судов, посещающих острова Тихого океана…

— Мы пойдем с вами, — сказал Спилетт.

— Как же не пойти? — сказал Пенкроф. — Всякому занятно поглядеть на место, где он будет пленником!

Около семи часов утра Смит, Герберт, Пенкроф, Спилетт и Наб покинули свой ночной лагерь.

Все были бодры и веселы. Никого, по-видимому, не смущала и не огорчала мысль о будущем, о предстоящих лишениях и, может быть, опасностях. Они верили в свои силы или, говоря точнее, в силы Смита.

Что касается Смита, то он надеялся на себя. Он был уверен, что добьется от дикой пустыни всего, что необходимо для их существования.

Особенно верил в инженера Пенкроф. С тех пор как Смит зажег мох с помощью стекол от часов, славный моряк стал на него смотреть как на олицетворенное божество и не смутился бы даже в том случае, если бы очутился с ним на голой скале среди волн. По его мнению, был бы Смит — и все остальное будет.

— Ба! — сказал он, шагая в гору. — Уж если мы улетели из Ричмонда без дозволения местных властей, так уплывем и с этого острова, где некому нас удержать!

Смит начал подниматься по той же дороге, по которой накануне поднимался с Гербертом.

Маленький караван обогнул конус, следуя по плоскогорью, образующему уступы, и достиг громадной расселины.

Погода стояла великолепная. Яркое солнце всходило на безоблачном небе и заливало своими теплыми лучами восточный склон горы.

Начали подниматься по кратеру.

При тщательном осмотре днем он выглядел обширной воронкой, которая шла, постепенно расширяясь и поднимаясь на тысячу футов над плоскогорьем. Внизу трещины широкие, застывшие потоки лавы вились по склонам горы и доходили до равнин, пересекавших северную часть острова.

Внутренность кратера, наклон которого не превышал тридцать пять или самое большее сорок градусов, не представляла особых трудностей для восхождения. Исследователи заметили тут весьма древние следы лавы, которая, вероятно, до образования боковой трещины, открывшей ей новый путь, изливалась через вершину конуса.

Что касается вулканической трубы, посредством которой сообщались подземные слои с кратером, то глубину ее невозможно было опре-

делить глазом, так как она терялась во мраке.

— Совсем потух, кажется? — спросил Пенкроф.

— Вулкан?

— Да.

— Совершенно. В этом не может быть, как я уже сказал вам, ни малейшего сомнения.

Еще не было восьми часов, а Смит и его спутники уже стояли на вершине кратера, на коническом возвышении.

— Море! Со всех сторон море! — закричали они в один голос. — Мы островитяне!

Действительно, со всех сторон расстилалось безбрежное, необозримое водное пространство.

Быть может, Смит взбирался в это утро на вершину конуса с тайной надеждой открыть какой-нибудь берег, какой-нибудь соседний остров, которых он не мог видеть накануне ночью, но он не открыл ничего подобного. Перед его глазами на пространстве более пятидесяти миль сверкало море. Ни клочка земли вдали. Нигде ни единого паруса. Всюду необозримая водная пустыня, и посреди — неизвестный остров…

Инженер и его спутники некоторое время стояли неподвижно и безмолвно обозревали океан.

— У вас зоркие глаза, Пенкроф, — сказал наконец Спилетт. — Присмотритесь-ка хорошенько:

не видите ли чего?

— Ничего не видно, — отвечал моряк. — Уж если бы какая-нибудь земля была, так я бы ее увидал!.. Покажись она хоть как дымок или как облачко, я бы ее заметил!

Моряк говорил истинную правду. Он обладал удивительным зрением, и товарищи часто шутили, что судьба его наделила вместо глаз парой настоящих телескопов.

После долгого вглядывания в даль и обозревания водной пустыни взоры всех обратились на остров.

— Весь островок как на ладони! — сказал Пенкроф.

— Как велик он? — спросил Спилетт.

— Отсюда он не представляется большим, — сказал Герберт. — Он словно точка на этом необозримом океане!

Смит внимательно рассматривал окружность острова и думал.

— Друзья мои, — сказал он наконец, — я определил приблизительно, принимая в расчет высоту места, откуда производится наблюдение, величину острова. Я полагаю, что береговая линия простирается более чем на сто миль.

— Как же велика его поверхность? — спросил

Спилетт.

— Ее определить трудно, — отвечал инженер, — потому что очертания острова чересчур прихотливы.

— Значит, если вы не ошибаетесь, то наш остров по величине почти равняется Мальте или острову Закинф на Средиземном море?

— Да, почти. Но наш остров отличается более неправильной формой, и здесь куда меньше мысов, стрелок, бухт и заливчиков. Фигура его престранная. Посмотрите сами!

— Да, очень странная фигура…

— Не срисуете ли вы ее?

— Пожалуй.

И Спилетт принялся за работу. Он быстро набросал карандашом в своей записной книжке очертания острова. Когда он закончил рисунок, все сошлись на том, что остров похож на какое-то фантастическое животное, на крылатое чудовище, покачивающееся на волнах Тихого океана.

Восточная часть была вырезана широким полукружием и обрамляла обширный залив, кончавшийся на юго-востоке острым мысом. На северо-востоке два других мыса образовали губу, а между ними извивался узкий заливчик, имевший большое сходство с полуотверстой пастью

огромной акулы. С северо-востока на северо-запад берег закруглялся наподобие сплюснутого черепа хищного животного, а затем поднимался, образуя небольшую возвышенность — нечто вроде маленького горба, который с вершины конуса был едва заметен. Отсюда берег шел довольно правильной линией и к северу, и к югу; далее в него глубоко врезалась узкая бухточка, и он тянулся в виде длинного хвоста, напоминавшего хвост исполинского крокодила. Этот хвост представлял собой настоящий полуостров, вытягивавшийся более чем на десять миль, считая от юго-восточного мыса острова, о котором мы уже упоминали, и закруглялся, образуя открытый рейд.

В самом узком своем месте, то есть между «Трубами» и глубокой бухточкой на западном берегу, остров, казалось, имел всего-навсего каких-нибудь десять миль ширины, но в длину, считая от северо-восточной части до хвоста, он простирался по крайней мере миль на тридцать.

Что касается внутреннего вида острова, то, насколько могли определить, южная часть, начиная от горы до побережья, была покрыта лесом, а северная — песчаная и бесплодная.

Между вулканом и восточным берегом Смит и его спутники, к немалому удивлению, открыли

озеро, осененное зелеными деревьями.

— Вот уж никак не подозревал, что тут может быть озеро! — сказал Смит. — Когда смотришь с этой высоты, кажется, что оно находится на одном уровне с морем, но на деле оно, должно быть, возвышается футов на триста, потому что плоскогорье, служащее ему бассейном, не что иное, как продолжение берега.

— Значит, озеро пресное? — спросил Пенкроф.

— Разумеется, — отвечал инженер. — Оно, вероятно, питается водой с горы.

— Я вижу маленькую речку, которая впадает в это озеро! — воскликнул Герберт. — Вон там!

И он указал на узкий ручей.

— Вижу, вижу, — сказал Смит. — Так как этот ручей впадает в озеро, то, весьма вероятно, существует и со стороны моря какой-нибудь спуск для воды, через который сбрасывается излишек. После увидим.

— Две трети острова покрыты лесами, — заметил Спилетт, — и, надо полагать, найдется немало речек и ручьев, текущих в море.

— Это не только вероятно, но почти несомненно, — отвечал инженер. — Посмотрите, какой цветущей и плодоносной представляется эта часть острова, как она богата самыми великолеп-

ными образчиками флоры умеренных поясов!

— А вот северная-то часть подгуляла! — сказал Пенкроф. — Одна дичь да голь!

— В северной части не видно никаких признаков проточных вод, — сказал Смит.

— Может быть, на северо-востоке, в болотистых местах, есть какие-нибудь стоячие воды? — заметил Герберт.

— Может быть, стоячие найдутся.

— На одном острове, а какие непохожие места! — сказал Пенкроф. — Тут песчаные холмы, пески, а там леса зеленеют, речки текут…

Вулкан находился не в центральной части острова, а возвышался на северо-западе и, казалось, представлял собой границу двух поясов.

На юго-западе, на юге и на юго-востоке первые уступы гор исчезали под массами зелени. На севере, напротив, можно было проследить все горные разветвления и горные подошвы, сливавшиеся с песчаными равнинами.

— В давно прошедшее время извержений лава текла по северной стороне, — сказал инженер. — Посмотрите, ее застывшие потоки тянутся до узкой оконечности острова, образующей на северо-востоке небольшой залив…

Смит и его спутники около часа пробыли на

вершине горы.

Остров расстилался под ними со всеми своими зелеными лесами, желтыми песками и голубыми водами. Они могли определить все его очертания. От их взоров укрывались только почва, исчезавшая под сплошной зеленью, речные русла, хоронившиеся в глубине густо поросших долин, да извивы узких ущелий, змеившихся у подножия вулкана.

— Нам остается разрешить весьма важный вопрос, — сказал Спилетт, — вопрос, который должен иметь огромное влияние на наше будущее.

— Какой это вопрос? — спросил инженер.

— Обитаемый это остров или необитаемый?

— Где там обитаемый! — сказал Пенкроф. — Уж кажется, мы смотрели в оба, а ни души не видали! До сих пор не попалось никакого следа человеческого. Хоть бы какой-нибудь бугорок, хоть бы развалинка или шалаш. Хоть бы какой отесанный колышек!

В самом деле, здесь не было ни деревень, пусть даже состоящих из жалких домишек, ни одиноко стоящих хижин, ни рыбацких сетей, ни лодок на берегу. В воздухе нигде не было видно дыма от костра, который указывал бы на присутствие человека. Правда, длинная, напоминавшая кро-

кодилий хвост коса, протянувшаяся на юго-запад, отстояла от наблюдателей на тридцать миль, и даже зоркий глаз Пенкрофа не мог бы различить на таком расстоянии человеческие следы. Невозможно было также понять, не притаился ли среди лесных зарослей какой-нибудь поселок. Но обычно жители тихоокеанских островов, этих клочков суши, словно выплывших из морской пучины, селятся на побережье, а тут берега казались совсем пустынными.

— Не забывайте, Пенкроф, что даже ваши знаменитые «телескопы» на таком расстоянии не в силах заприметить жилье, — сказал Спилетт.

— К тому же здесь сплошные леса, — прибавил Герберт. — Если бы мы могли приподнять эту зеленую завесу, мы, может быть, увидали бы там какую-нибудь деревню…

— Все-таки мы пока еще не можем вывести положительного заключения, — сказал Спилетт.

— Предположим, что остров необитаем, — ответил Смит.

— Пожалуй. У меня другой вопрос.

— Какой?

— Посещается ли, по крайней мере, он время от времени туземцами с соседних островов?

— На этот вопрос трудно ответить.

— На целые пятьдесят миль в окружности не видно ни клочка земли! — заметил Пенкроф.

— Это еще ничего не значит, — отвечал Смит. — Пятьдесят миль можно легко переплыть и в малайской лодке, и в большой пироге. Все зависит от положения острова в Тихом океане, от того, как далеко он отстоит от больших архипелагов.

— Кстати, Смит, — сказал Спилетт, — как вы ухитритесь определить широту и долготу места? Без инструментов это дело нелегкое!

— Ну, это еще успеется. Прежде всего надо позаботиться о защите.

— От какой опасности?

— Хотя бы от нападения туземцев с соседних островов.

— Что ж, позаботимся, — сказал Пенкроф.

Обзор острова был окончен. Его очертания, приблизительная величина, расположение лесов и равнин были обозначены в общих чертах на плане Спилетта. Теперь оставалось спуститься с горы и приняться за исследование почвы.

— Надо поскорее узнать, какими минеральными и растительными ресурсами располагает этот остров, — сказал Смит.

— И чем богат здешний животный мир, — прибавил Герберт.

— Так в путь! — сказал Пенкроф.

Но Смит приостановился и сказал своим спокойным, торжественным голосом:

— Вот, друзья мои, маленький клочок земли, куда забросила нас судьба! Здесь нам предстоит жить, и жить, может статься, очень долго… Может случиться, что неожиданно явится откуда-нибудь помощь, — вдруг какое-нибудь судно окажется в виду острова… Я говорю «случиться», потому что остров этот не имеет никакого значения: здесь нет даже никакой гавани, ни порта, где могли бы приставать корабли. Я полагаю, что он лежит далеко в стороне от морских путей, по которым обыкновенно следуют суда, то есть слишком далеко на юг от пути судов, посещающих архипелаги Тихого океана, и слишком далеко на север от пути тех, которые отправляются в Австралию, огибая мыс Горн. Мне бы не хотелось напрасно вас обнадеживать, тешить неверными мечтами…

— И хорошо делаете, любезный Сайрес, — с живостью перебил Спилетт. — Вы имеете дело с людьми, которые вам верят и на которых вы можете положиться. Правду я говорю, друзья?

— Я готов слушаться вас во всем, господин Смит! — вскричал Герберт, сжимая руку инже-

нера.

— Кто ж не послушается моего господина? — воскликнул Наб. — Его всякий послушается!

— Не будь я Пенкроф, если я заленюсь или впаду в уныние! — сказал моряк. — Если вы только пожелаете, господин Смит, так мы устроим из этого островка вторую Америку! Мы понастроим тут городов, проведем железные дороги, установим телеграфные столбы… И когда все у нас будет готово и дела отлично пойдут, мы преподнесем новый остров Соединенным Штатам… Только я потребую одного…

— Чего?

— Чтобы мы уже теперь не считали себя потерпевшими крушение в воздухе, а называли себя колонистами, которые явились сюда, чтобы основать колонию!

Смит не мог не улыбнуться, и предложение моряка было принято единогласно.

Затем инженер поблагодарил товарищей за доверие и прибавил, что рассчитывает на их энергию и мужество.

— Ну, теперь в путь! — крикнул Пенкроф. — Домой, к «Трубам»!

— Погодите минутку, друзья мои, — сказал Смит. — Мне кажется, нам следовало бы дать ка-

кое-нибудь имя этому острову, а также окрестить и все мысы, бухты и ручьи, какие у нас перед глазами.

— Очень хорошо, — отвечал Спилетт. — Это облегчит нам наши будущие распоряжения, экскурсии и сообщения.

— Разумеется, — прибавил моряк. — Уметь сказать, куда идешь или откуда пришел, — это что-нибудь да значит! Видно, по крайней мере, что находишься в определенных местах…

— «Трубы» так и останутся «Трубами»? — спросил Герберт.

— Что ж, «Трубы» — имя хорошее… Когда я его придумал, мне показалось уже не так дико и пустынно кругом… А что касается прочих имен, то их тоже нетрудно придумать. Я полагаю, лучше всего нам назвать эти места, как называли их разные робинзоны, о которых читал мне Герберт: залив Провидения, мыс Кашалотов, мыс Обманутой Надежды…

— А может, еще лучше будет, если мы назовем: мыс Спилетта, залив Смита, мыс Наба? — предложил Герберт.

— Мыс Наба! — воскликнул негр, показывая все свои ослепительно-белые зубы. — Я Наб, и мыс будет Наб?

— Что ж, и это очень хорошо придумано, — решил Пенкроф. — Порт Наба! Это звучит недурно! Мыс Гедеона…

— Я предпочел бы все мысы, заливы и бухты окрестить знакомыми именами, которые бы нам напоминали нашу родину, — сказал Спилетт, — нашу Америку…

— Я охотно на это соглашаюсь относительно больших заливов и мысов, — отвечал Смит. — Мы назовем обширный восточный залив заливом Союза. Вот ту широкую выемку на юге — заливом Вашингтона, а гору, на которой теперь стоим, горой Франклина. Согласны?

— Согласны! — отвечали все в один голос.

— Озеро, которое расстилается внизу, мы назовем озером Гранта… Эти имена будут нам напоминать родину и великих граждан, которые ее прославили…

Но, — продолжал Смит, — маленьким бухтам, рекам и небольшим мысам, которые мы видим отсюда, мне кажется, надо придумать названия, соответствующие их форме и очертаниям. Мы таким образом скорее запечатлеем их в своей памяти. Остров представляет престранную фигуру, и всякому месту нетрудно придумать подходящее имя. Что же касается рек и речек, которые нам

неизвестны, различных частей леса, которые мы будем исследовать позже, бухт, которые мы откроем впоследствии, то мы будем их называть по мере продвижения. Как вы думаете, друзья?

Предложение было принято.

Остров развертывался перед ними, как карта, и оставалось только пометить именами все его выступающие углы и выемки, впадины и возвышения.

— Записывайте, Спилетт, — сказал инженер.

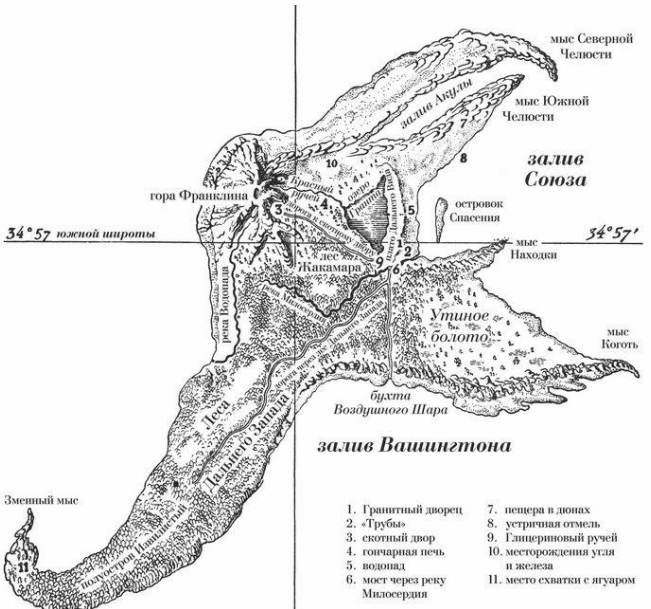
— Я готов.

Прежде всего отметили залив Союза, залив Вашингтона и гору Франклина.

— Этот полуостров на юго-западе, — сказал Спилетт, — предлагаю назвать Извилистым, а мыс, который заканчивает его, загибаясь хвостом, Змеиным. Посмотрите: ведь это совершенное подобие хвоста пресмыкающегося!

— Да будет по-вашему, — сказал инженер.

— А теперь окрестим другую оконечность острова, — сказал Герберт, — вот этот залив. Он чрезвычайно похож на раскрытую пасть, и, мне кажется, его хорошо бы назвать заливом Акулы.



— Отлично придумал, дружище! — воскликнул Пенкроф. — А коли мы еще назовем обе его части мысом Челюсти, так просто выйдет портрет!

— Да здесь два мыса, Пенкроф!

— Так что ж, что два? У нас будет мыс Северной Челюсти и мыс Южной Челюсти.

— Помечено, — сказал Спилетт.

— Теперь остается окрестить стрелку на юго-восточной оконечности острова, — сказал Пенкроф.

— То есть оконечность залива Союза? — спросил Герберт.

— Мыс Коготь! — воскликнул неожиданно Наб, который тоже желал окрестить какое-нибудь местечко.

И надо отдать Набу справедливость, он придумал совершенно подходящее название, потому что мыс весьма точно представлял собой подобие сильной когтистой лапы фантастического животного.

«Крестины» чрезвычайно развеселили Пенкрофа.

— А как же мы назовем речку, около которой нас выкинуло из шара и которая теперь снабжает нас пресной водой? — спросил Герберт.

— Речкой Милосердия, дружище! — отвечал моряк. — Непременно речкой Милосердия!

— А островок, на который мы сперва ступили?

— Островком Спасения!

— А площадку, которая возвышается над «Трубами» и откуда можно обозреть весь большой залив?

— Плато Дальнего Вида.

— А эти непроходимые леса, что покрывают полуостров Извилистый?

— Их можно окрестить лесами Дальнего Запада.

— На этот раз довольно, — сказал Смит.

Он определил положение острова относительно стран света как мог — по высоте и положению солнца, и оказалось, что залив Союза находится на востоке, равно как и все плато Дальнего Вида. На следующий день инженер намеревался точно определить север острова, заметив час восхода и захода солнца и определив половину времени, протекшего между этими двумя моментами.

Все собирались спускаться с горы, как вдруг Пенкроф воскликнул:

— Экие мы ветреники!

— Это почему? — спросил Спилетт, который уже закрыл свою записную книжку и встал.

— А сам наш остров еще не назван! Его-то мы и забыли!

Герберт хотел было предложить, чтобы остров назвали именем инженера, что, разумеется, одоб-

рили бы все, но Смит не дал мальчику докончить фразу и сказал:

— Назовем его именем великого гражданина, друзья, — гражданина, который в настоящую минуту борется за единство Американской Республики. Назовем его островом Линкольна!

В ответ на это предложение прогремело троекратное «ура».

В этот вечер, перед отходом ко сну, новые колонисты долго говорили о своей родной стране; они толковали о страшной ожесточенной войне, которая ее опустошает, и каждый из них был вполне уверен, что Юг будет скоро усмирен и что Север восторжествует, то есть восторжествует справедливость благодаря Гранту и Линкольну.

Разговоры эти происходили 30 марта 1865 года.

Колонисты не могли и предположить, что шестнадцать дней спустя в Вашингтоне будет совершено ужасное преступление — в Страстную пятницу Линкольна сразит пуля фанатика[14].

---

[14] Примечания: 14

14 апреля 1865 г. Авраам Линкольн был смертельно ранен в театре.

XII. Серный источник

Колонисты острова Линкольна бросили последний взгляд на развертывавшуюся под ними картину их нечаянно обретенных владений и начали спускаться с горы.

Они обогнули кратер, следуя по узкому выступу гребня, и через полчаса благополучно достигли первой площадки, где провели прошедшую ночь.

— По-моему, пора перекусить, — сказал Пенкроф. — Который час?

— А вот надо, кстати, проверить наши часы, — сказал Спилетт.

Часы его не залила морская вода, так как почтенный репортер был выброшен из шара на песок, куда морские волны не достигали. Часы эти были превосходные — настоящий карманный хронометр, и Спилетт весьма аккуратно заводил их каждое утро.

Что касается часов инженера, то они, разумеется, остановились, пока он находился в беспомощном состоянии и лежал у подножия песчаного холма, но не испортились. Смит завел их.

— Судя по высоте солнца, теперь должно быть

около девяти часов, — сказал он. — Я так и поставлю.

Спилетт хотел было последовать его примеру, то есть поставить и свои часы на девять, но инженер остановил его руку и сказал:

— Нет, любезный Спилетт, вы своих не переводите. Ведь на ваших ричмондское время, да?

— Да.

— Следовательно, ваши часы поставлены по меридиану Ричмонда, а меридиан Ричмонда почти тот же, что и меридиан Вашингтона?

— Да.

— Ну так пусть ваши часы идут по часам Ричмонда. Заводите их, но не дотрагивайтесь до стрелок. Это может нам пригодиться!

«Как это может ему пригодиться?» — подумал моряк.

Колонисты принялись за еду, и так усердно, что истребили весь запас дичи и орехов. Это, впрочем, ничуть не тревожило Пенкрофа.

— Ничего, — говорил он, — по пути прихватим что-нибудь! Бедняге Топу сегодня осталось немного, и он, верно, постарается выследить какую-нибудь дичину в чаще.

Топ прыгал и вилял хвостом, как бы желая выразить свою готовность во всякое время служить

по мере сил своих обществу.

— Знаете что, господин Смит? — сказал вдруг Пенкроф. — Хорошо бы наделать пороху да смастерить два-три ружья! Тогда бы мы вволю настреляли всякой всячины.

— Нельзя получить все сразу, Пенкроф, — сказал Спилетт. — Какой вы нетерпеливый!

— Да я не говорю, чтобы все сразу…

— Но со временем все будет — не беспокойтесь, дружище!

— Не отправиться ли к «Трубам» по другой дороге? — предложил Смит. — Мне бы хотелось поближе взглянуть на озеро Гранта, так великолепно осененное деревьями. Отправимся вот по этому склону. Здесь где-то берет свое начало ручей, который впадает в озеро.

Разговаривая, колонисты уже называли новоокрещенные места их именами, что всех забавляло и восхищало Герберта и Пенкрофа.

Бравый моряк, идя следом за своим питомцем, говорил ему:

— Каково, Герберт? Живо пошло в ход! Уж теперь нельзя заблудиться, дружище! Отправимся ли мы по дороге мимо озера Гранта, пойдем ли к реке Милосердия через леса Дальнего Запада, мы все-таки доберемся до плато Дальнего Вида и,

значит, до залива Союза!

Колонисты договорились идти, не удаляясь друг от друга. По всей вероятности, в огромных лесах водились какие-нибудь хищные звери, и благоразумнее было не разлучаться.

Пенкроф, Герберт и Наб шли впереди, однако их опережал Топ, который шарил во всех ямках и уголках. Спилетт не расставался в пути с записной книжкой и карандашом, ежеминутно готовый записать все сколько-нибудь достойное внимания, а за ним следовал инженер, говоривший очень мало и беспрестанно наклонявшийся и поднимавший с земли то камешки, то былинки, то мох.

— Что это он подбирает? — бормотал Пенкроф. — Как я ни смотрю, не вижу ничего такого, что стоило бы прятать в карман…

Около десяти часов маленький караван спускался с последних уступов горы Франклина.

Почва не отличалась богатой растительностью; местами ее покрывали кустарники, и кое-где попадались деревья. Колонисты пробирались к лесной опушке по долине около мили длиной, по желтоватой, выжженной земле. Повсюду путники натыкались на извергнутые вулканом большие глыбы базальта, который, согласно дан-

ным Бишофа, охлаждался в земной коре триста пятьдесят миллионов лет. Однако следов лавы нигде не было видно, — вероятно, она изливалась главным образом по северному склону вулкана.

Смит надеялся беспрепятственно достигнуть ручья, который, по его мнению, должен был протекать между деревьями, где-нибудь неподалеку от лесной опушки, но вдруг он увидел, что Пенкроф и Наб притаились за выступом скалы, а Герберт быстро повернул назад.

— Что такое? — спросил Спилетт.

— Дым! — отвечал Герберт. — Мы видели дым… Вон там, между скалами… всего в каких-нибудь ста шагах от нас…

— Неужто в этих местах есть люди? — воскликнул Спилетт.

— Тише, — сказал инженер. — Нам лучше не показываться, прежде чем мы не узнаем, с кем придется иметь дело. Говоря по правде, я скорее боюсь, чем желаю встретить туземцев… Где Топ?

— Впереди.

— И не лает? Странно. Подойдем осторожнее…

Через несколько минут инженер, Спилетт и Герберт присоединились к Пенкрофу и Набу и тоже притаились за скалами из базальта.

Отсюда они очень ясно увидели дым, который

вился столбом.

Смит тихонько свистнул, и чуткий Топ тотчас же явился.

Инженер сделал товарищам знак остановиться и вместе с Топом скрылся между скалами.

Колонисты не без тревоги ожидали результата этой разведки.

— И зачем он пошел один? — проворчал Пенкроф.

Вдруг раздался голос Смита. Он звал товарищей.

Все кинулись на зов и скоро нашли разведчика.

— Никого? — спросил Спилетт.

Затем все в один голос воскликнули:

— Что тут такое? Какой неприятный запах!

— Это сера! — сказал Герберт.

— Да, — отвечал инженер. — Мы напрасно тревожились, друзья. Этот огонь или, точнее, этот дым не дело рук человеческих, а дело природы. Здесь серно-щелочной источник, что весьма удобно: в случае воспаления гортани у нас будет чем полечиться!

— Отлично! — воскликнул Пенкроф. — Жаль, что я не болен… Сейчас бы полечился!

Колонисты направились к месту, откуда выры-

вался дым.

Они увидели между скал источник, от которого распространялся сильный запах сероводорода.

Смит попробовал воду и сказал, что она теплая и на вкус сладковатая.

— Какая температура? — спросил Спилетт.

— Около тридцати пяти градусов выше нуля, — отвечал инженер.

— Каким образом вы так точно определяете температуру, господин Смит? — спросил Герберт.

— Очень просто, мой милый. Опустив руку в эту воду, я не ощутил ни жара, ни холода, значит температура ее почти такая же, как и температура человеческого тела, то есть немного ниже тридцати семи градусов, или около девяноста пяти градусов по Фаренгейту. — И, обращаясь к остальным, Смит прибавил: — Так как сейчас мы не можем извлечь из этого источника никакой пользы, то нам, я полагаю, всего лучше идти далее.

Они направились к лесной опушке, которая зеленела в нескольких сотнях шагов.

— Я не ошибся, — сказал инженер, подходя к деревьям. — Смотрите, вот ручей!

Действительно, ручей катил свои быстрые, чистые воды между высокими красноватыми

берегами.

— Судя по цвету берегов, — сказал Герберт, — здесь должна быть окись железа.

— По-моему, этот ручей следует окрестить Красным ручьем! — сказал Пенкроф.

Все охотно согласились на предложение моряка.

Ручей, образовавшийся из вод, стекающих с гор, был широк, глубок и прозрачен. Он напоминал и тихую речку, и бурный поток: то спокойно растекался по песку, то бурлил и пенился по скалам, то с шумом падал, разметывая брызги. Он бежал то расширяясь — от тридцати до сорока футов, то сужаясь — мили полторы и вливался в озеро. Вода его была пресная.

— Если бы где-нибудь на берегу озера отыскалось местечко поудобнее и поуютнее наших «Труб», так Красный ручей нам бы очень и очень пригодился! — заметил Спилетт.

— Увидим, — ответил Смит.

Деревья по берегу ручья по большей части принадлежали к видам, которыми изобилуют умеренные широты Австралии, и мало походили на хвойные, встречавшиеся в прежде обследованной части острова в нескольких милях от плато Дальнего Вида. В эту пору года, в начале

апреля, который в Южном полушарии соответствует нашему октябрю, они были еще покрыты листвой. Тут преимущественно росли казуарины и эвкалипты, и некоторые из них должны были доставить по весне сахарную манну, нисколько не отличающуюся от манны востока. Могучие австралийские кедры, возвышавшиеся на полянах, стояли в высокой траве, которую в Австралии называли туссок.

— Замечаете вы, что здесь вовсе не попадается кокосовых пальм, которыми так изобилуют все архипелаги Тихого океана? — сказал Смит.

— Да, — отвечал Герберт, — и это очень досадно: дерево полезное и орехи превкусные!

Что касается птиц, то их порхало бесчисленное множество. Черные, белые, серые какаду и попугаи всевозможных цветов, зеленые корольки, увенчанные алым хохолком, голубые лори — весь этот пернатый народец переливался различными красками, наполняя воздух оглушительным гомоном.

Вдруг в чаще раздались какие-то странные, дикие голоса. Колонисты услыхали и звонкие птичьи трели, и кошачье мяуканье, и рык дикого зверя, и странные щелчки, как будто щелкал языком человек.

Наб и Герберт, забыв всякую осторожность, кинулись к месту, откуда слышались удивительные звуки. По счастью, они увидели не страшных зверей, а просто-напросто с полдюжины горных фазанов, известных под именем пересмешников. Несколько ловких ударов дубинкой прервали странный концерт и доставили превосходную дичь к обеду.

Герберт заметил великолепных голубей с золотистыми крыльями, одни с великолепным хохолком, другие с зеленым воротником, как их собратья на берегах залива Маккуори, но к ним невозможно было подобраться, точно так же как и к стаям грачей и сорок. Выстрел из ружья, заряженного мелкой дробью, положил бы на месте дюжину этих пернатых, но охотники вынуждены были пока довольствоваться вместо всякого метательного оружия камнями, а вместо оружия огнестрельного — дубинкой.

— Плохо мы вооружены! — говорил Пенкроф с сокрушением, провожая глазами удаляющихся птиц.

— По-первобытному! — отвечал Герберт.

Не успел он произнести эти слова, как из чащи выскочило целое стадо четвероногих, скачками и прыжками перенеслось через заросли и

умчалось.

— Кенгуру! — воскликнул Герберт.

— Я думал, какие-нибудь летучие звери! — удивился Пенкроф. — Они скакали футов на тридцать в высоту!.. Что ж, едят этих кенгуру?

— Если потушить на медленном огне, — сказал Спилетт, — так просто объедение!

Еще Спилетт не окончил фразы, как уже моряк, а за ним Наб и Герберт кинулись по следам кенгуру.

Напрасно звал их Смит, они его не слушали.

Разумеется, преследование не могло дать результатов. Через пять минут охотники остановились, с трудом переводя дух, а кенгуру исчезли в лесной зелени.

Топу посчастливилось не более.

— Господин Смит, — сказал Пенкроф, когда инженер и Спилетт к нему присоединились, — вы сами видите, что без ружей нельзя обойтись, и значит, непременно надо смастерить ружья... Возможное это дело?

— Это мы увидим потом, — отвечал инженер, — а пока смастерим луки и стрелы. Я уверен, вы в самом скором времени научитесь владеть этим оружием не хуже любого австралийского охотника.

— Луки! Стрелы! — сказал Пенкроф с несколько презрительной миной. — Такое оружие годится для детей!

— Не привередничайте, друг любезный, и не чваньтесь, — отвечал Спилетт. — Сколько веков проливали люди кровь с помощью этих самых луков и стрел! Порох ведь изобретен не так давно, а война, по несчастью, так же стара, как и род человеческий…

— Что правда, то правда, господин Спилетт, — отвечал моряк. — Я чересчур скор на слова. Как говорится, поспешу, да только людей насмешу! Уж вы, пожалуйста, извините!

Герберт, всегда готовый толковать о своей любимой науке, перевел разговор на кенгуру.

— Мы столкнулись с самыми резвыми кенгуру, — сказал он. — Это были великаны с длинной серой шерстью… Если я не ошибаюсь, есть кенгуру рыжие и черные, есть еще кенгуру горные, есть кенгуру-крысы, с которыми гораздо легче совладать. Насчитывают двенадцать видов кенгуру…

— Герберт! — сказал моряк наставительным тоном. — Для меня существует только один-единственный вид кенгуру — кенгуру на вертеле, и именно этого-то вида у нас и не будет сегодня!

Спутники Пенкрофа не могли удержаться от

смеха, услышав эту новую классификацию.

Доблестный моряк ничуть не скрывал своего огорчения по поводу неудавшейся охоты. Добытые фазаны не много его утешали.

— Поди-ка напитайся этими пересмешниками! — ворчал он, повертывая птиц. — Нечего на зуб положить!

Но судьба смилостивилась над ним.

Топ, понимая, что дело идет и о его собственном обеде, кидался во все стороны и всюду шарил; инстинкту помогал разыгравшийся аппетит.

Надо признаться, что, попадись в эту минуту какая-нибудь дичь, Топ, пожалуй, уступил бы искушению и ничего не оставил бы для охотников…

Но Наб наблюдал за собакой своего господина.

Около трех часов Топ исчез в кустах, и скоро оттуда раздалось глухое рычание, означавшее, что он с кем-то вступил в борьбу.

Наб кинулся на эти звуки и увидел, что Топ с жадностью пожирает какого-то зверька.

Топ так быстро управлялся со своей добычей, что Наб не узнал бы, какой зверь растерзан, если бы, по счастью, собака не попала на целый выводок и не положила на месте троих сразу. Два других зверька лежали, удушенные, на земле.

Наб с торжеством вышел из чащи, держа в каждой руке по грызуну — величиной с самого крупного зайца. Они были желтого цвета, испещрены зеленоватыми пятнами и почти бесхвостые.

Граждане Соединенных Штатов тотчас же их признали.

То были марасы, из породы агути, превосходящие размерами своих тропических собратьев, — настоящие американские длинноухие кролики, которые отличаются от агути тем, что у них по пять коренных зубов с каждой стороны челюсти.

— Ура! — воскликнул Пенкроф. — Жаркое есть! Теперь можно спокойно идти домой!

Прозрачные воды Красного ручья текли под сенью казуарин, банксий и громадных каучуковых деревьев. Великолепные лилейные растения доходили до двадцати футов в высоту. Другие древесные породы, неизвестные Герберту, склонялись над потоком, который журчал под их сводами.

Ручей все более и более расширялся, и Смит полагал, что они скоро достигнут его устья.

Действительно, выйдя из густой чащи роскошных деревьев, они увидели устье.

Исследователи находились на западном берегу

озера Гранта. Перед ними открывался чудесный вид. Озеро обрамлял венок великолепных разнообразных деревьев. На востоке сквозь эту зеленую завесу, в некоторых местах живописно приподнимавшуюся, виднелся сверкающий горизонт моря.

— Настоящее маленькое Онтарио! — воскликнул Герберт.

Оно достигало почти семи миль в окружности, а площадь его равнялась двумстам пятидесяти акрам. С восточной стороны сквозь живописные просветы местами сверкало на солнце море. Северный берег озера изгибался плавной дугой, представлявшей контраст с резкими очертаниями южной его оконечности. На этом маленьком Онтарио собралось множество водяных птиц. В нескольких сотнях футов от южного берега из воды выступала одна-единственная скала, заменявшая собой «тысячу островов», которыми славится озеро того же названия в Соединенных Штатах. Здесь жили десятки зимородков-рыболовов; как только показывалась рыбка, они кидались, ныряли, испуская пронзительный крик, и снова появлялись с добычей в клюве. Далее, по берегам и на островке, расхаживали, бегали и кружились дикие утки, пеликаны, водя-

ные курочки, красноголовки, щурки с язычком в виде кисточки и два или три образчика великолепных лирохвостов — хвостовые перья у них изящно загнуты в виде лиры.

Вода в озере была пресная, прозрачная и синеватая.

— Видите вы расходящиеся круги на воде? — спросил Пенкроф.

— Видим, — отвечали товарищи.

— Замечаете плеск там и сям на озере?

— Замечаем!

— Это знак, что тут рыбы вволю! Ура!

— Озеро чудесное! — сказал Спилетт. — Хорошо бы поселиться на его берегах…

— Поселимся, погодите! — отвечал Смит.

Колонисты, желая добраться к «Трубам» кратчайшим путем, спустились по южному берегу, не без труда проложили дорогу через заросли, которых еще не раздвигала рука человека, и направились к берегу.

Пройдя мили две, они увидели участок, покрытый густой травой, а дальше — безбрежное море.

Им предстояло еще перейти участок по диагонали, на протяжении мили, и спуститься до мыса, образуемого первой излучиной реки Милосердия, но инженеру хотелось исследовать, как

и откуда изливается из озера вода, а потому они прошли еще около полутора миль к северу.

— Непременно где-нибудь существует спуск! — говорил Смит. — И вероятнее всего, мы отыщем его между гранитными скалами. Озеро это, по-моему, не что иное, как громадный водоем, мало-помалу наполнившийся от вод горного ручья. Да, излишек воды должен изливаться в море. Где-нибудь наверняка отыщется водопад или нечто в этом роде! Это обстоятельство очень важно…

— Почему? — спросил Герберт.

— Мы можем воспользоваться силой падения воды и что-нибудь тут устроить… Впрочем, прежде надо отыскать водопад.

Колонисты продолжали следовать по берегу озера и прошли еще милю, но так и не обнаружили, где спускается вода.

Было уже половина пятого.

— Пора домой, — сказал моряк, — а то останемся без обеда.

Маленький караван повернул назад и, пробираясь по левому берегу реки, благополучно достиг «Труб».

Пенкроф и Наб, принявшие на себя должность поваров, проворно развели огонь и быстро при-

готовили жаркое из мяса агути, которое всем чрезвычайно понравилось.

После обеда, когда все собирались отдохнуть, Смит вынул из карманов образчики различных минералов и сказал:

— Вот вам, друзья, железная руда, вот — пирит, вот — глина, вот — известняк, вот — уголь. Все это дает нам природа. Это ее доля работы. Завтра мы примемся за свою!

XIII. Гончарная печь

— Ну, господин Смит, с чего же мы начнем? — спросил утром Пенкроф у инженера.

— С начала, — ответил Смит.

И действительно, колонисты должны были начать именно «с начала». У них пока еще не было ничего такого, с чем можно было бы приступить к заготовке самых необходимых инструментов, и они находились в условиях менее благоприятных, чем природа, которая, «тратя время, сберегает силы». Времени им как раз недоставало, так как они должны были сами заботиться о своем существовании, и хотя они располагали различными познаниями и у них не было необходимости изобретать что-то новое, но у них было далеко не все для того, чтобы приступить к обработке природного сырья. Их железо и сталь были пока что всего лишь природные ископаемые, посуда — глина, над которой должен был поработать гончар, из чего изготовить белье и одежду — им еще предстояло придумать.

Надо сказать, что каждый из колонистов был человеком в самом высоком значении этого слова. Инженер Смит не мог подобрать более умных,

признательных и усердных помощников. Он уже их испытал. Он знал способности каждого из своих товарищей.

Гедеон Спилет, талантливый журналист, изучил самые разные предметы, чтоб иметь возможность говорить в своих статьях обо всем; его навыки и острый ум помогут обустроить колонию на острове. Спилетт сумеет справиться с любым заданием, а так как он заядлый охотник, то охота, которая до сих пор была для него развлечением, станет отныне его обязанностью.

Герберт — славный мальчик, его познания в естественных науках сослужат службу общему делу.

Наб, умный, ловкий и неутомимый, — это воплощенная преданность. Крепкий, наделенный железным здоровьем, он к тому же знал толк в кузнечном деле. Безусловно, его энергия и силы будут очень полезны колонии.

Пенкроф — моряк, избороздивший все моря и океаны, прекрасный плотник, который работал на корабельных верфях в Бруклине, бывал и подручным портного на государственных кораблях, садовником и землепашцем, когда приезжал на побывку домой, — словом, как и подобает моряку, он был мастер на все руки.

Поистине было бы трудно соединить пять человек, более пригодных к тому, чтобы помериться силами с судьбой, более уверенных, что выйдут из этой борьбы победителями.

Для начала, о котором говорил инженер, предстояло соорудить аппарат, который мог бы служить для обработки минерального сырья. Всякому известно то значение, какое имеет тепловая обработка. Следовало, значит, прежде всего приступить к устройству печи.

— А для чего нам печь? — спросил Пенкроф.

— Чтобы сделать глиняную посуду, которая нам нужна прежде всего, — ответил Смит.

— А из чего мы сделаем печь?

— Из кирпичей.

— А кирпичи?

— Из глины. За дело, друзья. Чтобы избежать всякой переноски, мы устроим мастерскую в том самом месте, где добывается глина. Наб позаботится о провизии, а в огне недостатка не будет.

— В огне, конечно, недостатка не будет, — ответил Спилетт, — но как раздобыть провизию, если нет оружия?

— Эх, если бы у меня был ножик! — воскликнул моряк.

— Ну, что ж тогда? — спросил Смит.

— Я бы живо смастерил лук и стрелы, и дичи у нас было бы сколько угодно!

— Да, ножик, острое лезвие, — сказал инженер, как бы рассуждая вслух.

В эту минуту взгляд его упал на Топа, который

бегал по берегу. Вдруг взор Смита оживился.

— Топ, сюда! — крикнул он.

Собака прибежала на зов хозяина. Инженер обхватил руками шею пса, снял ошейник и, разломав его надвое, сказал:

— Вот вам два ножа, Пенкроф!

Моряк ответил громким «ура».

Ошейник Топа был сделан из тонкой пластинки закаленной стали. Нужно было сначала заточить пластинку о камень, а затем отшлифовать лезвие ножа с помощью мелкозернистого песчаника.

На берегу таких камней было в изобилии, и два часа спустя у колонистов имелось два инструмента, то есть две острые стальные пластинки, которые легко было вделать в рукоятки.

Приобретение первого орудия труда было большим торжеством для новой колонии. Приобретение действительно драгоценное и сделанное как нельзя более кстати.

Смит решил вернуться к западному берегу озера, где накануне они обнаружили глинистую почву и откуда он принес ее образцы. Все отправились по берегу реки Милосердия, перешли плато Дальнего Вида и, пройдя еще около пяти миль, достигли лужайки, расположенной в двухстах шагах от озера Гранта.

По дороге Герберт нашел дерево, из ветвей которого индейцы Южной Америки делают себе луки. Это дерево — крехимба — принадлежит к семейству пальмовых, но плоды его несъедобны. Длинные и прямые ветки были срезаны, очищены и обструганы; оставалось подыскать какое-нибудь растение, из которого можно было бы свить тетиву лука. Для этой цели годилось растение из семейства мальвовых, принадлежащих к роду гибискуса, волокна которого обладают замечательной прочностью и не уступают сухожилиям животных.

Пенкроф смастерил несколько луков; недоставало только стрел.

Стрелы легко было сделать из прямых и твердых веток, обрезав хорошенько сучки, но их надо было снабдить остриями, сделанными из какого-нибудь твердого вещества, которое могло заменить железо, а найти такое вещество было довольно трудно. Впрочем, Пенкроф не унывал: сказав себе, что он со своей стороны сделал все возможное, он положился на случай, который, по его мнению, должен был помочь ему выйти из затруднения. Колонисты пришли на место, найденное накануне.

Здесь почва состояла из красной глины, кото-

рая обычно пригодна для изготовления кирпича и черепицы. Ручная работа не представляла никаких затруднений. Надо было только смешать глину с песком, вылепить кирпичи и подвергнуть их обжигу. Обыкновенно для выделки кирпичей используют специальные формы, но колонистам пришлось лепить их руками.

Весь этот и следующий день были потрачены на такую работу. Глину смачивали водой, затем месили ногами и руками и, наконец, лепили бруски одинаковых размеров.

Опытный рабочий может сделать без помощи машины до десяти тысяч кирпичей за двенадцать часов, но пять мастеров острова Линкольна за целых два дня сделали не более трех тысяч. Приготовленные кирпичи были аккуратно сложены для просушки, на которую требовалось дня три или четыре, а затем их можно было обжигать.

2 апреля Смит принялся определять положение острова.

Еще накануне, приняв во внимание преломление лучей солнца около горизонта, он точно заметил час, когда солнце закатилось за горизонт. Поутру, на следующий день, он не менее точно заметил час, когда оно взошло. Между этим заходом и этим восходом солнца прошло двенадцать

часов без двадцати четырех минут. Значит, в этот день через шесть часов двенадцать минут после своего восхода солнце должно вступить как раз на меридиан, и та точка на небе, которую оно будет занимать в данный момент, будет точкой севера[15].

В назначенный час Смит заметил эту точку. Выделив затем два дерева, которые стояли за солнцем по одной линии, он, таким образом, точно определил полуденную линию, то есть получил неизменный меридиан для дальнейших наблюдений.

В продолжение двух дней колонисты запасались горючим материалом.

Около лужайки нарубили веток и собрали весь хворост, лежавший в лесу. При таком занятии, разумеется, дело не обошлось и без охоты, тем более что у Пенкрофа было около дюжины стрел с чрезвычайно прочными остриями. Эти острия доставил Топ. Он принес дикобраза, которого нельзя считать завидной добычей, но в настоящем случае он был для колонистов неоцененной находкой благодаря торчавшим на нем иглам. Эти колючки были прочно вделаны в концы

[15] Примечания: 15

В это время года и на этой широте солнце всходило в 5 ч. 33 мин. утра, а заходило в 6 ч. 17 мин. вечера. (*Примеч. автора.*)

стрел; боковые крылья стрел, необходимые для правильности их лета, сделали из перьев какаду.

Спилетт и Герберт скоро стали весьма ловкими стрелками из лука. Что же касается зверей и пернатой дичи, как то: водосвинок, голубей, агути, глухарей и прочих, — то около «Труб» в них недостатка не было. Бóльшую часть этих животных охотники били в лесной чаще, названной лесом Жакамара, в память птицы, которую Пенкроф и Герберт преследовали во время своей первой экскурсии.

Убитую дичь ели в свежем виде, а окорока водосвинок сберегали, прокоптив их в дыму сырых зеленых сучьев и предварительно приправив ароматной зеленью.

Пища эта, хотя и весьма питательная, но однообразная, несколько приелась, и колонисты с большим удовольствием заменили бы ее простым супом; но для этого надо было дождаться горшка, в котором можно было бы варить мясо.

Охотники во время экскурсий, которые совершались неподалеку от кирпичного завода, заметили свежие следы больших животных с сильными когтями, но породу определить не могли. Смит советовал соблюдать величайшую осторожность, так как, весьма вероятно, здесь

водились опасные звери.

И надо отдать ему справедливость, он дал благоразумный совет. Герберт и Спилетт однажды действительно встретили животное, походившее на ягуара. Этот зверь, к счастью, не напал на них, в противном случае они, быть может, не ушли бы от него без опасных ран. Спилетт дал себе слово, что, лишь только у них будет какое-нибудь надежное оружие, то есть одно из тех ружей, которых жаждал и добивался Пенкроф, он поведет ожесточенную войну против всех хищных и очистит от них остров Линкольна.

«Трубы» в течение этих нескольких дней оставались почти в прежнем положении, так как инженер рассчитывал устроить, если понадобится, жилье более удобное. Вся перемена состояла в том, что на песке, в узких проходах, была положена свежая подстилка из мха и сухих листьев, и на этих первобытных кушетках изнуренные труженики спали с большим наслаждением.

Высчитав время, проведенное на острове Линкольна, колонисты составили календарь, по которому вели правильный счет дням; с 5 апреля, которое приходилось на среду, минуло двенадцать дней, как потерпевшие крушение в воздухе были выброшены на пустынный берег.

6 апреля на рассвете инженер и его товарищи собрались на лужайке, в том месте, где должен был проходить обжиг кирпичей.

Разумеется, эту операцию надо было произвести на открытом воздухе, а не в печах; говоря проще, куча кирпичей должна была представлять громадную печь, которая обжигалась бы сама собой. Горючий материал был разложен на земле и окружен несколькими рядами высохших кирпичей, которые скоро образовали большой куб, снабженный снаружи отдушинами. Кладка кирпича продолжалась целый день, и только к вечеру подожгли дерево.

В продолжение всей ночи никто не спал: все внимательно следили, чтобы огонь не уменьшался.

Обжиг продолжался сорок восемь часов и удался как нельзя лучше. Затем надо было дать дымящейся массе охладиться.

В это время Наб и Пенкроф под руководством Смита на носилках из прутьев притащили в несколько приемов известняк — весьма обыкновенный камень, какого было много в северной части озера. Разлагаясь под влиянием жара, известняк давал негашеную известь, весьма жирную, сильно разбухающую при гашении и такую

же чистую, какую можно было бы получить через обжигание мрамора. Такая известь, смешанная с песком, действие которого состоит в том, чтобы ослаблять оседание массы в то время, когда она затвердевает, дает превосходный цемент для построек.

9 апреля Смит имел уже в своем распоряжении некоторое количество приготовленной извести и несколько тысяч кирпичей.

Не теряя ни минуты, приступили к сооружению настоящей печи; успех дался без особого труда.

Пять дней спустя в печь был заложен каменный уголь, который нашли около устья Красного ручья. И из трубы футов двадцать вышиной вырвались первые клубы дыма. Прежняя лужайка превратилась в завод. Пенкроф твердо верил, что из этой печи выйдут все изделия современной промышленности…

В первую очередь колонисты вылепили обыкновенный горшок для варки пищи. Он был из глины, к которой Смит велел прибавить немного извести и кварца. Это была настоящая гончарная глина; из нее вылепили горшки, чашки различных форм, тарелки, большие кувшины, лохани для хранения воды и прочее. Изделия эти отличались неуклюжей и неправильной формой, но зато

теперь кухня «Труб» располагала необходимой кухонной посудой, которая была для колонистов драгоценнее любого хрусталя и фарфора.

Здесь следует упомянуть, что Пенкроф, желая удостовериться, действительно ли найденная глина, таким образом приготовленная, годится для выделки трубок-носогреек, смастерил себе несколько штук, которые не поражали изяществом отделки, но которыми он восхищался. Увы! К этим трубкам недоставало табаку, что было большим лишением для Пенкрофа.

— Но табак явится, как и все остальное! — повторял он себе в порыве беззаветной веры.

Работы продолжались до 15 апреля, и, понятно, все это время было проведено с пользой. Колонисты, обратившись в горшечников, ничего не

делали, кроме глиняной посуды. Если бы Смит счел нужным превратить их в кузнецов, они бы сделались кузнецами. Но так как на другой день было воскресенье Пасхи, то все согласились посвятить его отдыху.

Вечером 15 апреля все окончательно вернулись к «Трубам», перенесли туда остававшуюся на «фабрике» глиняную посуду, а печь погасили.

Возвращение в «Трубы» ознаменовалось счастливым случаем, а именно — находкой вещества, которое могло заменить трут. Обычно трутом называли ноздреватый, бархатистый гриб. Приготовленный надлежащим образом, он весьма легко воспламеняется, особенно если его предварительно натереть пушечным порохом или прокипятить в растворе селитры или бертолетовой соли. До сих пор никому из колонистов не удавалось находить таких грибов, даже сморчков, которые могли бы их заменить.

В этот день инженер сделал еще одно открытие. Он увидел растение, принадлежавшее к роду чернобыльника, и, сорвав несколько пучков, подал их моряку.

— Посмотрите, Пенкроф, — сказал он, — это вам доставит большое удовольствие.

Пенкроф внимательно посмотрел на растение,

отличавшееся длинными шелковидными нитями, и потрогал его листья, покрытые нежным пушком.

— Что это такое? — спросил моряк. — Создатель мой! Уж не табак ли?

— Нет, — ответил Смит, — это китайский чернобыльник, а у нас он будет трутом.

И действительно, этот чернобыльник, должным образом высушенный, весьма легко воспламенялся, особенно когда инженер пропитал его селитрой, целые залежи которой были найдены на острове.

В этот вечер колонисты, собравшись в центральной комнате, отлично поужинали. Наб приготовил суп из агути и тушеную ногу водосвинки. Затем были поданы вареные клубни *caladium macrorhizum*, травянистого растения из семейства ароидных, в тропической зоне принявшего древовидную форму. Эти корневища имели превосходный вкус, были весьма питательны и очень похожи на то вещество, которое в Англии продается под названием «портлендское саго». Они до определенной степени могли заменить хлеб, которого пока не было у колонистов острова Линкольна.

После ужина Смит с товарищами отправились

подышать чистым воздухом на берег моря.

Вечер был великолепный. Луна еще не взошла, но горизонт уже серебрился нежными бледными оттенками, какие можно было назвать лунным рассветом. В зените блистали околополюсные созвездия и между ними Южный Крест, который инженер за несколько дней до этого приветствовал с вершины горы Франклина.

Смит какое-то время наблюдал это созвездие, которое имеет наверху и у основания две звезды первой величины, по левую сторону — звезду второй величины, по правую — третьей величины.

— Герберт, — сказал инженер как бы после некоторого размышления, — у нас сегодня пятнадцатое апреля?

— Да, господин Сайрес, — ответил Герберт.

— Ну, если я не ошибаюсь, завтра будет один из тех четырех дней в году, когда истинное, солнечное время равно среднему, то есть гражданскому времени; значит, завтра солнце вступит на меридиан ровно в полдень по нашим часам. Если погода будет хорошая, то, я полагаю, мне удастся определить долготу острова с точностью до нескольких градусов.

— Без инструментов? — спросил Спилетт.

— Да, — ответил инженер. — Так как ночь

ясная, то я сегодня же вечером попробую определить широту посредством измерения высоты Южного Креста — созвездия Южного полюса — над горизонтом. Вы понимаете, друзья мои, принимаясь за обустройство прочного жилища, недостаточно знать, материк это или остров: надо по возможности хорошенько узнать, на каком расстоянии лежит этот остров от Америки, или от Австралии, или от главных архипелагов Тихого океана.

— Да-да, — сказал Спилетт, — вместо того чтобы строить дом, нам, быть может, полезнее построить судно, если нас выкинуло недалеко от обитаемого берега.

— Вот почему, — снова заметил Смит, — я попробую сегодня же определить широту острова Линкольна, а завтра — его долготу.

Смит вернулся в «Трубы».

При свете очага он вырезал две маленькие плоские линейки и соединил их между собой в одном конце, так что получилось нечто вроде циркуля, ножки которого могли раздвигаться и сдвигаться. Эти линейки были скреплены посредством крепкой колючки акации.

С этим инструментом инженер вернулся на берег; но так как ему предстояло измерить высо-

ту полюса над горизонтом, ясно очерченным, то есть над горизонтом моря, и так как мыс Коготь закрывал от него горизонт с южной стороны, то надо было подыскать место более подходящее. Очевидно, наилучшим местом могло быть побережье, лежащее прямо на юге; но, чтобы туда попасть, следовало переправиться через реку Милосердия, которая была в это время очень глубока и перейти ее вброд было невозможно.

Смит решился отправиться для своих наблюдений на плато Дальнего Вида, рассчитывая принять во внимание его высоту над уровнем моря — высоту, которую он мог определить на другой день простым способом начальной геометрии.

Итак, поднимаясь по левому берегу реки Милосердия, колонисты перешли на плато и расположились на опушке.

Эта часть плато поднималась футов на пятьдесят над холмами правого берега, которые полого спускались с одной стороны до оконечности мыса Коготь, а с другой стороны — до южного берега острова. Отсюда горизонт открывался на всем протяжении от мыса Коготь до Змеиного мыса.

Озаренная светом луны, линия горизонта резко выделялась на небе и была удобна для наблю-

дения.

В эту минуту созвездие Южного Креста казалось наблюдателю опрокинутым, так как звезда альфа, находящаяся ближе к Южному полюсу, была в основании созвездия.

Это созвездие не так близко расположено к Южному полюсу, как Полярная звезда к Северному. Первая звезда (альфа) Южного Креста находится градусах в двадцати семи от Южного полюса, но Смит знал величину расстояния и мог учесть его в своих вычислениях.

Смит направил одну ножку своего деревянного циркуля на горизонт моря, а другую, заменяющую в настоящем случае зрительную трубу отражательного круга, на первую звезду. Отверстие между двумя ножками дало ему угловое расстояние, разделявшее первую звезду Южного Креста от горизонта. Чтобы измеренный угол оставался неизменным между двумя дощечками его аппарата, инженер посредством колючек наколол их на третью дощечку, помещенную поперек, так что раздвинутые линейки прочно держались в этом положении.

Когда это было сделано, Смиту оставалось только определить величину измеренного угла, приведя наблюдение к уровню моря, дабы при-

нять во внимание понижение горизонта, для чего необходимо было измерить высоту плато. Величина этого угла должна была дать, таким образом, высоту первой звезды Южного Креста и, следовательно, высоту полюса над горизонтом, то есть широту острова, ибо широта какого-нибудь места на земном шаре всегда равняется угловой высоте полюса над горизонтом того же самого места.

Эти вычисления были отложены до следующего дня, и в десять часов вся колония находилась уже в глубоком сне.

XIV. Положение острова определено

На другой день, 16 апреля, в Светлое воскресенье, колонисты вышли из «Труб» с самого раннего утра и принялись за стирку белья и чистку платья. Инженер надеялся изготовить мыло, лишь только будут найдены самые необходимые вещества: сода или поташ, жир или масло. Вопрос о пополнении гардероба тоже был не из последних. Впрочем, можно было рассчитывать, что старое платье продержится еще месяцев шесть; оно у всех было прочное и немаркое — именно такое, какого могли пожелать люди, занимающиеся черной работой.

Солнце, показавшееся на чистом горизонте, обещало великолепный день — один из тех прелестных осенних дней, которые можно назвать последним приветом теплого времени года.

— Итак, сегодня надо продолжить наблюдения, произведенные накануне, то есть измерить высоту плато Дальнего Вида над уровнем моря, — сказал инженер.

Герберт, желавший всему научиться, последовал за инженером, который отошел от гранитной стены и спустился к краю берега. Остальные при-

нялись за различные работы по хозяйству.

Смит взял прямой шест футов двенадцать длиной и вымерил его, насколько возможно точно, сравнивая со своим собственным ростом, который был ему известен. Герберт нес отвес, врученный ему инженером, то есть простой камень, который был привязан к концу веревочки.

Не доходя футов двадцати до береговой кромки и футов около пятисот до гранитной стены, поднимавшейся отвесно, Смит воткнул свой шест на два фута в песок и, укрепив его хорошенько, поставил посредством отвеса перпендикулярно к плоскости горизонта.

Когда это было сделано, он отступил от шеста на такое расстояние, чтобы, лежа на песке, видеть одновременно, по прямой линии, конец шеста и гребень гранитной стены. Затем он тщательно наметил эту точку колышком.

— Ты знаком с основами геометрии? — спросил он, вставая и обращаясь к Герберту.

— Немножко знаю, — ответил Герберт.

— Помнишь свойства подобных треугольников?

— У них соответственные углы равны, а стороны пропорциональны.

— Ну, мой друг, у нас как раз есть два подоб-

ных треугольника. У первого, меньшего, одной стороной будет перпендикулярный шест, другой, горизонтальной, — расстояние от колышка до основания шеста, а третьей — линия от колышка до верхушки шеста. Ты видишь, что эта третья сторона совпадает с моим лучом зрения, когда я лежал навзничь и смотрел одновременно на верхушку шеста и гребень стены. Представляешь это себе, Герберт?

— Представляю, — ответил мальчик.

— Теперь представь себе другой, больший треугольник. Первой его стороной будет высота гранитной стены; второй, горизонтальной, — расстояние от колышка до основания этой стены, а третьей — расстояние от колышка до гребня стены, опять-таки по направлению того же луча зрения. Понял?

— Понял, господин Сайрес! — воскликнул Герберт. — Высота стены будет во столько же раз больше высоты шеста, во сколько расстояние от колышка до стены больше расстояния от колышка до шеста!

— Совершенно верно. Измерим как можно точнее эти расстояния и тогда составим пропорцию.

Оба горизонтальных расстояния были вымерены посредством того же самого шеста, который

возвышался над песком ровно на десять футов.

Первое расстояние, между колышком и той точкой, где был воткнут в песке шест, оказалось пятнадцать футов.

Второе расстояние, между колышком и основанием стены, оказалось пятьсот футов.

Когда измерения были окончены, Смит и Герберт вернулись в «Трубы».

Здесь инженер взял плоский гладкий камень, найденный во время одной экскурсии. На нем было легко выцарапывать цифры посредством острой раковины. Смит составил следующую пропорцию:

15: 500 = 10: x
500 × 10 = 5000
5000: 15 = 333,33…

Оказалось, что высота гранитной стены равняется тремстам тридцати трем футам.

Затем Смит взял инструмент, который сделал накануне и раздвинутые ножки которого дали ему угловое расстояние между первой звездой Южного Креста и горизонтом. Он весьма точно измерил величину этого угла по окружности, разделенной на триста шестьдесят равных частей. Этот угол после прибавления к нему двадцати

семи градусов, отделяющих звезду от Южного полюса, и после приведения к уровню моря высоты плато, с которой производились наблюдения, оказался равным пятидесяти трем градусам. Вычтя их из девяноста градусов, то есть из расстояния полюса от экватора, получили угол тридцать семь градусов.

Отсюда Смит заключил, что остров Линкольна лежит на тридцать седьмом градусе южной широты, или, принимая во внимание несовершенство вычислений и с учетом возможной погрешности в пять градусов, остров должен находиться между тридцать пятой и сороковой параллелями.

Для окончательного определения положения острова оставалось узнать его долготу. Смит рассчитывал попробовать определить ее в тот же день, в полдень, то есть в тот момент, когда солнце будет проходить через меридиан.

Решено было использовать это воскресенье на прогулку или, точнее, на исследование той части острова, которая находилась между северной частью озера и заливом Акулы, и, если погода позволит, довести разведку до северного поворота мыса Южной Челюсти. Завтракать рассчитывали у дюн и только вечером вернуться домой.

В восемь часов тридцать минут утра караван

направился по берегу потока. По другую сторону, на островке Спасения, кружилось в воздухе множество птиц. То были нырки, отличающиеся своим неприятным криком, напоминающим крик осла. Пенкроф смотрел на них как на дичь и не без некоторого удовольствия узнал, что их мясо, хотя и черноватое, довольно вкусно.

Тут тоже можно было видеть, как вдали ползали по песку большие ластоногие — вероятно, тюлени, которые, казалось, избрали островок своим убежищем. В пищу эти животные не годились: их маслянистое мясо отвратительно на вкус.

Смит, однако, с большим вниманием рассматривал их и, не открывая своей мысли товарищам, объявил, что очень скоро им предстоит отправиться на островок.

Берег, по которому следовали колонисты, был усеян бесчисленным количеством раковин, и многие из них доставили бы величайшее удовольствие зоологам, изучающим моллюсков. Среди этих раковин были фазианеллы, сверлильщики, тригонии и много других. Но куда более полезным открытием была устричная отмель, обнажившаяся при отливе. Наб обнаружил ее во время отлива между скал, милях в четырех от «Труб».

— У Наба день не пропал даром! — воскликнул Пенкроф, рассматривая далеко простирающийся риф из устричных раковин.

— В самом деле, это счастливое открытие, — сказал Спилетт, — и если только правда, что каждая устрица ежегодно производит от пятидесяти до шестидесяти тысяч яичек, то у нас неистощимый запас.

— Только я думаю, что устрицы не очень питательны, — сказал Герберт.

— Ты не ошибаешься, — ответил Смит. — Устрица содержит весьма мало азотистых веществ. Для человека, который стал бы питаться исключительно ими, потребовалось бы не менее пятнадцати или шестнадцати дюжин ежедневно.

— Отлично! — ответил Пенкроф. — Мы можем истреблять их сколько душе угодно — и все-таки не скоро истребим эту отмель. Не взять ли несколько дюжин на завтрак?

И, зная наперед, что все их одобрят, моряк и Наб оторвали некоторое количество этих моллюсков, уложили в сеть из волокон гибискуса, где уже находился кое-какой запас провизии. Затем начали подниматься по берегу, между дюнами и морем.

Смит время от времени посматривал на часы,

чтобы загодя приготовиться к наблюдению за Солнцем, которое необходимо было произвести ровно в полдень.

Вся эта часть острова была пустынна до самого мыса Южной Челюсти. Ничего не попадалось, кроме песка и раковин, смешанных с обломками застывшей лавы. Некоторые морские птицы посещали, однако, этот берег: чайки, большие альбатросы и дикие утки. Последние возбуждали в Пенкрофе алчное желание как-нибудь ими завладеть. Он пробовал было пускать в них стрелы, но без успеха, так как птицы не сидели на одном месте и их следовало бить на лету.

После каждого неудачного выстрела моряк говорил Смиту:

— Вы сами видите, что, пока у нас не будет охотничьего ружья, никогда не наберем вдоволь съестных припасов!

— Разумеется, Пенкроф, — отвечал Спилетт, — но остановка только за вами… Дайте нам железа для пушек, стали для батарей, селитры, угля и серы для приготовления пороха, ртути и азотной кислоты для гремучей ртути в пистонах, наконец, свинца для пуль — и Смит сделает для вас ружья первого сорта.

— О! — ответил инженер. — Все эти вещества

мы, разумеется, можем найти на острове, но огнестрельное оружие невозможно сделать без хороших инструментов. Впрочем, мы впоследствии посмотрим, попробуем…

— Зачем мы выкинули за борт все оружие, которое было в корзине! — воскликнул Пенкроф. — Выкинули все вещи, даже карманные ножи!

— Но, Пенкроф, если бы мы не выкинули всего этого, — сказал Герберт, — шар упал бы скорее и мы бы сами очутились на дне моря…

— Твоя правда, дружище! — ответил моряк.

Затем Пенкроф прибавил:

— Вот, я думаю, удивился-то Джонатан Форстер и его товарищи, когда на другой день явились на площадь и никакого шара там не нашли!

— Я мало заботился о том, что они могли подумать, — сказал Спилетт.

— А ведь мысль-то улететь на шаре принадлежит мне! — сказал Пенкроф с самодовольным видом.

— Блестящая мысль, Пенкроф! — ответил, улыбаясь, Спилетт. — Благодаря ей мы очутились здесь.

— Уж лучше здесь, чем в руках южан! — воскликнул моряк. — Гораздо лучше… Здесь даже

хорошо… особенно с тех пор, как к нам присоединился господин Смит.

— Совершенно с вами согласен, Пенкроф, — сказал Спилетт. — Чем здесь худо? Чего нам не хватает? В чем недостаток?

— Ни в чем, если не… во всем! — ответил Пенкроф, разражаясь громким смехом и встряхивая широкими плечами. — Но рано или поздно мы найдем средство выбраться отсюда!

— Мы, быть может, выберемся отсюда скорее, чем вы полагаете, друзья мои, — сказал инженер, — если только остров Линкольна находится не на далеком расстоянии от какого-нибудь обитаемого архипелага или материка. Не пройдет и часа, как мы сможем это узнать. У меня нет с собой карты Тихого океана, но я по памяти хорошо знаю южную его часть. Судя по широте, какая у меня вчера получилась, остров Линкольна с западной стороны находится против Новой Зеландии, а с востока — против берегов Чили. Но между этими двумя странами по крайней мере шесть тысяч миль. Таким образом, остается узнать, какое место занимает наш остров в этом обширном пространстве, и, я надеюсь, мы довольно точно определим это место, если нам будет известна долгота острова.

— По широте, кажется, архипелаг Туамоту самая близкая к нам земля? — спросил Герберт.

— Да, — ответил инженер, — но от нас до этого архипелага будет более тысячи двухсот миль.

— А здесь что? — сказал Наб, который с величайшим интересом следил за разговором, указывая рукой на юг.

— Здесь ничего, — ответил Пенкроф.

— Действительно ничего, кроме воды, — прибавил инженер.

— Ну а что, если остров Линкольна находится в двухстах или трехстах милях от Новой Зеландии или от берегов Чили?.. — спросил Спилетт.

— Тогда, — ответил инженер, — вместо того чтобы строить дом, мы построим судно, а Пенкроф примет на себя обязанность управлять им…

— Еще бы, господин Смит! — воскликнул моряк. — С полной готовностью приму звание капитана, лишь бы только вы нашли средство построить лодку, которая могла бы держаться на воде.

— Построим, если будет необходимость, — ответил Смит.

Между тем, пока эти смельчаки составляли планы на будущее, приближался час наблюдения.

Но как Смит определит момент прохождения

Солнца через меридиан, не имея инструментов?

Этого Герберт не мог угадать.

Наблюдатели находились в шести милях от «Труб», неподалеку от той части дюн, где был найден инженер после своего загадочного спасения. В этом месте маленький караван остановился, и путники решили приступить к завтраку, так как было уже половина двенадцатого. Герберт отправился за пресной водой к протекавшему вблизи ручью и принес ее в кувшине, который Наб захватил с собой из «Труб».

Пока длились эти приготовления, Смит расположил все, что было нужно для наблюдений. Он выбрал совершенно чистое место, которое было отлично выровнено морским отливом: слой мелкого песка был так гладко укатан, что ни одна

песчинка не выдавалась выше другой. Впрочем, было вовсе не важно, горизонтален выбранный слой или нет, тем более что шест длиной шесть футов, воткнутый в эту площадку, был к ней перпендикулярен. Инженер даже нарочно наклонил его к югу, то есть в противоположную от Солнца сторону, ибо не следует забывать, что колонисты острова Линкольна уже вследствие того, что остров находился в Южном полушарии, видели лучезарное светило описывающим свою дневную дугу над северным горизонтом, а не над южным.

Теперь Герберт понял, как инженер хочет действовать. Он хотел определить время прохождения Солнца через меридиан посредством тени, отбрасываемой на песке шестом, — способ хотя и приблизительный, но, за неимением точных инструментов, и он мог дать довольно удовлетворительный результат.

Момент, в который тень от шеста будет наименьшая, и будет полднем, и достаточно проследить за движением конца этой тени, чтобы заметить минуту, когда тень, постепенно уменьшившись, начнет снова удлиняться. Наклонив шест в сторону, противоположную Солнцу, Смит сделал его тень длиннее и, таким образом, имел возможность легко следить за изменениями ее

длины. Действительно, чем длиннее стрелка циферблата, тем легче следить за движением ее конца. Тень от шеста была в этом случае не что иное, как стрелка, двигающаяся по циферблату.

Когда Смит рассчитал, что время наблюдения наступило, он стал на колени и, втыкая в песок маленькие колышки, начал отмечать постепенное уменьшение тени, отбрасываемой шестом. Его товарищи, наклонившись над ним, с величайшим интересом следили за всей этой операцией.

Спилетт держал в руке свой хронометр и готовился заметить минуту и секунду, когда тень будет самая короткая. Кроме того, так как Смит производил наблюдение 16 апреля, то есть в тот день, когда истинное время и среднее время сравниваются, то момент, замеченный Спилеттом на хронометре, был бы тем же самым моментом на меридиане Вашингтона, что упрощало вычисление.

Между тем Солнце медленно подвигалось; тень мало-помалу уменьшалась, и, когда Смит заметил, что она начала удлиняться, он спросил:

— Который час?

— Пять часов и одна минута, — ответил Спилетт.

Наблюдение было окончено. Оставалось сде-

лать весьма легкое вычисление.

Таким образом, оказалось, что между меридианом Вашингтона и меридианом острова Линкольна была, круглым счетом, разница в пять часов, а это значило, что, когда на острове Линкольна был полдень, в Вашингтоне в этот же самый момент было уже пять часов вечера. Солнце во время своего кажущегося суточного движения вокруг Земли пробегает один градус в четыре минуты; следовательно, в час оно проходит пятнадцать градусов. Пятнадцать (градусов), умноженные на пять (часов), составят семьдесят пять градусов.

Так как Вашингтон находится на меридиане семьдесят семь градусов три минуты одиннадцать секунд, или, можно сказать, в семидесяти семи градусах от Гринвичского меридиана, который американцы вместе с англичанами принимают за начало счета долгот, то оказывалось, что остров лежал на расстоянии семидесяти пяти градусов к западу от меридиана Вашингтона, то есть на сто пятьдесят втором градусе западной долготы.

Учтя возможную погрешность наблюдений, Смит мог теперь сказать, что остров Линкольна находится между тридцать пятым и тридцать

седьмым градусом южной широты и между сто пятидесятым и сто пятьдесят пятым градусом западной долготы.

Так как на возможную ошибку Смит клал пять градусов в ту и другую сторону, то, считая по шестьдесят морских миль на географический градус, выходило, что ошибка могла быть в триста миль.

Но эта ошибка не могла сильно повлиять на будущие планы колонистов. Было ясно, что остров Линкольна находится на таком расстоянии от всякой земли или архипелага, что немыслимо его преодолеть на простой и ненадежной лодке.

Действительно, остров находился по крайней мере в тысяче двухстах милях от Таити или архипелага Туамоту, более чем в тысяче восьмистах милях от Новой Зеландии и более чем в четырех тысячах пятистах милях от американского берега!

Как ни старался Смит возобновить в своей памяти подробности карты Тихого океана, он никоим образом не мог вспомнить, чтобы в этой его части какой-нибудь остров занимал то место, какое отведено было острову Линкольна.

XV. Изготовление железа

На другой день, 17 апреля, Пенкроф первым делом спросил Спилетта:

— Ну, что мы сегодня будем делать?

— Что будет угодно Смиту, — ответил тот.

Накануне исследование было доведено до стрелки мыса Челюсти, находившейся милях в семи от «Труб». Тут кончался длинный ряд дюн, и далее начиналась вулканическая почва. Это уже не были высокие стены, как на плато Дальнего Вида; странная и причудливая кайма скал обрамляла узкий залив между двумя мысами, состоявшими из минеральных веществ, которые некогда были извержены вулканом. Дойдя до стрелки, колонисты вернулись назад и поздно ночью вошли в «Трубы», но никто не уснул, прежде чем окончательно не был решен вопрос о том, следует ли сделать попытку покинуть остров Линкольна или нет. Тысяча двести миль, отделявших остров от архипелага Туамоту, составляли расстояние весьма большое. Нечего было и думать переплыть его на какой-нибудь лодке, тем более в преддверии зимнего времени года с немалым количеством бурь. Пенкроф прямо объявил

о невозможности такого путешествия. Притом построить самую простую лодку, даже имея под руками все необходимые инструменты, трудное дело, а у колонистов не было практически никаких инструментов; следовательно, для начала пришлось бы изготовить молоты, топоры, тесла, пилы, буравы, рубанки и все прочее, на что ушло бы много времени.

Итак, все окончательно решили зимовать на острове, но подыскать более удобное жилище, чем «Трубы», и в нем провести зимние месяцы.

Прежде всего надо было обработать железную руду, несколько месторождений которой инженер заметил в северо-западной части острова, и превратить ее или в настоящее железо, или в сталь.

Металлы в почве обыкновенно не содержатся в чистом состоянии. По большей части их находят в соединении с кислородом или с серой. Оба образца, принесенные Смитом, именно и были: один — магнитный железняк, а другой — железный колчедан, или сернистое железо. Чтобы из первого, представлявшего соединение железа с кислородом, то есть окись железа, получить железо в чистом состоянии, надо было восстановить его посредством прокаливания с углем,

то есть отнять кислород от окиси железа. Такое восстановление производится или тем, что руду и уголь нагревают до высокой температуры, — для этого используют скорый и легкий «каталонский способ», имеющий то преимущество, что он сразу превращает руду в железо; или же, наконец, способом обжигания руды в высоких горнах (доменных печах), причем руду превращают сперва в чугун, а затем чугун — в железо, отнимая у чугуна находящийся в соединении с железом углерод.

Что именно хотел получить Смит?

Железо, а не чугун, и притом он должен был найти самый скорый способ выплавки железа. К тому же открытая им руда была сама по себе весьма чиста и весьма богата содержанием железа.

Эта руда встречается в виде бесформенных масс темно-серого цвета, дает черный порошок, кристаллизуется правильными восьмигранниками; она является естественным магнитом и служит для получения в Европе тех высококачественных сортов железа, которые в таком количестве производят Швеция и Норвегия. Невдалеке от железного рудника находился и каменный уголь, которым уже пользовались колонисты, что должно было облегчить обработку руды. Подобными

условиями объясняется широкое развитие железной промышленности в Англии, где в некоторых местах уголь используют для выработки металла, извлекаемого из одной и той же почвы с каменным углем, то есть одновременно с добычей этого угля.

— Теперь, господин Смит, — сказал Пенкроф, — мы примемся за железную руду?

— Да, друг мой, — ответил инженер, — а для этого начнем с охоты на тюленей, против которой вы, вероятно, ничего не возразите.

— На тюленей? — воскликнул моряк, обращаясь к Спилетту. — Значит, для выработки железа нужны тюлени?

— Так считает Смит, — ответил Спилетт.

Между тем инженер уже покинул «Трубы», и Пенкроф, не получив объяснений, начал готовиться к охоте.

Скоро колонисты во время отлива перешли вброд на островок Спасения, не замочив ног выше колен. Сайрес Смит же ступил на этот островок впервые.

Они увидели целые сотни пингвинов, которые с самым добродушным видом взирали на новых пришельцев. Колонисты, вооруженные палками, могли бы легко их подбить, но они

этого не сделали, потому что шум мог спугнуть тюленей, растянувшихся на песке на расстоянии нескольких кабельтовых. Они стали осторожно подвигаться к северной оконечности островка, следуя по почве, испещренной мелкими промоинами, в которых устраивали свои гнезда птицы. Скоро показались огромные черные точки. Издали можно было подумать, что это верхушки подводных утесов, находившиеся в движении.

— Видите? Видите? — шепнул Пенкроф.

То были те самые тюлени, на которых колонисты собирались охотиться. Прежде всего надо было дождаться, чтобы они выбрались на берег, потому что тюлени превосходно плавают и ловить их в море весьма трудно, меж тем как по земле они передвигаются довольно медленно и скорее ползают, чем ходят, так как их короткие ласты почти вовсе не помогают им при передвижении.

Пенкроф знал привычки этих животных.

Охотники укрылись за утесами и стали безмолвно выжидать выхода тюленей из воды.

Прошел по крайней мере час, пока тюлени выползли. Их было с полдюжины.

Тогда Пенкроф и Герберт стали обходить мыс островка, чтобы таким образом зайти в тыл и

загородить животным обратный путь в воду. В это же время Смит, Спилетт и Наб поползли вдоль утесов, подкрадываясь к тюленям.

Вдруг моряк выпрямился во весь рост и громко крикнул. Смит и его товарищи кинулись к морю, чтобы преградить дорогу тюленям.

Два неуклюжих тюленя, поверженные сильными ударами дубинки, лежали мертвыми на песке; остальные успели добраться до воды.

— Вот вам тюлени, господин Смит! — сказал Пенкроф.

— Хорошо, — ответил Смит, — мы из них устроим кузнечные мехи!

— Мехи? — воскликнул Пенкроф. — Отлично! Так вот на что они вам были нужны!

Действительно, для обработки руды инженеру нужно было устройство для раздувания огня при выплавке металла, и он рассчитывал сделать его из тюленьей кожи. Убитые тюлени были средних размеров, длина их не превосходила шести футов, а голова очень походила на собачью.

Так как бесполезно было бы перетаскивать такой тяжелый груз, то Наб и Пенкроф решили снять шкуры на месте, пока Смит и Спилетт исследовали островок.

Моряк и негр проворно исполнили свою работу,

и через три часа в распоряжении Смита оказались две тюленьи шкуры.

Колонисты дождались отлива и, переправившись через пролив, вернулись к «Трубам».

Немалого труда стоило натянуть тюленьи шкуры на деревянные рамы и так сшить их посредством волокон, чтобы эти мехи не пропускали назад воздух, который выходил бы только через одно проделанное отверстие.

Эта работа удалась не сразу. У Смита пока были всего две острые стальные пластинки, сделанные из ошейника Топа. Однако инженер был так ловок и его товарищи с такой энергией помогали ему, что спустя три дня к инструментам маленькой колонии прибавился снаряд, предназначенный для нагнетания воздуха в массу руды во время ее восстановления посредством жара, что составляет неизбежное условие для успешного хода операции.

С утра 20 апреля начался «металлургический период», как назвал его Спилетт в своей записной книжке.

Инженер решил воспользоваться одновременно месторождениями угля и руды. По его наблюдениям, они находились у основания передних северо-западных уступов горы Фран-

клина, на расстоянии шести миль. Возвращаться каждый день в «Трубы» было бы неудобно, а потому решили расположиться лагерем в шалаше: оттуда колонисты могли следить за работой днем и ночью.

Все отправились с утра на работу; Наб и Пенкроф тащили на плетенке мехи, сделанные из тюленьих шкур, а также небольшие запасы всякой провизии, к которым они надеялись по пути добавить еще какую-нибудь дичь.

Дорога, избранная колонистами, шла через лес Жакамара, который приходилось пересекать с юго-востока на северо-запад, и притом в самой густой его части. Необходимо было проложить тропинку, то есть устроить кратчайший путь между плато Дальнего Вида и горой Франклина.

Деревья были великолепны. Герберт заметил драцену, которую Пенкроф обозвал хвастливым пореем, потому что, невзирая на свой рост, она принадлежала к семейству лилейных, как порей, лук-шалот и спаржа.

Отваренные корни драцены очень вкусны, а если их подвергнуть брожению, то получается отличный ликер.

Колонисты захватили запас этих кореньев.

Переход через лес продолжался целый день;

зато колонисты могли наблюдать фауну и флору. Топ, разумеется, специально следил за фауной, бегал и без разбору вспугивал всякого рода дичь.

Герберт и Пенкроф убили стрелами двух кенгуру и еще одно животное, которое походило и на ежа, и на муравьеда: на ежа потому, что оно свертывалось в шар и было снабжено иглами, а на муравьеда потому, что у него были когти роющих животных, длинная и узкая мордочка и тонкий и длинный язык, снабженный маленькими колючками, которые служили ему для задерживания насекомых.

— А на что будет походить этот зверь, если его положить в суп? — спросил Пенкроф.

— На отличный кусок говядины, — ответил Герберт.

— Мы от него большего и не требуем, — сказал моряк.

Во время этой экскурсии было замечено несколько диких кабанов, которые вовсе не собирались нападать на маленький караван. Никто не рассчитывал встретить здесь хищных зверей, как вдруг Спилетт увидел в густой чаще, всего в нескольких шагах, на нижних ветвях дерева, какое-то животное, которое он принял за медведя. Зверь начал тихо выдвигаться из-за кустов. К

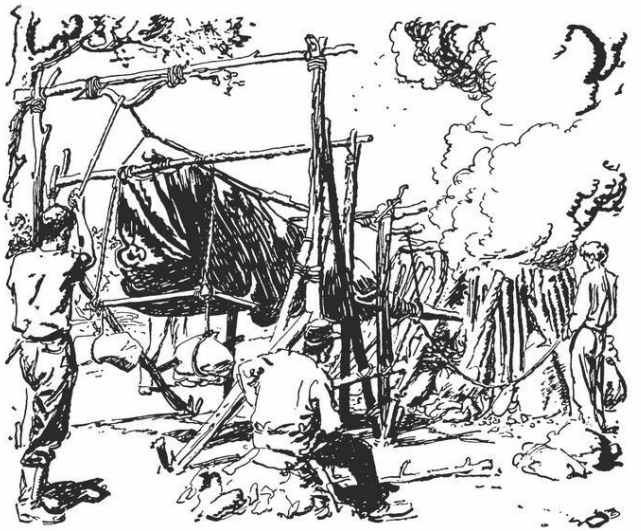
счастью для Спилетта, животное вовсе не принадлежало к страшному семейству стопоходящих. Это был коала, ростом с большую собаку, покрытый жесткой, во все стороны торчащей шерстью грязного цвета, с лапами, снабженными мощными когтями, с помощью которых он карабкается по деревьям и достает пищу — листья и червяков. Спилетт подошел ближе к животному и со вниманием стал его рассматривать, что нисколько не помешало тихоходу продолжать свои занятия; убедившись в ошибке, корреспондент вычеркнул слово «медведь» из записной книжки, поставил «коала», и колонисты отправились далее.

В пять вечера Смит подал знак остановиться. Он уже вышел из леса и стоял у того места, где начинались громадные передние отроги, подпиравшие гору Франклина с востока. В нескольких сотнях шагов протекал Красный ручей, и пресная вода, следовательно, находилась недалеко.

Колонисты тотчас же расположились лагерем. Менее чем через час у опушки леса, между деревьями, из ветвей, переплетенных лианами и покрытых глиной, наскоро устроен был шалаш, где можно было укрыться в случае непогоды. Перед ним развели сильный огонь, и после ужина, приготовленного на вертеле, в восемь часов

все уже спали, за исключением одного, который должен был поддерживать огонь на случай появления опасного зверя.

На другой день, 21 апреля, Смит в сопровождении Герберта отправился исследовать почву, где он нашел образчик руды. Рудник был на поверхности земли, почти у самых источников потока. Его руда, весьма богатая железом и легкоплавкая, как нельзя более подходила к «каталонскому способу» восстановления металла, каким инженер хотел воспользоваться, как это делают, например, на Корсике.



Для «каталонского способа» требовалось устройство печей и плавильников, в которых руда и уголь, уложенные попеременно слоями, претерпевали бы изменение под влиянием жара и металл бы восстанавливался. Но Смит хотел

обойтись без новых сооружений, а просто устроить из руды и угля кубической формы кучу, в середину которой направить ток воздуха. Таков, без сомнения, был способ первых металлургов обитаемого мира, его применял некогда библейский Тувалкаин. То, что удавалось внукам Адама, что дает еще и теперь хорошие результаты в странах, богатых рудой и углем, не могло не удаться и ныне в тех условиях, в которых находились колонисты.

Прежде чем подвергнуть руду обжигу, ее разбили на мелкие куски и просто руками откинули примеси, находившиеся на ее поверхности. Затем уголь и руда были сложены в кучу чередующимися слоями, подобно тому как это устраивают угольщики при обжиге дерева. Под влиянием жара и струи воздуха, вдуваемой мехами, уголь должен был превращаться в углекислоту, затем в окись углерода (угарный газ), которая восстанавливала окись железа, то есть отнимала у нее кислород.

Мехи из тюленьих кож, снабженные трубой из огнеупорной глины, которая была заранее приготовлена в печи для глиняной посуды, были установлены около кучи. Приводимые в движение механизмом, состоявшим из рамы, веревок,

свитых из волокон, и противовеса, мехи вгоняли внутрь кучи струю воздуха, который, увеличивая температуру, помогал превращению руды в железо.

Весь этот процесс выплавки железа весьма трудоемок. Потребовались все терпение, вся изобретательность колонистов, чтобы повести его удачно. Наконец труды увенчались успехом; получился в виде губки ком железа, который надо было проковать, чтобы извлечь находившуюся в нем расплавленную породу. У наших кузнецов не было молота, они находились в таких же условиях, в каких, вероятно, находился первый металлург, и должны были действовать, как, вероятно, действовал он.

Первый железный ком с прикрепленной к нему палкой послужил для проковывания второй выплавки на гранитной наковальне, и таким образом получился металл, хотя и грубо выделанный, но которым уже можно было пользоваться.

И вот после многих усилий и тяжелых трудов 25 апреля несколько железных полос было выковано и обращено в разные инструменты, как то: ломы, клещи, заступы, топоры и прочие, которые, по мнению Пенкрофа и Наба, были чуть не чудом совершенства.

Но для создания разных инструментов используется не железо, а главным образом сталь. Сталь есть соединение железа с углеродом, которое получают или из чугуна, отнимая у него избыток углерода, или из железа, прибавляя к нему недостающее количество углерода. Сталь, получаемая через разугление чугуна с помощью его обжигания, называется естественной сталью, или пудлингованной; сталь же, получаемая через соединение железа с углеродом при сильном накаливании, называется цементной.

Смит должен был избрать второй способ добычи, так как у него было железо, а не чугун. Он подверг накаливанию металл, пересыпанный угольным порошком, в тигле из огнеупорной глины. Затем эту сталь, одинаково ковкую как в жару, так и на холоде, он перековал молотом. Наб и Пенкроф, с надлежащими указаниями инженера, выковали стальные топоры, которые после накаливания докрасна и быстрого погружения в воду приобрели превосходную закалку.

Другие инструменты, как то: ножи, топоры, кирки, стальные ленты, которые должны были превратиться в пилы, стамески, затем заступы, лопаты, мотыги, молоты, гвозди и прочее — разумеется, в грубом виде — были сделаны таким

же образом.

Наконец 5 мая первый металлургический период был окончен, и кузнецы снова вернулись в «Трубы». Скоро потребовались новые работы, которые заставили их получить новую квалификацию.

XVI. Дюгонь

Было 6 мая — число, которое соответствует 6 ноября стран Северного полушария. Уже несколько дней небо было подернуто туманом, и необходимо было позаботиться об устройстве на зиму. Однако температура заметно не понижалась, и будь у колонистов на острове Линкольна термометр, он показывал бы десять-двенадцать градусов выше нуля. Такая средняя температура не могла удивлять колонистов, так как остров, вероятно, лежал между тридцать пятой и сороковой параллелями южной широты и должен был находиться в таких же климатических условиях, как Сицилия или Греция в Северном полушарии. Но как в Греции и на Сицилии бывают холода со снегом и льдом, так и на острове Линкольна, без сомнения, температура в зимнюю пору значительно понижалась.

Во всяком случае, если холод еще не угрожал колонистам, то приближалось время дождей, и на этом уединенном острове, подверженном всем невзгодам открытого места в океане, ненастная погода должна была часто повторяться.

Итак, вопрос о постройке помещения более

удобного, чем «Трубы», серьезно обсуждался.

У Пенкрофа, естественно, сердце лежало к старому помещению, которое он сам открыл, но он хорошо понимал, что на зиму надобно подыскать другое. Известно, что «Трубы» уже раз заливала морская вода, и непременно следовало оградить себя от подобных вторжений.

Следовало оградить себя и от всех возможных нападений зверей и… людей — устроиться так, чтобы не приходилось выставлять дежурного и поддерживать огонь по ночам.

— Ну что ж, — сказал Пенкроф, — мы соорудим укрепление и против двуногих, и против четвероногих дикарей. Но, господин Смит, не лучше ли сначала исследовать весь остров, а потом уж приниматься за дело?

— Да, это будет лучше, — прибавил Спилетт. — Кто знает, может, на противоположном берегу нам удастся найти какую-нибудь пещеру, какую мы напрасно искали на этом берегу.

— Это верно, — ответил Смит, — но вы забываете, друзья мои, что удобнее устроиться поблизости от воды, а с вершины горы Франклина мы не видали на западе ни ручья, ни речки. Здесь же, напротив, мы находимся между рекой Милосердия и озером Гранта — условие весьма

важное, которого не следует упускать из виду. Кроме того, этот берег, обращенный к востоку, не так подвержен действию пассатных ветров, дующих в этом полушарии с северо-запада.

— В таком случае, — сказал моряк, — устроим дом на берегу озера. Ни в кирпиче, ни в инструментах у нас нет теперь недостатка. После того как мы уже были кирпичниками, горшечниками, литейщиками, кузнецами, мы — черт возьми! — сумеем быть и каменщиками.

— Да, друг мой, — ответил Смит, — но, прежде чем принимать какое-либо решение, надо поискать, нет ли здесь жилья, которое природа устроила своими средствами. Если нам удастся найти что-нибудь подходящее, то мы сбережем много времени и труда.

— Это справедливо, — ответил Спилетт, — но ведь мы осмотрели всю эту массу гранитного берега, и нигде ни единой дыры, ни единой трещины!

— Ни единой! — прибавил в свою очередь Пенкроф. — Ах, если бы нам пробить жилье в этой стене на некоторой высоте! Тогда мы были бы в безопасности от всякого нападения. Я уже вижу, как фасад выходит к морю, крыльцо этакое, с навесами, пять или шесть комнат…

— Разумеется, с большими окнами! — сказал, смеясь, Герберт.

— И с парадной лестницей, — прибавил Наб.

— Вы смеетесь? — воскликнул моряк. — А смеяться нечему! Что ж тут невозможного? Разве у нас нет ломов и заступов? Разве господин Смит не может изготовить порох и взорвать эти скалы? Ведь вы когда-нибудь сделаете порох, если это будет нужно?

Смит слушал Пенкрофа, развивавшего свои несколько фантастические планы.

Начать постройку дома в этой гранитной массе, даже взрывая породу, было бы геркулесовой работой. Было и впрямь досадно, что природа не взяла на себя самого трудного дела. Но Смит в ответ на вопросы моряка только предложил товарищам внимательнее исследовать стену от ручья до угла, которым она заканчивалась на севере.

Колонисты отправились и произвели разведку на протяжении двух миль с чрезвычайным старанием.

Но нигде сплошная и прямая стена не имела какого-либо углубления. Скалистые голуби гнездились в небольших щелях и выемках утесов.

На всем побережье острова Пенкрофу случайно удалось открыть единственное удобное убежище

— «Трубы», и его приходилось оставить.

Окончив исследование, колонисты очутились у северного угла стены, где она сменялась отлогими скатами, которые шли все ниже и ниже и наконец пропадали на плоском песчаном берегу. Отсюда стена представляла что-то вроде откоса, состоявшего из нагромождения камней, земли и песка, переплетенных растениями, кустарниками и травой; откос шел наклонно, под углом сорок пять градусов. Там и сям еще пробивался гранит и выступал острыми стрелками между растительностью. Группы деревьев зеленели одни над другими, и довольно густая трава покрывала скаты. Но эта растительность вскоре исчезала, и длинная песчаная равнина, начинавшаяся у откоса, тянулась до самого берега.

Смит не без основания полагал, что с этой стороны должен был выливаться в виде водопада излишек озерных вод. Действительно, необходимо было допустить, что избыток воды, вливающейся в озеро из Красного ручья, выходит где-нибудь поблизости от этих мест.

Но Смит еще ничего подобного не нашел на всем протяжении уже исследованного им берега, то есть от устья ручья до плато Дальнего Вида.

Инженер предложил вскарабкаться на откос

стены, который они в это время рассматривали, и вернуться к «Трубам» верхом, производя исследование северного и восточного берегов озера.

Предложение было принято, и в несколько минут Герберт и Наб достигли верхней площадки. Смит, Спилетт и Пенкроф последовали за ними более размеренным шагом.

На расстоянии двухсот футов сквозь листву сверкала при солнечных лучах чистая водная гладь и открывался великолепный пейзаж. Там и сям прелестно группировались подернутые багрянцем и золотом деревья. Несколько огромных старых, почерневших стволов, сокрушенных временем, резко обозначались на зеленом ковре, устилавшем землю. Целые стаи ярких какаду кричали и перепархивали с одной ветки на другую.

Колонисты, вместо того чтобы прямо достигнуть северного берега озера, обогнули край плато и спустились к устью ручья на его левый берег. Они сделали крюк мили в полторы. Идти по этой чаще было легко, потому что деревья росли не густо и давали свободный проход. По всему было видно, что близка граница плодородных почв и растительность здесь не столь обильна, как на всей остальной части, между Красным ручьем и рекой Милосердия.

Смит и его товарищи продвигались по этой новой для них почве не без некоторой осмотрительности. Луки, стрелы, палки, снабженные железными остриями, составляли все их оружие. Однако ни один зверь еще не показывался, из чего можно было заключить, что хищные животные посещали скорее густые леса, находившиеся на юге.

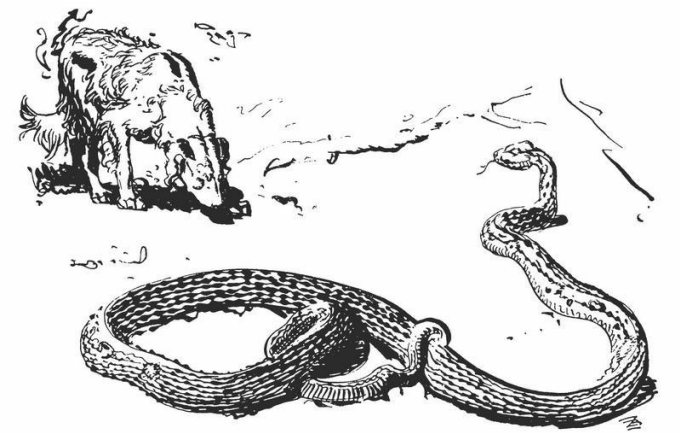
Экскурсия, впрочем, не обошлась без неприятной встречи. Колонисты вдруг увидели, что Топ остановился перед громадной змеей, длиной четырнадцать или пятнадцать футов. Наб убил ее одним ударом палки.

Смит рассмотрел пресмыкающееся и объявил, что эта змея неядовита, потому что принадлежит к породе алмазных змей[16], которых в Новом Южном Уэльсе туземцы употребляют в пищу. Но можно было предположить, что тут существуют и другие змеи, как, например, глухие гадюки с раздвоенным хвостом, которые мгновенно выпрямляются, если наступить на них ногой, или так называемые крылатые змеи, кидающиеся

[16] Примечания: 16

Вероятно, это ошибка автора: алмазные змеи, самые крупные среди вида гремучих змей, длиной до 2,5 м и весом до 10 кг, живут в южной части Северной Америки. Эти змеи, и в частности *Crotalus adamanteus*, ядовиты.

на свою добычу с невероятной быстротой, а укус этих последних смертелен.



Топ после первой минуты удивления с особым остервенением охотился за пресмыкающимися, что заставляло колонистов беспрестанно за него бояться. Смит то и дело звал его к себе и не позволял далеко уходить.

Скоро отряд достиг устья Красного ручья, где он

впадал в озеро. Исследователи узнали на другом берегу место, где они уже были, спустившись с горы Франклина. Смит утверждал, что в озеро из ручья прибывает довольно значительное количество воды и, следовательно, где-нибудь неподалеку сама природа устроила для стока лишней воды жерло и что жерло это надо открыть, потому что оно образует, вероятно, нечто вроде водопада, которым можно было бы воспользоваться как механической силой.

Колонисты, не спеша и не слишком отдаляясь друг от друга, начинали огибать крутой берег озера. Воды, казалось, изобиловали рыбой, и Пенкроф обещал себе сделать снасти, чтобы со временем заняться здесь рыбной ловлей.

Прежде всего они обогнули острую северо-восточную стрелку. Можно было предполагать, что в этом именно месте находится сток воды, потому что здесь край озера почти сравнивался с краем плато.

Но ничего подобного не оказалось. Колонисты пошли далее по берегу, который после легкого изгиба спускался параллельно береговой линии.

С этой стороны берег был менее лесист, но несколько групп деревьев, раскинутых там и сям, составляли живописный пейзаж. Озеро отсюда

было видно на всем своем протяжении, и ни малейшее дуновение ветерка не рябило его гладкой поверхности.

Топ, рыская по кустам, поднимал целые стаи различных птиц, которых Спилетт и Герберт приветствовали стрелами. Одна из этих пернатых была ловко подстрелена мальчиком и упала в болотную траву. Топ бросился к ней и принес красивую птицу аспидного цвета, с коротким, сжатым с боков клювом, с широкой лысиной на голове, с перепончатыми лапами, с крыльями, окаймленными белой опушкой. Это была лысуха, величиной с большую куропатку, принадлежавшая к отряду длиннопалых, который является промежуточным звеном между голенастыми и перепончатопалыми, — дичь довольно мелкая и не особенно вкусная. Топ в этом случае был менее разборчив, чем его хозяева, и согласился поужинать лысухой.

Колонисты между тем продвигались по восточному берегу озера. Смит был очень удивлен, не находя нигде спуска для воды.

Вдруг Топ, который до сих пор вел себя весьма смирно, начал выказывать признаки беспокойства. Умное животное ходило взад и вперед по берегу, то вдруг останавливалось и глядело на

воду, подняв лапу, словно делая стойку над какой-то невидимой дичью, то принималось яростно лаять, то вдруг умолкало.

Ни Смит, ни его товарищи сначала не обращали никакого внимания на тревогу Топа. Но скоро лай так участился, что Смита это несколько озаботило.

— Что там такое, Топ? — спросил инженер.

Собака сделала несколько прыжков по направлению к хозяину, ясно выказывая сильное беспокойство, и снова кинулась на крутой берег. Затем она вдруг бросилась в озеро.

— Топ, сюда! — крикнул Смит, не желавший подвергать собаку опасности.

— Что это там под водой происходит? — спросил Пенкроф, внимательно осматривая поверхность озера.

— Топ, вероятно, чует какое-нибудь земноводное, — ответил Герберт.

— Может быть, крокодила? — предположил Спилетт.

— Я не думаю, — ответил Смит, — крокодилы встречаются в более жарких странах.

Между тем Топ вернулся на зов хозяина, выплыл на берег, но все не мог успокоиться. Он прыгал по высокой траве и, казалось, следил за

каким-то невидимым зверем, который скользил под водой, касаясь берега. Однако вода не всплескивалась и не колыхалась. Несколько раз колонисты останавливались на берегу и внимательно смотрели на неподвижную поверхность озера. Ничто не показывалось. Тут была какая-то тайна.

Инженер был весьма озадачен.

— Будем дальше производить свои исследования, — сказал он.

Полчаса спустя колонисты достигли юго-восточного края озера и очутились на самом плато Дальнего Вида.

В этом месте исследование озерных берегов должно было считаться законченным, а между тем Смит так и не обнаружил, где и каким образом происходит сток озерной воды.

— Однако этот сток непременно существует, — сказал он. — Если его не видно снаружи, то он внутри, в гранитной скале берега.

— Да что вас так занимает этот сток? — спросил Спилетт.

— Если сток воды, — ответил Смит, — проходит через гранитную скалу, то очень возможно, что там существует какая-нибудь впадина, которую легко можно сделать обитаемой, если отвести

воду другим ходом.

— А разве не может быть, что вода уходит через дно озера, — спросил Герберт, — и что она соединяется с морем каким-нибудь подземным ходом?

— И это может быть, — ответил Смит, — но в таком случае мы вынуждены будем сами строить себе дом, так как природа не взяла на себя первых расходов по этой постройке.

Было пять часов вечера, и колонисты уже собирались перейти плато, чтобы направиться к «Трубам», как вдруг Топ снова начал выказывать признаки сильной тревоги. Он с бешенством залаял и, прежде чем Смит успел его задержать, во второй раз бросился в озеро.

Все кинулись на берег. Топ был уже футах в двадцати, и Смит напрасно звал его назад.

Вдруг на поверхности озера, которое в этом месте было неглубоко, показалась огромная голова.

Герберт тотчас же узнал породу земноводного, которому принадлежала коническая, с большими глазами и длинными шелковистыми усами голова.

— Ламантин![17] — воскликнул он.

---

[17] Примечания: 17

Ламантин — род больших водных млекопитающих семейства *Trichechidae*, отряда сирен. Эти травоядные животные обитают на мелководье и питаются водной растительностью.

Это был не ламантин, но представитель того же отряда китообразных — дюгонь[18].

Огромное животное устремилось на собаку, которая тщетно хотела увернуться от него, направляясь к берегу. Смит ничего не мог сделать для спасения Топа, и, прежде чем Спилетту и Герберту пришло на ум натянуть лук, Топ, схваченный дюгонем, исчез под водой. Наб, с железной рогатиной в руке, хотел кинуться на помощь собаке, решившись напасть на страшное животное даже в воде.

— Нет, Наб! — крикнул Смит, удерживая своего верного слугу.

Между тем под водой происходила битва, битва необъяснимая, потому что при таких условиях Топ, очевидно, не мог бороться против ужасного врага, битва яростная, судя по клокотанию воды.

— Бедный Топ погиб! — воскликнул Герберт.

Но вдруг Топ показался на поверхности озера.

Он взлетел футов на десять над водой, словно вышвырнутый какой-то неизвестной силой, затем снова упал в воду и, спасенный каким-то

---

[18] Примечания: 18

Дюгонь — водное млекопитающее из отряда сирен, как ламантин. Дюгони и пресноводные ламантины отличаются главным образом мордами и хвостами: дюгони имеют направленную вниз морду и хвост в форме вилки, в то время как ламантины имеют прямую морду и округленный хвост.

чудом, скоро достиг берега.

— Ни единой ранки! — воскликнул Наб, осматривая собаку.

Смит и его товарищи смотрели на все происходящее и ничего не могли понять.

Но еще труднее было объяснить, что битва как будто все еще продолжалась под водой. Вероятно, дюгонь, атакованный, в свою очередь, каким-то сильным животным, бросил собаку и начал защищаться от нового, более опасного врага.

Битва продолжалась недолго. Вода покраснела от крови, и тело дюгоня, вынырнувшее из алой скатерти, далеко развернувшейся по поверхности озера, скоро остановилось на мелком месте.

Колонисты бросились к нему. Дюгонь был мертв.

— Какое громадное животное! — воскликнул Герберт. — Оно будет длиной пятнадцать или шестнадцать футов и должно весить около ста пудов. Ах! На шее у него рана… Смотрите: точно нанесена каким-то режущим орудием…

Но что это за удивительное земноводное, которое могло таким страшным ударом убить дюгоня?

Никто не мог на это ответить, и колонисты, сильно озадаченные происшествием, вернулись

к «Трубам».

XVII. Взрыв

На другой день, 7 мая, Смит и Спилетт, предоставив Набу готовить завтрак, начали карабкаться на плато Дальнего Вида, а Герберт и Пенкроф тем временем поднялись вверх по реке, чтобы пополнить запас дров.

Инженер и Спилетт вскоре прибыли к тому месту песчаного берега, где был оставлен убитый дюгонь. Целые стаи птиц сидели на этой мясистой массе, и их надо было разгонять камнями, так как Смит хотел приберечь жир дюгоня для нужд колонии. Что касается его мяса, то им тоже можно было воспользоваться; известно, что у малайцев оно специально приберегается к столу туземных князей. Но забота об этом лежала на Набе.

Смит был занят совсем иными мыслями. Вчерашнее происшествие никак не выходило у него из головы. Инженер хотел проникнуть в тайну подводной битвы и узнать, какое водяное чудовище нанесло дюгоню смертельную рану.

Он приблизился к самому берегу, глядел, рассматривал, но ничего не мог заметить в спокойных водах, которые сверкали при лучах

восходящего солнца.

У берега, где лежал убитый дюгонь, было не особенно глубоко, но далее дно быстро опускалось, и можно было предположить, что в центре озера должна быть значительная глубина. Озеро было обширным и, вероятно, наполнялось водами Красного ручья.

— Ну, Смит, — спросил Спилетт, — неужто вам все еще кажется, что эти воды подозрительны? Они тихи и гладки, как зеркало.

— Да, — ответил инженер, — а между тем я не знаю, как объяснить вчерашнее приключение…

— Признаюсь, — сказал Спилетт, — рана, нанесенная дюгоню, непонятна! Еще менее могу я объяснить, кто так энергично вышвырнул Топа из воды. Можно подумать, что его схватила какая-нибудь могучая рука и что та же рука, вооруженная кинжалом, умертвила затем дюгоня!

— Да, — ответил инженер, раздумывая, — да… Тут есть что-то необъяснимое… А понимаете вы, любезный Спилетт, как я сам-то спасся, как я мог вырваться из волн и очутиться на дюнах? Нет, не правда ли? Я предчувствую тут какую-то тайну, которую мы со временем откроем. Будем наблюдать, ничего не говоря товарищам. Прибережем свои замечания про себя и будем делать

свое дело.

Инженер все еще не мог найти, куда же изливается излишек озерной воды, но он не видел никакого признака, чтобы озеро когда-нибудь выступало из берегов…

— Замечаете вы, что в этом месте довольно сильное течение, Спилетт? — сказал он.

— Да, замечаю.

— Погодите, я брошу что-нибудь.

Он кинул в воду несколько деревяшек и увидел, что они плывут по направлению к южному краю. Он начал следить за течением, идя по крутому берегу, и достиг таким образом южного края озера.

Тут происходило такое понижение уровня воды, словно она вдруг выливалась в какие-нибудь трещины, находившиеся в почве. Смит, приложив ухо к земле, начал внимательно прислушиваться и мог весьма ясно отличить шум какого-то подземного падения.

— Здесь, — сказал он, поднимаясь, — куда-то стекает вода. Нет сомнения, что от этого места посредством какого-нибудь прохода в плотной массе гранита воды озера выливаются в море.

Инженер срубил длинную ветку, оборвал с нее листья и, погрузив ее в воду в том месте, где берега сходились под углом, открыл, что всего на

фут ниже поверхности воды начинается большая глубокая впадина в береговом граните.

Это было жерло стока, тщетно до сих пор отыскиваемого. Сила течения была так велика, что ветку вырвало из рук инженера и она исчезла под водой.

— Теперь сомнения мои рассеялись, — сказал Смит. — В этом месте жерло, и я обнажу его.

— Каким образом?

— Мы понизим уровень воды фута на три.

— Как это сделать?

— Пустим воду через другое отверстие, гораздо больше теперешнего.

— В каком же месте?

— Там, где берег ближе всего к морю.

— Но ведь берег гранитный!

— Мы взорвем гранит, — ответил Смит, — вода пойдет через взорванное место, понизится в озере и обнажит жерло…

— Кроме того, падая на берег, она образует настоящий водопад… — прибавил Спилетт.

— Да, и мы воспользуемся им. Пойдем же!

Однако как взорвать эту гранитную массу?

Как без пороха раздробить эти несокрушимые скалы? Мыслима ли такая работа при слабых силах колонии?

Когда Смит и Спилетт вернулись к «Трубам», Герберт и Пенкроф перетаскивали дрова.

— Дровосеки сейчас кончат свое дело, — смеясь, сказал моряк, — и если вам нужны каменщики…

— Нет, не каменщики, а химики, — ответил Смит.

— Да, — прибавил Спилетт, — мы сейчас взорвем остров…

— Взорвете остров! — воскликнул моряк.

— По крайней мере отчасти…

— Послушайте меня, друзья! — сказал Смит.

И он объявил результаты своих наблюдений.

По мнению Смита, в гранитной массе, поддерживавшей плато Дальнего Вида, должна была существовать более или менее значительная впадина, до которой он желал добраться. Чтобы сделать это, надо прежде всего пробить отверстие, через которое устремилась бы вода. Отсюда возникала необходимость добыть взрывчатое вещество, которое могло бы проложить отводный канал к какому-либо другому месту берега. Такое вещество Смит рассчитывал получить посредством минералов, которые природа предоставляла в его распоряжение.

Нечего и говорить, с каким энтузиазмом все — и особенно Пенкроф — приняли проект. Найти

необыкновенные средства, сокрушить гранит, соорудить водопад — все это было очень по сердцу моряку!

— Я буду химиком, каменщиком, сапожником, тем, кто вам понадобится! — воскликнул он. — Даже учителем танцев и светских манер!

Наб и Пенкроф прежде всего должны были очистить от жира мясо дюгоня, предназначавшееся в пищу, а потому тотчас же отправились к месту, где лежало убитое животное.

Они с безграничным доверием принимали каждый совет инженера и теперь не пугались, а только радовались его новой выдумке.

Спустя несколько минут после их ухода Смит, Герберт и Спилетт, захватив с собой плетенку и поднявшись на берег, направились к залежи угля, где также было много сланцевой руды, содержащей соединения алюминия, кремния, а также железный колчедан, то есть сернистое железо.

Весь день прошел в переноске руды. К вечеру успели перетаскать несколько тонн.

На другой день, 8 мая, Смит приступил к обработке руды. Нужно было извлечь из нее сернистое железо, чтобы затем добыть серную кислоту.

Добыть серную кислоту — вот цель, которой он задался. Серная кислота наиболее широко

используемое вещество в технической практике, так что о развитии промышленности какой-либо страны можно судить по количеству потребляемой в ней серной кислоты.

Смит выбрал за «Трубами» место, которое было тщательно выровнено. На эту площадку он сложил кучу хвороста и дров, а сверху поместил крупные куски сланца; затем все покрыл тонким слоем руды, предварительно измельченной в зерна величиной с орех.

Дрова и хворост подожгли. Жар передался руде, которая скоро воспламенилась, так как в ее состав также входят уголь и сера. Тогда насыпали новые слои истолченного сланца, так что образовалась огромная куча. Снаружи покрыли ее землей и травой и в ней проделали отдушины (для выхода газов и дыма), подобно тому как это устраивают угольщики при обжиге дерева в кучах.

Таким образом куча начала медленно перегорать. Необходимо от десяти до двенадцати дней, для того чтобы сернистое железо изменилось в сернокислое (железный купорос), а алюминий — в сернокислый алюминий. Оба эти вещества одинаково растворимы в воде, и потому их легко отделить от других веществ — кремнезема и золы, которые в воде нерастворимы.

Пока происходила эта химическая операция, Смит принялся за другие. Маленькая колония бралась за всякое дело не только с усердием, но, можно сказать, и со страстью.

Наб и Пенкроф сняли весь жир с дюгоня и собрали его в большие глиняные кувшины. Теперь надо было выделить из жира один из его составных элементов — глицерин. Чтобы выделить его, достаточно обработать жир содой (едким натром) или известью. Действуя на жир тем или другим из этих веществ, получают мыло и отдельно от него глицерин. В извести, как уже известно, на острове недостатка не было, но при обработке известью получается нерастворимое известковое мыло, между тем как обработка содой дает, напротив, мыло растворимое, которое очень нужно было и для домашнего обихода. Смит, как человек практический, конечно, скорее должен был отыскать средства добыть соду. Это было нетрудно, потому что на берегу нашлось немало выброшенных морем водорослей — кремнистые, фукоиды, морской мох и другие.

Колонисты насобирали множество этих растений, сперва просушили их, а затем сожгли в ямах на открытом воздухе. Горение морских водорослей поддерживалось несколько дней,

и в результате получилась сероватая плотная масса, которая с давних пор известна под именем натуральной соды.

Окончив это дело, инженер обработал жир содой, и у него получилось, во-первых, растворимое мыло, а во-вторых — глицерин.

Все эти работы продолжались дней восемь. Таким образом, они были окончены раньше, чем могло произойти превращение сернистого железа в сернокислое. В оставшиеся дни колонисты готовили огнеупорные сосуды из глины и сооружали особый кирпичный горн, в котором можно было подвергнуть перегонке железный купорос, после того как он будет получен.

И вот все было окончено 18 мая, то есть почти к тому же времени, когда завершилось химическое превращение железного колчедана в железный купорос. Колонисты под руководством Смита сделались замечательно ловкими работниками.

Необходимость, как известно, самый лучший учитель и заставляет себе повиноваться без всяких возражений.

Когда куча руды и угля окончательно изменилась под воздействием огня, то все, что получилось после этой операции, как то: железный купорос, сернокислый алюминий, кремний,

остаток несгоревшего угля и зола, — было переброшено в большой чан, наполненный водой. Разболтав полученную смесь, Смит дал ей отстояться. Затем жидкость сцедили. Она содержала в растворе сернокислое железо (купорос) и сернокислый алюминий, а прочие вещества остались в твердом состоянии на дне чана, ибо они в воде нерастворимы. Перелитую жидкость начали выпаривать. При этом кристаллы железного купороса осели на дне, а маточный рассол, то есть жидкость, еще не успевшая испариться и содержавшая в растворе сернокислый алюминий, был осторожно слит из чаши.

Итак, у Смита было теперь довольно много железного купороса, и из него оставалось добыть серную кислоту.

Обыкновенный способ приготовления серной кислоты (в свинцовых камерах) требует устройства большого завода и таких приспособлений, о которых не могло быть и речи для наших колонистов, но есть и старинный простой способ, имеющий то еще преимущество, что кислота получается более густая, более крепкая. Такая кислота носит название нордгаузенской, или дымящейся, серной кислоты.

Для получения дымящейся серной кислоты

Смит должен был прокалить в закрытом сосуде полученные им кристаллы железного купороса. При этом стал выделяться густой пар, который надо было снова обратить в жидкость посредством его охлаждения и сгущения.

Перегонка удалась как нельзя лучше. 20 мая Смит уже имел серную кислоту, которой впоследствии он очень часто должен был пользоваться.

Зачем же ему нужна была эта жидкость?

Для добывания азотной кислоты, а получить ее нетрудно, потому что при воздействии серной кислоты на селитру получается азотная кислота. Селитры же было много на острове. Герберт открыл большую ее залежь около горы Франклина.

Но, в конце концов, какое же было назначение азотной кислоты?

Этого товарищи Смита еще не знали.

Между тем инженеру, уже почти приблизившемуся к своей цели, оставалось совершить одну, последнюю операцию, которая должна была дать ему вещество, потребовавшее стольких предварительных работ.

Приготовив азотную кислоту, Смит смешал ее с глицерином, предварительно сгущенным посредством выпаривания, и получил несколько пинт маслянистой жидкости желтоватого цвета.

Последнюю операцию инженер произвел один в стороне, на приличном расстоянии от «Труб», так как это желтоватое вещество чрезвычайно опасно — могло произвести взрыв страшной силы. Принеся своим товарищам сосуд с этой жидкостью, он только сказал:

— Вот вам нитроглицерин!

Нитроглицерин — страшное вещество, взрывчатая сила которого во много раз больше силы обыкновенного пороха и которое уже было причиной многих несчастий[19].

— И это та самая жидкость, которая взорвет наши утесы? — спросил Пенкроф с недоверчивым видом.

— Да, друг мой, — ответил инженер, — и нитроглицерин произведет тем сильнее свое действие, чем тверже гранит и чем большее сопротивление окажет он взрыву.

— А когда мы произведем взрыв?

— Завтра.

На другой день, 21 мая, с рассветом колонисты

---

[19] Примечания: 19

Впрочем, с тех пор как найдено средство превращать его в динамит, то есть смешивать с каким-нибудь твердым пористым веществом, которое могло бы его удерживать, — например, с трепелом, — употребление его стало безопасно. Но динамит еще не был известен в то время, когда колонисты острова Линкольна производили свои химические операции.

направились к стрелке восточного берега озера — на расстояние всего пятисот шагов от взморья. В этом месте плато было ниже вод, которые задерживались только своей гранитной рамой. Очевидно, что, стоит только разбить эту раму, вода ринется через проход и образует ручей, который, сбегая по наклонной поверхности плато, устремится к морскому берегу. Вследствие этого общий уровень озерной воды понизится, и тогда обнажится жерло водослива, чего добивался Смит.

Итак, необходимо было разбить гранитную раму озера. Пенкроф, вооруженный киркой, которой он действовал ловко и сильно, по указанию инженера начал прорубать гранит.

Отверстие, которое следовало пробить, должно было начинаться на горизонтальной грани стены и углубляться наискось таким образом, чтобы подкоп был значительно ниже уровня озерных вод. Вследствие этого взрыв, которому предстояло сокрушить утесы, позволит озерным водам в большой массе вылиться наружу.

Углубление делали долго, потому что инженер, желавший произвести взрыв как можно более сильный, рассчитывал употребить на эту операцию не менее десяти литров нитроглице-

рина. Пенкроф работал по очереди с Набом, и так успешно, что к четырем часам прорубка была окончена.

Оставалось решить вопрос о воспламенении взрывчатого вещества. Чтобы произвести взрыв, необходим удар, а если просто зажечь это вещество, то оно горит без взрыва.

Действительно, одного удара молотом по нескольким каплям нитроглицерина достаточно, чтобы произвести взрыв. Но человек, производящий этот удар, сам сделался бы его жертвой. Поэтому Смит придумал другое: он подвесил на треноге и на веревке, свитой из растительных волокон, кусок железа в несколько фунтов над углублением. Еще одна длинная веревка, предварительно пропитанная расплавленной серой, одним концом была привязана к первой, а другой лежал на земле, на расстоянии нескольких футов от мины. Вторая веревка, когда ее зажгут, должна гореть до тех пор, пока огонь не дойдет до первой веревки, на которой подвешен железный кусок. Тогда первая веревка перегорит, порвется, и кусок железа упадет на нитроглицерин.

Когда этот аппарат был установлен, Смит отослал товарищей подальше, наполнил углубление нитроглицерином до самого края и разлил еще

несколько капель на поверхности утеса, как раз под висевшим куском железа.

Окончив работу, Смит взял конец серной веревки, зажег ее и побежал к товарищам в «Трубы».

Веревка должна была гореть двадцать пять минут.

И действительно, спустя двадцать пять минут произошел ужасный взрыв, который невозможно описать. Казалось, весь остров содрогнулся. Целый фонтан камней взлетел на воздух, словно извергнутый вулканом. Сотрясение воздуха было такое, что затряслись стены «Труб». Колонисты попадали на землю, хотя они и находились от взрыва на расстоянии двух миль с лишним.

Они встали, поднялись на плато и побежали к месту, где береговой утес должен был подвергнуться взрыву…

Троекратное «ура» вырвалось у товарищей инженера.

Гранитная рама была разорвана, образовалась широкая брешь! Из нее вырывался быстрый водный поток. Пенясь, он несся по плато и, дойдя до гребня, низвергался с высоты трехсот футов на песчаный берег моря!

XVIII. Подземный дворец

План Смита увенчался полным успехом, но инженер, по обыкновению, ничем не выказал своей радости, он и бровью не шевельнул. Сжав губы, он стоял неподвижно и о чем-то думал.

Зато Герберт сиял восторгом, а Наб прыгал от радости.

Пенкроф бормотал, кивая своей огромной головой:

— Наш инженер… того… действует…

Взрыв образовал громадный пролом. Количество озерной воды, изливавшееся через новый сток, было втрое больше прежнего.

— Остается немного подождать, и уровень озера понизится по крайней мере фута на два, — сказал Спилетт.

Колонисты отправились в «Трубы» за мотыгами, кольями, веревками. Забрав все это, а также кремень, огниво и трут, они снова вернулись на плато.

Доро́гой Пенкроф сказал инженеру:

— А вы изготовили знатный ликерчик, господин Смит! Ведь им, пожалуй, можно взорвать весь остров?

— Разумеется, можно. И не только остров, но и материки, и весь шар земной. Все зависит от количества.

— А нельзя ли использовать этот нитроглицерин, чтобы зарядить огнестрельное оружие?

— Нет, нельзя, потому что вещество это имеет чересчур большую взрывчатую силу. Но мы можем наделать хлопчатобумажного пороха или даже пороха обыкновенного — у нас под руками и азотная кислота, и селитра, и сера, и уголь… Только, к несчастью, нет оружия!

— Э! Господин Смит, — отвечал моряк, — стоит вам немножко постараться, и оружие будет…

Пенкроф, как видно, вычеркнул из словаря острова Линкольна слово *невозможно*!

Достигнув плато Дальнего Вида, колонисты тотчас же направились к стрелке озера, около которой находился прежний сток воды.

— Теперь воды озера изливаются через новый сток, — сказал инженер, — следовательно, старый можно будет осмотреть без помехи.

Спустя еще несколько минут колонисты достигли южного края озера.

— Видите? — воскликнул Герберт. — Видите отверстие?

— Вижу, — отвечал инженер.

Вода в озере уже значительно убыла; гранитная стена, его окружавшая, обнажилась, и в ней чернело отверстие прежнего стока.

— По этому выступу мы можем пробраться к самому отверстию, — сказал инженер, направляясь

по узкому отвесу гранита.

Все последовали за ним.

Отверстие стока имело в ширину футов двадцать, но в высоту — не более двух.

— Мы, пожалуй, не пролезем тут, — сказал Спилетт.

— А давайте расширим немного вход, — отвечал Пенкроф. — Ну-ка, Наб, бери кирку — и за дело!

С этими словами моряк принялся работать во всю мочь киркой; Наб не уступал ему в усердии. Через час отверстие было настолько расширено, что колонисты могли войти.

Первым туда направился Смит.

— Этот спуск не особенно крутой: уклон всего каких-нибудь тридцать или тридцать пять градусов, и если только дальше он не круче, то можно спуститься до самого моря, — сказал он.

— Так спустимся! — воскликнул Пенкроф.

— Если в этой гранитной глыбе есть какая-нибудь пещера, что весьма вероятно, то мы можем ею воспользоваться…

— Так спустимся поскорее, господин Смит! — повторил Пенкроф, которому не стоялось на месте. — Посмотрите, вон Топ уже отправился!

— Погодите, Пенкроф. Надо хоть сколько-

нибудь осветить путь. Наб, поди-ка нарежь сосновых веток.

Наб и Герберт скоро возвратились с ветками, из которых сделали факелы. Пенкроф проворно высек огонь, факелы запылали, и колонисты, предводительствуемые инженером, двинулись в темный проход, через который еще недавно стекали озерные воды.

Диаметр этого прохода постепенно увеличивался, чего никак не предполагал Смит; исследователям пришлось пробираться согнувшись всего несколько шагов. Затем они могли выпрямиться почти во весь рост.

Гранитные стены, с незапамятных времен омываемые водой, были чрезвычайно гладки и скользки, поэтому колонисты сочли за лучшее поступить по примеру путешественников, совершающих восхождения на большие высоты. Они обвязались веревкой, как это делается при восхождении на вершины гор, что значительно облегчило спуск. Кроме того, на их счастье, в туннеле попадались выступы вроде ступенек. Капельки воды, еще висевшие на скалах, сверкали при свете факелов, и стенки, казалось, были покрыты бесчисленными сталактитами. Инженер внимательно рассматривал черный гранит

и не заметил в нем ни единой трещины. То была сплошная масса самого мелкого зерна, и гранитный проход, по всей видимости, не был промыт водой, а образовался вместе с островом.

— Это дело рук не Нептуна, а Плутона, то есть не воды, а огня, — объяснил инженер моряку и негру. — Присмотритесь, и вы увидите на стенках следы вулканической работы, которые не могла сгладить вода.

Колонисты спускались очень медленно. Они не без некоторого волнения отважились проникнуть в это подземелье, которое, очевидно, впервые посещали люди. Они даже не разговаривали: все задумались. Окружавшая тьма могла навести, между прочим, на мысль, не забрался ли во внутренние трещины и впадины, находившиеся в сообщении с морем, какой-нибудь осьминог или другое подобное исполинское животное. Всякий понимал, что исследование стока вовсе не безопасно и что тут, следовательно, необходимы всевозможные предосторожности. Впрочем, впереди маленького отряда шел Топ, и колонисты могли положиться на чутье собаки, которая в случае опасности не замедлила бы поднять тревогу.

Спустившись футов на сто по довольно извилистому коридору, Смит, шедший впереди,

остановился. Остальные последовали его примеру.

В этом месте проход расширился и образовал нечто вроде небольшого грота. Со свода падали капли.

Смит внимательно осмотрел свод.

— Что, кажется, просачивается вода? — спросил Спилетт.

— Нет, это просто последние следы озерных вод, которые столько времени тут бурлили, — отвечал Смит. — Чувствуете, какой чистый воздух?

— Да, но несколько сыро…

— Сырость пройдет.

— Так вот нам и жилище! Где отыскать более надежное убежище? Но нет, здесь поселиться невозможно…

— Почему, господин Спилетт? — спросил Пенкроф.

— Тут очень темно и тесно.

— А на что нам руки, господин Спилетт? — возразил моряк. — Разве мы не можем, где надо, увеличить, расширить, прорубить, прорыть, проделать сколько угодно всяких отдушин для воздуха и света?

— Прежде всего надо, по-моему, закончить осмотр, — заметил Смит. — Кто знает, быть мо-

жет, спустившись пониже, мы увидим, что сама природа приготовила для нас убежище.

— Мы, кажется, не прошли еще и одной трети всей глубины, — сказал Герберт.

— Мы прошли около трети, — отвечал Смит. — Мы сделали футов сто, считая от входа в сток… Очень может быть, что, спустившись еще футов на сто…

— Да где же Топ? — спросил Наб, прерывая Смита.

Все начали оглядываться. Собаки не было.

— Верно, убежал вперед, — сказал Пенкроф.

— Поспешим за ним, — отвечал Смит.

Они снова начали спускаться.

Инженер тщательно замечал уклонения гранитного прохода и, невзирая на все его изгибы, совершенно отчетливо представлял его направление.

Колонисты спустились еще футов на пятьдесят, когда вдруг до их слуха донеслись какие-то отдаленные звуки, исходившие как будто из глубины гранитных скал. Они остановились и начали прислушиваться.

Звуки доносились по проходу, как слова, сказанные в слуховую трубу.

— Это Топ лает! — воскликнул Герберт.

— Да, да, — подтвердил Пенкроф. — Чего это он так заливается?

— Мы хорошо сделали, что захватили с собой рогатины, — сказал Смит. — Соблюдайте осторожность: будьте наготове. Вперед!

— Что ни шаг, то дорога интереснее! — шепнул Спилетт.

Пенкроф кивнул, как бы желая сказать: «Да, да! На редкость интересная дорога!»

Смит и его спутники поспешили на помощь Топу. Лай собаки доносился все явственнее. В этом лае как нельзя яснее выражалась самая бешеная ярость.

— Уж не схватился ли Топ с каким-нибудь животным? — сказал Герберт. — Может быть, он забежал в его логово…

— А вот увидим, — отвечал Пенкроф.

Лай Топа до того возбудил любопытство исследователей, что они почти забыли об опасности и думали только о том, как бы скорее проникнуть вглубь туннеля и увидеть, с кем сражается собака. Они уже не соблюдали прежней осторожности, а просто скользили по стенкам.

— Уже недалеко! — говорил Пенкроф.

— Еще несколько футов! — воскликнул Спилетт.

Наконец они увидели Топа.

Они очутились в огромной великолепной пещере. Пенкроф и Наб, поводя из стороны в сторону своими факелами, осветили все впадины и углубления в граните. Смит, Спилетт и Герберт были готовы дать отпор неизвестному врагу.

Громадная пещера была пуста. Напрасно колонисты обшаривали каждый уголок, каждую ямку, они не нашли никого и ничего.

А Топ между тем продолжал бешено лаять.

Ни ласки, ни угрозы не могли заставить его молчать.

— Здесь должно быть отверстие, через которое воды озера стекали в море, — сказал Смит.

— А вот поищем, — отвечал Пенкроф. — Надо глядеть в оба, чтобы не провалиться в какую-нибудь дыру.

— Топ, вперед! — крикнул Смит.

Собака кинулась на другой конец пещеры, и тут лай ее еще более усилился.

— Сюда! Сюда! — крикнул Пенкроф, кидаясь за Топом и размахивая зажженной веткой. — Поглядите-ка, какова дыра! Точно колодец!

— Да, — сказал Смит, подошедший с товарищами. — Через это отверстие воды озера выливались в море!

— Вы полагаете? — спросил Спилетт.

— Я уверен, — отвечал инженер.

— Что ж, спустимся туда? — спросил Пенкроф.

— Невозможно, — отвечал Смит. — Это уже не проход, а просто-напросто отвесный колодец… Посветите-ка хорошенько!

Пенкроф и Наб наклонили факелы над колодцем.

— Ничего не видать! — крикнул моряк. — Одна чернота!

Смит отделил от факела горящую ветку и кинул ее в колодец.

Ярко пылавшая смолистая ветка еще сильнее воспламенилась при быстром падении в пропасть и осветила внутренность колодца.

— Воды не видать! — крикнул Спилетт.

— Тсс! Слушайте! — сказал Смит.

Пламя вдруг исчезло с легким треском. Это означало, что ветка достигла воды, то есть морского уровня.

Инженер по продолжительности падения ветки рассчитал, что глубина колодца около девяноста футов.

Значит, пещера находилась на высоте девяноста футов над поверхностью моря.

— Вот нам и жилище! — сказал Смит.

— Но ведь здесь, кажется, уже занято? — отвечал Спилетт. — Здесь уже кто-то поселился… Иначе как объяснить лай Топа?

— Может быть, здесь и поселился кто-нибудь — амфибия или зверь, но прежний хозяин, по всей видимости, убежал через колодец и уступил свои владения.

— Много бы я дал, чтобы обратиться в Топа, — не теперь, а вот когда он лаял, — уж я бы догнал этого прежнего хозяина! — сказал Пенкроф. — Топ ведь недаром лаял!

— Да, Топ побольше нашего знает на этот счет, — сказал Спилетт.

Мечты колонистов почти осуществились. Благодаря отваге и энергии они теперь имели в своем распоряжении огромную пещеру. При свете факелов они не могли как следует осмотреть ее, но все заставляло предполагать, что тут можно сложить перегородки из кирпичей и таким образом отгородить несколько комнат.

— Мы очень удобно можем расположиться, — сказал Смит. — Озерные воды имеют теперь другой сток и сюда уже не вернутся…

— Я предвижу немалые затруднения, — сказал Спилетт.

— Какие? — спросил инженер.

— Во-первых, как вы осветите эту пещеру? Нечего и думать о том, чтобы провести освещение сверху, через эту массу гранита.

— Мы попробуем пробить переднюю стенку, выходящую на море, — отвечал инженер. — Во время нашего спуска я приблизительно высчитал уклон, а следовательно, и длину водостока и полагаю, что передняя часть стены не слишком толста.

— Вход сюда тоже не особенно удобен.

— Раз мы проделаем окна в передней стенке, то можем проделать в ней и двери и устроить наружную лестницу.

— Так что ж, господин Смит, надо сейчас приниматься за работу! — воскликнул пылкий Пенкроф. — Я захватил железный крюк и сумею проделать окошко сквозь эту стену. Показывайте, где пробивать?

— Вот здесь, — сказал инженер, указывая силачу-моряку на довольно значительное углубление.

Пенкроф ревностно принялся пробивать гранит, и в продолжение получаса при свете факелов во все стороны сыпались осколки. Скала словно вспыхивала под его ударами: из нее вылетали искры.

Когда моряк выбился из сил, его сменил Наб, а после Наба — Спилетт.

Долбили два часа; Смит начал бояться, что толщина стены превосходит длину кирки.

Вдруг при ударе Спилетта кирка пробила стену и упала наружу.

— Ура! Ура! Ура! — загремел Пенкроф.

Стена имела всего три фута толщины.

Смит приложил глаз к пробитому отверстию. Перед ними расстилались берег, островок, а далее — безграничное море.

— Каково окошечко! — радовался Пенкроф.

«Окошечко» было довольно велико, потому что скала значительно осыпалась вокруг пробитого отверстия; хлынувшие сквозь него потоки света великолепно осветили пещеру.

Она разделялась на две половины. Левая имела не более тридцати футов в высоту и столько же в ширину при длине сто футов, но правая была громадная, и свод ее возвышался более чем на восемьдесят футов. В иных местах стояли неправильно расположенные гранитные столбы, поддерживавшие каменные полукружия свода, и напоминали колонны величественного собора. Свод пещеры, опираясь на боковые косяки, в иных местах спускался дугой, в других поднимался готическими стрельчатыми арками или терялся в темных пролетах, прихотливые дуги которых неясно обозначались в тени.

— Что за живописный свод! — восхитился

Спилетт. — Поглядите на эти выступы — точно навесы, сделанные по указанию талантливого архитектора! Этот свод представляет удивительную смесь всех красот, какие только существуют в византийской, романской и готической архитектуре. И это не дело рук человеческих, это — творение природы! Сама природа создала эту очаровательную, волшебную Альгамбру[20] в гранитной горе!

Колонисты не могли опомниться от радостного изумления. Они думали, что нашли узкую, тесную пещеру, и вдруг оказалось, что в их распоряжении целый чудесный дворец!

Наб даже снял шапку, словно очутился в храме.

— Вот так находка! — воскликнул Пенкроф. — Вот так клад! Ура! Ура!

— Ура! — повторили все в один голос.

Крик прокатился под сводами, и несколько раз откликнулось эхо.

— Слушайте, друзья, — сказал Смит, — если мы как следует осветим эту пещеру и расположим комнаты, кладовые и кухню на левой половине, у нас еще останется правая часть — этот велико-

---

[20] Примечания: 20

Альгамбра — созданный в средневековой Гранаде знаменитый архитектурный комплекс, включающий прекрасный дворец.

лепный зал, где мы устроим музей и где будем заниматься чем угодно.

— А как мы назовем свое жилище? — спросил Герберт.

— Гранитным дворцом, — отвечал Смит. — Согласны?

— Согласны! — ответили все в один голос, а Пенкроф еще раз крикнул «ура».

Факелы уже догорали. Пора было думать о возвращении.

— Поспешим в обратный путь, — сказал Смит. — Не забудьте, что предстоит подняться по проходу и что это потребует порядочно времени… Пойдем. Завтра примемся за устройство нового жилья.

Перед уходом Смит еще раз наклонился над темным колодцем, который перпендикулярно спускался до морской поверхности, и начал внимательно прислушиваться.

До слуха его не долетело никакого шума, даже шума морской воды.

Он бросил туда еще одну зажженную ветку.

Темные стены пропасти на минуту озарились красноватым отблеском, но и на этот раз колонисты ничего больше не увидели. Если какое-нибудь морское чудовище и было захвачено

врасплох отводом озерных вод в другую сторону, то теперь оно, очевидно, уже успело добраться до моря через подземный проход.

Но инженер все-таки внимательно прислушивался и не сводил глаз с пропасти.

Пенкроф дотронулся до его плеча.

— Господин Смит! — сказал он.

— Что, друг мой? — ответил Смит, словно пробуждаясь от сна.

— Факелы скоро погаснут…

— В дорогу!

Колонисты начали подниматься по темному проходу.

Топ заключал шествие и время от времени опять начинал рычать.

Взбираться было нелегко. Колонисты остановились отдохнуть в верхней пещере, образовавшей нечто вроде лестничной площадки, затем снова продолжили подъем.

Наконец на них пахнуло свежестью. Свет коптящих факелов начал бледнеть. Факел Наба погас.

— Надо торопиться, — сказал инженер, — иначе мы очутимся в темноте.

— Поторопимся! — отвечал Пенкроф. — Выход близко!

Все ускорили шаги, и около четырех часов,

в ту самую минуту, когда факел моряка погас, Смит и его спутники благополучно вышли на свет божий.

XIX. Устройство дворца

На другой день, 22 мая, начались работы, предназначенные для превращения открытой колонистами пещеры в более удобное помещение. Однако и «Трубы» не следовало совсем покидать: инженер предложил устроить в них мастерскую для черных работ, по выражению Пенкрофа.

Первой заботой Смита было разузнать, в какую именно сторону обращен фасад Гранитного дворца. Он отправился на берег, к подножию громадной стены, и так как кирка, выпущенная из рук Спилеттом, должна была упасть отвесно, то стоило только найти эту кирку, чтобы узнать и то место, где в граните была пробита дыра.

Кирку легко отыскали, мысленно провели перпендикуляр от той точки, где она воткнулась в песок, и в восьмидесяти футах над берегом обнаружили дыру в скале. Несколько голубей влетело и вылетело через это отверстие.

— Ишь летают, словно это для них мы открыли Гранитный дворец! — проворчал Пенкроф.

Смит намеревался разделить левую часть пещеры на несколько комнат, с узким входным коридором, и осветить ее пятью окнами и две-

рями, пробитыми в фасаде. Пенкроф согласился на пять окон, но не понимал, зачем устраивать дверь, так как старый водный сток представлял собой естественную лестницу.

— Друг мой, — сказал ему Смит, — если нам будет легко спускаться в это помещение через сток, то это в такой же степени будет легко и другим. Я, напротив, рассчитываю заложить сток у самого жерла, герметично заделать отверстие и даже, если понадобится, совершенно скрыть этот вход под водой, запрудив озеро снова…

— Как же мы сами будем входить?

— По веревочной лестнице, — ответил Смит, — которую всегда можно поднять, а раз она поднята, уже никто не войдет в наше жилище.

— Но к чему такие предосторожности? — сказал Пенкроф. — До сих пор мы еще не видели никаких страшных животных. Что касается туземцев, то ведь на острове их нет.

— Вполне ли вы уверены в этом, Пенкроф? — спросил инженер, глядя на моряка.

— Конечно, мы в этом будем уверены только тогда, когда исследуем все закоулки острова…

— Да, — сказал Смит, — а мы пока осмотрели только небольшую часть его. Во всяком случае, если у нас нет врагов внутренних, они могут

явиться извне, потому что в этой части Тихого океана много пиратов. Мы должны принять предосторожности против любых возможных случайностей.

Решено было пробить в фасаде Гранитного дворца пять окон и дверь. Фасад, расположенный на высоте восьмидесяти футов над землей, был обращен к востоку, и восходящее солнце приветствовало его своими первыми лучами. Новое жилище располагалось в той части кряжа, которая тянулась от выступа возле реки Милосердия и до циклопического нагромождения каменных глыб, которое Пенкроф нарек «Трубами». Поэтому порывы свирепого северо-восточного ветра задевали его лишь вскользь — им мешал скальный выступ.

Впрочем, в ожидании тех дней, когда будут сделаны рамы, инженер намеревался закрывать оконные проемы прочными ставнями, которые защищали бы жилище от ветра и дождя и которые можно в случае нужды скрыть от любопытных взоров.

Первая задача состояла именно в том, чтобы продолбить нужные отверстия. Справиться с твердой скалой было нелегко, к тому же долбить ее вручную кирками — работа чрезвычайно мед-

ленная, а Смит любил, чтобы все делалось быстро. У него оставалось еще некоторое количество нитроглицерина, и он употребил его с пользой. Гранит был взорван именно в тех местах, которые наметил инженер. Затем кирки и ломы закончили окна широкого просвета, слуховые окошки и двери. Колонисты начисто обтесали проемы, отличавшиеся довольно причудливой формой, и спустя несколько дней после начала работ Гранитный дворец был как нельзя лучше освещен лучами восходящего солнца, проникавшими во все самые потаенные его уголки.

Смит наметил такое расположение комнат: направо — передняя с входной дверью, к которой вела веревочная лестница, затем кухня шириной тридцать футов, столовая шириной сорок футов, спальня такой же ширины и, наконец, «дружеская комната», как называл ее Пенкроф, примыкавшая к большому залу.

Эти будущие комнаты должны были занять лишь часть углубления пещеры. Между ними предполагались коридор и длинная кладовая для провизии и разных припасов на зиму, которые могли здесь превосходно сохраняться. Места было достаточно, к тому же колонисты имели еще в своем распоряжении маленький грот, располо-

женный над большой пещерой, где можно было устроить погреб.

План был окончательно составлен, оставалось только привести его в исполнение. Рудокопы и подрывники превратились в изготовителей кирпича и носильщиков; кирпич был перенесен и сложен у основания Гранитного дворца. Сайрес Смит и его товарищи все еще попадали в пещеру через прежний водосток. Это было крайне неудобно: приходилось подниматься на плато Дальнего Вида, обогнув гранитную стену по левому берегу реки, затем следовал спуск по подземному коридору на двести футов вниз, а на обратном пути приходилось подниматься по нему. Словом, дорога отнимала немало времени и сил. Вот почему инженер решил без промедления изготовить веревочную лестницу. Если бы обитатели Гранитного дворца, взойдя по этой лестнице, подняли ее, снизу никто уже не смог бы проникнуть в их убежище.

Лестница была сделана чрезвычайно прочно, ибо веревки из ситника по крепости могли сравняться с толстым канатом. Таким же образом сплетены были другие веревки из растительных волокон; колонисты ссучили веревки из волокнистых растений при помощи деревянной «вер-

тушки»… Для перекладин использовали легкие и крепкие дощечки красного кедра, напиленные умельцем Пенкрофом. У двери установили нечто вроде лебедки, в результате кирпич и другие строительные материалы удалось поднять довольно быстро, и тотчас начались работы внутри пещеры. Извести запасли достаточно, кирпичи лежали в штабелях, готовые к услугам. Строители без особого труда установили грубо вырубленные деревянные стойки, и вскоре «квартиру» удалось разделить перегородками на комнаты и склад.

Все работы шли быстро под управлением инженера, который сам взялся за молот и лопатку каменщика. Никакое дело не было чуждо Смиту, и он подавал во всем отличный пример. Колонисты за все принимались с охотой, даже весело. Пенкроф — был ли он плотником, канатным мастером или каменщиком — всегда приправлял работу веселыми рассказами и смехом, и всему маленькому обществу передавалось его отличное расположение духа. Он с безусловным доверием смотрел на инженера, считал его способным за все взяться и во всем успеть; всякое трудное дело казалось ему легким при участии Смита. Пенкроф свято верил, что все со временем устроится так, как того пожелает инженер. Он знает, как

обновить изношенную одежду и обувь (вопрос бесспорно существенный), чем освещать помещение в долгие зимние вечера, как использовать дары природы, которые дает плодородная часть острова, как превратить дикую растительность в приносящие урожай сельскохозяйственные культуры. Все это теперь казалось Пенкрофу легким: Сайрес Смит поможет справиться со всяческими трудностями, и колония ни в чем не будет нуждаться. Пенкроф мечтал о каналах, по которым колонисты смогут перевозить добытые природные богатства, о каменоломнях и шахтах, о станках для всяких промышленных изделий. Моряку даже пригрезилось, что со временем сеть железных дорог, несомненно, изрежет остров Линкольна вдоль и поперек.

Смит не разочаровывал его, даже улыбался, слушая моряка, и ничем не выражал беспокойства, которое порой внушало ему будущее. Действительно, оказавшись в этом месте Тихого океана, в стороне от традиционных морских путей, он не без основания опасался, что никогда не получит помощи. Колонисты должны были рассчитывать только на себя, и ни на кого больше, так как остров лежал на таком расстоянии от обитаемых земель, что отважиться выйти в

море на каком-нибудь самодельном суденышке, разумеется не самом надежном, было бы делом крайне рискованным.

Но, как говорил иногда Пенкроф, они были «на целую голову выше прежних робинзонов», для которых в итоге все устраивалось каким-то чудесным образом. Их преимущество состояло в том, что они многое умели и знали, а человек, который и умеет и знает, успевает там, где другие будут сначала прозябать и затем неизбежно погибнут.

Герберт не отставал от других в работе. Он был смышленый и деятельный юноша, все быстро схватывал, хорошо исполнял, и Смит все более и более к нему привязывался. Герберт питал к инженеру живую и почтительную любовь. Пенкроф хорошо видел, какая глубокая симпатия их связывает, но нисколько не ревновал.

Наб ничуть не переменился. Он был, как и всегда, олицетворением усердия, преданности и самоотверженности. Он питал такую же веру в своего господина, как и Пенкроф, но выражал ее не так громко. Когда моряк приходил в восторг, Наб посматривал на него с таким видом, будто говорил ему: «А что тут удивительного?..» Пенкроф и Наб сильно полюбили друг друга и скоро

перешли на «ты».

Что касается Спилетта, то он принимал участие во всякой общей работе и не уступал в ловкости другим, что всегда несколько удивляло моряка. «Неужто этот газетчик не только способен все понять и красиво рассказать об этом, но и может работать руками?..»

28 мая веревочная лестница, которую предстояло спустить по отвесной скале высотой восемьдесят футов, была окончательно готова. В ней насчитывалось не менее ста ступенек. К счастью, Смиту удалось разделить лестницу на две части, воспользовавшись выступом гранитной стены, находившимся футах в сорока над землей. Этот выступ, тщательно выровненный киркой, образовал нечто вроде площадки, где была закреплена первая половина веревочной лестницы, которая благодаря этому вдвое меньше раскачивалась. Что касается второй половины лестницы, то ее отлично закрепили с обоих концов, причем нижний упирался в выступ стены, а верхний был привязан к самой двери. Таким образом, восхождение в Гранитный дворец значительно упростилось. Впрочем, Сайрес Смит рассчитывал впоследствии устроить гидравлический лифт, чтобы сберечь время и силы

обитателей Гранитного дворца.

Колонисты скоро научились пользоваться лестницей. Они все были проворны и ловки: Пенкроф, как настоящий моряк, дал им несколько отличных уроков. Пришлось давать уроки и Топу. Бедный пес не создан был для подобных упражнений. Но Пенкроф был такой ревностный учитель, что Топ наконец примирился с лестницей и скоро начал быстро взбираться по ней, подобно своим собратьям в цирке. Трудно сказать, гордился ли моряк успехами своего ученика; как бы то ни было, поднимаясь по веревочной лестнице, он частенько тащил Топа, взвалив его себе на спину, причем пес, казалось, был доволен подобным способом восхождения.

Здесь следует заметить, что эти работы производились в чрезвычайной спешке ввиду приближения холодов, при этом колонисты не забывали и о запасах на зиму. Всякий день Спилетт и Герберт, ставшие настоящими поставщиками дичи, проводили несколько часов на охоте. Пока в их распоряжении был только лес Жакамара на ближнем берегу реки; за неимением лодки и моста нельзя было перебраться через реку Милосердия в обширные леса, названные лесами Дальнего Запада и еще не исследованные.

Эта важная экспедиция была отложена до первых хороших дней будущей весны. Но и ближний лес изобиловал дичью: там было много кенгуру и кабанов.

Кроме того, Герберт открыл около юго-западного края лагуны кроличий садок, устроенный самой природой, — нечто вроде лужка, поросшего ивняком и всевозможными ароматическими травами: базиликом, чабрецом (он же тимьян, или богородицына трава) и многими другими видами пахучих растений из семейства губоцветных, которые так любят кролики.

Спилетт заметил Герберту, что если на этом лугу такое изобилие самой изысканной пищи для кроликов, то не может быть, чтобы не было и самих кроликов, и охотники внимательно осмотрели местность.

Герберту удалось собрать изрядное количество базилика, розмарина, мелиссы, буквицы и других трав, которые обладают различными лечебными свойствами; одни употреблялись против грудных болезней, другие — против лихорадок, третьи — против судорог или против ревматизма.

— К чему нам эти травы? — спросил Пенкроф.

— Эти травы имеют важное значение, — ответил Герберт. — Мы будем ими лечиться, если

кто-нибудь из нас заболеет.

— А зачем мы станем болеть, если на острове нет доктора? — весьма серьезно спросил Пенкроф.

На это нечего было возразить, но тем не менее Герберт не перестал собирать травы и заботливо сушил их. Он принес еще много золотой мелиссы, или монарды, известной в Северной Америке под именем чая освего[21], которая давала превосходный напиток.

Наконец, в этот же день, охотники после продолжительных поисков добрались до настоящего кроличьего садка. Здесь почва была изрыта, как решето.

— Норы! — воскликнул Герберт.

— Да, — ответил Спилетт, — я сам вижу, что норы.

— Но есть ли в них кто-нибудь?

— Это вопрос.

Вопрос скоро сам собой разрешился. Едва охотники успели произнести эти слова, как целые

---

[21] Примечания: 21

Напиток из листьев монарды использовали индейцы племени освего. Монарда также использовалась индейцами как лекарственное средство — для приготовления горячего тонизирующего напитка и для лечения некоторых недугов (для снятия дискомфорта в желудке и кишечнике, при переохлаждениях и простудах). Им также было известно об антисептических свойствах растения.

сотни маленьких животных, похожих на кроликов, прыснули во все стороны и пустились бежать с такой быстротой, что Топу не удалось поймать ни одного.

Но Спилетт ни за что не хотел уходить, не убив по крайней мере с полдюжины этих четвероногих. Прежде всего ему хотелось сделать запас для кухни, а впоследствии заняться приручением этих грызунов. С несколькими силками, поставленными у отверстия нор, их легко удалось бы поймать. Но в настоящую минуту не было ни силков, ни материала, из которого их делают. Оставалось осматривать каждую нору, разрывать ее палкой и брать терпением там, где при других обстоятельствах можно было бы взять иным способом.

Наконец после усердных раскопок и поисков четыре грызуна были захвачены в норах. То были кролики, довольно похожие на своих европейских собратьев и известные под именем американских кроликов.

Охотники принесли свою добычу домой, и Наб приготовил на ужин превкусное блюдо.

Открытие садка было весьма важно для колонии, потому что это означало неистощимый запас свежего мяса.

31 мая перегородки были построены. Оставалось только меблировать комнаты, чем можно было заняться в долгие зимние вечера. Печь поставили в первой комнате, служившей кухней. Труба, предназначенная для выведения дыма наружу, доставила немало хлопот нашим самоучкам-печникам. Смиту казалось гораздо проще устроить ее из глины; так как нечего было и думать провести ее на верхнюю площадку, то в граните над окном кухни была пробита дыра, и к ней приладили кривую трубу, подобно коленчатым трубам маленьких железных печей. Может быть — и даже наверное, — во время сильных восточных ветров, ударявших непосредственно в фасад Гранитного дворца, кухонная печь должна, вследствие небольшого размера трубы, дымить, но такие ветры дули редко, и Наб, повар колонии, не обращал особенного внимания на дым.

Когда были окончены эти внутренние работы, Смит решил заложить жерло старого водяного стока, примыкавшего к озеру, чтобы совершенно запереть ход с этой стороны. Огромные куски скальной породы были свалены в отверстие и плотно зацементированы. Смит еще не мог исполнить своего намерения затопить это отверстие, подняв воды озера к первоначальному

уровню посредством плотины. Он ограничился только тем, что искусно прикрыл загороженное отверстие травами и кустарником, которые были посажены в щелях между скалами и которые будущей весной должны были сильно разрастись.

Инженер воспользовался старым стоком для проведения пресной озерной воды в новое помещение колонистов. Это было достигнуто посредством небольшого отводного канала, устроенного ниже уровня воды в озере; в дом проходила постоянная струя, доставлявшая ежедневно от двадцати пяти до тридцати галлонов[22] чистой воды.

Наконец все необходимые работы закончили, да и пора было, потому что уже близилась зима. В ожидании, когда инженер соберется сделать стекло для оконных рам, окна запирались толстыми ставнями.

Спилетт с большим вкусом декорировал выступы гранита вокруг окон различными видами растений, так что снаружи оконные отверстия, обрамленные живописной зеленью, выглядели прелестно.

Обитатели прочного, надежного, несокруши-

---

[22] Примечания: 22

Галлон — в Англии, США и некоторых других странах мера вместимости и объема жидких и сыпучих тел (от 3,5 до 4,6 *л*).

мого дома могли гордиться своей работой. Перед окнами у них открывался безграничный горизонт моря, замыкавшийся с севера мысом Челюсти, а с юга — мысом Коготь. Перед их глазами развертывался во всем своем величии залив Союза.

Отважные труженики могли быть довольны, и неудивительно, что Пенкроф не скупился на похвалы помещению, которое шутя называл «своей квартирой на пятом этаже, над антресолью».

XX. В ожидании хлеба

Зимнюю пору можно было считать с июня, что соответствует декабрю Северного полушария. Месяц начался беспрерывно сменявшимися ливнями и шквалами. Жильцы Гранитного дворца могли оценить все удобства помещения: в «Трубах» обитателям маленькой колонии было бы трудно укрыться от суровой зимы, не говоря уже о том, что с наступлением сильных ветров ежеминутно приходилось бы опасаться, что вот-вот их зальет вода, нагоняемая с моря. Смит на случай наводнения принял некоторые меры предосторожности, чтобы насколько возможно уберечь кузницы и печи, устроенные около прежнего убежища.

Весь июнь прошел в различных занятиях, не исключая охоты и рыбной ловли, и запасы провизии беспрерывно пополнялись. Пенкроф намеревался устроить ловушки и ожидал от них хороших результатов. Он сплел из древесных волокон силки, и не проходило дня, чтобы в них не попадало несколько кроликов. Наб только и делал, что солил и коптил разное мясо, заготавливая превосходные консервы.

Вопрос об одежде тоже требовал серьезного обсуждения. У колонистов не имелось другого платья, кроме того, какое было на них, когда их выбросило на остров.

Правда, это была теплая и крепкая одежда, и колонисты берегли ее, равно как и белье, насколько возможно, но все это в скором времени должно было потребовать замены. Притом зима могла оказаться суровее, чем ожидали.

В этом случае изобретательность Смита не помогла. Он должен был заботиться об удовлетворении самых неотложных нужд: обустраивать помещение, заготавливать провизию, и холода могли наступить прежде, чем разрешится вопрос об одежде. Приходилось безропотно покориться и без жалоб перенести первую зиму. С наступлением теплых дней можно будет предпринять серьезную охоту за степными баранами, которых колонисты видели на острове во время исследования горы Франклина, а раз будет шерсть, Смит, конечно, сумеет выделать прочные и теплые материи… Каким образом? Там будет видно.

— Ну что ж, — говорил Пенкроф, — невелика беда, коли придется пожариться у камина в Гранитном дворце. Дров у нас много, и нет никакой нужды их беречь!

— Кроме того, — сказал Спилетт, — остров Линкольна лежит не на особенно высокой широте, и зимы на нем, вероятно, не очень суровы. Ведь вы, Сайрес, кажется, говорили нам, что эта тридцать пятая параллель соответствует Испании?

— Конечно, — ответил Смит, — но и в Испании зимы бывают иногда суровы. Испанцы, случается, видят и снег, и лед. То же самое может быть и у нас! Но мы находимся на острове, и потому

я рассчитываю, что температура на нем будет более умеренной.

— Почему вы так думаете? — спросил Герберт.

— Потому что на море можно смотреть как на резервуар, в котором сберегается запас летнего тепла. С наступлением зимы оно выделяет это тепло, и оттого в странах, граничащих с океанами, средняя температура летом менее высока, зато зимой она менее низка.

— Мы это скоро увидим, — ответил Пенкроф. — Меня вовсе не занимает, будет зимой холодно или не будет. Я одно знаю, что дни уже сделались короче, а вечера длиннее. Не пора ли подумать об освещении?

— Ничего нет легче, — ответил Смит.

— Говорить об этом? — переспросил моряк.

— Нет, устроить его.

— Когда же начнем?

— Завтра, после охоты на тюленей.

— И наделаем сальных свечей?

— Фи, Пенкроф! Не сальных, а стеариновых!

Таков, действительно, был проект Смита — проект осуществимый, так как в распоряжении инженера были известь и серная кислота, а тюлени могли дать сколько угодно жира, необходимого для свечного производства.

Наступило 4 июня, Троицын день, и колонисты единогласно решили соблюсти этот праздник и отдохнуть от работ.

5 июня все отправились на островок. Надо было воспользоваться низкой водой, чтобы вброд перебраться через пролив; при этом было решено, что следует построить так или иначе лодку, на которой можно было бы с большим удобством переправляться на островок Спасения, а также подниматься по реке Милосердия.

На островке было много тюленей, и колонисты, вооруженные охотничьими копьями, без особого труда набили их с полдюжины. Наб и Пенкроф принесли жир и кожи, которые должны были служить для изготовления прочной обуви.

Результатом тюленьей охоты было то, что у колонистов теперь было около восьми пудов жира, который всецело должен был пойти на изготовление свечей.

Процесс приготовления свечей был чрезвычайно прост, и хотя он не давал качественного результата, им все-таки можно было пользоваться.

Если бы Смит имел в своем распоряжении только серную кислоту, то и тогда, нагревая ее с тюленьим жиром, он мог выделить глицерин;

затем из получившегося соединения он легко мог отделить олеин, пальметин и стеарин, используя для этого кипящую воду.

Но для упрощения дела инженер предпочел жир обратить в мыло посредством извести. Таким образом он получил известковое мыло, легко разлагаемое серной кислотой, которая осаждала известь в состоянии серноизвестковой соли, а жирные кислоты делала свободными.

Из этих трех кислот — олеиновой, пальметиновой и стеариновой — первая, получавшаяся в жидком состоянии, была отделена посредством отжимания от всей массы. Что касается двух остальных, то они представляли собой то самое вещество, которое используют для формовки свечей.

Весь процесс продолжался не более двадцати четырех часов. Фитили были сделаны из растительных волокон и после обмакивания в растопленную жидкость дали настоящие, сформованные вручную стеариновые свечи, которым недоставало только надлежащей белизны и полировки. Разумеется, эти фитили не представляли такого удобства, как фитили, пропитанные борной кислотой, которые по мере сгорания стеарина сгорают сами, но Сайрес Смит устроил пару

красивых щипцов, и свечи эти были неоценимы для работ в Гранитном дворце во время долгих зимних вечеров.

В течение всего этого месяца работа внутри нового жилища не прекращалась. Столяры тоже не сидели без дела. Некоторые инструменты были усовершенствованы, другие сделали вновь.

Между прочим смастерили ножницы, и колонисты могли наконец постричь волосы, и если не побрить бороды, то по крайней мере подрезать их. У Герберта бороды не было, у Наба тоже, но зато у их товарищей разрослись, по выражению Пенкрофа, целые чащи, которые необходимо было привести в порядок.

Устройство ручной пилы, так называемой ножовки, стоило немалого труда, но наконец пила была готова и в искусных руках годилась для любых столярных работ. Затем наделали столов, скамеек, шкафов и обставили этой мебелью главные комнаты; изготовили кровати, на которые вместо перин положили матрасы из морской травы. Кухня, где устроили полки, на которых красовалась посуда из обожженной глины, и сложили кирпичную печь, имела веселый вид, и Наб работал в ней с таким важным видом, словно в какой-нибудь химической лаборатории.

Но скоро столяры должны были превратиться в плотников. Устроив посредством взрыва новый спуск для воды, колонисты поняли, что необходимо построить два мостика: один — на плато Дальнего Вида, другой — на песчаном берегу, так как теперь плато и берег перерезал поток, через который надо было переходить, если хо-

тели добраться на север озера, иначе пришлось бы делать значительный крюк и подниматься к западу до истоков Красного ручья.

Решено было устроить на плато и на берегу два мостика, длиной от двадцати до двадцати пяти футов, сруб для которых мог быть сделан из деревьев, грубо обтесанных топором. Эта работа заняла несколько дней.

Когда мостики были готовы, Наб и Пенкроф сейчас же воспользовались ими и отправились на место сбора устриц, открытое ими около дюн. Они на этот раз захватили с собой тележку вместо прежней плетенки, казавшейся теперь неудобной, поэтому им удалось доставить несколько тысяч этих моллюсков, которые быстро прижились на новом месте. Среди подводных камней, близ устья реки Милосердия, появилась новая устричная колония. Устрицы были превосходны; колонисты ежедневно истребляли их в большом количестве.

Хотя только весьма небольшая часть острова была исследована, однако его обитатели находили здесь все, что им было нужно. Они не сомневались, что, проникнув в дальние уголки его, в лесистую часть, тянувшуюся от реки Милосердия до Змеиного мыса, они откроют там новые

богатства природы.

Только в одном еще терпели недостаток колонисты. Мясной пищи у них было всегда вдоволь, растительных продуктов тоже. Деревянистые корни драцены после брожения превращались в кисловатый напиток вроде пива. Они даже приготовили сахар, не имея ни сахарного тростника, ни свекловицы, а собирая густую жидкость, выделявшуюся из сахарного клена *(acer saccharinum)* — разновидности клена, произрастающего во всех умеренных поясах и находившегося в большом количестве на острове Линкольна. Они заваривали весьма ароматный чай из монард, собранных на кроличьем лужке. Наконец, они добыли соль, единственный из минеральных продуктов, входящих в пищу. Вот только хлеба у них не было!

Быть может, впоследствии колонисты сумели бы заменить хлебное зерно чем-нибудь подходящим: мукой саговой пальмы или крахмалистыми плодами хлебного дерева, и весьма вероятно, что в южных лесах, в числе других видов, имелись и эти драгоценные деревья, но до сих пор их не встречали.

Однако и тут вмешался счастливый случай; помощь была, правда, небольшая, но Смит,

невзирая на весь свой ум и на всю свою изобретательность, не был бы в состоянии предоставить то, что Герберт случайно нашел за подкладкой своей куртки, когда собрался ее чинить.

В этот день шел проливной дождь. Колонисты собрались в зале. Вдруг Герберт воскликнул:

— Господин Сайрес! Посмотрите! Зернышко ржи!

И он показал зернышко, единственное зернышко, которое из разорванного кармана упало за подкладку куртки.

Присутствие этого зерна в кармане объяснялось привычкой Герберта, еще в бытность его в Ричмонде, кормить голубей.

— Зернышко ржи? — с живостью спросил Смит.

— Да, господин Сайрес, но только одно-единственное!..

— Что же мы можем сделать из него? — спросил Пенкроф.

— Мы из него хлеб испечем, — ответил Смит.

— И хлеб, и пироги, и торты! — засмеялся моряк. — Только хлеба, который мы испечем из этого зернышка, еще не скоро удастся покушать!

Герберт, придававший весьма малое значение своему открытию, хотел было бросить зерно. Но

Смит взял его, осмотрел, убедился, что оно находится в совершенно зрелом состоянии, и, глядя на моряка, спокойно спросил:

— Знаете ли, Пенкроф, сколько одно зерно может дать колосьев?

— Один, я полагаю! — ответил Пенкроф, удивленный таким вопросом.

— Десять. А знаете ли вы, сколько в каждом колосе бывает зерен?

— Право, не знаю.

— В среднем около восьмидесяти, — сказал Смит. — Итак, если мы посадим это зерно, оно в первую жатву даст нам восемьсот таких же зерен, а эти зерна во вторую жатву дадут шестьсот сорок тысяч зерен, в третью жатву — пятьсот двенадцать миллионов зерен, в четвертую — более четырехсот биллионов зерен! Вот прогрессия…

Товарищи Смита безмолвно слушали. Цифры, приведенные инженером, их поразили.

— Да, мои друзья, таковы прогрессии плодоносной природы. Но что значит это размножение зерна ржи, один колос которого приносит только восемьсот зерен, в сравнении с размножением мака, стебель которого приносит тридцать две тысячи зерен, в сравнении с размножением табака, стебель которого приносит триста шестьдесят

тысяч зерен! За каких-нибудь несколько лет эти растения покрыли бы собой всю земную поверхность, если бы не существовало множества разрушительных причин, которые мешают производительности почвы. А знаете ли, Пенкроф, сколько мер выйдет из четырехсот биллионов зерен?

— Я знаю одно, — ответил Пенкроф, — что я в этом ровно ничего не смыслю!

— Из них выйдет более трех миллионов мер[23], считая в каждой по сто тридцать зерен.

— Три миллиона! — воскликнул Пенкроф.

— Три миллиона.

— В четыре года?

— В четыре года, — ответил Смит, — и даже в два года, если бы, как я рассчитываю, мы могли на этой широте в один год собрать жатву два раза.

На все это Пенкроф счел за лучшее ответить, по обыкновению, громогласными «ура».

— Итак, Герберт, — прибавил инженер, — ты сделал чрезвычайно важное открытие. Все, друзья мои, все может нам пригодиться при тех условиях, в каких мы находимся. Я прошу вас, не забывайте об этом!

---

[23] Примечания: 23

Смит говорит о старой французской мере сыпучих тел (буассо), равной 12,5 л.

— Нет, господин Смит, нет, не забудем! — ответил Пенкроф. — И коли я когда-нибудь найду единственное зерно табака, смею уверить, что не брошу его на ветер! А теперь знаете, что делать?

— Посадить это зерно, — ответил Герберт.

— Да, — прибавил Спилетт, — и посадить со всевозможным вниманием, потому что от него зависят все последующие жатвы.

— Лишь бы только оно взошло! — воскликнул моряк.

— Взойдет! — ответил Смит.

Было 20 июня, следовательно, время, благоприятное для посева драгоценного зерна.

Сперва хотели посадить его в горшке, но после некоторого размышления решили предоставить его самой природе и посадить прямо на открытом воздухе. Все было сделано в этот же день, и бесполезно прибавлять, что колонисты приняли всевозможные предосторожности для сохранения своего сокровища.

Погода несколько прояснилась; все вскарабкались на верх Гранитного дворца. Там, на плато, они выбрали место, хорошо защищенное от ветра и обращенное прямо к солнцу. Это место очистили, тщательно пропололи и даже взрыхлили, чтобы выкинуть насекомых и червяков; затем на-

сыпали на него слой хорошей земли, удобренной небольшим количеством извести, далее оградили его и, наконец, посадили зерно и полили.

Казалось, колонисты заложили здесь первый камень своего будущего здания. Это напомнило Пенкрофу тот день, когда он зажигал свою единственную спичку… Потерпев крушение в воздухе, они еще могли тем или иным способом раздобыть огонь, но никакая человеческая изобретательность не создала бы им этого зерна ржи!

XXI. Первые морозы

С этого времени не проходило ни одного дня, чтобы Пенкроф не посещал местечка, которое он уже серьезно называл «засеянным полем». И горе насекомым, которые отваживались туда залетать! Им нечего было надеяться на помилование.

К концу июня после непрерывных дождей начала устанавливаться холодная погода; 29-го термометр показал бы уже шесть градусов мороза.

Следующий день, 30 июня, соответствовал 31 декабря Северного полушария.

Новый год приветствовал колонистов весьма сильным холодом. Льдины сбились в кучу в устье реки Милосердия, и озеро должно было скоро замерзнуть на всем протяжении.

Неоднократно приходилось возобновлять запас топлива. Пенкроф не ждал, когда река замерзнет. Течение было неутомимым двигателем, и моряк не упускал случая сплавлять по возможности больше дерева, пока вода не затянулась ледяным покровом. К топливу присоединили также несколько возов ископаемого угля. Сильный жар,

доставляемый каменным углем, как нельзя более был оценен колонистами, когда температура понизилась: 4 июля она упала до тринадцати градусов ниже нуля. В столовой была поставлена другая печь, и тут работали все вместе.

Так как воздух был весьма сух, то колонисты, одевшись насколько возможно теплее, решились посвятить один день исследованию части острова между рекой Милосердия и мысом Коготь. По расчету, надо было пройти от восьми до девяти миль и столько же обратно, то есть потратить целый день.

5 июля, до рассвета, вооружившись рогатинами, силками, луками, стрелами и захватив с собой достаточное количество провизии, они в сопровождении резвого Топа отправились в путь.

Колонисты в первый раз вступили на правый берег реки Милосердия, перейдя ее по льду.

Отряд не сделал и полумили, как из чащи выскочило целое семейство четвероногих, которых обратил в бегство лай Топа.

— Точно лисицы! — воскликнул Герберт.

Действительно, это были лисицы, но весьма крупные, издававшие звуки, похожие на лай, который, казалось, удивил самого Топа, потому что он в первую минуту перестал гнаться за ними

и дал им время скрыться из виду.

Собака, конечно, имела основание удивляться, так как она не знала зоологии. Но эти лисицы своим лаем, рыжевато-серой окраской, черными хвостами, заканчивавшимися белой кисточкой, сами обнаружили свое происхождение. Герберт, нисколько не колеблясь, дал им настоящее название — «бразильские лисицы»[24]. Он очень жалел, что Топу не удалось поймать ни одной из них.

— Разве их едят? — спросил Пенкроф, всегда смотревший на фауну только с этой точки зрения.

— Нет, — ответил Герберт, — но зоологи еще не решили, могут ли они видеть ночью и не следует ли их причислить просто к роду собак.

Смит не мог удержаться от улыбки, слушая рассуждения мальчика, высказываемые так серьезно. Что касается моряка, то, с тех пор как он узнал, что этих лисиц нельзя отнести к разряду съедобных, они его мало интересовали. Он только заметил, что когда в Гранитном дворце будет птичий двор, то необходимо будет принять некоторые предосторожности против возможного посещения этих четвероногих воров.

---

[24] Примечания: 24

Бразильские лисицы — хищные млекопитающие семейства псовых, водятся на юго-западе Бразилии.

Обогнув мыс Находки, путники увидели длинную полосу песчаного берега и море до горизонта. Небо было совершенно чисто, как это бывает во время продолжительных холодов. Смит и его товарищи, согреваемые ходьбой, не особенно чувствовали холод. Притом не было ветра, что значительно смягчает самые сильные понижения температуры. Блестящее, но слабо гревшее солнце выплывало из океана, и огромный диск его словно качался на горизонте. Море стлалось гладкой ярко-синей скатертью, словно средиземноморский залив под чистым южным небом. Мыс Коготь, изгибаясь турецким ятаганом, вдавался в море почти на четыре мили к юго-востоку. Влево край болота вдруг заканчивался стрелкой, которая при солнечных лучах казалась какой-то огненной чертой. Не было сомнения, что в этой части бухты Союза, которую ничто, даже песчаные отмели, не защищало со стороны открытого моря, кораблю, занесенному сюда восточными ветрами, вряд ли удалось бы бросить якорь. По спокойствию морских вод, которые не пенились, как при трении на мелководье, по их ровному цвету, не имевшему никакого желтоватого оттенка, наконец, по отсутствию какого бы то ни было подводного рифа можно было заключить,

что берег этот очень крутой и что здесь таятся глубокие океанские пропасти. Леса Дальнего Запада остались позади — милях в четырех темнела полоса начинавшихся зарослей. Картина вокруг не радовала глаз, колонисты как будто очутились на мрачных берегах какого-нибудь антарктического острова, покрытого снегом и льдами.

Маленький отряд здесь остановился, разожгли костер из сухих водорослей, и Наб приготовил завтрак, состоявший из холодного мяса и нескольких чашек чаю. Во время еды колонисты рассматривали окружавшую их местность.

Эта часть острова была совсем пустынна и совершенно не похожа на западную.

— Если бы нас выбросило на этот берег, — сказал Спилетт, — то мы получили бы весьма жалкое понятие о наших владениях.

— Я даже думаю, что мы бы не сумели до них добраться, — ответил Смит, — потому что здесь глубоко и нет ни единой скалы, где можно было бы укрыться. Перед Гранитным дворцом, по крайней мере, есть мели, есть островок, а здесь ничего, кроме пропасти!

— Одно довольно странно, — заметил Спилетт, — что этот остров, сравнительно небольшой, представляет такое разнообразие. Это

разнообразие, собственно говоря, свойственно только материкам значительных размеров. Можно подумать, что западная часть острова, столь богатая и столь плодородная, омывается теплыми водами Мексиканского залива, а эти юго-восточные берега простираются до какого-то полярного моря.

— Вы совершенно правы, любезный Спилетт, — ответил Смит. — Этот остров как по своей форме, так и по своей природе кажется мне странным. На нем словно сосредоточились все особенности, характерные для материков… Признаюсь, мне даже приходит мысль, что наше владение было некогда материком.

— Как! Среди Тихого океана? — удивился моряк.

— А почему же нет? — сказал Смит. — Почему Австралия, Новая Ирландия[25] со всеми архипелагами Тихого океана (все, что английские географы называют Австралазия[26]) не могли некогда составлять шестую часть света, столь

[25] Примечания: 25

Новая Ирландия — остров в составе архипелага Бисмарка, принадлежащего Папуа — Новой Гвинее. Площадь острова составляет 7404,5 км.

[26] Примечания: 26

Австралазия — регион, включающий в себя Австралию, Новую Гвинею, Новую Зеландию и прилегающие к ним острова Тихого океана. Термин был введен Шарлем де Броссом (1756).

же значительную, как Европа или Азия, как Африка или обе Америки? По-моему, можно допустить, что все острова, возвышающиеся над этим обширным океаном, представляют самые высокие горные вершины материка или разных материков, которые теперь исчезли, но которые в доисторические эпохи господствовали над морем.

— Как некогда Атлантида, — сказал Герберт.

— Да, Герберт, если только Атлантида когда-нибудь существовала.

— И остров Линкольна составлял часть этого материка? — спросил Пенкроф.

— Вероятно, — ответил Смит, — и это бы объяснило причину разнообразия природных богатств, находящихся на его поверхности.

— И причину значительного числа обитающих на нем животных, — прибавил Герберт.

— Да, Герберт, — ответил инженер, — и ты своим замечанием даешь новый аргумент в пользу моей мысли. Судя по тому, что мы видели, на острове немало различных животных и, что еще более странно, виды их чрезвычайно разнообразны.

— В таком случае, — сказал Пенкроф, который, казалось, еще не совсем был убежден, — в один

прекрасный день может исчезнуть, в свою очередь, и то, что осталось от этого старого материка, и тогда между Америкой и Азией в этом месте… ничего не будет?

— Или будут новые земли, — ответил Смит, — над которыми в настоящий момент работают миллиарды микроскопических тружеников.

— Что же это за труженики? — спросил Пенкроф.

— Кораллы, — ответил Смит. — Коралловые полипы[27] своей непрестанной работой уже соорудили остров Клермон-Тоннер и множество других островов в Тихом океане. Сорок семь миллионов коралловых особей весят всего один гран[28], и, невзирая на это, благодаря морским солям, которые они поглощают, благодаря твердым веществам, которые они извлекают из воды, эти микроскопические животные производят известковую землю, а эта известковая земля образует громадные подводные утесы, которые по плотности и твердости можно сравнить с гранитом.

---

[27] Примечания: 27

Коралловые полипы — класс морских беспозвоночных из типа стрекающих. Многие виды коралловых полипов обладают известковым скелетом и участвуют в рифообразовании.

[28] Примечания: 28

Гран — устаревшая единица массы, равная 0,064 г.

Когда-то, в первобытную эпоху творения, природа поднимала земли с помощью огня, но теперь она возложила этот труд на микроскопических животных, и они заменили прежнего деятеля, сила которого внутри земного шара, очевидно, уменьшилась, что доказывается большим числом вулканов, ныне погасших на поверхности земли. Я полагаю, что века сменятся веками, кораллы — кораллами и этот Тихий океан обратится со временем в обширный материк, на котором, в свою очередь, народятся новые поколения с новой цивилизацией.

— Это не скоро будет! — заметил Пенкроф.

— У природы впереди достаточно времени, — ответил Смит.

— Но к чему эти новые материки? — спросил Герберт. — Мне кажется, что земли и ныне существующих стран достаточно для человечества. Природа не создает ничего бесполезного.

— Ничего бесполезного, это верно, — ответил инженер. — Но вот как можно объяснить необходимость новых земель для будущего, и именно в тропическом поясе, занимаемом островами кораллового происхождения. По крайней мере, такое объяснение кажется мне правдоподобным…

— Мы слушаем вас, господин Смит, — произнес Герберт.

— Вот моя мысль: ученые обыкновенно допускают, что когда-нибудь наступит конец нашей планете или, точнее, что на ней прекратится животная и растительная жизнь вследствие сильного охлаждения, которому со временем подвергнется земной шар. Ученые не сходятся только в одном, а именно в причине такого охлаждения. Одни полагают, что оно произойдет от понижения температуры, которому подвергнется Солнце с течением миллионов лет; другие полагают, что оно произойдет от постепенного ослабления внутреннего жара Земли, который оказывает на нее более решительное влияние, чем обыкновенно полагают. Что же касается меня, то я придерживаюсь последнего взгляда. Спутник наш, Луна, весьма вероятно, есть охладившееся светило, которое теперь уже необитаемо, невзирая на то что Солнце продолжает посылать на его поверхность то же количество тепла. И если Луна охладилась, так это потому, что прежний ее внутренний жар совершенно погас. Словом, какова бы ни была причина, земной шар когда-нибудь охладится, но охлаждение это будет совершаться весьма медленно. Что тогда произойдет? Уме-

ренные пояса не будут более обитаемы, так же как теперь необитаемы полярные страны. Тогда люди, а равно и животные, нахлынут в широты, подверженные более сильному солнечному прогреву. Совершится громадное переселение. Европа, Центральная Азия, Северная Америка мало-помалу начнут пустеть, подобно тому как теперь низменные части Южной Америки. Растительность последует за эмиграцией людей. Флора вместе с фауной отступят к экватору. Тогда по преимуществу обитаемыми сделаются центральные части Южной Америки и Африки. Лапландцы и саамы найдут климатические условия полярной зоны на берегах нынешнего Средиземного моря. Кто поручится, что в эту эпоху экваториальные области не окажутся слишком тесны для переселившегося сюда человечества и для его пропитания? Если это так, то почему всё предусматривающей природе не положить заранее основания нового материка под экватором, не возложить эту работу на кораллы и не приготовить, таким образом, убежища для всей растительной и животной эмиграции? Я часто размышлял обо всех этих вещах, мои друзья, и серьезно полагаю, что вид нашего шара совершенно преобразится, что вследствие возвы-

шения новых материков моря покроют старые земли. Тогда, быть может, Колумбы отправятся открывать острова Чимборасо[29], Монблан или Гималайские острова, оставшиеся от исчезнувших Америки, Азии и Европы. Затем эти новые материки, в свою очередь, сделаются необитаемыми; тепло земной коры постепенно снизится, как теплота тела, расстающегося с жизнью, и вся земная жизнь если не окончательно, то по крайней мере на некоторое время тоже исчезнет с нашего шара. Тогда, быть может, наша планета успокоится, преобразится и снова когда-нибудь воскреснет при других условиях… Все это, друзья мои, разумеется, можно только предполагать, и я по поводу работы кораллов, быть может, позволил себе зайти несколько далеко…

— На эти теории, любезный Сайрес, — ответил Спилетт, — я смотрю как на пророчества, и они когда-нибудь исполнятся.

— Может быть, но все это неизвестно, — сказал инженер.

— Все это очень хорошо, — сказал Пенкроф, с большим вниманием слушавший Смита, — но растолкуйте мне, пожалуйста: остров Линкольна

---

[29] Примечания: 29

Чимборасо — неактивный вулкан, расположенный в горной цепи Анд в Эквадоре. Его высота в пике 6268 м.

тоже построен коралловыми… букашками?

— Нет, — ответил Смит, — он чисто вулканического происхождения.

— Так он в один прекрасный день исчезнет?

— Вероятно.

— Я надеюсь, что нас в это время здесь не будет!

— Могу вас уверить, Пенкроф, что не будет, так как ни у кого из нас нет охоты умирать на этом острове и мы когда-нибудь сумеем с него выбраться.

— В ожидании этого, — заметил Спилетт, — мы устроимся на острове как будто навек. Никогда не следует ничего делать наполовину.

Завтрак был окончен. Исследователи пошли далее и прибыли к границе, где начиналась болотистая местность.

Это было настоящее болото, простиравшееся до закругленного берега, которым заканчивался остров на юго-востоке, то есть по крайней мере на двадцать квадратных миль. Почва его состояла из глинисто-кремнеземной тины, смешанной со множеством растительных остатков. Оно поросло мхом, камышом, осокой, ситником, кое-где густой мягкой травой, напоминающей плотный бархатный ковер. В иных местах сверкали в сол-

нечных лучах замерзшие лужи. Никакие дожди, никакая речка, разлившаяся от внезапного половодья, не могли образовать подобных запасов воды. Естественно, следовало заключить, что эта трясина поддерживается просачиванием воды через почву, и в действительности так и было. Можно было опасаться, что во время жары болото сделается рассадником лихорадки.

На поверхности стоячих вод плавало множество птиц. Настоящие охотники здесь вряд ли могли промахнуться. Дикие утки, шилохвосты, чирки, бекасы попадались целыми стаями и безбоязненно подпускали охотников очень близко. Птиц было так много, что ничего не стоило бы — выстрелом из ружья — убить их несколько дюжин. Но колонистам пришлось довольствоваться стрельбой из лука. Конечно, результат охоты был не так блестящ, но бесшумные стрелы имели то преимущество, что не пугали пернатых, которые при одном звуке огнестрельного оружия разлетелись бы во все стороны.

Охотники довольствовались на этот раз дюжиной белых уток с зеленой головой, с черными и рыжими крыльями и приплюснутым клювом, в которых Герберт признал казарок.

Топ деятельно помогал в охоте за казарками, в

честь этих уток и была названа болотистая часть острова.

У колонистов, следовательно, под руками находился большой запас дичи, которым только надо было уметь воспользоваться. Несомненно, что многие породы этих птиц можно было и приручить.

Около пяти вечера Смит и его товарищи отправились через Утиное болото в обратный путь.

В восемь весь отряд был уже дома.

XXII. Дробинка

Холода продолжались до 15 августа, однако таких сильных морозов уже не было. При тихой погоде эту низкую температуру можно было переносить легко, но когда поднимался ветер, то приходилось плохо.

— И отчего на этом острове не водятся медведи вместо лисиц и тюленей! — говорил Пенкроф. — Медвежьи-то меха помягче и уж как бы нам теперь пригодились! Я бы с удовольствием позаимствовал у них шубки!

— А ты забываешь, что, может, медведи не согласились бы наряжать тебя в свои шубки! — заметил, смеясь, Наб.

— Я бы их заставил, Наб, — отвечал с уверенностью Пенкроф. — Неужели нам не удастся заполучить ни единого мишки?

— Видно, не удастся, — сказал Герберт. — Косматые хищники, кажется, не водятся на острове.

— Обойдемся и без них, коли их нет, — решил Пенкроф. — Не одни медведи на свете, есть и другие звери! Я вот устрою западни…

— Где? — спросил Герберт. — Около лесной опушки?

— Да.

— Какую же дичь думаешь ловить?

— Какая попадется. По мне, так все сгодится.

Моряк, не теряя времени, живо устроил западни. Он вырыл довольно глубокие ямы, прикрыл их сверху ветвями и присыпал травой так, что ловушек вовсе не было заметно, а в ямы положил приманку, запах которой должен был привлечь животных.

— Готово! — сказал он с довольным видом.

— Ты рассчитываешь, кажется, изловить всех зверей на острове? — спросил Герберт.

— Всех не всех, а кое-что поймаем… — отвечал моряк. — Ты чего улыбаешься? Погляди-ка, сколько здесь звериных следов кругом! Видишь?

— Вижу.

— А если видишь, так можешь сообразить, что где много следов, там, значит, много зверей, а коли они тут проходят, так, значит, они попадутся!

Моряк не ошибся в расчете: он посещал западни по три раза в день и каждый раз находил добычу.

Одно было досадно: попадались по большей части те самые лисицы, каких колонисты видели на правом берегу реки Милосердия.

— Что ж это такое? — воскликнул Пенкроф, в

третий раз вытаскивая из ямы лисицу. — Неужто нет других зверей? Эти проклятые лисицы никуда не годятся!

— Вы напрасно так полагаете, Пенкроф, — возразил Спилетт. — Эти лисицы могут пригодиться.

— На что, господин Спилетт?

— На приманку для другой дичи.

— Ваша правда! Экий я недотепа! Ничего сообразить не умею!

С этого дня моряк начал класть в свои западни лисье мясо, что избавляло от необходимости тратить на приманку запас съедобной дичи.

Пенкроф, кроме того, устроил из тростниковых волокон силки, и эти силки оказались гораздо эффективнее ловушек: не проходило дня, чтобы не попался кролик.

Правда, и тут разнообразия не было, но Наб умел готовить столько различных соусов, приправ и подливок, что никто на однообразие не жаловался.

На второй неделе августа в западню попались наконец, к величайшему удовольствию Пенкрофа, дикие кабаны, которые не раз встречались колонистам на северном берегу озера.

Пенкроф мог и не спрашивать у Герберта, стоит

ли брать этих четвероногих, потому что они чрезвычайно походили как на американских, так и на европейских свиней.

— Предупреждаю тебя, — сказал Герберт, — что это не настоящие свиньи!

— Дружище, — отвечал моряк, наклоняясь над западней и вытаскивая за короткий хвост одного из представителей этого интересного семейства, — не разуверяй меня! Я хочу верить, что это настоящие свиньи!

— Почему ты так хочешь в это верить?

— Потому, что это мне приятно!

— Ты, значит, очень любишь свиней, Пенкроф?

— Очень люблю, — отвечал моряк, — особенно люблю свиные ноги! Будь у свиньи не четыре, а восемь ног, я бы любил ее вдвое больше!

В западню попались пекари, принадлежащие к виду белобородых пекари, или мускусных свиней, что можно было распознать по темному цвету их шерсти и по отсутствию длинных клыков.

— Пекари обыкновенно живут стадами, — сказал Герберт, — и, верно, их множество в лесистой части острова.

— Твоими бы устами да мед пить! — отвечал

Пенкроф. — Экие милашки! Главное то, что они с головы до ног годятся в пищу!

Около 15 августа погода вдруг изменилась: подул северо-западный ветер, мороз слегка поумерился, и водяные испарения, скопившиеся в воздухе, выпали в виде снега. Весь остров покрылся белой пеленой и предстал перед своими обитателями в новом облике. Снег шел густыми хлопьями несколько дней, толщина его покрова быстро достигла двух футов.

— Какова у нас зима-то? — говорил Пенкроф. —

Хоть Лапландии впору! Жди теперь метели…

В самом деле, разыгралась страшная метель, не уступавшая в силе полярным вьюгам. Окрепший ветер вскоре перешел в бурю, и из Гранитного дворца слышно было, как бушует и бьется о скалы море. На некоторых участках берега носились вихри и, поднимая высокие столбы снега, кружили их с бешеной силой, словно водяной смерч. Это напоминало те самые гибельные смерчи, когда на судах стреляют из пушек. Поскольку ураган налетел на остров с северо-запада, то Гранитный дворец благодаря своему расположению избежал прямых ударов стихии. В такую страшную вьюгу колонисты при всем желании не могли покидать жилище и целых пять дней, с 20 по 25 августа, провели взаперти.

— Слышите, как свирепствует ураган в лесу? — сказал Герберт.

— Да, много деревьев повалит буря! — отвечал Спилетт.

— О чем же горевать? — вмешался Пенкроф. — Если ураган повалит деревья, так нам не придется их рубить. Пусть его за нас немножко поработает!

— Ваша правда, Пенкроф, — отвечал Спилетт, — пусть поработает, тем более что нельзя ему в этом

и помешать!

— Знаете, что я вам скажу? — продолжал моряк.

— Что, Пенкроф?

— Великое счастье, что мы отыскали себе этот Гранитный дворец! Что бы мы теперь делали в «Трубах»? Честь и хвала вам, господин Смит!

— Честь и хвала природе, которая создала эту пещеру, — сказал, улыбаясь, инженер.

— Мало ли что природа устроила, господин Смит! — заметил моряк. — Дело в том, что вы открыли пещеру и придумали, как ее приспособить под жилье. Теперь мы все здесь как у Христа за пазухой — всякие метели и ураганы нам нипочем!

Действительно, в Гранитном дворце все были в безопасности. А если б они возвели кирпичный или деревянный дом на плато Дальнего Вида, то он бы не устоял перед силой урагана. По дикому реву прибоя, доносившемуся с берега, ясно было, что прежнее пристанище теперь совсем непригодно для жилья, ибо волны, перехлестывая через островок, бьют в него с неодолимой силой. Но здесь, в гранитной твердыне дворца, они могли ничего не страшиться.

В продолжение этих пяти дней невольного заточения колонисты не сидели сложа руки.

Дерева, распиленного на доски, было вдоволь в кладовой, и мало-помалу Гранитный дворец наполнялся мебелью, состоявшей из столов и стульев, — разумеется, мебелью весьма прочной, так как древесину можно было не экономить. Правда, мебель выходила несколько грузной, тем не менее Наб и Пенкроф гордились ею и не променяли бы ее на самые изысканные творения мебельных мастеров и самого Буля.

Затем столяры превратились в корзинщиков.

Еще раньше колонисты открыли около северной стрелки озера ивняк, где, кроме прочего, росло множество пурпурных ив. Пенкроф и Герберт до наступления дождей запаслись этими полезными кустами, ветки которых теперь могли употребить в дело. Первые попытки были не совсем удачны, но благодаря ловкости и сметливости работников, которые то советовались друг с другом, то вспоминали виденные раньше образцы, то вступали между собой в соревнование, корзины и коробки различной величины скоро пополнили домашнюю утварь колонистов. Они были расставлены в кладовой, и Наб раскладывал в них свои запасы кореньев, кедровых орехов и корней драцены.

В течение последней недели августа погода

еще раз переменилась. Температура несколько понизилась, и буря стихла. Колонисты вырвались на свободу.

Они поднялись на плато Дальнего Вида.

Какая перемена!

Леса, которые они оставили зеленевшими, особенно в ближней части острова, где преобладали хвойные деревья, исчезли под однообразным снежным покровом. Все, начиная с вершины горы Франклина до самого берега, — леса, луг, озеро, река, берега — было белое.

Быстрые воды реки Милосердия накрыло ледяным сводом, который при каждом приливе и отливе ломался и вскрывался с сильным треском. Над затвердевшей поверхностью озера летали тысячи уток, бекасов, шилохвостов и кайр. Береговые утесы, между которыми с края плато изливался водопад, были усеяны льдинами. Можно было сказать, что вода вырывалась из какого-то громадного и причудливого желоба, вырезанного скульптором эпохи Возрождения в виде разверстой пасти чудовища. Какой урон нанесла лесам буря, судить было нельзя, пока не спала с них белая пелена.

Спилетт, Пенкроф и Герберт тотчас же отправились к западням. Они не без труда отыскали их

под снегом. Да и разыскивать их было рискованно, потому что, того и гляди, можно было самому провалиться в ловушку.

— Смотри, Пенкроф, — говорил Герберт, — не попадись сам в свою западню!

— Да, это было бы несколько обидно! — прибавил Спилетт.

— Авось не попадем, — отвечал моряк.

Поиски окончились благополучно. Западни были в целости, но ни в одной не оказалось ожидаемой добычи.

— Вот чудно-то! — воскликнул Пенкроф. — Ни единого зверя! Хоть бы на смех какой-нибудь попался! А поглядите-ка, сколько следов поблизости! Погляди, Герберт, вон тут — точно когти каких-то хищных зверей…

— Да, это следы какого-то животного кошачьей породы, — отвечал Герберт, посмотрев на указанный отпечаток когтей на снегу.

— Смит, следовательно, был прав, предполагая, что на острове водятся хищные звери? — сказал Спилетт.

— Чего же они от нас прячутся? — спросил Пенкроф.

— Они, верно, водятся в густых лесах Дальнего Запада, — отвечал Герберт, — и сюда их загнал

голод.

— Может, они чуют, что есть пожива в Гранитном дворце? — спросил моряк. — Что ж, добро пожаловать! Встреча им будет знатная! Да скажи, пожалуйста, Герберт, что это такие за кошачьи, как ты их величаешь?

— Это ягуары, Пенкроф, — отвечал Герберт.

— Ягуары? Я думал, что эти звери водятся только в жарких странах.

— В Америке, — отвечал юный знаток, — ягуары встречаются начиная с Мексики до пампас Аргентины. А так как остров Линкольна находится почти на одной широте с провинциями Ла-Платы, то неудивительно, что и здесь попадаются эти хищники.

— Ладно, — сказал Пенкроф, — будем знать и помнить!

Между тем температура повысилась. Снег начал таять. Пошел дождь, и белая пелена с земли совершенно исчезла.

Невзирая на ненастную погоду, колонисты пополнили припасы: набрали кедровых орехов, драцены и других съедобных кореньев, нацедили кленового соку, настреляли кроликов, агути и кенгуру. Для этого потребовалось несколько экспедиций.

— Видите, как поработал за нас ураган? — сказал Пенкроф, указывая на сваленные бурей деревья. — Молодец! Спасибо ему! Знаешь что, Наб? — обратился он к негру. — Попробуем-ка мы с тобой пробраться до угольной залежи. Надо бы привезти оттуда топлива во дворец.

— Что ж, берем тележку — и вперед! — отвечал Наб.

Они отправились за углем, весело перебрасываясь словами и не обращая никакого внимания на поливавший их дождь.

Проходя мимо гончарной печи, они увидели, что ее труба сильно повреждена бурей. Верхних шесть футов трубы снесло начисто.

Запасшись углем, они отправились по дрова.

К счастью, река Милосердия очистилась ото льда и по ней можно было снова сплавлять дерево.

— Надо сплавить побольше, — говорил Пенкроф, усердно связывая бревна. — Почем мы знаем: может, опять нас настигнут холода!

Посетив «Трубы», колонисты порадовались, что ураган не застал их в этом убежище. Море произвело здесь опустошительные разрушения: перегородки в коридорах были повалены, искорежены, занесены песком, все проходы забиты

водорослями, все углубления наполнены водой.

— Пока остальные будут охотиться, — сказал инженер Спилетту, — мы с вами очистим «Трубы», отыщем свою кузницу и поправим печи.

Спилетт, разумеется, охотно на это согласился.

Кузница и печи оказались почти в целости, предохраненные от воды песком, которым занес их ураган.

Пенкроф поступил весьма благоразумно, запасшись дровами. Холода еще не кончились. Известно, что в Северном полушарии февраль обычно бывает морозным. Так вышло и в Южном полушарии, где август соответствует нашему февралю.

Около 25-го числа начали попеременно падать то снег, то дождь, ветер задул с юго-востока, и вдруг сделалось чрезвычайно холодно. Смит полагал, что термометр показал бы не менее двадцати двух градусов мороза. Этот сильный холод делался еще нестерпимее при пронзительном ветре.

Колонисты снова вынуждены были на несколько дней закрыться в своем Гранитном дворце, и так как приходилось герметически закупоривать все окна, оставляя только отверстия для поступления воздуха, то появился огромный спрос на

свечи.

— У нас слишком роскошное освещение, — сказал инженер. — Я полагаю, что лучше было бы соблюдать в этом отношении побольше экономии.

— Вот и я то же думаю, — отвечал Пенкроф. — Мы отлично можем освещать дворец каминами…

— То есть очагами, — поправил Герберт.

— Экий ты придирчивый! Ну очагами… Ведь топлива у нас вдоволь.

— Прекрасно, — сказал Смит, — это сбережет нам свечи.

Несколько раз колонисты отваживались спуститься на берег, где каждый прилив наваливал груды льда, но они скоро вновь поднимались в Гранитный дворец, с трудом цепляясь за колья, вбитые по бокам веревочной лестницы.

— Я все жду, какую работу вы придумаете нам, господин Смит, — сказал Пенкроф. — Скучно без дела!

— Я придумаю, — отвечал инженер.

Читатель уже знает, что в распоряжении колонистов не было другого сахара, кроме жидкого вещества, извлекаемого посредством глубоких насечек из сахарного клена. Они собирали эту

жидкость в чаши и в таком виде добавляли его в различные кушанья; это было тем удобнее, что кленовый сок чем дольше стоял, тем делался гуще.

Но можно было приготовить почти настоящий сахар, и вот однажды Смит объявил товарищам, что им предстоит заняться сахароварением.

— Сахароварением?! — воскликнул Пенкроф. — Ведь это ремесло очень греет, господин Сайрес?

— Да, греет, — отвечал инженер.

— Ну, значит, оно как раз впору!

Пусть при слове «сахароварня» читатель не представляет себе чего-нибудь похожего на виденные им сахарные заводы. Ничего подобного, разумеется, не было у колонистов острова Линкольна.

Чаши, наполненные кленовым соком, поставили на огонь, и скоро на поверхности показалась пена. Как только жидкость начала густеть, Наб принялся ее усердно мешать деревянной лопаточкой, что ускоряло испарение и не давало пригорать.

После нескольких часов кипения на сильном огне, который был так же полезен сахароварам, как и сахару, жидкость превратилась в густой сироп. Этот сироп разлили в заранее приготов-

ленные разнообразные глиняные формы. Сироп застыл, и на следующий день колонисты могли полюбоваться на сахарные головы и пластинки.

— Сахар, как есть сахар! — говорил Пенкроф. — Немножечко желтоват, немножечко красноват, правда, да зато какой прозрачный! И что за вкус! Так и тает во рту!

Холода продолжались до середины сентября, и живущие в Гранитном дворце начинали находить, что заключение их длится слишком долго. Почти ежедневно они пытались отправиться на прогулку, но прогуливаться не было никакой возможности.

Единственным развлечением им служили работы по украшению комнат, как выражался Пенкроф.

Время шло своим чередом. Колонисты не унывали…

— А пора бы уж и потеплеть! — говорил иногда Пенкроф. — Недурно бы прогуляться на просторе!

Все ожидали с нетерпением, когда прекратится нестерпимый холод. Будь у них одежда потеплее, можно бы отправиться к дюнам или на Утиное болото; дичи было много, и охота, по всей вероятности, была бы удачная, но, к несчастью, этой

теплой одежды не имелось, и Смит просил не забывать, что, если кто-то из них заболеет, положение их сделается еще более затруднительным.

После Пенкрофа всех нетерпеливее переносил заключение Топ. Верному псу было тесно в Гранитном дворце. Он переходил из комнаты в комнату и выражал свою скуку и недовольство жалобным рычанием и визгом.

Смит не раз замечал, что Топ, приближаясь к темному колодцу, находившемуся в сообщении с морем и выходившему отверстием в кладовую, начинал как-то странно рычать и подолгу вертелся около доски, прикрывавшей это отверстие. Иногда он даже старался просунуть лапы под задвижку, как бы желая ее приподнять. Часто он царапал ее и выл с выражением гнева и тревоги.

Что так притягивало верную собаку к этой пропасти? Колодец доходил до моря, в этом не было ни малейшего сомнения. Но не разветвлялся ли он? Не находился ли он в сообщении с другими пещерами? Не являлось ли сюда время от времени какое-нибудь морское чудовище?

Инженер не знал, что думать, и досадовал на себя за странные предположения, которые у него против воли зарождались в уме.

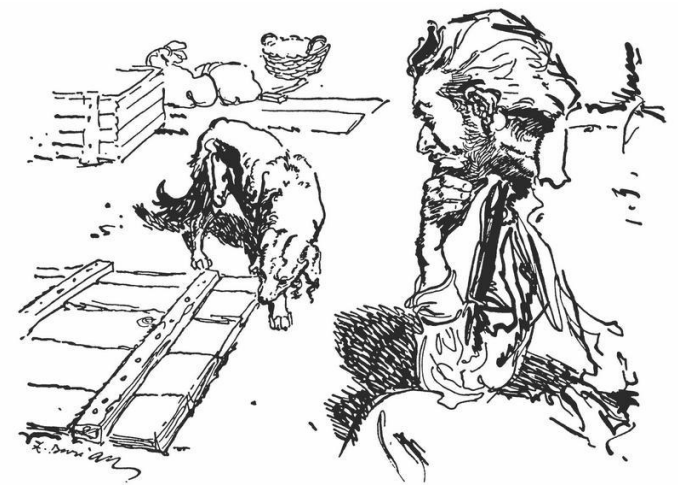
Но как объяснить упорное рычание и царапа-

нье Топа? Почему умная, чуткая собака каждый раз бросается к этой пропасти, если там никого нет?

«Чрезвычайно загадочно!» — думал инженер, и, хотя он не желал признаваться себе в малодушии, поведение собаки немало его беспокоило.

Смит, впрочем, никому не сказал о своих наблюдениях, кроме Спилетта, находя излишним тревожить товарищей какими-либо странными явлениями, которые, может быть, объяснятся со временем весьма просто.

Наконец холода прекратились. Были еще дожди, вьюги, метели, но все это длилось недолго. Лед вскрылся, снег растаял; морской берег, берега реки Милосердия, плато и лес — все зазеленело. Появилась возможность совершать не только близкие прогулки, но и довольно далекие экскурсии.



Возвращение весны несказанно обрадовало обитателей Гранитного дворца. Они почти все время проводили на воздухе и возвращались домой только обедать и ночевать.

Во второй половине сентября колонисты много охотились, что снова навело Пенкрофа на мысль о необходимости ружей, которые, по его словам,

давно обещал ему Смит.

Смит, зная, что без помощи специальных инструментов ему почти невозможно сделать сколько-нибудь стоящее ружье, отговаривался, как умел, и откладывал это дело на будущее время.

Он, впрочем, замечал Пенкрофу, что Герберт и Спилетт наловчились стрелять из лука, что под их стрелами падают агути, кенгуру, водосвинки, голуби, дрофы, дикие утки, бекасы — одним словом, всевозможная дичь — и что, следственно, можно еще погодить с изготовлением ружей.

Но упрямый моряк не слушал никаких резонов и, по-видимому, не намерен был оставить в покое инженера, пока тот не исполнит его желания.

К тому же и Спилетт поддерживал Пенкрофа.

— Если на острове водятся хищные звери, в чем почти нельзя сомневаться, — говорил он, — то надо скорее их истребить. Иначе дорого поплатимся за беззаботность…

Что касается Смита, то его в это время занимал больше вопрос об одежде.

Платье колонистов продержалось зиму, но оно не могло уцелеть до следующей зимы. Необходимо было во что бы то ни стало раздобыть или звериных шкур, или звериных мехов, или шерсти

жвачных животных.

Муфлоны, или степные бараны, водились на острове, и Смит задумал развести целое стадо. Он решил построить в то же время рядом со скотным двором и птичник для прирученных птиц. Одним словом, он решил весной устроить на острове нечто вроде фермы.

Для этого необходимо было обследовать весь остров и проникнуть в доселе неизвестную его часть, то есть в высокие леса, простиравшиеся по правому берегу реки Милосердия, начиная с ее устья до оконечности полуострова Извилистого, и по всему западному побережью.

Но для такой экспедиции надо было подождать, когда погода совершенно установится; все это очень хорошо понимали и нетерпеливо поглядывали на небо.

Случилось происшествие, которое еще более возбудило желание обследовать поскорее остров.

24 октября Пенкроф отправился посмотреть, не попалась ли какая добыча в западни. К величайшему удовольствию достопочтенного моряка, в одной ловушке он нашел трех пекари — самку и детенышей.

Пенкроф возвратился в Гранитный дворец в

наилучшем расположении духа и, по обыкновению, тотчас же похвастался товарищам своей удачей.

— Сегодня мы зададим пир горой, господин Сайрес! — воскликнул он. — Вас, господин Спилетт, я тоже угощу…

— Очень рад, но чем же вы угостите?

— Поросеночком, господин Спилетт!

— А, поросеночком! Глядя на вас, я вообразил, что вы принесли по крайней мере куропатку с трюфелями.

— Уж больно вы разборчивы, господин журналист, — отвечал Пенкроф, любивший получать должную хвалу за свои подвиги. — А кабы вы увидали такую дичинку, когда нас выбросило на этот остров, так вы бы от радости запрыгали!

— Правда, правда, Пенкроф! Человек никогда не может быть ни доволен, ни совершенен!

— Видно, что так. Ну, Наб, гляди ж отличись! Посмотрите-ка, этим пекари всего месяца три! Мясцо у них нежное, как у перепелок! Поворачивайся, Наб! Я сам пойду за тобой присмотрю…

С этими словами Пенкроф последовал за негром и углубился в таинства кухонной стряпни.

Обед действительно приготовили великолепный. На стол подали маленьких пекари, суп из

кенгуру, копченую ветчину, кедровые орехи, напиток из драцены, чай Освего — одним словом, все, что нашлось лучшего.

Но первое место занимало блюдо тушеных пекари.

В пять часов колонисты сели обедать в столовой Гранитного дворца. Суп из кенгуру дымился на столе. Все нашли его отличным.

После супа принялись за тушеных пекари, которых Пенкроф непременно желал разрезать собственными руками.

— Попробуйте-ка! — говорил моряк, заваливая каждую подставляемую тарелку огромными порциями. — Попробуйте-ка!

Пекари действительно оказались превосходного вкуса, и все единогласно выразили свое удовольствие.

— То-то же! — самодовольно отвечал моряк, истребляя кусок за куском. Вдруг у него вырвалось восклицание: — Черт возьми!

— Что такое, Пенкроф? — спросил Смит.

— А то, что я, кажись, сломал себе зуб!

— Сломали зуб? — сказал Спилетт. — Что это значит? Уж не начинены ли ваши пекари камешками или булыжником?

— Надо полагать, что так, — отвечал Пенкроф,

вытаскивая изо рта маленький шарик, который чуть не стоил ему коренного зуба.

То был вовсе не камешек и не булыжник…

То была дробинка!

Часть вторая. Покинутый

I. Исчезнувшая черепаха

Прошло ровно семь месяцев с того дня, когда пассажиры воздушного шара были выброшены на остров Линкольна. Как ни тщательно осматривали они остров, они не встретили ни единого человеческого существа. Хотя бы одна струйка дыма выдала присутствие человека на острове, хотя бы какой-нибудь след работы человеческих рук показал, что сюда в былые или недавние времена заходил человек! Остров не только казался необитаемым в данное время, но по всем признакам никогда и не был обитаем.

Но все эти основательные заключения рушились при виде дробинки, найденной в мясе пекари…

Дробинка, нет сомнения, вылетела из огнестрельного оружия, а кто же, кроме человека, мог владеть таким оружием?

Когда Пенкроф положил на стол дробинку, все с глубоким изумлением начали ее осматривать; у всех зароились тысячи мыслей, явились тысячи предположений…

Смит взял дробинку, повертел ее во все стороны, подавил пальцами и спросил Пенкрофа:

— Можно ли утверждать наверняка, что свинке, раненной этой дробинкой, было не более трех месяцев?

— Никак не более, — отвечал Пенкроф. — Это был еще сосунок! Когда я нашел его во рву, он преусердно сосал мать.

— Если вы не ошибаетесь, то ясно, что на острове сделан был выстрел всего каких-нибудь три месяца тому назад… — сказал инженер.

— Вот диво-то! — вздохнул Наб.

— Из этого мы можем с достоверностью заключить, — продолжал Смит, — или остров еще до нашего на нем поселения был обитаем, или к его берегам пристали какие-то люди не больше трех месяцев тому назад. Явились эти люди по доброй воле или по неволе? Умышленно или случайно? Этого мы не можем разъяснить в данную минуту. Что за люди? Европейцы они или малайцы? Друзья или враги? Неизвестно. Находятся ли они на острове или уже его покинули, мы тоже не знаем… Разрешение этих вопросов для нас очень важно… Так важно, что, по моему мнению, оставаться долее в неизвестности и сомнении невозможно…

— На острове нет никого, кроме нас! — воскликнул Пенкроф, вставая из-за стола. — Я готов

головой поручиться! Откуда тут возьмутся жители? Где ж бы они до сих пор прятались? Остров-то ведь не бог весть как велик, и кабы он был обитаемый, мы бы уж давным-давно встретили кого-нибудь… Попался бы хоть какой-нибудь колышек, какая-нибудь тропинка!

— Да, да, твоя правда, Пенкроф, — сказал Герберт, — мы ходили много и далеко, могли бы встретить кого-нибудь… Куда же, в самом деле, могли попрятаться жители? И зачем им от нас прятаться? Это невероятно!

— Но еще более невероятно, чтобы пекари родился с дробинкой в мясе! — заметил Спилетт.

— А может, эта дробинка застряла давно у Пенкрофа в зубах? — сказал Наб.

— Ну ты и голова! — отвечал Пенкроф. — Эка придумал! Как же это я носил бы целых пять или шесть месяцев дробину в зубах? Где бы она застряла? — прибавил моряк, широко раскрывая рот и показывая тридцать два превосходных, крепких и белых зуба. — Ты приглядись хорошенько! Коли найдешь хоть один щербатый зуб, хоть крохотную дырочку, я позволю вырвать у меня весь передний ряд!

— Предположение Наба действительно не годится, — сказал Смит, который, невзирая на

все свои заботы и беспокойства, не мог не улыбнуться.

— Решительно не годится! — подтвердил Спилетт.

— Я более не сомневаюсь, — продолжал Смит, — что три месяца тому назад, никак не больше, на острове Линкольна был сделан выстрел. Но я, по некоторым соображениям, заключаю, что люди, вышедшие на его берег, явились сюда очень недавно… Весьма может быть, что они недолго здесь и пробыли, иначе мы бы их заметили с высоты горы Франклина…

— Может быть и то, что где-нибудь поблизости произошло крушение и что на наш берег волны выбросили каких-нибудь несчастных, — сказал Спилетт.

— И это возможно, — отвечал инженер.

— Так или иначе, следует разъяснить это дело.

— Непременно.

— По-моему, необходимо действовать с величайшими предосторожностями, — сказал Спилетт.

— Таково и мое убеждение, — ответил Смит. — Я опасаюсь, не высаживались ли здесь малайские пираты…

— Знаете что, господин Смит? — сказал мо-

ряк. — Нужно прежде всего построить суденышко.

— Зачем суденышко? — спросил Герберт.

— Как «зачем», дружок? — отвечал моряк. — Мы бы тогда могли подняться вверх по реке. Могли бы и обойти кругом весь остров… Пешком-то ведь подвигаешься куда медленнее, чем под парусами, и незваные гости, пожалуй, еще захватят нас врасплох…

— Вы отлично придумали, Пенкроф, — сказал инженер, — но мы, к несчастью, не можем ждать. Ведь на постройку вашего суденышка потребуется по крайней мере месяц.

— Коли строить настоящую шлюпку, так точно потребуется месяц, — отвечал моряк. — Да зачем нам настоящая шлюпка? Ведь мы не собираемся в открытое море. Нам достаточно сделать какую-нибудь лодку или пирогу… А лодку я берусь смастерить в пять дней.

— В пять дней? — воскликнул Наб. — В пять дней ты сделаешь лодку?

— Да, на индейский манер… пирогу…

— Из дерева? — спросил негр с сомнением.

— Да, из дерева или, точнее, из коры. — Затем Пенкроф прибавил: — Повторяю вам, господин Смит, что через пять дней мы можем поплыть

по реке.

— Если вы уверены, что успеете за пять дней, то принимайтесь за работу, — отвечал инженер.

Обед окончился вовсе не так весело, как надеялся Пенкроф.

Когда наступил вечер и все уснули, Смит и Спилетт еще долго сидели вдвоем и разговаривали.

— Я до сих пор не могу постигнуть, каким образом я спасся и очутился в гроте… — сказал инженер.

— Признаюсь, это и для меня непостижимо!

— Не имеет ли мое спасение какой-нибудь связи с этой дробинкой, как вы думаете, Спилетт?

— Весьма может быть. Я, по крайней мере, не решусь утверждать противного…

— А помните, как лаял Топ, когда мы исследовали старый водосток?

— Очень хорошо помню.

— Ведь мы так и не могли уяснить, на кого он лаял…

— Да, это тоже очень странно.

— Знаете, что я думаю, Спилетт?

— Что такое?

— Как бы мы тщательно ни искали, мы ничего не найдем!

На следующий день Пенкроф принялся за ра-

боту.

— А не поспеешь ты к сроку! — говорил Наб.

— Хочешь, побьемся об заклад, что поспею?

— Побьемся!

— Не хочу только тебя обижать, ведь я наперед знаю, что ты останешься с носом. Кабы ты знал это дело, то не хорохорился бы. Помоги-ка мне лучше… Лодочка будет отличная! Быстрая на ходу и легкая как перышко! Стрелой полетим по реке… В случае порогов или мелей ничего не стоит перетащить ее на руках.

Надо было выбрать деревья с гибкой и крепкой корой. Последняя буря повалила немало пихт, которые как нельзя более годились для пироги.

— Смотри-ка, сколько их тут лежит! — сказал моряк. — Точно нарочно для нас приготовлены. Эх, жалко, что у нас плохие инструменты! Ну да ничего, как-нибудь справимся.

— И я помогу, — сказал подошедший инженер.

Спилетт и Герберт тоже не оставались праздными: они взялись поставлять провизию.

Спилетт невольно любовался мальчиком, который в короткое время научился отлично владеть луком и рогатиной. При этом он выказывал большую смелость, соединенную с хладнокровием, которое можно назвать рассудком храбрости.

Помня советы Смита, оба охотника не отходили от Гранитного дворца дальше чем на две мили, и тут попадалось достаточно диких агути, кенгуру, пекари и всякой другой живности. С тех пор как кончились холода, звери стали реже попадаться в западни, зато кроличьи садки всегда были полны и могли бы прокормить всех поселенцев острова Линкольна.

Нередко во время охоты они вспоминали о загадочной дробинке.

— Если на острове живут потерпевшие кораблекрушение, то куда они могли деваться? Почему они до сих пор не исследовали остров, ни разу не подошли к нашему берегу? — рассуждал Герберт. — Это прямо непонятно!

— Непонятно, если они до сих пор на острове, и совершенно понятно, если они уже уехали, — отвечал корреспондент.

— Но если они могли уплыть, значит не крушение закинуло их на остров Линкольна?

— Почему непременно предполагать полное кораблекрушение? — возражал Спилетт. — Их мог сюда привести сильный, неодолимый ветер, а когда буря прошла, они уплыли восвояси.

— А вы заметили, что господину Смиту не особенно приятна мысль о других людях на острове:

он скорее боится их, чем желает их присутствия?

— Конечно. Трудно предположить, чтобы сюда занесло кого-нибудь, кроме малайских пиратов, а этих джентльменов нужно опасаться.

— Но может, мы отыщем какие-нибудь следы пребывания этих таинственных людей?

— Вполне возможно: следы стоянки, потухшего костра… В самом деле, надо заняться поисками в следующую нашу экскурсию, — добавил Спилетт.

Разговаривая таким образом, они подошли к великолепным хвойным деревьям, которые в Новой Зеландии называются каури. Одно из них возвышалось почти на двести футов.

— А что, если, — воскликнул Герберт, — если я заберусь на его вершину и осмотрю местность?!

— Хорошая мысль. Но сумеешь ли ты взобраться?

— Попробую!

И юноша ловко прыгнул на нижнюю ветку и проворно, с ветки на ветку, добрался до верхушки.

Оттуда ясно можно было видеть всю южную часть острова, ту именно, которую до сих пор не успели исследовать колонисты, — от мыса Коготь на юго-востоке до Змеиного мыса на юго-западе;

только на севере более четверти горизонта заграждала гора.

Юноша напряженно всматривался. На море — у берегов или на горизонте — ни одного паруса, ни единой лодки. Однако часть берега была покрыта большим лесом, и там, за чащей, в каком-нибудь заливчике легко мог скрываться корабль. Сам лес казался дремучим, непроницаемым для взгляда, и тянулся на многие квадратные мили без единой прогалины, без единого просвета. Невозможно было проследить за руслом реки и разглядеть то место в горах, где она брала начало. Вероятно, и другие речки бежали к западу, впрочем утверждать это было трудно.

На одно мгновение Герберту показалось, что он видит на западе дымок, но, пристально всмотревшись, убедился в своей ошибке.

Герберт слез с каури. Вернувшись домой, он рассказал все Смиту, и тот лишь покачал головой. Было очевидно, что только самые тщательные поиски могут разрешить вопрос о других жителях острова.

Через день, 28 октября, случилось другое загадочное происшествие.

Бродя по песчаному берегу милях в двух от дома, Герберт и Наб поймали огромную черепаху,

спина которой светилась великолепными зелеными отливами.

— Наб, Наб! Сюда! — крикнул Герберт, который первый ее заприметил и попытался пересечь ей дорогу к воде.

Наб подбежал.

— Вот так черепаха! — воскликнул он. — Но как мы ее возьмем?

— Ну, ничего нет легче! Мы ее перевернем на спину. Бери рогатину и делай то же самое, что я!

Черепаха, почуяв опасность, остановилась, спрятала голову и ноги и словно окаменела на месте.

Герберт и Наб подсунули под нее рогатину и не без труда перевернули на спину.

Черепаха имела три фута в длину и, вероятно, весила не менее десяти пудов.

— Наша! — воскликнул Наб. — Вот обрадуется-то Пенкроф!

— Надеюсь, что обрадуется! — отвечал Герберт. — Это зеленая черепаха…[30] Заметил, какой у нее щит? Он отливает всеми зелеными цве-

---

[30] Примечания: 30

Зеленые, или суповые, черепахи водятся в тропических и субтропических районах Мирового океана. Вкусное мясо и яйца зеленой черепахи традиционно использовались в пищу, что привело к значительному сокращению численности этого вида.

тами…

— А вкусная будет? — спросил Наб.

— Еще бы! Она питается морской травой, и мясо ее самое нежное. Погляди, какая у нее головка! Крохотная, сплюснутая…

— А как нам с ней быть? — прервал Наб. — Мы ведь не можем ее волочить до Гранитного дворца.

— Мы оставим ее здесь, — отвечал Герберт, — и воротимся сюда с тележкой.

— Ну вот и отлично. Идем!

— Погоди, Наб, — остановил Герберт, — осторожность не помешает! Обложим ее, прикрепим голышами…

— Зачем? И так не уйдет!

— Говорю тебе, дружище, что осторожность не помешает…

Охотники, следуя по берегу, скоро достигли Гранитного дворца.

— Знаешь, Наб, мы устроим Пенкрофу сюрприз! — сказал Герберт. — Мы теперь ни слова ему не скажем о черепахе; мы привезем ее сюда и тогда его покличем, хорошо?

Наб расхохотался:

— Хорошо! Отлично!

Герберт, несказанно довольный, недолго меш-

кал. Наб тоже. Через два часа они привезли тележку на место, где оставили черепаху.

Черепаха исчезла!

Герберт и Наб осмотрелись кругом. Да, именно тут они оставили черепаху! Герберт нашел и голыши, которыми они ее обложили, прижав к земле.

— Смотри, Наб, вот и голыши. Сомневаться невозможно.

— Значит, эти гады могут перевертываться, коли захотят?

— Видно, могут! Только я, право, не понимаю…

Он с недоумением поглядел на голыши и вздохнул.

— Ну, теперь Пенкрофу не придется радоваться! — сказал Наб.

«Сам господин Смит затруднится объяснить, как исчезла эта черепаха!» — думал Герберт.

— Знаете что, господин Герберт? Мы об этом деле ни слова никому не скажем…

— Напротив, Наб, надо всем рассказать. Пойдем домой! Повезем назад тележку.

— Только напрасно ее сюда тащили. Ну да это еще не великое горе. Не огорчайтесь!

— Я не огорчаюсь, Наб, а все-таки жалко немножко…

Возвратившись в Гранитный дворец и поставив тележку на место, они отправились к «верфи», как называл Пенкроф место, где работал вместе со Смитом над постройкой пироги.

Герберт подробно рассказал о случившемся.

— Ах вы разини! — воскликнул Пенкроф. — Упустили по крайности пятьдесят супов!

— Да мы нисколько не виноваты, Пенкроф, — возразил Наб. — Мы не понимаем, как эта тварь убежала… Я ведь говорю тебе, что мы ее повернули на спину.

— Значит, плохо повернули! — насмешливо ответил упрямый моряк.

— Плохо повернули! — воскликнул Герберт. — Мы не только ее повернули, мы ее обложили камнями…

— Что ж это, чудо, что ли, какое? — проворчал Пенкроф.

— Господин Смит! — сказал Герберт.

— Что, мой друг?

— Я до сих пор думал, что если черепаху повернуть на спину, так она ни за что не может перевернуться, особенно если она большая…

— Ты не ошибался, Герберт, — ответил Смит.

— Так как же это случилось, что наша черепаха…

— А как далеко от воды вы ее оставили? — спросил инженер, который уже несколько минут перестал работать и о чем-то думал.

— Футах в пятнадцати, — отвечал Герберт.

— Это было во время отлива?

— Да, во время отлива, господин Смит.

— Ну так дело очень просто: чего черепаха не могла сделать на песке, то она сделала в воде… Она, вероятно, перевернулась, когда ее захватило приливом, и преспокойно отправилась в море.

— Ах мы разини! — воскликнул Наб.

— Это именно я имел честь вам доложить! — засмеялся Пенкроф.

Смит объяснил исчезновение черепахи, и объяснил правдоподобно, но был ли он уверен в том, в чем желал уверить других?

Вряд ли!

II. Удивительная находка

29 октября лодка из коры была совсем готова. Пенкроф сдержал свое слово, и нечто вроде пироги, корпус которой моряк ловко связал гибкими прутьями, было построено за пять дней. Банка, иначе говоря — скамья, сзади, другая банка посередине, чтобы не раздвигались борта, третья банка спереди, фальшборт для укрепления уключин обоих весел, кормовое весло для управления дополняли это гребное судно в двенадцать футов длиной и менее пяти пудов весом. Что касается спуска на воду, то он был совершен чрезвычайно просто. Легкую пирогу перенесли на песок, на край берега перед Гранитным дворцом, и приливом ее подняло на воду. Пенкроф, который тотчас же в нее прыгнул, начал править кормовым веслом и мог удостоверить товарищей, что его шлюпка годна для той цели, какую они имели в виду.

— Ура! — крикнул моряк, не упустивший случая порадоваться за свой собственный успех. — Ну, на этой шлюпочке мы обойдем вокруг…

— Вокруг света? — спросил Спилетт.

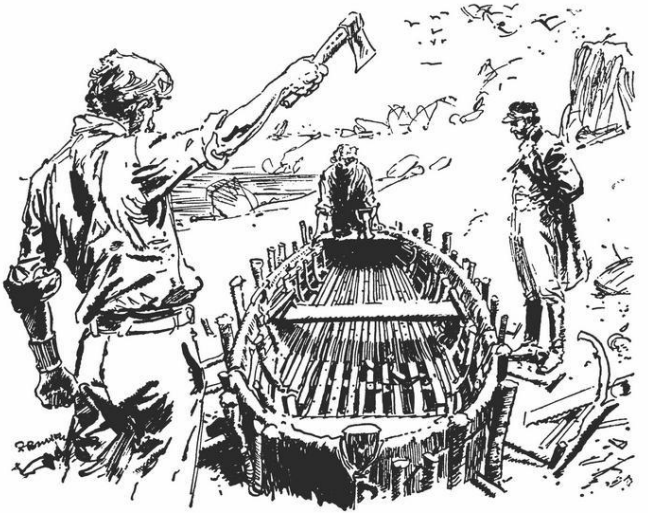
— Нет, не вокруг света, а вокруг острова. Не-

сколько камешков для балласта, мачта спереди да кусок полотна, которое со временем смастерит господин Смит, и мы можем отправиться на ней, пожалуй, и подальше! Ну, господа, что же вы не попробуете наше новое суденышко? Черт возьми! Надо ж, по крайней мере, посмотреть, может ли пирога выдержать нас пятерых!

Пенкроф одним ударом кормового весла подвел лодку к берегу через узкий проход, образуемый утесами, и все начали садиться в пирогу.

— Ну, Пенкроф, в твоей шлюпке воды немало! — воскликнул Наб.

— Это ничего не значит, дружище, — ответил моряк. — Надо подождать, пока дерево не намокнет. Через два дня течи не будет, и ты увидишь в моей пироге столько же воды, сколько ее в животе пьяницы. Садитесь!



Все уселись. Пенкроф погнал пирогу.

Погода была великолепная. Спокойное море имело вид озера, заключенного между узкими берегами, и пирога с такой беспечностью скользила по тихим его водам, словно она шла по безопасному потоку реки Милосердия.

Из двух весел одно взял Наб, другое — Герберт, а Пенкроф остался на корме шлюпки и управлял кормовым веслом. Моряк сперва пересек пролив и направил пирогу к южной оконечности островка. С юга задул легкий ветерок. Ни в проливе, ни в открытом море не было ни малейшей зыби. Едва заметное волнение рябило морскую поверхность, но оно не производило почти никакого действия на сильно нагруженную лодку. Колонисты проплыли уже с полмили, и перед ними открылась гора Франклина во всем своем величии.

Затем Пенкроф сделал поворот и, направив лодку к устью реки, поплыл вдоль берега, который, закругляясь до самой крайней стрелки, скрывал всю равнину Утиного болота.

Эта стрелка, расстояние до которой увеличивалось вследствие закругления берега, находилась в двух-трех милях от реки Милосердия. Колонисты решили доплыть до оконечности стрелки и даже немного далее, чтобы окинуть беглым взглядом пространство до мыса Коготь.

Итак, лодка шла вдоль берега, на расстоянии не более двух кабельтовых от земли, стараясь избегать рифов, которыми усеяна была эта часть острова и которые начинали покрываться поднимавшимися водами прилива. Стена гранита

тянулась от устья реки до мыса. Она представляла самое причудливое нагромождение гранита, непохожего на куртину, образующую плато Дальнего Вида, и имела характер совершенной пустыни. Можно было подумать, что здесь опрокинута неимоверных размеров телега, полная скал. На протяжении всего весьма острого выступа, тянувшегося мили на две перед лесом, не видно было никакой растительности, и мыс очень походил на гигантскую руку, высунувшуюся из рукава зелени.

Пирога на двух веслах двигалась медленно. Спилетт, с карандашом в одной руке и с записной книжкой в другой, набрасывал очертания берега. Наб, Пенкроф и Герберт болтали, осматривая эту часть своего владения, впервые ими посещаемую. По мере того как лодка спускалась к югу, оба мыса Челюсти, казалось, перемещались и суживали бухту Союза.

Пенкроф уже приготовился обогнуть мыс, как вдруг Герберт, приподнявшись и указывая на какое-то черное пятно, воскликнул:

— Что это там, на берегу?

Все устремили глаза на указанное место.

— В самом деле, — сказал Спилетт, — там что-то лежит. Словно какие-то обломки, полузанесен-

ные песком…

— Вижу, вижу! Я вижу, что это такое! — воскликнул Пенкроф.

— Что? — спросил Наб.

— Бочонки, бочонки! Да еще, может, и полные!

— К берегу, Пенкроф! — скомандовал Смит.

В несколько ударов весел пирога оказалась в маленькой бухточке, и колонисты кинулись на берег.

Пенкроф не ошибся.

Две бочки, наполовину занесенные песком, были прочно прикреплены к широкому ящику, который благодаря этим бочкам плавал по морю до тех пор, пока его не выбросило на песчаный берег.

— Не было ли поблизости кораблекрушения? — спросил Герберт.

— Но что тут, в этом ящике? — воскликнул Пенкроф с весьма естественным нетерпением. — Что такое в нем может быть? Он заперт, и ведь, как нарочно, ничего нет под рукой, чем разбить крышку. Экая досада! Ну да, впрочем, это можно устроить просто…

И моряк, подняв тяжелый камень, уже готовился ударить им в стенку ящика, когда инженер остановил его.

— Пенкроф, — сказал Смит, — не можете ли вы умерить свое нетерпение на один час?

— Помилуйте, господин Сайрес. Вы посудите сами!.. В ящике, может, есть все, чего нам не хватает!

— Мы это скоро узнаем; не разбивайте ящик, который может нам пригодиться. Мы доставим его в Гранитный дворец и там откроем гораздо легче, не расколачивая его. Если ящик доплыл сюда, то он доплывет и до устья реки.

— Ваша правда, я немножко погорячился…

Смит дал благоразумный совет. Действительно, пирога не могла бы перевезти всех вещей, вероятно запертых в ящике и, несомненно, тяжелых, так как ящик необходимо было «облегчить» посредством двух пустых бочек.

Но откуда взялся этот ящик?

Смит и его товарищи внимательно огляделись кругом, прошли по берегу на расстояние нескольких сотен шагов. Нигде никаких следов. Море тоже тщательно было осмотрено. Герберт и Наб поднялись на высокую скалу: горизонт был совершенно пуст. Не видно было ни брошенного судна, ни корабля под парусами.

Вернулись к ящику, который имел пять футов длины и три — ширины. Он был сделан из дуба, весьма тщательно заперт и покрыт толстой кожей, прибитой медными гвоздями. Две большие бочки, герметически закупоренные, но, судя по звуку, пустые, были привязаны к бокам ящика крепкими веревками, связанными узлами, которые Пенкроф легко признал за морские узлы. Ящик, по-видимому, отлично сохранился, не имел никаких повреждений, и это объяснялось тем обстоятельством, что он наткнулся на плоский песчаный берег, а не на подводный риф. Внимательный осмотр показал еще, что пребывание его в море не было долгим. Вода, казалось, не проникла внутрь.

— Мы сейчас пробуксируем эту находку к Гра-

нитному дворцу, — сказал инженер, — и сделаем опись вещей, находящихся в ящике; затем, если мы найдем на острове кого-нибудь из оставшихся в живых после предполагаемого нами кораблекрушения, мы возвратим эти вещи по принадлежности. А если мы никого не найдем…

— Мы их оставим себе! — воскликнул Пенкроф. — Но что же такое может быть внутри?

Прилив уже начинал доходить до ящика, который, очевидно, был занесен сюда во время полной воды. Одну из веревок, привязывавших бочку, размотали и с ее помощью прикрепили плавучую находку к лодке. Затем Пенкроф и Наб разгребли веслами песок около бочек, дабы облегчить передвижение ящика, и скоро лодка, увлекая его за собой на буксире, начала огибать мыс, который назвали мысом Находки. Буксируемый груз был весьма тяжелый: бочки еле удерживали его над водой. Моряк каждую минуту боялся, что ящик как-нибудь отвяжется и пойдет ко дну. Но, к счастью, опасения его были напрасны, и через полтора часа пирога достигла пристани.

Лодка и ящик были вытянуты на песок.

Прежде всего моряк отвязал бочки, находившиеся еще в превосходном состоянии. Затем замки отбили и крышку ящика открыли.

Внутренность ящика была обшита цинком, очевидно с целью предохранения вещей от влажности.

— Ах! — воскликнул Наб. — Уж не консервы ли тут уложены?

— Наверное, не консервы, — ответил Спилетт.

— Кабы только в этом ящике был… — начал моряк.

— Что «был»? — спросил Наб, угадавший мысль Пенкрофа.

— Ничего!

Цинковую крышку во всю ширину разрубили, затем отогнули по обе стороны ящика, и колонисты постепенно начали выбирать и устанавливать на песке самые разнообразные предметы. С каждой новой вещью Пенкроф кричал новое «ура». Герберт хлопал в ладоши, а Наб танцевал… негритянский танец. Тут были книги, которые доставили Герберту неописуемую радость, и кухонные принадлежности, которые Наб готов был осыпать поцелуями!

Вообще, колонисты не могли нарадоваться на свою находку, потому что в ящике были плотницкие и прочие инструменты, оружие, одежда, книги…

Вот точный список вещей по книжке Спилет-

та.

ПЛОТНИЦКИЕ ИНСТРУМЕНТЫ:
3 ножа с несколькими лезвиями
3 молотка
2 топора для дровосеков
3 буравчика
2 плотницких топора
2 бурава
3 струга
10 мешков с гвоздями и винтами
2 тесла
3 пилы разных величин
1 тесло большое
2 ящика с иглами
6 долот
2 напилка

ОРУЖИЕ:
2 кремневых ружья
2 ружья с капсюлями
2 пистонных карабина
5 охотничьих ножей
4 абордажные сабли
2 бочонка с порохом, в каждом по 25 фунтов
12 коробок с затравочным ударным

порохом

ПРОЧИЕ ИНСТРУМЕНТЫ:
1 секстант
1 подзорная труба
1 бинокль
1 готовальня
1 карманный компас
1 термометр
1 барометр-анероид
1 ящик с полным фотографическим аппаратом, с объективом, пластинками, химическими реактивами и прочим

ОДЕЖДА:
2 дюжины рубах из какой-то особой ткани, похожей на шерсть, но имевшей, очевидно, растительное происхождение
3 дюжины чулок из той же самой ткани

ДОМАШНЯЯ УТВАРЬ:
1 железный котел с дужкой
6 медных луженых кастрюль из алюминия
3 железных блюда
2 котла
10 столовых приборов

1 небольшая переносная печь
6 столовых ножей

КНИГИ:
1 Библия с Ветхим и Новым Заветом
1 атлас
1 словарь разных полинезийских наречий страницами
1 Энциклопедия естественных наук в шести томах
3 стопы белой бумаги
2 реестровые книги с чистыми

— Надо признаться, — сказал Спилетт, когда опись была окончена, — что хозяин этого ящика был человек практичный. Плотницкие и прочие инструменты, оружие, одежда, домашняя утварь, книги — ни в чем нет недостатка! Можно наверное сказать, что он рассчитывал на крушение и приготовился к нему своевременно.

— Действительно, ни в чем нет недостатка, — прошептал Смит с задумчивым видом.

— Я готов биться об заклад, — прибавил Герберт, — что хозяин корабля, на котором находился этот ящик, не был малайским пиратом!

— Одно разве можно предположить, — сказал Пенкроф, — что хозяин этот попал в плен к пи-

ратам…

— Этого нельзя допустить, — ответил Спилетт. — Вероятнее всего, какое-нибудь американское или европейское судно занесло бурей в эти места Тихого океана, и пассажиры его, желая спасти по крайней мере самое необходимое, приготовили этот ящик и кинули его в море.

— И вы того же мнения, господин Смит? — спросил Герберт.

— Да, мое дитя, — ответил Смит, — именно так могло случиться. Может статься, что ввиду крушения или во время самого крушения в этот ящик собрали различные предметы первой необходимости, надеясь потом найти их в каком-нибудь месте на берегу…

— Даже фотографический аппарат? — заметил моряк с недоверчивым видом.

— Что касается фотоаппарата, — ответил Смит, — то я не вижу в нем особой пользы, и как для нас, так и для всякого другого потерпевшего крушение было бы несравненно полезнее позаботиться о более полном наборе одежды или о большем количестве других припасов…

— Но нет ли на инструментах или на книгах какой-либо заметки или адреса, по которым можно было бы объяснить загадочное появление этого

ящика? — спросил Спилетт.

— Необходимо осмотреть! — сказал инженер.

Каждую вещь весьма внимательно пересмотрели — главным образом книги, инструменты и оружие. Ни на оружии, ни на инструментах, вопреки принятому обычаю, не было клейма фабриканта, а между тем они были в превосходном состоянии и, казалось, еще не употреблялись в дело. То же самое было замечено относительно плотницких инструментов и домашней утвари.

— Все вещи совершенно новые! — сказал Спилетт. — И это, по-моему, доказывает, что их не зря, не случайно бросали в ящик, а что, напротив, выбор их был обдуман.

— На это обстоятельство, пожалуй, указывает и внутренний металлический ящик, который, очевидно, должен был предохранить предметы от сырости, притом что его нельзя было запаять в спешке в минуту опасности, — сказал инженер.

Что касается энциклопедии естественных наук и лексикона полинезийских наречий, то оба тома были английские, но на них не было ни имени издателя, ни года выхода в свет.

То же самое можно было сказать и о Библии на английском языке, книге в четвертую долю листа, прекрасной печати.

— Библию эту, видимо, часто перелистывали, — заметил Спилетт.

Оставался атлас. Он был великолепен, заключал карты обоих полушарий, в проекции Меркатора, с французскими названиями, но на нем тоже не было ни года издания, ни имени издателя.

Но откуда бы ни приплыл этот ящик, он обогатил колонистов острова Линкольна. До сих пор они, перерабатывая продукты, доставляемые природой, обходились собственными средствами и только благодаря своему знанию и находчивости выпутывались из беды. Судьба словно хотела вознаградить их за все труды и энергию и послала им готовые орудия труда и фабричные изделия.

Из всей колонии один только моряк не был вполне удовлетворен находкой.

В ящике не было, казалось, вещи, в которой он, по-видимому, сильно нуждался; по мере того как вытаскивали один за другим различные предметы из ящика, «ура» моряка заметно слабели, и, когда опись была окончена, колонисты услыхали, как он прошептал:

— Все это прекрасно, господа, но вы видите, что для меня-то нет ничего в этом ящике!

— Э, дружище Пенкроф, чего ж ты еще ждал? —

спросил Наб.

— Хоть бы полфунта табаку, — отвечал серьезно Пенкроф, — и я был бы совершенно счастлив!

Колонисты не могли удержаться от смеха, услыхав наивную жалобу товарища.

Результатом неожиданного открытия было решение, что теперь больше, чем когда-либо, необходимо начать полное обследование острова.

Решили отправиться на другой же день и вверх по реке Милосердия достигнуть западного берега.

— Если кто-то из потерпевших крушение выброшен в каком-нибудь месте того берега, — сказал инженер, — то несчастный в самом беспомощном положении, и необходимо оказать ему безотлагательную помощь.

Было 29 октября, как раз воскресенье, и, перед тем как ложиться спать, Герберт предложил инженеру, не желает ли он прочесть какое-нибудь место из Евангелия.

— С большой охотой, — ответил Смит.

Он взял священную книгу и уже готовился открыть ее, как вдруг Пенкроф его остановил и сказал:

— Господин Сайрес, я суеверен. Откройте наугад

и прочтите первый стих, какой попадется вам на глаза. Мы посмотрим, будет ли он применим к нашему положению.

Смит улыбнулся на замечание моряка, но согласно его желанию открыл Евангелие в том именно месте, где была закладка, разделявшая страницы. Вдруг глаза инженера остановились на красном крестике, сделанном карандашом и стоявшем у 8-го стиха VII главы Евангелия от Матфея.

Он прочел стих, начинавшийся следующими словами:

Ибо всякий просящий получает, и ищущий находит.

III. Экспедиция на лодке

На другой день, 30 октября, все было готово к экспедиции.

Необходимо было подумать не только о тех вещах, которые колонисты рассчитывали взять с собой, но и о тех, которые, быть может, придется везти с собой в Гранитный дворец. Если у берега произошло крушение, то в новых предметах, выброшенных на берег, недостатка не будет. Поэтому телега, разумеется, была бы полезнее хрупкой пироги; но телегу, тяжелую и грубой работы, пришлось бы тащить самим, а это значительно уменьшало удобства такой перевозки. Это заставило Пенкрофа выразить сожаление, что в найденном ящике не хватало не только «полфунта табаку», но и пары здоровых лошадей, которые были бы чрезвычайно полезны для колонии.

Наб уложил съестные припасы, состоявшие из мясных консервов, нескольких кувшинов пива и напитка из корней драцены, — всего на три дня, так как это был самый долгий срок, какой Смит положил на исследование. Впрочем, в случае нужды колонисты рассчитывали по дороге

пополнить провизию, и Наб не забыл захватить небольшую походную печь.

Что касается орудий, то исследователи взяли с собой два топора, на случай если придется прокладывать дорогу в густом лесу; они еще захватили подзорную трубу и карманный компас.

Оружие тоже, разумеется, не забыли. Колонисты выбрали два кремневых ружья, которые при настоящих обстоятельствах были полезнее, чем ружья пистонные: в первых использовались только кремни, которые легко было заменить новыми, а для вторых был необходим ударный порох, частое употребление которого могло весьма скоро истощить и без того небольшой его запас. Впрочем, взяты были также два карабина, несколько ружейных патронов и немного пороху. К этому оружию присоединили еще пять охотничьих ножей в кожаных ножнах.

Нечего и говорить, что Пенкроф, Герберт и Наб были донельзя довольны своим вооружением, невзирая на то что Смит взял с них обещание не тратить даром ни единого заряда.

В шесть часов утра пирога уже скользила по морю. В нее уселись все колонисты, не исключая и Топа, и направились к устью реки Милосердия.

Прилив начался не более получаса назад. Вслед-

ствие этого вода должна была подниматься еще в продолжение нескольких часов, и этим необходимо было пользоваться, потому что потом, во время отлива, было бы трудно подниматься вверх по реке. Так как через три дня должно было наступить полнолуние, то воду сильно гнало приливным течением[31], и колонистам приходилось только направлять лодку, которая даже без помощи весел быстро шла.

Вид реки был великолепен. Смит и его товарищи могли восхищаться прелестными пейзажами, которые природа так легко набрасывает посредством воды и деревьев. По мере того как они продвигались вперед, растительность постепенно менялась. На правом берегу возвышались один над другим великолепные деревья из семейства ильмовых — могучие вязы, долго не портящиеся от воды и потому очень ценные для корабельных дел; затем шли того же семейства крапивные деревья, плоды которых дают очень полезное масло. Далее Герберт узнал кустарники, гибкие ветки которых после долгого вымачивания в воде превращаются в отличные канаты, и два-три ствола черного дерева с красивыми,

[31] Примечания: 31
Морской прилив сильнее всего в полнолуние и новолуние.

прихотливой формы прожилками.

Время от времени, где можно было пристать к берегу, лодка останавливалась, и тогда все, кроме Смита, с Топом во главе отправлялись исследовать берег. Герберт нашел один вид дикого шпината и несколько крестоцветных растений, а между ними дикую капусту, которую можно было обратить в «цивилизованную» пересадкой в огороде и надлежащим уходом; скоро попались еще кресс-салат, хрен, один вид репы и, наконец, длинные ветвистые стебли, покрытые ворсинками, почти в метр высотой и с темно-бурыми семечками.

— А знаешь ли ты, что это за растение? — спросил Герберт у моряка.

— Табак?! — закричал Пенкроф, который любимое свое растение видел только в пачках и в своей трубке.

— Нет, это горчица.

— Горчица так горчица! — ответил моряк. — Но если тебе попадется табачок — смотри, брат, не прозевай!

— Найдем когда-нибудь и табак, — обнадежил Спилетт.

— Ну, если найдем и табак, — воскликнул Пенкроф, — то я уж, право, не буду знать, чего еще

требовать от острова Линкольна!

Собранные растения аккуратно сложили в лодку, которую Смит, погруженный в постоянные размышления, так и не оставлял. Однако он следил за направлением движения. Благодаря карманному компасу он мог определить, что река после первого поворота шла на протяжении трех миль почти прямо, с юго-запада на северо-восток.

Во время одной вылазки Спилетту удалось захватить пару птиц из отряда куриных, которых Герберт назвал скрытохвостами. Действительно, при длинной шее, длинном и тонком клюве, эти птицы имели очень короткие крылья и были почти без хвоста. Решили обратить этих бесхвостых в первых обитателей будущего птичьего двора.

Первый выстрел, раздавшийся в лесах Дальнего Запада, был вызван появлением красивой птицы, строением тела похожей на зимородка-рыболова.

— А, узнал! — воскликнул Пенкроф, который выстрелил, по-видимому, впопыхах и наугад, но не промахнулся.

— Кого узнали? — спросил Спилетт.

— Ту самую птицу, которая ушла от нас в первую нашу экскурсию с Гербертом! Мы по ее имени

еще окрестили эту часть леса… Как бишь ее?

— Жакамар! — воскликнул Герберт.

Действительно, это был жакамар, красивая птица с довольно жесткими перьями, отливавшими металлическим блеском. Несколько дробин сбили птицу, и Топ принес ее в лодку вместе с дюжиной других птиц.

— Это хохлатые попугайчики из семейства парнопалых, — сказал Герберт. — Они величиной с голубя, зеленые, а крылья у них местами малинового цвета, хохол прямой и с белой каемкой.

— Ты отличный стрелок, Герберт! Одним выстрелом ты сколько сразил! И твоя дичь получше жакамара: у жакамара мясо жесткое, — сказал Спилетт.

Но Пенкрофа, конечно, было трудно разубедить, что он убил не самого царя съедобных пернатых.

В десять утра пирога достигла второй излучины реки Милосердия, милях в пяти от устья. Здесь решили позавтракать.

— Отличное местечко! — обрадовался Пенкроф. — Какие тенистые деревья! Не мешает здесь с полчасика отдохнуть!

Ширина реки тут достигала семидесяти футов, глубина — от пяти до шести. Смит заметил, что в нее вливалось множество притоков, но все это

были небольшие, непригодные для плавания ручьи.

Леса тянулись на необозримое пространство. Нигде, ни в чаще леса, ни под деревьями, зеленевшими на крутых берегах реки Милосердия, не было заметно никаких признаков присутствия человека. Исследователи не могли отыскать ни единого подозрительного следа, и очевидно было, что никогда еще топор дровосека не касался этих деревьев, никогда охотничий нож первопроходца не срезал этих лиан, путавшихся от одного ствола к другому среди ветвистых кустарников и длинных трав. Если какие-нибудь несчастные и были выброшены на остров, то они не успели еще оставить побережье, и не в этих густых чащах надо было искать переживших крушение.

Снова отправились в путь, но скоро приливное течение совсем прекратилось, потому ли, что начался отлив, или потому, что течение не чувствовалось на таком расстоянии от устья. Пришлось взяться за весла. Наб и Герберт уселись на своих скамьях, Пенкроф — у кормового весла.

Чем далее плыли, тем больше редел лес. Деревья нередко стояли отдельными группами или даже в одиночку и, роскошно живя на просторе, поражали своей громадностью.

— Какие блестящие образчики флоры на этой широте! Ботаник при одном виде такой роскошной растительности не поколебался бы определить параллель острова Линкольна, — сказал Спилетт.

— Эвкалипты! — воскликнул Герберт.

— Действительно, это эвкалипты, величественные исполины тропического пояса, — сказал Смит.

— Они принадлежат к роду эвкалиптов Австралии и Новой Зеландии, — продолжал Герберт. — Австралия и Новая Зеландия лежат, значит, на одинаковой широте с островом Линкольна.

Некоторые эвкалипты поднимались на высоту до двухсот футов. Стволы их имели у земли футов двадцать в окружности, а кора, изборожденная сеткой душистой камеди, была толщиной до пяти дюймов. Невозможно себе представить ничего чудеснее и страннее этих громадных представителей семейства миртовых, листва которых обращена наклонно к солнечным лучам и потому пропускает свет к самому подножию дерева.

Под эвкалиптами почва была покрыта свежей травой, а из чащ кустарников вырывались целые стаи маленьких птичек, сверкавших в проблесках солнечных лучей наподобие алых крылатых

рубинов.

— Вот деревья так деревья! — восхитился Наб. — Только годятся ли они на что-нибудь?

— Эка чего захотел! — ответил Пенкроф. — С великанами-растениями бывает то же самое, что и с великанами-людьми. Их хорошо показывать на ярмарках, а больше от них не жди никакого толку!

— Я думаю, что вы ошибаетесь, Пенкроф, — ответил Спилетт. — Эвкалипты начинают использовать в разных изделиях.

— Я прибавлю, — сказал Герберт, — что эвкалипты принадлежат к группе, включающей много очень полезных видов: фейхоа, например, дающую лучшие в Азии плоды; гвоздичное дерево, из цветов которого получают пряности; гранатовое, дающее великолепные, сочные гранаты; есть деревья, плоды которых служат для производства неплохого вина; другие дают корицу; индейский перец; из *eucalyptus robusta* получают нечто вроде превосходной манны; сок *eucalyptus Gunei* при брожении превращается в пиво; наконец, железное дерево, или дерево жизни, — все они принадлежат к этому семейству миртовых, и их насчитывают до сорока шести родов и тысячу триста видов!

Колонисты благосклонно слушали юного натуралиста, с большим увлечением излагавшего свой маленький урок ботаники. Смит слегка улыбался, а Пенкроф смотрел на Герберта с невыразимой гордостью.

— Отлично, Герберт, — сказал Пенкроф, — но я готов держать пари, что не все из тех, которые ты перечислил, такие же исполины, как эти эвкалипты…

— Это верно, Пенкроф.

— Ну это и доказывает, что великаны никуда не годны!

— Вы ошибаетесь, Пенкроф, — отозвался Смит, — именно эти самые исполинские эвкалипты, укрывающие нас, приносят известную пользу.

— Какую пользу?

— Они очищают воздух. В Австралии и в Новой Зеландии их называют гонителями лихорадки.

— Потому что они причиняют лихорадку?

— Нет, потому что они предотвращают ее!

— Хорошо, я сейчас это запишу, — сказал Спилетт.

— Да, запишите, потому что, кажется, уже доказано, что присутствием эвкалиптов достаточно нейтрализуется вредное влияние болотных ми-

азмов. Этим естественным предохраняющим средством пробовали пользоваться в некоторых областях Южной Европы и Северной Америки, где почва была, безусловно, вредна для здоровья, и заметили, что санитарное состояние этих областей улучшалось. В местностях, покрытых лесами миртовых, вовсе не существует перемежающейся лихорадки.

— Ах какой остров! Какой благодатный остров! — воскликнул Пенкроф. — Я вам говорю, что здесь ни в чем нет недостатка… Вот если бы только…

— Все со временем придет, Пенкроф, все со временем найдется! — ответил Смит. — А теперь будем плыть вверх по реке, пока можно.

Проплыли еще мили две по местности, поросшей эвкалиптами. Извилистое русло реки Милосердия пробивалось здесь между высокими травами и было во многих местах затянуто клубами водорослей, в других — завалено острыми скалами, что значительно затрудняло плавание. Веслами уже нельзя было действовать, и Пенкроф принялся гнать лодку шестом.

Уже солнце склонялось к горизонту; деревья отбрасывали длинные тени…

Лодка двигалась вверх по течению, через лес, который становился все гуще и гуще и вместе с тем казался более обитаемым. Скоро показалась стая обезьян. Они начали выскакивать на берег, останавливались на некотором расстоянии от лодки и глядели на колонистов, не выказывая никакой боязни, словно видели людей в первый раз и нисколько не считали их опасными. Легко было убить обезьян из ружья, но Смит воспротивился бесполезному убийству, на которое покушался было Пенкроф. И Смит был совершенно прав: эти обезьяны, сильные и чрезвычайно ловкие, могли наделать исследователям много неприятностей — неблагоразумно было раздражать их несвоевременным нападением.

К четырем часам плавание по реке сделалось весьма трудным, потому что ее течение поминутно преграждалось то водными растениями, то подводными камнями. Береговые утесы становились все выше и выше, и русло потока уже начинало пробиваться между первых отрогов горы Франклина.

— Верно, исток реки уже близко, — сказал Спилетт.

— Да, — отвечал инженер, — река, несомненно, наполняется потоками с южных склонов горы.

— Как вы полагаете, господин Смит, мы теперь далеко от Гранитного дворца? — спросил Герберт.

— Милях в семи-восьми, я полагаю, — ответил инженер, — конечно, принимая в расчет повороты реки, которые отодвинули нас к северо-западу.

— Что ж, мы поплывем дальше?

— Да, насколько возможно, — ответил Смит. — Завтра, с самого раннего утра, мы оставим лодку, пройдем, как я надеюсь, за два часа расстояние, отделяющее нас от берега, и у нас будет еще почти целый день для исследования острова.

— Вперед! — крикнул Пенкроф.

Но вскоре пирога задела за каменистое дно реки, ширина которой в этом месте была не более двадцати футов. Почти непроницаемый зеленый свод свешивался над потоком и облекал его в какой-то полумрак. Колонисты услышали довольно сильный шум падения воды, указывавший, что в нескольких сотнях футов, в верховье, реку запруживает какая-нибудь естественная плотина.

Действительно, при последнем повороте сквозь деревья показался водопад. Лодку привязали к

сосновому стволу у правого берега.

Было около пяти вечера. Лучи заходящего солнца пробивались между древесными ветвями и освещали маленький водопад; мелкие брызги сверкали в нем всеми цветами радуги. Далее река пропадала в густых зарослях, где она и брала начало из какого-нибудь скрытого источника.

— Река превратилась в ручеек! — воскликнул Герберт.

— Тут хорошо заночевать, — сказал Спилетт. — Как вы думаете, Смит?

— Заночуем, — отвечал инженер.

— Хорошее местечко! — решил Пенкроф.

Все высадились на берег. Скоро развели отличный огонь в рощице крапивных деревьев, между ветвями которых можно было в случае нужды укрыться на ночь.

Ужин быстро был уничтожен, так как все сильно проголодались; оставалось только уснуть. Но с наступлением ночи в лесу начало раздаваться какое-то весьма подозрительное рычание. Решили поддерживать огонь всю ночь. Наб и Пенкроф по очереди бодрствовали и не жалели сухих сучьев. Очень часто им мерещилось, что около лагеря мелькают какие-то тени животных, что в густых чащах слышится треск ветвей, что

между деревьями сверкают огненные глаза, но ночь прошла благополучно, и на другой день, 31 октября, к пяти утра все уже были на ногах.

IV. Ягуар

В шесть часов утра, после первого завтрака, колонисты отправились в путь, намереваясь кратчайшей дорогой добраться до западного берега.

— Сколько времени потребуется для этого, как вы полагаете, Смит? — спросил Спилетт.

— Часа два, — отвечал инженер. — Но тут все зависит от того, какие препятствия встретятся по пути. Эта часть Дальнего Запада густо поросла деревьями самых разнообразных видов; весьма вероятно, что придется дорогу прокладывать через кустарники и лианы, с топором в руке и, разумеется, с ружьем наготове, если только крики, которые мы слышали ночью, принадлежат хищным животным.

Убедившись, что пирога прочно привязана, колонисты отправились в путь. Пенкроф и Наб захватили с собой провизии по крайней мере на три дня. Исследователи не рассчитывали на охоту, и Смит даже советовал товарищам избегать напрасных выстрелов, чтобы не выдавать своего присутствия в окрестностях побережья.

Первыми ударами топора они расчистили себе

путь среди густых зарослей несколько выше водопада. Смит, с компасом в руке, указывал направление пути. Были тут деодары, дугласы, казуарины, камедные деревья, эвкалипты, драцены, гибискусы, кедры и деревья других пород, но росли они так тесно, что почти все были низкорослы.

С самого начала колонисты все спускались по низким покатостям и шли по совершенно сухой почве, хотя, судя по роскошной растительности, можно было предположить, что тут есть подземные источники либо где-то рядом берет начало новый ручей. Смит, однако, очень хорошо помнил, что на острове не открыли пока никаких потоков, кроме Красного ручья и реки Милосердия.

В первые часы колонисты встречали стаи обезьян, которые, казалось, выказывали удивление при встрече с людьми. Спилетт, смеясь, задавал вопрос: не смотрят ли эти ловкие и сильные четверорукие на него и на его товарищей как на своих выродившихся братьев? Двуногие пешеходы, на каждом шагу задерживаемые кустарниками, лианами, стволами деревьев, были жалки в сравнении с этими проворными животными, которые ловко перескакивали с одной

ветви на другую, не останавливаясь ни перед какими преградами.

Обезьян было много, но, к счастью, они не высказывали враждебных намерений.

В этом же лесу исследователи повстречали нескольких кабанов, агути, кенгуру и коал, в которых Пенкрофу очень хотелось пустить заряд дроби.

— Но, — говорил он, — охота еще не дозволена! Скачите, мои друзья, спасайтесь и улетайте с богом! Мы потолкуем с вами на обратном пути…

В половине десятого дорогу, прокладываемую прямо, вдруг перерезал ручей шириной от тридцати до сорока футов; быстрое течение, усиленное покатостью русла, усеянного множеством камней, низвергалось с глухим ревом. Этот ручей был глубок и чист, но совершенно негоден для плавания.

— Нам перерезана дорога! — воскликнул моряк.

— Вовсе нет, — ответил Герберт, — ведь это только ручей, и мы сумеем перебраться через него вброд или вплавь.

— Зачем нам через него переправляться? — сказал Смит. — Ручей, очевидно, течет в море. Будем идти по левому берегу, вниз по течению, и

выйдем прямо ко взморью. Вперед!

— Одну минуту! — сказал Спилетт. — Как мы назовем этот ручей, друзья? Пополним нашу географию!

— Это дело, — одобрил Пенкроф.

— Окрести ручей, Герберт, — сказал Смит.

— Не лучше ли отложить до тех пор, пока не исследуем ручей до самого устья, — заметил Герберт.

— Пожалуй, — ответил Смит. — Ну, вперед!

— Еще одну минуточку! — сказал Пенкроф.

— Что такое? — спросил Спилетт.

— Охота на дичь запрещена, а на рыбу можно?

— У нас нет на это времени, — ответил Смит.

— О, всего пять минут… — возразил Пенкроф. — Только пять минут — в интересах завтрака!

Пенкроф опустил руки в быстрые воды и скоро натаскал несколько дюжин отличных раков.

— Вот это здорово! — обрадовался Наб, спеша на помощь к моряку. — Да сколько их тут! Так и кишат между камнями!

— Ведь я говорил вам, что, за исключением табака, на этом острове решительно все есть! — прошептал со вздохом Пенкроф.

Действительно, чтобы наловить множество раков, потребовалось не более пяти минут.

— Вот и полный мешок! — сказал Наб.

— Какие красивые! — заметил Герберт. — У них покровы синего, кобальтового цвета…

— Пора! Пора! — напомнил инженер.

Исследователи отправились дальше.

Идти по берегу было несравненно легче. Оба берега имели тот же вид девственной пустыни и не показывали ни малейших признаков присутствия человека. Время от времени попадались только следы крупных животных, которые, вероятно, утоляли жажду у этого ручья.

— Не в этих ли местах в пекари попала дробина, за которую Пенкроф чуть было не поплатился коренным зубом? — задумчиво произнес Спилетт.

Осматривая поток, катившийся к морю, Смит начинал думать, что он и его товарищи были гораздо дальше от западного берега, чем предполагали. Действительно, в этот час морской прилив уже начался и должен бы гнать назад течение ручья, если устье этого ручья находилось только на расстоянии нескольких миль от моря. Однако ничего подобного не замечалось, и вода бежала по естественной покатости своего ложа.

Смита это весьма удивляло. Он часто поглядывал на компас, опасаясь, чтобы какой-нибудь поворот реки снова не завел его внутрь леса.

Между тем ручей делался все шире и шире и воды его текли спокойнее. Деревья на правом берегу росли так же густо, как на левом, и дальше за ними ничего нельзя было разглядеть; но эти лесные массы были, очевидно, пустынны, потому что Топ не лаял, а чуткое животное не преминуло бы возвестить о присутствии зверя или человека.

В половине одиннадцатого Герберт, шедший впереди, вдруг остановился и, к великому удивлению Смита, воскликнул:

— Море!

Несколько минут спустя развернулось западное побережье острова.

Но какая разница между этим берегом и тем, на который их выбросило из рокового воздушного шара! Тут не было никакой гранитной стены, никакого рифа, выдающегося в море, не было даже плоского песчаного берега. Береговая линия была обозначена лесом, и последние деревья его, омываемые морскими волнами, свешивались в воду.

— Это вовсе не такое побережье, какое обыкновенно устраивает природа, расстилая обширные ковры песка или группируя скалистые утесы, — сказал Спилетт. — Это прекраснейшая, роскошнейшая лесная опушка.

— Какой крутой берег! — сказал Герберт.

— Русло реки расположено значительно выше уровня моря, — отвечал инженер, — и на всей этой плодоносной почве, лежащей на гранитном основании, великолепные деревья растут так же прочно, как и внутри острова.

Колонисты очутились в небольшой бухточке, которая не могла бы вместить двух рыбацких барок. Она служила водосточным желобом новому ручью; воды его, вместо того чтобы вливаться в море через покатое устье, падали с высоты более сорока футов. Этим и объяснялось, почему во время прилива колонисты не заметили в верховье никакой перемены течения. Приливы Тихого океана, даже при максимуме поднятия воды, никогда не могли достигнуть уровня ручья, и, разумеется, пройдут еще целые миллионы лет, пока воды размоют эту гранитную стенку и прорoют удобное для себя устье. Все с общего согласия решили назвать этот ручей рекой Водопада.

Далее, на севере, лесная опушка тянулась на расстояние около двух миль; затем деревья редели, а еще дальше рисовались весьма живописные возвышения, следовавшие почти по прямой линии, к северу и к югу. Вся же часть побережья между рекой Водопада и Змеиным мысом, на-

против, представляла собой только зеленевшие массы великолепных деревьев; одни деревья стояли прямо, а другие, подмываемые у корня морскими волнами, склонялись над водой.

Именно в этой части острова, то есть на всем полуострове Извилистом, надо было произвести исследование, потому что потерпевшие крушение, если таковые были, только здесь могли найти убежище: другой берег представлял бесплодную пустыню.

Погода стояла ясная и тихая, и с высоты утеса, на котором Наб и Пенкроф расположились завтракать, открывался широкий вид на море. Горизонт был чист; нигде никакого паруса.

Завтрак был быстро окончен, и колонисты пошли теперь вдоль берега под навесом деревьев.

Расстояние от реки Водопада до Змеиного мыса было около двенадцати миль. По прямой дороге колонисты, не торопясь, могли бы пройти его за четыре часа, но им потребовалось для этого вдвое больше времени, потому что то и дело они были вынуждены обходить деревья, срубать кустарники, обрезать лианы, задерживавшие их на каждом шагу; бесчисленные береговые повороты и выемки тоже значительно удлинили их путь.

Ничто не обнаруживало следов недавнего кру-

шения. Правда, как заметил Спилетт, волны все могли унести в открытое море; и хотя никаких признаков не осталось, все-таки нельзя еще было утверждать, что какой-нибудь корабль не был здесь выброшен на берег.

Замечание Спилетта было справедливо; кроме того, находка дробинки в поросенке несомненным образом доказывала, что не более трех месяцев тому назад на острове кем-то был сделан ружейный выстрел.

В пять часов до оконечности полуострова Извилистого оставалось еще две мили.

— Мы засветло доберемся до Змеиного мыса, — сказал Смит, — но до захода солнца не успеем вернуться в свой ночной лагерь к реке Милосердия.

— Так переночуем на мысе! — радостно предложил Пенкроф, которого было трудно чем-либо смутить.

— А провизии хватит? — спросил Спилетт.

— Вполне достаточно!

— Тем лучше, потому что эта опушка все-таки не что иное, как морское побережье, и тут вряд ли что добудешь… Я говорю о четвероногих. Птиц много.

— О, птицы тут носятся тучей! Жакамары, ку-

руку, тетерева, попугаи разных родов, какаду, фазаны, голуби — чего хочешь, того просишь! Ни одного дерева, на котором бы не торчало гнездо, ни одного гнезда, где бы не хлопали крыльями, не чирикали, не свистели, не пели! — говорил Герберт.

Около семи часов вечера колонисты, утомленные ходьбой, достигли Змеиного мыса, образующего нечто вроде завитка, причудливо изрезанного морскими водами. Здесь кончался береговой лес полуострова, и побережье во всей своей южной части принимало обычный вид морского берега с его утесами, каменными подводными рифами и песчаными отмелями. Весьма могло быть, что какой-нибудь разбитый корабль находился в этой части острова, но ночь наступила, и надо было отложить поиски до утра.

Пенкроф и Герберт тотчас же принялись разыскивать место для ночной стоянки. Последние деревья леса Дальнего Запада редели; мальчик приметил между ними густую бамбуковую рощу.

— Вот драгоценное открытие! — сказал он.

— Будто уж драгоценное? — отозвался Пенкроф.

— Разумеется, — ответил Герберт. — Я могу тебе

сказать, Пенкроф, что стволы бамбука, нарезанные на гибкие пластинки, служат для плетения коробок и корзин; они же, если их размочить и обратить в массу, служат для выделки китайской бумаги; что из бамбуковых стволов, смотря по величине, делают палки, мундштуки для трубок, трубы для проведения воды и, кроме того, разную мебель. Большие бамбуковые деревья представляют собой превосходный строительный материал — легкий, прочный, и на нем не бывает червоточин. Добавлю к этому, что, распиливая междоузлия бамбука и оставляя на дне часть поперечной перегородки, образующей узел, изготавливают прочные и удобные чаши, которые в большом ходу у китайцев! Нет! Для тебя этого недостаточно. Но…

— Что — но?..

— Но я тебе скажу, если ты этого не знаешь, что в Индии едят бамбук вместо спаржи.

— Спаржа в тридцать футов длины! — воскликнул моряк. — И что ж — вкусна?

— Чудо как вкусна, — ответил Герберт. — Разумеется, едят не тридцатифутовые стволы, а самые молодые побеги.

— Отлично, дружище, отлично! — ответил Пенкроф.

— Я прибавлю также, что сердцевина молодых стеблей, маринованная в уксусе, считается превосходной приправой к кушаньям…

— Чем дальше, тем лучше, Герберт!

— И наконец, что бамбук выделяет сахаристую жидкость, из которой можно приготовить весьма приятный напиток.

— Это все? — спросил Пенкроф.

— Все!

— А можно этот бамбук… курить?

— Увы, нельзя, мой бедный Пенкроф!

Герберту и Пенкрофу недолго пришлось искать. Прибрежные скалы, изъеденные морскими волнами, яростно хлеставшими во время сильных юго-западных ветров, имели много пещер и расщелин, в которых можно было укрыться от непогоды. Но в ту самую минуту, когда они намеревались войти в одну из таких пещер, оттуда вдруг послышалось страшное рычание.

— Назад! — крикнул Пенкроф. — У нас в ружьях только мелкая дробь, а зверь так рычит, что дробью его так же проймешь, как крупинками соли!

И Пенкроф, схватив Герберта за руку, оттащил его за скалу в ту самую минуту, когда у входа в пещеру показался великолепный зверь.

То был ягуар, не уступавший по размерам

своим азиатским собратьям, то есть более пяти футов от головы до хвоста. Его рыжеватая шерсть была испещрена рядами правильно расположенных черных пятен и резко отличалась от белого брюха.

Ягуар вышел из пещеры и, ощетинив шерсть, с горящими глазами оглядывался, словно уже не впервые чуял присутствие человека.

В эту минуту Спилетт обходил высокие скалы, и Герберт, воображая, что он не заметил ягуара, хотел броситься к нему и предупредить, но Спилетт сделал знак рукой и продолжал идти далее. Ему не в новинку было охотиться на тигра; подойдя к животному на десять шагов, он остановился и совершенно спокойно прицелился из карабина.

Ягуара отбросило назад, затем он ринулся на охотника, но в эту самую секунду пуля вонзилась ему между глаз, и он упал.

Свирепое животное было убито наповал.

Герберт и Пенкроф кинулись к ягуару. Наб и Смит тоже подбежали, и все несколько минут любовались добычей.

— А ведь красив! — сказал Пенкроф. — Вот нам и ковер в большую залу Гранитного дворца!

— Ах, господин Спилетт! Как я вами восхищаюсь и как завидую! — воскликнул Герберт в

порыве естественного восторга.

— Тут нет ничего удивительного, мой друг, — ответил Спилетт, — ты и сам мог бы это сделать.

— Я! С таким хладнокровием!..

— Вообрази только, Герберт, что ягуар — заяц, и будь уверен, что ты убьешь его самым спокойным образом.

— Да, Герберт, дело, как видишь, нехитрое! — прибавил Пенкроф.

— А теперь, — сказал Спилетт, — так как ягуар покинул свою берлогу, я не вижу причины, почему бы нам, друзья мои, не занять ее на ночь?

— Но ведь сюда могут пожаловать и другие ягуары! — сказал Пенкроф.

— Стоит только развести огонь у входа, — сказал Спилетт, — и ни один из них не осмелится подойти.

— Ладно, марш в берлогу ягуара! — ответил моряк, таща за собой труп убитого животного.

Пока Наб снимал шкуру с ягуара, его товарищи натаскали и свалили у входа в пещеру множество сухих сучьев.

Смит, увидев бамбуковые деревья, срезал несколько побегов и приложил к древесным ветвям и сучьям.

Колонисты расположились в гроте, где песок был усеян костями.

— Ишь как он здесь пировал! — сказал моряк, указывая на эти кости.

— Спилетт, вы перезарядили ружье? — спросил инженер.

— Нет еще, а что?

— Следует зарядить на случай внезапного нападения.

— Правда, правда, — сказал Пенкроф.

Ружья тотчас же были заряжены.

Затем исследователи поужинали и перед отходом ко сну подожгли кучу сучьев, сложенную у

входа в пещеру.

Тотчас же раздался страшный треск.

— Что за пальба? — воскликнул Пенкроф.

— Это палят бамбуки, Пенкроф, — отвечал инженер. — Одного этого треска достаточно, чтобы испугать самых смелых зверей.

— Все-то вы придумаете, господин Смит! — сказал с восторгом моряк. — Даже бамбуковую пальбу!

— Это не я придумал, Пенкроф, — отвечал инженер, улыбаясь. — Еще по свидетельству Марко Поло[32], монголы давным-давно с успехом использовали это средство для защиты своих шатров от свирепых хищников Центральной Азии.

---

[32] Примечания: 32

Марко Поло — первый знаменитый европейский путешественник Средних веков, родом из Венеции. Он совершил в конце XIII столетия удивительное для того времени путешествие в Среднюю Азию и Китай и пробыл там 24 года. Его описание этих стран считается началом новейшей географии.

V. Остатки воздушного шара

Смит и его товарищи целую ночь проспали, как невинные сурки, в пещере ягуара.

С восходом солнца все были на берегу, на самой оконечности мыса, и опять осматривали горизонт, открывавшийся на две трети своей окружности. Во второй раз Смит мог удостовериться, что никакого паруса, никакого корабельного остова не показывалось на море; даже с помощью подзорной трубы нельзя было открыть никакой подозрительной точки.

На берегу тоже ничего не было по крайней мере на три мили к югу.

Итак, оставалось обследовать южное прибрежье острова. Но стоило ли сейчас же приступать к этому исследованию, посвятив ему весь день 2 ноября?

Это не входило в первоначальную программу. Когда они оставляли пирогу у реки, то было условлено, что, осмотрев западный берег, они вернутся и той же дорогой отправятся к Гранитному дворцу.

Спилетт предложил продолжать обследование, пока вопрос о предполагаемом крушении не

будет решен окончательно, и спросил у Смита, как велико расстояние между оконечностью полуострова и мысом Коготь.

— Если принимать в расчет извилины берега, то, я полагаю, будет около тридцати миль.

— Тридцать миль! — воскликнул Спилетт. — На это потребуется добрый день ходьбы. Тем не менее мне кажется, что нам следует вернуться в Гранитный дворец по южному берегу.

— Но от мыса Коготь до дома надо еще положить миль десять, — заметил Герберт.

— Всего сорок, — ответил Спилетт. — Оно далеконько, но нам не в первый раз отправляться в подобную экспедицию… По крайней мере, мы осмотрим весь берег и не придется все снова начинать.

— Совершенно справедливо, — сказал в свою очередь Пенкроф. — А наша пирога?

— Пирога оставалась весь день у реки, — отвечал Спилетт, — и мне кажется, ей ничего не сделается, если она останется там на два дня. Ведь до сих пор мы не могли пожаловаться, что на острове водились воры…

— Оно правда, — сказал Пенкроф, — только вот разве черепаха пропала… Когда я вспомню эту черепаху, господин Спилетт, так поневоле начи-

наю думать, что и на острове не без воровства!

— Далась вам эта черепаха! — воскликнул Спилетт. — Да разве вам неизвестно, что ее перевернул морской прилив?

— Почем знать? — прошептал Смит.

— Но… — начал было Наб.

Очевидно, Набу хотелось что-то сказать, потому что он уже открыл рот, но не решался высказаться.

— Что ты хотел сказать, Наб? — спросил его Смит.

— Если мы вернемся по берегу до мыса Коготь, — ответил Наб, — так мы обогнем, значит, этот мыс, и путь будет нам прегражден.

— Рекой Милосердия! Это верно, — ответил Герберт, — и у нас не будет ни моста, ни лодки, чтобы через нее переправиться.

— Ну, это еще не беда, — сказал моряк, — мы переберемся через нее на каких-нибудь стволах.

— Как — на стволах? — спросил Герберт.

— А так: у берега немало сухих стволов, мы наскоро соорудим плот — и марш!

— Все это прекрасно, — отвечал Спилетт, — но, по-моему, если мы хотим часто бывать в лесах Дальнего Запада, то необходимо сделать мост.

— Мост! — воскликнул Пенкроф. — Ну что ж,

разве господин Смит не инженер и не мастер своего дела? Понадобится мост, и мы его соорудим. А пока я вас переправлю через реку на плоту… И так переправлю, что вы даже ног не замочите, — я за это ручаюсь! У нас еще хватит на сегодня провизии, это все, что нужно, да может, попадет еще и дичь по дороге… Что ж, в путь, что ли?

— В путь! В путь! — сказал инженер. — Не следует терять ни единого часа, потому что нам предстоит сделать сорок миль… И надо так рассчитать, чтобы хоть к полуночи добраться домой.

В шесть часов утра отряд отправился в путь. Ружья были заряжены пулями на случай неожиданной встречи со зверями о двух или о четырех лапах, и Топу, который открывал шествие, было позволено рыскать по всей лесной опушке.

Начиная с оконечности мыса, образовавшего как бы хвост полуострова, берег закруглялся на расстоянии пяти миль. Это расстояние было быстро пройдено, и, невзирая на самые тщательные поиски, колонисты не могли приметить ни малейших следов давней или недавней высадки на берег, не нашли ни одного предмета, выброшенного морем, и никаких следов лагеря — ни пепла погасшего очага, ни отпечатка человече-

ской ноги.

Добравшись до места, с которого изгиб прекращался и берег шел прямо на северо-восток, образуя залив Вашингтона, колонисты могли обозреть южное прибрежье на всем его протяжении.

В двадцати пяти милях берег кончался мысом Коготь, который смутно маячил в утреннем тумане и вследствие миража казался гораздо выше: как бы приподнятый, он висел между землей и водой. Вначале морской берег имел вид широкой песчаной и пустынной равнины; далее на прихотливо изрезанном побережье выдвигались в море острые утесы, еще далее — темные скалы группировались в живописном беспорядке, образуя мыс Коготь.

Такова была часть острова, которую колонисты посещали в первый раз.

— Ну и берега! — сказал Пенкроф. — Какой бы корабль сюда ни подошел, он бы неизбежно разбился! Смотрите-ка: песчаные мели вытягиваются языками в море, а дальше рифы. Очень опасные места!

— Но если здесь разбился корабль, от него все-таки что-нибудь бы осталось, — заметил Спилетт.

— От него могли остаться какие-нибудь куски дерева, только не на песке, а на подводных каменных рифах, — ответил Пенкроф.

— Почему так?

— Потому что эти пески еще опаснее скал, господин Спилетт; они затягивают все, что туда попадает. В какие-нибудь три-четыре дня целый корпус корабля в несколько сотен тонн может в них бесследно провалиться.

— Значит, если какое-нибудь судно погибло на этих мелях, — спросил инженер, — то нечего и искать следов крушения? Значит, мы здесь ничего не найдем?

— Этого нельзя сказать, господин Смит, — отвечал моряк. — Может, со временем, после бури, что-нибудь и найдется. Положим, судно затянет, но ведь кое-что волна может выкинуть подальше. Мы можем найти обломки рангоута или шесты — одним словом, что-нибудь выброшенное волной.

— В таком случае будем продолжать поиски, — сказал Смит.

В час пополудни колонисты достигли залива Вашингтона — следовательно, прошли уже двадцать миль.

Тогда они сделали привал.

Тут начинался берег, причудливо изрезанный

и усеянный длинным рядом подводных камней, которые следовали за песчаными отмелями и во время отлива, вероятно, обнажались. Волны пенились, разбиваясь о скалы. От этого места и до мыса Коготь плоский берег заметно суживался, как бы сжатый между рифами и лесом.

После получасового отдыха исследователи отправились далее, не оставляя без осмотра ни одной подозрительной точки на каменных подводных рифах и на берегу. Пенкроф и Наб отваживались даже забираться очень далеко.

Сколько раз им издали казалось, что они видят обломок мачты, или крюк, или кусок обшивки! Они спешно направлялись туда и находили какой-нибудь камень или водоросли.

— Здесь очень много раковин, годных в пищу, — сказал инженер, — но мы ими сможем воспользоваться лишь тогда, когда будет установлена стабильная переправа между обоими берегами реки Милосердия и будут лучшие способы перевозки.

— Никаких следов кораблекрушения! — сказал Спилетт.

— Никаких! — отвечал инженер.

Около трех часов они пришли к бухточке; эта бухточка представляла собой естественную

гавань, незаметную с моря, с которым она соединялась узким проходом, голубевшим между подводными камнями.

В глубине бухточки сильным волнением размыло скалистую гряду, и по изрытому покатому склону утеса можно было подняться к верхней площадке, которая находилась по крайней мере в десяти милях от мыса Коготь и, следовательно, в четырех (по прямой линии) от плато Дальнего Вида.

Спилетт предложил здесь остановиться и перекусить. После этого колонисты могли спокойно терпеть до ужина, который, по их расчетам, они должны были готовить уже в Гранитном дворце.

Плато возвышалось на пятьдесят-шестьдесят футов над уровнем моря. С него открывался отличный вид, и взор, обнимая последние утесы, терялся в бухте Союза. Но ни островка, ни плато не было видно, потому что возвышение почвы и стена больших деревьев совсем закрывали северный горизонт.

На всей части побережья, которую еще оставалось исследовать и которую Смит внимательно осмотрел в подзорную трубу, не оказалось никаких следов кораблекрушения.

— Нечего делать, — сказал Спилетт, — при-

ходится покончить с поисками и утешать себя мыслью, что никто не явится оспаривать у нас владение островом Линкольна!

— А дробина? — сказал Герберт. — Ведь дробина эта не воображаемая, я полагаю!

— Нет, тысяча чертей, нет! — воскликнул Пенкроф. — Какая там воображаемая, коли я чуть-чуть не распрощался с коренным зубом!

— Решительно непонятно, — сказал Спилетт. — Какое заключение из всего этого выводите, Смит?

— Вот какое, — ответил Смит, — месяца три тому назад какой-то корабль, добровольно или нет, подошел к берегу…

— Как, Смит, вы полагаете, что он пропал, не оставив никакого следа? — удивился Спилетт.

— Нет, любезный Спилетт, я этого не полагаю, но заметьте, если вероятно, что какое-нибудь человеческое существо ступило на этот остров, то не менее вероятно и то, что это существо его затем покинуло…

— Сколько я могу понять из ваших слов, господин Смит, выходит, что корабль снова отплыл?.. — спросил Герберт.

— Очевидно.

— И мы навсегда лишились случая вернуться

на родину? — сказал Наб.

— Опасаюсь, что навсегда.

— Ну, коли уж мы упустили случай, так отправимся дальше, — сказал Пенкроф, уже начинавший тосковать по Гранитному дворцу.

Но едва моряк успел подняться с места, как раздался неистовый лай Топа, и собака показалась из леса, держа в зубах лоскуток какой-то материи, выпачканной в грязи.

Наб выхватил этот лоскуток из пасти Топа.

— Что это? — воскликнули все в один голос.

Это был кусок крепкого, грубого полотна.

Топ продолжал лаять и, то убегая, то снова возвращаясь, видимо, приглашал идти в лес.

— Там что-нибудь интересное! — воскликнул Пенкроф.

— Кто-нибудь из потерпевших крушение! — сказал Герберт.

— Может быть, раненый! — сказал Наб.

— Или мертвый, — ответил Спилетт.

Все кинулись по следу собаки между больших сосен, которые образовали лесную опушку. Смит и его товарищи держали ружья наготове.

Они уже довольно далеко углубились в лес, но, к великому их разочарованию, нигде не попадалось отпечатка человеческой ноги. Кустарники

и лианы были не помяты, и их приходилось срубать топорами.

Трудно было допустить, чтобы какое-нибудь человеческое существо проходило в этих местах, а между тем Топ то забегал вперед, то снова возвращался, но не как собака, напавшая на какой-нибудь случайный след, а словно разумное существо, преследующее известную мысль.

После семи или восьми минут ходьбы Топ остановился. Колонисты очутились на лесной прогалине, окруженной большими деревьями, огляделись кругом и ничего не могли заметить ни в кустарниках, ни между деревьев.

— Да что такое, Топ? — спросил Смит, глядя на собаку.

Топ залаял еще яростнее и кинулся к гигантской сосне.

Вдруг Пенкроф воскликнул:

— Ах, вот прекрасно! Вот так штука!

— Что такое? — спросил Спилетт.

— Мы все ищем следы на море или на земле!

— Ну и что же?

— Ну а они в воздухе!

И Пенкроф указал на беловатые лохмотья, висевшие на верхушке сосны; очевидно, кусок этих самых лохмотьев, упавший на землю, Топ и

принес колонистам.

— Но ведь это вовсе не море выкинуло! — воскликнул Спилетт.

— Извините, господин Спилетт… — ответил Пенкроф.

— Как! Это…

— Это все, что осталось от нашего воздушного корабля, от нашего шара, который сел на мель на вершине этого дерева!

Пенкроф говорил правду; прокричав торжественное «ура», он прибавил:

— Вот отличное полотно! Вот из чего мы сделаем запас белья на несколько лет! Вот из чего мы нашьем себе платков и рубах! Ну, господин Спилетт, что вы скажете об острове, где на деревьях рубахи растут?

Для колонистов было весьма счастливым обстоятельством, что воздушный шар, сделав последний прыжок в воздухе, упал на остров. Они могли или сохранить оболочку шара в том виде, как она была, — на случай, если бы им вздумалось решиться на новое бегство, — или же воспользоваться этими несколькими сотнями аршин весьма доброкачественной материи и, очистив ее от специальной пропитки, употребить на заготовку белья. Вся маленькая колония

обрадовалась находке не менее Пенкрофа.

Но эту оболочку надо было снять с дерева и уложить в надежное место, а это потребовало немало работы. Наб, Герберт и Пенкроф, взобравшись на верхушку сосны, принялись совершать чудеса ловкости, чтобы освободить громадный опавший шар.

Работа продолжалась почти два часа, и не только оболочка, клапан, пружины, медная оправа, но и сетка, то есть значительная часть веревок и снастей, обруч и якорь лежали на земле. Оболочка шара, за исключением лопнувшего места, была в отличном состоянии, и только нижняя часть оказалась рваной.

— А все-таки, — сказал Пенкроф, — если мы когда-нибудь вздумаем покинуть остров, то не полетим на шаре, не так ли? Эти воздушные корабли летят туда, куда их гонит ветер, а мы уже учены, попробовали этого удовольствия! Теперь, я полагаю, нам следует строить кораблик водоизмещением тонн в двадцать, и вы позволите мне выкроить из этого полотна бизань и фок. Из остального можно нашить белья.

— После увидим, Пенкроф, — ответил Смит.

— А пока не мешает припрятать вещи в надежное место, — сказал Наб.

Действительно, нечего было и думать стащить такой груз полотна, снастей, веревок в Гранитный дворец, и в ожидании какой-нибудь удобной повозки необходимо было поскорее убрать обретенное богатство, которое мог унести первый ураган. Колонисты общими силами успели все перетащить на берег, где открыли довольно обширную скалистую пещеру, которая по своему положению была защищена от ветра, от дождя и от морских волн.

— Мы искали шкаф, и шкаф нашелся, — сказал Пенкроф, — но так как наш шкаф на замок не запирается, то будет благоразумно завалить вход. Я не говорю, что сюда пожалуют воры двуногие, — я опасаюсь воров о четырех лапах!

В шесть часов вечера все было уложено, и колонисты, окрестив небольшой круглый залив, образовавший бухточку, весьма подходящим именем — бухта Воздушного Шара, снова направились к мысу Коготь.

Пенкроф и Смит разговаривали о различных проектах, которые следовало безотлагательно привести в исполнение. Прежде всего необходимо было перекинуть мост через реку Милосердия, чтобы наладить более удобное сообщение с южной частью острова; затем — перевезти воз-

душный шар со всеми его принадлежностями в Гранитный дворец на какой-нибудь повозке, так как доставить его на небольшой лодке было решительно невозможно; затем необходимо построить большую палубную лодку; затем Пенкроф должен сделать ее ботиком, то есть небольшим одномачтовым судном, и на ней можно будет предпринять путешествие вокруг… вокруг острова; затем… и так далее.

Между тем наступил вечер, и уже совершенно смерклось, когда колонисты достигли мыса Находки у места, где был найден драгоценный ящик.

От мыса до Гранитного дворца оставалось еще четыре мили, которые были пройдены незаметно. Было уже за полночь, когда исследователи, направляясь к устью реки Милосердия, добрались до первого ее поворота.

В этом месте поток имел сорок футов ширины; перейти через него было трудно.

— Ну, Пенкроф, — сказал Спилетт, — вы хвалились, что отлично переправите нас через реку, — переправляйте!

— С удовольствием, господин Спилетт, с удовольствием, — отвечал моряк.

Ночь была очень темная. Пенкроф рассчитывал

наладить паромную переправу. Вооружившись топорами, он и Наб выбрали два дерева и начали их рубить.

Смит и Спилетт, сидя на крутом берегу, поджидали, когда наступит время помочь товарищам, а Герберт ходил взад и вперед, не удаляясь слишком далеко от своих спутников.

Вдруг мальчик, который поднялся было по берегу, быстро вернулся и, указывая в направлении верховья реки, воскликнул:

— Что это там плывет по течению?

Пенкроф приостановился и увидел какой-то неясно вырисовывавшийся в тени, но несомненно двигавшийся предмет.

— Это лодка! — сказал он.

Все кинулись к берегу и, к великому удивлению, увидели лодку, которая плыла по течению.

— Эй! На шлюпке! Кто гребет?! — крикнул Пенкроф, по обычаю, принятому у моряков, совершенно не соображая, что при настоящих обстоятельствах, быть может, было бы благоразумнее помолчать.

С лодки ответа не было. Она подплывала все ближе, а когда очутилась шагах в двенадцати, моряк воскликнул:

— Да это наша собственная пирога! Швартов

оборвался, и она поплыла по течению! Надо признаться, господа, что она пожаловала к нам как раз вовремя!

— Наша пирога?.. — проговорил Смит.

Пенкроф говорил правду. Это была лодка, принесенная сюда течением от источников реки Милосердия! Теперь надо было позаботиться о том, чтобы захватить лодку, прежде чем быстрое течение успеет ее унести; Наб и Пенкроф ловко ее зацепили длинным шестом.

Лодка пристала к берегу. Смит первый в нее забрался, схватил канат и убедился, что он действительно перетерся о скальный выступ.

— Что вы об этом думаете? — тихо сказал ему Спилетт. — Это можно назвать обстоятельством…

— Странным! — досказал Смит.

Странное обстоятельство или нет, во всяком случае для колонистов оно было весьма счастливым.

Если бы это происходило в те времена, когда веровали в различных добрых духов, то настоящий случай дал бы полнейший повод думать, что на острове завелось какое-нибудь сверхъестественное существо, которое своим всемогуществом оказывает услуги потерпевшим крушение…

В несколько гребков колонисты очутились в устье реки. Лодка была вытащена на берег около «Труб», и все направились к лестнице Гранитного дворца.

Но в эту самую минуту Топ принялся яростно лаять, а Наб, искавший первую ступеньку лестницы, испустил отчаянный крик…

Лестницы не было!

VI. Новый слуга

Смит остановился, не произнеся ни слова. Его товарищи шарили впотьмах то по гранитной стене, на случай если ветер сбил на сторону веревочную лестницу, то по гладкой почве, рассчитывая, что лестницу кто-нибудь оторвал…

Но лестница куда-то исчезла!

Очень могло случиться, что сильным порывом ветра ее подняло до первой площадки, где она была закреплена, но ночная темнота не позволяла в этом удостовериться.

— Если это шутка, — воскликнул Пенкроф, — то, надо сказать, шутка вовсе неуместная! Вернуться домой и не найти лестницы, по которой хочешь подняться в свою квартиру, — это ничуть не забавно для изможденного человека!

Наб разразился восклицаниями.

— Однако ее не могло унести ветром! — заметил Герберт.

— Я начинаю убеждаться, что на этом острове совершаются странные вещи! — сказал Пенкроф.

— Странные, Пенкроф? — спросил Спилетт. — Я тут не вижу ничего странного. Кто-нибудь пришел сюда во время нашего отсутствия, завладел

нашим дворцом и поднял лестницу…

— Кто-нибудь! — воскликнул моряк. — Да кто же?

— А тот, который ранил дробиной свинку! — ответил Спилетт. — Может, он теперь в нашем зале…

— Ладно, ладно, коли наверху кто-нибудь есть, — ответил Пенкроф, которым начинало овладевать нетерпение, — я его сейчас окликну, и он должен ответить!

И при этих словах моряк что есть мочи крикнул «э-э-эй!», которое отдалось эхом на всем острове.

Колонисты навострили уши и услышали не то злобный, не то насмешливый хохот… Но никто словами не ответил, и моряк бесполезно повторял громовым голосом свое «э-э-эй!».

Самый хладнокровный человек мог бы растеряться в подобных обстоятельствах. Колонисты были поставлены в такое положение, что всякое происшествие за все семь месяцев их пребывания на острове могло для них иметь весьма важные последствия, и, разумеется, исчезновение лестницы должно было всего более их поразить.

Как бы то ни было, колонисты, забыв усталость, смущенные и взволнованные, стояли около Гранитного дворца, совершенно недоумевали, что

делать, задавали друг другу вопросы, на которые никто не мог ответить, строили различные предположения, одно другого несообразнее. Наб весьма огорчался, что не может пробраться в свою кухню, тем более что запас провизии истощился.

— Друзья, — сказал Смит, — остается только одно: подождать до утра и затем поступить сообразно с обстоятельствами. Отправимся в «Трубы». Там укроемся на ночь, и хотя не найдем чем поужинать, но, по крайней мере, можно будет отдохнуть и выспаться.

— Но какой шут проклятый сыграл с нами такую шутку? — еще раз спросил Пенкроф, который никак не мог примириться с загадочным приключением.

Инженер приказал собаке оставаться настороже под окнами дворца, и все были уверены, что Топ исполнит приказание.

Итак, смышленый пес остался у подножия гранитной стены, а колонисты ушли.

Сказать, что утомленные колонисты отлично уснули на песке в «Трубах», значило бы сказать неправду. Их сильно заботило неожиданное приключение — все равно, было ли оно простой случайностью, которая должна была объясниться с наступлением дня, или же, напротив, тут за-

мешалось какое-нибудь человеческое существо. К тому же спать здесь было очень неудобно. Но делать было нечего. Так или иначе, колонисты должны были примириться с мыслью, что их дворец кем-то занят и войти туда раньше наступления утра они не смогут.

Но Гранитный дворец служил колонистам не только жилым помещением, там был и склад всего имущества колонии. В нем находились оружие, инструменты, порох, запасы провизии и прочее. Неужели все это расхищено и колонистам снова придется обзаводиться оружием, инструментами — все начинать сначала?

Это хоть кого могло повергнуть в уныние!

Под влиянием тревоги колонисты, то тот, то другой, поминутно отправлялись взглянуть, исправно ли Топ выполняет отданное ему приказание.

Один Смит ждал с обычным терпением, хотя и этот весьма рассудительный и умный человек раздражался и негодовал, очутившись лицом к лицу с совершенно необъяснимым случаем. Спилетт возмущался не менее инженера, и между ними несколько раз завязывался разговор вполголоса о непостижимых обстоятельствах, перед которыми они, невзирая на всю свою прониц-

тельность и опытность, становились в тупик.

На острове, несомненно, существовала какая-то тайна, но как в эту тайну проникнуть?

Пенкроф сердился все больше и больше.

— Это глупая шутка, — говорил он, — с нами сыграли преглупую шутку! Я таких шуток не люблю, и попадись только этот шутник в мои лапы, только попадись!..

С первыми лучами солнца колонисты, вооружившись как следует, отправились на берег. Гранитный дворец, обращенный фасадом к востоку, должен был скоро озариться солнечным светом. Действительно, не было и пяти часов, как солнце осветило наглухо запертые окна, проглядывавшие сквозь лиственные завесы.

С этой стороны все было в порядке. Но у каждого из колонистов вырвался невольный крик, когда они увидели настежь открытую дверь, которая перед отправлением в поход была заперта.

Кто-то вошел в Гранитный дворец. В этом невозможно было сомневаться.

Верхняя лестница, обыкновенно висевшая от площадки до двери, была на месте, но нижняя лестница была втащена наверх и поднята до самого порога. Очевидно, что незваные гости желали этим предохранить себя от всякого вне-

запного нападения.

Новых пришельцев и их число нельзя было определить, так как никто из них не показывался.

Пенкроф снова принялся окликать.

Ответа не было.

— Пройдохи! — крикнул моряк. — Посмотрите, преспокойно спят, словно у себя дома! Э-эй! Пираты, бродяги! Отродье Джона Буля![33]

Если Пенкроф, истый американец, обзывал кого-нибудь «отродьем Джона Буля», это значило самое жестокое оскорбление.

Совсем рассвело, на фасад Гранитного дворца упали лучи утреннего солнца. Но как внутри дворца, так и снаружи все было безмолвно и спокойно.

У Герберта явилась мысль привязать к стреле веревку и пустить эту стрелу так, чтобы она попала между первыми ступеньками лестницы, висевшей у дверного порога. Если это удастся, то посредством привязанной к стреле веревки лестницу можно стащить вниз и таким образом устроить прежнее сообщение. К счастью, луки

---

[33] Примечания: 33

Джон Буль (Джон Бык) — насмешливое прозвище, данное англичанам за характерные для них грубость и упрямство. Пущено в обращение в XVIII в. сатириком Арбетнотом.

и стрелы были уложены в одном из «трубных» ходов, где еще оказалось несколько десятков саженей тонкой легкой веревки, сплетенной из гибискуса. Пенкроф размотал веревку и одним концом привязал ее к самой лучшей стреле. Затем Герберт, натянув тетиву, тщательно прицелился в конец висевшей лестницы.

Остальные отступили назад и стали наблюдать, что делается в окнах Гранитного дворца. Спилетт, с карабином в руках, не сводил глаз с двери.

Стрела засвистела в воздухе и попала между двумя последними ступеньками лестницы.

Дело шло успешно!

Герберт тотчас же ухватился за конец веревки, но в ту самую минуту, когда он дернул ее, чтобы стянуть лестницу вниз, чья-то рука быстро просунулась между дверью и стеной, проворно схватила лестницу и втащила ее в Гранитный дворец.

— Ах ты, плут! — закричал Пенкроф. — Коли ты не хочешь, чтобы тебя угостили ружейной пулей, так перестань с нами шутить!

— Да кто ж это? — спросил Наб.

— Кто? Ты не догадался?.. Не узнал?

— Нет!

— Это обезьяна, мартышка, сапажу, орангутанг,

павиан, горилла! Обезьяны завладели Гранитным дворцом!

Как бы в подтверждение слов Пенкрофа три или четыре четвероруких, открыв ставни, показались в окнах и приветствовали настоящих хозяев тысячей кривляний и гримас.

— Я так и знал, что это глупая шутка! — воскликнул Пенкроф. — А вот этот шутник поплатится за остальную братию!

И моряк, схватив в руки ружье, быстро прицелился и выстрелил. Все обезьяны исчезли, кроме одной, смертельно раненной, которая свалилась на берег.

Обезьяна была огромного роста и принадлежала к числу человекообразных, то есть орангутанга, гориллы или гиббона, названных так по сходству с представителями человеческой расы. Герберт объявил, что это орангутанг.

— Экое прекрасное животное! — воскликнул Наб.

— Прекрасное, слов нет, — ответил Пенкроф, — но я все-таки еще не возьму в толк, каким образом мы войдем в Гранитный дворец?

— Герберт отличный стрелок, — сказал Спилетт, — стрел у него достаточно. Пусть он опять…

— Ладно! Эти обезьяны прехитрые твари! —

сказал Пенкроф. — Они теперь не высунут носа, и нам нельзя будет их перебить. Как я только подумаю, каких штук они настроят в комнатах, в кладовых…

— Терпение, друзья, — сказал Смит. — Они не могут долго выдержать нашей осады. Успокойтесь!

— Я только тогда успокоюсь, когда они все будут лежать на земле, — ответил Пенкроф. — Как вы полагаете, господин Смит, сколько там дюжин этих кривляк?

Трудно было ответить на вопрос Пенкрофа.

Прошло два часа, а обезьяны не показывались; только раза два или три морда или лапа просовывалась в дверь или в окно, что тотчас же вызывало ружейные выстрелы.

— Спрячемся, — сказал Смит. — Быть может, они подумают, что мы ушли, и снова покажутся. Спилетт и Герберт укроются за утесами и будут стрелять, чуть только кто-нибудь выглянет из окон.

Спилетт и Герберт, лучшие стрелки колонии, так укрылись за утесами, что обезьяны не могли их видеть. Наб, Пенкроф и Смит направились в лес поискать какой-нибудь дичи. Давно наступил час обеда, а провизии не осталось ни единой

крошки.

Через полчаса охотники вернулись с несколькими скалистыми голубями, которых кое-как зажарили. Ни одна обезьяна не показывалась из Гранитного дворца. Спилетт и Герберт присоединились к завтракавшим, а Топа оставили настороже под окнами. Утолив несколько голод, стрелки снова отправились на прежнее место за утесами.

Прошло еще два часа, а положение дел нисколько не изменилось. Четверорукие не подавали ни малейшего знака о своем существовании, и можно было подумать, что они куда-то исчезли. Но вероятнее всего, эти твари, пораженные смертью одного из своих товарищей и испуганные беспрестанным громом оружия, смирно сидели в комнатах или даже в кладовой… Стоило только подумать о богатствах, заключавшихся в этой кладовой, чтобы терпение, к которому благоразумно призывал Смит, перешло в жестокий гнев, — и, говоря по правде, было отчего гневаться.

— Это несносно, — сказал Спилетт, — мы никогда не дождемся конца этой комедии!

— Надо же, однако, выгнать оттуда этих негодяев! — крикнул Пенкроф. — Как бы к ним

пробраться?

— Пожалуй, есть один способ, — ответил Смит, которому, видимо, пришла какая-то новая мысль.

— Один? — спросил Пенкроф. — Ну что ж, значит, хороший, коли нет никаких других.

— Спуститься в Гранитный дворец по старому стоку озера, — ответил Смит.

— Тысяча тысяч чертей! — воскликнул моряк. — Как мне не пришло это на ум!

Действительно, инженер предлагал единственный способ пробраться в Гранитный дворец. Правда, отверстие стока было заделано прочной каменной кладкой, которой необходимо было пожертвовать.

Было уже за полдень, когда колонисты, вооружившись кирками, ломами и заступами, лежавшими в «Трубах», и приказав Топу оставаться на своем посту, прошли под окнами Гранитного дворца и начали подниматься на левый берег реки Милосердия с целью достигнуть плато Дальнего Вида.

Не успели они сделать и пятидесяти шагов, как услышали свирепый лай Топа. Лай походил на отчаянный призыв.

Колонисты остановились.

— Бежим! — сказал Пенкроф.

И все кинулись на берег.

Подбежав к повороту реки, они увидели, что обстоятельства изменились.

Обезьян, очевидно, что-то напугало, и они в

безумном страхе бросились бежать. Две или три с ловкостью клоунов кидались во все стороны и перескакивали с одного окна на другое. Они не озаботились даже спустить на место лестницу и в тревоге, вероятно, забыли об этом способе сообщения между Гранитным дворцом и берегом. Вскоре пять или шесть обезьян выскочили из дверей, и колонисты выстрелили по ним. Одни, раненые или убитые, попадали в комнаты, испуская пронзительные крики, другие хотели бежать, падали и разбивались насмерть, и несколько минут спустя можно было предположить, что ни одного живого четверорукого не осталось в Гранитном дворце.

— Ура! — закричал Пенкроф. — Ура! Ура!

— Ну, кричать «ура» еще рано! — сказал Спилетт.

— Это почему? Они все убиты!

— Во-первых, уже потому, что мы все-таки еще не можем войти во дворец.

— Пойдем к старому стоку, — сказал моряк.

— Разумеется, — ответил Смит. — Однако лучше было бы…

В эту самую минуту, как бы в ответ на замечание Смита, колонисты увидели, что лестница скользнула по дверному порогу, развернулась и

упала вниз к их ногам.

— Фу ты пропасть! Ну уж это что-то совсем чудно́!.. — воскликнул Пенкроф, глядя на Смита.

— Да, чудно́! — проговорил инженер и первый бросился к лестнице.

— Осторожнее! — закричал Пенкроф. — Там, может, еще остались…

— Увидим! — крикнул Смит, не останавливаясь.

Остальные последовали за ним, и через минуту все стояли у порога.

Обыскали все закоулки Гранитного дворца. Ни в комнатах, ни в кладовой, которая осталась нетронутой, не было ни одной обезьяны.

— А как же упала лестница? — спросил моряк. — Какой джентльмен нам ее сбросил?

В эту минуту послышался крик. Большая обезьяна, притаившаяся было в узком коридоре, завидев Наба, кинулась в зал.

— А, это ты, разбойник! — крикнул Пенкроф.

Он уже замахнулся топором, но Смит остановил его:

— Пощадите, Пенкроф!

— Чтобы я пощадил этого урода?

— Да! Это он нам сбросил лестницу…

Смит произнес эту фразу таким странным голо-

сом, что трудно было угадать, говорит он серьезно или шутит. Тем не менее колонисты кинулись на обезьяну, которая после мужественного сопротивления была повалена на землю и связана веревками.

— Уф! — воскликнул моряк. — Ну, Герберт, что же мы станем делать с этим молодцом?

— Он будет нашим слугой.

Говоря это, Герберт вовсе не шутил. Он знал, какую выгоду можно извлечь из смышленой породы четвероруких.

Колонисты подошли ближе к связанной обезьяне и внимательно ее осмотрели. Оказалось, что она принадлежала к тому роду человекообразных, лицевой угол которых мало отличается от лицевого угла австралийцев и готтентотов. То был орангутанг — и следовательно, обезьяна, не имеющая ни свирепости павиана, ни легкомыслия макаки, ни неопрятности сагуина, ни нервной раздражительности бесхвостой мартышки, ни дурных наклонностей черного павиана.

— Именно это семейство отличается почти человеческой смышленостью, — сказал Герберт. — В прирученном состоянии они могут служить за столом, убирать комнаты, чистить

платье, сапоги, искусно владеть ножом, ложкой, вилкой и даже пить вино… И все это — с ловкостью самого лучшего слуги о двух ногах! Известно, что один орангутанг преданно и усердно служил натуралисту Бюффону.

Пленная обезьяна была ростом около шести футов, с удивительно пропорциональными частями тела, широкой грудью, головой средней величины, с лицевым углом, доходившим до шестидесяти пяти градусов, с закругленным черепом, большим носом, с кожей, покрытой гладкой, нежной и блестящей шерстью, — словом, это был один из лучших типов человекообразных. В ее глазах, которые были несколько меньше человеческих, угадывалась смышленая живость. Ее белые зубы блестели из-под усов, а подбородок украшала небольшая кудрявая бородка орехового цвета.

— Просто красавец! — сказал Пенкроф. — Кабы только знать его язык, поговорить с ним…

— Вы, значит, не шутите, господин? — спросил Наб. — Мы вправду возьмем обезьяну к себе?

— Да, Наб, — ответил Смит, улыбаясь. — Только ты, пожалуйста, не ревнуй!

— Обезьяна, кажется, еще молодая — воспитать ее будет легко, — прибавил Герберт. — Нам не

придется ни бить ее, ни вырывать у нее клыки, как иногда это делают со старыми, упрямыми и злыми обезьянами. Она может сильно привязаться к хозяевам, которые будут ласково с ней обращаться.

— Уж разумеется, будем обращаться ласково, — сказал Пенкроф, успевший забыть все свои обеты насчет отмщения «проклятым шутникам».

Затем моряк подошел к орангутангу и спросил:

— Ну что, брат, как ты себя чувствуешь?

Орангутанг ответил тихим ворчанием, в котором не заметно было никакого неудовольствия.

— Хочешь поступить в число колонистов? — снова спросил моряк. — Хочешь быть слугой господина Сайреса Смита?

Последовало новое одобрительное ворчание.

— Согласен служить без жалованья? За харчи?

Третье ворчание, и на этот раз как бы утвердительное.

— Его речь несколько однообразна, — заметил Спилетт.

— Ну что ж, это и отлично! — возразил Пенкроф. — Чем меньше слуга разговаривает, тем он больше дела делает. А потом, заметьте, господин Спилетт, этому слуге не надо платить жалованья! Понимаешь ли, брат? — снова обратился моряк

к обезьяне. — Мы теперь не назначим тебе никакой платы, но впоследствии дадим тебе вдвое, если будем довольны твоей службой!

Таким образом, в колонии прибавился новый член, который должен был исполнять разные обязанности слуги. Что касается имени нового слуги, то моряк потребовал, чтобы в память одной обезьяны, которую он когда-то знал, орангутанга назвали Юпитером, или сокращенно — Юп.

Так дядя Юп появился в Гранитном дворце.

VII. Хозяйственные работы

Итак, колонисты острова Линкольна снова завладели своим помещением. Вскрывать прежний водяной сток не пришлось и, следовательно, они избавились от тяжелых работ по разборке стены.

— Какое счастье, — сказал Герберт, — что именно в ту самую минуту, как мы направлялись к стоку, чтобы разобрать стену, обезьяны чего-то перепугались и бросились бежать из Гранитного дворца! Но чего они испугались? Уж не догадались ли они, что готовится новый приступ с другого хода?

— Ты уж чересчур высокого мнения об их проницательности, Герберт, — заметил Спилетт.

— Чем же вы объясните их испуг, господин Спилетт? По-моему, только этим и можно объяснить их внезапное бегство.

Колонисты перенесли трупы обезьян в лес и там их зарыли. Затем они занялись приведением комнат в прежний вид; надо было только навести порядок, потому что хотя мебель и была частью опрокинута, но разбитого и поломанного не оказалось. Наб снова затопил печи, и в скором времени из запасов кладовой был готов сытный

ужин, за который все принялись с большим аппетитом.

Юп тоже не был забыт; он с удовольствием ел миндальные орехи и разные коренья, которыми колонисты запаслись в большом количестве. Пенкроф развязал ему руки, но счел за лучшее оставить путы на ногах до тех пор, пока можно будет рассчитывать на полнейшую покорность нового колониста.

Затем, прежде чем лечь спать, Смит с товарищами уселись вокруг стола и потолковали о некоторых своих проектах, которые необходимо было осуществить безотлагательно.

Самым важным и самым спешным делом была постройка моста на реке между Гранитным дворцом и южной частью острова; затем следовало устроить загон для муфлонов и других животных, которых предполагалось приручить.

Оба эти проекта, как видно, ставили вопрос об одежде — вопрос, имевший для колонистов весьма серьезное значение.

Действительно, мост, перекинутый через реку, давал возможность доставить без особых затруднений воздушный шар в Гранитный дворец и воспользоваться полотном для белья, а в загоне можно было бы настричь шерсти для зимней

одежды.

Что касается загона, то Смит намеревался соорудить его у самого устья Красного ручья, где были отличные пастбища. Дорога между плато Дальнего Вида и истоками ручья отчасти уже была проложена, и с обзаведением удобной повозкой доставка всяких материалов не представляла бы затруднений.

Но если загон можно было без всякого неудобства держать на далеком расстоянии от Гранитного дворца, то птичий двор должен находиться поблизости, чтобы повару не приходилось совершать целое путешествие за какой-нибудь уткой.

— Знаете, где лучше всего устроить птичий двор? — спросил Наб.

— Где? — откликнулся инженер.

— А около того озерного берега, что прилегает к старому стоку, — отвечал негр. — Там и водоплавающие птицы могли бы отлично поселиться.

— Ты хорошо придумал, Наб. У нас ведь есть парочка тинаму, которую мы поймали недавно?

— Да.

— Ну вот мы и попробуем их приручить.

На другой день, 3 ноября, началось сооружение моста. Колонисты, превратившиеся в плотников, с пилами, топорами и долотами спустились на

берег.

— А что, если дяде Юпу во время нашего отсутствия взбредет на ум поднять наверх лестницу, которую вчера он так любезно спустил? — заметил Пенкроф.

— Мы укрепим ее снизу, — ответил Смит.

Это было устроено при помощи двух кольев, прочно вколоченных в песок. Затем колонисты, поднявшись по левому берегу реки Милосердия, вскоре прибыли к излучине, образуемой потоком.

Здесь они остановились, чтобы обсудить, не следует ли перекинуть мост в этом самом месте. Место показалось удобным.

Действительно, отсюда до бухты Воздушного Шара, открытой накануне на южном берегу, было всего три с половиной мили, и легко было проложить удобную для езды дорогу.

Тут Смит представил товарищам весьма практичный и легко выполнимый план, который он обдумывал уже очень давно. План состоял в том, чтобы совершенно отделить плато Дальнего Вида, обезопасив его от всяких нападений четвероногих и четвероруких.

Вот как Смит рассчитывал это устроить.

Плато уже с трех сторон было защищено по-

токами, отчасти искусственными, а отчасти созданными самой природой.

С северо-запада — берегом озера Гранта, начиная с угла, упиравшегося в отверстие старого стока, до пролома, сделанного в восточном берегу озера для спуска воды.

С севера, от этого пролома до моря, — новым потоком, который проложил себе русло на плато и на песчаном берегу; стоило только углубить это русло, чтобы с северной стороны сделать плато неприступным для животных.

С востока плато было защищено морем, от устья ручья до устья реки Милосердия.

Наконец, на юге плато граничило с рекой до первой ее излучины.

Следовательно, только западная часть плато, между поворотом реки и южным углом озера, на расстоянии менее одной мили, была совсем открыта. Но ничего не стоило прорыть широкий и глубокий ров и наполнить его озерными водами, а избыток воды отвести в реку Милосердия другим водопадом.

— Таким образом, — прибавил инженер, — плато Дальнего Вида превратится в настоящий остров, ибо оно со всех сторон будет окружено водой. Плато будет сообщаться с остальными

нашими владениями в пяти местах. Будет мост, который мы перекинем через реку Милосердия, затем — два мостика, вверху и внизу водопада, и, наконец, еще два мостика: один через ров, который я рассчитываю прорыть, а другой — на левом берегу реки Милосердия. Так как эти мосты и мостики можно будет по желанию поднимать, то плато Дальнего Вида будет защищено от всякого внезапного нападения.

Чтобы лучше объяснить дело товарищам, Смит начертил план плато и показал на нем все подробности проекта. Все единогласно его одобрили, и Пенкроф, потрясая плотничьим топором, закричал:

— Прежде всего — делать мост!

Колонисты выбрали деревья, принялись их рубить, обчищать ветви, обтесывать в брусья и распиливать на доски. Мост предполагалось построить так, чтобы часть, соединявшаяся с левым берегом, была подвижная и чтобы ее во всякое время можно было поднимать с помощью противовеса, наподобие мостов через речные шлюзы.

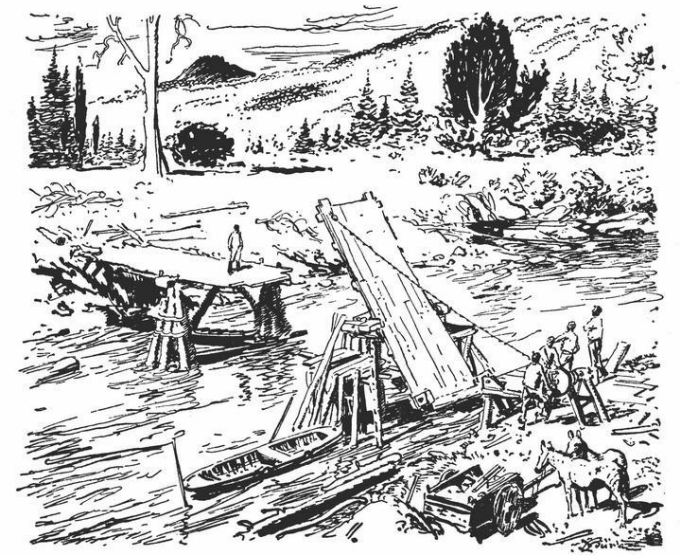
Понятно, что эта постройка требовала серьезной работы, и, как успешно ни вели ее усердные колонисты, все-таки на выполнение потребовалось немало времени, потому что река имела

около восьмидесяти футов в ширину. В дно ручья пришлось вбивать сваи и соорудить копер для вколачивания этих свай, которые должны были образовать две арки.

К счастью, не было недостатка ни в инструментах для обработки дерева, ни в железе для его оковки, ни в изобретательности человека, управлявшего всеми этими работами, ни, наконец, в усердии его товарищей, которые в течение семи месяцев поневоле набили руку во всевозможных ремеслах.

Спилетт был тоже не из последних плотников и в ловкости мог поспорить с самим Пенкрофом, который «никак не ожидал этого от простого журналиста».

Постройка продолжалась три недели безостановочно. Обедали на месте работ, и так как погода была великолепная, то в Гранитный дворец возвращались только к ужину.



За это время можно было убедиться, что дядюшка Юп начинает свыкаться с окружающей обстановкой и с новыми хозяевами и что он ко всему присматривается с чрезвычайным любопытством. Тем не менее Пенкроф еще не давал

ему полной свободы, благоразумно поджидая, пока, по принятому проекту, плато не будет со всех сторон окружено водой. Топ и Юп подружились и охотно вместе играли, но Юп всегда и во всем отличался сдержанностью и даже в играх не утрачивал своей важности.

20 ноября мост был окончен. Подвижная часть его, уравновешенная противовесом, свободно ходила на шарнирах, и самого незначительного усилия было достаточно, чтобы ее поднять. Тогда оставался промежуток футов в двадцать, и такая ширина была вполне достаточна, чтобы животные не могли проходить, когда мост поднят.

Первая пашня, засеянная единственным зерном ржи, благодаря уходу Пенкрофа находилась в цвету. Посаженное зерно дало, как и предсказывал Смит, десять колосьев, из коих в каждом было по восемьдесят зерен.

Эти восемьсот зерен, за исключением пятидесяти, которые были сохранены на всякий случай, надо было посеять на новом поле и с такой же заботливостью, как первое зерно.

Поле было расчищено и вскопано, затем окружено прочной изгородью из высоких и острых кольев, которую не могли преодолеть обитатели леса. Что касается птиц, то вертушек, пронзи-

тельных трещоток и страшных чучел, созданных фантазией Пенкрофа, было совершенно достаточно, чтобы отгонять от посева самых дерзких пернатых. Затем семьсот пятьдесят зерен были рассажены по правильно проведенным бороздам, и природа должна была довершить остальное.

21 ноября Смит приступил к рытью рва, который должен был замкнуть плато с запада. Сверху, фута на два или три, шла земля, а ниже находился гранит. Пришлось снова добывать нитроглицерин, который и в этом случае был применен с большой пользой. Менее чем за пятнадцать дней в каменистой почве плато был окончен ров, имевший двенадцать футов в ширину и шесть в глубину.

Таким же способом был вырыт новый отводный канал от скалистой окраины озера, и воды устремились в это новое ложе, образуя небольшой ручей, который назвали Глицериновым ручьем. Он сделался притоком реки Милосердия.

Чтобы завершить ограду со всех сторон, русло берегового ручья значительно расширили, а чтобы не обсыпался песок, поставили двойную изгородь.

В первой половине декабря все эти работы были совсем окончены, и плато Дальнего Вида, пред-

ставлявшее собой неправильный пятиугольник около четырех миль в окружности, было опоясано водой и совершенно защищено от нападения.

Декабрь выдался нестерпимо жарким. Однако колонисты не хотели откладывать работы. Так как теперь необходимее всего было обустроить птичий двор, то они и занялись этим.

Само собой разумеется, что, лишь только плато Дальнего Вида было заперто со всех сторон, Юпу предоставили полнейшую свободу. Он уже не оставлял своих хозяев и не обнаруживал никакого желания убежать. Это было смирное, весьма сильное и удивительно ловкое животное. Когда нужно было взобраться по лестнице Гранитного дворца, никто не мог с ним соперничать. Его приучали к некоторым работам: он таскал бревна и перевозил камни при очистке Глицеринового ручья.

— Это пока еще не каменщик, но уже «обезьяна»! — говорил шутливо Герберт, намекая на прозвище «обезьяна», которое каменщики дают своим ученикам. — И если когда-либо имя обезьяне давалось справедливо, так это в данном случае!

Птичий двор занимал на юго-восточном берегу озера площадь в двести квадратных ярдов. Его

обнесли изгородью и устроили в нем помещения для вольных летунов, которых колонисты намеревались приручить. Помещения эти представляли собой шалашики из веток, разбитые на особые отделения. В скором времени птичник был совершенно готов.

Первыми обитателями птичьего двора была пара тинаму, которая очень скоро одарила колонистов многочисленным потомством. К ним были присоединены полдюжины уток, водившихся по берегам озера. Некоторые из этих уток принадлежали к породе китайских, их крылья раскрываются наподобие веера, а по блеску и яркости своего оперения они могут соперничать с золотыми фазанами.

Несколько дней спустя Герберт поймал пару из отряда куриных, с закругленным хвостом и длинными, правильной формы перьями, — великолепных гокко, или хохлачей, которые очень скоро были приручены. Что касается пеликанов, зимородков, водяных кур, то они сами являлись на птичий двор, и весь этот маленький мир — после некоторых споров, воркования, драк, криков, кудахтанья — наконец пришел в согласие и стал быстро увеличивать будущие запасы провизии для колонии.

Смит устроил в одном из углов птичьего двора голубятню. В ней поселили около дюжины голубей, посещавших высокие утесы плато. Эти пернатые скоро привыкли каждый вечер возвращаться в свое жилище и приручались гораздо легче, чем их собратья — вяхири.

Наконец настало время перевезти остатки воздушного шара, и колонисты принялись за усовершенствование своей тяжелой повозки.

— Телега-то у нас есть, хоть и плохая, — сказал Пенкроф, — а вот запрячь-то в нее некого!

— Надо поискать, нет ли какого-нибудь жвачного животного из местных пород, которое могло бы заменить лошадь или корову, — сказал Герберт.

— Надо поискать, надо! — подтвердил Наб.

— Да-да, — говорил Пенкроф, — какая-нибудь вьючная животина была бы нам очень полезна, пока господин Смит не смастерил паровую телегу или паровоз… Со временем-то, я знаю, у нас будет железная дорога от Гранитного дворца к бухте Воздушного Шара. Одну ветвь мы проведем к горе Франклина, а другую…

— Полно мечтать, — прервал, смеясь, Герберт.

— Я вовсе не мечтаю, дружок, — отвечал моряк.

— О, воображение, как ты сильно, когда к тебе

примешивается вера! — воскликнул Спилетт.

— Что это вы толкуете про воображение, господин Спилетт! — возразил Пенкроф. — Никакого тут нет воображения. Как покатите по рельсам, так сами поверите… А пока хорошо бы поймать какое ни на есть четвероногое в упряжку!

Судьба, всегда благоволившая моряку, не заставила его долго томиться бесплодным желанием.

Однажды, 23 декабря, вдруг послышались оглушительные крики Наба и не менее оглушительный лай Топа.

Колонисты, работавшие у «Труб», тотчас же кинулись к ним, полагая, что опять случилось какое-нибудь несчастье.

Что же они увидели?

Двух красивых, крупных животных, которые забрели на плато, когда мостики не были подняты. Они несколько походили на лошадей или по крайней мере на ослов. Это были самец и самка, отлично сложенные, соловой масти, с белыми ногами и хвостами, с черными полосами, как у зебры, на голове, шее и туловище. Они спокойно шли, не выказывая колебаний, и с любопытством глядели на людей, в которых не могли еще признать своих господ.

— Онагры! — закричал Герберт.

— Так это не ослы? — спросил Наб.

— Нет, у них вовсе не длинные уши, и они гораздо красивее сложены. Они нечто среднее между зеброй и квaггой.

— Для меня решительно все равно, ослы они, или лошади, или зебры, — возразил Пенкроф. —

Главная суть в том, что это «двигатели», как говорит господин Смит, и их надо поймать!

Пенкроф, чтобы не спугнуть животных, пополз по траве до мостика через Глицериновый ручей, поднял его, и онагры очутились в плену.

Следовало ли теперь изловить их арканом и начать немедленно объезжать? Нет. Колонисты решили оставить их несколько дней свободно пастись на роскошной траве плато Дальнего Вида. Смит немедленно приступил к постройке конюшни, где онагры могли бы укрываться на ночь.

Таким образом, великолепная пара оставалась целые дни на свободе, и колонисты даже не подходили близко, чтобы их не пугать. Несколько раз, однако, онагры, привыкшие к простору и непроходимым лесным чащам, пытались убежать с плато, которое, разумеется, казалось им весьма тесным. Часто можно было видеть, как они тоскливо мечутся вблизи водной преграды, испускают пронзительные крики, затем мчатся по траве и, наконец успокоившись, останавливаются, глядя на обширные леса, которые были ими навсегда утрачены.

Между тем из растительных волокон были сделаны упряжь и постромки, и уже через несколько дней не только была готова телега, но и проло-

жена прямая дорога или, скорее, просека через лес Дальнего Запада, начиная с поворота реки Милосердия до бухты Воздушного Шара. Таким образом, в последних числах декабря можно было в первый раз запрячь онагров и проехать по новой дороге. Пенкроф успел так приручить пойманных животных, что они без всяких опасений подходили к нему и ели у него с руки; но лишь только их запрягали в телегу, они становились на дыбы, и сдерживать их стоило немалого труда.

— Ничего, ничего, — говорил Пенкроф, — теперь они уж скоро привыкнут.

— Да, — отвечал Герберт, — они недолго будут так беситься. Онагры смирнее зебр, и на них часто ездят в Южной Африке; их приручали даже в Европе.

— Посмотрим, как они отличатся сегодня! — сказал Наб.

Все колонисты, за исключением Пенкрофа, который вел животных в поводу, уселись в телегу и отправились к бухте Воздушного Шара.

Конечно, недавно проложенная дорога была очень тряская, но все-таки телега беспрепятственно могла продвигаться вперед, и в один день оболочка шара со всеми его веревками была благополучно перевезена в Гранитный дворец.

В восемь вечера телега спустилась по левой стороне ручья и остановилась на песчаном берегу. Онагров распрягли, затем отвели в конюшню, и Пенкроф, ложась спать, испустил такой глубокий и громкий вздох удовлетворения, что он был слышен по всем закоулкам Гранитного дворца.

VIII. Скотный двор

Первую неделю января колонисты посвятили шитью белья. При помощи иголок, найденных в ящике, можно было приступить к этой работе, и хотя пальцы новоявленных портных были скорее мужественные, чем деликатные, однако все, сшитое ими, надо полагать, было весьма прочным.

В нитках не было недостатка благодаря находчивости Смита, предложившего воспользоваться нитками от воздушного шара. Длинные полосы полотна были с замечательным терпением распороты Гербертом и Спилеттом, так как Пенкроф наотрез отказался от работы, медлительность которой его раздражала. Зато в шитье никто не мог с ним соперничать. Всякому известно, что моряки умеют ловко шить.

Полотно, составлявшее оболочку воздушного шара, очистили с помощью соды и поташа, добытых из пепла растений, и затем выбелили на воздухе; после этого его уже можно было употребить на белье.

Таким образом, было заготовлено несколько дюжин рубах и носков — носков, разумеется, не вязаных, а сшитых из полотна.

Можно себе представить наслаждение колонистов, когда они надели чистое белье — белье, правда, весьма грубое, но это их мало тревожило — и легли спать на простынях, которые превратили кушетки Гранитного дворца в настоящие постели.

Около того же времени были сшиты из тюленьей кожи сапоги и ботинки. Можно было утвердительно сказать, что эта обувь была удобной и просторной — ничуть не жала ногу!

В начале 1866 года погода стояла жаркая, но охота в лесу не прекращалась. Агути, мускусные свиньи, водосвинки, кенгуру — всевозможная пернатая и пушная живность кишела в лесных чащах. Спилетт и Герберт, как отличные стрелки, не теряли ни одного заряда.

Смит советовал беречь охотничьи запасы и подумывал, чем бы заменить порох и дробь, которые были найдены в ящике и которые он хотел сохранить на будущее время.

Смит не нашел и следов свинца на острове, но взамен его использовал дробленое железо. Так как железные зерна, или дробины, были легче свинцовых, то их пришлось делать крупнее, и в каждом заряде их было меньше, но искусным стрелкам это не служило помехой.

Смит мог изготовить охотничий порох, так как у него были и селитра, и сера, и древесный уголь, но операция эта требовала большого искусства; без специальных приборов очень трудно получить порох хорошего качества.

Смит предпочел приготовить пироксилин, то есть взрывчатое вещество, обычно получаемое из хлопчатой бумаги. Однако можно было обойтись и без хлопка: он применялся только ради содержащейся в нем клетчатки. Клетчатка же есть не что иное, как вещество, составляющее наружную оболочку всех растительных клеток, и находится почти в чистом виде не только в хлопчатой бумаге, но и в волокнах конопли и льна, в обыкновенной писчей бумаге, в сердцевине бузины и прочем. А бузины было много на острове, в устье Красного ручья; колонисты уже употребляли вместо кофе ягоды этих кустарников, принадлежащих к семейству жимолостных растений.

Для приготовления пироксилина надо клетчатку погрузить на четверть часа в дымящуюся азотную кислоту, затем промыть ее чистой водой и высушить. Как видно, операция весьма простая.

У Смита была обыкновенная азотная кислота, а не дымящаяся, то есть не та крепкая (концен-

трированная) азотная кислота, которая содержит менее двадцати процентов воды и при соприкосновении с влажным воздухом распространяет беловатые пары. Но инженер мог получить дымящуюся азотную кислоту, перегоняя смесь, состоявшую из трех объемов азотной кислоты обыкновенной и пяти объемов концентрированной серной кислоты, — и он действительно ее получил.

Пироксилин имеет некоторые довольно неприятные свойства, а именно: он быстро воспламеняется и мгновенно выделяет большое количество газов, которые могут разорвать огнестрельное оружие; поэтому при его использовании нельзя делать большие заряды и вообще необходима осторожность. Зато пироксилин имеет и преимущества: не изменяется под действием сырости, не засоряет ружейного дула и взрывчатая сила его вчетверо больше силы обыкновенного пороха.

Около этого времени колонисты вспахали три акра[34] плато Дальнего Вида, а остальное превратили в пастбище для онагров. Они совершили несколько экспедиций в леса Жакамара и Дальнего Запада и перевезли много диких растений:

---

[34] Примечания: 34

Акр — земельная мера, равная 4047 кв. м.

шпинат, кресс-салат, редьку, которые при хорошем уходе скоро должны были приняться и избавить колонистов от белковой диеты, как шутя называл Герберт мясную пищу, на которой они до сих пор находились. На повозке перевезли также значительное количество дров и каменного угля. Каждая экспедиция служила в то же самое время и улучшению дорог, которые укатывались под колесами повозки.

Кроличий садок также пополнял запасы провизии; на отмели почти ежедневно собирались свежие устрицы; кроме того, рыбная ловля в озере и реке тоже доставляла превосходные блюда к столу колонистов. Пенкроф расставил в разных местах удочки, снабженные железными крючками, на которые нередко попадалась отличная форель и еще какая-то чрезвычайно вкусная серебристая рыба, испещренная желтоватыми пятнышками.

Вообще, Наб, принявший на себя поварскую должность, не затрудняясь, мог разнообразить кушанья.

Единственное, чего не хватало еще колонистам, — это хлеб, и надо признаться, такое лишение было для них весьма чувствительным.

Около этого же времени колонисты охотились

за морскими черепахами, часто посещавшими мыс Северной и Южной Челюсти. Плоские песчаные берега мыса были усеяны маленькими углублениями, где лежали яйца сферической формы, отличавшиеся белой и твердой скорлупой, белок которых, в отличие от птичьих яиц, не свертывается. Число этих яиц, разумеется, было весьма значительное, так как черепаха может ежегодно снести их до двухсот пятидесяти.

— Вот настоящее яичное поле, — заметил Спилетт, — успевай только подбирать!

Но колонисты не довольствовались одними яйцами, они убили около дюжины черепах, которые были питательнее всякой дичи. Бульон из черепахи, приправленный ароматическими травами и кореньями, нередко вызывал восторженные и справедливые похвалы повару Набу.

Здесь следует упомянуть о весьма важном обстоятельстве, которое позволило колонистам сделать новые запасы на зиму.

Лососи целыми стаями нахлынули в реку Милосердия, они поднимались вверх по течению на протяжении нескольких миль. Самки, отправляясь искать более удобные места для метания икры, шли впереди самцов и производили сильный шум в спокойных водах потока. Эти

рыбы, в два с половиной фута длиной, тысячами врывались в реку, и стоило только устроить какую-нибудь запруду, чтобы ловить их в огромном количестве. Колонисты поймали их несколько сотен, засолили и сложили про запас на зиму, когда река замерзнет и всякая рыбная ловля прекратится.

Юп, отличавшийся, как мы уже говорили, чрезвычайной смышленостью, был возведен в сан камердинера. Его нарядили в куртку, короткие белые полотняные панталоны и передник с карманами. Эти карманы были его радостью и гордостью; он беспрестанно совал в них руки и никому не позволял до них дотронуться. Наб отлично вышколил ловкого орангутанга, и можно было сказать, что негр и обезьяна очень хорошо понимали друг друга. Впрочем, Юп питал к Набу искреннюю симпатию и Наб платил ему взаимностью. Когда Юп не был занят какой-нибудь работой — не возил, например, дрова, не взбирался на вершину какого-нибудь дерева, — он тотчас бежал в кухню и проводил там все свободное время, глядя на негра и стараясь подражать ему во всем, что бы тот ни делал. Учитель, впрочем, выказывал удивительное терпение и чрезвычайно усердно занимался образованием ученика, а

ученик с замечательной понятливостью выполнял уроки учителя.

Можно себе представить удовольствие, какое дядюшка Юп однажды доставил обитателям Гранитного дворца, явившись со скатертью в руке — накрывать на стол. Ловкий, внимательный, он исполнял свои обязанности безукоризненно; он переменял тарелки, приносил кушанья, наливал, кому нужно, воды, и все это с самой серьезной миной, что чрезвычайно смешило колонистов и приводило в восторг Пенкрофа.

— Юп, супу!

— Юп, еще немножко агути!

— Юп, подай тарелку!

— Юп! Милый Юп! Хороший Юп!

Только это и слышалось за столом, а Юп, нисколько не смущаясь, на все отвечал, всюду поспевал и даже гордо поднял свою смышленую морду, когда Пенкроф, вспомнив свою старую шутку, сказал:

— Ну, Юп, придется жалованье тебе увеличить!

Нечего и говорить, что орангутанг за это время совершенно привык к Гранитному дворцу и часто сопровождал своих хозяев в лес, не выказывая ни малейшего желания убежать. Стоило посмотреть

на него, когда он самым уморительным образом шел за колонистами с дубинкой, которую ему сделал Пенкроф и которую он нес на плече, как ружье. Если нужно было достать какой-нибудь плод на верхушке дерева, как быстро взбирался он по ветвям! Если телега где-нибудь завязала, как он ловко одним плечом освобождал ее и выкатывал на ровное место!

В конце января колонисты предприняли большие работы в центральной части острова. Около истоков Красного ручья, у подошвы горы Франклина, решено было построить скотный двор

— главным образом для степных баранов, или муфлонов, которые должны были дать шерсть для зимней одежды.

Скотный двор решили строить на лугу, у самого подножия горы, которая замыкала его с одной стороны. Небольшая речка протекала по лугу и терялась в водах Красного ручья. Луг был покрыт роскошной свежей травой, и раскинутые по нему деревья давали свободный доступ воздуху. Это было лучшее место для скотного двора. Оставалось только обнести луг изгородью, которая шла бы полукругом, с обеих сторон упиралась в устои горы и была настолько высока, чтобы самые ловкие животные не могли через нее перепрыгивать.

В первой части изгороди был оставлен довольно широкий проход, запиравшийся прочными воротами из толстых дубовых досок, скрепленных брусьями.

Когда через три недели скотный двор был готов, принялись за облаву около горы на роскошных пастбищах, посещаемых жвачными животными.

Охота состояла в том, чтобы загонять муфлонов и коз, постепенно суживая облаву. Смит, Пенкроф, Наб, Юп распределились по лесу, а Герберт

и Спилетт, верхом на онаграх, галопировали в полумиле вокруг скотного двора. Топ от них, разумеется, не отставал.

В этой части острова водилось очень много муфлонов. Эти красивые животные, размером с лань, отличавшиеся крепкими рогами и покрытые сероватой шерстью, походили на диких баранов.

Трудна и утомительна была эта охота. Сколько суеты, сколько беготни взад и вперед, сколько криков! В конце концов около тридцати баранов и десяток диких коз, постепенно подгоняемых к загону, ворота которого казались им единственным свободным выходом, бросились в скотный двор и, таким образом, очутились в плену.

— Ну, нам грех жаловаться на неудачу! — сказал Спилетт.

— Нечего Бога гневить! — отвечал Пенкроф. — Наловили довольно.

Из пойманных муфлонов бóльшая часть оказалась самками, которые должны были в скором времени ягниться. Следовательно, колонисты в будущем должны были иметь не только шерсть, но и кожи молодых ягнят.

В течение февраля не случилось ничего особенно важного. Ежедневные работы следовали

обычным порядком, и, пока понемногу укатывались дороги на скотный двор и к бухте Воздушного Шара, была начата третья дорога, от плато к западному берегу.

— Дела продвигаются! — говорил Пенкроф с удовольствием.

Колонисты спешили до наступления холодов с пересадкой дичков, которые были перенесены из леса на плато Дальнего Вида. Герберт ни разу не возвращался с экскурсии без того или другого полезного растения. Однажды он принес цикорий, семена которого дают превосходное масло; в другой раз он захватил обыкновенный щавель, известный своими противоцинготными свойствами; затем нашел несколько драгоценных клубней картофеля, которого в настоящее время насчитывают около двухсот видов. В огороде, который содержался в изумительном порядке, росли латук, красный картофель, репа, редька и другие крестоцветные растения. Почва на плато была удивительно плодоносная, и колонисты могли рассчитывать на превосходный урожай.

Самый прихотливый человек не мог бы пожаловаться на недостаток напитков, разумеется, если бы ему не пришло в голову требовать вина. К чаю Освего, приготовленному из монарды, и

к перебродившему ликеру, который готовили из корней драцены, Смит прибавил настоящее пиво; он получил его из молодых побегов черной пихты. После кипячения и брожения они давали приятный и, главное, полезный напиток, который англоамериканцы называют *springbeer*, или пихтовым пивом.

К концу лета птичий двор пополнили пара прекрасных дроф и несколько диких индюков с черными гребнями, похожих на мозамбикских, которые гордо расхаживали по берегу озера.

Итак, благодаря энергии и находчивости обитателей острова им все удавалось. Провидение, несомненно, сделало для них много, но эти отважные люди, верные великой заповеди, прежде всего помогали друг другу, а Небо являлось к ним на помощь только впоследствии.

По вечерам, после жарких летних дней, когда работы прекращались и задувал ветер с моря, колонисты любили сидеть на окраине своего плато, в беседке, увитой вьющимися растениями, которую Наб соорудил собственными руками. Тут они разговаривали, делились мыслями и планами, а неизменно веселое настроение моряка Пенкрофа беспрестанно оживляло этот маленький мирок, в котором никогда не нарушались самая тесная

дружба и согласие.

Говорили также о покинутой родине, о милой и славной Америке.

— Где проходят теперь военные действия, как вы полагаете, господин Спилетт? — спрашивал моряк.

— На это мне трудно вам ответить…

— А как вы думаете, долго еще будем воевать?

— Надеюсь, что недолго, Пенкроф!

— Ричмонд теперь, верно, сдался Гранту, а?..

— Я надеюсь…

— О, я в этом уверен! — прервал Герберт. — Столица союзников взята, и этим кончилась пагубная война! Теперь Север торжествует! Правое дело выиграно! Ах, с какой радостью я прочел бы теперь газету!

— Признаюсь, я бы тоже газете обрадовался, — сказал Спилетт. — Вот уже одиннадцать месяцев, как прекратилось всякое сообщение между нами и остальным человечеством, а скоро, двадцать первого марта, будет ровно год, как мы здесь.

— Неужто год? — сказал Пенкроф. — Эк время-то летит! Быстрее всякой птицы! Помните, как нас вышвырнуло из шара?

— Ох, не хочу и вспоминать! — воскликнул Наб.

— Сколько тревог тогда было! — проговорил Герберт. — Сколько страхов!

— И лишений немало! — прибавил Спилетт.

— А теперь ничего, жить помаленьку можно, — сказал Пенкроф.

Действительно, в то время они были несчастные, потерпевшие крушение люди, которые даже не знали, удастся ли им совладать со стихиями. А теперь, благодаря познаниям своего главы, благодаря своим собственным навыкам, искусству и сметливости, они — настоящие колонисты, у которых есть инструменты и оружие, которые сумели обратить себе на пользу животных, растения и минералы острова и, так сказать, покорить три царства природы.

Разговоры длились иногда часами, строились все новые планы…

Что касается Смита, то он обыкновенно больше слушал товарищей, чем говорил сам. Иногда он улыбался при каком-нибудь рассуждении Герберта или выходке Пенкрофа, но всегда и везде он размышлял о тех странных явлениях, которые он, при всей своей проницательности, никак не мог себе объяснить.

IX. Изготовление стекла

Скоро погода изменилась. Было полнолуние, и все время стояла невыносимая жара. 2 марта гроза разразилась со страшной силой. Ветер задул с востока, и град, словно картечь, сыпал прямо в фасад Гранитного дворца. Надо было наглухо запереть двери и оконные ставни, ибо в противном случае могло затопить комнаты.

Пенкроф, увидев падающие градины, из которых некоторые достигали величины голубиного яйца, так и ахнул: его засеянное поле подвергалось весьма серьезной опасности!

Он тотчас же побежал к пашне, где колосья уже начинали высовывать свои маленькие зеленые головки, и при помощи плотной парусины укрыл будущую жатву. Его самого в это время, разумеется, порядочно побило градом, но он на это не жаловался.

Буря продолжалась восемь дней. В промежутке между двумя грозами слышались глухие раскаты за пределами горизонта, затем гроза опять начинала бушевать с новой яростью. Небо было словно залито электрическим светом; удары молнии поразили много деревьев, в том числе и

огромную сосну, возвышавшуюся близ озера на лесной опушке. Два или три раза электрические стрелы упали на песчаный берег, причем песок плавился и превращался в стеклянную массу. Во время осмотра этих следов молнии Смиту пришло на ум, что следует снабдить оконные отверстия толстыми и прочными стеклами, которые могли бы защитить колонистов от ветра, дождя и града.

Колонисты воспользовались непогодой для занятий внутри Гранитного дворца, где помещение с каждым днем улучшалось. Смит устроил токарный станок, на котором можно было выточить некоторые кухонные принадлежности, а также ряд необходимых мелких предметов, и особенно пуговицы, в которых колонисты сильно нуждались. Всюду пилили, строгали, точили, и вообще, за все время непогоды только и слышно было что стук инструментов и шум токарного станка.

Дядюшка Юп тоже не был забыт: ему отвели особую комнату, близ общей кладовой, похожую на каюту, с койкой, где всегда была мягкая подстилка, и Юп был совершенно доволен. Впрочем, Юп больше всего любил возиться с кастрюлями и постоянно хлопотал на кухне.

— С Юпом у нас никогда не бывает разногла-

сий, — часто говаривал Пенкроф, — никогда никаких недоразумений! Каков слуга-то, Наб, каков!

— Мой ученик, — ответил Наб, — скоро меня совсем за пояс заткнет!

— Ну нет, не заткнет, — отвечал, смеясь, моряк, — потому что ты, Наб, все-таки умеешь говорить, а ведь он до этого никогда не дойдет.

Можно сказать, что Юпу теперь только недоставало дара слова. В расторопности, ловкости и усердии он мог бы поспорить с кем угодно. Он выбивал пыль из одежды, держал на огне вертел, подметал комнаты, накрывал на стол и подавал кушанья, укладывал дрова и — что особенно приводило Пенкрофа в восхищение — никогда не ложился спать, не приготовив как следует постели достойному моряку.

Что касается здоровья членов колонии, двуногих или четвероногих, двуруких или четверорук, то оно было вполне удовлетворительно. Проводя бóльшую часть времени на свежем воздухе, в этом умеренном поясе, работая с утра до вечера головой и руками, они не могли и думать, что кто-нибудь из них когда-либо заболеет.

Все чувствовали себя отлично. Герберт в течение этого года вырос на два дюйма. Он сильно

возмужал и обещал быть очень красивым молодым человеком. Он пользовался всякой свободной минутой после ежедневных работ, чтобы чему-нибудь научиться, читал книги, найденные в ящике, и после практических уроков, которые давала ему трудовая жизнь, занимался со Смитом различными науками, а со Спилеттом — изучением языков. Оба учителя очень его любили и с удовольствием заботились о его образовании.

Смит решил передать мальчику все свои знания, научить его всему, что он сам знал, и Герберт отлично усваивал уроки своего профессора.

«Если я умру, — думал Смит, — он меня заменит!»

Буря прекратилась к 9 марта, но небо было затянуто облаками в течение всего месяца. Атмосфера, сильно возмущенная электрическими сотрясениями, не могла обрести прежнюю ясность и чистоту: почти все время то шли дожди, то поднимались густые туманы, за исключением трех или четырех отличных дней, благоприятных для экскурсий.

В это время самка онагра произвела на свет прекрасного детеныша. На скотном дворе тоже появилось некоторое приращение к стаду муфлонов, и под навесами уже блеяло много ягнят, к

великой радости Наба и Герберта, которые тотчас же завели себе любимцев среди новорожденных.

Колонисты сделали попытку приручить пекари, и попытка эта вполне удалась. Около птичьего двора был устроен хлев, где скоро появилось много поросят, которые заботами Наба начинали, по выражению Спилетта, цивилизовываться, то есть жиреть. Дядюшка Юп, на котором лежала обязанность каждый день приносить им пищу, добросовестно исполнял свое дело. Случалось иногда, что он потешался над своими маленькими питомцами, таскал их за хвост, но он делал это ради шутки, а не со злости, потому что их крошечные крючковатые хвостики забавляли его, как какая-нибудь игрушка, а он, как дитя, любил играть.

Однажды, в марте же, Пенкроф, разговаривая со Смитом, напомнил ему об одном обещании, которое тот еще не успел исполнить.

— Вы как-то говорили про аппарат, который заменил бы собой длинную лестницу Гранитного дворца…

— А, вы говорите о подъемнике?

— Подъемник там, или как хотите его называйте, — отвечал моряк. — Дело не в названии, а в том, чтобы аппарат ваш мог поднимать…

— Это очень легко устроить, Пенкроф, но я не знаю, стоит ли.

— Разумеется, стоит, господин Смит. У нас теперь есть все необходимое, и мы можем немножко подумать и об удобствах. Для нас лично это, если хотите, будет роскошь, но для грузов — необходимо. По длинной лестнице вовсе не легко взбираться, когда за спиной большая тяжесть!

— В таком случае, Пенкроф, мы попытаемся вас удовлетворить.

— Но ведь у вас нет никакой машины.

— Мы устроим машину.

— Паровую?

— Нет, водяную.

Надо было только увеличить напор небольшой струи, проведенной из озера внутрь Гранитного дворца. Отверстие, проделанное между камнями и травами на верхней оконечности водного спуска, расширили, и таким образом у основания стока образовался значительный водопад; излишек его воды выливался через внутренний колодец. Внизу этого водопада Смит установил колесо с лопатками; это колесо снаружи соединялось с другим колесом, на которое наматывалась толстая веревка, поддерживавшая легкую ивовую корзину.

Таким образом, при помощи длинной веревки, свисавшей до самого основания гранитных стен и позволявшей по желанию включать и выключать гидравлический двигатель, можно было подниматься в корзине до самой двери.

17 марта подъемник в первый раз был приведен в действие, к великому удовольствию всей маленькой колонии. С этого дня все тяжести: дрова, уголь, всевозможная провизия — и сами колонисты поднимались наверх посредством машины. Особенно рад был Топ: он не умел, да и не мог уметь, с ловкостью Юпа взбираться по ступенькам лестницы и чаще всего поднимался в Гранитный дворец на спине Наба.

В это же время Смит задумал изготовить стекло, и ему прежде всего пришлось приспособить старую гончарную печь для этого нового назначения.

Что касается веществ, входящих в состав обыкновенного стекла, то они следующие: песок, известь и угле-натриевая или серно-натриевая соль. Песка можно было набрать на берегу, известь — получить из мела, соду — из золы морских растений (а из соды — угленатриевую и серно-натриевую соли), серную кислоту — из колчеданов; наконец, вдоволь было каменного угля.

Одним из самых важных затруднений было устройство «палки», то есть железной трубки, длиной от пяти до шести футов, на один конец которой набирается расплавленная смесь вышеозначенных веществ. Но при помощи длинной и тонкой железной полосы, которую свернули и сковали наподобие ружейного ствола, Пенкрофу удалось сделать и палку.

28 марта печь была сильно нагрета. Смесь, которая была уложена в тигли (горшки) из огнеупорной глины, состояла из ста частей песка, тридцати пяти частей извести, сорока частей серно-натриевой соли и двух или трех частей угля. Когда под влиянием высокой температуры смесь прокалилась и перешла в жидкое или, скорее, тестообразное состояние, Смит зачерпнул трубкой некоторое количество этого «теста». Затем он начал вертеть его то в одну, то в другую сторону на предварительно установленной металлической доске и таким образом старался придать тестообразной массе форму, удобную для выдувания стекла. После этого инженер передал трубку Герберту, приказывая ему дуть с другого конца.

— Так дуть, как выдувают мыльные пузыри?

— Да, совершенно так.

Герберт вложил в рот конец трубки и, ни на

минуту не переставая ее вертеть, дул так усердно, что стеклообразный комок заметно увеличился. К этому комку присоединили еще некоторое количество расплавленной массы, и таким образом скоро образовался пузырь или шар, имевший фут в диаметре. Тогда Смит снова взял трубку у Герберта и, раскачивая ее наподобие часового маятника, дал этому тягучему пузырю удлиниться.

Получился цилиндр, оканчивавшийся двумя колпачками, которые было весьма легко отрезать острой железной пластинкой, смоченной в холодной воде; затем совершенно таким же способом цилиндр был разрезан по длине. После вторичного нагревания, вследствие которого он получил прежнюю мягкость, его раскатали на доске деревянной скалкой.

Так получилось первое оконное стекло. Скоро рамы Гранитного дворца были снабжены стеклами, быть может не совсем бесцветными, но достаточно прозрачными.

Что касается стеклянной посуды, как то: стаканов, бутылок и прочего, то это была скорее забавная, чем трудная работа. Притом колонисты вообще не гонялись за изяществом, а довольствовались тем, что выдувалось из трубки.

Пенкроф тоже попросил позволения «подуть»,

но он дул так сильно, что изделия принимали самые фантастические формы. Это приводило моряка в восхищение.

Однажды во время охоты Смит и Герберт забрели в лес Дальнего Запада, и, как всегда, мальчик забрасывал инженера тысячами вопросов, на которые тот отвечал с большой готовностью. Но от охоты, как и от всякого другого занятия, если к нему относиться небрежно, нельзя ожидать никакого толка. И так как Смит не был охотником, а Герберт в этот день говорил больше о физике и химии, то много кенгуру и свинок остались целы. День подходил к концу, и охотники рисковали вернуться с пустыми руками, как вдруг Герберт радостно воскликнул:

— Ах! Господин Сайрес, видите это дерево?

И он указал скорее на куст, чем на дерево, потому что оно состояло из простого стебля, покрытого чешуйчатой корой, с листьями, исполосованными маленькими параллельными жилками.

— Какое же это дерево? Оно похоже на небольшую пальму, — сказал Смит.

— Это *cycas revoluta*! Я видел рисунок в нашей Энциклопедии естественных наук.

— Но я не вижу никакого плода на этом кусте.

— Плодов нет, — ответил Герберт, — но в его

стволе находится мука, которая может заменить нам всякую другую!

— Так это нечто вроде хлебного дерева?

— Да, это саговая пальма.

— Ну, мальчик мой, — ответил Смит, — ты сделал весьма важное открытие! Пока созреет наша пшеница, мы сможем питаться этой мукой. За дело, Герберт, и дай бог, чтобы ты не ошибся!

Смит и Герберт, заметив хорошенько часть леса, где произрастало дерево, обозначили дорогу различными зарубками.

На другой день колонисты отправились за мукой. Пенкроф, все более и более восторгавшийся своим островом, сказал инженеру:

— Верите ли вы, господин Сайрес, что существуют острова для потерпевших крушение?

— Что вы хотите этим сказать, Пенкроф?

— Я хочу сказать, что есть острова, которые нарочно приготовлены для приюта потерпевших крушение и на которых бедняги могут всегда выпутаться из беды!

— Может, и есть, — улыбаясь, отвечал Смит.

— Не «может быть», а наверняка есть, и наш Линкольн, разумеется, такой и есть!

Колонисты вернулись с целыми охапками стволов саговой пальмы. Инженер устроил пресс для

выжимания слизистого сока, примешанного к крахмалистому веществу, и таким образом добыл порядочное количество муки, которая в руках Наба превратилась в пироги и пудинги. Конечно, хлеб из такой муки был не то что из пшеничной, но все же на него похож.

Самка онагра, козы и овцы скотного двора начали ежедневно давать молоко для колонии. На скотный двор устраивались весьма частые поездки в повозке, точнее, в заменявшей ее легкой одноколке. Когда эта поездка выпадала на долю Пенкрофа, он брал Юпа и заставлял его править онагром, что обезьяна исполняла с большим искусством и даже грацией.

— Ах ты, шут гороховый! — говорил Пенкроф, смеясь. — Ишь как помахивает кнутом! Точно век ездил в кучерах!..

Итак, все процветало на скотном дворе, в птичнике и в Гранитном дворце, и, если бы колонисты не были заброшены так далеко от родины, они не могли бы ни на что пожаловаться.

Впрочем, они так привыкли к острову, так хорошо устроились на нем, что не без сожаления покинули бы свой гостеприимный уголок.

А все-таки любовь к родине всегда остается в человеке, и, если бы какое-нибудь судно вдруг

показалось на горизонте, колонисты начали бы давать сигналы, привлекли его внимание и уехали бы!.. Но в ожидании отъезда они жили счастливо и скорее боялись, чем желали какого-нибудь происшествия, которое нарушило бы мирное течение их жизни.

Но когда и кто мог похвалиться постоянством счастья? Когда и кто избегал превратностей судьбы?

Воскресенье 1 апреля, первый день Пасхи, Смит и его товарищи решили посвятить отдыху. Погода стояла чудная. После обеда все собрались в беседке на окраине плато Дальнего Вида и глядели на темневший горизонт моря. Наб подал несколько чашек настоя из бузинных ягод, заменявших кофе. Толковали об острове, о его положении в Тихом океане, вдали от всякой земли, как вдруг Спилетт спросил:

— Что, любезный Сайрес, определяли вы положение острова, после того как в ящике был найден секстант?

— Нет, — ответил Смит, — не определял.

— А это, может быть, не мешало бы сделать. Теперь у нас имеется инструмент несравненно точнее того, который вы тогда сами придумали.

— Да к чему ж определять? — спросил Пенк-

роф. — Остров хорош и там, где он есть!

— Конечно, — возразил Спилетт, — но могло случиться, что несовершенство инструментов помешало произвести верные наблюдения, и теперь, имея точный инструмент, это легко проверить.

— Ваша правда, любезный Спилетт, — ответил Смит, — я раньше должен был подумать об этой проверке, хотя если я и сделал ошибку, то она, во всяком случае, не должна превосходить пяти градусов как в широте, так и в долготе.

— Почем знать? — возразил Спилетт. — А может, мы находимся гораздо ближе к какой-нибудь обитаемой земле?

— Завтра мы это узнаем, — ответил Смит.

— Ладно! — сказал Пенкроф. — Господин Смит такой искусный наблюдатель, что не ошибется: коли остров Линкольна не тронулся с места, так он стоит там, где его раз уже поставили!

— Посмотрим.

На другой день Смит произвел при помощи секстанта наблюдения, и вот какие получились результаты из его вычислений.

По первым его наблюдениям положение острова Линкольна определялось такими данными: от ста пятидесяти до ста пятидесяти пяти градусов

западной долготы; от тридцати до тридцати пяти градусов южной широты.

По вторым, точным наблюдениям: сто пятьдесят градусов тридцать одна минута западной долготы; тридцать четыре градуса пятьдесят семь минут южной широты.

— Теперь, — сказал Спилетт, — так как, кроме секстанта, у нас есть и атлас, мы посмотрим точное место острова Линкольна.

Развернули карту Тихого океана. Смит, с циркулем в руке, приготовился к определению положения острова, но вдруг воскликнул:

— В этой части Тихого океана есть остров!

— Остров? — крикнул Пенкроф.

— Разумеется, наш остров? — спросил Спилетт.

— Нет, не наш, — ответил Смит. — Этот остров находится на сто пятьдесят третьем градусе долготы и тридцать седьмом градусе одиннадцати минутах широты; значит, он на два с половиной градуса дальше к западу и двумя градусами южнее острова Линкольна.

— Какой же это остров? — спросил Герберт.

— Остров Табор.

— Большой?

— Нет, островок, затерянный в Тихом океане и который, вероятно, редко кто посещал.

— Ну, мы побываем на нем, — сказал Пенкроф.

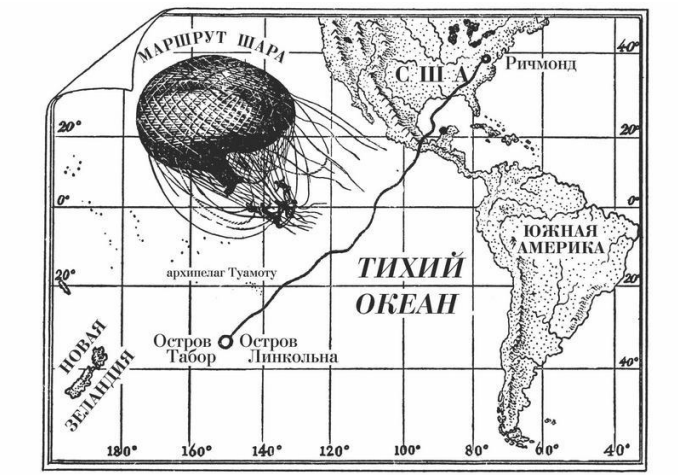
— Мы?

— Да. Мы построим палубное судно, и я берусь быть командиром. Далеко этот остров?

— Около ста пятидесяти миль к северо-востоку.

— Сто пятьдесят миль! — сказал Пенкроф. — При хорошем ветре это сорок восемь часов.

— Зачем мы поедем туда? — спросил Спилетт.



— Неизвестно. Надо посмотреть!

Решено было построить судно и предпринять путешествие в октябре, то есть с наступлением лета.

X. Постройка бота

Когда Пенкроф что-нибудь задумывал, он и сам не был покоен, и никому не давал покоя до тех пор, пока его замысел не был исполнен. Моряку хотелось посетить остров Табор, и он немедля принялся за работу.

Вот план, составленный Смитом и одобренный Пенкрофом.

Судно должно было иметь тридцать пять футов длины по килю, девять футов наибольшей ширины и не должно было сидеть в воде более шести футов, чего было достаточно для устранения дрейфа. Во всю длину его должна была идти палуба с двумя люками, которые вели в две каюты, разделенные между собой перегородкой; судно предполагалось вооружить ботиком, то есть косым большим парусом (гротом), фок-стакселем, брифоком, топселем, кливером, — парусность весьма удобная, с которой легко было справиться в случае шквала или держаться близко к ветру. Наконец, кузов судна по плану должен быть с гладкой обшивкой, то есть обшивные доски приставлялись краями, а не находили одна на другую.

Какое дерево взять? Вяз или пихту, которые в изобилии росли на острове?

Вопрос был решен в пользу пихты — дерева, способного раскалываться, но весьма легкого в обработке и мало портящегося в воде, как и вяз.

Смит и Пенкроф согласились одни работать над постройкой судна, так как свободного времени было довольно, потому что лучшая пора для плавания должна была наступить не ранее как через шесть месяцев. Спилетт и Герберт должны были охотиться, а Наб и Юп, его помощник, — оставаться дома и смотреть за хозяйством.

Тотчас деревья для постройки были выбраны, срублены, распилены вдоль. Восемь дней спустя в углублении, существовавшем между «Трубами» и гранитной стеной, были установлены стапель-блоки, и уже был готов киль длиной тридцать пять футов.

Смит и в этом новом деле ничего не делал наугад. В морских постройках он был почти такой же знаток, как и во всем другом. Он прежде всего составил чертежи и приготовил, какие были нужны, лекала. Впрочем, ему много помогал Пенкроф, работавший несколько лет на верфи в Бруклине и знавший практически корабельное дело.

Пенкроф, само собой разумеется, с жаром ухва-

тился за это новое предприятие и ни на минуту не покидал работ.

Одно обстоятельство отвлекло его от занятий на верфи, но и то только на один день, — это вторая уборка пшеницы 15 апреля. Она удалась не хуже первой.

— Пять мер! — воскликнул Пенкроф.

— Пять мер, — ответил Смит, — по сто тридцать тысяч зерен, это составит шестьсот пятьдесят тысяч зерен.

— Отлично! — сказал Пенкроф. — На этот раз мы всё посеем. Впрочем, оставим, пожалуй, немножко про запас…

— Да, Пенкроф, и если следующая жатва будет такая же, то будет четыре тысячи мер.

— И мы будем есть хлеб?

— Да, будем.

— Но ведь для этого надо построить мельницу?

— И мельницу построим.

Спилетт и Герберт заходили довольно далеко в неизведанные еще части леса Дальнего Запада, причем заряжали ружья пулями на случай какой-либо опасной встречи. Там были непроходимые чащи великолепных деревьев, росших почти сплошной стеной, словно им не было простора. Исследование этих мест было крайне трудным, и

Спилетт всегда брал с собой компас, потому что солнечные лучи едва пробивались сквозь густую листву и заблудиться было весьма легко.

В один из таких походов Спилетт сделал драгоценное открытие.

Спилетта поразил запах каких-то растений, на которых находились кисти цветков и весьма маленькие семена. Спилетт сорвал один или два стебля и, подойдя к своему спутнику, сказал:

— Посмотри, Герберт, что это такое?

— Где вы нашли это растение?

— Там, на прогалине, его много.

— Ну, господин Спилетт, поздравляю вас! Эта находка дает вам все права на признательность Пенкрофа.

— Как, это табак?

— Да, табак!

— Ах, милейший Пенкроф! Как он будет рад! Да ему одному всего не выкурить, черт возьми! Здесь хватит и на нашу долю!

— У меня появилась отличная мысль, — сказал Герберт. — Мы не скажем ни слова Пенкрофу о находке, высушим как следует эти листья и в один прекрасный день предложим ему набитую трубку!

— Превосходно, Герберт! С этого дня нашему

достойному товарищу больше нечего будет желать!

Они набрали порядочный запас табачных листьев и украдкой пронесли их во дворец — с такими предосторожностями, как будто Пенкроф был таможенным инспектором.

Смит и Наб были посвящены в тайну, но Пенкроф ничего не подозревал в продолжение двух месяцев, которые понадобились, чтобы высушить эти тонкие листья, искрошить их и довести до нужного состояния на горячих камнях.

Как ни приятна была Пенкрофу работа на верфи, однако он еще раз поневоле приостановил ее 1 мая — по случаю охоты, в которой должны были принять участие все колонисты.

Уже несколько дней в море, в двух или трех милях от берега, был замечен огромный кит.

— Вот бы нам захватить такую штуку! — воскликнул Пенкроф. — Кабы подходящая шлюпка да ловкий гарпун, я бы сейчас его захватил.

— Как бы мне хотелось поглядеть, Пенкроф, как вы владеете гарпуном! — сказал Спилетт. — Это должно быть любопытно.

— Весьма любопытно, но и небезопасно, — сказал Смит. — Во всяком случае, у нас нет средств поймать кита, поэтому и заниматься им теперь,

по-моему, совершенно бесполезно.

— Меня одно удивляет, — сказал Спилетт, — каким образом кит забрался сюда?

— Почему удивляет, господин Спилетт? — ответил Герберт. — Мы находимся именно в той части Тихого океана, которую английские и американские китоловы называют Китовым полем (Whale-Field), потому что между Новой Зеландией и Южной Америкой китов очень много.

— Совершенно верно, — добавил Пенкроф, — меня, напротив, удивляет, как это мы еще до сих пор не заметили ни одного. Ну да что ж попусту толковать об этом! Мы не можем подойти к киту, значит лучше и не рассуждать про него, не надрывать своего сердца…

И с этими словами Пенкроф снова вернулся к своим занятиям, испуская глубокие вздохи сожаления. Всякий моряк — более или менее китолов, и если удовольствие рыбной ловли прямо зависит от размеров пойманного животного, то можно себе представить, что испытывает китолов в присутствии громадного кита!

Между тем замеченный кит, по-видимому, не хотел уходить от острова.

— Экая громадная тварь! — говорил Спилетт. — Смотри, Герберт, он двигается словно скачками,

и как быстро! Любопытно, сколько миль в час?

— Миль двенадцать, а иногда и больше.

— Великолепный кит!

— Да, — отвечал со вздохом Герберт, — но нам его не поймать…

Несколько раз кит так близко подплывал к островку Спасения, что его можно было хорошо рассмотреть. То был настоящий южный кит, почти совершенно черный; голова у него была меньше и морда острее, чем у северных китов.

Нередко можно было видеть, как он выбрасывал из дыхала на довольно большую высоту струю пара или воды (как это ни странно, натуралисты и китоловы еще никак не могут сговориться по этому поводу). Воздух вылетает из дыхала или вода? Обыкновенно полагают, что это струя пара, быстро сгущающегося при соприкосновении с холодным воздухом и затем падающего в виде мелких дождевых капель.

Присутствие кита сильно занимало колонистов. Пенкроф был особенно раздражен и рассеянно продолжал свои работы на верфи. Наконец кончилось тем, что он стал просто тосковать и даже немножко капризничать, как ребенок, которому показывают и не дают игрушку. Ночью он даже бредил китом.

— Эх, кабы моя лодка могла держаться на море! — вздыхал он.

— Что ж тогда? — спрашивал Герберт. — Неужто ты бы решился атаковать его на лодке?

— Отчего же нет?

— Да помилуй, ведь это безумие!

— Уж не учи! Уж не учи!

— Какой ты стал сердитый, Пенкроф!

— Нет, голубчик, я не сердитый, — отвечал, сконфузившись, достойный моряк, — а мне, видишь, обидно, что такое чудище плавает, словно дразнит, а подойти к нему нельзя!

Но то, чего колонисты не могли сами сделать, устроилось совершенно случайно. 3 мая Наб, сторживший у кухонного окна, криками возвестил, что кит сел на мель близ берега.

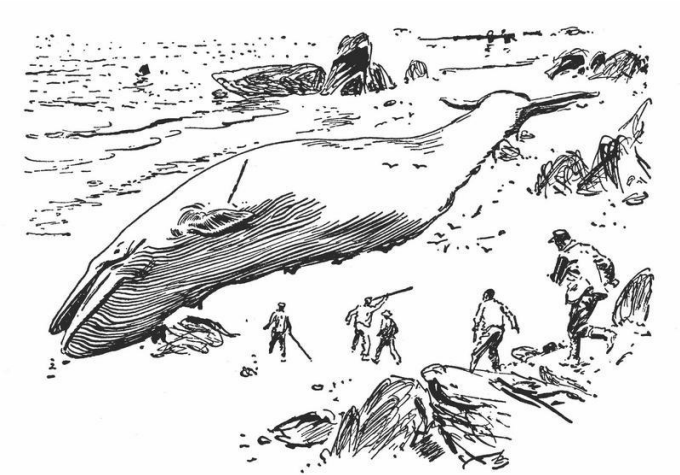
Все пустились бежать к месту «крушения» кита. Колонисты, с кирками и железными рогатинами в руках, перебежали через мост, спустились на правый берег реки, повернули ко взморью и менее чем за двадцать минут очутились около кита, над которым уже кружили целые стаи птиц.

— Ай какое чудище! — воскликнул Наб.

— Вот он! Вот он! — говорил Пенкроф, не спуская глаз с «чудища».

— Какой гигант! — сказал Герберт. — Это за-

мечательный образчик южного кита. Он имеет в длину футов восемьдесят и должен весить по крайней мере полтораста тысяч фунтов!



Между тем чудовище, севшее на мель, не двигалось и, по-видимому, вовсе не желало погрузиться в волны до наступления отлива.

Колонисты поняли причину такой неподвиж-

ности, когда во время отлива обошли вокруг кита.

Кит лежал мертвый; из его левого бока торчал гарпун.

— Что это, в наших краях завелись китоловы? — сказал Спилетт.

— Почему так полагаете? — спросил Пенкроф.

— Потому что вижу гарпун…

— Э, господин Спилетт, это еще ровно ничего не доказывает. Бывали случаи, что киты уплывали за целые тысячи миль с гарпуном в боку. То же могло случиться и с этим: его хватили гарпуном на севере Атлантического океана, а умирать он отправился на юг Тихого океана, — тут нет ничего удивительного.

— Однако ж… — сказал Спилетт, не удовлетворившийся уверениями Пенкрофа.

— Это вещь вполне возможная, — ответил Смит, — но осмотрим гарпун. Быть может, китоловы, по принятому обычаю, вырезали на нем название своего судна.

Действительно, Пенкроф, вытащив гарпун, прочел следующую надпись:

Maria Stella,

Vineyard[35].

— Корабль из Вайнъярда! С моей родины! — воскликнул он. — «Maria Stella»! Это прекраснейший китобой! И я его отлично знаю! Ах! Друзья мои, корабль из Вайнъярда!

И Пенкроф, размахивая в волнении гарпуном, раз десять повторил дорогое имя родного края.

— Это самка! — сказал Герберт, рассматривавший лежавшего на песке кита. — О, сколько у нее молока!

— Молоко-то совсем как коровье! — заметил Наб.

— По мнению натуралиста Диффенбаха, китовое молоко ничуть не хуже, — отвечал Герберт, — и действительно, оно ни по вкусу, ни по цвету, ни по густоте не отличается от обыкновенного коровьего молока.

Пенкроф когда-то служил на китобойном судне и мог последовательно провести операцию по разделке кита — операцию довольно неприятную, которая должна была длиться три дня, но которая не устрашила никого из колонистов, даже Спилетта.

---

[35] Примечания: 35
Вайнъярд — порт в штате Нью-Йорк.

— А господин Спилетт отлично справляется, — говорил моряк. — Ишь как работает! Никто не поверит, что журналист!

Китовый жир, распластанный на параллельные ломти в три с половиной фута толщиной, затем изрезанный в куски, весившие около тысячи фунтов каждый, был растоплен в больших глиняных сосудах, принесенных на самое место разделки кита, так как колонисты хотели совершить всю эту операцию подальше, чтобы не заражать воздуха Гранитного дворца. Во время перетапливания жир потерял около трети своего веса. Но его все-таки осталось еще очень много; один язык дал шесть тысяч фунтов жира, а нижняя губа — четыре тысячи. Затем, кроме жира, который должен был надолго обеспечить запасы стеарина и глицерина, колонисты получили китовый ус, и хотя в Гранитном дворце никто не нуждался ни в зонтах от дождя, ни в корсетах, тем не менее обитатели колонии всегда могли найти этому усу подходящее применение. Нижняя часть громадной пасти кита была снабжена с каждой стороны восьмьюстами эластичными роговыми пластинками волокнистого строения, разделяющимися по краям наподобие двух больших гребней, зубья которых, длиной в шесть

футов, служат киту для задерживания микроскопических животных, мелкой рыбы и моллюсков, составляющих пищу морского исполина.

Когда разделка кита была окончена, Смит взял около дюжины кусков китового уса, разрезал каждый на шесть равных частей и заострил концы.

— И что же дальше будет из этого, господин Сайрес? — спросил Герберт.

— Этим мы будем убивать волков, лисиц и даже ягуаров.

— Теперь?

— Нет, зимой, когда у нас будет лед.

— Ничего не понимаю… — ответил Герберт.

— Ты сейчас поймешь, дитя мое, — ответил Смит. — Эта ловушка не моего изобретения: ее часто используют охотники-алеуты на Аляске, в той части Америки, которая принадлежит русским[36]. Когда наступят холода, я согну в дугу эти куски китового уса, затем стану до тех пор поливать их водой, пока на них не образуется такой слой льда, который мог бы удерживать их в изогнутом состоянии. Затем я разложу эти обледеневшие кружки в разных местах по снегу,

[36] Примечания: 36

Аляска была открыта в 1741 г. русскими и принадлежала России, но в 1867 г. (вместе с Алеутскими островами) была продана США царским правительством.

предварительно прикрыв их слоем жира. Что должно случиться с алчным животным, которое проглотит одну из таких приманок? Лед, под влиянием высокой температуры желудка, обтает, и кусок китового уса, выпрямившись, проколет животное одним из своих заостренных концов.

— Вот умная выдумка! — сказал Пенкроф.

— И она сбережет порох и пули.

— Это стоит любой западни! — прибавил Наб.

— Итак, подождем до зимы.

Между тем постройка бота продвигалась, и к концу мая он был наполовину обшит.

Пенкроф с прежним увлечением предавался своему делу, и нужно было иметь его железное здоровье, чтобы без устали работать по целым дням. Товарищи тайком готовили ему награду за такие труды: 31 мая моряк должен был испытать величайшую в своей жизни радость.

В этот день, под конец обеда, в ту самую минуту, когда Пенкроф собирался встать из-за стола, он почувствовал чью-то руку на своем плече.

То была рука Спилетта, который сказал:

— Посидите еще минутку, дядюшка Пенкроф, — разве так встают из-за стола! А десерт забыли?

— Благодарствуйте, господин Спилетт, — пойду работать…

— Полно, друг любезный, хоть чашечку кофе!

— Нет, спасибо.

— В таком случае хоть покурите!

Пенкроф вдруг встал… Его добродушное лицо побледнело, когда он увидел, что Спилетт подает ему набитую трубку, а Герберт — горячий уголек.

Пенкроф хотел что-то сказать, но не мог; он схватил трубку, поднес ее к губам, затем приставил уголек к табаку и сделал одну за другой пять или шесть затяжек.

По комнате распространилось голубоватое душистое облако, и сквозь это облако послышался голос исступленного моряка, повторявшего:

— Табак! Настоящий табак!

— Да, Пенкроф, — сказал Смит, — притом лучшего сорта!

— О Провидение! Творец всех вещей! — воскликнул моряк. — Теперь на нашем острове ни в чем нет недостатка!

И Пенкроф курил, курил, курил…

— Кто сделал это открытие? — спросил он наконец. — Разумеется, ты, Герберт?

— Нет, это господин Спилетт.

— Господин Спилетт! — воскликнул моряк, прижимая к груди Спилетта, которого еще отроду так сильно не стискивали.

— Уф, Пенкроф! — ответил Спилетт, переводя дух. — Вы должны тоже благодарить Герберта, который узнал это растение, Смита, который занимался его приготовлением, и Наба, который сумел сохранить все в секрете!

— Ну, друзья мои, я вас всех когда-нибудь отблагодарю! Пока жив, буду помнить!

XI. Вторая зима

Между тем зима наступала с июня, который соответствует декабрю Северного полушария. Главной заботой колонистов стала заготовка теплой и прочной одежды.

Муфлоны были выстрижены, и их шерсть только оставалось превратить в материю.

Смит, не имевший в своем распоряжении ни чесальных, ни гладильных, ни прядильных машин, ни ткацкого станка, должен был использовать более простой способ для переработки шерсти — способ, при котором не нужно ни прясть, ни ткать. Он знал, что шерстяные волокна, если на них производить давление по всем направлениям, сбиваются, спутываются и вследствие этого образуют материю, известную под названием войлок. Войлок можно было получить простым валянием — операцией, после которой хотя и уменьшается гибкость и мягкость материи, зато увеличивается ее способность сохранять тепло. Шерсть муфлонов состояла из весьма коротких волосков, а для войлока именно это и было нужно.

Но сначала нужно было отделить от шерсти

маслянистое и жирное вещество, которым она пропитана и которое называется жиропотом. Выделение жиропота производилось двадцать четыре часа в чанах, наполненных водой и нагретых до семидесяти градусов; после этого шерсть промыли в содовом растворе; затем, после достаточного просушивания посредством прессовки, шерсть пришла уже в такое состояние, что ее можно было валять.

Особенно оказались полезны знания инженера при сооружении машины, предназначенной для валяния шерсти, так как он сумел искусно воспользоваться механической силой, до сих пор пропадавшей даром, а именно силой берегового водопада, для движения сукновальни.

Устройство ее было весьма простое. Вал, снабженный пальцами, с помощью которых поднимались и снова падали поочередно вертикальные толкушки; корыта, куда укладывалась шерсть и в которые падали эти толкушки; прочные устои и рамы, служившие для скрепления всей системы, — вот составные части машины, о которой шла речь, машины, которая была в ходу в течение многих веков, пока явилась мысль заменить толкушки цилиндрами-сжимателями и подвергнуть предназначенный к обработке материал уже не

только толчению, но и настоящему плющению, или «прокатке».

Переработка шерсти удалась вполне. Шерсть, предварительно пропитанная мыльным раствором, служившим, во-первых, для соединения волокон и их размягчения, а во-вторых, для предотвращения от порчи во время обработки, выходила из сукновальни в виде толстой войлочной скатерти. Ворсинки и все неровности шерсти так перепутались и сцепились, что составили материю, вполне годную как для одежды, так и для одеял. Разумеется, это была не мериносовая ткань, не кисея, не репс, не китайский атлас, не сукно, не фланель — то был просто «линкольнский войлок», и на острове Линкольна теперь насчитывалось одной отраслью промышленности больше.

В двадцатых числах июня наступили настоящие холода, и Пенкрофу, к великой его досаде, пришлось отложить постройку бота; впрочем, он решил во что бы то ни стало закончить его к весне.

Его неотступно преследовала одна мысль — навестить остров Табор, хотя Сайрес Смит не одобрял это путешествие, считая, что оно предпринимается из пустого любопытства: к чему

колонистам скалистый островок, пустынный и бесплодный? Его тревожила мысль, что Пенкроф собирается проплыть сто пятьдесят миль на утлом суденышке по неведомому морю. А что, если бот, попав в открытое море, не доберется до Табора, а вернуться на остров Линкольна не сможет? Что тогда станется с ним посреди грозного океана, полного опасностей? Сайрес Смит часто говорил об этом с Пенкрофом, но моряк с каким-то непонятным упрямством отстаивал свою затею, должно быть сам не отдавая себе отчета, отчего он так упорствует.

— Как же так, друг мой, — сказал ему однажды инженер, — вы расхваливали остров Линкольна, жалели, что придется его покинуть, а теперь сами хотите с ним расстаться.

— Всего лишь на несколько дней, — отвечал Пенкроф, — всего на несколько дней, мистер Сайрес. Доберусь туда и тотчас поверну обратно, только посмотрю, что это за островок!

— Да разве его можно сравнить с островом Линкольна!

— Конечно нет.

— Зачем же вам рисковать!

— Хочу узнать, что происходит на острове Табор.

— Да ничего там не происходит и не может происходить!

— Как знать!

— Ну а если разыграется буря?

— Весной это не страшно, — ответил Пенкроф. — Но вот что, мистер Сайрес, ведь все надобно предвидеть, и я прошу вас отпустить со мной в это путешествие одного лишь Герберта.

— Знайте же, Пенкроф, — произнес инженер, положив руку ему на плечо, — если с вами и с юношей, которого по воле обстоятельств считаем за сына, что-нибудь случится, мы будем безутешны.

— Мистер Сайрес, — ответил Пенкроф с непоколебимой уверенностью, — никогда мы не причиним вам такого горя. Мы еще вернемся к этому разговору, когда придет время. Впрочем, я уверен, что как только вы увидите, до чего прочно построен, до чего хорошо оснащен наш бот, и убедитесь в его мореходных качествах, когда мы обогнем наш остров — ведь мы сделаем это вместе, — то, повторяю, я уверен, вы отпустите меня без колебаний. Не скрою, ваше судно будет сделано на славу!

— Положим, *наше* судно, Пенкроф, — ответил инженер, которого обезоружили слова моряка.

На этом и прервался разговор, но он возобновлялся не раз, однако Сайрес Смит и моряк так и не переубедили друг друга.

К концу июня выпал первый снег. Скотный двор предварительно был обеспечен огромными запасами и более не нуждался в ежедневных посещениях, хотя решено было наведываться туда по крайней мере раз в неделю.

Расставили западни, и колонисты попробовали пустить в ход ловушки, придуманные Смитом. Изогнутые куски китового уса, заключенные в ледяной оболочке и прикрытые слоем жира, были размещены по лесной опушке, в том месте, где обыкновенно проходили животные, спускаясь к озеру.

К великому удовольствию Смита, изобретение алеутских охотников дало отличные результаты. Около дюжины лисиц, несколько кабанов и даже один ягуар проглотили ловушку, и колонисты нашли этих животных мертвыми, с брюхом, проколотым распрямившимся китовым усом.

Здесь следует упомянуть о попытке колонистов вступить в сношение с остальным миром.

Спилетту много раз уже приходило на ум исполнить долг корреспондента и бросить в море записку в бутылке, которую течением, быть мо-

жет, занесет к какому-нибудь обитаемому берегу, или доверить такую записку голубю.

Но была ли какая-нибудь возможность допустить, что голубь или бутылка могут перебраться через все громадное расстояние, отделявшее остров Линкольна от другой земли, — расстояние в тысячу двести миль?

Но 30 июня был изловлен, не без труда, альбатрос, которого Герберт слегка ранил в лапу. То был великолепный образчик из семейства огромных ширококрылых морских птиц, у которых размах крыльев равняется десяти футам и которые могут перелетать даже Тихий океан.

Герберту очень хотелось сохранить эту прекрасную птицу; он скоро вылечил рану на его лапке и рассчитывал приручить альбатроса, но Спилетт уверил его, что не следовало упускать удобного случая войти при посредстве пернатого курьера в сношения с обитаемыми землями Тихого океана. Герберт должен был уступить, потому что, если альбатрос залетел на остров из каких-либо обитаемых мест, он непременно полетит обратно, лишь только его выпустят.

Быть может, Спилетт, в котором даже теперь иногда проявлялись репортерские наклонности, не прочь был послать на всякий случай занима-

тельный рассказец о приключениях колонистов острова Линкольна? Какой успех ожидал бы специального корреспондента «Нью-Йорк геральд» и номер газеты, содержащий эту хронику, если бы этот материал дошел по адресу, главному редактору Джону Бенетту!

Итак, Спилетт сочинил краткую записку, которая была вложена в мешочек из плотной парусины, смазанной камедью, с настоятельной просьбой ко всякому, кто бы ни нашел эту записку, доставить ее в бюро «Нью-Йорк геральд». Мешочек привязали к шее альбатроса, а не к ноге, так как эти птицы имеют обыкновение отдыхать на поверхности моря. Затем быстрому воздушному курьеру была предоставлена свобода, и колонисты не без некоторого волнения глядели, как он исчез в тумане.

— Куда он летит? — спросил Пенкроф.

— К Новой Зеландии, — ответил Герберт.

— Счастливого пути! — крикнул моряк, не ожидавший, впрочем, толку от такой затеи.

С наступлением зимы работы внутри Гранитного дворца возобновились. Колонисты чинили старую одежду, шили новую и между прочим — паруса для бота, выкроенные из той же неистощимой оболочки воздушного шара.

В течение июля наступили неимоверные холода, но колонистам нечего было жалеть ни дров, ни каменного угля. Смит поставил в большом зале вторую печь, и здесь-то проводились долгие зимние вечера. Веселая болтовня во время работ, чтение после окончания занятий… и время неслось незаметно.

Немалое удовольствие испытывали колонисты, сидя в отлично освещенном свечами и согретом пылавшим углем зале; с чашками горячего кофе в руках, с дымящимися трубками, они прислушивались к завыванию бури… Они были бы вполне счастливы, если бы только когда-нибудь мог быть счастлив человек, очутившийся на таком расстоянии от себе подобных и не имеющий надежды с ними увидеться. Колонисты все говорили о своей родине, о покинутых друзьях, о величии Американской Республики, о ее влиянии, которое могло только увеличиваться, на остальной мир, и Смит, сильно заинтересованный в делах страны, очень занимал слушателей своими рассказами, своими краткими обозрениями и предсказаниями будущих политических событий.

Однажды Спилетт сказал инженеру:

— Но, мой любезный Сайрес, разве всему промышленному и торговому движению, которому

вы пророчите постоянное прогрессивное развитие, не грозит опасность рано или поздно прекратиться?

— Прекратиться? Почему?

— По недостатку каменного угля, который, по справедливости, можно назвать самым драгоценным из минералов.

— Да, действительно, самым драгоценным, — ответил Смит, — и природа, по-видимому, сама захотела подтвердить, что он именно самый драгоценный, когда создала алмаз, который, как вам известно, представляет только чистый кристаллический углерод.

— Вы что ж это, господин Смит, уж не хотите ли сказать, что впоследствии будут сыпать алмазы в топки паровиков и топить алмазами? — возразил Пенкроф.

— Нет, друг мой, — ответил Смит.

— Однако я все-таки настаиваю на своем, — возразил Спилетт. — Вы не станете отрицать, что когда-нибудь ископаемый уголь будет весь истреблен?

— О, месторождения угля еще слишком значительны, и сотни тысяч рабочих, которые ежегодно извлекают его из шахт в количестве ста миллионов кубических центнеров, не скоро

могут их истощить!

— С постепенным возрастанием потребления каменного угля, — ответил Спилетт, — можно сказать наперед, что эти сотни тысяч рабочих скоро увеличатся до двухсот тысяч и что угля будет извлекаться вдвое больше.

— Разумеется, но после европейских месторождений, которые новые машины могут истощить до основания, залежи каменного угля Америки и Австралии еще долго будут обеспечивать промышленность.

— Сколько времени? — спросил Спилетт.

— По крайней мере двести пятьдесят или триста лет.

— Это утешительно только для нас, — ответил Пенкроф, — а не для наших дальних родичей по нисходящей линии…

— Они подыщут что-нибудь новое, — сказал Герберт.

— Надо полагать, что подыщут, — ответил Спилетт, — потому что, если не будет угля, не будет и машин, а не будет машин, не будет ни железных дорог, ни пароходов, ни заводов — одним словом, ничего того, чего требует прогресс современной жизни.

— Но что же тогда найдут? — спросил Пенк-

роф. — Угадываете вы, господин Сайрес?

— Почти что угадываю, любезнейший Пенкроф.

— Ну чем же станут топить вместо угля?

— Водой, — ответил Смит.

— Водой! — крикнул Пенкроф. — Будут водой нагревать котлы пароходов и локомотивов, топить водой для нагревания воды?

— Да, но водой, разложенной на составляющие ее элементы, — ответил Смит, — и разложенной, разумеется, посредством электричества, которое в то время сделается могущественной силой, потому что все великие открытия вследствие неизъяснимого закона взаимно довершаются и пополняются. Да, друзья мои, я полагаю, что наступит время, когда вода заменит теперешний горючий материал, когда составляющие ее газы, водород и кислород, — используемые порознь друг от друга или оба вместе, в виде гремучего газа, — предоставят неисчерпаемый источник теплоты и света, и притом теплоты и света такой силы, какую никогда не может обеспечить каменный уголь. В то время угольные ямы пароходов и тендеры паровозов будут наполнены этими двумя газами под высоким давлением, и они в топках будут развивать громадную теплородную

силу. Нам нечего опасаться истощения горючего материала. Пока наша земля существует, до тех пор она будет служить нуждам своих обитателей и у них не будет недостатка ни в теплоте, ни в свете, точно так же, как они не будут нуждаться в продуктах растительного, минерального или животного царства. Итак, я полагаю, что, когда каменноугольные залежи истощатся, отопление будет производиться посредством воды. Вода — это уголь будущего.

— Хотелось бы посмотреть на все это! — сказал Пенкроф.

— Тебе бы следовало немного позже явиться на свет, — ответил Наб.

Разговор прервался не вследствие замечания Наба, а скорее вследствие лая Топа, который, очевидно, давал знать о своей тревоге. Собака беспокойно кружилась около отверстия колодца, который спускался к прежнему водостоку.

— Что это с Топом? — спросил Пенкроф.

— Да и Юп странно рычит, — прибавил Герберт.

Действительно, орангутанг тоже выказывал признаки тревоги, и, странная вещь, оба животных, казалось, были скорее обеспокоены, чем раздражены.

— Очевидно, — сказал Спилетт, — что колодец находится в непосредственном сообщении с морем, и какое-нибудь морское животное время от времени выныривает на поверхность подышать чистым воздухом.

— Разумеется, — ответил Пенкроф, — другого объяснения никак и не придумаешь... Ну замолчи, Топ! — прибавил он, прикрикнув на собаку. — А ты, Юп, отправляйся в свою комнату!

Обезьяна и собака умолкли. Юп отправился спать, но Топ остался в зале и в течение всего вечера не переставал глухо рычать.

Колонисты больше не заводили речи о непонятной тревоге Топа, однако Смит заметно помрачнел.

В течение остальных дней июля то шли дожди, то наступали холода. Температура не падала настолько, как в прошлую зиму, и июльские морозы не достигали прошлогодних тринадцати градусов. Зато гораздо чаще случались бури и порывистые шквалы. Море так высоко поднималось, что несколько раз заливало «Трубы». Это заставляло предполагать, что высота прилива зависит от какого-нибудь подводного волнения: чудовищные волны вздымались, как горы.

В подобные бури было трудно и даже опас-

но отправляться по дорогам острова, так как страшными порывами ветра часто валило деревья. Тем не менее колонисты не пропускали ни одной недели, не посетив скотного двора. По счастью, скотный двор, отлично защищенный горой Франклина, не мог особенно пострадать от свирепого урагана; деревья, навесы и изгородь — все уцелело. Зато птичий двор на плато Дальнего Вида, находившийся как раз на восточном ветру, потерпел значительные повреждения. С голубятни два раза срывало крышу, изгородь повалилась. Все это надо было перестроить, и попрочнее, ибо теперь стало ясно, что предстоят суровые испытания.

— Надо все скорее поправить! — сказал Герберт.

— Не поправить, а соорудить новую, прочнее, — возразил Пенкроф.

— Да, — сказал Смит, — по всему видно, что наш Линкольн находится в самых бурных областях Тихого океана. Он, по-видимому, представляет центральный пункт обширных циклонов, которые хлещут, подобно хлысту, подгоняющему вертящийся волчок. Только в настоящем случае волчок стоит неподвижно, а вертится хлыст!

В течение первой недели августа шквалы

утихли, но температура понизилась до минус двадцати двух градусов. Небо обрело спокойствие, которое, как еще недавно казалось, утратило навсегда.

3 августа была проведена экспедиция к Утиному болоту. Охотников соблазняла дичь, расположившаяся в этих местах на зиму. Дикие утки, бекасы, чирки так и кишели там. Смит, под предлогом какой-то работы, остался в Гранитном дворце.

Лишь только охотники перешли мост через реку Милосердия, Смит поднял его и вернулся в Гранитный дворец с мыслью непременно привести в исполнение давно задуманный план. Инженер решил самым тщательным образом обследовать внутренность колодца.

Почему Топ так часто кружится около его отверстия? Почему он так странно лает всякий раз, когда какое-то беспокойство тянет его к этому колодцу? Почему Юп тоже выказывает тревогу? Нет ли в этом колодце, кроме вертикального отверстия, идущего к морю, боковых ходов в другие части острова?

Спуститься на дно колодца было легко, воспользовавшись веревочной лестницей, которая лежала без применения со времени устройства подъемника. Смит притащил лестницу, взял

зажженный фонарь, револьвер и, заткнув за пояс охотничий нож, начал спускаться по ступенькам.

Стенки всюду были сплошные, но местами попадались скалистые выступы; по ним можно было подниматься до верха отверстия колодца.

Смит принял это к сведению, но, осматривая самым добросовестным образом при свете фонаря выступы, он не нашел ни малейшего следа, никакого излома, который навел бы на мысль, что они когда-нибудь служили ступеньками.

Смит спустился глубже, освещая каждую точку стенки колодца.

Нигде он не заметил ничего подозрительного.

Когда Смит дошел до последней ступеньки, он почувствовал водную поверхность, которая в это время была совершенно спокойна.

Стена, по которой Смит ударял рукояткой ножа, издавала глухой звук. Это был плотный гранит, в котором никакое живое существо не могло проложить себе дорогу. Чтобы достигнуть дна колодца и затем подняться к отверстию, необходимо было пройти через канал, всегда наполненный водой, которым колодец сообщался с морем, а это было доступно только морским животным.

Смит поднялся наверх, вытащил лестницу,

прикрыл отверстие колодца и, погруженный в думы, вернулся в большой зал, повторяя:

— Я ничего не видел, а между тем там что-то есть!

XII. Послание

Охотники в тот же вечер вернулись, буквально навьюченные дичью: они принесли все, что могут поднять четыре человека. У Топа на шею были надеты четки из уток-шилохвосток, а Юп был увешан связками бекасов.

— Вот, господин Сайрес, — крикнул Наб, — вот как мы распорядились сегодняшним днем! Видите, какой запас? Тут консервам и паштетам и конца не будет! Только кто-нибудь из вас, господа, должен мне помочь. Я на тебя рассчитываю, Пенкроф.

— Не могу. Мне надо приняться за оснастку бота. Ты лучше бы оставил меня в покое.

— А вы, господин Герберт?

— Мне надо завтра сходить на скотный двор…

— Значит, вы, господин Спилетт, поможете?

— Я к твоим услугам, Наб. Только предупреждаю: если ты откроешь мне тайны своей стряпни, я их опубликую!

— Как вам будет угодно, — ответил Наб.

Смит сообщил Спилетту о результатах проведенного накануне исследования, и Спилетт согласился с мнением инженера, что хотя в ко-

лодце ничего не найдено, однако тут кроется какой-то секрет, который пока нельзя разгадать.

Холода стояли еще неделю, и колонисты выходили только для наблюдения за птичьим двором. Ученые гастрономические манипуляции Наба и Спилетта распространяли по всему жилищу запах всевозможных печеностей и жаркого.

Так как на дворе стоял сильный мороз и дичь могла хорошо сохраниться, то дикие утки были съедены в свежем виде, причем колонисты единогласно решили, что они вкуснее всякой другой дичи.

В течение этой недели Пенкроф с помощью Герберта, который искусно владел парусной иглой, так усердно работал, что паруса были совсем окончены. В пеньковых снастях недостатка не было, так как оставшиеся канаты и веревки были сделаны из превосходного троса. Паруса были обшиты прочным ликтросом, и осталось еще довольно материала для фалов, шкотов, вантов и прочего. Что касается блоков, то их выточил Смит на токарном станке.

Пенкроф сшил также флаг из полотен синего, красного и белого цветов; цвета эти он получил с помощью некоторых красильных растений. К тридцати семи звездам, сверкающим на флагах

американских яхт, Пенкроф прибавил тридцать восьмую — звезду «штата Линкольн», так как он считал свой остров уже присоединенным к великой республике.

— Кто ж его присоединил? — спросил, улыбаясь, Герберт.

— Я присоединил! — ответил моряк. — Сердце мое присоединило.

В ожидании, пока строительство судна будет завершено, колонисты водрузили этот флаг в среднем окне Гранитного дворца и приветствовали его троекратным «ура».

Между тем сезон холодов подходил к концу, и эта вторая зима, казалось, прошла совсем благополучно, как вдруг около четырех часов утра их разбудил сильный лай Топа.

— Что такое? — спросил Смит.

Все кинулись к окнам.

Перед их глазами слабо белело снежное пространство. В ночном мраке слышался какой-то странный не то визг, не то вой.

Очевидно, на плато прорвались какие-то звери.

— Что это за звери? — крикнул Пенкроф. — Каким образом они сюда пробрались?

— Они прошли через мостик, — ответил

Смит, — а мостик кто-нибудь забыл поднять…

— Да-да, правда, — сказал Спилетт, — я теперь вспоминаю, что не поднял его…

— Ну отличились же вы, господин Спилетт! — крикнул Пенкроф. — Экая беда!

— Что сделано, то сделано, и уж не воротишь, — сказал Смит. — Подумаем лучше о том, что сейчас делать…

— Но что это за звери? — еще раз спросил Пенкроф, когда вой, визг и лай сделались громче. — Они лают, как собаки!

Этот лай заставил Герберта вздрогнуть; он вспомнил, что такой лай он уже слышал в свое первое посещение истоков Красного ручья.

— Это дикие американские собаки, они же лисы! — сказал он.

— Вперед! — крикнул моряк.

Вооружившись топорами, ружьями и револьверами, все бросились в корзину подъемника и спустились на песчаный берег.

Дикие собаки, когда они собираются большими стаями и мучимы голодом, весьма опасные животные. Тем не менее колонисты не побоялись кинуться в стаю, и первые выстрелы из револьверов, сверкнувшие в ночной темноте подобно молнии, заставили отступить нападав-

ших зверей.

Прежде всего необходимо было помешать этим грабителям подняться до плато Дальнего Вида, потому что тогда они напали бы на плантации и птичий двор, где могли произвести страшные, быть может ничем не восполнимые опустошения, особенно на засеянной ниве. Но так как набег на плато звери могли произвести только через левый берег реки Милосердия, то надо было поскорее загородить узкий проход, находившийся между рекой и гранитной стеной.

Это все сразу сообразили и успели быстро перекрыть дорогу. Топ с широко открытой пастью стоял впереди колонистов, а за ним следовал Юп, вооруженный сучковатой дубиной, которой он потрясал, как палицей.

Ночь была чрезвычайно темная. Только при блеске выстрелов колонисты замечали нападавших, которых, вероятно, было не менее сотни; глаза их сверкали в темноте, как горящие свечи.

— Надо постараться, чтобы они здесь не прошли! — крикнул Пенкроф.

— Не пройдут! — ответил Смит.

Колонисты геройски защищали занятую позицию. Последние ряды диких собак напирали на первые, и в проходе завязалась жестокая схватка. Поминутно раздавались выстрелы из револьве-

ров, и при свете выстрелов сверкали топоры. Уже много собачьих трупов лежало на земле, но стая собак, по-видимому, не только не уменьшалась, а, напротив, казалось, беспрестанно увеличивалась от нового наплыва со стороны мостика.

Вскоре колонисты должны были вступить, что называется, в рукопашную. Все получили по нескольку ран, но легких. Герберт выстрелом из револьвера защитил Наба, которому на спину собиралась броситься, подобно тигру, дикая собака. Топ дрался со страшной яростью, вцепляясь в горло противникам и загрызая их насмерть. Юп, вооруженный своей дубинкой, бешено колотил направо и налево, и колонисты напрасно старались удержать его в арьергарде. Одаренный зоркими глазами, которые так же хорошо видели в ночной темноте, как и днем, он отличался более всех в этой кровопролитной битве и время от времени издавал пронзительный свист, служивший у него знаком ликования. Иногда он заходил так далеко вперед, что при свете выстрелов колонисты могли видеть его окруженным пятью или шестью большими собаками, с которыми он расправлялся с редким хладнокровием.

Наконец после двухчасовой битвы колонисты одержали победу. С первыми лучами солнца дикие собаки отступили; они перебрались через мостик, который Наб поспешил тотчас же поднять.

— А Юп! — крикнул Пенкроф. — Где Юп?

Юп исчез. Наб звал своего друга, и этот друг в первый раз не откликнулся на его зов.

Все принялись за поиски; каждый боялся найти его в числе убитых.

— Вот он! — воскликнул Наб.

Юп лежал среди целой груды собачьих трупов; раздробленные челюсти и перебитые спины доказывали, что им порядком досталось от страшной дубины отважного орангутанга. Бедный Юп все еще держал в руке обломок этой дубины: лишенный оружия, он не мог справиться с большим числом кровожадных тварей и получил несколько глубоких ран.

— Жив! — крикнул Наб, наклонившись к обезьяне.

— И мы его спасем, — ответил Пенкроф, — мы будем всячески за ним ухаживать!

Юп, казалось, понял слова, потому что склонил голову на плечо Пенкрофу и как будто благодарил его.

Юп, поддерживаемый Пенкрофом и Набом, был приведен к подъемнику; у него вырывались едва слышные стоны. Его положили на матрас, который сняли с одной из кушеток, и с большим старанием обмыли раны на его груди. По-видимому, раны были не смертельны, но Юп совсем ослабел от потери крови, и его сильно лихорадило.

После перевязки его уложили в постель, определили ему строгую диету — «совсем как доподлинному больному».

линному человеку», по выражению Наба, — и заставили выпить несколько чашек настоя из целебных трав.

Сначала сон Юпа был тревожен, но мало-помалу дыхание его становилось спокойнее, и колонисты, соблюдая величайшую тишину, оставили его одного. Время от времени Топ, пробираясь, можно сказать, «на цыпочках», приближался к своему другу и, казалось, одобрял уход колонистов за больным. Одна лапа Юпа свисала с кровати, и Топ лизал ее с грустным видом.

Нападение собак, которое могло иметь весьма дурные последствия, послужило уроком колонистам, и с этих пор они никогда не ложились спать, пока кто-нибудь из них не осмотрел, все ли мосты подняты.

Между тем Юп спустя несколько дней начал поправляться. Лихорадка мало-помалу ослабевала, и Спилетт, который был немножко сведущ в медицине, предсказывал скорое выздоровление. 16 августа Юп начал есть. Наб нарочно для него готовил легкие и сладкие кушанья, которые больной смаковал с наслаждением. Кстати заметим, что если у Юпа был какой порок, так это — маленькое обжорство, от которого Наб никогда не старался его отучить.

— Что ж делать? — говорил Наб Спилетту, когда тот иногда упрекал его, что он балует орангутанга. — У бедного Юпа одна только радость: хорошая еда, и я очень доволен, что хоть этим могу вознаградить его за все услуги.

Скоро Юп встал с постели. Раны зажили, и по всему было видно, что к нему скоро вернутся прежние проворство и бодрость. Как у всех выздоравливающих, в это время у него появился страшный аппетит, и Спилетт позволил ему есть что угодно, потому что он положился на инстинкт, которого часто не бывает у разумных существ, и этот инстинкт должен был предохранить орангутанга от излишеств.

Наб был в восхищении от его аппетита.

— Ешь, дружище, ешь, ничем не стесняйся! — говорил он Юпу. — Ты пролил за нас кровь!

25 августа послышался голос Наба:

— Господин Сайрес, господин Гедеон, господин Герберт, Пенкроф, пойдите сюда! Скорее! Скорее!

Колонисты поспешили на зов.

— Что такое?

— Поглядите! — ответил Наб, разражаясь громким смехом.

Что увидели колонисты?

Юп сидел, подобно турку, на пороге и самым

серьезным образом курил трубку.

— Моя трубка! — воскликнул Пенкроф. — Он взял мою трубку! Ах ты проказник этакой! Ну, я тебе дарю ее! Кури, любезный друг, кури!

А Юп в это время важно пускал густые клубы дыма и, казалось, был в восхищении.

Смит не очень удивился; он рассказал несколько примеров прирученных обезьян, для которых курение табака делалось привычкой.

С этого дня трубка Пенкрофа перешла во владение Юпа и всегда висела у него в комнате около запаса табака. Он сам набивал трубку, сам зажигал ее горячим угольком и, казалось, был счастливейшим из четвероруких. Само собой разумеется, что такое сходство во вкусах только укрепило дружеские узы между достойной обезьяной и Пенкрофом.

— Быть может, это человек? — говорил иногда Пенкроф Набу. — Разве ты удивишься, если услышишь, что он заговорит?

— Ей-богу, не удивлюсь! — отвечал Наб. — Мне скорее удивительно то, что он еще до сих пор не умеет говорить.

— А было бы забавно, — сказал моряк, — кабы он в один прекрасный день мне сказал: «Не поменяться ли нам трубками, Пенкроф?»

— Да, — ответил Наб. — Как жаль, что он нем от рождения!

В сентябре холода прекратились. Колонисты могли приняться за работы на воздухе.

Постройка бота быстро продвигалась. Обшивка бортов была совсем окончена, и строители принялись за внутреннее его скрепление, служившее для связи всех частей кузова.

Так как в дереве недостатка не было, то Пенкроф предложил Смиту изнутри укрепить корпус другой, непроницаемой для воды обшивкой, чтобы вполне быть уверенным в прочности судна.

Смит, полагавший, что в будущем всего можно ожидать, одобрил мысль Пенкрофа придать ботику возможно большую прочность.

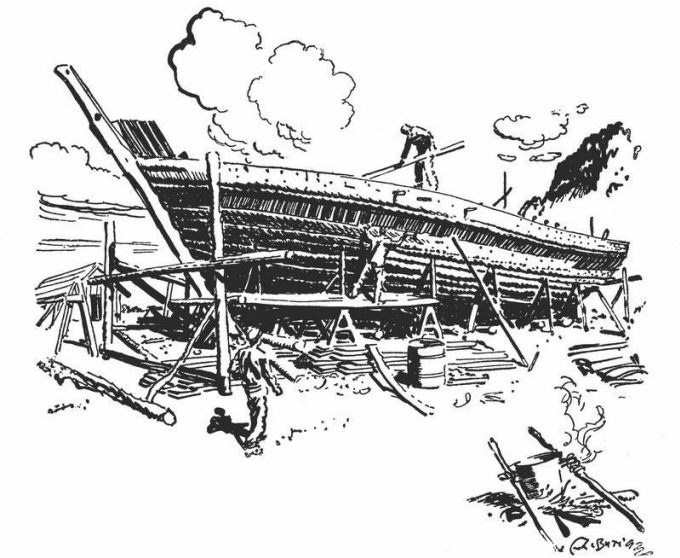
Внутренняя обшивка и палуба судна были совсем закончены к 15 сентября. Для конопачения пазов колонисты использовали паклю из сухой морской травы и залили их кипящей смолой, добытой посредством перегонки соснового дерева.

Балластом послужили тяжелые обломки гранита. Поверх балласта настелили помост. Внутренность судна была разделена на две каюты, вдоль которых шли две скамьи, служившие и ящиками. Каюты разделялись переборкой, и в каждой каюте имелся люк на верхнюю палубу,

снабженный крышкой.

Пенкрофу ничего не стоило выбрать подходящее дерево для рангоута. Мачту он вырубил из молодой пихты, прямой и несучковатой, оставалось только обтесать ее и закруглить верхушку. Железные скрепления для мачты, руля и самого кузова были хотя грубо, но прочно сделаны в кузнице «Труб».

Тем временем повседневные работы шли своим чередом. В загоне соорудили новые выгородки, потому что и у муфлонов, и у коз появилось немало молодняка, которому нужны были кров и корм. Колонисты по-прежнему часто наведывались на устричную отмель, в крольчатник, в места залежей угля и железа и даже в глухие места леса Дальнего Запада, где водилось много дичи.



Они нашли еще кое-какие местные растения, может быть и не такие уж необходимые, зато вносившие разнообразие в меню Гранитного дворца. Это были полуденники различных видов, у одних были мясистые съедобные листья, из

семян других добывали что-то вроде муки.

10 октября ботик был спущен на воду.

Пенкроф сиял. Операция удалась вполне. Судно в полной оснастке было передвинуто на катках к краю берега и, поднятое приливом, поплыло при дружных рукоплесканиях колонистов, и особенно Пенкрофа, который нисколько не стеснялся в выражениях своего восторга. Впрочем, это был еще не предел гордости моряка, так как, окончив постройку судна, он сделался его командиром.

Чин капитана был присвоен Пенкрофу с общего согласия.

— А как же мы назовем ботик? — спросил капитан Пенкроф.

— Да-да, необходимо его окрестить! — сказал весело Герберт.

После многих предложений колонисты решили дать боту имя «Благополучный».

В тот же день был произведен пробный выход в море. Погода стояла прекрасная. Дул свежий ветерок, но волнение было небольшое.

— На «Благополучный»! — крикнул капитан Пенкроф.

Но, прежде чем пуститься в плавание, следовало позавтракать, а кроме того, захватить провизию с собой — на тот случай, если прогулка

затянется до вечера. Сайресу Смиту тоже хотелось поскорее испытать бот, сделанный по его чертежам, и хотя он не раз менял некоторые детали по совету моряка, но все же не был так непоколебимо уверен в судне, как Пенкроф, и надеялся, что моряк откажется от намерения отправиться на остров Табор, поскольку тот уже давно не заговаривал об этом. Сайресу Смиту было страшно подумать, что его товарищи отважатся пуститься в плавание на таком маленьком суденышке, водоизмещением не больше пятнадцати тонн.

В половине одиннадцатого все были на борту корабля, даже Топ и Юп. Наб и Герберт подняли якорь, зарывшийся в песок против устья реки Милосердия, и «Благополучный», подняв косой грот с развевающимся на мачте флагом острова Линкольна, вышел в открытое море под командованием капитана Пенкрофа.

Чтобы выйти из бухты Союза, надо было пойти на фордевинд, то есть полным попутным ветром, и колонисты могли убедиться, что при подобном ветре суденышко держит достаточную скорость.

Обогнув мыс Коготь, Пенкроф должен был держать курс по ветру, чтобы пойти вдоль южного берега; сделав несколько галсов, он заметил, что «Благополучный» может идти около пяти румбов

от ветра, не сильно дрейфуя. Суденышко было весьма маневренным и вообще вполне годилось для лавировки.

Пассажиры восхищались ходом ботика. В их распоряжении было судно, которое при случае могло сослужить им службу. Теперешняя прогулка, при прекрасной погоде и свежем береговом ветре, была восхитительна.

Пенкроф держался в море в трех или четырех милях от берега, на траверзе бухты Воздушного Шара. Отсюда перед глазами колонистов открывался остров со всеми очертаниями побережья, начиная от мыса Коготь до Змеиного мыса.

— Как хорош вид отсюда! — сказал Герберт. — Посмотрите, господин Спилетт, на леса, как хвойные резко очерчиваются на молодой листве других деревьев… А гора Франклина! Видите, на вершине белые снежные пятна? О, как хорош наш остров!

— Да, наш островок ничего себе… — ответил Пенкроф. — Знаете, я люблю его, как любил когда-то свою бедную мать! Он такой же добрый… Он принял нас несчастными и нищими и всем наделил! Чего теперь не хватает его пятерым детям, которые словно с неба на него свалились?

— Всего вдоволь, Пенкроф; всего вдоволь, капи-

тан, — ответил Наб.

И оба приятеля разразились страшным троекратным «ура» в честь своего острова.

В это время Спилетт, прислонившись к мачте, набрасывал в блокноте открывшуюся панораму.

Смит безмолвно глядел на остров.

— Ну, господин Сайрес, что вы скажете о нашем ботике? — спросил Пенкроф.

— Что ж, он построен недурно.

— А что вы думаете насчет дальнего плавания?

— Какого плавания?

— На остров Табор, например?

— Друг мой, — ответил Смит, — я думаю, что в крайнем случае можно, не колеблясь, отважиться выйти в море на «Благополучном» даже и в дальнее плавание; но, вы это знаете, мне бы не хотелось, чтобы вы отправились на остров Табор. Я в этом не вижу никакой пользы.

— Всегда приятно познакомиться со своими соседями, господин Смит, — ответил Пенкроф, упорно стоявший на своем. — Остров Табор — наш сосед, и заметьте, наш единственный сосед! Учтивость требует, чтобы мы побывали на нем, по крайней мере нанесли бы хоть один визит!

— Черт возьми! — сказал Спилетт. — Приятель

наш Пенкроф решил всех превзойти в учтивости!

Моряку было немножко досадно: ему не хотелось огорчать Смита, и в то же время он желал во что бы то ни стало посетить остров Табор.

— Подумайте, Пенкроф, еще и о том, — продолжал Смит, — что вы не можете один отправиться.

— Мне будет достаточно одного компаньона.

— Значит, из пяти колонистов вы хотите лишить колонию двух?

— Из шести! А Юп?

— Из семи! — прибавил Наб. — Топ тоже идет в счет!

— Я уверен, что тут нет никакого риска, — продолжал Пенкроф.

— Может быть; но, я повторяю вам, отважиться на такое путешествие — значит без всякой нужды подвергнуть себя опасности!

Упрямый моряк ничего не ответил.

Продержавшись некоторое время в море, ботик двинулся к берегу, направляясь к бухте Воздушного Шара. Необходимо было осмотреть узкие проходы между песчаными отмелями и рифами, чтобы в случае нужды поставить бакены, так как бухта должна была служить гаванью для бота.

До берега оставалось не более полумили, и надо было лавировать, чтобы при встречном ветре добраться до места.

Ботик двигался довольно тихо, потому что береговой ветер, отчасти задерживаемый высоким берегом, слабо надувал паруса.

Герберт, стоявший на носу и указывавший путь, по которому надо было следовать в проходах, вдруг воскликнул:

— К ветру, Пенкроф! Держи круче!

— Что такое? Камень?

— Нет… погоди, — сказал Герберт. — Не вижу хорошенько… еще к ветру… хорошо… так держи!..

Герберт растянулся вдоль борта, быстро опустил руку в воду и, поднимаясь, воскликнул:

— Бутылка!

Герберт держал в руке закупоренную бутылку!

Смит схватил бутылку. Не произнеся ни единого слова, он вытащил пробку и вынул отсыревший кусок бумаги, на котором было написано:

«Потерпевший крушение… Остров Табор: 153° вост. долг. — 37° 11′ юж. шир.».

XIII. Остров Табор

— Потерпевший крушение! — воскликнул Пенкроф. — Человек в нескольких сотнях миль от нас, на острове Табор! А, господин Сайрес, теперь вы не станете противиться моему путешествию!

— Нет, Пенкроф, и вы отправитесь как можно скорее.

— Завтра?

— Да, завтра.

Смит держал в руке бумагу. Он несколько минут смотрел на нее, потом сказал:

— Из этого документа, друзья мои, из самой формы, в которой он составлен, следует заключить, во-первых, что потерпевший крушение у острова Табор — человек, довольно сведущий в морском деле, потому что он дает широту и долготу острова; во-вторых, это англичанин или американец, так как документ написан по-английски.

— Это вполне логичные заключения, — ответил Спилетт. — Этот несчастный человек, кто бы он ни был, все же везучий, ведь Пенкрофу пришла мысль построить ботик и испробовать его именно сегодня, потому что, отправься мы на это испытание днем позже, выловленная Гербер-

том бутылка могла бы разбиться на каменных рифах.

— В самом деле, — сказал Герберт, — какая счастливая случайность, что «Благополучный» проходил здесь именно в то время, когда бутылка еще плыла!

— И это не кажется вам странным? — спросил Смит Пенкрофа.

— По-моему, это просто удача, и ничего больше, — ответил моряк. — Разве вы видите в этом что-нибудь необычное? Бутылка откуда-нибудь да плывет, почему ж ей не заплыть в какое-нибудь другое место, а не сюда? Коли не странно заплыть в одно место, то не странно заплыть и в другое!

— Вы, может быть, и правы, Пенкроф, — ответил Смит, — однако…

— Знаете, господин Смит, — заметил Герберт, — эта бутылка недавно плавает по морю…

— Да, недавно, — добавил Спилетт, — и даже самый документ, как кажется, написан недавно. Что вы на это скажете?

— Это трудно проверить; впрочем, мы впоследствии узнаем…

Пока шел разговор, Пенкроф не оставался без дела. Он повернул на другой галс, и ботик на всех

парусах быстро пошел к мысу Коготь.

Каждый из колонистов думал о потерпевшем крушение у острова Табор. Можно ли было еще спасти его?

Какое событие в жизни колонистов! Они сами были такие же несчастные, но мысль, что другой может находиться в гораздо худших условиях, заставляла их спешить на помощь ближнему.

Обогнув мыс Коготь, ботик около четырех часов стал на якорь около устья реки Милосердия.

В тот же вечер обсуждалась экспедиция на остров Табор.

Все согласились, что Пенкроф и Герберт, умевшие хорошо управлять судном, могут одни предпринять путешествие. Отправившись на следующий день, 11 октября, они могли прибыть на остров 13-го, так как при дувшем в то время попутном ветре требовалось не более сорока восьми часов для перехода полутораста миль. Положив пробыть один день на острове, три или четыре дня на обратный путь, они могли надеяться, что 17-го возвратятся домой.

Погода стояла отличная; барометр равномерно повышался; ветер, по-видимому, прочно установился в одном направлении, и все вообще благоприятствовало этим энергичным людям,

которых человеколюбие побуждало покинуть свой остров и пуститься в далеко не безопасное плавание.

Решили, что Смит, Наб и Спилетт останутся в Гранитном дворце, но Спилетт, никогда не забывавший своей профессии корреспондента «Нью-Йорк геральд», объявил, что скорее отправится вплавь, чем упустит такой случай, и был назначен третьим в предстоявшее плавание.

Вечер прошел в переноске на ботик постелей, инструментов, оружия, боеприпасов, компаса и провизии дней на восемь.

На другой день в пять утра колонисты не без некоторого волнения простились. Пенкроф, поставив паруса, направил ботик к мысу Коготь, который надо было обогнуть, чтобы затем направиться на юго-запад.

Ботик находился уже в четверти мили от берега, когда его пассажиры заметили на высотах Гранитного дворца двух человек, прощально махавших им.

— Наши друзья! — крикнул Спилетт. — В первый раз за пятнадцать месяцев мы с ними разлучаемся!..

Пенкроф, Спилетт и Герберт в последний раз помахали оставшимся товарищам, и Гранитный

дворец скоро исчез за высокими утесами.

Через час путешественники миновали Змеиный мыс и вышли в открытое море.

Отсюда уже невозможно было ничего различить на западном берегу, который тянулся до склонов горы Франклина, а три часа спустя весь остров Линкольна исчез за горизонтом.

Ботик держался отлично. Он легко поднимался на гребни волн и быстро двигался вперед. Пенкроф поставил верхние паруса и вел судно по заданному направлению, сверяясь с компасом.

Время от времени Герберт сменял капитана Пенкрофа и так ловко управлял судном, что моряк ни в чем не мог его упрекнуть.

Спилетт разговаривал то с одним, то с другим товарищем, а в случае нужды помогал маневрировать. Капитан Пенкроф был совершенно доволен своим экипажем.

К вечеру серпик луны, которая должна была вступить в первую четверть только 16-го числа, слегка обозначился в сумерках и скоро исчез. Ночь была совершенно темная, но звездная.

Пенкроф убрал лишние верхние паруса, не желая быть застигнутым врасплох каким-нибудь неожиданным шквалом. Быть может, подобная предосторожность была излишня в столь тихую

и спокойную ночь, но Пенкроф был опытным и благоразумным моряком, и за излишнюю осторожность нельзя было его осуждать.

Спилетт ночью по большей части спал. Пенкроф и Герберт сменялись через каждые два часа. Капитан полагался на Герберта, как на самого себя, и мальчик своим хладнокровием и сообразительностью вполне оправдывал такое доверие. Пенкроф вручал ему управление судном, как шкипер своему рулевому, и Герберт не позволял ботику сходить с указанного пути.

Ночь прошла спокойно; другой день плавания, 12 октября, был так же благополучен, как и первый. Направление к юго-западу строго сохранялось и в течение всего второго дня, так что если ботик не снесло каким-либо неизвестным течением, то он должен был подойти прямо к острову Табор.

Море было совершенно пустынно. Изредка какая-нибудь большая птица, альбатрос или фрегат, проносилась на расстоянии ружейного выстрела, и Спилетт задавал себе вопрос, не тот ли это могучий почтальон, которому вручен был его последний очерк, адресованный в «Нью-Йорк геральд». Эти птицы, казалось, были единственными существами, посещавшими область Тихого

океана между островами Линкольна и Табор.

— А ведь в эту пору, — заметил Герберт, — китобои обычно отправляются в южную часть Тихого океана. Мне кажется, что нигде на свете больше нет такого безлюдного места.

— Уж не такое здесь безлюдье! — возразил Пенкроф.

— То есть? — спросил журналист.

— Да ведь мы-то здесь. Или наше судно представляется вам обломком кораблекрушения, а мы дельфинами?..

И Пенкроф расхохотался собственной шутке.

К вечеру, судя по расчетам, можно было предположить, что ботик прошел расстояние в сто двадцать миль за тридцать шесть часов. Ветер слабел и, казалось, мог совсем заштилеть.

Ни Спилетт, ни Герберт, ни Пенкроф не смыкали глаз в течение всей ночи с 12 на 13 ноября. Они с большим волнением ожидали наступления дня.

Сколько впереди неизвестного!.. Далеко ли еще до острова Табор? Живет ли еще на нем тот несчастный, к которому они спешили на помощь? Что это за человек? Не произведет ли присутствие его какого-либо раздора в маленькой колонии, до сих пор связанной такими крепкими

узами дружбы и уважения?

Все эти вопросы не давали путешественникам спать всю ночь, и при первых лучах солнца они не без волнения начали вглядываться во все точки западной части горизонта.

Около шести утра Пенкроф крикнул:

— Земля!

Можно себе вообразить радость маленького экипажа «Благополучного»! Через несколько часов он будет на берегу острова…

Остров Табор, едва возвышавшийся над поверхностью моря, находился не более чем в пятнадцати милях. Ботик, несколько уклонившийся к югу, сменил курс. Восходящее солнце осветило невысокие холмы, разбросанные по острову.

— Да этот остров гораздо меньше нашего! — заметил Герберт. — Вероятно, как и остров Линкольна, он вулканического происхождения.

В одиннадцать утра до острова оставалась пара миль, и Пенкроф, прокладывая фарватер, чтобы подойти к берегу, с большой осторожностью вел судно в этих неизвестных водах.

Перед глазами мореплавателей открылся весь островок, на котором виднелись группы зеленевших акаций и некоторых других деревьев,

подобных тем, какие росли на острове Линкольна.

Но ни струйки дыма, никакого признака жилья на побережье! Ничто не указывало, что остров обитаем.

Ботик тем временем тихо продвигался в довольно извилистых проходах между каменными подводными рифами, за которыми Пенкроф следил с величайшим вниманием. Он поставил Герберта на руль, а сам, стоя на носу, осматривал путь, готовый ежеминутно спустить парус.

Наконец, почти в полдень, ботик своим форштевнем начал задевать за песчаный берег. Якорь был брошен, паруса убраны, и экипаж благополучно высадился на берег.

Ботик был прочно ошвартован, чтобы его не могло унести отливным течением. Затем Пенкроф с товарищами, хорошенько вооружившись, стали подниматься, рассчитывая взобраться на конусовидный холм, который находился в полумиле от берега и возвышался на двести пятьдесят — триста пятьдесят футов над уровнем моря.

— С вершины этого холма, — сказал Спилетт, — мы, разумеется, осмотрим весь островок.

— Мы сделаем то же самое, — ответил Герберт, — что прежде всего сделал Смит на острове

Линкольна, взобравшись на гору Франклина.

— Да, то же самое, — ответил Спилетт, — и это, по-моему, самый лучший способ знакомиться с неизвестной местностью.

Разговаривая, исследователи продвигались вперед по лугу, который оканчивался у самого подножия конуса. Перед ними поднимались целые стаи синеголовых голубей и морских ласточек. Из леса, тянувшегося влево от луга, до них доносились шелест и треск кустарников; они заметили какое-то движение в траве, — все доказывало присутствие или очень пугливых, или напуганных животных. Но еще нельзя было окончательно заключить, что остров обитаем.

Пенкроф, Герберт и Спилетт взобрались на холм за несколько минут.

Они находились действительно на островке, имевшем не более десяти миль в окружности; его береговые очертания, изредка изрезанные мысами и небольшими бухтами, представляли форму удлиненного овала. Кругом тянулось пустынное, безбрежное море. Вдали ни земли, ни паруса…

Островок Табор, весь поросший лесом, не имел такого разнообразия растительности, как остров Линкольна, — бесплодный и дикий в одной части, плодоносный и богатый в другой. Здесь вся

поверхность была покрыта однообразной массой зелени, над которой возвышались два или три незначительных холма. Через островок протекал ручей, который бежал по широкому лугу и через узкое устье вливался в море на западном берегу.

— Довольно скромное владение, — заметил Герберт.

— Да, — ответил Пенкроф, — нам бы здесь было немножко тесно.

— И он, кажется, необитаем, — продолжал Спилетт.

— Спустимся, — сказал Пенкроф, — и отправимся на поиски.

Капитан Пенкроф с товарищами вернулись на берег к тому месту, где был оставлен ботик. Они решили, прежде чем углубиться в лесные чащи, обойти пешком вокруг всего островка и, таким образом, не оставить ни одного пункта неисследованным.

По песчаному берегу было легко идти, и только в некоторых местах приходилось огибать прорезавшие его большие утесы. Исследователи спустились к югу, спугивая многочисленные стаи птиц и стада тюленей, которые, издали завидев людей, кидались в море.

— Эти животные, — заметил Спилетт, — не в

первый раз видят человека. Они его боятся, следовательно, уже с ним знакомы.

Через час трое друзей добрались до южного берега, заканчивающегося острым мысом, потом свернули к северу, направляясь вдоль песчаного западного берега, тоже покрытого скалами и окаймленного густым лесом. За четыре часа они обошли все побережье, но нигде не обнаружили ни жилья, ни человеческих следов. Это было поразительно. Казалось, остров Табор вообще необитаем или тут уже давно никто не живет. Быть может, тот, кто написал записку, сделал это несколько месяцев или даже лет тому назад, — значит, потерпевший кораблекрушение либо вернулся на родину, либо умер от лишений.

Пенкроф, Гедеон Спилетт и Герберт наспех пообедали на боте, обмениваясь разными предположениями, — они торопились вновь пуститься в путь, чтобы осмотреть остров до сумерек.

— Где же наш потерпевший крушение? — спрашивал Пенкроф.

— Странно! — сказал Спилетт.

В пять часов вечера они направились в лес.

Множество животных разбегалось при их приближении; это были главным образом козы и свиньи, которые, как это легко было разглядеть,

принадлежали к европейским породам. Конечно, какое-нибудь китобойное судно высадило их на остров, и они быстро здесь расплодились. Герберт решил непременно захватить живьем две или три пары этих животных и перевезти их на остров Линкольна.

Нельзя было сомневаться в том, что этот небольшой островок когда-то был населен людьми. Это сделалось еще очевиднее, когда исследователи заметили тропинки, проложенные через лес, срубленные стволы деревьев и много других признаков работы человека; но эти деревья, почти сгнившие, были повалены много лет тому назад, зарубки топора подернулись бархатистым мхом, а тропинки, поросшие высокой и густой травой, с трудом можно было распознать.

— Все это доказывает, — заметил Спилетт, — что люди не только высаживались на этот островок, но и жили на нем некоторое время. Что это за люди? Сколько их было? Сколько остается?

— В письме сказано, — ответил Герберт, — только об одном потерпевшем крушение.

— Если он еще на острове, — сказал Пенкроф, — то мы не можем его не найти!

В иных местах на лесных прогалинах виднелись гряды, по-видимому довольно давно

засаженные огородными овощами.

Невозможно описать восторг Герберта, когда он узнал картофель, цикорий, щавель, морковь, капусту, брюкву. Стоило только собрать семена, чтобы обогатить всей этой зеленью огороды острова Линкольна!

— Вот знатная находка! — сказал Пенкроф. — Наб-то как обрадуется! Ну, коли мы и не отыщем потерпевшего крушение, все-таки путешествие было ненапрасным.

— Разумеется, — ответил Спилетт, — но, видя, в каком состоянии находятся эти плантации, можно опасаться, что на острове нет никакого хозяина.

— Да, — сказал Пенкроф, — бедняга, верно, уже умер. А впрочем, кто знает? Может, умер, может, уплыл…

Колонисты собирались уже вернуться к берегу. Вдруг Герберт, указав на какую-то темную массу между деревьями, крикнул:

— Жилище!

Все трое тотчас же направились к указанному жилью. При неясном свете сумерек можно было разглядеть, что оно устроено из досок, покрытых толстой просмоленной парусиной.

Пенкроф толкнул полузакрытую дверь и быст-

рыми шагами вошел в жилище. Жилище было пусто...

XIV. Дикий человек

Пенкроф громко позвал хозяина жилища.

Ответа не было.

Пенкроф высек огонь и зажег сухую веточку. Слабый свет озарил на минуту небольшую каморку, которую, казалось, давно никто не посещал. В глубине находился грубо сложенный камин, в котором лежало несколько застывших углей, холодный пепел и охапка сухих дров. Пенкроф кинул в камин зажженную ветку, дрова затрещали, и внутренность жилья осветилась ярким огнем.

Тогда Пенкроф и его товарищи увидели измятую постель; влажные и пожелтевшие простыни доказывали, что ею уже давно никто не пользовался; в углу камина стояло два покрытых ржавчиной котелка и была опрокинута кастрюлька; в шкафу висела одежда, покрытая плесенью; на столе лежали оловянный прибор и Библия с отсыревшими листами; в одном углу было раскидано несколько инструментов, лопата, заступ, кирка, два охотничьих ружья, из которых одно было разбито; на полке стоял совсем еще не тронутый бочонок с порохом, бочонок с дробью и несколько ящиков с затравочным порохом. Все предметы были покрыты толстым слоем пыли, накопившейся, вероятно, в течение многих лет.

— Нет никого! — сказал Спилетт.

— Давно никто не живет, — заметил Герберт.

— Да, очень давно, — ответил Спилетт.

— Я полагаю, господин Спилетт, — сказал Пенкроф, — вместо того чтобы возвращаться на бот, лучше провести ночь в этой хижине.

— Вы правы, — ответил Спилетт, — а если вернется хозяин, так он, может быть, не пожалеет о том, что его место занято…

— Он не вернется! — сказал Пенкроф, покачивая головой.

— Вы думаете, что он покинул остров?

— Кабы он покинул остров, он бы взял с собой оружие и инструменты. Вы знаете, как дороги потерпевшим крушение эти вещи. Нет! Нет! — повторил моряк убедительным тоном. — Нет! Он не покинул острова! Если даже он уплыл на лодке, которую сам построил, он все-таки что-нибудь захватил бы с собой… Нет, он на острове.

— Живой? — спросил Герберт.

— Живой или мертвый. Но если он умер, то, я полагаю, он не мог сам себя похоронить, и мы найдем по крайней мере его останки!

Заперли дверь. Пенкроф, Герберт и Спилетт сели на скамью. Они почти не разговаривали, и каждый из них задумался. Они находились в таком положении, что могли предполагать все и всего ожидать. Они с жадностью прислушивались к малейшему лесному шуму. Если бы вдруг отворилась дверь и перед ними появился человек, они нисколько не удивились бы и дружески пожали руку этому человеку, этому несчастному, неизвестному товарищу.

Но никакого шума не было слышно, дверь не отворялась, и часы томительно проходили за часами.

Какой долгой показалась эта ночь Пенкрофу

и обоим его спутникам! Только Герберт заснул часа на два.

Наступил день. Пенкроф и его товарищи тотчас же принялись за подробный осмотр жилища.

Оно стояло на склоне небольшого холма, защищенного пятью или шестью великолепными акациями. Перед фасадом, через лес, была широкая просека, открывавшая вид на море. Небольшая лужайка, окруженная уже разрушившейся изгородью, вела на морской берег и к устью ручья.

Жилище было построено из досок, и легко было распознать, что эти доски взяты с кузова или палубы какого-то судна…

— Вероятнее всего, — сказал Спилетт, — какое-нибудь разбившееся судно было выброшено на берег острова, и по крайней мере один человек из экипажа спасся после крушения, и этот человек, имея в своем распоряжении инструменты, устроил себе помещение из корабельных обломков.

— Надо полагать, так, — отвечал Пенкроф.

Это сделалось еще более очевидным, когда Спилетт увидал на одной из досок, вероятно принадлежавшей корме разбитого судна, следующие полуистертые буквы:

БР. ТАН. Я.

— *«Британия»!* — воскликнул Пенкроф, которого позвал Спилетт. — Так часто называют всякие суда, и я даже не могу сказать, было оно английское или американское.

— Это все равно, Пенкроф…

— Разумеется, все равно, — ответил моряк. — И если только потерпевший крушение еще жив, мы спасем его, к какой бы нации он ни принадлежал. Но прежде надо бы сходить посмотреть на ботик!

Пенкрофом начало овладевать какое-то беспокойство. А что, если островок обитаем и кто-нибудь из обитателей завладел…

Но подобное предположение было так невероятно, что он пожал плечами и пробормотал:

— Экие глупости лезут мне в голову!

Тем не менее Пенкроф торопился идти завтракать на судно.

Исследователи отправились к своему ботику, внимательно осматривая лесные чащи, по которым бегали козы и свиньи.

Ботик стоял на якоре, который глубоко врезался в песок.

Пенкроф вздохнул, словно у него с плеч свалилась целая гора. Судно, построенное моряком, было, так сказать, его детищем, и на правах неж-

ного отца он мог беспокоиться о нем более, чем того требовало благоразумие.

Исследователи сели завтракать.

— Ешь больше, Герберт, — сказал Пенкроф, — может, обед придется отложить до позднего вечера.

После завтрака все трое принялись за самые тщательные поиски. Но поиски были напрасны: почти целый день они совершенно бесполезно шарили по лесным чащам. Оставалось предположить, что если потерпевший крушение умер, то от его трупа не осталось никакого следа, что какой-нибудь зверь съел его до последней косточки.

— Завтра с рассветом мы отправимся в обратный путь, — сказал Пенкроф товарищам, когда около двух часов пополудни они все прилегли несколько минут отдохнуть в тени сосен.

— Мне кажется, — прибавил Герберт, — что мы спокойно можем забрать с собой всю утварь, принадлежавшую этому несчастному.

— Я тоже так думаю, — ответил Спилетт. — Все это оружие и инструменты пригодятся нам. Если я не ошибаюсь, то запас пороха и дроби будет как раз кстати.

— Да, — сказал Пенкроф, — не забыть бы тоже

поймать пару или две свиней, которых нет на Линкольне…

— И насобирать семян, — прибавил Герберт, — тут есть все овощи Старого и Нового Света.

— В таком случае не удобнее ли будет задержаться еще на денек на острове Табор? — сказал Спилетт. — Мы, по крайней мере, вдоволь запасем всего, что впоследствии нам пригодится.

— Нет, господин Спилетт, — ответил Пенкроф. — Нам следует отправиться в обратный путь завтра же, с наступлением рассвета.

— В таком случае — скорее за дело, — сказал Герберт, вставая.

— Да, не будем терять время, — ответил Пенкроф. — Ты, Герберт, займись собиранием семян. А мы отправимся на охоту за свиньями, и, хотя с нами нет Топа, я все-таки надеюсь, что мы поймаем несколько штук… Решено?

— Ладно, ладно, — ответил Герберт.

Герберт направился по тропинке к возделанной части островка, а Пенкроф со Спилеттом — прямо в лес.

Перед охотниками пробегало множество представителей свиной породы, но эти животные, весьма проворные, казалось, не имели никакого желания близко подпускать к себе человека.

Однако после получасового преследования охотникам удалось захватить одну пару, лежавшую в норе, в лесной чаще.

— Попались, голубчики! — сказал Пенкроф. — Ну-ка, господин Спилетт!..

Вдруг в нескольких сотнях шагов от них послышались крики. К этим крикам примешивался страшный рев, в котором не было ничего человеческого.

Пенкроф и Спилетт быстро поднялись; свиньи убежали в ту самую минуту, когда моряк готовил веревки, чтобы их связать.

— Это голос Герберта! — сказал Спилетт.

— Бежим! — крикнул Пенкроф.

Моряк и Спилетт со всех ног кинулись к тому месту, откуда доносились крики.

Такая поспешность была весьма кстати, потому что близ лесной прогалины они увидели, что Герберта повалило на землю какое-то дикое существо, вероятно какая-нибудь гигантская обезьяна…

Броситься на это чудовище, повалить его самого на землю, затем крепко связать — все это для Пенкрофа и Спилетта было делом одной минуты. Моряк обладал геркулесовой силой, Спилетт был тоже не из слабых, и чудовище, невзирая

на сопротивление, было так крепко скручено по рукам и ногам, что не могло сделать ни единого движения.

— Ты не ранен, Герберт? — спросил Спилетт.

— Нет! Нет!

— Ну уж кабы эта обезьяна сделала тебе хоть одну царапину!.. — крикнул Пенкроф.

— Да это не обезьяна! — ответил Герберт.

При этих словах Пенкроф и Спилетт взглянули на страшное существо, лежавшее на земле без движения.

Действительно, это была вовсе не обезьяна, это был человек. Но какой человек! Дикий — в самом ужасном значении этого слова — и тем более страшный, что он, казалось, упал до самой низкой ступени зверства.

Всклокоченные волосы, густая борода по пояс, тело, почти совершенно нагое, кроме нескольких лохмотьев на бедрах, дикие, бессмысленные глаза, огромные руки, непомерно длинные ногти, кожа, похожая по цвету на красное дерево, загрубелые, словно ороговевшие, ноги — вот каково было несчастное создание, в котором, однако, надо было признать человека!

По справедливости можно было спросить, есть ли еще душа в этом теле, или в нем остался только один животный инстинкт?

— Вы уверены, что это человек или он когда-нибудь был человеком? — спросил Пенкроф.

— Увы! В этом нельзя сомневаться, — ответил

Спилетт.

— Стало быть, это и есть потерпевший крушение? — спросил Герберт.

— Да, — ответил Спилетт, — но в несчастном не осталось почти ничего человеческого!

Спилетт говорил правду. Было очевидно, что если потерпевший крушение и был когда-либо цивилизованным существом, то уединение от остального мира превратило его в дикаря — и, может быть, хуже, чем в дикаря, — в лесного человека. Из его горла выходили какие-то хриплые звуки; его зубы, которые напоминали зубы плотоядных животных, казалось, служили ему для разрывания сырого мяса. Память, без сомнения, давно отказалась служить ему, и уже очень давно он разучился пользоваться своими инструментами, своим оружием; он уже не умел разводить огонь, да огонь был ему уже и не нужен. Видно было, что он ловок, проворен, но что физические качества развились в нем в ущерб нравственным.

Спилетт заговорил с ним. Дикарь, казалось, не понимал, даже не слушал… А между тем, вглядевшись хорошенько в его глаза, Спилетт понял, что в этом человеке еще не совсем угасла способность мыслить.

Между тем пленник не сопротивлялся и не пробовал разорвать веревки. Был ли он обезоружен присутствием подобных себе? Не осталось ли у него какого-нибудь слабого проблеска памяти? Не вспомнил ли он, что когда-то тоже был человеком?

Осмотрев несчастного с чрезвычайным вниманием, Спилетт сказал:

— Кто бы он ни был и кем бы он ни был, наша обязанность — взять его с собой!

— Да! Да! — ответил Герберт. — И может быть, мы пробудим в нем какие-нибудь признаки ума и человечности.

— Душа не умирает, — сказал Спилетт, — и для нас будет большим счастьем вывести из зверского состояния это создание.

Пенкроф покачал головой с видом сомнения.

— Во всяком случае, надо попытаться, — ответил Спилетт, — мы это обязаны сделать из чувства человеколюбия.

Действительно, они, как цивилизованные люди, обязаны были помочь злополучному одичавшему собрату.

Все трое поняли это и могли заранее угадать, что Смит одобрит их решение.

— Оставить его связанным? — спросил мо-

ряк. — Может быть, он пойдет, если мы развяжем ему ноги? — сказал Герберт.

— Попробуем, — ответил Пенкроф.

Веревки были сняты с ног пленника, но руки оставались крепко связанными. Он сам поднялся на ноги и, казалось, не обнаруживал никакого желания убежать. Он искоса бросал быстрые зверские взгляды на шедших около него людей и ничем не выказывал, что считает их за подобных себе существ. Из уст его вырвалось что-то вроде свиста, он вздрагивал и озирался, но не пробовал сопротивляться.

Несчастного привели в его жилище.

— Быть может, вид принадлежавших ему предметов произведет на него какое-нибудь впечатление! — сказал Спилетт. — Быть может, достаточно одной искры, чтобы оживить его омраченную мысль, чтобы снова вспыхнула его угасшая душа!

Но пленник ничего не узнал.

У Спилетта явилась мысль, не подействует ли на него вид огня, привлекающего даже внимание животных, и через минуту был затоплен очаг.

Сначала вид пламени, казалось, обратил внимание несчастного, но он скоро отступил от очага, и его глаза, как будто на мгновение блеснувшие

сознанием, снова угасли.

Очевидно, в настоящий момент оставалось сделать одно, а именно — отвести его на ботик.

Так и сделали. Пенкроф остался его сторожить.

Герберт и Спилетт вернулись на островок для окончания своих работ и спустя несколько часов возвратились на берег, таща с собой различную утварь, оружие, всевозможные семена огородных овощей, несколько штук дичи и две пары свиней.

Пленника поместили в носовой каюте, где он оставался тих, спокоен, глух и нем.

Пенкроф предложил ему поесть, но он откинул от себя поданное ему жареное мясо; тогда Пенкроф показал ему одну из убитых Гербертом уток — он со зверской жадностью съел всю до последней косточки.

— Вы полагаете, что он опять обратится в человека? — сказал Пенкроф, покачивая головой.

— Надеюсь, — ответил Спилетт. — Помните, что он приведен в такое состояние одиночным заключением, а с этого дня он уже не один!

— Вероятно, он уже давно одичал, — сказал Герберт.

— Очень может быть, — ответил Спилетт.

— Как вы думаете, сколько ему лет?

— Это трудно решить. У него такая густая и огромная борода, что невозможно разглядеть как следует его лицо… но он не молод, и я думаю, что ему должно быть лет под пятьдесят.

— Заметили вы, как глубоко сидят глаза в глазных впадинах?

— Да, Герберт, но я заметил, что в них больше человеческого, чем это может показаться при первом взгляде на всю его фигуру.

Ночь прошла. Неизвестно, спал пленник или нет, но, во всяком случае, хотя его и развязали, он не трогался с места. Он вел себя как те звери, которые с первых минут плена как будто притихают и обнаруживают ярость только впоследствии.

На другой день, 15 октября, рано поутру погода, как предсказывал Пенкроф, переменилась. Ветер повернул с северо-востока, что весьма благоприятствовало обратному плаванию.

— Отлично поплывем! — сказал Герберт.

— Ну, не совсем отлично.

— Это отчего?

— А оттого, что ветер все крепчает! Ну ничего, авось как-нибудь справимся!

В пять утра подняли якорь. Пенкроф направил бот к северо-востоку.

В первый день не случилось ничего особен-

ного. Пленник оставался спокойным; морское путешествие, очевидно, производило на него благотворное действие.

— Уж не был ли он когда-нибудь моряком? — сказал Пенкроф.

— Очень может статься, — отвечал Спилетт.

— Я еще тогда заметил, что одежда в его шкафу была матросская, — сказал Герберт.

— Что ж, теперь он, наверное, вспоминает прежнее? Сколько морей он, может, объездил! Замечаете, он ничуть не пугается, а словно этак отдыхает…

На другой день, 16 октября, ветер значительно посвежел и повернул более к северу; следовательно, задул в направлении, менее благоприятном для хода «Благополучного». Пенкроф привел его ближе к ветру, и хотя ничего не говорил, но начинал беспокоиться, глядя на морские волны, которые с силой разбивались о нос небольшого судна.

«Если ветер не изменится, — думал он, — то на обратный путь придется потратить гораздо больше времени, чем рассчитывали…»

Действительно, 17 октября утром прошло уже сорок восемь часов со времени отплытия с Табора, а ни по чему еще нельзя было заключить,

что они находятся вблизи острова Линкольна. Впрочем, невозможно было полагаться на расчеты и по ним судить о пройденном расстоянии, так как и путь судна, и скорость его были весьма приблизительны.

Прошло еще двадцать четыре часа; на горизонте все еще не было видно никакой земли. Между тем задул сильный встречный ветер и море страшно разыгралось. Приходилось проворно маневрировать парусами ботика, который то и дело заливало волной, брать рифы и часто менять галс.

Наконец 18 октября днем «Благополучный» так

сильно залило огромным валом, что, если бы пассажиры не приготовились к этому и заранее не привязали себя к палубе, их бы смыло с палубы.

Пенкроф и его товарищи, еще не успевшие оправиться после этого происшествия, получили неожиданную помощь от своего пленника, который по инстинкту моряка выскочил из люка и сильным ударом шеста разбил фальшборт, чтобы ускорить сток воды, набравшейся на палубе; затем, когда миновала опасность, он, не произнеся ни слова, опять спустился в каюту.

Пенкроф, Спилетт и Герберт, совершенно ошеломленные этим неожиданным вмешательством, только поглядели друг на друга.

Положение мореплавателей было незавидное. Пенкроф начинал думать, что сбился с пути и не может отыскать нужное направление.

Ночь с 18 на 19 октября была темная и холодная. Около одиннадцати часов ветер стих, волнение несколько улеглось, и бот, менее подверженный ударам валов, пошел скорее.

Разумеется, ни Пенкроф, ни Спилетт, ни Герберт не сомкнули глаз в продолжение всей ночи. Они очень внимательно следили за ходом судна, потому что или остров Линкольна находился недалеко — и тогда он мог показаться на

горизонте с первыми лучами солнца, или «Благополучный», уносимый течением, дрейфовал под ветер — и в таком случае не было никакой возможности проверить его курс.

Пенкроф сильно беспокоился, но не отчаивался и, сидя на руле, упорно старался вглядеться в окружавший его густой мрак.

Около двух часов ночи он вдруг крикнул:

— Огонь! Огонь!

Действительно, милях в двадцати на северо-востоке виднелся светлый огонек. Остров Линкольна находился в этой стороне, и огонек, очевидно зажженный Смитом, указывал путь, по которому надо было следовать.

Пенкроф, забравший сильно к северу, направил нос ботика на этот огонек, блестевший над горизонтом, как звезда первой величины.

XV. Неизвестный

20 октября в семь утра «Благополучный» тихо бросил якорь в устье реки Милосердия.

Смит и Наб, сильно встревоженные непогодой и долгим отсутствием товарищей, на рассвете поднялись на плато Дальнего Вида и увидели наконец судно.

— Слава богу! Вот они! — восклицал Смит.

Наб пришел в такой восторг, что плясал, вертелся, хлопал в ладоши, вскрикивал: «О! Мой господин!» — и пантомимой лучше всяких слов выражал несказанную радость.

Сперва инженер, пересчитав людей на палубе «Благополучного», решил, что Пенкрофу не удалось найти на острове Табор человека, потерпевшего кораблекрушение, или, быть может, этот несчастный наотрез отказался покинуть остров и сменить одну тюрьму на другую. На палубе и впрямь стояли только трое: Пенкроф, Герберт и Гедеон Спилетт. Когда судно причалило, инженер и Наб уже встречали друзей на берегу. Едва путешественники ступили на землю, как Сайрес Смит сказал:

— Мы очень тревожились за вас, друзья мои,

вы задержались! Не случилось ли с вами какой-нибудь беды?

— Нет, — ответил Гедеон Спилетт, — напротив, все вполне благополучно. Сейчас все вам расскажем.

— Однако вы так никого и не нашли; вы втроем уехали, втроем и вернулись.

— Прошу прощения, мистер Сайрес, — возразил моряк, — нас четверо.

— Вы нашли потерпевшего кораблекрушение?

— Да.

— И вы его привезли?

— Да.

— И он жив?

— Да.

— Так где же он? Кто он такой?

— Он — человек или, вернее, когда-то был человеком! — произнес Гедеон Спилетт. — Вот и все, Сайрес, что мы можем вам сказать!

Пенкроф, Спилетт и Герберт тотчас вкратце передали Смиту историю их путешествия.

— Не знаю только, — прибавил Пенкроф, — хорошо ли мы сделали, что привезли этого человека с собой…

— Разумеется, хорошо, — ответил Смит.

— Но он совсем как зверь! Ничего не смыслит!

— Несколько месяцев тому назад этот несчастный был таким же человеком, как я или вы, — отвечал инженер. — Почем знать, что сделалось бы с каждым из нас, если бы мы были осуждены на долгое одиночное заключение на этом острове? Большое несчастье — остаться одному, друзья мои, и надо думать, что одиночество очень скоро доводит до безумия.

— Но, — сказал Герберт, — почему вы думаете, что зверское состояние этого несчастного началось только несколько месяцев тому назад?

— Потому что найденный нами документ написан недавно, — ответил Смит, — и написать его мог только потерпевший крушение.

— Позвольте, — сказал Спилетт, — может быть, документ был написан товарищем этого человека, который уже умер?

— Нет, это невозможно, любезный Спилетт.

— Почему?

— Потому что тогда в нем было бы сказано о двух потерпевших крушение.

Герберт в нескольких словах рассказал все обстоятельства морского перехода и особенно — о помощи, оказанной пленником во время шторма.

— Он в эту минуту был настоящим моряком! —

закончил мальчик.

— Да, Герберт, — сказал Смит, — ты совершенно справедливо подчеркиваешь важное значение этого факта. Несчастного еще можно излечить… Вероятно, отчаяние довело его до такого состояния. Но здесь он снова увидит подобных себе людей, увидит участие… Мы спасем его!

Пленника вывели из бота.

Смит смотрел на него с глубоким состраданием, а Наб — с величайшим изумлением. Едва дикарь успел ступить на землю, как обнаружил желание убежать.

Но Смит подошел к нему и, положив ему на плечо руку, поглядел в глаза. Несчастный, как бы повинуясь какой-то силе, мало-помалу успокоился, понурил голову и более не сопротивлялся.

— Покинутый! — проговорил Смит.

Он внимательно осмотрел неизвестного человека.

С первого взгляда можно было сказать, что в нем уже не осталось ничего человеческого, однако Смит и Спилетт подметили в его глазах некий еле уловимый проблеск мысли.

Все решили, что покинутый или, скорее, неизвестный — как с этого дня окрестили его колонисты — будет жить в одной из комнат Гранитного

дворца, откуда ему нельзя было убежать. Он без всяких сопротивлений позволил себя увести.

Пока Наб занимался приготовлением завтрака, Спилетт, Герберт и Пенкроф — между прочим, страшно проголодавшиеся — пересказывали Смиту подробности осмотра островка Табор.

Инженер согласился со своими друзьями в том, что неизвестный должен быть или англичанин, или американец, судя по названию корабля — «Британия»; кроме того, Смит сквозь огромную бороду, почти скрывавшую его лицо, и гриву косматых волос на голове распознал черты англосаксонской расы.

— Послушай, Герберт, — сказал Спилетт, — ведь ты ничего нам не рассказал, как встретился с этим дикарем. Мы знаем только, что он задушил бы тебя, если бы Пенкроф и я не подоспели…

— Право, я бы очень затруднился передать в подробностях все, что тогда происходило. Мне помнится, что я собирал семена и очень этим увлекся… Вдруг послышался шум, словно лавина обрушилась с высокого дерева… Я едва успел оглянуться… Этот несчастный, который, вероятно, притаился в листве на дереве, кинулся на меня, и не будь господина Спилетта и Пенкрофа…

— Бедный мальчик, — сказал Смит, — ты под-

вергался большой опасности! Но без этого, быть может, несчастное существо навсегда укрылось бы от ваших поисков, и у нас не было бы еще одним товарищем больше.

— Вы, значит, надеетесь сделать из него человека? — спросил Спилетт.

— Да, надеюсь, — ответил инженер.

По окончании завтрака колонисты принялись за разгрузку «Благополучного». Смит, осматривая оружие и инструменты, не заметил ничего, что могло бы удостоверить личность неизвестного человека.

Поимка свиней на острове Табор была весьма выгодна для колонистов; эти животные были водворены в хлев, где их надеялись приручить.

Два бочонка с порохом и дробью, а также ящики с капсюлями подоспели весьма кстати. Колонисты собрались отвести место для небольшого порохового погреба или около Гранитного дворца, или в верхней пещере, где не было никакой опасности взрыва. Тем не менее решено было продолжать использование пироксилина.

Когда выгрузка была окончена, Пенкроф сказал:

— Я полагаю, что следовало бы поставить наш бот в каком-нибудь надежном месте.

— В устье реки Милосердия? — спросил Смит.

— Нет. В устье реки ботику придется половину времени сидеть на песке, а это для него вредно. Вы сами видите, что наше суденышко отличное и его стоит поберечь! Я и теперь еще вспоминаю, как оно устояло, когда шквал неожиданно застиг нас на обратном пути.

— Можно поставить его в самой реке?

— Конечно, господин Смит, это можно было бы сделать, но устье ничем не защищено, и «Благополучный» при восточных ветрах будет, по-моему, сильно страдать от морского волнения.

— Где же вы хотите его поставить?

— В бухте Воздушного Шара, — ответил моряк. — Бухточка небольшая, уютная, укрыта утесами, и тут, кажется мне, можно устроить настоящую гавань для ботика.

— Но это несколько далеко.

— Ба! Не больше трех миль от Гранитного дворца, и мы можем наведываться туда по превосходной прямой дороге!

— В таком случае, Пенкроф, отправляйтесь к бухте, — ответил Смит, — но, признаюсь вам, я предпочел бы оставить ботик здесь, чтобы можно было непосредственно за ним присматривать… А позже, когда у нас будет побольше свободного

времени, мы оборудуем небольшую гавань.

— Превосходно, — воскликнул Пенкроф. — Гавань с маяком, с молом, с доком! Экая богатая мысль! С вами, господин Смит, не житье, а рай! Все возможно, все легко!

— Да, милейший Пенкроф, — ответил инженер, — возможно и легко, пока вы будете мне помогать, потому что вы составляете три четверти силы во всех наших предприятиях.

Герберт и Пенкроф сели на ботик, подняли якорь, поставили парус и при ветре с моря быстро направились к мысу Коготь. Два часа спустя «Благополучный» стоял уже в спокойных водах бухты Воздушного Шара.

Что же происходило с одичавшим человеком в первые дни его пребывания в Гранитном дворце? Дал ли он повод надеяться, что сознание к нему возвращается?

На эти вопросы можно было ответить утвердительно. Смит со Спилеттом даже начали думать, что этот несчастный еще не дошел до совершенного отупения.

Сначала неизвестный, привыкший к вольному воздуху, к безграничной свободе, какой он пользовался на острове Табор, выказывал признаки скрытой ярости, и колонисты боялись,

как бы он не выбросился на берег через окно. Но мало-помалу он успокоился, и ему можно было предоставить свободу передвижений. Затем неизвестный очень скоро расстался со своими дикими привычками и вместо звериной пищи, которой он питался на острове Табор, начал есть жареное мясо.

— А как он его отшвырнул, когда я в первый раз его попотчевал! — говорил Пенкроф. — Теперь уж небось не позарится на сырую утку, а тогда всю уписал, до последней косточки!

Смит воспользовался однажды моментом, когда он спал, и постриг ему волосы и бороду, которые походили на косматую гриву и придавали ему зверский вид, с него сняли жалкие лохмотья и дали более приличную одежду.

Благодаря всеобщему попечению неизвестный снова принял человеческий облик, и казалось даже, что глаза у него сделались умнее и мягче. Должно быть, прежде, когда в глазах его светилась мысль, он был просто красив.

Смит принял на себя обязанность каждый день проводить по нескольку часов с неизвестным. Он работал около него и нарочно брался за различные занятия, надеясь тем или другим его заинтересовать. В самом деле, достаточно было

пробудить какое-нибудь воспоминание, чтобы вызвать в нем деятельность ума. Один раз уже это случилось на палубе ботика во время бури.

Инженер также старался громко говорить. Нередко тот или другой из колонистов, а иногда и все вместе к нему присоединялись и заводили разговоры о море, морских плаваниях и приключениях, что должно было особенно трогать моряка — если только неизвестный был когда-либо моряком. Иногда неизвестный как будто обращал внимание на то, что вокруг говорилось, и колонисты скоро пришли к убеждению, что он начинает понимать слова. Иногда даже лицо его принимало выражение глубокой грусти. Не тосковал ли он в неволе? Трудно сказать. А может, он постепенно менялся к лучшему, ведь это было так естественно. Он попал в тесный круг друзей, в спокойную обстановку, жил в полном довольстве, постоянно общался с колонистами, к которым в конце концов привык, всегда был сыт и тепло одет. Но облагородила ли его новая жизнь, которую он теперь вел, или же, и это слово здесь уместнее, его попросту удалось приручить? Вот в чем был вопрос, и Сайресу Смиту хотелось поскорее разрешить свои сомнения, но он боялся отпугнуть больного, ибо считал его

больным! Впрочем, исцелится ли когда-нибудь неизвестный?

— Он словно чем-то удручен, — говорил Пенкроф.

— Да, лицо его выражает страдание, — отвечал Герберт. — Как жаль, что он не говорит! Он бы поделился с нами своим горем, и ему стало бы легче!

— Подождем, дружок, — успокаивал его Пенкроф, — скоро заговорит!

— Да, он очень грустен, — сказал инженер, — и эта грусть такая спокойная, такая тихая…

— Может быть, он грустит потому, что заперт в Гранитном дворце? — сказал Спилетт.

— Не думаю, — отвечал Смит. — Впрочем, не могу сказать ничего положительного… Видя перед собой только известные предметы, находясь в замкнутом пространстве, вращаясь среди людей, с которыми он наконец должен будет освоиться, он мало-помалу смягчится и оставит зверские привычки… Но дело не в этом. Я желаю не приручать его, как хищное животное, а воскресить в нем человеческие чувства и мысли! Понимаете?

Все колонисты с искренним участием смотрели на неизвестного. Всякий помогал инженеру, как мог и умел, в уходе за больным, и вскоре все, за

исключением разве Пенкрофа, начали надеяться на его выздоровление.

Неизвестный начинал выказывать признательность Смиту и заметно подчинялся его влиянию.

— Знаете, что я хочу попробовать, Спилетт? — сказал однажды Смит. — Я хочу повести его на морской берег. Может быть, увидав перед собой океан, прибрежные леса…

— Но, — ответил Спилетт, — можно ли рассчитывать, что, получив свободу, он не уйдет от нас?

— Для этого и надо провести опыт. Тогда увидим.

— Я наперед скажу, что вы увидите, — сказал Пенкроф. — Коли этот молодец очутится на просторе да почует вольный воздух, он с вами распрощается.

— Я не думаю, — ответил Смит.

— Попробуем, — сказал Спилетт.

— Попробуем, — ответил инженер.

Это было 30 октября — значит, через девять дней после того, как неизвестный с острова Табор поселился в Гранитном дворце. Погода стояла теплая, яркое солнце разливало лучи по острову.

Смит и Пенкроф пошли в комнату, занимаемую неизвестным, и увидали, что он лежит у окна и

глядит на небо.

— Пойдем, друг мой, — сказал ему Смит.

Неизвестный тотчас же поднялся, устремил глаза на Смита и последовал за ним; Пенкроф, плохо веривший в добрый исход испытания, отправился позади.

Подойдя к двери, Смит и Пенкроф посадили его в корзину подъемника, между тем как Наб, Герберт и Спилетт поджидали их внизу. Корзина спустилась. Колонисты несколько отошли от неизвестного, как бы оставляя его на свободе.

Он сделал несколько шагов по направлению к морю, и глаза его засверкали чрезвычайным одушевлением, но он, казалось, вовсе не рассчитывал убежать. Он смотрел на небольшие валы, которые с глухим шумом разбивались об островок Спасения.

— Но ведь это только море, — заметил Спилетт. — Весьма возможно, что оно не внушает ему желания убежать.

— Да, — ответил Смит, — его надо свести на плато, к лесной опушке. Там испытание может дать более верный результат.

— К тому же он с плато и убежать не может, — сказал Наб, — мосты подняты.

— Ах ты, голова! — возразил Пенкроф. — Не-

ужто ты думаешь, что он задумается перед таким ручьем, как наш Глицериновый ручей? Он вмиг через него перемахнет, одним прыжком!

— Посмотрим, посмотрим, — ответил Смит, не сводивший глаз со своего пациента.

Неизвестного повели к плато.

Подойдя к месту, где начинались первые роскошные деревья леса, тихо шелестевшие своей свежей листвой, и вдыхая благоуханный воздух, неизвестный точно начал пьянеть; глубокий вздох вырвался из его груди.

Колонисты стояли позади, ежеминутно готовясь задержать его, если ему вздумается бежать.

Действительно, несчастный человек словно хотел кинуться в ручей, отделявший плато от леса. Ноги его судорожно дернулись, он двинулся вперед… Но почти тотчас же он опомнился, склонил голову, и крупные слезы покатились из его глаз.

— А! — воскликнул Смит. — Ты плачешь, значит ты снова стал человеком!

XVI. Первый хлеб

Да, несчастный плакал!

Вероятно, у него пробудилось какое-то воспоминание о прошедших днях, о прошедших радостях и печалях.

Колонисты оставили его на плато и удалились на некоторое расстояние, но он вовсе, казалось, не думал пользоваться этой свободой.

Через два дня после этой прогулки все заметили, что неизвестный стал общительнее. Он, очевидно, слушал и понимал, что говорили, но по какому-то непонятному упорству сам не произносил ни слова.

— Он, быть может, немой? — сказал Герберт.

— Не думаю, — отвечал инженер.

Однажды вечером Пенкроф, проходя мимо двери затворника, явственно услышал его голос и приостановился.

— Нет, — говорил неизвестный, — нет! Чтобы я здесь… Нет, никогда!

Моряк передал эти странные слова товарищам.

— Тут есть какая-то тайна, — сказал Смит.

Неизвестный сначала разглядывал орудия и

инструменты, затем понемногу принялся работать на огороде. Часто во время работы он вдруг останавливался и долгое время оставался неподвижен. Смит советовал товарищам в эту минуту к нему не подходить и предоставить ему свободно размышлять. Если же случалось, что кто-нибудь из колонистов нечаянно к нему приближался, он быстро отступал в сторону и начинал рыдать.

— Что с ним творится? — говорил Пенкроф. — Почему он так мучится? Точно у него какая-то тяжесть на совести!

— Да, — сказал однажды Спилетт, — мне тоже начинает казаться, что у него есть что-то на совести. Может быть, он потому не говорит, что ему пришлось бы рассказать весьма печальные вещи…

— Надо иметь терпение и ждать, — сказал Смит.

Спустя несколько дней неизвестный, работая на плато, вдруг остановился, уронил заступ, и Смит, который незаметно наблюдал за ним, увидел, как слезы текли по его лицу.

Инженером овладела непобедимая жалость. Он забыл свой совет не подходить в такие минуты к бедному больному, кинулся к нему, взял его за руку и сказал:

— Друг мой!

Неизвестный вздрогнул, поспешно освободил свою руку и отодвинулся.

— Друг мой, — сказал Смит твердым голосом, — посмотрите на меня, я этого желаю!

Неизвестный поднял на него глаза, как бы покоряясь непреодолимой силе. Он хотел бежать, но вдруг остановился, глаза его заблестели, какие-то несвязные слова вырвались из его уст… Он не мог более сдерживаться. Он скрестил руки на груди и спросил глухим голосом:

— Кто вы такие?

— Мы потерпевшие крушение, как и вы, — ответил Смит в величайшем волнении. — Мы привезли вас сюда… Вы здесь между людьми, между своими…

— Между своими!

— Да, между себе подобными…

— Подобных мне нет!

— Вы среди друзей.

— Среди друзей!.. Я?.. Я среди друзей! — воскликнул неизвестный, закрывая лицо руками. — Нет… никогда… Оставьте меня!.. Оставьте меня…

Он кинулся на другой конец плато и долго оставался там неподвижен, как статуя.

Смит рассказал товарищам, что произошло

между ним и неизвестным.

— Да, — сказал Спилетт, — в жизни этого человека есть какая-то тайна. Я почти готов ручаться, что его мучит раскаяние.

— Мы, кажется, привезли странного нелюдима, — сказал Пенкроф. — Какие это у него тайны? Что-то неладно! Может, эти тайны…

— Нам до них дела нет, — прервал его Смит. — Если он даже совершил преступление, то он жестоко был за него наказан… Он искупил его!

Целых два часа неизвестный оставался на окраине плато. Он сидел неподвижно, устремив глаза на безбрежный океан.

Что припоминал он? О чем думал? О чем сожалел? Чем терзался?

Колонисты не теряли его из виду, но к нему не приближались.

После двухчасового размышления неизвестный, казалось, на что-то решился. Он подошел к Смиту. Глаза его были заплаканы, но слез уже не было. Лицо выражало глубокую грусть. Он, казалось, чувствовал себя подавленным и уничтоженным. Глаза были опущены в землю.

— Позвольте узнать, — глухим голосом спросил он Смита, — вы и ваши товарищи — англичане?

— Нет, мы все американцы.

— А! — проговорил неизвестный. И прибавил как бы про себя: — Я этому очень рад.

— А вы, мой друг? — спросил Смит. — Вы англичанин или американец?

— Англичанин, — отвечал неизвестный.

Казалось, это простое признание очень дорого ему стоило. Он вдруг удалился и в величайшем волнении начал ходить по берегу.

Встретив случайно Герберта, он приостановился и спросил прерывающимся голосом:

— Какой у нас месяц?

— Ноябрь, — отвечал Герберт.

— Какой год?

— Тысяча восемьсот шестьдесят шестой.

— Двенадцать лет! — воскликнул он.

Затем быстро удалился.

Герберт, разумеется, тотчас же побежал и рассказал это колонистам.

— Этот несчастный потерял счет месяцам и годам! — сказал Спилетт.

— Да, — отвечал Герберт, — он, должно быть, прожил двенадцать лет на острове Табор!

— Двенадцать лет! — сказал Смит. — Двенадцать лет отчуждения! И это, может, после какого-нибудь проступка, который его мучил. Признаюсь, есть от чего обезуметь…

— Знаете что, — сказал Пенкроф, — я думаю, что этот человек вовсе не из потерпевших крушение. Я думаю, что он какой-нибудь преступник и что его в наказание ссадили на острове Табор.

— Очень может быть, что вы не ошибаетесь, Пенкроф, — отвечал Смит. — Если это так, то весьма возможно, что покинувшие его люди когда-нибудь за ним приедут…

— И его не найдут! — воскликнул Герберт.

— Что ж делать? — сказал Пенкроф. — Отвезти, что ли, обратно его на Табор?

— Друзья, — сказал Смит, — сейчас еще ничего нельзя решать. Подождем. Я полагаю, что этот несчастный жестоко страдал, что эти страдания искупили его преступление, теперь он жаждет открыть свою душу, жаждет поделиться своим горем… Мы не будем вызывать его на откровенность, не станем докучать ему, он сам нам все расскажет… А когда мы узнаем его историю, тогда видно будет, как лучше действовать. К тому же он один может нам сообщить, имеет ли какую-нибудь надежду, что за ним приедут… Я в этом сомневаюсь!

— Почему вы сомневаетесь? — спросил Спилетт.

— Если бы он имел какую-нибудь надежду на

избавление, — отвечал Смит, — он бы ожидал его и не бросал в море той записки, которую мы нашли. Нет, вероятнее всего, его осудили на вечное одиночество, и он знал, что должен умереть на необитаемом островке.

— Одного я не понимаю, — сказал Пенкроф.

— Чего?

— Если этот человек уже двенадцать лет на острове Табор, так он, значит, давно одичал?

— Вероятно, — отвечал Смит.

— А если он давно одичал, значит он и записку писал давно?

— Разумеется… А между тем записка, казалось, написана очень недавно!

— Кроме того, если записка написана уже несколько лет назад, так отчего она не приплыла раньше? Не плыла ж бутылка от острова Табор до острова Линкольна целые годы!

— Ну, на это еще можно вам возразить, Пенкроф, — сказал Спилетт. — Бутылка давным-давно могла приплыть к берегам Линкольна.

— Нет, — отвечал Пенкроф, — бутылка именно плыла к берегам. Нельзя же полагать, что ее выкинуло на берег, а потом опять унесло волнами!

— Отчего нельзя этого полагать? — спросил Герберт.

— А оттого, что на южном берегу скалы — и она непременно разбилась бы вдребезги!

— Правда, правда, — сказал Смит, задумываясь.

— Вы еще и то заметьте, — продолжал моряк. — Кабы эта записка была написана несколько лет назад, так она бы попортилась от сырости… Так или нет? А записка ни капельки не попорчена.

— Ваше замечание совершенно справедливо, Пенкроф, — сказал Спилетт. — Тут что-то непонятное! В этой записке определена широта и долгота острова Табор с такой точностью, которая показывает, что писавший имел научные познания, чего трудно ожидать от простого матроса. Что вы об этом думаете, Смит?

— Я с вами согласен, — отвечал инженер. — Тут есть что-то непонятное… Но все-таки, по-моему, не следует тревожить нашего нового товарища расспросами: он заговорит, когда сам того пожелает… И тогда мы послушаем.

В последующие дни неизвестный не произносил ни слова и не покидал плато. Он работал на огороде, работал беспрерывно, безустанно, но держался вдалеке от колонистов. Невзирая на то что его каждый раз звали обедать, завтракать и ужинать в Гранитный дворец, он не шел туда и

довольствовался сырыми овощами. При наступлении ночи он не возвращался в отведенную ему комнату, а ночевал где-нибудь под деревом или, когда погода была дурная, забивался в расщелину скалы. Словом, он жил так же, как на острове Табор, когда его единственным пристанищем был лес. Все просьбы Смита были безуспешны, и наконец инженер решил, что и в этом следует предоставить ему свободу.

— Подождем, — сказал он. — Невзирая на его отчуждение, мне кажется, он желает с нами сблизиться.

Все попытки колонистов изменить привычки неизвестного были тщетны — им пришлось запастись терпением. И вот наконец в нем заговорил голос совести, и ужасные признания невольно сорвались с его губ, словно под воздействием непреодолимой силы.

10 ноября, около восьми часов вечера, когда темнота начала уже покрывать землю, неизвестный неожиданно явился перед колонистами, которые собрались на террасе. Глаза его горели; к нему, казалось, возвратилась его прежняя дикость.

Колонистов поразил его странный вид. Что с ним случилось? Что его так ужасно взволновало

и раздражило? Или общество людей возбуждало в нем непобедимое отвращение? Не тосковал ли он по дикой жизни, которую вел на острове Табор? Это можно было заключить по отрывочным фразам, вылетавшим из его уст.

— Зачем я здесь?.. — говорил он. — По какому праву вы схватили меня и увезли с моего островка?.. Разве между мной и вами может быть какая-нибудь связь? Да вы знаете ли, кто я такой?.. Вы знаете ли, что я сделал?.. Зачем я там был… был один?.. Кто вам сказал, что меня там нарочно не оставили… что меня не осудили на одинокую смерть? Вы разве знаете мое прошлое? Вы разве поручитесь, что я не вор, не убийца? Может быть, я самый презренный… проклятый… может, мне следует жить только со зверями… далеко от людей… Говорите!..

Колонисты слушали, не прерывая несчастного, у которого горькие признания, казалось, вырывались невольно. Смит встал и, желая его успокоить, к нему приблизился. Но неизвестный быстро отступил.

— Нет, нет, — вскричал он, — не подходите! Скажите мне только слово — скажите только, что я свободен!

— Вы свободны, — сказал Смит.

— Так прощайте! — воскликнул неизвестный и убежал как безумный.

Наб, Пенкроф и Герберт побежали за ним следом к опушке леса… Но они возвратились одни.

— Пусть его делает что хочет, — сказал Смит.

— Он уж не воротится! — воскликнул Пенкроф.

— Он воротится, — ответил инженер.

Прошел день, другой, прошло много дней, а неизвестный не возвращался.

— Видите, — говорил моряк, — я ведь предсказывал!

Но Смит был твердо уверен, что рано или поздно несчастный вернется.

— Это последний припадок зверства, — говорил он. — В несчастном пробудились человеческие чувства — это несомненно, и одиночество покажется ему ужасным.

Между тем работы на плато и на скотном дворе продолжались. Смит задумал построить настоящую ферму. Стоит ли говорить, что семена, собранные на острове Табор, были тщательно посеяны.

— Посмотрите-ка, каков у нас огород! — говорил Пенкроф. — Самый богатый огородник может нам позавидовать!

Действительно, огород был великолепен и со-

держался в удивительном порядке. По мере того как разрастались огородные овощи, приходилось копать новые грядки для посадки. Решили, что гораздо удобнее раскопать все плато под огород, а для сенокоса выбрать место подальше, так как сенокосы не нужно охранять от опустошений и набегов разных зверей.

15 ноября собрали третью жатву. За восемнадцать месяцев зернышко разрослось в целую ниву! Шестьсот тысяч зерен, полученных от второй жатвы, дали, в свою очередь, четыре тысячи мер, то есть более пятисот миллионов зерен. Колония была теперь богата зерновым хлебом и могла не только сама прокормиться, но и прокормить своих домашних животных.

— У нас есть зерно, — сказал Пенкроф, — а как мы его смелем?

— Построим мельницу, — отвечал Смит. — Вот теперь-то мы и попробуем воспользоваться вторым водопадом реки Милосердия. Я надеюсь, что он послужит нам не хуже первого, который пригодился для сукновальни.

— Ну так за дело! — воскликнул Пенкроф.

— А не лучше ли построить ветряную мельницу? — сказал Спилетт. — Я полагаю, это не труднее постройки водяной.

— Почему же вы хотите построить ветряную, а не водяную? — спросил Пенкроф.

— Потому что на плато Дальнего Вида в ветре недостатка не будет.

— Да, она открыта со всех сторон, — сказал Пенкроф, — и ваша правда, господин Спилетт, лучше построить ветряную мельницу. Это веселее: будет красивее «пейзаж», как пишут в книгах.

На берегу озера находилось много песчаника, из которого можно было обточить жернова, а для мельничных крыльев оставалось еще полотно от неистощимой оболочки воздушного шара.

Мельницу решено было поставить над крутым берегом озера, справа от птичьего двора. Мельничный корпус должен был стоять на шпиле, укрепленном в срубе, чтобы мельницу можно было поворачивать по направлению ветра. Наб и Пенкроф, ставшие заправскими плотниками, работали по чертежам инженера. Вскоре на берегу выросла будка с остроконечной крышей, с виду похожая на перечницу. Мельничные крылья были прочно насажены на вал с помощью железных скрепов. Без особого труда изготовили и внутренние части мельницы: ящик для двух жерновов — неподвижного и подвижного; большое

квадратное корыто, расширяющееся кверху, из которого зерно сыплется на жернова, кошель для равномерной подачи зерна, называемый также «потрясок», оттого что он непрерывно трясется, и, наконец, сито, через которое просеивается мука, отделяясь от отрубей. Инструменты у колонистов были хорошие, работа оказалась несложной, так как все составные части мельницы очень просты.

1 декабря постройка была совершенно окончена.

Как и всегда, Пенкроф восхищался своей работой и твердо верил, что другой подобной мельницы не существует и не может существовать на всем земном шаре.

— Чего ж откладывать, господин Смит? — сказал Пенкроф. — Уж хочется поскорее попробовать хлебца! Давайте сейчас молоть!

— Если вы не устали, Пенкроф…

— Что вы, господин Смит! У меня так и чешутся руки приняться за работу…

— Подул бы ветер посильнее, и наша мельница отлично обмолотила бы все зерно.

— Пусть дует ветер, только не сильный, Пенкроф!

— Но ведь крылья нашей мельницы быстрее

завертятся!

— Не нужно, чтобы они вертелись очень быстро, — ответил Сайрес Смит. — Опыт показал, что число оборотов крыльев мельницы должно определенным образом зависеть от скорости ветра, выраженной в футах в секунду. Так, при среднем ветре, скорость которого двадцать четыре фута в секунду, крылья должны делать шестнадцать оборотов в минуту, а большего и не требуется.

— Как раз подул северо-восточный ветер, — воскликнул Герберт, — он нам и поможет!

В это утро колонисты смололи несколько мер, и на следующий день за завтраком появился превосходный хлеб. Можно себе представить, с каким удовольствием все запустили зубы в теплый мякиш!

— Отроду такого не едал! — сказал Пенкроф.

— Я ставил его на пивных дрожжах, — сказал Наб. — Он вышел немножечко крут… В другой раз будет рыхлее…

Неизвестный не появлялся. Спилетт и Герберт несколько раз обошли лес в окрестностях плато и не видели даже его следов.

Колонистов начинало серьезно беспокоить такое продолжительное отсутствие.

Но Смит по-прежнему уверял товарищей, что

беглец рано или поздно возвратится. Конечно, человек, который жил как дикарь на острове Табор, сумеет найти себе пропитание в лесах Дальнего Запада, богатых дичью, но что, если он вернется к своим прежним привычкам? Не оживут ли на свободе его кровожадные инстинкты? И все же Сайрес Смит упорно повторял, что беглец придет, словно так подсказывал ему какой-то внутренний голос.

— Вот увидите, он придет, — твердил инженер с уверенностью, которую отнюдь не разделяли его товарищи. — Когда бедняга жил на острове Табор, он знал, что одинок, теперь он знает, что мы его ждем. Он уже почти признался нам в своем прошлом; кающийся грешник возвратится и все нам расскажет, и в тот день он войдет в нашу семью.

Инженер не ошибался.

3 декабря Герберт отправился ловить рыбу в озере. Так как до сих пор в этих местах не появлялось хищных животных, то он и не взял с собою никакого оружия.

Пенкроф и Наб работали около птичьего двора, Смит и Спилетт занимались в «Трубах» добыванием соды для нового запаса мыла.

Вдруг раздались крики:

— Ко мне! Ко мне! Помогите!

Пенкроф и Наб бросились к озеру.

Но их уже опередил неизвестный.

В одно мгновение он перебрался через Глицериновый ручей, отделявший плато от леса, и стрелой пустился по противоположному берегу.

На Герберта напал громадный ягуар, напоминавший того, которого убили на Змеином мысе.

Мальчик, пораженный неожиданным появлением свирепого животного, прислонился спиной к дереву; ягуар пригнулся, собираясь прыгнуть на беззащитную жертву… Неизвестный, не имевший никакого оружия, кроме ножа, ринулся на кровожадного зверя, который обратил всю ярость на нового противника.

Борьба продолжалась недолго. Неизвестный отличался невероятной силой и необыкновенной ловкостью. Он мощной рукой схватил ягуара за горло, сжал его, как в тисках, не обращая внимания, что когти животного входят в его тело, и всадил нож ему в сердце.

Ягуар упал. Неизвестный оттолкнул его ногой и хотел убежать, но Герберт схватил его за руку и воскликнул:

— Нет-нет, вы не уйдете!

Смит подошел к неизвестному, который при виде его нахмурил брови. Куртка на нем была

изорвана когтями ягуара, из раненого плеча текла кровь, но он этого не замечал.

— Друг мой, — сказал Смит, — мы никогда этого не забудем… Мы вечно будем благодарны… Вы ради спасения мальчика рисковали своей жизнью!

— Что моя жизнь! — проговорил неизвестный.

— Вы ранены? — спросил инженер.

— Это ничего.

— Дайте мне вашу руку.

Неизвестный быстро отступил. Грудь его высоко вздымалась, глаза затуманились.

— Отчего вы не хотите протянуть мне руку? — сказал Смит.

Неизвестный как будто хотел бежать, но, сделав над собой тяжелое усилие, остановился и отрывисто проговорил:

— Кто вы такие? Чего вы от меня хотите?

Он желал слышать историю колонистов и в первый раз выразил это желание. Можно было надеяться, что, узнав их приключения, он расскажет и свои.

Смит в кратких словах передал ему все случившееся с ними, начиная с их бегства из Ричмонда: как их выкинуло из воздушного шара на берег, как они бедствовали, как выпутывались из беды, как устроились.

Неизвестный слушал его с величайшим вниманием.

Затем инженер стал говорить о своих товарищах — Гедеоне Спилетте, Герберте, Пенкрофе, Набе — и добавил, что самую большую радость с тех пор, как все они живут на острове Линкольна, они испытали в тот день, когда нашли на острове Табор нового товарища.

При слове «товарищ» неизвестный вспыхнул и опустил голову на грудь. Он видимо смутился.

— Теперь вы нас знаете, — сказал Смит, — и можете протянуть нам руку…

— Нет, — глухим голосом ответил неизвестный, — нет! Вы честные люди, а я…

XVII. Тайна неизвестного

Последние слова неизвестного оправдывали подозрения колонистов. Этого несчастного человека терзали какие-то жестокие воспоминания. На его совести лежало какое-то преступление, которое он, быть может, уже искупил в глазах людей, но сам не мог его простить. Он мучился раскаянием и не хотел протянуть руку новым друзьям, считая себя недостойным дружбы честных людей.

Он, однако, согласился возвратиться и с этого дня уже не покидал колонистов.

Что же за тайна была в его жизни? Откроет ли он ее когда-нибудь? Оставалось только ждать. Во всяком случае, колонисты твердо решили ни о чем не расспрашивать его и вести себя так, словно они ничего не подозревают.

Спустя несколько дней жизнь на острове вошла в свою колею. Сайрес Смит и Гедеон Спилетт работали вместе, занимаясь то химией, то физикой. Только иногда журналист отправлялся на охоту с Гербертом, ибо теперь колонисты боялись отпускать юношу одного в лес; приходилось быть настороже. А Наб и Пенкроф трудились — один

день в загоне и птичнике, другой день — в загоне для скота, к тому же хлопотали по хозяйству, — словом, дел у них набиралось достаточно.

Неизвестный работал всегда где-нибудь в сторонке. Он по-прежнему не соглашался садиться за стол с колонистами и ночевал на плато. Казалось, что он и в самом деле не выносит общества своих спасителей.

— И чего ради, спрашивается, он обратился за помощью к людям? Зачем бросил записку в море? — недоумевал Пенкроф.

— Он сам обо всем нам расскажет, — неизменно отвечал Сайрес Смит.

— Когда же?

— Быть может, раньше, чем вы думаете, Пенкроф.

10 декабря, спустя неделю после своего возвращения в Гранитный дворец, он подошел к Смиту и спокойным, кротким голосом сказал ему:

— У меня есть к вам просьба.

— Говорите. Но прежде я скажу вам несколько слов.

Неизвестный покраснел и хотел удалиться.

Смит угадал, что происходит в его душе: он боялся, что его начнут расспрашивать о прошедшем.

Инженер удержал его за руку:

— Послушайте, мы не только ваши товарищи, мы ваши друзья. Я хотел вам это еще раз сказать. Теперь говорите, я вас слушаю.

Неизвестный провел рукою по глазам; рука его дрожала, и с минуту он не мог выговорить ни слова.

— Я пришел к вам с просьбой, — сказал он наконец, овладев собою.

— С какою просьбой?

— На скотном дворе много животных, которые требуют присмотра и ухода. Позвольте мне поселиться с ними.

— Мой друг, — отвечал Смит, — на скотном дворе негде жить: там только стойла для животных.

— Для меня и это хорошо.

— Друг мой, мы ни в чем вам не будем противоречить: хотите вы непременно жить на скотном дворе — живите. Помните только, что вам будут всегда рады в Гранитном дворце. Вы непременно желаете поселиться на скотном дворе?

— Да.

— Тогда мы позаботимся, чтобы вам было там удобнее.

— Мне и так будет очень удобно.

— Друг мой, уж вы предоставьте это нам.

— Благодарю, — отвечал неизвестный, удаляясь.

Смит передал товарищам свой разговор с неизвестным. Все решили выстроить на скотном дворе деревянный домик и сделать его по возможности удобным и уютным.

— Сейчас же за дело! — сказал Пенкроф.

— Чем скорее, тем лучше, — отвечал Смит.

В тот же день колонисты отправились на скотный двор, захватив с собою нужные инструменты.

Не прошло и недели, как домик был готов. Его построили в двадцати футах от конюшен, так что жильцу было весьма удобно наблюдать за вверенными ему животными. Поставили кровать, стол, скамью, шкаф, сундук; а так как новый жилец выказывал желание работать и кормиться отдельно, то ему доставили необходимые инструменты, оружие и охотничье снаряжение.

Неизвестный ни разу не полюбопытствовал взглянуть на постройку своего домика; пока колонисты трудились над ним, он работал на плато, и работал так усердно, что вскопал все поле и приготовил его к посеву.

20 декабря Смит объявил неизвестному, что он может занять новое помещение, и тот ответил,

что сегодня же будет там ночевать.

В восемь часов вечера, когда неизвестный должен был отправляться в свое новое жилище, колонисты, полагая, что ему, быть может, тяжело будет с ними прощаться, поднялись в Гранитный дворец. Собравшись, по своему обыкновению, в большом зале, они толковали о разных разностях. Вдруг кто-то постучался в дверь.

— Кто там? — воскликнул Пенкроф.

Неизвестный вошел в зал и сказал:

— Прежде чем я уйду от вас, я должен вам рассказать свою историю.

Эти слова, разумеется, взволновали Смита и его товарищей. Инженер встал и сказал:

— Друг мой, мы ничего не требуем. Вы имеете полное право молчать.

— Мой долг — говорить…

— Так сядьте.

— Я буду стоять.

— Мы готовы вас слушать, — сказал Смит.

Неизвестный стоял в углу зала, в тени, с непокрытой головой, скрестив руки на груди. Он начал глухим голосом следующий рассказ, который его слушатели не прерывали ни единым замечанием.

— Двадцатого декабря тысяча восемьсот пять-

десят четвертого года паровая яхта «Дункан», принадлежавшая шотландскому землевладельцу лорду Гленарвану, бросила якорь у мыса Бернуилли, на западном берегу Австралии, на тридцать седьмой параллели. На этой яхте находились владелец ее, лорд Гленарван, его жена, майор английской службы, француз-географ, молодая девушка и мальчик. Последние были дети капитана Гранта, судно которого, «Британия», погибло со всем экипажем за год перед тем. «Дунканом» командовал Джон Манглс, и экипаж его состоял из пятнадцати человек.

Вот почему эта яхта находилась у берегов Австралии.

За шесть месяцев до того «Дункан» около Ирландии нашел в море бутылку, а в бутылке документ на английском, немецком и французском языках. Этот документ давал знать, что капитан Грант и два матроса с «Британии» спаслись, попав на какую-то землю. В документе была показана широта и долгота того места; градус широты можно было прочесть, но градус долготы смыло водой, и его нельзя было разобрать.

Обозначенная южная широта была тридцать семь градусов одиннадцать минут. Так как долгота была неизвестна, то, следуя по тридцать

седьмой параллели, можно было отыскать землю, приютившую капитана Гранта и его спутников.

Английское адмиралтейство не решалось отправиться на поиски капитана Гранта, но лорд Гленарван решился сам попытать счастья. Он вошел в переговоры с детьми Гранта, Мэри и Робертом. Яхта «Дункан», снаряженная в дальнее плавание, покинув Глазго, направилась в Атлантический океан, обогнула Магелланов пролив и по Тихому океану поднялась до Патагонии, где, по первому толкованию найденного документа, предполагали отыскать капитана Гранта в плену у туземцев.

Тут высадилась часть экипажа и вместе с лордом Гленарваном отправилась к восточному берегу Южной Америки.

Лорд Гленарван перешел Патагонию вдоль тридцать седьмой параллели, и, не найдя никаких следов капитана Гранта, в ноябре снова отправился в плавание.

Посетив безуспешно острова Тристан-да-Кунья и Амстердам, лежавшие на его пути, он бросил якорь, как я уже сказал, у мыса Бернуилли, на австралийском берегу, двадцатого декабря тысяча восемьсот пятьдесят четвертого года.

Лорд Гленарван намеревался пересечь по суше

Австралию и высадился на берег. В нескольких милях от берега стояла ферма одного ирландца, который пригласил путешественников у него отдохнуть. Лорд Гленарван рассказал этому ирландцу, зачем сюда заехал, и спрашивал, не слыхал ли он о трехмачтовом английском судне «Британия», которое разбилось почти два года тому назад у западного берега Австралии.

Ирландец ничего не знал и даже никогда не слыхал об этом крушении, но, к большому удивлению присутствовавших, один из слуг ирландца подошел и сказал:

«Милорд, хвалите и благодарите Господа Бога! Если капитан Грант еще жив, то он живет на австралийской земле!»

«Кто вы такой?» — спросил лорд Гленарван.

«Я шотландец, как и вы, милорд, — ответил этот человек. — Я из экипажа „Британии“».

Этого человека звали Айртон. Он действительно был боцманом «Британии», о чем свидетельствовали его бумаги. Во время крушения его выбросило, говорил он, на берег, и он думал, что спасся только один, а капитан и все остальные погибли.

«Крушение произошло не на западном, а на восточном берегу, — прибавил он, — и если капитан

Грант еще жив, как сказано в вашем документе, так он в плену у туземцев. Его надо искать на восточном берегу!»

Он сказал это твердым голосом. Взгляд у него был ясный, лицо спокойное. Никому не пришло в голову сомневаться в его словах. К тому же он уже давно находился в услужении у ирландца, и ирландец ручался за его честность. Лорд Гленарван поверил этому человеку и решил пересечь Австралию, следуя вдоль тридцать седьмой параллели. Лорд Гленарван, его жена, дети капитана Гранта, майор, француз, капитан Манглс и несколько матросов отправились под предводительством Айртона, а «Дункан» под командованием подшкипера Тома Остина должен был отплыть в Мельбурн и там дожидаться приказаний лорда Гленарвана. Они отправились двадцать третьего октября тысяча восемьсот пятьдесят четвертого года.

Этот Айртон был человек бесчестный, изменник и предатель. Он был боцманом на судне «Британия», но не потерпел крушения, потому что капитан Грант еще восьмого апреля тысяча восемьсот пятьдесят второго года высадил его и оставил на западном берегу Австралии за попытку взбунтовать экипаж и захватить яхту.

Айртон ничего не знал о крушении «Британии». Он впервые услышал об этом несчастье от Гленарвана. С тех пор как капитан Грант выгнал его, он под именем Бена Джойса успел сделаться предводителем беглых каторжников. Он потому и сказал лорду Гленарвану, что крушение произошло на восточном берегу, потому и уговаривал его туда отправиться, что надеялся завести его подальше от яхты, завладеть «Дунканом» и превратить его в пиратское судно.

Тут неизвестный остановился. Голос его задрожал, но он скоро оправился и продолжал рассказ:

— Экспедиция направилась через австралийскую землю и, разумеется, была очень неудачна, потому что ею предводительствовал Айртон, или Бен Джойс, имевший постоянные сношения с беглыми каторжниками, которые то следовали за ним, то несколько его опережали, смотря по тому, как им было удобнее и выгоднее.

«Дункан», как я уже сказал, был послан в Мельбурн. Айртон старался уговорить лорда Гленарвана отправить яхту из Мельбурна на восточный берег Австралии, где каторжникам всего легче было ею завладеть. Айртон завел доверившихся ему людей в непроходимые леса

и добился-таки, что лорд Гленарван согласился послать его в Мельбурн с письмом, в котором приказывал помощнику капитана немедленно плыть к восточному берегу, к бухте Туфолд; эта бухта находилась в нескольких днях перехода от того места, где остановился лорд Гленарван со своими спутниками.

Именно у бухты Туфолд Айртон назначил собраться своим сообщникам.

Лорд Гленарван уже написал письмо, но тут неожиданно открылось предательство Айртона, и тому оставалось только бежать. Айртон бежал, но сумел захватить письмо Гленарвана и через два дня был в Мельбурне.

До сих пор все благоприятствовало изменнику. Он рассчитывал привести «Дункан» в бухту Туфолд, перебить весь экипаж и спокойно начать разбойничать на Тихом океане…

Но счастье ему изменило.

Прибыв в Мельбурн, Айртон тотчас отправился на яхту и передал Тому Остину письмо Гленарвана. Помощник капитана прочел и немедленно приготовился к отплытию. Можете себе представить удивление и гнев Айртона, когда он перед отплытием узнал, что Остин ведет судно не к восточному берегу Австралии, не в бухту Туфолд,

а к восточному берегу Новой Зеландии! Он попробовал было этому помешать, но Том Остин показал ему письмо за подписью лорда Гленарвана. Благодаря рассеянности француза-географа, писавшего это письмо, в нем лорд Гленарван приказывал отправляться именно к восточному берегу Новой Зеландии.

Все планы Айртона рушились. Он попробовал поднять бунт, его заперли в каюте.

Изменник был таким образом привезен к берегу Новой Зеландии.

«Дункан» крейсировал вдоль побережья до третьего марта. Айртон, не знавший ни что стало с лордом Гленарваном и другими членами экспедиции, ни какая участь постигла его сообщников, в этот день услышал из своей каюты выстрелы. Это «Дункан» приветствовал лорда Гленарвана и его спутников, которые садились на судно.

А произошло вот что.

После долгих мучений, после тысячи опасностей лорд Гленарван выбрался на восточный берег Австралии, к заливу Туфолд, надеясь найти здесь свою яхту. Яхты не было. Он телеграфировал в Мельбурн и получил следующий ответ: «Дункан» вышел в море восемнадцатого числа текущего месяца; назначение неизвестно.

Лорд Гленарван заключил, что яхта попала в руки Бена Джойса.

Невзирая на это, лорд Гленарван не считал свое дело проигранным. Он был человек бесстрашный и великодушный. Он сел на торговое судно, поплыл к западному берегу Новой Зеландии, пересек ее, держась тридцать седьмой параллели, и не нашел никаких следов капитана Гранта. Но, к великому своему удивлению, он нашел здесь «Дункан», который ожидал его уже пять недель.

Случилось это третьего марта тысяча восемьсот пятьдесят пятого года.

Айртон был призван к ответу. Лорд Гленарван хотел от него узнать что-нибудь касающееся капитана Гранта, но Айртон отказался отвечать. Тогда лорд Гленарван сказал ему, что при первой же остановке он предаст его в руки английских властей. Айртон и на это ничего не ответил.

«Дункан» вновь отправился в плавание вдоль тридцать седьмой параллели. А тем временем леди Гленарван пыталась переубедить Айртона, и наконец он обещал сказать все, что знает, если лорд Гленарван, вместо того чтобы предавать его в руки правосудия, высадит его на какой-нибудь остров Тихого океана. Лорд Гленарван согласился, ибо готов был на все, лишь бы что-нибудь узнать об участи капитана Гранта.

Тогда Айртон рассказал всю правду, и разыскивавшие капитана Гранта убедились, что Айртон ничего о нем не знал с тех пор, как его высадили на австралийский берег.

Лорд Гленарван все-таки сдержал данное слово. «Дункан» продолжал плавание и подошел к острову Табор. Здесь решено было оставить Айртона, и вот на этом клочке суши, лежащем на тридцать седьмой параллели, произошло чудо:

оказалось, что там нашли приют капитан Грант и двое его матросов. Вместо них на пустынном острове должен был поселиться преступник.

Отправляя Айртона на Табор, лорд Гленарван ему сказал:

«Здесь, Айртон, вы будете удалены от всех людей. Вы не сможете бежать с этого острова. Вы будете один, но, хотя вы и недостойны памяти, о вас все-таки не забудут. Я знаю, где вы, и в свое время о вас вспомню».

«Дункан» скрылся из виду…

Это было восемнадцатого марта тысяча восемьсот пятьдесят пятого года.

Айртон остался один, но его снабдили оружием, инструментами, разными семенами. Он мог жить в хижине, которую построил для себя капитан Грант. Он мог раскаяться, как сказал лорд Гленарван.

Он раскаялся и почувствовал себя презренным и несчастным. Он говорил себе, что если когда-нибудь за ним приедут люди, то люди эти должны найти не преступника, не предателя… Как исстрадался этот отверженный! Как много работал, надеясь, что труд исправит! Как много времени проводил в молитвах, зная, что молитва переродит его!

Так жил Айртон два, три года; но его угнетало одиночество, и он не сводил глаз с горизонта, надеясь увидеть корабль и вопрошая себя, долго ли еще ему придется искупать свою вину? Он мучился, и вряд ли кому доводилось так мучиться. Ведь жизнь в одиночестве — пытка для того, чью душу терзают муки совести!

Но, очевидно, Небо еще недостаточно покарало несчастного, ибо он стал замечать, что превращается в дикаря. Он чувствовал, что начинает терять рассудок. Трудно сказать, когда это произошло — через два ли года, через четыре ли, но в конце концов изгнанник утратил всякое подобие человека — таким вы и нашли его!

Мне нечего дальше объяснять, что Айртон, или Бен Джойс, — это я!

Смит и его товарищи встали. Невозможно передать, до чего взволновал их этот горький рассказ.

— Айртон, — сказал Смит, — вы совершили большое преступление, но вы его искупили. Теперь вы снова среди людей и можете начать новую жизнь. Хотите вы быть нашим товарищем?

Айртон отступил.

— Вот вам моя рука! — сказал инженер.

Айртон схватил протянутую руку. Крупные

слезы покатились из его глаз.

— Хотите жить с нами? — спросил Смит.

— Господин Смит, позвольте мне прийти в себя… Позвольте мне некоторое время пожить одному в домике!

— Как желаете, Айртон, — ответил Смит.

Айртон хотел удалиться, но Смит его остановил:

— Еще одно слово, мой друг. Если вы хотели жить в одиночестве, зачем же вы бросили в море письмо и таким образом сами указали свое убежище?

— Письмо? — переспросил Айртон. — О каком письме вы говорите?

— Я говорю о записке, которая была вложена в бутылку, найденную нами около берега нашего острова. В ней очень точно обозначено положение острова Табор.

Айртон провел рукою по лбу, как бы стараясь что-то припомнить, размышлял несколько минут и наконец сказал:

— Я никогда не писал записки и не бросал бутылки в море!

— Никогда? — воскликнул Пенкроф.

— Никогда!

Айртон поклонился и вышел.

XVIII. Телеграф

— Бедный человек! — сказал Герберт, который невольно бросился вслед Айртону и смотрел, как он спустился на землю и исчез в темноте.

— Он к нам вернется! — сказал Смит.

— Что же это значит, господин Смит?! — воскликнул Пенкроф.

— Что такое? — спросил инженер.

— Если Айртон не бросал бутылки в море, так кто ж ее бросил?

— Айртон сам бросил, а потом забыл, — сказал Наб.

— Разумеется, — сказал Герберт, — несчастный не помнил, что делал.

— Иначе нельзя этого объяснить, — сказал Смит, — и я теперь понимаю, почему Айртон мог с такой точностью определить положение острова Табор: он знал это от лорда Гленарвана и капитана Гранта.

— А я все-таки не понимаю! — сказал Пенкроф. — Значит, он кинул эту бутылку, когда еще не одичал, лет шесть или семь тому назад, и бутылка все это время плавала… Как же письмо-то не попортилось?

— Это доказывает, — ответил Смит, — что Айртон одичал гораздо позже, чем он думает.

— Надо полагать, что так, — сказал Пенкроф, — а то и не объяснишь…

— Действительно, это странно, — ответил Смит, который, казалось, не желал продолжать этот разговор.

— Сказал ли этот Айртон правду? — проговорил Пенкроф.

— Разумеется, правду, — сказал Спилетт. — Я, помню, читал в газетах всю эту историю. Имя Гленарвана мне знакомо.

— Айртон сказал правду, — прибавил инженер, — не сомневайтесь, Пенкроф: когда человек обвиняет себя в таких преступлениях, то ему незачем лгать.

На следующий день, 21 декабря, Смит и Спилетт отправились работать в «Трубы».

— Знаете, любезнейший Смит, ваше вчерашнее объяснение насчет бутылки показалось мне крайне неудовлетворительным. Невозможно предположить, чтобы этот несчастный написал записку, засмолил ее в бутылку, бросил в море и решительно ничего об этом не помнил.

— Он не писал никакой записки и не бросал никакой бутылки, любезнейший Спилетт.

— Так вы думаете…

— Я ничего не думаю, я ничего не знаю! Я довольствуюсь тем, что причисляю этот случай к числу прочих необъяснимых явлений острова Линкольна.

— Действительно, здесь совершаются непостижимые вещи, — сказал Спилетт. — Ваше спасение, ящик, выкинутый на морской берег, ворчание Топа, эта бутылка… Неужто мы никогда не разъясним этих загадок?

— Мы их разъясним, даже если мне для этого придется перевернуть весь остров!

— Может, случай нам откроет все…

— Случай, Спилетт? Я не верю случаю, как не верю никаким сверхъестественным тайнам. Все эти необъяснимые явления имеют свою причину, и причину эту я открою. А пока будем наблюдать и работать.

Наступил январь 1867 года. Летние работы проводились с большим усердием. Герберт и Спилетт, которым не раз случалось бывать у скотного двора, могли убедиться, что Айртон усердно ухаживает за вверенными ему животными. Теперь колонистам не нужно было каждые два-три дня посещать скотный двор. Но, не желая оставлять нового товарища в уединении, они ходили туда

уже не по делу, а в гости.

Пребывание Айртона на скотном дворе было полезно еще и в другом отношении: именно он мог наблюдать за этой частью острова и в случае чего-то подозрительного тотчас дать об этом знать обитателям Гранитного дворца.

— Мы с его помощью, может быть, скорее объясним загадку, — говорил инженер Спилетту.

Но могло случиться что-нибудь такое, что потребовало бы немедленного сообщения. Кроме непостижимых явлений, совершавшихся на острове Линкольна, могли случиться другие происшествия, не менее важные, — мог, например, показаться корабль, на море могло произойти крушение, могли появиться пираты и прочее.

Поэтому Смит решил установить более быструю связь между скотным двором и Гранитным дворцом.

10 января он сообщил свое намерение товарищам.

— Как же вы это устроите, господин Смит? — спросил Пенкроф. — Уж не думаете ли вы завести телеграф?

— Именно, — отвечал Смит.

— Электрический?

— Да, электрический. У нас имеется все, что

нужно для гальванического тока. Самое трудное — изготовить проволоку, но я надеюсь, что мы и с этим справимся.

— Ну уж теперь я совсем уверен, что мы скоро покатим по железной дороге! — сказал Пенкроф. — Так когда же за работу?

— Чем скорее, тем лучше. Начнем с самого трудного, то есть с телеграфной проволоки.

Железо острова Линкольна было, как известно, превосходного качества и, следовательно, могло быть вытянуто в проволоку.

Смит начал с того, что приготовил стальную доску с проверченными в ней коническими дырками различной величины — через них нужно было протягивать железо в проволоку надлежащей толщины. Стальная доска, отлично закаленная, была укреплена в раме в нескольких футах от водопада, двигательной силой которого инженер намеревался снова воспользоваться.

Около водопада стояла сукновальня, которая в данную минуту не действовала. Вал ее, приводимый в движение чрезвычайно большой силой, мог послужить для вытягивания проволоки.

Работа требовала большого искусства и терпения. Каждый из длинных и тонких прутьев, в виде которых железо было предварительно

заготовлено и концы которых обточили напильником, вставлялся сперва в отверстие большого калибра стальной доски-волочильни, тянулся посредством вала, наматываясь на него длиною от двадцати пяти до тридцати футов, затем разматывался и постепенно вводился в отверстие меньшего калибра. Таким образом инженер получил отрезки проволоки длиною от сорока до пятидесяти метров, которые легко было связать и протянуть на расстояние пяти миль, отделявших скотный двор от Гранитного дворца.

Потребовалось всего несколько дней на эту работу, и инженеру даже не пришлось все время за ней наблюдать. Организовав дело как следует, он поручил его товарищам, а сам занялся изготовлением гальванических элементов.

Надо было изготовить элементы с постоянным током. Известно, что для наиболее совершенных элементов нужны графит, цинк и медь. Меди до сих пор не оказалось на острове, а потому пришлось обойтись без нее. Что касается цинка, то читатель, вероятно, не забыл, что ящик, обнаруженный около мыса Находки, имел внутреннюю оболочку из цинка, и ею можно было воспользоваться при настоящих обстоятельствах. Имелся и уголь, но было бы слишком трудно сделать из

него графитовые пластинки или стержни того качества, которое требуется для гальванических элементов.

После зрелых размышлений Смит решил изготовить элемент очень простой, вроде того, какой придумал в 1820 году Беккерель[37]. Для него из металлов требовался только цинк. Что касается азотной кислоты и поташа, то эти вещества находились у него под руками.

Расскажем, как была устроена эта батарея, работавшая благодаря взаимодействию азотной кислоты и поташа.

Инженер приготовил несколько стеклянных банок, наполнил их азотной кислотой; затем заткнул их пробкой, сквозь которую проходила стеклянная трубка, закрытая снизу глиняной втулкой, придерживаемой тряпочкой. В эту трубку через открытый верхний конец Смит влил раствор поташа, приготовленного посредством пережигания различных растений, и таким образом кислота и соль (то есть поташ) могли через глиняную втулку действовать друг на друга.

Затем Смит взял две цинковые пластинки, одну погрузил в азотную кислоту, а другую в рас-

---

[37] Примечания: 37

Антуан Беккерель (1788–1878) — французский ученый, прославившийся открытиями в области электрохимии и физиологии.

твор поташа. Тотчас же начал вырабатываться гальванический ток, который шел от пластинки сосуда к пластинке трубки; так как пластинки были соединены металлической проволокой, то пластинка трубы была положительным полюсом элемента (анод), а пластинка сосуда — полюсом отрицательным (катод). Каждый из сосудов представлял собою особый элемент, и Смит, соединив все эти элементы, имел в своем распоряжении гальваническую батарею, вполне достаточную для работы электрического телеграфа.

Остроумное и простое изобретение помогло Сайресу Смиту установить телеграфную связь между Гранитным дворцом и загоном.

6 февраля начали расставлять телеграфные столбы к скотному двору.

Инженер поставил две батареи: одну при Гранитном дворце, другую — при скотном дворе. Вдоль всей дороги, ведущей к загону, установили столбы со стеклянными изоляторами и натянули провод. Через несколько дней все было готово, надо было только пустить ток, он побежал бы по проводу со скоростью сто тысяч километров в секунду; добавим, что земля должна была служить тем проводником, по которому ток возвращался к отправной точке.

На каждой станции проволока была намотана на электромагнит, то есть на кусок мягкого железа, обмотанного проволокой. Когда оба полюса сообщались между собою, то ток, направляясь от положительного полюса, устремлялся по проволоке, проходил в электромагнит, который временно намагничивался, и возвращался через землю к полюсу отрицательному. Как только ток прекращался, электромагнит тотчас же размагничивался. Следовательно, надо было только поместить перед электромагнитом пластинку из мягкого железа, которая притягивалась бы во время прохождения тока и снова падала, когда ток прекращался. Когда упомянутая пластинка получала такое движение, Смит мог легко укрепить стрелку, расположенную на барабане, по окружности которого были обозначены буквы, и эта стрелка всякий раз останавливалась против нужной буквы алфавита, нанесенного на циферблате. Таким образом, инженер установил телеграфное сообщение между Гранитным дворцом и скотным двором.

12 февраля Смит уже послал депешу на скотный двор, спрашивая, все ли там в порядке. Несколько секунд спустя получили от Айртона ответ: «Все обстоит благополучно».

Пенкроф себя не помнил от радости и ежедневно, поутру и ввечеру, телеграфировал Айртону, который, разумеется, никогда не оставлял его без ответной телеграммы.

Теперь колонисты всегда могли знать, где находится Айртон, а частое получение депеш развлекало его в уединении.

Впрочем, Смит навещал нового товарища каждую неделю, и Айртон время от времени приходил в Гранитный дворец, где его всегда встречали очень приветливо.

Вся весна прошла в обычных работах. С каждым месяцем в колонии увеличивались запасы злаков и овощей; семена и ростки, привезенные с острова Табор, отлично принялись, и плато Дальнего Вида представляло весьма утешительное зрелище. Четвертая жатва была еще богаче первых, и уж теперь никому и в голову не пришло удостовериться, сполна ли собраны четыреста миллиардов зерен. Правда, Пенкроф собрался было это сделать, но когда инженер объяснил ему, что даже если считать по триста зерен в минуту, то есть по восемнадцать тысяч в час, то потребуется около пяти тысяч пятисот лет, чтобы закончить подсчет, достойный моряк счел за лучшее отказаться от своего намерения.

Погода стояла великолепная: днем бывало очень жарко, зато к вечеру зной спадал, дул свежий морской ветерок, и обитатели Гранитного дворца наслаждались ночной прохладой. Несколько раз над островом Линкольна разражались непродолжительные, но необычайно сильные грозы. В небе подолгу сверкали молнии, а раскатам грома, казалось, не будет конца.

Хозяйство колонистов процветало. На птичьем дворе развелось великое множество всевозможных пернатых. Овцы оягнились, свиньи опоросились, и новорожденные отнимали немало времени у Наба и Пенкрофа. Онагры произвели на свет пару прехорошеньких детенышей; на онаграх чаще всех катались Спилетт и Герберт. Иногда же онагров запрягали в тележку и привозили в Гранитный дворец дрова, каменный уголь, различные материалы, необходимые инженеру.

Поселенцы часто отправлялись на разведку в дебри лесов Дальнего Запада. Их не страшила невероятная жара, ибо солнечные лучи едва пробивались сквозь густую листву, шатром раскинувшуюся над ними. Так обошли они весь левый берег реки Милосердия до дороги, соединявшей скотный двор с устьем реки Водопада.

Отправляясь в поход, исследователи брали с

собой оружие, ибо им нередко попадались свирепые кабаны, встреча с которыми не сулит ничего хорошего.

Этим же летом колонисты пошли войной на ягуаров. Гедеон Спилетт ненавидел их лютой ненавистью, и Герберт разделял его чувства. Оба были превосходно вооружены и ничуть не боялись страшных хищников. Все восхищались отвагой Герберта и хладнокровием журналиста. Штук двадцать великолепных шкур уже украшали большой зал Гранитного дворца, и если бы погода позволила, охотники достигли бы своей цели и истребили всех ягуаров на острове.

Иногда инженер отправлялся на разведку неисследованных частей острова, осматривая местность с особым вниманием. Он, очевидно, искал чьи-то следы в непроходимых лесных чащах, однако ни разу не приметил ничего подозрительного. Топ и Юп, которых он брал с собой, вели себя спокойно, а между тем дома собака часто с лаем бегала вокруг колодца, который не так давно тщетно исследовал инженер.

Спилетт с помощью Герберта принялся за фотографию и снял самые живописные виды острова.

— Как нам пригодился фотографический аппарат! — говорил Герберт. — А когда мы его нашли, никто особенно не радовался.

— А аппарат хоть куда! — добавлял Спилетт.

Кроме аппарата с сильным объективом, нашлось все, что необходимо фотографу. В их

распоряжении был коллодий для обработки пластинок, азотнокислое серебро, делающее пластинки светочувствительными, гипосульфит для фиксажа, хлористый аммоний, в котором вымачивается бумага для позитивов, уксуснокислый натрий и хлористое золото, в котором ее пропитывают. В ящике нашлась и бумага, уже пропитанная хлором; прежде чем наложить ее на негатив, надо было сделать только одно: окунуть на несколько минут в раствор азотнокислого серебра.

Спилетт и его помощник очень скоро сделались искусными фотографами; им особенно хорошо удались несколько пейзажей: общий вид острова, снятый с плато Дальнего Вида; гора Франклина; устье реки Милосердия, сжатое между живописными скалами; лесная прогалина и скотный двор у подножия холма; капризное очертание мыса Коготь и прочие.

Разумеется, фотографы не преминули снять портреты всех без исключения островитян.

— Это как будто оживляет остров, — говорил Пенкроф. — Теперь совсем не так пусто, как прежде, когда не было портретов.

Достойный моряк с несказанным удовольствием посматривал на свое чрезвычайно похожее

изображение, в разных позах украшавшее стены Гранитного дворца, и по нескольку раз в день останавливался им полюбоваться.

Но надо признаться, что портрет Юпа удался лучше всех. Юп позировал с неописуемой серьезностью, и сходство вышло поразительное.

— Так и кажется, что он сейчас состроит тебе гримасу! — вскрикивал Пенкроф.

Если бы дядюшка Юп не был доволен подобным портретом, то его бы следовало причислить к существам, которым ничем не угодишь, но дядюшка Юп был доволен, и очень. Он созерцал свое изображение с задумчивой сентиментальной миной, в которой просвечивала малая толика тщеславия и фатовства.

В марте кончилась летняя жара. Начали выпадать дожди, но погода стояла еще теплая.

— Я ожидал, что наш март, соответствующий северному сентябрю, будет лучше, — сказал Смит.

— Отчего же он непогож? — спросил моряк.

— Не знаю; быть может, это означает раннюю и суровую зиму.

Однажды, 21 марта, колонисты подумали, что выпал первый снег. Утром Герберт, подойдя к окну, вдруг воскликнул:

— Остров покрыт снегом!

Все убедились, что не только остров, но весь морской берег словно задернут ровной белой пеленой.

— Это снег! — сказал Пенкроф.

— Или что-нибудь очень похожее на снег, — прибавил Наб.

— Но термометр показывает плюс четырнадцать градусов! — заметил Спилетт.

Смит не говорил ни слова, потому что решительно не знал, чем объяснить это явление.

— Тысячу чертей! — воскликнул Пенкроф. — Наши поля и огороды померзнут!

Моряк собирался уже спуститься из Гранитного дворца, но его предупредил дядюшка Юп, быстро усевшийся в подъемник.

Едва орангутанг успел ступить на землю, как громадная белая пелена приподнялась и в воздухе закружилось столько снежных хлопьев, что они на несколько минут совершенно затмили солнце.

— Птицы! — воскликнул Герберт.

Действительно, то были бесчисленные стаи морских птиц с ослепительно-белым оперением.

— Ну, — сказал Пенкроф, — удивили!

— Как жаль, что они так быстро улетели! — ска-

зал Герберт. — Мы не успели ни одной подстрелить, и я не могу определить, к какому семейству пернатых они принадлежат!

Спустя несколько дней после этого происшествия, 26 марта, минуло ровно два года с тех пор, как колонисты были выброшены бурей на остров Линкольна.

XIX. Новая загадка

Прошло целых два года! Два года колонисты провели вдали от людей! Они не ведали о том, что творится в цивилизованном мире, и, попав на остров, затерянный в океане, словно очутились на крошечном астероиде Солнечной системы.

Они понятия не имели, что сейчас происходит у них на родине. Их неотступно преследовала мысль о родной стране — стране, которую раздирала Гражданская война в тот час, когда они ее покидали, — может быть, мятежники-южане до сих пор заливают ее потоками крови! Мысль эта наполняла их тревогой, и они часто беседовали о родине, не сомневаясь, однако, что правое дело северян восторжествует во славу Соединенных Штатов.

Однако за эти два года ни один корабль не прошел в виду острова, ни один парус не мелькнул на горизонте. Очевидно, остров Линкольна находился в стороне от морских путей и о нем никто не знал, о чем свидетельствовали также и карты. Иначе источники пресной воды, бесспорно, привлекли бы сюда корабли, несмотря на то что на острове и не было удобной бухты.

Вокруг расстилалось безбрежное море, которое было всегда пустынно, и колонисты знали, что никто не поможет им вернуться на родину, они могут рассчитывать только на самих себя. И все же у них была единственная возможность спастись, о ней колонисты и говорили как-то в начале апреля, собравшись в зале Гранитного дворца.

— Мне кажется, есть только одно средство покинуть остров Линкольна, — сказал Спилетт. — Это построить такой корабль, который мог бы продержаться на море несколько сотен миль. Если уж мы сделали лодку, то, мне кажется, сможем и корабль.

— И если плавали на остров Табор, так можно доплыть и до Туамоту! — прибавил Герберт.

— Разумеется, разумеется, — отвечал Пенкроф, который всегда имел первый голос, когда дело касалось морских вопросов, — не спорю, хоть известно, что плыть близко и плыть далеко — большая разница. Когда нас начало покачивать во время плавания на Табор, мы знали, что недалек берег, но пройти тысячу двести миль — совсем другое дело!

— Положим, это риск, и риск немалый, — сказал Спилетт, — но разве вы не рискнули бы?

— Я рискну когда угодно, господин Спилетт, — отвечал моряк, — и вы очень хорошо знаете, что я не такой человек, чтобы отступать…

— Помни, что у нас теперь прибавился матрос, — заметил Наб.

— Это кто? — спросил Пенкроф.

— Айртон.

— Правда, правда! — сказал Герберт.

— Если он согласится с нами отправиться! — сказал Пенкроф.

— Вы сомневаетесь, Пенкроф? — сказал Спилетт. — Что ж, вы полагаете, что, появись яхта лорда Гленарвана у острова Табор, Айртон откажется возвратиться на родину?

— Не уверяйте, я и так верю, что лорд приплывет, — отвечал Пенкроф, — и приплывет скоро, но к какому берегу он пристанет? Ведь пристанет-то он к острову Табор, а не к Линкольну!

— Это тем вероятнее, что острова Линкольна нет на географических картах, — сказал Герберт.

— Поэтому, друзья, — сказал Смит, — мы должны принять меры, чтобы приплывшие к Табору узнали, что Айртон и мы находимся на Линкольне.

— По-моему, проще всего оставить в хижине, где жил капитан Грант, а затем Айртон, запис-

ку с точными координатами нашего острова, да положить так, чтобы она бросилась в глаза Гленарвану или его спутникам, — предложил журналист.

— До чего же досадно, — воскликнул моряк, — что мы не сообразили сделать это, когда были на острове Табор!

— Нам это и в голову не могло прийти! — заметил Герберт. — Ведь мы понятия не имели о прошлом Айртона. Откуда нам было знать, что за ним обещали приехать; все стало известно только осенью, но тогда из-за ненастья нельзя было возвратиться на остров Табор.

— Да, — подтвердил Сайрес Смит, — тогда было уже поздно. Теперь придется ждать до весны.

— Но что, ежели шотландская яхта прибудет именно теперь? — спросил Пенкроф.

— Это вряд ли, — ответил инженер, — зимой лорд Гленарван не пустится в дальнее плавание. Но может статься, за те пять месяцев, что Айртон живет здесь, Гленарван уже наведался на остров Табор, если же нет, то у нас вдоволь времени, и мы не опоздаем; в октябре, когда наступит хорошая погода, отправимся на остров Табор и оставим там записку.

— Не повезло нам, — заметил Наб, — если яхта

«Дункан» уже побывала в этих морях.

— Надеюсь, что нет, — отозвался Сайрес Смит, — Провидение не лишит нас возможности попасть на родину!

— Во всяком случае, — заметил журналист, — если яхта и подплывала к острову Табор, мы это заметим, когда будем там; на месте и решим, как поступать.

— Что ж, это разумно, — ответил инженер. — Итак, друзья, запасемся терпением и будем надеяться, что на яхте Гленарвана мы сможем вернуться к родным берегам; а если надежда нас обманет, тогда подумаем, как быть.

— Я только вот что скажу, — ответил моряк. — Если мы оставим остров Линкольна, так оставим его не потому, что нам тут плохо живется!

— Нет, Пенкроф, не потому, что плохо живется, — отвечал инженер, — а потому, что здесь мы оторваны от всего, что дорого человеку: от семьи, от друзей, от родины!

Приняв такое решение, колонисты больше не заводили разговор о постройке большого корабля, о дальнем плавании на север, к архипелагам, или на запад, к берегам Новой Зеландии, и приступили к повседневным делам, а именно занялись приготовлениями к третьей зимовке.

Было, впрочем, решено воспользоваться последними погожими днями и объехать на ботике вокруг острова. Они еще как следует не обследовали побережье, и у них было весьма туманное представление о его северной и западной частях, лежавших между устьем реки Водопада и мысом Челюсти, а также об узком заливе, похожем на разверстую пасть акулы.

Это был замысел Пенкрофа, и Сайрес Смит, которому хотелось осмотреть свои владения, вполне одобрил его.

Погода стояла неустойчивая, но барометр не делал резких скачков, поэтому колонисты надеялись, что атмосферные условия будут благоприятствовать плаванию. В начале апреля стрелка барометра пошла вниз, пять-шесть дней дул сильный западный ветер, а потом стрелка прибора двинулась к «ясно» и замерла на уровне 29,9 дюйма (759,45 миллиметра); колонисты сочли, что пришло время пуститься в путь.

Отъезд назначили на 16 апреля, и «Благополучный», стоявший в бухте Воздушного Шара, был снаряжен в «кругоостровное путешествие», как выражался Пенкроф.

Сайрес Смит предупредил Айртона о предполагаемой экспедиции, которая могла затянуться,

и предложил принять в ней участие, но Айртон предпочел остаться дома и обещал в отсутствие хозяев наведываться в Гранитный дворец. Дядюшка Юп, который отнесся к его решению вполне благосклонно, тоже остался дома.

16 апреля колонисты в сопровождении верного Топа сели в ботик.

Дул сильный юго-западный ветер, и «Благополучный», выйдя из бухты Воздушного Шара, лавировал, держа курс на Змеиный мыс. Чтобы достигнуть мыса, потребовался целый день, потому что судно плыло только два часа во время отлива, а затем целых шесть часов должно было бороться с волнами и плыть против ветра. Окружность острова равнялась девяноста милям, а южная часть побережья, от гавани до мыса, — двадцати милям. Все эти двадцать миль колонисты плыли против ветра.

Пенкроф, взяв два рифа на парусах, предложил инженеру продолжать путь с небольшой скоростью. Но Сайрес Смит предпочел стать на якорь в нескольких кабельтовых от острова, чтобы днем осмотреть берег. Условились плыть только днем, чтобы получше исследовать побережье, а с наступлением сумерек бросить якорь поближе к земле.

Итак, бот простоял на якоре у мыса всю ночь; ветер улегся, клубился туман, и было очень тихо. Мореплаватели, кроме Пенкрофа, уснули, хотя и не таким крепким сном, как у себя дома.

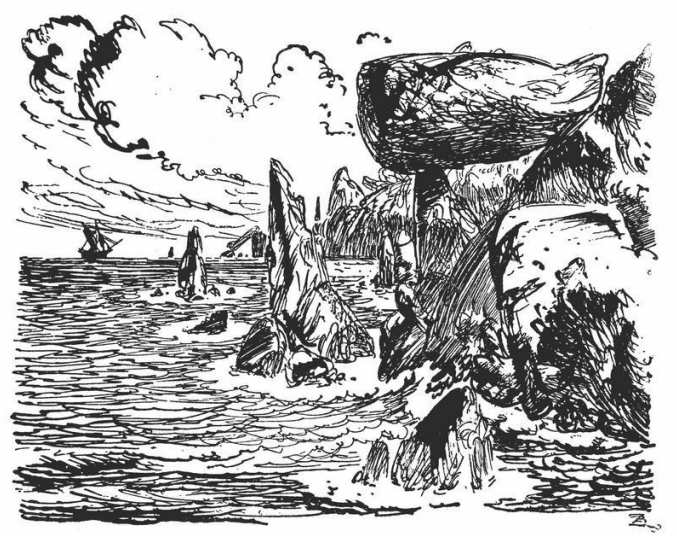
17 апреля Пенкроф с восходом солнца снялся с якоря и пошел левым галсом полным бакштагом, держась вблизи западного берега.

Этот великолепный лесистый берег был уже знаком колонистам, проводившим исследования по его опушкам, но они не могли налюбоваться на живописные массы роскошной зелени. Они старались держаться как можно ближе к земле и для более удобного наблюдения подвигались тихо, лавируя между плавающими древесными стволами. Несколько раз они даже днем бросали якорь, и Спилетт сфотографировал несколько прелестных видов.

Около полудня ботик достиг устья реки Водопада. Выше по правому берегу тоже росли деревья, но гораздо реже, а подальше, в трех милях отсюда, они попадались только группами, как гигантские букеты между обнаженными скалами.

— Какая разница между южной и северной частью этого берега! — сказал Герберт. — Южная часть такая лесистая, такая зеленая, а северная совершенно обнаженная, бесплодная… Север-

ная похожа на те берега, которые в некоторых странах называют «железными». И посмотрите, какие необычные очертания! Кажется, что весь этот базальт кипел, клокотал и вдруг застыл. Посмотрите на это нагромождение глыб! Как бы мы испугались, если бы случай забросил нас сюда в час крушения!



Оглядывая окрестности с вершины горы Франклина, колонисты не представляли себе, как зловещ и мрачен этот берег, ибо смотрели на него с большой высоты, а сейчас он предстал перед ними во всей своей неповторимой самобытности; вероятно, на всем земном шаре больше нигде нельзя было увидеть подобного ландшафта.

Ботик проплыл около полумили вдоль этого берега. Колонисты могли видеть, что весь он состоял из каменных глыб всевозможных размеров, начиная от двадцати до трехсот футов в высоту, и всевозможных форм — иные отличались цилиндрической формой и походили на башни, другие напоминали колокольни, пирамиды, обелиски, конусы, трубы. В одном месте со скалы на скалу перекидывался мост, в другом возносились какие-то своды, арки, галереи, наполненные мраком; тут — глубокие впадины, громадные пещеры, там — остроконечные утесы, пирамидальные башенки, шпили, каких не найти ни в одном готическом соборе. Одним словом, человеческое воображение не могло создать ничего причудливее этого величественного дикого берега, тянувшегося на восемь или девять миль.

Колонисты умолкли и с удивлением рассматривали представшие перед ними картины.

Топ, на которого красоты и чудеса природы не производили такого впечатления, время от времени издавал громкий лай, отдававшийся в ущельях.

Инженер заметил, что в этом лае слышится какая-то особая тревога. Топ лаял около дикого северного берега так же, как лаял около отверстия колодца в Гранитном дворце.

— Пристанем к берегу, — сказал Смит.

Пенкроф подвел ботик как можно ближе к береговым утесам.

— Быть может, здесь есть какой-нибудь грот, который любопытно было бы осмотреть, — сказал инженер.

— Что-то не видно, — отвечал Спилетт.

Действительно, они не только не нашли никакого грота, но даже впадинки, где могло бы приютиться какое-нибудь живое существо, потому что подножие скал омывалось морскими волнами.

Скоро Топ перестал лаять, и ботик, отойдя на прежнее расстояние от берега, снова поплыл вперед.

В северо-западной части острова берег был низкий, ровный и песчаный. Повыше, за обширными болотами, зеленели деревья и летали стаи птиц.

Вечером «Благополучный» бросил якорь в небольшом береговом углублении на севере острова. Ночь прошла спокойно, потому что ветер утих.

Так как в этом месте было очень удобно выйти на берег, то записные охотники колонии, Герберт и Спилетт, отправились поохотиться и через два часа возвратились с большим запасом уток и бекасов. Топ превзошел в это утро самого себя, и благодаря его ловкости и усердию ни одна убитая птица не была потеряна.

В восемь утра «Благополучный» снялся с якоря и быстро поплыл, поднимаясь к мысу Северной Челюсти, потому что ветер посвежел и порядком подгонял ботик.

— Я не удивлюсь, если с запада задует штормовой ветер, — сказал Пенкроф. — Вчера солнце закатилось совсем багровое, а вот сегодня явились и кошачьи хвосты!

Кошачьими хвостами моряки называют облака, которые походят на пряди волос или пучки перьев; они обыкновенно держатся на высоте пяти тысяч футов и предвещают сильный ветер.

— Не лучше ли распустить все паруса и поискать убежища в заливе Акулы? — сказал Смит. — Там, я полагаю, «Благополучный» будет

в безопасности.

— Вы отлично придумали, господин Смит, — отвечал Пенкроф. — К тому же тут и смотреть-то нечего, на этом северном берегу: все почти одни дюны!

— Я не прочь провести в заливе Акулы не только ночь, но и весь завтрашний день, — продолжал инженер. — Этот залив очень интересен, и его стоит хорошенько обследовать.

— Полагаю, что нам волей-неволей придется это сделать, — ответил Пенкроф, — поглядите-ка, что творится на западе! Черным-черно!

— Во всяком случае, при попутном ветре мы успеем добраться до мыса Северной Челюсти, — заметил журналист.

— Ветер-то попутный, — отозвался моряк, — однако нам придется лавировать, иначе в залив не войдешь, к тому же все это лучше проделать засветло: ведь мы и понятия не имеем, какое там дно!

— Дно там, вероятно, усеяно рифами, — подхватил Герберт, — если судить по южной части залива Акулы.

— Вам виднее, Пенкроф, — сказал Сайрес Смит, — мы на вас полагаемся.

— Будьте покойны, мистер Сайрес, — ответил

моряк, — зря рисковать не стану! Пусть лучше меня пырнут ножом, только бы нутро «Благополучного» не пострадало.

Нутром доблестный моряк называл подводную часть судна, ведь он дорожил ботом больше, чем своей жизнью.

— Который час? — спросил Пенкроф.

— Десять, — отвечал Спилетт.

— А сколько осталось до мыса, господин Смит?

— Около пятнадцати миль, — отвечал инженер.

— Это можно перемахнуть за два с половиной часа, — сказал моряк. — Около часа мы выйдем на траверз мыса. На нашу беду, как раз в это время начнется отлив, и, боюсь, нам трудненько будет войти в залив: против нас и ветер, и море!

— Тем более что теперь полнолуние, — заметил Герберт, — и апрельские приливы очень сильны.

— А нельзя ли бросить якорь у оконечности мыса, Пенкроф? — спросил инженер.

— Бросить якорь у мыса, когда того и гляди поднимется буря! — воскликнул моряк. — Что вы предлагаете, господин Смит! Да это значит собственноручно обречь себя на погибель!

— Что же вы думаете делать?

— Я постараюсь продержаться на море до семи

часов вечера, а потом, если видимость будет достаточная, попробую войти в залив.

— А если не удастся?

— Ну, не удастся, так я буду целую ночь лавировать, а войду с восходом солнца.

— Как знаете, Пенкроф, — сказал Смит, — повторяю: мы совершенно полагаемся на вас.

— Эх, кабы на этом берегу да какой-нибудь маячок! — вздохнул Пенкроф. — Мореплавателям-то было бы сподручнее!

— Да, гораздо сподручнее! — отвечал Герберт. — Только на этот раз уж нам некому засветить огонек!

— Кстати, любезнейший Смит, мы вас до сих пор и не поблагодарили, — сказал Спилетт, — а ведь не зажги вы тогда костра, мы бы, пожалуй, никогда не добрались до берега!

— Какой костер? Где? Когда? — спросил Смит, видимо удивленный словами Спилетта.

— Забыли, господин Смит? — сказал Пенкроф. — Я вам напомню: когда мы возвращались домой с Табора, то могли сбиться с настоящего пути, и не разожги вы тогда костер, мы бы, чего доброго, прошли мимо нашего острова. Помните, вы разожгли костер возле Гранитного дворца в ночь с девятнадцатого на двадцатое октября?

— Да, да, — отвечал инженер, — это действительно была удачная мысль…

— На этот раз нам никто не сможет помочь подобным образом! — продолжал моряк.

— Нет, никто, — отвечал Смит.

— Разве Айртон додумается!..

Спустя несколько минут после этого разговора Смит, оставшись на носу ботика вдвоем со Спилеттом, наклонился к нему и сказал:

— Если есть на свете что-нибудь верное и несомненное, Спилетт, так это то, что я отроду не зажигал никакого костра в ночь с девятнадцатого на двадцатое октября ни на площадке Гранитного дворца, ни в каком другом месте острова!

XX. Что открыла пластинка?

Случилось именно так, как предсказывал Пенкроф. Ветер все свежел, затем начал дуть со скоростью сорок или сорок пять миль в час, а когда около шести часов ботик пришел на траверз залива, начался отлив и войти в залив было нельзя. Капитан Пенкроф, вынужденный держаться в открытом море, при всем желании не мог бы добраться даже до устья реки Милосердия.

— Рад не рад, а придется заночевать в открытом море! — сказал моряк. — Придется направить нос ботика к берегу и ждать утра…

Итак, зарифив грот и поставив кливер, он выжидал, повернув бот носом к суше. Но, к счастью, хотя ветер был очень силен, море, защищенное берегом, не особенно волновалось, и нечего было бояться ударов волн, столь опасных для мелких судов. Ботик, разумеется, не мог опрокинуться, потому что у него было достаточно балласта, но если бы фальшборт не был так прочно закреплен, то громадные массы воды, заливавшие палубу, могли бы причинить серьезные повреждения.

Пенкроф, как опытный моряк, все заранее предвидел и заранее принял меры.

Невзирая на это, достойный капитан не без тревоги ожидал наступления утра.

За всю ночь Сайресу Смиту и Гедеону Спилетту ни разу не удалось уединиться, а между тем, судя по словам, которые инженер шепнул журналисту, им не терпелось поговорить о новом факте вмешательства таинственной силы, по-видимому управляющей островом Линкольна. Гедеона Спилетта неотступно преследовала новая загадка — зажженный в ту ночь костер. Ведь не приснился же ему костер! Герберт и Пенкроф тоже его видели! Именно его огонь помог им в непроглядной тьме определить верный курс; ни Пенкроф, ни его спутники не сомневались, что его разжег инженер, а теперь, извольте-ка видеть, Сайрес Смит решительно утверждает, что он тут ни при чем!

Журналист поклялся обсудить все это с инженером, как только они вернутся домой, и убедить Сайреса Смита, что все колонисты должны быть в курсе дела. Быть может, надо сообща исследовать остров Линкольна!

Как бы то ни было, но в эту ночь спасительный огонь не появился и не помог им войти в неисследованный залив. Бот до утра дрейфовал в открытом море.

Когда на востоке появились первые проблески зари, ветер немного стих и переменил направление на два румба, что позволило Пенкрофу без труда провести бот по узкому проливу. Часов в семь утра «Благополучный», обогнув мыс Северной Челюсти, осторожно пересек пролив и около семи утра вошел в бухту, чьи берега представляли собой причудливые глыбы застывшей лавы.

— Посмотрите, мы очутились точно в круглой раме! — сказал Герберт. — И какая странная, необыкновенная рама… Это все — лава!

— Здесь можно устроить отличный рейд и разместить целый флот, — сказал Пенкроф.

— Этот залив образовался из двух потоков лавы, — заметил Сайрес Смит. — Вероятно, в былые времена происходили частые извержения; лава, стекавшая из кратера, постепенно накапливалась и наконец образовала эту раму. Посмотрите: залив защищен со всех сторон, и в самую страшную непогоду здесь, должно быть, море тихо и спокойно, как озеро.

— В этом не сомневайтесь, — отвечал моряк. — Чего ж тут бурлить, коли в залив можно пробраться только через узкий проливчик между двумя мысами, да к тому же еще северный мыс прикрывает южный, — никакой шквал сюда не

проскочит. Наш «Благополучный» мог бы тут стоять круглый год, даже без швартов.

— Тут для ботика слишком просторно, — заметил Спилетт.

— Знаю. Но я вот думаю, что если нашему американскому флоту понадобится надежный рейд на Тихом океане, так лучше этого не найти.

— Мы теперь в самой пасти акулы, — сказал Наб, намекая на форму залива.

— В самой пасти, дорогой Наб, — отвечал Герберт, — но вы ведь не боитесь, что эта пасть вдруг закроется и нас проглотит?

— Нет, не боюсь, — отвечал Наб, — а все-таки мне этот залив не нравится! В нем что-то такое нехорошее, злое…

— Вот тебе раз! — воскликнул Пенкроф. — Наб порочит мой залив, и порочит как раз в ту минуту, когда я собирался его преподнести Америке!

— А какова глубина? — спросил инженер. — Помните, Пенкроф, на флоте есть броненосцы…

Моряк бросил в воду длинную веревку с куском железа на конце, служившую лотом.

— Сколько в веревке? — спросил Герберт.

— Пятьдесят морских саженей, — отвечал моряк.

Веревка вытянулась, и все-таки самодельный

лот не достал дна.

— Будьте спокойны, господин Смит, — сказал моряк, — наши броненосцы могут сюда пожаловать: не сядут на мель!

— Да, этот залив — настоящая пропасть, — отвечал Смит. — Впрочем, принимая в расчет вулканическое происхождение острова, нечего удивляться.

— Рейд прекрасный, не спорю, — сказал Спилетт, — но я замечу Пенкрофу, что в этом рейде недостает весьма и весьма важного…

— Чего недостает, господин Спилетт?

— Какого-нибудь уступа, какой-нибудь выемки, по которым можно было бы выбраться на берег. Я не вижу здесь ни единой точки, куда бы можно было ступить ногой!

«Благополучный» проходил так близко около этих стен, что почти их касался, но пассажиры нигде не нашли даже небольшого выступа.

Пенкроф утешал себя, говоря, что в случае надобности можно отлично взорвать эти стены посредством мины.

— А пока тут делать нечего, — прибавил он, — как вы полагаете, господин Смит? Пора в обратный?

— Пора, Пенкроф, — отвечал инженер.

Моряк повернул ботик, и около двух часов пополудни судно покинуло залив.

— Уф! — вздохнул Наб. — Словно отлегло от сердца!

От мыса Челюсти до устья реки Милосердия насчитывалось не более восьми миль. Распустив паруса, «Благополучный» взял курс на Гранитный дворец и поплыл, держась на расстоянии мили от берега. Громады скал из застывшей лавы вскоре сменились живописными дюнами. Именно здесь некогда чудом спасся Сайрес Смит. Морские птицы кружились тут целыми стаями.

Около четырех часов пополудни бот обогнул слева островок Спасения, вошел в пролив, отделяющий островок от побережья, а в пять часов якорь «Благополучного» вонзился в песчаное дно устья реки Милосердия.

Экскурсия колонистов продолжалась три дня.

Айртон ожидал на берегу, а Юп весело кинулся навстречу, испуская приветливое рычание.

Берега острова были исследованы, и исследователи не заметили ничего подозрительного. Если здесь обитало какое-нибудь таинственное существо, то оно, вероятно, находилось в дремучих лесах полуострова Извилистого, куда колонисты еще не проникали.

Спилетт долго толковал с инженером по поводу необъяснимых явлений на острове, в итоге Гедеон Спилетт и инженер решили, что следует указать друзьям на все те странные происшествия, которые случились на острове, особенно на последнее, самое необъяснимое.

— Непонятнее всего эта история с зажженным костром! — сказал Спилетт.

— Да уверены ли вы, что видели огонь? Быть может, только показалось?.. Быть может, это было какое-нибудь вулканическое извержение, какой-нибудь метеор? — взволнованно спросил Смит.

— Нет, Сайрес, это был огонь, настоящий огонь, зажженный рукой человека. Да вот спросите Пенкрофа и Герберта. Они тоже видели и подтвердят мои показания.

Спустя несколько дней, 25 апреля, когда все колонисты собрались на плато Дальнего Вида, Смит обратился к товарищам со следующими словами:

— Друзья мои, я считаю долгом указать вам на некоторые факты, которые до сих пор никак не могу себе объяснить. Очень желал бы знать ваше мнение. У нас на острове происходят удивительные, непостижимые, можно сказать, сверхъестественные вещи…

— Сверхъестественные? — воскликнул моряк, выпуская клубы дыма. — Что ж, наш остров, стало быть, сверхъестественный?

— Не сверхъестественный, Пенкроф, но положительно можно сказать — таинственный.

— Таинственный?

— Да, если только вы не сумеете объяснить нам то, чего мы со Спилеттом объяснить не смогли. Вы не задавали себе вопроса, как это случилось, что я упал в море, а нашли меня в четверти мили от морского берега, в дюнах, и я не помню, каким образом очутился в гроте?

— Может, вы потеряли сознание, и потом…

— В беспамятстве отправился в дюны? Невероятно. Но не будем на этом останавливаться. Как вы объясняете, что Топ вас отыскал? Ведь грот, где я лежал, находится по крайней мере в пяти милях от «Труб»…

— У собак удивительное чутье, — сказал Герберт. — Топ по инстинкту…

— Признаюсь, инстинкт подлинно удивительный! — сказал Спилетт. — Не забудьте, что, невзирая на страшный дождь и ветер, Топ явился в «Трубы» сухой, без единого пятнышка грязи!

— Не будем останавливаться и на этом, — продолжал Смит. — Как вы объясняете приключение

Топа с дюгонем? Помните, как собаку вышвырнуло из озера?

— Помню, а объяснить, признаюсь, не могу, — отвечал Пенкроф. — Я еще тогда удивился, откуда это появилась у дюгоня в боку такая рана, словно его кто пырнул острым орудием.

— И на этом не будем останавливаться, — продолжал Смит. — Каким образом, думаете вы, друзья мои, попала дробинка в мясо пекари? Каким счастливым случаем очутился на берегу ящик, когда нигде не видно никаких следов крушения? Почему так кстати нам под руку подвернулась бутылка с письмом? Чем вы объясняете, что наша лодка, сорвавшаяся со швартова, приплыла к нам именно в ту самую минуту, когда нам понадобилась? Кто, полагаете вы, так своевременно спустил нам лестницу с порога Гранитного дворца, куда ее втащили обезьяны? Наконец, откуда вообще взялась эта бутылка с письмом? Айртон определенно утверждает, что он ничего не писал…

Смит перечислил все до одного необъяснимые факты, поразившие его на острове Линкольна. Они предстали как звенья одной цепи.

Герберт, Пенкроф и Наб глядели друг на друга, не зная, что отвечать. Им и прежде многое каза-

лось странным, но до сих пор они никогда об этом не думали и фактов не сопоставляли и потому чрезвычайно удивились.

— Ей-ей, непонятно! — промолвил наконец Пенкроф.

— Теперь, друзья, я прибавлю еще один факт, — сказал инженер, — и этот факт так же непонятен, как все остальные.

— Какой же это факт, господин Смит? — с живостью спросил Герберт.

— Когда вы возвращались с острова Табор, Пенкроф, — продолжал инженер, — вы, говорите, видели огонь на острове Линкольна?

— Разумеется, видел, — отвечал Пенкроф.

— Вы совершенно в этом уверены?

— Еще бы не уверен!

— Ты тоже видел, Герберт?

— Как же не видать, господин Смит! Этот огонь блистал, как звезда первой величины…

— Да может, это и была звезда? — настойчиво спрашивал инженер.

— Нет, — отвечал Пенкроф, — небо тогда было затянуто тучами… Да и звезда не могла бы блестеть так низко на горизонте… Но вот господин Спилетт тоже видел и может подтвердить наши слова.

— Я прибавлю, что этот огонь был очень яркий и представлялся электрическим светом, — сказал Спилетт.

— Да-да, это правда! — воскликнул Герберт. — И он был зажжен около плато.

— Друзья мои, — сказал Смит, — в ночь с девятнадцатого на двадцатое октября ни я, ни Наб не зажигали огня на берегу.

— Не зажигали? — воскликнул пораженный Пенкроф. — Вы…

Он даже не мог закончить фразу.

— Мы не выходили из Гранитного дворца, — отвечал Смит, — и если огонь был зажжен на берегу, то его зажгли чьи-то неизвестные руки, а не наши!

Пенкроф, Герберт и Наб были совершенно поражены. Сомневаться было невозможно: огонь был зажжен в ночь с девятнадцатого на двадцатое октября, его видели все трое. Кто же зажег этот огонь?

Да, тайна, и тайна непостижимая, несомненно, существовала. На острове было какое-то таинственное существо, которое, очевидно, благоволило колонистам, покровительствовало им и помогало.

Где же скрывался таинственный покровитель?

Надо было во что бы то ни стало это узнать.

Смит напомнил товарищам, какую тревогу иногда выказывали Топ и Юп, подходя к отверстию колодца, которым Гранитный дворец сообщался с морем, и рассказал им, как он, воспользовавшись однажды их отсутствием, обследовал этот колодец, но не нашел в нем ничего подозрительного.

Обсуждение закончилось тем, что все колонисты единогласно решили снова начать самые тщательные исследования, как только наступит теплая пора.

Но с этого дня Пенкроф казался озабоченным. Он вдруг осознал, что остров, который он считал своей собственностью, принадлежит еще кому-то и этот кто-то подчиняет его, Пенкрофа, своей власти. Моряк часто толковал с Набом о чудесных вещах, совершавшихся на Линкольне, и так как оба они были очень суеверны, то скоро и уверились, что тут замешана сверхъестественная сила.

— Как хочешь, а тут что-то нечисто!

— Да, да, — подтверждал Наб.

Приближался май, напоминающий ноябрь в Северном полушарии, потянулись ненастные дни. Надвигалась ранняя суровая зима. Поэтому надо было, не откладывая, подготовиться к зимовке.

Впрочем, колонисты во всеоружии встречали и самые сильные холода. У них был немалый запас самодельной одежды, а многочисленное стадо муфлонов в избытке снабжало их шерстью, необходимой для изготовления грубой, но теплой материи.

Смит предложил Айртону, которого, разумеется, снабдили теплой одеждой, перейти на зиму в Гранитный дворец, где жить было несравненно удобнее, чем в домике, и Айртон обещал исполнить желание инженера, как только закончит последние работы на скотном дворе.

В середине апреля Айртон перебрался в Гранитный дворец и стал жить одной жизнью с колонистами. Он прилежно работал, вечно думал о том, как бы принести возможную пользу, но всегда был печален, тих и не принимал участия в развлечениях товарищей.

Бóльшую часть этой третьей зимы колонисты провели в Гранитном дворце. Нередко бывали сильные бури и такие вихри, что утесы дрожали на своих основаниях. Море не раз грозило совершенно затопить остров, и всякое судно, которое бы в эту пору сюда зашло, неминуемо бы погибло. Два раза река Милосердия выходила из берегов, и колонисты опасались, как бы не сорвало мосты;

мостики на берегу, исчезавшие в приливы под морскими волнами, приходилось беспрестанно поправлять и укреплять.

Понятно, что такие вихри, дожди и снег произвели немало опустошений на плато Дальнего Вида. Особенно пострадали мельница и птичник.

— Ну и погодка! — говорил Пенкроф. — Дня не пройдет, чтобы чего-нибудь не поломало да не поковеркало. Одно починишь, другое уж валится!

В это время появилось несколько пар ягуаров и стаи обезьян, которые доходили до самого плато. Можно было опасаться, что, побуждаемые голодом, они рискнут перебраться через ручей. Самым ловким и смелым ничего не стоило преодолеть эту преграду, тем более по льду. Колонисты опасались, как бы от хищников не досталось огородам, полям и домашним животным, и всегда были начеку: нередко приходилось выстрелами из ружья отгонять непрошеных гостей. Конечно, помимо этих забот у зимовщиков всегда находилось множество всяких дел, ибо они непрестанно занимались благоустройством своего жилища.

— Попомните мое слово, эти твари пожалуют к нам в гости! — говорил Пенкроф. — Ручей теперь замерз — перемахнуть через него пара пустяков.

Коли мы хотим сберечь поля, огороды, домашних животных и птиц, надо смотреть в оба!

Как видит читатель, и зимой у колонистов было достаточно работы.

В холодные ясные дни Спилетт и Герберт, сопровождаемые Топом и Юпом, отправлялись охотиться на Утиное болото и настреливали там множество уток, бекасов, чирков, шилохвостов и чибисов.

Так прошло четыре суровых зимних месяца — июнь, июль, август и сентябрь. Вообще же обитатели Гранитного дворца не очень страдали от непогоды, так же как и обитатели скотного двора, который стоял не на таком открытом месте, как Гранитный дворец, и был с одной стороны защищен горой Франклина, а с других — лесами и высоким скалистым берегом; разбиваясь об эти преграды, шквалы теряли свою сокрушительную силу. Поэтому бури нанесли скотному двору совсем незначительный урон, и деятельный, умелый Айртон все быстро исправил, проведя там несколько дней во второй половине октября.

За все четыре месяца не случилось решительно ничего таинственного, хотя Пенкроф и Наб выискивали все таинственное и самые простые вещи готовы были перетолковывать на чудесный

лад. Топ и Юп перестали подходить к отверстию колодца и не выказывали никакой тревоги.

— Нет больше чудес, Пенкроф, — шутил Спилетт. — Все идет самым обыденным порядком!

— А все-таки, как только теплая пора наступит, мы обыщем весь остров, — отвечал моряк.

Но случилось неожиданное происшествие, которое на время отвлекло Смита и его товарищей от их планов.

Наступил октябрь, началась весна. Природа обновлялась под животворными лучами солнца, между темной зеленью хвойного леса уже показалась нежная листва крапивных деревьев, банксий и деодаров.

17 октября, около трех часов пополудни, Герберта соблазнила ясная погода, и он задумал снять вид, который открывался из бухты Союза.

— Снимок у меня выйдет отличный! — говорил Герберт, собираясь приняться за дело. — Посмотрите, как ясно небо, как тихо колышется море! А бухта, точно гладкое зеркало, сверкает в солнечных лучах!

Он установил объектив около одного из окон Гранитного дворца так, чтобы снять бухту и часть берега, приладил все как следует, поместил стеклянную пластинку в камеру-обскуру и, когда

получилось изображение, отправился его фиксировать в свой фотографический кабинет, то есть в темный закоулок Гранитного дворца.

Сделав что нужно, Герберт снова вышел на свет и, рассматривая негатив, заметил на нем какую-то почти незаметную точку; он попробовал еще раз обмыть пластинку, но пятнышко не сходило.

«Это, верно, стекло такое», — подумал он.

Чтобы разглядеть недостаток фотографической пластинки, он отвинтил объектив от одной зрительной трубы, чтобы использовать его как лупу.

Едва он поднес лупу к глазам, как воскликнул и чуть не выронил ее из рук.

Герберт стремглав бросился в комнату инженера и протянул ему лупу и пластинку.

Смит взглянул на пятнышко и, схватив свою подзорную трубу, кинулся к окну.

Он медленно, последовательно, тщательно начал разглядывать горизонт. Вдруг движение трубы остановилось. В трубу стало видно то место, которое соответствовало пятнышку на негативе.

Смит опустил трубу и произнес одно только слово:

— Корабль…

Действительно, на горизонте был корабль!

Часть третья. Тайна острова

I. Черный флаг

Уже два с половиной года прошло с того дня, как смелые беглецы из Ричмонда потерпели крушение на воздушном шаре, который их выбросил на остров Линкольна. Все это время они были отрезаны от остального мира. Однажды Спилетт попытался дать весть о судьбе обитателей Линкольна, привязав к шее альбатроса подробное письмо, но никто не мог рассчитывать на удачу. К маленькой колонии — при известных читателю обстоятельствах — за это время присоединился лишь Айртон. Других людей они не видели, но постоянно думали о них, давно уже ждали. И вот теперь, 17 октября, возле острова появились другие люди…

На зов Герберта и Смита прибежали остальные колонисты. Пенкроф первый схватил подзорную трубу, поспешно оглядел горизонт и обнаружил черную точку как раз в том месте, где на фотографической пластинке виднелось еле заметное пятнышко.

— Тысячу чертей! В самом деле корабль! — проговорил он голосом, не выражавшим особенной радости.

Нельзя было еще разобрать, приближается ли корабль. Оставалось только ждать.

Целый рой мыслей и чувств зашевелился у каждого. Мешались, спутывались надежда и страх, радость и какая-то смутная печаль. В самом деле, колонисты не были в положении людей, выкинутых на пустынную землю, принужденных изо дня в день вести тяжелую борьбу за существование. Им незачем было ждать других людей как избавителей от злосчастного житья. В особенности Пенкроф и Наб по доброй воле не расстались бы с островом, на котором они чувствовали себя так привольно и счастливо. Да и остальные уже свыклись, сжились с землей, которую они своим трудом и знаниями превратили в культурное поселение. Но, с другой стороны, корабль нес вести из цивилизованных стран. Быть может, это была частичка их родины, которая шла им навстречу…

Время от времени Пенкроф снова брал трубу, но корабль был еще так далеко, что не увидел бы никакого сигнала с острова, не услышал бы даже выстрелов.

Корабль же, несомненно, видел остров Линкольна с его горою. Но зачем этот корабль плыл к этой никому не известной земле, лежащей в

стороне от путей, которых держатся суда, направляющиеся к Полинезийским островам, к Новой Зеландии и берегам Америки?

Этот вопрос вставал перед каждым членом.

— Уж не «Дункан» ли это? — вдруг воскликнул Герберт.

Читатель, надеемся, не забыл, что так называлась яхта лорда Гленарвана, с которой высадили Айртона на Табор и которая в свое время должна была за ним приплыть. Весьма возможно, что яхта, направляясь к Табору, проходила мимо Линкольна. А ведь этот островок находится довольно близко от острова Линкольна, и судно, державшее курс на остров Табор, так или иначе пройдет в виду колонистов. Оба острова разделяет всего сто пятьдесят миль по меридиану и семьдесят пять по параллели.

— Надо позвать Айртона, — сказал Спилетт. — Он один может решить, «Дункан» это или нет.

Спилетт тотчас же отправил Айртону депешу:

«Приходите как можно скорее».

Через несколько минут раздался ответный звонок.

«Иду», — телеграфировал Айртон.

— Если это «Дункан», — сказал Герберт, — то Айртон тотчас же его узнает, ведь он на нем

плавал.

— Сердце-то у него, надо полагать, дрогнет! — прибавил Пенкроф.

— Да, — отвечал Смит, — но теперь Айртон может смело сказать, что он другой человек… Он искупил свое прошлое. Дай бог, чтобы это была яхта лорда Гленарвана! Всякое другое судно показалось бы мне подозрительным. Я боюсь, как бы наш остров не посетили малайские пираты…

— Мы его будем защищать! — воскликнул Герберт.

— Конечно будем, дитя мое, — отвечал, улыбаясь, инженер, — но лучше, если бы не пришлось…

— Позвольте мне сделать одно замечание, — сказал Спилетт. — Остров Линкольна не занесен даже на самые новейшие карты; следовательно, он совершенно неизвестен морякам, и мне кажется, что каждое судно, завидев новую землю, естественно, пожелает осмотреть ее.

— Что правда, то правда, — сказал Пенкроф.

— Я тоже так думаю, — сказал инженер. — По-моему, это даже прямой долг капитана корабля.

— Ну, положим, корабль бросит якорь около острова, — сказал Пенкроф. — Что нам тогда делать?

Вопрос минуты две-три оставался без ответа; затем Смит сказал со свойственным ему спокойствием:

— Мы сделаем вот что, друзья мои: мы войдем в переговоры с этим кораблем, займем на нем места и покинем остров Линкольна, который мы объявим владением Соединенных Штатов. Затем мы снова сюда приедем, захватив с собой всех тех, кто захочет следовать за нами, чтобы превратить наш остров в колонию. Я надеюсь, много найдется людей, которые пожелают принести в дар Американской Республике возделанную территорию в этой части Тихого океана!

— Ура! — воскликнул Пенкроф. — Мы своей стране преподнесем немалый подарок! Ведь колонизация острова, как это называет господин Спилетт, уже окончена: мы дали имена всем мысам, заливам, бухтам, горам и рекам, открыли порт, запасы пресной воды, мы проложили дороги, устроили телеграф, построили мельницу, завод; теперь остается только занести Линкольн на географические карты.

— А если во время нашего отсутствия кто-нибудь завладеет Линкольном? — заметил Спилетт.

— Тысячу чертей! — воскликнул Пенкроф. — Да

я лучше останусь сторожить его один-одинешенек.

— Один-одинешенек, Пенкроф?

— Да! И ручаюсь, что у меня его не стащат, как часы из кармана какого-нибудь ротозея!

Еще целый час колонисты не могли решить, направлялось судно к Линкольну или нет; судно между тем все приближалось.

— Только бы мне распознать, каким галсом оно идет! — говорил Пенкроф. — Да ничего не рассмотришь в такой дали! Ветер-то тянет, впрочем, с северо-востока, и надо полагать, что оно идет правым галсом… Ветер подгоняет его прямо к Линкольну, а море такое тихое, что ему нечего опасаться, хотя глубина и не промерена.

Около четырех часов, ровно через час после вызова, в Гранитный дворец, явился Айртон.

— Айртон, мы вас звали по важному делу: какой-то корабль на горизонте.

Айртон слегка побледнел; глаза его как будто затуманились. Но он скоро овладел собой и, наклонясь к окну, окинул взглядом все видимое пространство.

— Я ничего не вижу, — проговорил он.

— Возьмите подзорную трубу, — сказал Спилетт, — и присмотритесь хорошенько, Айртон:

очень может быть, что это «Дункан», который должен вас взять и отвезти на родину.

— «Дункан»! — прошептал Айртон. — Уже!

Последнее слово вырвалось как бы невольно из уст Айртона; он обеими руками взялся за голову и крепко ее сжал.

— Нет. Это не «Дункан»!

— Посмотрите еще раз, посмотрите хорошенько, — сказал инженер. — Дело очень важное. Вы понимаете: надо убедиться, что это за судно, и наперед знать, как действовать.

Айртон снова взял трубу. Несколько минут он неподвижно, безмолвно наблюдал, затем сказал решительно:

— Да, это корабль, но не «Дункан».

— Почему же вы заключаете, что не «Дункан»? — спросил Спилетт.

— «Дункан» — паровая яхта, а я не вижу никакого дыма ни над судном, ни за судном.

— А может, оно идет под парусами? — заметил Пенкроф. — Ветер ему попутный, а если ветер попутный, так зачем ему даром изводить уголь? Он далеко от всякой земли и должен уголь беречь.

— Может, вы и правы, господин Пенкроф, — отвечал Айртон, — может, это паровое судно… Подождем, пока оно не подойдет к острову, тогда

увидим.

Айртон отошел от окна и сел в углу. Колонисты продолжали высказывать разные предположения, но он не вмешивался в их беседу.

Все пришли в такое волнение, что были просто не в состоянии вернуться к прерванной работе. Особенно волновались Спилетт и Пенкроф; они не могли минуты усидеть на одном месте: ходили взад и вперед, из угла в угол, высовывались то из одного окна, то из другого. Герберта больше всего одолевало любопытство. Один Наб сохранял свое обычное спокойствие: его родина была там, где его господин.

Что касается инженера, то он был занят какими-то мыслями; в душе он скорее страшился, чем желал прибытия неизвестного корабля.

Корабль между тем все приближался. С помощью трубы уже можно было различить, что это был настоящий корабль, а не малайский прао, на котором плавают пираты Тихого океана. Позволительно было думать, что мрачные предчувствия инженера не подтвердятся и что появление этого корабля в водах, омывающих остров Линкольна, не грозит колонистам никакой опасностью.

— Ваши предчувствия, к счастью, не оправдались, Смит, — сказал Спилетт, — это не пираты…

— Я очень рад, Спилетт, — отвечал инженер.

— Это бриг, — сказал Пенкроф, еще раз всмотревшись в трубу, — и идет он левым галсом под нижними парусами… И идет к Линкольну… Поглядите-ка, Айртон.

Айртон подтвердил слова Пенкрофа.

— А вот что, — продолжал Пенкроф, — если бриг будет идти все левым галсом, он скоро скроется от нас за мысом Коготь, и нам тогда надо поскорее взобраться на скалы залива Вашингтона, около бухты Воздушного Шара…

— Да ведь уже пять часов, Пенкроф, — заметил Герберт, — скоро наступит темнота и нельзя будет наблюдать…

— Правда, правда!.. Экая досада! — вздохнул моряк.

— Да, — сказал Спилетт, — ночь скоро наступит, и что же тогда делать? Не зажечь ли огонь на вершине скалы и тем подать сигнал, что на острове есть люди?

Вопрос был чрезвычайно важный. Инженер, видимо, колебался, но, невзирая на эти колебания, ответил утвердительно. В продолжение ночи корабль мог уйти, а кто поручится, что когда-нибудь здесь появится другой? Кто мог предвидеть, что готовит колонистам будущее?

Но в ту самую минуту, как Пенкроф и Наб собирались спускаться из Гранитного дворца, судно переменило ход и пошло прямо к острову, направляясь к бухте Союза.

— Погодите, Пенкроф! — крикнул Спилетт. — Бриг повернул…

— Да, да, — сказал Пенкроф, поглядев в подзорную трубу. — Славный ходок этот бриг! Ишь как несется!

— Айртон, поглядите, не «Дункан» ли… Ведь шотландская яхта тоже так оснащена, — сказал Смит.

— Смотрите, есть ли труба между мачт, — сказал Пенкроф. — Я вот трубы-то не вижу…

Было еще светло, и бриг находился всего в десяти милях. Айртон скоро опустил трубу:

— Это не «Дункан». Это не может быть «Дункан»!

Пенкроф снова схватил трубу.

— Этот бриг, — говорил он, всматриваясь, — в триста, а то и в четыреста тонн… Постройка мастерская… Легок, должно полагать, на ходу и может летать птицей по морю…

— Какой страны? — спросил инженер.

— Не знаю… Флаг висит, да я не могу различить его цвета…

— Через полчаса узнаем, — сказал Спилетт. — Капитан, очевидно, намерен пристать к острову; следовательно, если не сегодня, то завтра наши сомнения разрешатся…

— Разумеется, разумеется, — отвечал Пенкроф, — а все же лучше заранее знать, с кем будешь иметь дело… И я бы не прочь распознать поскорее, под каким флагом идет этот молодец!

Разговаривая, моряк не опускал подзорной трубы и не переставал внимательно наблюдать.

Вечерело, и вместе с наступлением сумерек утихал ветер. Флаг брига повис, и теперь его труднее было различать между фалами.

— Это флаг не американский, — говорил время от времени Пенкроф, — и не английский… На английском флаге красное поле сразу бросается в глаза… И не французский, и не немецкий… Это и не русский… И не испанский, не желтый… Этот флаг словно одноцветный… Постойте, какие корабли больше всего плавают в этих местах?.. Не чилийский ли это флаг? Нет, чилийский трехцветный… Не бразильский ли?.. Бразильский — зеленый… Может, японский? Да нет, и не японский! Японский черный с желтым… А этот… этот…

В эту минуту порыв ветерка натянул неизвест-

ный флаг. Айртон, схватив трубу, опущенную Пенкрофом, приставил ее к глазам и проговорил глухим голосом:

— Флаг черный!

Да, черный флаг развевался на бриге!

Неужто предчувствия инженера оправдались? Неужто это судно принадлежало пиратам? Зачем приближалось оно к Линкольну, чего искало у его берегов? Подходило оно к Линкольну как к неизвестной земле, которая, быть может, окажется удобным местом для хранения похищенных грузов? Или надеялось найти здесь приют на зимние месяцы? Неужели владение колонистов превратится в бесчестный вертеп, в стоянку разбойников Тихого океана?

Все эти мысли волновали колонистов. Сомнений не было: черный флаг мог развеваться только на судне пиратов.

Колонисты не стали терять время на рассуждения.

— Друзья мои, — сказал Смит, — быть может, это судно намерено только осмотреть берега острова; быть может, его экипаж не высадится на землю… Но, так или иначе, мы должны сделать все, чтобы разбойники не догадались о нашем присутствии. Наша ветряная мельница на плато

Дальнего Вида сейчас же бросится им в глаза. Пусть Айртон и Наб немедля снимут крылья… Надо также получше прикрыть окна Гранитного дворца… Везде погасить огни… Пусть думают, что остров необитаем…

— А наш ботик? — сказал Герберт.

— О, ботик стоит в бухте Воздушного Шара, — отвечал Пенкроф, — и я ручаюсь, что этим негодяям его не отыскать.

Скоро Наб и Айртон уже снимали крылья с ветряной мельницы. Остальные принесли из леса огромное количество ветвей и лиан, которыми намеревались так прикрыть окна Гранитного дворца, чтобы издали представлялось, будто сама природа образовала все эти зеленые гирлянды и плетеницы. Затем приготовили оружие и боевые снаряды.

— Друзья мои, — голос Смита слегка дрожал, — если эти презренные люди вздумают завладеть островом, мы станем его защищать, не правда ли?

— Да, — ответил Спилетт, — и, если нужно, умрем, защищая наше владение!

Инженер протянул руку своим товарищам, которые с жаром ее пожали.

Один Айртон, снова отошедший в угол, не про-

изнес ни слова. Быть может, он думал, что ему, бывшему каторжнику, не следует выказывать своих чувств.

Смит, угадывая, что происходит в его душе, подошел к нему и сказал:

— А вы, Айртон, что вы думаете делать?

— Я исполню свой долг, — отвечал Айртон.

Кругом все более и более темнело. Между тем бриг уклонился к северу, подхваченный приливом.

— Он уж входит в бухту Союза, — сказал Пенкроф. — Посмотрите: видите прямую линию от мыса Коготь до мыса Челюстей? Эта линия проходит уже западнее! Он, видно, хочет войти в бухту…

— Да, — сказал Спилетт, — желательно бы поскорее узнать намерения капитана этого брига. Быть может, он ограничится осмотром побережья, не будет высаживать экипаж на берег и отправится восвояси… Через час мы будем это знать. Остается ждать.

Зайдет ли бриг вглубь бухты? Вот какой вопрос особенно волновал колонистов. А зайдя в бухту, бросит ли он там якорь? Этот вопрос тоже мучил их. Возможно, он ограничится лишь осмотром побережья и уйдет в открытое море, не высадив

на сушу экипаж? Ответ на этот вопрос будет дан меньше чем через час. Колонистам оставалось, таким образом, лишь одно — ждать.

Сайрес Смит с нескрываемой тревогой думал о подозрительном бриге, на мачте которого развевался черный флаг. Неужели он несет с собой угрозу их общему делу, делу их колонии, всему, чего они сумели добиться своим трудом? Неужели пираты (теперь уже не оставалось сомнения в том, что экипаж брига — это морские разбойники) посещали и раньше этот остров? Иначе, подплывая к нему, они не стали бы поднимать флаг. Высаживались ли они прежде на его берег? Если да, то это пролило бы свет на некоторые пока еще загадочные обстоятельства. Уж не укрываются ли где-нибудь на неисследованной части острова их сообщники, которые только и ждут высадки, чтобы присоединиться к своим дружкам? Ни на один из этих вопросов, которые Сайрес Смит задавал себе мысленно, он не находил ответа; он понимал только, что прибытие пиратского брига ставит колонистов перед лицом серьезной опасности.

Тем не менее его товарищи и он сам твердо решили сопротивляться до последней возможности. Как велико количество пиратов, превышают

ли они численностью колонистов, насколько лучше вооружены пришельцы — вот что необходимо было узнать в первую очередь! Но как добраться до брига?

Спустилась ночь. Молодой месяц, померкший в лучах заката, уже исчез с небосвода. Глубокий мрак окутывал остров и море. Тяжелые тучи обложили горизонт, не пропуская ни единого луча света. С наступлением сумерек ветер совсем стих. На деревьях не шелестела листва, ленивые волны бесшумно набегали на берег. Корабль пропал во тьме, огни на нем затушили, и если он по-прежнему шел вблизи острова, уже невозможно было определить его местонахождение.

— Чего загодя тревожиться, — сказал Пенкроф. — Может, это проклятое судно пошло дальше и на рассвете мы его уж не увидим…

Как бы в ответ моряку во мраке блеснул огонек, затем раздался пушечный выстрел.

Между блеснувшим огоньком и выстрелом прошло всего шесть секунд; значит, бриг находился от берега всего в одной миле с четвертью.

В то же время колонисты услыхали звяканье цепей.

Бриг бросил якорь неподалеку от Гранитного дворца.

II. Подвиг Айртона

Невозможно было сомневаться в намерениях пиратов. Они бросили якорь близ острова и, очевидно, на следующее утро собирались сесть в шлюпку и сойти на берег.

Смит и его товарищи решили, как действовать, и не колебались, но, как бы они ни были отважны, они не желали проливать кровь и потому считали за лучшее сначала попробовать избавиться от опасности без схватки и боя.

— Если они только высадятся на берег и не пойдут вглубь острова, — сказал инженер, — то, весьма вероятно, мы успеем от них укрыться.

— Может, они только хотят запастись пресной водой? — сказал Пенкроф.

— Значит, они поплывут по реке Милосердия, а там мост! — заметил Герберт.

— От устья до моста полторы мили, — возразил Пенкроф, — зачем им забираться так далеко? Вот у нас в «Трубах» разные постройки, так, пожалуй, могут броситься в глаза… Да нет, им не придет в голову там шарить…

— Во всяком случае, наша позиция недурна, — сказал инженер, — и нас трудно найти…

Отверстие прежнего стока так заплетено травами и кустами, что неприятель не сможет его открыть, а раз он его не откроет, он не сможет проникнуть в Гранитный дворец.

— А наши плантации? Наши посевы? Птицы? Скотный двор? — воскликнул Пенкроф, топнув ногой. — Они могут все разрушить, все уничтожить в несколько часов!

— Да, — отвечал Смит, — и мы не в состоянии им помешать…

— Сколько их — вот вопрос! Если человек двенадцать, так сумеем с ними справиться, но если их человек сорок или пятьдесят, тогда дело другое…

— Господин Смит, — сказал Айртон, приближаясь к инженеру, — дадите ли вы мне позволение?..

— Какое, мой друг? Говорите.

— Позвольте мне пробраться на бриг — высмотреть, сколько на нем экипажа и как он вооружен.

— Но, Айртон, вы рискуете жизнью, — ответил Смит.

— Отчего ж мне и не рискнуть, господин Смит?

— Вы сказали, что исполните ваш долг, но это уже более чем исполнить долг…

— Исполнить долг мало, господин Смит; я дол-

жен сделать больше…

— Вы хотите подплыть в пироге к самому бригу? — спросил Спилетт.

— Нет, господин Спилетт, я не возьму пироги — я сам поплыву. Пирога не пройдет там, где может проскользнуть человек.

— Бриг почти в полутора милях от берега! — сказал Герберт.

— Я хороший пловец, — отвечал Айртон.

— Говорю вам, вы рискуете жизнью, — сказал инженер.

— Стоит ли об этом толковать! — отвечал Айртон. — Господин Смит, я прошу у вас этого позволения как великой милости! Это, быть может, успокоит меня, утешит…

— Ступайте, Айртон, — сказал инженер, чувствовавший, что отказ огорчил бы и оскорбил бывшего каторжника.

— Я с вами, — сказал Пенкроф.

— Вы мне не доверяете?.. — с живостью спросил Айртон. Но тотчас подавил эту вспышку и прибавил: — Вы имеете на это полное право!

— Вы ошибаетесь, Айртон, вы ошибаетесь! — с жаром возразил Смит. — Пенкроф вовсе не хотел сказать, что не доверяет вам. Вы не так истолковали его слова!

— Совсем не так, — подтвердил моряк. — Я хотел проводить вас только до островка Спасения; потому что, не ровен час, какой-нибудь тип из этой шайки уже выбрался на берег и шастает где-нибудь поблизости, и в случае чего двоим легче помешать ему поднять тревогу… Я подожду вас на островке, Айртон, а вы один плывите к бригу, как вызвались. Ладно?

— Ладно, — отвечал Айртон.

Замысел его был очень смел, но он мог рассчитывать на успех благодаря темноте пасмурной ночи. Он надеялся, добравшись до брига, уцепиться за цепь или канат, высмотреть, сколько там людей, а может быть, и узнать из их разговора, что они намерены здесь делать.

Айртон разделся и натерся жиром, чтобы не слишком зябнуть в холодной воде.

Тем временем Пенкроф и Наб пошли за пирогой, которая стояла в нескольких сотнях шагов выше, у берега реки Милосердия; когда они возвратились, Айртон уже был готов и ждал их, завернувшись в одеяло.

— Прощайте, Айртон, — сказал инженер, — я не говорю вам об осторожности: вы сами понимаете, как это необходимо…

— Не беспокойтесь, господин Смит, — отвечал Айртон.

Колонисты в последний раз пожали ему руку.

Айртон сел в пирогу с Пенкрофом.

Было ровно половина одиннадцатого, когда оба исчезли в темноте.

Колонисты отправились в «Трубы», где намерены были ожидать их возвращения.

Разведчики быстро пересекли пролив. Пирога остановилась у островка. Плавание было совершено с подобающей осмотрительностью.

— Не шатается ли здесь кто из них? — шепнул Пенкроф, ступая на островок.

Но после тщательного осмотра оказалось, что на островке нет ни души. Айртон перешел его быстрым шагом, затем, не колеблясь ни секунды, кинулся в море и поплыл без шума, как рыба, прямо к бригу. На бриге зажгли огонь; полосы света обозначали место, где он стоял.

Пенкроф же укрылся между выступами береговой скалы и стал ожидать возвращения товарища.

Айртон плыл, не производя ни малейшего шума. Его уносило течением, и он быстро удалялся от берега. Его голова лишь слегка выдавалась над поверхностью воды, а внимательный взгляд был прикован к темному силуэту судна, огни которого отражались в море. Он помнил лишь одно: нужно

во что бы то ни стало сдержать данное товарищам слово — выполнить свой долг; ему даже не приходила в голову мысль ни об опасностях, подстерегающих его на борту корабля, ни об акулах, которые нередко появлялись возле острова. Течение несло его, и берег остался далеко позади.

Спустя полчаса Айртон подплыл к самому бригу и схватился одной рукой за цепь. Он перевел дух и, поднимаясь по цепям, достиг оконечности бушприта. Тут сушились матросские штаны. Он снял одни и надел на себя. Затем он устроился поудобнее и прислушался.

На бриге не спали. Напротив, спорили, пели, смеялись. Айртон между разными шутками и проклятиями услыхал:

— Наш бриг хоть куда! Это знатное приобретеньице!

— Ходок отличный! Стоит своего имени! Уж подлинно «Быстрый»!

— Пусть вся норфолкская флотилия кинется за ним в погоню — даром время потратят!

— Да-да, пусть-ка попробуют поймать!

— Лови ветра в поле!

— Наш капитан молодец!

— Ура капитану! Ура!

— Ура, Бобу Гарвею! Ура!

Понятно, что почувствовал Айртон, услыхав эти слова и узнав в Бобе Гарвее одного из своих бывших австралийских сообщников, бесстрашного моряка, который, как оказалось, воспользовался его мыслью и завладел чьим-то судном, стоявшим близ острова Норфолк[38], с грузом оружия, боевых припасов, инструментов и утвари, предназначавшихся к отправке на один из Сандвичевых островов. Его шайка в полном составе перекочевала на борт брига, и теперешние пираты, они же бывшие каторжники, отбросы общества и головорезы, смело бороздили воды Тихого океана, нападая на суда, уничтожая корабельные команды, превосходя в жестокости даже малайских пиратов!

Полупьяные каторжники говорили очень громко, и Айртон мог понять из их беседы еще и то, что экипаж «Быстрого» состоял преимущественно из англичан, бежавших с Норфолка.

Но, быть может, не всякому известно, что такое Норфолк?

---

[38] Примечания: 38

Остров Норфолк — небольшой обитаемый остров в Тихом океане, расположенный между Австралией, Новой Каледонией и Новой Зеландией. Остров был открыт капитаном Джеймсом Куком в 1774 г., во время его плавания по юго-западной части Тихого океана. Долгое время остров Норфолк являлся колонией для преступников, привозившихся туда из Англии и Австралии.

На двадцать девятом градусе второй минуте южной широты и сто шестьдесят пятом градусе сорок второй минуте восточной долготы, на востоке Австралии, находится маленький остров, имеющий всего верст двадцать пять в окружности, а на нем — гора Питта, возвышающаяся на тысячу сто футов над уровнем моря. Это и есть остров Норфолк, куда ссылаются самые закоренелые и отчаянные английские преступники. Обыкновенно ссыльных бывает человек пятьсот, и надзирают за ними полтораста солдат. Дисциплина там доведена до последней степени строгости, наказания за малейшие проступки — безжалостны, и все-таки, невзирая на бдительный надзор и страх жестокой кары в случае неудачи, многие преступники решаются на побег, нападают на суда, и те, кому это удается, принимаются за морские разбои.

Так сделали Боб Гарвей и его сообщники. Так когда-то задумывал сделать и Айртон…

Бóльшая часть каторжников собралась на юте и на кормовой части судна, но некоторые лежали на палубе, продолжая громко беседовать. Айртон узнал еще, что разбойники случайно приплыли к острову Линкольна. До сих пор Боб Гарвей здесь не был, но, как угадал Сайрес Смит, встретив

неизвестную землю, которая не обозначена ни на одной географической карте, он решил ее осмотреть и, в случае если это окажется удобным, устроить себе тут постоянное убежище.

Что касается поднятия черного флага и пушечного выстрела, то пираты просто-напросто потешались, поступая как военные суда, которые, подходя к какой-нибудь земле, всегда выбрасывают свой флаг и при этом стреляют из пушки. Так что выстрел не служил сигналом и между беглецами с острова Норфолк и островом Линкольна никакой связи не существует.

Итак, владению колонистов угрожала огромная опасность. Очевидно, никому не известный остров, на котором имелся такой запас пресной воды, на котором были проложены дороги, обработано целое поле, заведено обширное хозяйство, не мог не привлечь разбойников, и они, конечно, должны употребить все старания, чтобы завладеть местом, где им удобно прятаться от всех преследований. Очевидно и то, что разбойники не пощадят колонистов и первой заботой Боба Гарвея и его сообщников будет перерезать их.

«Остается одно: бороться, истребить этих презренных злодеев от первого до последнего! — думал Айртон. — Жалеть их нечего: они никого и

ничего не жалеют!»

Вот какие мысли теснились в голове Айртона, и он знал, отлично знал, что Сайрес Смит думает то же самое.

Но возможна ли борьба? Возможна ли победа?

Айртон решил узнать во что бы то ни стало, сколько каторжников на «Быстром».

Крики, брань и смех постепенно утихли; многие опьяневшие матросы уже заснули. Айртон, нимало не колеблясь, начал прокрадываться на палубу, где огни были погашены. Он по бушприту спустился на бак судна, проскользнул между каторжниками, лежавшими на полу в беспорядке, как разбросанные мешки, и убедился, что на «Быстром» четыре пушки, которые заряжались ядрами в восемь или десять фунтов. Он ощупал пушки и убедился, что они заряжались с казенной части. Орудия, значит, были новейшей конструкции; ими легко и быстро можно было действовать, и действие их должно быть самое опустошительное.

На палубе лежало человек десять, но, по всей вероятности, бóльшая часть экипажа спала в каютах. Из слышанного разговора Айртон мог заключить, что всех каторжников около пятидесяти.

«А нас всего шестеро!» — подумал Айртон.

Айртону оставалось отправиться в обратный путь; он начал прокрадываться к носу судна, откуда всего удобнее было соскользнуть в море.

Но вдруг ему в голову пришла геройская мысль: пожертвовать своей жизнью и тем спасти остров и колонистов.

Очевидно, Смит был не в состоянии бороться с пятьюдесятью отчаянными разбойниками, которые, кроме того, еще отлично вооружены, — они или силою проникнут в Гранитный дворец, или уморят осажденных голодом.

И Айртон представлял себе, как его спасители, которые преобразили его из преступника в честного человека, будут безжалостно убиты, а остров, где они потратили столько трудов, обратится в разбойничий вертеп.

«В конце концов, — решил Айртон, — я причина всех бедствий: мой старый товарищ Боб Гарвей только осуществил мои прежние замыслы… Я должен их спасти — и спасу! Есть одно средство: взорвать бриг. Я погибну, но исполню свой долг!»

Айртон не колебался. Пробраться к пороховой камере, которая всегда находится в кормовой части судна, было нетрудно. В порохе не могло быть

недостатка на разбойничьем бриге, и достаточно одной искорки, чтобы взорвать Боба Гарвея со всем его экипажем.

Айртон осторожно спустился между деками, где тоже валялось много каторжников — иные спали, иные лежали мертвецки пьяные. У подножия грот-мачты горел фонарь, и тут же была стойка, на которой висело всевозможное огнестрельное оружие.

Айртон взял револьвер и убедился, что он заряжен. Это все, что ему требовалось для взрыва. Затем он начал прокрадываться на корму, направляясь под ют брига.

На палубах было почти совсем темно, и по ним трудно было пробираться, не натыкаясь на спящих матросов, которые, невзирая на хмель, спали чутко и при малейшем толчке начинали ворочаться и браниться. Айртон беспрестанно должен был приостанавливаться и выжидать, пока снова не воцарится сон. Но наконец он достиг перегородки, отделяющей корму, и нашел дверь пороховой камеры.

Надо было взломать замок на этой двери. Айртон принялся за дело. Трудно было без шума произвести взлом, но Айртон был силач, и скоро замок отскочил. Он открыл дверь…

В эту минуту чья-то рука опустилась на его плечо.

— Что ты тут делаешь? — спросил грубый голос.

В темноте обрисовалась высокая фигура; какой-то человек быстро поднес потайной фонарь к лицу Айртона.

Айртон тотчас откинулся назад. При свете фонаря он узнал своего бывшего сообщника, Боба Гарвея; но Гарвею, считавшему Айртона умершим, не пришло в голову, что перед ним его давний знакомец.

— Что ты тут делаешь? — повторил Боб Гарвей, хватая Айртона за пояс штанов.

Айртон, не отвечая, с силою оттолкнул предводителя пиратов и хотел броситься в камеру. Один выстрел из револьвера — и все было бы кончено!

— Ребята! На помощь! — крикнул Гарвей.

Два или три каторжника вскочили и, кинувшись на Айртона, старались его повалить. Силач Айртон высвободился из их рук; раздались два выстрела из револьвера, и два разбойника упали.

Но Айртон не успел отразить удар ножом, который ранил его в плечо.

Айртон понял, что ему не удастся произвести

взрыв. Гарвей успел уже прихлопнуть дверь в пороховую камеру. На палубах засуетились просыпавшиеся каторжники. Айртону надо было только думать о сохранении своей жизни, о сохранении Смиту помощника в неравной борьбе, — ему оставалось только бежать.

В револьвере было еще четыре заряда. Недолго думая, он прицелился, и два выстрела раздались; один, направленный в Боба Гарвея, если и ранил его, то легко, другой заставил посторониться нападавших. Воспользовавшись этой минутой, Айртон кинулся к трапу, чтобы пробраться на верхнюю палубу. Пробегая мимо фонаря, он разбил его рукояткой револьвера. Кругом воцарилась темнота, благоприятствовавшая его бегству.

Несколько разбойников в эту самую минуту спускались по трапу. Пятый выстрел сбросил одного из них с верхних ступенек, остальные отскочили и кинулись назад, не понимая, что происходит.

Айртон в два прыжка очутился на верхней палубе. Спустя еще минуту, свалив шестым выстрелом каторжника, который схватил было его за шею, он перескочил через бортовые сети и бросился в море.

Он не успел отплыть нескольких сажен, как по

волнам градом запрыгали пули.

Понятно, с каким волнением Пенкроф, притаившийся под скалою на островке, Спилетт, Герберт, Смит и Наб, ожидавшие в «Трубах», услышали выстрелы. Они кинулись на берег с ружьями на плечах, думая, что Айртон уже схвачен и убит, а злодеи, воспользовавшись темнотой, спешат высадиться и напасть на остров.

Полчаса прошло в смертельной тревоге.

— Выстрелы прекратились, — сказал Спилетт.

— Но нет ни Айртона, ни Пенкрофа… — ответил Герберт.

Они ждали, терзаемые мучительной тревогой. Неужели пираты уже завладели островком? Может быть, необходимо сейчас же, немедленно броситься на помощь Айртону и Пенкрофу? Но как? Из-за большой воды невозможно было переправиться через пролив. Да и пирога находилась по ту сторону. Так судите же сами, какие душевные муки переживали Сайрес Смит и его товарищи!

Наконец около полуночи показалась пирога.

— Плывут, — прошептал Герберт, — плывут. Пенкроф и Айртон!

Пирога причалила к берегу. Разведчики были встречены с распростертыми объятиями.

— Что случилось? Кто стрелял? Вы не ранены?

— Цел и невредим, — отвечал Пенкроф.

— А вы, Айртон? — спросил инженер.

— У меня слегка оцарапано плечо…

— Плечо?

— Да, но это пустяк…

Не мешкая все отправились в «Трубы».

Айртон подробно рассказал обо всем; он не скрыл и того, как намеревался взорвать бриг.

Колонисты крепко пожали ему руку.

— Нам грозит серьезная опасность, — сказал Смит.

— Да, — отвечал Айртон. — Пираты теперь знают, что остров обитаем, и не рискнут ступить на него вдвоем или втроем. Они никого и ничего не пощадят.

— Да, уж коли попадемся им в руки, нечего ждать пощады! — сказал Пенкроф.

— Ну так что ж? Сумеем умереть! — возразил Спилетт.

— Возвратимся домой. Будем оттуда наблюдать, — сказал Смит.

— Как вы полагаете, господин Смит, выпутаемся мы из беды? — спросил Пенкроф.

— Полагаю, что выпутаемся, Пенкроф.

— Гм! Шестеро против пятидесяти!

— Да, шестеро, не считая…
— Кого же? — спросил Пенкроф.
Смит вместо ответа указал на небо.

III. Взрыв

Ночь прошла спокойно. Колонисты все время были настороже в «Трубах». Каторжники не делали никаких попыток к высадке на берег. С тех пор как смолкли ружейные залпы, посланные вслед Айртону, не было слышно ни выстрела, ни шума; ничто не указывало на присутствие судна в водах, омывающих остров Линкольна. Можно было подумать, что бриг снялся с якоря и вышел в море.

— Уж не ушел ли бриг? — не раз задавал вопрос Пенкроф.

— Не думаю, — отвечал Смит, — эти люди не трусливые!

— А может, они думают, что на острове много жителей, так что ж им за охота затевать понапрасну драку?

— С рассветом увидим, — отвечал инженер.

С рассветом в густом утреннем тумане колонисты могли различить какую-то неясно обозначавшуюся массу.

То был «Быстрый».

— Друзья мои, — сказал Смит, — необходимо принять меры прежде, чем рассеется туман. Он

пока скрывает нас от глаз разбойников. Прежде всего необходимо заставить осаждающих думать, что на острове много жителей, которые, следовательно, могут дать им сильный отпор. Поэтому я предлагаю нам разделиться на три партии. Одна партия займет пост в «Трубах», другая — около устья реки Милосердия, третья — на островке, чтобы помешать высадке неприятеля или, по крайней мере, замедлить высадку. У нас есть два карабина и четыре ружья; следовательно, каждый из нас будет вооружен, а так как пороху и пуль достаточно, то не будем скупиться на выстрелы. Нечего бояться ни ружей, ни даже пушек брига — что могут они сделать этим гранитным скалам? Из окон Гранитного дворца мы, разумеется, не станем стрелять, и разбойникам не придет в голову посылать туда ядра. Опаснее всего вступать в рукопашную, так как каторжники далеко превосходят нас числом. Поэтому следует постараться, чтобы, не показываясь на глаза осаждающим, помешать их высадке на берег. Зарядов жалеть нечего; мы будем стрелять часто и по возможности метко. Каждому из нас предстоит убить от восьми до десяти неприятелей…

Смит точно определил положение. Он все время говорил самым спокойным голосом, словно

делал распоряжения о повседневных работах, а не об опасной обороне острова.

Все единогласно одобрили его план.

Наб и Пенкроф тотчас же отправились в Гранитный дворец и принесли оттуда достаточное количество пуль и пороха. Гедеон Спилетт и Айртон — оба первоклассные стрелки — вооружились карабинами, бившими на целую милю. Оставшиеся четыре ружья распределили между Сайресом Смитом, Набом, Пенкрофом и Гербертом.

Теперь поглядим, как были расставлены посты.

Сайрес Смит с Гербертом остались в «Трубах» и отсюда из засады могли держать под обстрелом довольно значительную часть берега у подножия Гранитного дворца. Гедеон Спилетт с Набом укрылись в скалах возле устья реки Милосердия, где подняли большой мост, а также и все мостики, — этой группе поручалось не только не подпускать ни одной вражеской шлюпки, но и по возможности воспрепятствовать высадке пиратов на противоположном берегу. А Пенкроф с Айртоном тем временем спустили на воду пирогу, чтобы переправиться через пролив на островок, где они и должны были занять два отдаленных друг от

друга поста. Увидев, что стрельба идет с четырех сторон, пираты решат, что остров населен и жители его дорого продадут свою свободу. Если же высадка пиратов все-таки состоится или если возникнет угроза, что Пенкрофа и Айртона обойдут с тыла и они будут отрезаны неприятелем от товарищей, оба друга обязаны немедленно сесть в пирогу, плыть к берегу и, вернувшись на остров, направиться в наиболее уязвимый для нападения участок, к тому, кому всего нужнее будет помощь.

Прежде чем занять боевые посты, колонисты в последний раз крепко пожали друг другу руки.

Пенкроф обнял Герберта, своего нареченного сына. Он молча поцеловал его, собрав всю силу воли, чтобы скрыть обуревавшее его волнение, и друзья расстались.

Смит и Герберт остались в «Трубах», откуда был виден берег, начиная от подошвы Гранитного дворца, на довольно большое расстояние.

Не теряя времени, Сайрес Смит с Гербертом и журналист с Набом тронулись в путь и вскоре исчезли за скалами, а через пять минут Айртон и Пенкроф благополучно переправились через пролив, высадились на островке и укрылись за скалами на его восточном берегу.

С берега их не заметили, да и сами они с трудом различали в густом тумане очертания корабля.

В половине седьмого утра туман рассеялся.

«Быстрый» появился во всей своей красе. Вначале показались окутанные легкой дымкой верхушки мачт. Еще несколько мгновений туман клубился над поверхностью моря, затем поднялся ветер и унес вдаль последние его клочья. Корпус «Быстрого», четко вырисовываясь на фоне чистого неба, стоял на двух якорях, носом к северу и повернув к острову свой левый борт. Как и предполагал Сайрес Смит, бриг находился примерно в миле с четвертью от берега.

Мрачный черный флаг по-прежнему развевался.

Смит в трубу мог рассмотреть, что все четыре пушки брига направлены на остров. Видно было, что три десятка пиратов расхаживали взад и вперед по палубе, некоторые были на юте и в подзорные трубы обозревали остров.

Несомненно, пираты не могли себе объяснить, что́ такое случилось ночью у них на бриге. Откуда взялся этот полунагой человек, который взломал дверь в пороховую камеру, отчаянно с ними боролся, шесть раз выстрелил из револьвера, убил одного матроса и двоих ранил? Из целого града

пуль, пущенных ему вслед, догнала ли его хоть одна? Убит он? Потонул? Или хоть ранен? Удалось ли ему вплавь добраться до берега? Кто он такой и зачем являлся на бриг? Должно быть, и впрямь решил взорвать бриг, как полагал Боб Гарвей.

Во всем этом нелегко было разобраться. Но в одном были теперь твердо уверены беглые каторжники: неведомый остров, напротив которого бросил якорь «Быстрый», обитаем и, возможно, на защиту его встанет все население. И все же ни на берегу, ни на плоскогорье — ни души. И нигде ни малейших признаков человеческого жилья. Неужели жители успели бежать вглубь острова?

Вот какими вопросами задавался предводитель пиратов Боб Гарвей, и, как человек осмотрительный, он желал хорошенько ознакомиться с местностью, прежде чем послать туда свою шайку.

Прошло еще часа полтора. Боб Гарвей, очевидно, колебался. Даже в самую сильную подзорную трубу он не мог разглядеть ни одного из колонистов, притаившихся между скал. Он, казалось, не обратил внимания на зеленые ветви и лианы, скрывавшие окна Гранитного дворца и заметно выделявшиеся на голой гранитной стене. Мог ли он предположить, что на такой высоте, внутри

такой гранитной массы устроено человеческое жилище?

В восемь часов колонисты наконец заметили особое движение на «Быстром». Вскоре на море была спущена шлюпка, в которой поместились семь вооруженных человек; один из них занял место у румпеля, четверо взялись за весла, а двое сели на носу и, держа ружья наготове, не спускали глаз с острова.

— Они, вероятно, намерены только обозреть берега, но не высаживаться, — сказал Смит, — иначе не отправились бы таким малым отрядом…

Пираты, без сомнения, увидели, что островок, прикрывавший берег, отделялся от острова проливом около полумили шириной. Смит, внимательно следивший за движениями шлюпки, не замедлил убедиться, что пираты не отваживаются проникнуть в пролив, а хотят лишь подойти к островку.

Пенкроф и Айртон, притаившиеся в расщелинах скал, тоже следили за приближающейся шлюпкой и только и ждали, чтобы она подошла на расстояние ружейного выстрела.

Шлюпка приближалась с чрезвычайной осмотрительностью. Гребцы почти не работали веслами. Сидевший на носу каторжник держал в

руке лот и измерял глубину. Это показывало, что Боб Гарвей намеревался подвести бриг как можно ближе к берегу. Около тридцати пиратов, рассыпавшись по вантам, не теряли из виду шлюпку и указывали приметные места на берегу.

Шлюпка находилась уже всего в двух кабельтовых от островка. Человек, сидевший у румпеля, встал и начал осматриваться, выбирая, где лучше причалить.

Вдруг раздались два ружейных выстрела. Огонек блеснул над скалами. Каторжник, стоявший у руля, и другой, державший лот и определявший глубину фарватера, навзничь рухнули в шлюпку. Айртон и Пенкроф хорошо прицелились и метко выстрелили — два врага были сражены.

Почти в то же время грянул пушечный выстрел, и ядро, ударив в вершину скалы, за которой укрывались Пенкроф и Айртон, раздробило гранит; осколки полетели во все стороны, но, по счастью, ни один не ранил стрелков.

Со шлюпки донеслись страшные проклятия; она тотчас же отплыла. Сраженный рулевой был заменен другим, и гребцы быстро заработали веслами.

Однако шлюпка не отправилась в обратный путь, к бригу, как можно было надеяться, а пошла

вдоль берега островка, намереваясь, по-видимому, обогнуть его южную оконечность. Пираты усиленно гребли, опасаясь новых выстрелов.

Они, таким образом, приблизились на пять кабельтовых к той части берега, которая оканчивалась мысом Находки, и, обогнув ее, направились к реке Милосердия.

Очевидно, пираты намеревались проникнуть в пролив и отрезать колонистов, находившихся на островке Спасения, так чтобы те очутились между двух огней — между выстрелами со шлюпки и выстрелами с брига, — положение явно незавидное.

Прошло еще четверть часа; шлюпка все продолжала двигаться в том же направлении.

В воздухе и на море царствовала совершенная тишина, полное спокойствие.

Пенкроф и Айртон отлично поняли замысел каторжников отрезать их от острова, но они не собирались покидать свой пост по многим соображениям — ни к чему было обнаруживать перед нападающими свое присутствие, становясь мишенью для орудий «Быстрого», а кроме того, они рассчитывали на Спилетта и Наба, которые затаились у устья реки, и на Смита и Герберта, засевших в скалах «Труб».

Спустя двадцать минут после того, как стихли выстрелы, шлюпка пришла к реке Милосердия и находилась от устья всего в двух кабельтовых. Прилив уже начался, и волны с силой стремились в узкий проход, увлекая шлюпку в реку. Каторжники с большим трудом могли удержаться в проливе, но им все-таки пришлось плыть на очень близком расстоянии от устья реки, и тут их приветствовали двумя пулями, которые свалили еще двух человек. Наб и Спилетт не промахнулись.

С брига тотчас же послали второе ядро, нацелив прямо в то место, где взвился дымок от выстрелов Наба и Спилетта, но это ядро только оторвало несколько кусков гранита и не причинило никакого вреда колонистам.

В шлюпке оставалось теперь всего три боеспособных человека, и, невзирая на все их старания, они не в состоянии были справиться с течением — шлюпку повлекло в пролив, и она быстро пронеслась мимо Смита и Герберта, затем, обогнув северную оконечность островка Спасения, направилась к бригу.

Смит и Герберт не стреляли, вероятно посчитав, что выстрелы не попадут в цель на таком расстоянии.

До сих пор колонисты не могли пожаловаться. Начало борьбы не обещало ничего хорошего их противникам — у тех было уже четверо тяжелораненых, а может быть, и убитых, — ни одна пуля не пропала даром, а у них никто не был даже оцарапан. Если каторжники намерены были продолжать осаду таким же образом, то есть посылая к берегу шлюпку с незначительным отрядом, то с достоверностью можно было предположить, что колонисты перебьют их всех до единого.

— Отлично придумал господин Смит! — говорил Пенкроф. — Теперь эти бестии думают, что

нас тут целый полк... Отлично придумал! Экая голова!

Шлюпка, которой на обратном пути приходилось бороться с морским течением, только через полчаса причалила к бригу.

При виде раненых на «Быстром» раздались проклятия и угрозы, и три или четыре пушечных ядра были посланы на островок, где, как и прежде, раздробили только часть гранитного утеса.

Но каторжники, не помня себя от ярости, тотчас же решили снова отправиться к берегу. Двенадцать человек бросились в шлюпку, из которой убрали раненых, и быстро поплыли к островку. Следом за этой шлюпкой была спущена на море и другая, где поместилось восемь человек. Шлюпка устремилась ко входу в устье реки. Очевидно, первая партия разбойников намеревалась расправиться с неприятелем, притаившимся на островке, а вторая — с неприятелем, засевшим около речного устья.

Положение Пенкрофа и Айртона становилось чрезвычайно опасным, и они поняли, что им следует как можно скорее перебраться на остров.

Они, впрочем, обождали, пока первая шлюпка не подойдет на расстояние ружейного выстрела, и пустили в нее две пули, которые, вероятно,

попали метко, потому что среди экипажа воцарилось сильное смятение. Затем Пенкроф и Айртон, сделав еще около десятка выстрелов по неприятелю, выскочили из своей засады, во всю прыть перебежали островок, кинулись в пирогу, переплыли пролив, причалили к берегу в ту самую минуту, когда вторая неприятельская шлюпка достигла его южной оконечности, и укрылись в «Трубах».

Едва они успели соединиться со Смитом и Гербертом, как пираты заняли островок и принялись бегать по нему, разыскивая, где спрятались так метко стрелявшие островитяне.

Почти в ту же минуту раздались новые выстрелы около устья реки, куда приблизилась вторая шлюпка. Из восьми плывших в ней человек двое были смертельно ранены, а шлюпка, увлеченная течением, ударилась о подводные скалы и разбилась. Шестеро уцелевших разбойников, подняв ружья над головой, чтобы уберечь их от воды, выбрались на правый берег реки, но, сообразив, что здесь того и гляди попотчуют меткой пулей, тотчас же пустились бежать из-под выстрелов и попали на мыс Находки.

Итак, на островке было теперь двенадцать каторжников — из них, правда, многие были

ранены, — имевших в своем распоряжении шлюпку, а на острове шестеро, но они не могли достигнуть Гранитного дворца, имея преграду — реку.

— Пока все хорошо! — сказал Пенкроф. — Как вы полагаете, господин Смит?

— Я полагаю, что дело примет другой оборот, Пенкроф, — отвечал инженер.

— Почему так, господин Смит?

— Я уверен, что каторжники наконец сообразят, как нелепы и малорезультативны подобные нападения малыми партиями…

— Пусть себе соображают как хотят, а через пролив им все-таки со всеми их соображениями не переправиться! — сказал моряк. — Карабины господина Спилетта и Айртона им помешают. Вы ведь знаете, что эти карабины бьют на целую милю, даже дальше!

— Это правда, — заметил Герберт, — но что же могут сделать два карабина против четырех пушек?

— Э! До пушек еще далеко! Бриг-то ведь не в проливе! — отвечал Пенкроф.

— А если он войдет в пролив? — сказал Смит.

— Не войдет, господин Смит, они побоятся… Ведь они рискуют здесь наткнуться на подводные

камни и разбиться.

— Это ничего не значит, — сказал Айртон. — Они могут подождать прилива и войти в протоку… Потом, при отливе, бриг, может быть, и разобьется, но пока он будет цел, нам опасно оставаться здесь под выстрелами из пушек…

— Тысяча тысяч чертей! — воскликнул Пенкроф. — Кажется, эти негодяи в самом деле собираются сняться с якоря!

— Нам, может быть, лучше укрыться в Гранитном дворце? — спросил Герберт.

— Подождем еще, — отвечал Смит.

— А как же Наб и мистер Спилетт? — осведомился Пенкроф.

— Они успеют присоединиться к нам, когда наступит время. Будьте начеку, Айртон. Теперь слово за вашим карабином, равно как и за карабином Спилетта.

Замечание Пенкрофа было совершенно справедливо! «Быстрый» поворачивался на якоре, явно намереваясь подойти к острову. Прилив продлится еще часа полтора, и так как течение стало слабее, бриг мог легко маневрировать. Но Пенкроф никак не желал согласиться с Айртоном, что бриг рискнет войти в пролив.

Тем временем группа пиратов, захватившая островок, постепенно добралась до противоположного берега — теперь от суши их отделял лишь пролив. Вооруженные только ружьями, они не могли причинить никакого вреда колонистам, укрывшимся кто в «Трубах», кто в устье реки; не предполагая, что у неприятеля есть дальнобойные карабины, пришельцы считали, что здесь им не грозит ни малейшая опасность. Они открыто начали расхаживать по берегу островка.

Они скоро в этом раскаялись. Спилетт и Айртон

выстрелили из своих карабинов, и два пирата упали.

— Эге! — воскликнул Пенкроф. — Видно, не понравилось!

Среди пиратов воцарилось смятение. Бросив своих раненых и убитых, они ринулись на другой конец островка, сели в шлюпку и поплыли к бригу.

— Восьмерых положили! — сказал Пенкроф. — Значит, коли их всех было пятьдесят, так теперь остается всего сорок два… Ничего, хорошо! Господин Спилетт и Айртон знатно прицеливаются! И точно каждый раз сговариваются: один выстрелит — и другой, один свалит врага — и другой… Живо работают!

— Господа, — сказал Айртон, снова заряжая свой карабин, — дело становится серьезным. Бриг поднимает якорь…

Действительно, ясно доносилось звяканье цепей и стопора на кабестане, который вращала команда. В первую минуту «Быстрый» потянуло к якорю, но, когда якорь оторвался от грунта, бриг двинулся к берегу. Ветер дул с моря. На судне подняли стаксель и фор-марсель, и оно стало приближаться к острову.

— Смотрите, идет! — сказал Герберт.

— Идет, идет, — отвечал моряк. — Ну, ему не поздоровится, коли он рискнет в пролив…

Колонисты не без волнения следили за маневрами брига, не подавая признаков жизни, но не в силах были подавить охватившее их волнение. И действительно, их ждала страшная участь — обстрел вражеской батареи, бьющей по острову чуть ли не в упор, и полная невозможность нанести противнику хотя бы незначительный урон. Как тут воспрепятствовать высадке пиратов?

Сайрес Смит отлично понимал, как велика опасность, и ломал голову, стараясь найти выход из положения. Через несколько минут ему так или иначе придется принять решение. Но какое? Запереться в Гранитном дворце, который обложат пираты, и выдерживать осаду неделю, месяц, а возможно, и несколько месяцев, поскольку съестных припасов хватит с избытком? Хорошо, допустим даже, что этот план ему удастся. Ну а дальше что? Все равно пираты станут хозяевами острова, они натешатся здесь вволю, все перевернут вверх дном и в конце концов одолеют пленников Гранитного дворца.

Оставалась одна надежда, что Боб Гарвей, как опытный моряк, не решится подвергать опасности свой бриг, не войдет в пролив, а будет

держаться у островка. В таком случае он будет находиться в полумиле от берега Линкольна, а на таком расстоянии пушечные выстрелы не так страшны, как на расстоянии в несколько сотен шагов.

— Никогда этот Боб Гарвей не войдет в пролив, если только он хороший моряк! — повторял Пенкроф. — Он должен понимать, что рискует бригом. Чуть только непогодка — и беда…

Бриг между тем приблизился к островку, и видно было, что он направляется к его нижней оконечности, то есть к тому берегу, который прилегал не к морю, а к проливу.

Намерения Гарвея были ясны: он хотел стать против «Труб» и отсюда отвечать гранатами и ядрами на ружейные выстрелы, которые уже погубили часть его экипажа.

Скоро «Быстрый», достигнув оконечности островка, обогнул ее и подошел к реке Милосердия.

— Каковы разбойники! Ведь идут в пролив! — воскликнул Пенкроф.

Журналист и его товарищи рассудили, что пришло время покинуть свой пост близ устья реки, и рассудили совершенно справедливо, ибо оттуда стрелять по кораблю было просто бессмысленно. Куда лучше быть всем вместе в решительную

минуту, когда, возможно, начнется жестокая схватка. Гедеон Спилетт и Наб добрались до «Труб», прячась за скалы, и сыпавшиеся градом пули не причинили им ни малейшего вреда.

— Спилетт! Наб! — воскликнул инженер. — Надеюсь, вы не ранены?

— Нет, не ранены, — ответил журналист, — правда, меня слегка задело рикошетом! Но, смотрите-ка, этот чертов бриг входит в пролив!

— Да, — подтвердил Пенкроф, — и через десять

минут он встанет на якорь против Гранитного дворца!

— У вас есть какой-нибудь план, Смит? — спросил Спилетт.

— Надо укрыться в Гранитном дворце, пока еще есть время, пока каторжники не могут нас видеть…

— Это и мое мнение, но что тогда?..

— Будем действовать сообразно обстоятельствам.

— А как, по-вашему, мистер Сайрес, не лучше ли нам с Айртоном остаться здесь? — спросил моряк.

— А зачем, Пенкроф? — возразил Сайрес Смит. — Нет, нам не следует сейчас разлучаться.

Нельзя было терять ни минуты. Колонисты выбрались из «Труб». Выступ кряжа скрывал их от глаз пиратов, толпившихся на палубе «Быстрого», но гулкое эхо пушечных выстрелов, крушивших скалы, свидетельствовало о том, что бриг подходит к берегу.

Добраться до подъемника, достичь дверей Гранитного дворца, где со вчерашнего дня сидели взаперти в большом зале Топ и Юп, было делом минуты.

И пора! В окна, увитые зеленью, они увиде-

ли, как «Быстрый», окутанный клубами дыма, входил в пролив. Колонистам пришлось даже немного отойти в сторону, так как все четыре пушки палили не переставая и ядра били вслепую по «Трубам» и по устью реки Милосердия, хотя защитники ее уже оставили свой пост. Скалы разлетались на куски, и вслед за каждым пушечным залпом раздавались торжествующие возгласы пиратов, кричавших во всю глотку «ур-ра!».

И все же можно было надеяться, что Гранитный дворец уцелеет, ибо Сайрес Смит приказал из предосторожности укрыть окна зеленью, но вдруг ядро снесло двери и влетело в коридор.

— Отступите, отступите в сторону! — сказал Смит товарищам.

— Как палят! — сказал Пенкроф. — Без передышки… И палят вслепую: и в «Трубы», и туда, откуда господин Спилетт и Наб их пугали… Палите, голубчики, старайтесь! Птички давно улетели!

— Благодаря вашей предусмотрительности, Смит, наш дворец, кажется, уцелеет, — сказал Спилетт. — Окна так хорошо скрыты, что Бобу

Гарвею не придет в голову посылать сюда ядра…

— Проклятие! Они нас обнаружили! — воскликнул Пенкроф.

Быть может, пираты еще не открыли убежище колонистов, но Боб Гарвей, несомненно, счел нелишним послать ядро в подозрительно яркое пятно зелени, спускавшейся с высокой гранитной стены. За первым ядром последовало второе, которое прорвало лиственную завесу и обнажило отверстие в граните.

Положение колонистов было отчаянное.

Их убежище было обнаружено. Оставалось только отступить в верхний коридор и предоставить жилище разрушению… Они не могли воздвигнуть преграды против ядер, даже не могли укрыться от осколков гранита, фонтаном взлетавших вокруг них. Оставалось только одно: укрыться в верхнем коридоре Гранитного дворца, бросив свое жилище на произвол судьбы.

Вдруг раздался глухой треск и шум, за которым последовали страшные крики.

Смит и его товарищи кинулись к окну.

Огромный водяной столб, нечто вроде водяного смерча, приподнял бриг. Корабль переломился надвое, и спустя несколько минут пучина поглотила его вместе со всем экипажем.

IV. Таинственная мина

— Бриг взорвался! — воскликнул Герберт.

— Да, они взлетели на воздух, словно Айртон поджег пороховую камеру! — ответил Пенкроф, бросаясь к подъемнику вместе с Набом.

— Но что же случилось? — спрашивал Спилетт, все еще находившийся в изумлении от такой неожиданной развязки.

— А! Ну, теперь мы узнаем!.. — с живостью ответил инженер.

— Что́ узнаем?..

— Потом! Потом! Пойдемте, Спилетт! Прежде всего надо убедиться, действительно ли истреблены разбойники.

От брига ничего не осталось, не было видно даже его рангоута. Поднятый смерчем, «Быстрый» лег набок и, вероятно вследствие образовавшейся в этом положении огромной течи, пошел ко дну. Но так как пролив в этом месте был не более двадцати футов глубиной, то при отливе надпалубные сооружения и корпус брига должны были выйти из воды.

На воде образовался настоящий плот из запасных мачт и рей, курятников с живыми еще

пернатыми, бочонков и ящиков, которые, освобождаясь из сеток, мало-помалу всплывали на поверхность. Две мачты порвали штаги и ванты и скоро всплыли на поверхность пролива вместе с парусами, из коих одни были убраны, а другие развернуты. Колонистам не стоило ждать, пока отлив унесет все эти богатства в море, поэтому Пенкроф и Айртон поспешно сели в пирогу, собираясь перетащить все или на островок, или к побережью.

Но в ту самую минуту, как они хотели отчалить, одно замечание Спилетта их остановило.

— А вы не забыли о шести каторжниках, высадившихся на правый берег реки? — спросил он.

Все взглянули в этом направлении. Никого из разбойников не было видно. Весьма вероятно, они, став свидетелями гибели брига, поглощенного водами пролива, бросились искать убежища внутри острова.

— Впоследствии мы займемся ими, — сказал Сайрес Смит. — Они вооружены и, следовательно, еще представляют опасность, но шесть против шести не беда: шансы на победу одинаковы. Поэтому не следует медлить и упускать из рук сокровища…

Айртон и Пенкроф сели в пирогу и быстро по-

плыли к месту взрыва.

Море было спокойно, и вода стояла очень высоко, так как два дня тому назад наступило новолуние. Следовательно, пройдет не меньше часа, прежде чем обнажится остов брига, затонувшего в проливе.

Они успели связать мачты и запасный рангоут канатом, затем общими усилиями притащили их к берегу. Пирога подбирала все остальное, плавающее на поверхности, как то: курятники, бочонки, ящики, — и доставляла в «Трубы».

Несколько трупов тоже всплыло наверх. Айртон между прочими узнал труп Боба Гарвея и, указывая на него товарищу, сказал взволнованным голосом:

— Вот кем я был, Пенкроф!

— Но теперь вы совсем другой человек, милейший Айртон! — ответил моряк.

Колонистам показалось довольно странным, что трупов всплыло так мало. Они насчитали всего пять или шесть, которые отливным течением уже начинало уносить в море. Весьма вероятно, что каторжники, пораженные неожиданной гибелью судна, не успели убежать, и, когда бриг лег набок, бóльшая часть их пошла ко дну, не будучи в состоянии выбраться из-за сеток.

В течение двух часов Смит и его товарищи занимались исключительно буксировкой добычи к песчаному берегу.

Колонисты были так поглощены этой работой, что мало говорили, но сколько мыслей роилось у каждого из них! Обладание таким бригом или, скорее, всем, что в нем заключалось, можно было назвать настоящим счастьем. Действительно, корабль в своем роде целый маленький мир, и колония острова Линкольна обогатилась множеством полезных вещей, оставшихся от «Быстрого». По сути, в более крупных размерах повторялась история ящика, найденного колонистами на мысе, получившем поэтому название мыс Находка.

«А что, — думал Пенкроф, — почему бы нам не вытащить и весь бриг на берег? В этом нет ничего невозможного. Если в нем только течь — это небольшой изъян, пробоину можно заделать, а судно в триста или четыреста тонн — это не шутка: получше нашего „Благополучного“! На таком бриге можно далеко уйти. Можно уйти куда угодно! Надо нам с господином Сайресом и Айртоном хорошенько это обсудить. Дело стоит того!»

Действительно, если бы бриг можно было сделать снова годным для плавания, то колонисты

не пожалели бы самого тяжелого труда на его починку, потому что получили бы возможность отправиться на родину и шансы на возвращение возросли бы в сотню раз. Но, чтобы решить этот важный вопрос, нужно было дождаться отлива и осмотреть весь корпус брига.

Когда все было перетащено и укрыто в надежном месте на берегу, Смит и его товарищи решились пожертвовать несколько минут для завтрака. Все сильно проголодались. Они расположились возле «Труб». К счастью, кладовая находилась поблизости, и Наб с честью доказал свои незаурядные кулинарные способности. Читатель, конечно, догадывается, что во время еды все разговоры вертелись вокруг неожиданного и чудесного происшествия, чудом спасшего колонистов от неминуемой гибели.

— Именно чудесное происшествие, — повторял Пенкроф, — потому что, надо признаться, этих разбойников взорвало как раз вовремя! В Гранитном дворце нам бы не продержаться.

— Как вы полагаете, Пенкроф, — спросил Спилетт, — чем объяснить взрыв брига?

— Объяснить это очень легко. На пиратском судне разве такая дисциплина, как, скажем, на военном корабле? Каторжники не матросы. По-

роховая камера, вероятно, была открыта, потому что с брига то и дело посылали ядра; а ведь достаточно малейшей неосторожности, чтобы вся эта штука взлетела на воздух.

— Меня, — сказал Герберт, — удивляет, что с «Быстрым» случилось что-то вовсе не похожее на пороховой взрыв. Треск был совсем не сильный, и после затонувшего брига не осталось никаких обломков рангоута и обшивки. Можно подумать, что он затонул скорее от пробоины и течи, чем от взрыва.

— Это тебя удивляет? — спросил инженер.

— Да, господин Смит, удивляет.

— Меня, Герберт, это тоже удивляет, — ответил Смит, — но когда мы побываем в корпусе «Быстрого», мы, разумеется, увидим разъяснение этой загадки.

— Как, — возразил Пенкроф, — вы допускаете, что бриг затонул просто-напросто от сильной течи, затонул, как судно, которое ударилось о подводный камень?

— А то как же? — заметил Наб. — Если в проливе подводные скалы, так как же ему было не разбиться?

— Ладно, Наб, — ответил Пенкроф, — ты человек зоркий, только не всегда видишь… Ты не

следил за бригом. За минуту перед тем, как он пошел ко дну, — я это отлично видел — его подняло какой-то огромной волной, и он опрокинулся на левый борт. Кабы он просто ударился о подводный камень, в пробоину хлынула бы вода и он пошел бы ко дну как все порядочные и честные корабли.

— Если корабль разбойничий — такая ему и гибель! — ответил Наб.

— Я готов поклясться, — прибавил моряк, — что в проливе нет подводных скал. Послушайте, господин Смит, вы не думаете, что в этом происшествии замешалось кое-что «сверхъестественное», как говорит господин Спилетт?

— Я еще ничего не знаю, Пенкроф. Это все, что я могу ответить на ваш вопрос.

Такой ответ, разумеется, не мог удовлетворить Пенкрофа. Он стоял за взрыв и не отступал от своего мнения. Никто его никогда не убедит, что в их проливе, дно которого, как и сам берег, покрыто мелким песком, что в их проливе, через который он десятки раз переправлялся во время отлива, могла вдруг возникнуть никому не известная подводная скала. К тому же в ту минуту, когда корабль затонул, был прилив, — другими словами, судно могло преспокойно пройти, не

задев рифы, которых не видно было даже при отливе. Следовательно, речь могла идти только о взрыве. Следовательно, корабль не разбился о рифы. Следовательно, он взлетел на воздух.

Признаем, доводы Пенкрофа не были лишены здравого смысла.

Около половины второго корпус «Быстрого» начал показываться из воды. Было понятно, что бриг не просто упал набок, он почти лег килем кверху. Очевидно, его опрокинуло какой-то ужасной, необъяснимой подводной силой.

Колонисты объехали на пироге весь корпус брига. На носу, по обе стороны киля, борта брига были страшно исковерканы на протяжении по крайней мере двадцати футов. Образовались две сильные течи, которые было невозможно остановить. Не только исчезли медная обшивка и обшивные доски, вероятно раздробившиеся на мелкие куски, но даже от болтов и гвоздей не осталось никакого следа. Весь вообще корпус, с носа и до кормовой обшивки, был расшатан и измят, а киль треснул по всей длине. Жаль только, что не удалось спасти две судовые шлюпки; но одна, как известно, разбилась близ устья реки Милосердия, и починить ее не представлялось возможным, а другую поглотила пучина одно-

временно с бригом, который, очевидно, раздавил хрупкую шлюпку, почему она и не всплыла на поверхность.

— Черт возьми! — воскликнул Пенкроф. — Трудно тут что-либо поправить!

— Даже невозможно, — сказал Айртон.

— Во всяком случае, — заметил Спилетт, — взрыв — если только бриг погиб от взрыва — произвел странные вещи. Он, можно сказать, уничтожил всю подводную часть судна, вместо того чтобы взорвать палубу и всех находившихся на ней. Эти широкие пробоины, по-видимому, произошли скорее от удара о подводный камень, чем от взрыва пороха.

— Подводных камней в проливе нет, — возразил Пенкроф. — Я допущу все, что вам угодно, только не удар о подводный камень.

— Попытаемся проникнуть внутрь брига, — сказал Смит. — Там скорее узнаем причину его гибели.

Сделать это было уже легко. Вода все спадала, и по нижней палубе, которая оказалась теперь наверху, так как корпус судна перевернулся, можно было свободно ходить. Балласт, состоявший из тяжелых чугунных чушек, во многих местах вышибло. Там и сям слышалось журчание воды,

стекавшей через трещины корпуса.

Всюду в беспорядке валялись разные ящики, и так как в воде они побыли сравнительно короткое время, можно было рассчитывать, что находившиеся в них вещи уцелели.

Колонисты занялись перетаскиванием всего этого груза. Перевозили все вещи без различия, с тем чтобы впоследствии заняться их сортировкой.

Они с величайшим удовольствием убедились, что на бриге находился самый разнородный груз. Тут был большой выбор домашней утвари, мануфактурных изделий, инструментов и прочих необходимых предметов, которыми обыкновенно нагружаются суда, совершающие дальние плавания к берегам Полинезии. Колонисты не могли сомневаться, что тут было понемногу всего, в чем еще нуждалась колония острова Линкольна.

Между тем — Смит с безмолвным удивлением замечал это — от страшного удара, ставшего причиной столь быстрой гибели брига, пострадал не один корпус; каюты тоже были исковерканы, особенно в носовой части. Перегородки и колонки были разбиты, словно от разрыва какой-нибудь чудовищной гранаты. Сайрес Смит надеялся, что

пороховая камера не взорвалась и, следовательно, несколько бочонков с порохом уцелели, а так как порох обычно хранится в металлической упаковке, он, очевидно, не подмок. Перетаскивая мало-помалу ящики, раскиданные по палубе, колонисты сумели пробраться с носа на корму. Там по указанию Айртона нашли пороховую камеру. Она была цела.

Посреди огромного количества снарядов оказалось бочонков двадцать пороха, обитых внутри медью, которые с большой осторожностью были перевезены на берег.

Теперь Пенкроф собственными глазами убедился, что истребление «Быстрого» нельзя было приписать взрыву. Часть судна, в которой находилась камера, пострадала менее остальных.

— Вы видите, что бриг затонул не от взрыва, — сказал ему инженер.

— Вижу, вижу, господин Смит, — ответил ошеломленный моряк, — а все-таки подводных скал нет в проливе…

— В таком случае, Пенкроф, что же, по-твоему, произошло? — спросил Герберт.

— Я этого не знаю, — ответил Пенкроф, — господин Смит этого не знает, никто не знает и не узнает никогда!

Через несколько часов вода начала заметно подниматься. Пришлось отложить перевозку вещей. Впрочем, нечего было опасаться, что остов «Быстрого» унесет приливом: он так прочно завяз в песке, что мог держаться на месте, как на якорях. Поэтому можно было спокойно ждать следующего отлива, чтобы закончить выгрузку обнаруженного на бриге имущества. Но сам корабль погиб безвозвратно, и надо было в спешном порядке спасти хоть обломки корпуса, пока их не засосал зыбучий песок на дне пролива.

Было шесть часов вечера.

— Денек выпал рабочий! — говорил Пенкроф. — Не грех подкрепить силы.

Все поели с большим аппетитом и, невзирая на страшную усталость, не могли устоять против сильного желания осмотреть ящики, привезенные с «Быстрого».

В некоторых из этих ящиков находилась готовая одежда, которая, понятно, встречена была с большой радостью. Всевозможного белья, всевозможной обуви было вдоволь на всю колонию.

— Ну, теперь мы богаты! — радовался Пенкроф. — Да куда нам все это девать?

И каждую минуту раздавались радостные «ура» моряка, когда вскрывались тюки с табаком, с

огнестрельным и холодным оружием, с хлопком, с земледельческими орудиями, с плотницкими, кузнечными и столярными инструментами и мешки с семенами самых различных растений, которые совсем не пострадали от воды.

Как полезны были бы все эти вещи два года назад! Но и теперь, когда смышленые и работящие линкольнские колонисты сами всем обзавелись, эти богатые запасы были, разумеется, вовсе не лишние.

В кладовых Гранитного дворца не было недостатка в помещениях, но день клонился к вечеру, и колонисты не могли всего перетаскать на место. Кроме того, не следовало упускать из виду, что шестеро из экипажа «Быстрого» укрылись на острове, что это были разбойники первостатейные и что их надо остерегаться. Необходимо было сторожить ящики и тюки, сложенные около «Труб», и колонисты, чередуясь, всю ночь зорко следили за своей богатой добычей.

Ночь прошла спокойно. Юп и Топ тоже стояли на страже у подножия Гранитного дворца, чтобы в случае необходимости подать сигнал.

Следующие три дня — 19, 20, 21 октября — колонисты спасали всевозможные вещи из брига, которые были почему-либо ценны или могли

иметь какое-нибудь полезное употребление. При отливе выгружали трюм. Во время прилива занимались перетаскиванием найденного в кладовые. Бóльшую часть медной обшивки еще успели отодрать от подводной части корпуса, который все более и более заносило песком. Но прежде, чем все грузные предметы, пошедшие ко дну, успело занести песком, Айртон и Пенкроф, опускаясь несколько раз на дно пролива, вытащили на берег цепи и якоря брига, чугунные чушки и даже четыре орудия судовой батареи, которые были подняты на поверхность с помощью пустых бочонков.

Пенкроф с обычным своим энтузиазмом рассуждал уже о сооружении батареи, с которой можно было бы обстреливать пролив и устье реки.

— С этакими четырьмя пушками, — говорил он, — мы не пустим в линкольнские воды не то что бриг, а целый флот, как бы силен он ни был!

Между тем, когда от «Быстрого» уже оставался только голый, бесполезный остов, наступила непогода, довершившая его разрушение. Сайрес Смит хотел поначалу взорвать бриг и затем вытащить его останки на сушу, но поднявшийся норд-ост и разбушевавшееся море избавили ко-

лонистов от излишней траты пороха.

И действительно, в ночь с 23 на 24 октября буря разбила вдребезги остов брига и выбросила часть обломков на берег.

Спустя восемь дней после катастрофы — или, скорее, после счастливой, но загадочной развязки, которой колонисты были обязаны своим спасением, — от брига не видно было никаких следов даже во время отлива. Последние обломки разбойничьего судна исчезли, и Гранитный дворец обогатился всем, что на нем было.

Причина страшной гибели брига, вероятно, навсегда осталась бы тайной, если бы 30 октября Наб, гуляя по песчаному берегу, не нашел обломок толстого железного цилиндра, носивший следы взрыва. Этот цилиндр был измят и расщеплен с обоих концов, словно от действия какого-то взрывчатого вещества.

Наб принес кусок металла своему господину, который в это время работал в мастерской «Труб» вместе с остальными товарищами.

Смит внимательно осмотрел принесенный обломок цилиндра и затем, обратившись к Пенкрофу, сказал:

— Вы настаиваете, друг мой, что «Быстрый» погиб не от удара о подводный камень?

— Да, господин Смит, — ответил моряк. — Вы точно так же отлично знаете, как и я, что в проливе подводных камней нет.

— Может, он ударился об этот кусок железа? — сказал инженер, показывая разбитый цилиндр.

— Как, об этот обломок трубы? — воскликнул Пенкроф тоном полнейшего недоверия.

— Друзья мои, — возразил Смит, — вы помните, что, перед тем как опрокинуться, бриг подняло, словно водяным смерчем?

— Да, господин Сайрес, — ответил Герберт.

— Хотите вы знать, что произвело этот смерч? Вот что, — добавил инженер, указывая на кусок разбитой трубы.

— Это?.. — переспросил Пенкроф.

— Да! Этот цилиндр представляет все, что осталось от мины.

— От мины?! — воскликнули в один голос все.

— Кто ж подвел эту мину? — спросил Пенкроф, все еще не хотевший сдаваться. — Кто?

— Все, что я могу вам сказать: не я! — ответил Смит. — Но мина была подведена, и вы могли убедиться в ее страшной силе.

V. Батарея

Итак, бриг был взорван миной. Смит не мог ошибиться. Не было сомнения, что этот цилиндр, заряженный взрывчатым веществом — нитроглицерином, солями пикриновой кислоты или чем-нибудь подобным, — поднял морскую воду и так разорвал снизу бриг, что он тотчас пошел ко дну.

Да, все объяснялось, все… за исключением присутствия самой мины в водах пролива.

— Друзья мои, — начал Смит, — мы не можем более сомневаться в присутствии какого-то таинственного существа на острове Линкольна. Кто этот неизвестный покровитель? Я не могу этого себе представить. Почему он действует таким таинственным образом, почему скрывается после всех оказанных нам услуг? Я не в состоянии понять. Но от этого его услуги не менее значительны, и их мог оказать нам только человек, обладающий удивительным могуществом. Айртон столько же обязан ему, сколько и мы, потому что если этот неизвестный спас меня после падения из шара, то, очевидно, он же написал письмо, он бросил его в бутылку на пути к проливу и он

указал нам местопребывание нашего товарища. Но кто бы ни был этот неизвестный — потерпевший ли крушение или изгнанник на этом острове, — мы были бы весьма неблагодарны, если бы не изъявили ему нашей глубокой признательности. Мы перед ним в долгу, и я надеюсь, что мы когда-нибудь заплатим этот долг.

— Я с вами вполне согласен, мой милейший Сайрес, — ответил Спилетт. — Где-то на острове скрывается существо почти всемогущее, которое оказало много полезных услуг нашей колонии. Я, кроме того, скажу, что этот неизвестный, по-видимому, располагает какими-то сверхъестественными силами — если только в жизни можно допустить какие-либо сверхъестественные силы. Может, он пробирался к нам через колодец Гранитного дворца и таким образом узнавал все наши планы и намерения? Если он бросил бутылку в море, когда мы в первый раз совершали плавание на ботике, если он вышвырнул Топа из озера и умертвил дюгоня, если он, как все заставляет это думать, спас вас из волн и при таких обстоятельствах, при которых всякий простой смертный не мог бы действовать, — если все это дело его рук, то он обладает могуществом повелевать стихиями!

Замечания Спилетта были справедливы; каждый из колонистов сознавал это.

— Да, — сказал Смит, — если для нас более несомненно вмешательство какого-то человеческого существа, то я согласен, что оно обладает могуществом, недоступным обыкновенному человеку. Тут какая-то тайна, но, если мы найдем человека, тайна откроется. Теперь вопрос в том, обязаны ли мы сохранить инкогнито этого великодушного существа, или мы должны использовать все средства, чтобы найти его. Что вы думаете об этом?

— Я думаю, — ответил Пенкроф, — что кто он ни есть, а он хороший и добрый человек, и я его хвалю и почитаю!

— Это так, Пенкроф, — возразил Смит, — но вы не отвечаете на мой вопрос.

— Господин Сайрес, — сказал Наб, — по-моему, мы можем сколько угодно искать человека, о котором вы говорите, но найдем его только тогда, когда он сам этого захочет.

— Не глупо сказано, дружище Наб, — пожалуй, твоя правда, — ответил Пенкроф.

— Я согласен с Набом, — сказал Спилетт, — но это нисколько не должно удерживать нас от поисков. Найдем мы или не найдем это таинственное существо, во всяком случае, мы исполним по

отношению к нему свой долг.

— А ты, дитя мое, скажи нам свое мнение, — обратился инженер к Герберту.

— Ах, — воскликнул Герберт, — как бы мне хотелось отблагодарить его!.. Отблагодарить того, кто спас сначала вас, а потом и всех нас!

— Эка чего тебе захотелось! — сказал Пенкроф. — И я, и все мы тоже не отказались бы от этого... Я не любопытен, но с охотой пожертвовал бы левый глаз, чтобы правым взглянуть на этого молодца! Мне сдается, что он должен быть красивый, высокого роста, сильный, что у него прекрасная борода, а волосы золотые и этак — точно солнечные лучи — светят во все стороны и что он держится на облаках, а в руке у него большой шар...

— О, Пенкроф, — ответил Спилетт, — да вы рисуете образ Бога Отца!

— Может быть, господин Спилетт, — ответил моряк, — но мне так представляется этот неизвестный.

— А вы что скажете, Айртон? — спросил Смит.

— Господин Смит, — ответил Айртон, — я не могу ничего сказать. Все, что вы сделаете, будет хорошо. Если вы хотите, чтобы и я принял участие в поисках, я немедля последую за вами.

— Благодарю вас, Айртон, — сказал Смит, — но я желал бы более прямого ответа на заданный мной вопрос. Вы наш товарищ, вы уже много раз жертвовали собою для нас, и, как всякий из нас, вы должны высказаться, ибо речь идет о решении важного вопроса. Говорите же!

— Господин Смит, — ответил Айртон, — мне тоже кажется, что мы должны сделать все возможное, чтобы отыскать этого неизвестного покровителя. Может, он один; может, он страдает, может, он давно отчужден от мира! Вы сейчас сказали, что и я перед ним в долгу. Только он мог посетить остров Табор, найти там преступника и известить вас, что есть несчастный, которого надо спасти… Благодаря ему я опять стал человеком. О, я никогда его не забуду!

— Итак, решено, — сказал Смит. — Мы примемся за поиски как можно скорее. Мы не оставим ни одного клочка земли на Линкольне неисследованным. Мы обшарим остров до самых потаенных ущелий, и, да простит нам это наш неизвестный друг, ради наших добрых намерений!

В течение нескольких дней колонисты усиленно занимались сенокосом и жатвой зерновых. В это же время подоспела уборка разных овощей, семена которых были перевезены с острова Та-

бор. Сено, зерно и овощи были должным образом отправлены на хранение, и колонисты могли рассчитывать, что их запасы находятся в полнейшей безопасности от животных и людей. Многие естественные впадины верхнего коридора Гранитного дворца были расширены и продолблены глубже или посредством мотыг и кирок, или с помощью взрывов, и таким образом Гранитный дворец превратился в общий склад всего имущества поселенцев.

Пушки по настоянию Пенкрофа были подняты на самый верх Гранитного дворца, и бравый моряк так их отчистил, что они блестели, как зеркала; между окон проделали амбразуры, и скоро можно было видеть блестящие пушечные дула, выглядывавшие из-за гранитной стены. С такой высоты эти огненные пасти действительно могли обстреливать всю бухту Союза. Это был в малом виде Гибралтар[39], и всякое судно, ставшее в водах островка Спасения, неминуемо оказалось

[39] Примечания: 39

Гибралтар — известняковая скала высотой более 400 м расположилась в Гибралтарском проливе на Пиренейском полуострове. На скале находится комплекс крепости XVIII в., считающейся неприступной. Первые укрепления на этом месте относятся к IX–XII вв. н. э., вся верхняя часть скалы за много веков превратилась в один большой оборонительный комплекс. Часть крепостных сооружений расположена внутри скалы, опускаясь в ее недра на многие десятки метров многочисленными туннелями.

бы мишенью для этой батареи.

— Господин Смит! — сказал Пенкроф 8 ноября. — Надо бы испробовать орудия.

— Пожалуй. Только мы должны произвести пробу не с обыкновенным порохом, запасы которого я не хочу трогать, а с пироксилином, так как в нем никогда не может быть недостатка.

— А могут ли эти орудия переносить сильное действие пироксилина? — спросил Спилетт.

— Я полагаю, что могут. Впрочем, — прибавил инженер, — мы будем действовать осторожно.

Сайрес Смит недаром был знатоком артиллерийского дела. Он сразу определил, что пушки сделаны весьма качественно. Для их изготовления пошла лучшая сталь, заряжались они с казенной части, стреляли крупнокалиберными ядрами и, следовательно, били на значительное расстояние. Как известно, дальнобойность орудия тем больше, чем длиннее траектория, описываемая ядром, а протяженность траектории зависит от начальной скорости снаряда.

— Начальная скорость находится в прямой зависимости от количества пороха, — пояснил инженер своим товарищам. — Таким образом, при изготовлении артиллерийских орудий самое главное — это качество металла, который

должен обладать максимальным сопротивлением, а сталь, бесспорно, самый твердый из всех существующих металлов. Поэтому я полагаю, что наши пушки без риска выдержат расширение газов пироксилина и покажут прекрасные результаты.

— Вот попробуем наши пушечки, тогда все и узнаем! — подхватил Пенкроф.

Нечего и говорить, что все четыре орудия содержались в образцовом порядке. С тех пор как пушки были извлечены из воды и доставлены на берег, Пенкроф, не жалея сил и времени, натирал их, смазывал жиром, полировал, чистил затвор, замок, зажимной винт. И сейчас орудия выглядели так, словно находились на борту военного американского фрегата.

В итоге в тот же день, в присутствии всех колонистов, включая, понятно, Топа и дядюшку Юпа, были поочередно испробованы все четыре пушки. Их зарядили пироксилином, учтя его взрывную силу, которая, как мы говорили, в четыре раза превосходит взрывную силу обычного пороха; снаряды имели коническую форму.

Пенкроф, держа в руке шнур от скорострельной трубки, приготовился к выстрелу.

По сигналу Смита раздался выстрел. Ядро, на-

правленное в море, пролетело поверх островка Спасения и исчезло в воде на расстоянии, которое не могли точно определить.

Второе орудие было наведено на крайние скалы мыса Находки. Снаряд, ударившись о выступ скалы на расстоянии почти трех миль от Гранитного дворца, разбил выступ вдребезги.

Этот выстрел принадлежал Герберту; он сам прицелился, сам выстрелил и очень гордился своей попыткой. Пенкроф гордился им еще больше Герберта: честь такого меткого выстрела принадлежала его милому детищу!

Третье ядро, направленное к дюнам, составлявшим верхний берег бухты Союза, ударилось о песок по крайней мере милях в четырех от цели; затем, полетев рикошетом, пропало в море среди целого облака пены.

В четвертом орудии Смит несколько увеличил заряд, чтобы узнать наибольшее расстояние, куда можно посылать ядра. Затем все стали поодаль на случай разрыва, и выстрел был произведен длинным шнуром, привязанным к скорострельной трубке.

Раздался страшный грохот, но орудие уцелело. Колонисты, кинувшись к окну, увидели, что ядро разбило скалы на мысе Челюсти, милях в пяти от

Гранитного дворца, и исчезло в заливе Акулы.

— Ну, господин Смит, — воскликнул Пенкроф, «ура» которого могли бы сравниться с раздававшимися выстрелами, — что скажете о нашей батарее? Пусть хоть все пираты Тихого океана пожалуют к Гранитному дворцу! Мы их так попотчуем, что ни один не высадится на берег без нашего позволения! Кстати, когда же мы расправимся с шестью разбойниками, которые теперь рыщут по острову? Неужто они так и будут шататься по нашим лесам, полям и лугам? Эти каторжники — настоящие ягуары, и, по-моему, с ними следует расправиться, как с ягуарами… Вы как думаете, Айртон? — прибавил Пенкроф, обращаясь к своему товарищу.

— Я сам был таким ягуаром, господин Пенкроф, — отвечал Айртон, — и потому я не имею права говорить…

И Айртон удалился медленными шагами.

Тут только Пенкроф понял свою оплошность.

— Экое я безмозглое животное! — воскликнул он. — Всегда отличусь! Всегда сморожу что-нибудь такое, что сам потом горю со стыда… Бедный Айртон!.. Экая беда, что он такой обидчивый!.. «Не имею права говорить!» Он имеет точно такое же право, как и всякий из нас.

— Это правда, — сказал Спилетт, — но я одобряю в нем сдержанность. Порядочный человек не забывает своих проступков, и потому, понятно, он мнителен…

— Правда, правда, господин Спилетт, — сказал Пенкроф. — Ну уж я в другой раз не попадусь. Экая глупая голова! Я скорее соглашусь проглотить свой язык, чем огорчить Айртона, а все-таки его огорчаю… Ну да уж не воротишь, нечего делать… Так все-таки как же мы расправимся с разбойниками? Мне кажется, что этих негодяев жалеть не стоит; чем скорее мы очистим от них остров, тем лучше!

— Это ваше мнение, Пенкроф? — спросил инженер.

— Да, господин Смит, мое мнение, — отвечал Пенкроф.

— И по-вашему, их тотчас же надо без всякого милосердия преследовать, не дожидаясь даже с их стороны враждебных действий?

— Да чего ж еще ждать, господин Смит? Каких действий вам еще надо? — возразил Пенкроф, не понимавший колебаний в подобных случаях.

— Может быть, они ничего не предпримут против нас, — сказал Смит, — может быть, они раскаются…

— Раскаются? Они! — воскликнул Пенкроф.

— Вспомни Айртона, — сказал Герберт, взяв моряка за руку. — Айртон сделался честным человеком.

Пенкроф посмотрел на товарищей поочередно. Он никак не воображал, чтобы на его предложение истребить каторжников последовали рассуждения и колебания. Моряк полагал в простоте души, что с каторжниками, высадившимися на остров, с сообщниками Боба Гарвея, безжалостно истребившими членов экипажа «Быстрого», расправа должна быть короткая…

— Вот как, — сказал он, — все против меня? Вы хотите великодушничать с этими злодеями? Ну, смотрите, чтобы потом не каяться!

— Да какая нам угрожает опасность? — сказал Герберт. — Мы будем настороже…

— Гм! — произнес Спилетт. — Их шестеро, и они хорошо вооружены. Если каждый из них засядет в какую-нибудь щель и оттуда в нас выстрелит, то нельзя поручиться, что мы уцелеем…

— Но они до сих пор не стреляли! — сказал Герберт. — А не стреляли, верно, потому, что рассудили и нашли это для себя невыгодным.

— Ладно, ладно, — сказал Пенкроф, на которого не действовали никакие доводы. — Оставим этих

молодцев на воле, пусть они занимаются своими делишками… Коли все вы так за них стоите, то мне следует замолчать.

— Ну полно, — сказал Наб, — чего ты кипятишься? И чего представляешься таким свирепым? Я знаю, что, очутись кто-нибудь из этих каторжников перед тобою, ты бы его и пальцем не тронул… Признайся!.. Ну, скажи, вот если бы сейчас ты увидел разбойника на расстоянии ружейного выстрела, ведь ты не стал бы в него стрелять?

— Я бы в него выстрелил, как в бешеную собаку, Наб, — холодно отвечал Пенкроф.

— Пенкроф, — сказал инженер, — вы часто оказывали мне доверие и свое расположение. Хотите вы и в этом деле послушаться моего совета?

— Я сделаю все, что вам угодно, господин Смит, — отвечал моряк, очевидно не убежденный даже словами инженера.

— Если так, то мы подождем, пока они нападут сами.

Пенкроф не возразил, но, видимо, не ожидал ничего доброго от подобного решения.

Предложение инженера было принято, хотя Пенкроф не одобрял эту тактику. Решено было пока выжидать, ничего не предпринимая, но держаться начеку. Ведь остров Линкольна до-

статочно велик, земля здесь плодородная. Если в душе у пришельцев остались добрые чувства, возможно, они в конце концов исправятся. В тех условиях, в которых они теперь очутились, в их же собственных интересах вернуться к честной жизни. Во всяком случае, следует ждать хотя бы во имя человеколюбия. Правда, колонисты уже не смогут так беспечно, как раньше, разгуливать по всему острову. Доныне они опасались лишь диких зверей, а теперь шестеро преступников, быть может более свирепых, чем хищники, бродят где-то вокруг. Опасность немалая, и, бесспорно, люди не такие храбрые, как наши колонисты, утратили бы надолго душевный покой.

Что ж из того! В споре с Пенкрофом колонисты были правы. Но окажутся ли они правы в действительности — это покажет будущее.

VI. Выстрел

Колонисты деятельно занимались сборами в экспедицию, которая имела две цели: разыскать таинственное существо, несомненно обитавшее на их острове, и в то же время разузнать, что стало с пиратами, где они приютились, какую жизнь ведут и чего можно с их стороны опасаться.

Сайрес Смит охотно бы двинулся в путь без промедления, но путешествие должно было продлиться несколько дней, а поэтому следовало взять с собой повозку, нагрузив ее лагерным оборудованием и разной утварью, необходимой для устройства привалов. Но, как на грех, один из онагров повредил себе ногу и не мог ходить в упряжке; необходимо было дать ему несколько дней отдыха, и колонисты решили отложить отъезд на десять дней, то есть до 20 ноября. В этих широтах ноябрь соответствует маю в Северном полушарии. Весна была в самом разгаре. Солнце подходило к тропику Козерога — наступали самые длинные дни в году. Словом, время для экспедиции было выбрано очень удачно. Если даже она и не приведет к желанной цели, то сколько можно будет сделать открытий, обнаружить

естественных богатств.

В течение десяти дней, оставшихся до начала экспедиции, колонисты решили закончить последние работы на плато Дальнего Вида.

— Мы в этот раз, — сказал Смит, — дойдем до самой оконечности полуострова Извилистого… А пока постараемся закончить последние работы на плато.

Айртону нужно было наведаться на скотный двор и пробыть там по крайней мере дня два, чтобы снабдить все стойла достаточным количеством корма.

Когда Айртон собрался уходить, Смит спросил, не желает ли он, чтобы с ним отправился кто-нибудь из товарищей.

— Теперь наш остров не так безопасен, как прежде; помните это, Айртон, — заметил инженер.

Айртон отвечал, что он один справится с работой и не боится никаких опасностей, а если, против ожидания, что-нибудь случится на скотном дворе, он немедленно даст о том знать по телеграфу.

Айртон отправился 9 ноября.

Следующие два дня Смит занимался работами, которые должны были окончательно оградить

Гранитный дворец от всяких нападений. Для этого следовало полностью скрыть верхнее отверстие бывшего водостока в южной оконечности озера Гранта; впрочем, он был уже заложен камнями и замаскирован завесой листвы и трав. Довершить начатое не представляло труда, так как достаточно было поднять на два-три фута уровень воды в озере, чтобы совсем затопить замурованный водосток.

А сделать это можно было, соорудив две запруды на озере — там, где брали начало Глицериновый ручей и река Водопада. Колонисты с жаром взялись за дело, и в скором времени выросли две плотины, впрочем не превышавшие семи-восьми футов в ширину и трех футов в высоту; на их постройку пошли обломки скал, скрепленные цементом.

Когда работу закончили и вода в озере поднялась, трудно было даже заподозрить, что некогда здесь, у оконечности озера, шел подземный ход, через который раньше изливался избыток воды.

Вряд ли стоит говорить, что отводной ручеек, питавший Гранитный дворец водой и приводивший в действие подъемник, остался нетронутым. Когда подъемник бывал поднят, колонисты в своем надежном, уютном убежище могли не бояться

внезапного нападения.

— Ну уж теперь никому не догадаться, что тут когда-то был водосток, — сказал Пенкроф, когда работа была окончена.

После этой работы Пенкроф, Спилетт и Герберт отправились в бухту Воздушного Шара. Моряку очень хотелось поскорее убедиться, посещали ли каторжники маленькую бухту, в которой стоял любезный ему ботик «Благополучный».

— Если эти типы высадились на южном берегу, — заметил он, — и отправились по побережью, то, чего доброго, обнаружили наш порт… Ну тогда — прощай ботик! Я за него и пенса не дам.

Маленький отряд двинулся прямо к южному берегу острова. Расстояние было небольшое — всего три с половиной мили, но Спилетт и его спутники шли целых два часа; зато они самым тщательным образом обыскали обе стороны дороги: справа — опушку густого леса, слева — окраину болота. Они не нашли никаких следов шести убежавших пиратов.

Пенкроф с величайшим удовольствием увидел, что его «Благополучный» спокойно стоит в бухточке.

Здесь кстати сказать, что бухта Воздушного Шара была так хорошо со всех сторон укрыта

скалами, что ни с моря, ни с суши нельзя было ее увидеть, и, чтобы ее отыскать, необходимо было прежде или в нее проникнуть, или очутиться над ней, на вершине высоких, острых утесов.

— Слава богу, эти бестии тут не были! — сказал Пенкроф. — Змеям и всяким гадинам привольнее в густой траве, и мы разыщем этих злодеев в лесах Дальнего Запада — они там!

— Если они там, тем лучше, — сказал Герберт, — потому что, если бы они завладели «Благополучным», нам не на чем было бы плыть на остров Табор. А мы ведь должны непременно туда плыть…

— Да, — отвечал Спилетт, — непременно… Необходимо отвезти туда записку с обозначением положения острова Линкольна и с известием, что Айртон теперь живет на этом острове; в противном случае шотландская яхта может уйти и мы лишимся возможности возвратиться на родину.

— Ну что ж, господин Спилетт, плыть так плыть, — сказал Пенкроф. — «Благополучный» цел и в исправности: и ботик, и его экипаж ждут только первого знака к отплытию!

Разговаривая таким образом, Спилетт и Герберт ходили по палубе «Благополучного». Вдруг моряк, приглядевшись к якорному канату, воскликнул:

— Вот тебе раз! Признаюсь, штука!

— Что такое, Пенкроф? — спросил Спилетт.

— А то, что этот узел завязал не я!

И Пенкроф указал на веревку, которая привязывала канат.

— Не вы? — спросил Спилетт. — Как — не вы?

— Не я, господин Спилетт! Это узел плоский, а я всегда завязываю двумя петлями — это выбленочный узел.

— Вы могли на этот раз завязать иначе…

— Я не ошибся. Я уж давно привык завязывать так: у меня и пальцы сами собой работают… Нет, я не ошибся!

— Так, значит, каторжники были на «Благополучном»? — спросил Герберт.

— Я этого не знаю, — отвечал Пенкроф, — но знаю, что «Благополучный» снимался с якоря и опять поставлен на место. Посмотрите, вот вам еще доказательство: якорный канат травили, потому что на клюзе он не обернут парусиной. Повторяю, на нашем «Благополучном» плавали!

— Но если каторжники на нем плавали, то они бы его ограбили, разрушили или на нем убежали! — сказал Герберт.

— Убежали? Куда? На остров Табор? Так ты думаешь, что они решились бы пуститься в пла-

вание на таком ненадежном суденышке?

— Кроме того, тогда надо еще допустить, что им известен остров Табор, — заметил Спилетт.

— Известен, нет ли, — сказал моряк, — а наш «Благополучный» плавал без нас. Это так же верно, как то, что я Пенкроф из Вайнъярда!

Моряк говорил так уверенно, что Спилетт и Герберт не решились ему возражать.

— Но если «Благополучный» плавал, — сказал Спилетт, — как же мы не видели его на море?

— Э, господин Спилетт, ночью, при попутном ветерке, через два часа можно скрыться из виду…

— Хорошо, но с какой же целью катались каторжники по морю? — спросил Спилетт. — Зачем они, покатавшись, снова привели ботик в порт?

— Ну уж это тоже придется причислить к непонятным вещам, господин Спилетт, — отвечал Пенкроф. — Нечего над этим и голову ломать — все равно не отгадаешь. Да дело не в отгадке, а в том, что наш ботик все-таки цел и на месте. Я только боюсь, как бы разбойники в другой раз не вздумали кататься, — пожалуй, уплывут далеко, и нам придется распрощаться с «Благополучным»!

— Не лучше ли поставить «Благополучный»

перед Гранитным дворцом? — спросил Герберт.

— И лучше, и хуже, дружок, — отвечал Пенкроф, — и скорее хуже, чем лучше. Устье реки не годится для стоянки — там очень бурлит.

— А если его вытащить на песок, к «Трубам»?

— Да, это бы можно… Но мы отправляемся в экспедицию и надолго покидаем Гранитный дворец — так, пожалуй, «Благополучному» в наше отсутствие будет здесь безопаснее… Пусть он себе тут постоит, пока мы очистим остров от злодеев…

— Но если каторжники им завладеют? — спросил Герберт.

— Ну что ж, дружок, положим, они придут сюда и не найдут ботика — что они сделают, ты как полагаешь? — отвечал Пенкроф. — Они непременно отправятся его везде разыскивать, разыщут его поблизости Гранитного дворца и в наше отсутствие точно так же могут его и похитить, и разрушить там, как и здесь. Поэтому-то я и думаю, что надо его оставить тут. А вот когда мы благополучно воротимся из нашей экспедиции, тогда дело другое…

— Это решено, — сказал Спилетт, — а теперь — в обратный путь!

Вернувшись в Гранитный дворец, наши путешественники рассказали инженеру о том, что

произошло, и он полностью одобрил их планы относительно теперешней и будущей стоянки судна. Он даже пообещал Пенкрофу подробно обследовать часть пролива между островком Спасения и берегом, чтобы установить, нельзя ли устроить там искусственную гавань при помощи запруд. Если это удастся, «Благополучный» будет всегда под рукой, на глазах у колонистов, а в случае надобности — даже под замком.

В тот же вечер Айртону была отправлена телеграмма с просьбой привести пару коз, которых Наб хотел поселить на лугах плато. Ответа не последовало, что несколько удивило инженера, так как Айртон всегда немедленно отвечал.

Но могло случиться, что Айртона не было на скотном дворе в то время; могло быть и так, что он уже отправился в Гранитный дворец.

Колонисты не тревожились и ждали, не покажется ли Айртон на высотах плато Дальнего Вида, где должен был пролегать его маршрут. Наб и Герберт несколько раз ходили к подъемному мостику, надеясь встретить запоздавшего товарища.

Но наступил вечер, а Айртона все не было.

— Который час, господин Смит? — спросил Пенкроф.

— Десять.

— Чудно́, что Айртона до сих пор нет!

— Да, это странно… Я сейчас отправлю вторую телеграмму.

И на вторую телеграмму ответа не последовало.

Колонисты сильно встревожились.

— Да может быть, просто-напросто телеграфный аппарат сломался и не действует, — сказал Герберт.

— Очень может быть, — отвечал Спилетт.

— Подождем до завтра, — сказал Смит. — Действительно, могло случиться, что Айртон не получил нашей депеши вследствие поломки аппарата…

Ждали, разумеется, не без тревоги. На рассвете 11 ноября Смит снова отправил депешу, но опять не получил ответа.

— Что, нет ответа? — спросил Пенкроф.

— Нет… Я еще раз телеграфирую!

Но и на новую телеграмму не последовало ответа.

— Надо спешить на скотный двор! — сказал Смит.

— Только прежде хорошо вооружимся, — прибавил Пенкроф. — Дома никто не останется?

— Останется Наб, — ответил Смит. — Он проводит нас до мостика и, спрятавшись где-нибудь за дерево, будет сторожить, пока мы не возвратимся… или пока не вернется Айртон.

— А если сюда в гости явятся пираты? — спросил Пенкроф. — Ведь они, пожалуй, попытаются перебраться через ручей…

— Наб попробует их остановить ружейными выстрелами.

— А ну как не справится?

— Он может скрыться в Гранитном дворце и там будет в безопасности.

— Так теперь идем прямо на скотный двор, господин Смит?

— Да, Пенкроф, прямо туда.

— А ну как мы там не найдем Айртона?

— Мы станем искать его вокруг, в лесах.

В шесть часов утра инженер и его три спутника перешли по подъемному мостику, а Наб, проводив их, притаился за выступом скалы, густо поросшей высокими деревьями.

Колонисты держали ружья в руках и готовы были стрелять при первом признаке нападения. Их ружья были заряжены пулями.

По обеим сторонам дороги тянулись густые заросли, где легко могли спрятаться разбойники.

Колонисты шли быстрым шагом и молча. Топ бежал впереди — то прямо по дороге, то ныряя вправо и влево, в заросли, но до сих пор Топ не лаял и не выказывал никакой тревоги. На чутье умного и верного животного можно было вполне положиться, и значит, близкой опасности не было.

Они уже прошли две с лишним мили, но ничего подозрительного еще не заметили. Телеграфные столбы были целы, проволока исправно натянута.

Вдруг Герберт, шедший впереди, остановился у столба под номером семьдесят четыре и воскликнул:

— Проволока оборвана!

Колонисты увидели, что один столб свален и лежит поперек дороги.

— Понятно теперь, почему мы не получили депеши от Айртона, — сказал Спилетт. — Вероятно, и Айртон не получил нашей…

— Не ветер повалил этот столб! — заметил Пенкроф.

— Нет, не ветер, — отвечал Спилетт. — Его, очевидно, подкопали… Видите, как кругом взрыта земля?.. Его повалил человек…

— Кроме того, проволока перебита или перерезана, — прибавил Герберт, показывая оба конца проволоки.

— Перелом свежий? — спросил Смит.

— Да, совсем свежий, — ответил Герберт. — Верно, только что перерезали проволоку…

— На скотный двор скорее! Скорее! — крикнул Пенкроф.

Колонисты были как раз на середине дороги. Оставалось пройти еще две с половиной мили; они пустились самым скорым шагом, чуть не бегом.

Они имели полное основание предполагать, что на скотном дворе случилось какое-нибудь несчастье. Айртон мог ответить на телеграмму и не знать, что его ответ не дошел, но гораздо важнее было то, что Айртон, обещавший возвратиться непременно 10 ноября к вечеру, не возвратился. Где он? Что с ним?

С замирающим сердцем колонисты спешили на помощь Айртону. Все они искренне привязались к новому товарищу, всех глубоко волновала его участь.

Неужто бедному Айртону суждено погибнуть от руки тех самых людей, которыми он когда-то предводительствовал?

Скоро колонисты достигли того места, где дорога поворачивала вдоль небольшого ручья, который вытекал из Красного и орошал луга, окружавшие скотный двор; они пошли осторожнее, ежеминутно ожидая, что вот-вот покажутся каторжники и начнется схватка. Они держали

ружья наготове и посматривали внимательно по сторонам. Топ несколько раз глухо рычал, что не предвещало ничего доброго.

Наконец из-за деревьев показалась изгородь скотного двора. Нигде не было заметно никаких следов разрушения. Ворота были, как обыкновенно, заперты.

Но на скотном дворе царила полнейшая тишина; не было слышно ни голоса Айртона, ни блеяния муфлонов.

— Войдем! — сказал Смит.

Инженер направился к домику Айртона. Товарищи следовали за ним.

Смит повернул щеколду и хотел отворить ворота, как вдруг Топ бешено залаял…

Из-за ограды раздался выстрел и вслед за ним слабый крик.

Герберт, сраженный пулей, лежал на земле…

VII. В осаде

Услыхав крики Герберта, Пенкроф бросил ружье и кинулся к мальчику.

— Они его убили! — воскликнул он. — Они убили моего Герберта, мое дитя! Они его убили!

Смит и Спилетт тоже кинулись к Герберту. Спилетт приложил ухо к сердцу бедного мальчика и слушал, бьется ли оно.

— Он жив, — сказал он наконец. — Надо его поскорее перенести…

— В Гранитный дворец? Это невозможно! — отвечал Смит.

— Так в комнату Айртона! — воскликнул Пенкроф.

— Хорошо, но погодите минутку, — сказал Смит.

С этими словами он быстро пошел налево, огибая изгородь, и вдруг очутился около каторжника, который прицелился в него и выстрелил; пуля, перелетев через изгородь, пробила инженеру шляпу.

Каторжник проворно начал снова заряжать ружье, но Смит моментально перескочил через изгородь — и каторжник упал, смертельно пора-

женный кинжалом в сердце.

Между тем Пенкроф и Спилетт тоже перескочили через изгородь, раскидали бревна, которыми были изнутри приперты ворота, отворили их, кинулись в комнату Айртона, осмотрели, нет ли где новой засады, затем перенесли Герберта и положили его на Айртонову кровать.

Горе Пенкрофа было безгранично. Глядя на лежавшего без чувств Герберта, он пришел в совершенное отчаяние. Он рыдал, плакал, кричал, хотел разбить себе голову о стену. Смит и Спилетт, невзирая на все свои старания, не могли его успокоить.

Они сами были страшно взволнованы. Волнение так душило их, что они едва могли говорить.

Спилетт, у которого было в жизни столько превратностей, который столько путешествовал, видел, слышал, который столькому учился и которого к тому же столькому научила жизнь, знал немного медицину, и ему уже не раз приходилось перевязывать раны, нанесенные и огнестрельным, и холодным оружием. С помощью Смита он приступил к осмотру раны Герберта.

Спилетта встревожил долгий обморок мальчика, который можно было объяснить и большой потерей крови, и серьезностью нанесенной ра-

ны.

Герберт был чрезвычайно бледен. Пульс у него бился так слабо, что Спилетт едва-едва его слышал, и по временам он точно останавливался.

Спилетт и Смит обнажили грудь мальчика и обмыли с нее кровь холодной водой.

Герберт был ранен в бок, пуля прошла между третьим и четвертым ребром.

Смит и Спилетт повернули бедного мальчика, у которого вырвался слабый стон, такой слабый, что его можно было принять за последний вздох, и увидели на спине другую рану, откуда тотчас же выпала пуля.

— Слава богу! — сказал Спилетт. — Пуля не осталась внутри.

— А сердце? — спросил Смит.

— Сердце не задето, — отвечал Спилетт, — иначе бы Герберт уже умер.

— Умер! — с воплем вскочил Пенкроф.

Он расслышал только последнее слово Спилетта.

— Нет, Пенкроф, нет, он не умер, — сказал Смит. — У него бьется пульс… Он даже раз застонал… Но если вы жалеете Герберта, то успокойтесь. Нам необходимо теперь все наше хладнокровие. Не мешайте же нам, друг мой, а

лучше помогите!

Пенкроф умолк. Крупные слезы оросили его лицо. Между тем Спилетт думал, как ему лучше действовать. Он видел, что пуля прошла навылет — ударила в грудь и вышла сзади, но, проходя, задела ли она какие-нибудь важные органы?

Этого не мог бы решить в настоящую минуту и опытный хирург, а тем более корреспондент газеты «Нью-Йорк геральд».

Он знал одно, а именно что необходимо предупредить местное воспаление и лихорадку. Но какие противовоспалительные средства здесь нужны?

Первым делом следовало обмыть и перевязать обе раны. Спилетт боялся вызвать новое кровотечение, обмывая их теплой водой, — потеря крови и без того была значительна, и Герберт очень ослабел.

Поэтому Спилетт вновь обмыл обе раны холодной водой; затем Герберта положили на левый бок и старались его поддерживать в этом положении.

— Так ему всего лучше лежать, — сказал Спилетт, — необходим совершенный покой.

— Как! Мы его не перенесем отсюда в Гранитный дворец? — спросил Пенкроф.

— Нет, Пенкроф, — отвечал Спилетт.

— Проклятие! — воскликнул моряк, сжимая кулаки.

— Пенкроф! — сказал Смит.

Спилетт опять наклонился к Герберту. Мальчик был так страшно бледен, что, глядя на него, журналист испугался.

— Сайрес, — сказал он, — я не доктор… Я сомневаюсь… Я в большой тревоге… в ужасном беспокойстве… Помогите мне вашими советами… Вы много видели, много знаете…

— Успокойтесь, мой друг, — ответил инженер, пожимая руку Спилетта, — будьте хладнокровны… Помните одно: надо спасти Герберта!

Эти слова помогли Спилетту овладеть собой. Он сел около кровати. Смит стал подле него. Пенкроф разодрал свою рубаху и с лихорадочной поспешностью щипал корпию.

— Мне кажется, что прежде всего надо остановить кровотечение, — сказал Спилетт.

— Да, это и мое мнение, — отвечал Смит.

— Но что нам делать в случае воспаления? У нас нет никаких средств…

— Есть одно, Спилетт, — отвечал инженер.

— Какое?

— Холодная вода, которая отлично помогает при воспалении ран, что признано медиками.

— Да, да… — согласился Спилетт. — Вода успокаивает и освежает… Мы приложим к обеим ранам полотняные тряпочки, смоченные холод-

ной водой, и будем наблюдать, чтобы полотно не высыхало…

Действительно, рядом текла чистая холодная вода, иными словами — великолепное болеутоляющее средство, которым пользуются при воспалительных процессах, связанных с ранением, действенное целительное средство при тяжелых заболеваниях, признанное ныне всеми врачами. Холодная вода имеет, сверх того, еще одно немалое преимущество: рана благодаря ей может оставаться в покое, вода избавляет от необходимости немедленной перевязки, что весьма ценно, ибо, как показал опыт, в первые дни болезни соприкосновение раны с воздухом губительно для больного.

Пенкроф развел огонь в камине и нашел между различными запасами Айртона кленовый сахар и кое-какие лекарственные травы — травы, которые бедный Герберт сам собирал на берегах озера Гранта, что дало возможность приготовить прохладительное питье.

Герберту влили несколько ложечек в рот, но больной ничего не почувствовал. Температура у него была очень высокая, он целые сутки не приходил в сознание. Жизнь Герберта висела на волоске, и волосок этот мог оборваться в любую

минуту.

На следующий день, 12 ноября, у колонистов зародилась слабая надежда. Герберт очнулся от длительного обморока. Он открыл глаза и узнал склонившихся над ним Сайреса Смита, журналиста и Пенкрофа. Он даже произнес несколько слов. Все происшедшее вылетело у него из памяти. Гедеон Спилетт вкратце рассказал ему о случившемся, умоляя соблюдать полнейший покой, так как, сказал журналист, хотя опасность уже миновала, надо, чтобы рана поскорее зарубцевалась. Впрочем, Герберт почти не ощущал боли, а холодные, непрерывно сменяемые примочки предотвратили воспалительный процесс. Гной выделялся равномерно, температура не поднималась, можно было надеяться, что страшная рана заживет без осложнений. Пенкроф впервые вздохнул с облегчением. Он превратился в настоящую сиделку — как родная мать, ухаживал он за своим «голубчиком».

Герберт снова уснул, но на этот раз спокойным сном.

— Что, господин Спилетт, выздоровеет он? — спросил Пенкроф.

— Выздоровеет, Пенкроф, — отвечал Спилетт.

— Верно?

— Я надеюсь, Пенкроф.

— Скажите еще раз, господин Спилетт, повторите, что вы надеетесь! Повторите, что вы спасете Герберта!

— Да, мы его спасем! — отвечал Спилетт. — Рана серьезная, но не смертельная.

— Дай-то бог! — проговорил моряк.

Колонисты уже целые сутки находились на скотном дворе, но до сих пор, поглощенные заботами о Герберте, они еще не подумали ни об опасности, которая им угрожает в случае возвращения каторжников, ни о том, какие меры следует принять для ограждения себя от этой опасности.

Когда Герберту стало лучше и он уснул, Смит и Спилетт, оставив Пенкрофа у постели мальчика, начали совещаться, что им делать.

— Куда девался Айртон? — сказал Смит. — Очень может быть, что несчастного увели его прежние сообщники. Вероятно, они захватили его врасплох.

— Он, конечно, не дался им сразу в руки, — заметил Спилетт. — Борьба, вероятно, была самая ожесточенная… Кто знает, жив ли он?

Разбойники или не хотели, или не успели произвести опустошений: все было в прежнем

порядке, все домашние животные в целости. Вступил ли Айртон с ними в борьбу? Последнее предположение было более чем вероятно. Перелезая накануне через забор, Гедеон Спилетт успел заметить, как один из пиратов бросился бежать к южному отрогу горы Франклина, и верный Топ погнался за ним. Это был, конечно, один из незваных пришельцев, чья шлюпка разбилась о скалы в устье реки Милосердия. Впрочем, разбойник, сраженный кинжалом Сайреса Смита, труп которого был найден за оградой, тоже принадлежал к шайке Боба Гарвея.

Однако никаких разрушений в загоне не оказалось. Муфлоны и козы не разбежались по лесу, так как ворота были на запоре. Колонисты не обнаружили также никаких следов борьбы, никаких повреждений в доме, ни одного пролома в ограде. Только патроны и порох, которые Айртон держал здесь, исчезли вместе с ним.

— Нигде, однако, никаких признаков борьбы, — сказал Смит. — Только съестные припасы исчезли. Да, Айртона захватили врасплох; он, конечно, начал защищаться и был убит!

— Я почти в этом не сомневаюсь, — отвечал Спилетт. — Я полагаю, что разбойники намеревались здесь укрепиться, да помешало наше

прибытие.

— Надо обыскать лес, — сказал Смит, — и очистить остров от этих негодяев. Предчувствия не обманули Пенкрофа, недаром же он настаивал на том, чтобы устроить облаву и перебить пиратов, как хищных зверей. Если бы мы послушались его, сколько бы несчастий удалось предотвратить!

— Да, теперь мы уже щадить их не будем; теперь мы имеем право быть беспощадными.

— Мы в настоящую минуту не можем ничего предпринять, — сказал инженер. — Мы вынуждены оставаться здесь до тех пор, пока можно будет безопасно перенести Герберта в Гранитный дворец.

— А Наб? Что будет с Набом?

— Наб в безопасности.

— А если он, встревожившись нашим долгим отсутствием, вздумает отправиться на скотный двор?

— Нет-нет, он не должен выходить из Гранитного дворца, — с живостью ответил Смит. — Если он сюда отправится, его наверняка убьют по дороге!

— Но он ничего не знает о случившемся, — возразил Спилетт, — а главное, он ничего не знает о нас и, конечно, пожелает к нам присоединиться.

— Обоим нам пойти нельзя, оставить Герберта

и Пенкрофа одних немыслимо… Вот что: я пойду один в Гранитный дворец.

— Нет, Сайрес, вы этого не сделаете! — отвечал Спилетт. — Вы не должны рисковать собой. Да к тому же, невзирая на все ваше хладнокровие, осмотрительность и мужество, вы ничего не сделаете. Эти негодяи, очевидно, наблюдают теперь за нами и засели где-нибудь поблизости, в лесу, — если вы отправитесь, то нам придется вместо одного несчастья оплакивать два!

— Но как же предупредить Наба? Вот уже целые сутки, как он не имеет от нас вестей. Он непременно встревожится и пойдет нас разыскивать…

— И так как он ничего не подозревает и вообще гораздо беспечнее всех нас, его непременно убьют по дороге, — отвечал Спилетт.

— Неужто я не найду средства его предупредить? — проговорил инженер, задумываясь.

Вдруг взгляд его упал на Топа, который вертелся и вилял хвостом, словно хотел сказать: «А про меня-то вы забыли? Я отлично могу вам сослужить эту службу!»

— Топ! — крикнул Смит.

Собака кинулась к хозяину.

— Да, Топ может отправиться в Гранитный дворец, — сказал Спилетт, поняв мысль инжене-

ра. — Топ пройдет там, где мы пройти не можем. Он отнесет от нас весточку Набу, а от Наба принесет весточку нам.

— Надо скорее его отправить, — сказал Смит.

Спилетт быстро вырвал листок из своей записной книжки и написал на нем следующие строки: «Герберт ранен. Мы на скотном дворе. Будь осторожен. Не выходи из Гранитного дворца. Не показывались ли где в окрестности каторжники? Отвечай через Топа».

В этой лаконичной записке заключалось все, что следовало знать Набу и о чем надо было у него спросить; она была свернута и так подсунута под ошейник Топа, что Наб ее сразу должен был заметить.

— Топ, дружище, иди к Набу, — сказал инженер, лаская собаку. — Топ! Наб! Наб! Иди, иди!

Услышав эти слова, Топ немедленно сорвался с места. Он понял, он угадал, что от него требовал хозяин. Дорогу к Гранитному дворцу он знал отлично. Через полчаса самое большее он будет дома и, как надеялись колонисты, проберется незамеченным по лесу и густой траве, тогда как человек, вышедший за ограду, подставлял себя под вражеские пули.

Инженер подошел к воротам и приоткрыл их.

— Наб! Топ, понимаешь — Наб! — повторил он снова, указывая рукой в направлении Гранитного дворца.

Топ выскользнул за ограду и через мгновение скрылся из виду.

— Он наверняка отнесет нашу записку, — сказал Спилетт.

— И принесет ответ, — откликнулся Смит.

— А который час? — спросил Спилетт.

— Десять.

— Через час он будет здесь. Надо ждать его возвращения.

Ворота снова заперли. Инженер и журналист вошли в дом. Герберт по-прежнему спал глубоким сном. Пенкроф все время менял ему холодные компрессы. Гедеон Спилетт, отложив на время обязанности врача, занялся приготовлением несложного обеда, но то и дело поглядывал на ту часть ограды, которая примыкала к отрогу горы и была, таким образом, наиболее уязвимой в случае нападения.

Колонисты с тревогой поджидали возвращения Топа. Около одиннадцати часов Сайрес Смит и журналист, захватив карабины, встали у ворот, чтобы открыть их, как только вдали послышится собачий лай. Они не сомневались, что, если Топу

удалось благополучно добраться до Гранитного дворца, Наб тут же отошлет его обратно.

Они стояли уже минут десять, как вдруг раздался выстрел и вслед за тем послышался лай.

Инженер поспешно приотворил ворота, заметил в лесу, всего в какой-нибудь сотне шагов от скотного двора, дымок от выстрела, прицелился и послал туда пулю.

Почти в ту же минуту Топ вскочил в ворота, которые немедленно за ним закрыли.

— Топ! Топ! — крикнул инженер, хватая обеими руками смышленую морду верного животного.

На ошейнике Топа была прикреплена записка. Смит снял ее и прочел следующие строки, начертанные крупным почерком Наба: «Пираты не показывались около Гранитного дворца. Я не тронусь с места. Бедный мистер Герберт!»

VIII. Герберт выздоравливает

Предположения колонистов были верны: каторжники засели в лесу около скотного двора и, очевидно, решили перебить их поодиночке.

Сайрес Смит решил поэтому обосноваться при скотном дворе, где, к счастью, нашелся запас провизии на несколько недель. В доме Айртона было все, что необходимо человеку для жизни, колонисты нагрянули столь внезапно, что пираты ничего не успели разграбить. Очевидно, события разыгрались именно так, как и предполагал Гедеон Спилетт: шестеро каторжников, высадившись на остров Линкольна, направились вдоль южного побережья, обогнули полуостров Извилистый и, не желая углубляться в леса Дальнего Запада, добрались до устья реки Водопада. Отсюда, следуя по правому ее берегу, они достигли отрогов горы Франклина и, здраво рассудив, что в гористой местности нетрудно будет найти убежище, пустились на поиски такового и почти тут же обнаружили загон, где в ту пору никого из колонистов не было. Здесь они, по всей вероятности, и решили устроить себе притон, выжидая благоприятной минуты для осуществления своих

злодейских замыслов. Неожиданное появление Айртона расстроило их планы, но им удалось захватить несчастного… и не трудно себе представить, что произошло вслед за этим.

— Нам необходима величайшая осторожность, — сказал Смит, — потому что разбойники заняли чрезвычайно выгодную для них позицию: они нас видят, а мы их нет, они могут стрелять в нас из засады, а мы этого не можем…

— Что же делать?

— Обстоятельства укажут. Прежде всего надо заботиться о Герберте. Мы не можем его перенести в Гранитный дворец, а потому нам следует устроиться здесь насколько возможно удобнее. Провизии хватит надолго.

Теперь каторжников осталось пятеро, но они были хорошо вооружены и притаились в лесу.

— Надо ждать, — сказал Смит. — Мы ничего не можем предпринять в настоящую минуту. Когда Герберт выздоровеет, мы обследуем весь остров и, надеюсь, справимся с этими негодяями. У нас теперь две заботы: избавиться от неприятеля и…

— И отыскать таинственного покровителя, — добавил Спилетт. — А знаете, Смит, на этот раз таинственный покровитель или занят чем-то другим, или просто позабыл о нас. Теперь, когда

так необходима помощь, он не помогает!

— Кто знает, быть может, наступит и более трудное время, когда его помощь будет просто неоценимой! — отвечал Смит.

— Что вы хотите этим сказать?

— Я хочу сказать, любезнейший Спилетт, что испытания наши не окончились. Таинственный покровитель еще не раз будет иметь случай помочь нам в беде… Но теперь нечего об этом раздумывать; надо заняться исключительно Гербертом. Я до тех пор не буду покоен, пока бедный мальчик не поправится.

Прошло несколько дней. Герберту не сделалось хуже, как того опасались колонисты. Холодная вода предотвратила воспаление. Смиту даже показалось, что эта вода с малой примесью серы — что объяснялось соседством вулкана — заживляла рану. Нагноение уменьшалось, и больной благодаря неусыпному попечению окружавших его друзей возвращался к жизни. Лихорадки уже почти не было, но Спилетт все еще держал своего пациента на строгой диете, отчего тот, как и следовало ожидать, очень ослабел.

Смит, Спилетт и Пенкроф в короткое время научились искусству перевязывать раны. Все белье, имевшееся в запасе у Айртона, было разорвано

на компрессы, корпию и бинты. Спилетт делал перевязки со всевозможным тщанием и не раз говорил товарищам, что хорошая операция не диво, но хорошая перевязка — большая редкость, а между тем от нее чрезвычайно зависит ход болезни.

Через десять дней, то есть 22 ноября, Герберт стал заметно поправляться. У него появился аппетит, щеки его окрасились легким румянцем, и большие добрые глаза, ласково смотревшие на ухаживавших за ним друзей, прояснились. Он начал разговаривать, невзирая на протесты Пенкрофа, который, не давая своему любимцу возможности произнести слово, болтал без умолку и рассказывал самые невероятные истории.

— Где же Айртон? — спросил Герберт.

— Айртон ушел в Гранитный дворец, дружок, — ответил моряк, краснея за свою невинную ложь. — Он там с Набом, чтобы было кому защищать Гранитный дворец в случае нападения пиратов…

Он боялся сказать правду, огорчить Герберта и тем помешать его выздоровлению.

— Ну уж эти мне пираты! — продолжал Пенкроф. — С такими молодцами да еще церемониться! Господин Смит хотел их пронять великодуши-

ем! Я бы закатил им великодушия пулею!

— Что, их теперь не видать? — спросил Герберт.

— Нет, не видать, дружок, — отвечал моряк. — Но мы их разыщем! Выздоравливай только, и мы с ними расправимся на славу!

— Я еще очень слаб, Пенкроф.

— Это не беда, дружок. Потерпи немножко — наберешься сил. Что такое ранение в грудь? Сущий пустяк! Такие ли бывают ранения! У меня бывали похуже, а смотри, какой я теперь здоровяк!

На сей раз, как и в ряде других случаев, колонисты призвали на помощь здравый смысл, который часто вызволял их из затруднительного положения, и благодаря своим знаниям одержали новую победу! Но вдруг возникнет ситуация, когда все их познания и логика будут бессильны? Ведь они одни на этом острове! А в обществе один человек дополняет другого, люди не могут обходиться друг без друга. Сайрес Смит прекрасно знал это и подчас с тревогой думал о том, что могут возникнуть такие обстоятельства, против которых колонисты окажутся бессильны.

Ему казалось даже, что его товарищи, да и он сам, жившие до сего дня так счастливо, вступили в роковую полосу. В течение двух с половиной

лет, с того самого дня, как им удалось вырваться из Ричмонда, все шло удачно, все складывалось так хорошо. Недра острова были богаты металлами и минералами, леса и равнины — полезными растениями и животными, и если природа неизменно предлагала им свои дары, то люди благодаря знаниям и труду умели пользоваться ее щедростью. Материальное благосостояние колонии не оставляло желать ничего лучшего. К тому же какая-то непонятная сила в тяжелые минуты приходила им на помощь! Но не могло же все это длиться вечно!

Словом, Сайрес Смит смутно чувствовал, что удача отвернулась от них.

— Герберт заметно поправляется, — сказал в этот день Смит Спилетту.

— Да, Смит, мы, кажется, можем успокоиться насчет его выздоровления. Но что бы мы стали делать, если бы пуля не вышла, а засела в ране? Если бы, например, явилась необходимость отнять ему руку или ногу? Мне несколько раз приходило это в голову, и при этой мысли пробирала дрожь.

— Но если бы такое несчастье случилось, вы все-таки не отступили бы, Спилетт, и сделали бы все, что в ваших силах! — отвечал инженер.

— Конечно, Смит, конечно… Но слава богу, что

мне не пришлось переживать всех этих сомнений и томительных тревог… Ужасно положение человека, когда он не уверен в своем знании, а между тем от него зависит жизнь его ближнего и он должен во что бы то ни стало действовать! Да, большое счастье, что дело пошло так благополучно… Но вы как будто чем-то озабочены, Смит?

— Да нет, ничем особенно, Спилетт, — отвечал инженер. — Я только думаю, что нас ждет еще немало испытаний. Жизнь на необитаемом острове имеет свои прелести, но и свои невзгоды… До сих пор все у нас шло хорошо, но кто знает, что ожидает нас в будущем.

— Почему же вы полагаете, что в будущем нас непременно ожидают какие-нибудь беды?

— Потому что не надеюсь на вечную, непрерывную во всем удачу, Спилетт, — отвечал инженер. — Согласитесь, что это было бы не в порядке вещей…

— Пожалуй, что так…

— Появление разбойничьего судна в водах острова Линкольна нарушило спокойное течение нашей жизни. Правда, шайка пиратов уничтожена, но еще пятеро из них остались в живых и рыщут по лесам. Неизвестно, каким образом мы с ними справимся… Они хорошо вооружены и

прячутся в чащах. Айртон, без сомнения, убит. Герберт тяжело ранен… И вы справедливо както заметили, Спилетт, что наш таинственный покровитель, который столько раз и так кстати являлся к нам на помощь, теперь как будто перестал о нас заботиться… Быть может, его уже нет на острове? Быть может, он погиб?..

Не обрушит ли судьба на поселенцев новые беспощадные удары? Вот какие мысли волновали Сайреса Смита. Может быть, таинственный человек, в существовании которого они не могли более сомневаться, покинул остров? Или, может быть, его тоже сразила разбойничья пуля?

Все эти вопросы оставались без ответа. Но было бы неверно думать, что Сайрес Смит и Гедеон Спилетт, нередко беседовавшие на эту тему, отчаялись и сложили руки. Не такие они были люди! Они смело шли навстречу любым испытаниям, они старались найти из всякого положения наиболее разумный выход, они во всеоружии ждали любой неожиданности, которую судьбе заблагорассудится им поднести, они уверенно смотрели в лицо будущего, и если вновь суждено было обрушиться на них бедствию, они встретили бы его как мужественные борцы.

— Отчаиваться не стоит… — твердил журна-

лист.

— Я не отчаиваюсь, Спилетт, я только смотрю, что называется, беде прямо в глаза. Я анализирую наше положение, заранее ищу выход из возможных затруднений… Я готов ко всему, что бы ни послала нам судьба.

— И если она пошлет нам новые испытания, Смит, мы не склоним головы, а будем бороться!

— Само собой разумеется, Спилетт!

IX. Тревожная весть

Здоровье Герберта улучшалось с каждым днем. Колонисты желали теперь лишь одного: как только юноша достаточно окрепнет, доставить его в Гранитный дворец. Хотя домик на скотном дворе был снабжен всем необходимым, все же он бесспорно уступал по части удобств их каменному жилищу. Помимо того, здесь колонисты не чувствовали себя в полной безопасности и, несмотря на всю свою бдительность, могли в любую минуту стать мишенью для пиратской пули, пущенной из-за угла. А там, в их убежище, в самом сердце неприступного гранитного кряжа, им нечего было бояться, — напротив, любая попытка пиратов посягнуть на него кончилась бы для них весьма и весьма плачевно. Поэтому они с нетерпением поджидали того дня, когда можно будет перевести Герберта домой без риска для его здоровья, и решили во что бы то ни стало осуществить свой план, хотя отлично представляли себе, как трудно будет пробраться через лес Жакамара.

От Наба не было никаких известий, но колонистов это не беспокоило. Топа больше не посылали,

так как в этом не было необходимости и незачем было подвергать верного пса опасностям, которые могли отнять у колонистов самого полезного помощника.

Вопрос о том, как при настоящих обстоятельствах действовать против разбойников, подробно обсуждался Смитом, Спилеттом и Пенкрофом 29 ноября, в то время, когда уснувший Герберт не мог слышать их разговора.

— Друзья мои, — сказал Спилетт, — я думаю, что отважиться пройти по дороге от скотного двора в Гранитный дворец — значит рисковать попасть под неприятельские выстрелы, не имея возможности их отразить. Так, может, стоит прямо отправиться на охоту за этими разбойниками?

— Я тоже так думал, — ответил Пенкроф. — Полагаю, что нас не испугает какая-нибудь пуля, и пусть господин Сайрес скажет хоть слово, я сию минуту готов кинуться в лес за этими проклятыми! Черт возьми! Неужто порядочному человеку не справиться с разбойником?

— Но если порядочный человек один, а разбойников пятеро? — сказал инженер.

— Я пойду с Пенкрофом, — ответил Спилетт, — и мы вдвоем, хорошенько вооружившись, с Топом…

— Мой любезный Спилетт и вы, Пенкроф, — сказал Смит, — будем рассуждать хладнокровно. Если бы разбойники укрывались в каком-нибудь одном месте острова, если бы мы узнали это место и если бы нам предстояло только выбить их с занятой позиции, я бы согласился атаковать их в лоб. Но теперь существует ли на целом острове хоть одно место, где бы мы были уверены, что из-за угла не раздастся выстрел?

— Э, господин Сайрес, — воскликнул Пенкроф, — не от всякой пули смерти бояться! Не всякая пуля попадает!

— Однако пуля, ранившая Герберта, Пенкроф, не погрешила промахом, — ответил инженер. — Заметьте еще и то, что, если вы оба уйдете со скотного двора, мне придется его защищать в одиночку. Можете ли вы поручиться, что разбойники, увидев, как вы отсюда уйдете, не нападут на скотный двор, зная, что остался только один человек с раненым мальчиком?

— Ваша правда, ваша правда, — ответил Пенкроф, подавляя ярость. — Они пустятся на любые хитрости, чтобы завладеть скотным двором, потому что знают, что тут много съестных припасов. Вы один не сможете с ними справиться. Ах, кабы мы были в Гранитном дворце!

— Да, в Гранитном дворце совсем другое дело! — ответил Смит. — Там я не побоялся бы оставить Герберта с одним из нас, а трое остальных могли бы отправиться в лес на розыски.

На доводы Смита ответить было нечего, и товарищи инженера хорошо это понимали.

— Если бы Айртон уцелел! — сказал Спилетт. — Несчастный человек! Не надолго же он очнулся и пожил между людьми!

— Неужели он умер?.. — сказал Пенкроф довольно странным тоном.

— А что же, Пенкроф, вы надеетесь, что эти негодяи его пощадят? — спросил Спилетт.

— Да отчего ж им его не пощадить, коли он может им понадобиться?

— Как! Вы полагаете, что Айртон, попав к своим старым сообщникам, забыл все, чем он нам обязан?..

— Почем знать, — ответил моряк, который не без некоторого колебания решился высказать такое предположение.

— Пенкроф, — сказал Смит, взяв моряка за руку, — у вас появилась недобрая мысль, и вы бы меня крайне огорчили, если бы стали ее защищать. Я ручаюсь за верность Айртона!

— И я тоже, — с живостью прибавил Спилетт.

— Да… да… господин Сайрес… я сказал глупость, — ответил Пенкроф. — Каюсь, бедняга Айртон не заслужил этого… Но что поделаешь! Мне черт знает какая дрянь лезет в голову. Этот плен на скотном дворе меня бесит, и я еще отроду так не злился, как теперь!

— Терпение, Пенкроф, — ответил Смит. — Как вы рассчитываете, Спилетт, когда Герберт настолько поправится, что будет безопасно перевезти его в Гранитный дворец?

— Это трудно решить, потому что малейшая неосторожность может повлечь за собою пагубные последствия. До сих пор выздоровление идет успешно, и я надеюсь, что дней через восемь он достаточно окрепнет.

Прошло уже два весенних месяца. Стояла чудесная погода, началась жара. Леса красовались в великолепном зеленом убранстве, близился срок уборки урожая. Следовательно, по возвращении в Гранитный дворец сразу же начнутся полевые работы, которые продлятся вплоть до дня задуманной экспедиции.

Читатели поймут, как пагубно отражалось на благосостоянии колонии это вынужденное заточение. И хотя приходилось молча покоряться необходимости, поселенцев грызла тревога.

Через неделю! Значит, возвращение в Гранитный дворец откладывается до первых чисел декабря.

Раз или два журналист все же выбрался из загона и обошел вокруг ограды. С ним отправился Топ. Гедеон Спилетт, держа карабин наперевес, был готов к любой неожиданной встрече.

Но никто не попадался ему на пути, никаких подозрительных следов он не обнаружил. Верный пес, конечно, предупредил бы его лаем об опасности, но Топ молчал; ясно было, что опасаться некого, по крайней мере в данную минуту, и что пираты убрались в другую часть острова.

Во время второго осмотра, 27 ноября, Топ напал на какой-то след. Спилетт, который на сей раз рискнул углубиться на четверть мили в чащу леса у южного склона горы, вдруг заметил, что Топ забеспокоился. Пес уже не скакал с беспечным видом, он носился взад и вперед, обнюхивая траву и кусты, словно чуя нечто подозрительное.

Гедеон Спилетт последовал за Топом, науськивая его и посылая вперед, а сам зорко глядел по сторонам, взяв карабин на изготовку и пользуясь каждым деревом как естественным прикрытием. Вряд ли Топ почуял присутствие человека, ибо в таких случаях он начинал отрывисто и глухо

лаять, словно гневался на невидимого врага. А сейчас он даже не ворчал, — следовательно, опасность была еще далеко.

Вдруг собака стремительно бросилась в кустарник и вытащила оттуда лоскуток какой-то материи.

Это был кусок запачканной и разорванной одежды, который Спилетт тотчас же принес на скотный двор.

Здесь колонисты осмотрели его и увидели, что то был кусок куртки Айртона — клок войлочной материи, которая была изготовлена в мастерской Гранитного дворца.

— Видите, Пенкроф, — заметил Смит, — вот доказательство сопротивления несчастного Айртона. Каторжники увели его насильно! Неужели вы еще сомневаетесь в его честности?

— Нет, господин Сайрес, — ответил Пенкроф, — я уже давно раскаялся в своем минутном недоверии. Но из этого еще одно можно вывести.

— Что вывести? — спросил Спилетт.

— То, что Айртона не убивали на скотном дворе. Если он сопротивлялся, стало быть, его тащили живого! Может, он еще жив?..

— Действительно, это может быть, — ответил Смит, остававшийся все время в задумчивости.

Найденный клочок одежды был проблеском надежды для товарищей Айртона. Они сперва думали, что Айртон, застигнутый на скотном дворе, пал под пулей, как это случилось с Гербертом. Но если разбойники с самого начала не убили его, если они его живого отвели в какую-нибудь другую часть острова, то разве нельзя допустить, что он и теперь находится в плену? Быть может даже, кто-нибудь из них узнал в Айртоне своего старого австралийского товарища, Бена Джойса, предводителя беглых каторжников. Кто поручится, что они не надеялись снова сделать Айртона своим союзником и помощником. Он был бы очень полезен, если бы им удалось склонить его к предательству.

— Во всяком случае, надеюсь, что мы скоро увидим Айртона, — сказал Спилетт. — Если только он действительно находится в плену, он сделает все, чтобы вырваться из рук разбойников, и чем скорее это случится, тем лучше для нас!

— Ах, как бы мне хотелось, чтобы он был в Гранитном дворце, — вскричал Пенкроф, — и чтобы мы тоже наконец там очутились! Хотя негодяи и не подступятся к самому дому, зато они могут опустошить плоскогорье, разорить наши плантации, уничтожить наш птичий двор.

За время пребывания на острове Линкольна Пенкроф стал завзятым фермером и всей душой привязался к своим огородам и полям. Но надо сказать, что и Герберт рвался в Гранитный дворец, он понимал, как необходимо присутствие там колонистов, и сознавал, что своей болезнью всех задерживает.

Несколько раз он умолял Спилетта не откладывать переезда, но тот, опасаясь, что едва затянувшиеся раны Герберта могут открыться во время передвижения, не хотел так рисковать жизнью мальчика.

Неожиданный случай заставил Смита и его товарищей уступить просьбам Герберта, и одному небу известно, скольких горестей и угрызений совести могла им стоить такая уступка!

29 ноября, в семь утра, Топ сильно залаял.

Смит, Пенкроф и Спилетт схватились за ружья и вышли из домика.

Топ, добежав до ограды, начал прыгать и лаять, но, казалось, не от гнева, а от удовольствия.

— Кто-то идет!

— Да!

— Но только это не враг!

— Может быть, Наб идет?

— А вдруг Айртон?

Не успели колонисты обменяться этими короткими фразами, как над оградой появился некто и легко спрыгнул на землю.

Это был Юп, дядюшка Юп, собственной персоной!

Топ принял приятеля с самыми горячими изъявлениями дружбы.

— Юп! — воскликнул Пенкроф.

— Его послал Наб! — сказал Спилетт.

— В таком случае, — ответил инженер, — на нем должна быть записка.

Смит не ошибся. На шее у Юпа висел маленький мешочек, а в нем лежала записка.

Нельзя себе представить отчаяние Смита и его товарищей, когда они прочли следующее: «Пятница, 6 ч. утра. Разбойники напали на плато. Наб».

Колонисты, не произнося ни слова, поглядели друг на друга и вернулись в домик.

Что оставалось делать? Разбойники на плато Дальнего Вида — это значило грабеж и разорение!

Герберт по одному их виду понял, что положение ухудшилось, а когда заметил Юпа, то решил, что Гранитному дворцу угрожает опасность.

— Господин Сайрес, — сказал он, — я хочу в

Гранитный дворец. Я уже поправился и легко могу перенести это путешествие!

Спилетт приблизился к Герберту; затем, поглядев на него, сказал:

— Ну, поедем!

Вопрос о том, перенести ли Герберта на носилках или доставить на повозке, привезенной Айртоном на скотный двор, был скоро решен. На носилках раненому, конечно, было бы покойнее, но для них требовались два носильщика; следовательно, в случае, если на дороге произойдет нападение, у колонистов будет двумя ружьями менее.

— Надо перевезти его на повозке, — сказал инженер. — Мы его уложим на матрасах и будем ехать так осторожно, что он не почувствует толчков.

Погода стояла отличная. Сквозь листву деревьев пробивались яркие солнечные лучи.

— Как ты себя чувствуешь, Герберт? — спросил Смит.

— Ах, господин Сайрес, — ответил мальчик, — будьте покойны, я не умру в дороге!

Произнеся эти слова, бедный ребенок, видимо, собрал всю свою энергию и силы, готовые скоро угаснуть.

Смит почувствовал, как у него болезненно сжалось сердце. Он еще колебался, подавать ли знак к отъезду. Но затягивание переезда могло привести Герберта в отчаяние, а быть может, и убить.

— Вперед! — сказал наконец инженер.

С повозкой было бы трудно пробираться лесом, поэтому колонисты вынуждены были отправиться по дороге скотного двора, хотя она, вероятно, и

была знакома разбойникам.

Смит и Спилетт шли по обеим сторонам повозки и были готовы встретить неожиданное нападение. Впрочем, каторжники, вероятно, еще не успели покинуть плато Дальнего Вида. Записка Наба, очевидно, была написана и отправлена в тот момент, когда он только заметил их появление. Записка была помечена шестью часами утра, и ловкий орангутанг, привыкший часто посещать скотный двор, мог самое большее за три четверти часа преодолеть расстояние в пять миль. Следовательно, можно было предполагать, что если колонистам и придется взяться за оружие, то только совсем близко от Гранитного дворца.

Юп с дубиной в лапах и Топ, забегая то вперед, то в сторону от дороги, то в лес, не выказывали признаков тревоги.

Телега приближалась к плато. Еще миля, и должен был показаться мостик на Глицериновом ручье. Смит был уверен, что этот мостик опущен, потому что разбойники перешли через него и, перейдя, из предосторожности не подняли его на случай отступления.

Наконец в просвете между стволами деревьев блеснуло море. Повозка продолжала двигаться

вперед.

Вдруг Пенкроф остановил онагра и гневно воскликнул:

— Ах, проклятые!

Он указал товарищам на густой дым, поднимавшийся над мельницей и птичником.

Среди этого дыма суетился какой-то человек. То был Наб.

Колонисты окликнули товарища. Наб услыхал и побежал к повозке.

Разбойники с полчаса тому назад покинули плато, опустошив его совершенно.

— А господин Герберт? — воскликнул Наб.

Спилетт подошел к повозке.

Герберт лежал без чувств.

X. Между жизнью и смертью

Разбойники, пожар на плато — все было забыто.

Колонисты устроили из ветвей носилки и уложили на них матрас, а затем поместили туда Герберта, который все еще не пришел в сознание.

Подъемник был приведен в движение, и скоро Герберт лежал в Гранитном дворце на своей кушетке.

Колонистов поглотила забота о Герберте, страх за него. Кто мог сказать, какие пагубные последствия будет иметь этот переезд в повозке? Спилетт и его товарищи были в отчаянии.

Наконец мальчик пришел в себя. Он улыбнулся, как бы обрадовавшись, что снова очутился в своей комнате, но так ослабел, что едва мог прошептать несколько слов.

Спилетт тотчас же осмотрел раны. Он боялся, что они снова открылись… Раны были в прежнем состоянии. Вследствие чего же произошел такой упадок сил?

Между тем мальчик впал в какой-то лихорадочный сон; Спилетт и Пенкроф остались у его

постели.

В это время Смит передал Набу, что случилось на скотном дворе, а Наб, в свою очередь, рассказал господину, что произошло на плато.

Каторжники только прошлой ночью появились на лесной опушке, неподалеку от ручья. Наб, находившийся в это время у птичьего двора, выстрелил в одного из разбойников, который намеревался перебраться через ручей; но ночь была такая темная, что он не мог достоверно сказать, попала ли пуля в этого негодяя. Во всяком случае, одного выстрела было недостаточно для того, чтобы разогнать всю шайку каторжников, и Наб поспешил подняться в Гранитный дворец.

Но что делать дальше? Как воспрепятствовать грабежу, которым каторжники грозили плато Дальнего Вида? Как предупредить товарищей? В каком положении находились товарищи на скотном дворе?

Набу пришла мысль послать Юпа с запиской, надеясь на удивительную понятливость орангутанга. Юп понимал слова «скотный двор», которые часто при нем произносились, и, если помнит читатель, обезьяна очень часто ездила туда в сопровождении Пенкрофа. Рассвет еще не наступил. Ловкий орангутанг мог легко пройти

незамеченным через лес; притом разбойники всегда могли принять его за одного из лесных обитателей.

Наб не колебался. Он написал записку, привязал ее на шею Юпу, привел его к двери Гранитного дворца, с которой спустил длинную веревку до самой земли; затем несколько раз повторил: «Юп! Юп! Скотный двор! Скотный двор!»

Орангутанг понял, уцепился за веревку, быстро спустился на песчаный берег и, не замеченный разбойниками, исчез в темноте.

— Ты хорошо сделал, Наб, — ответил Смит, — но, быть может, ты сделал бы еще лучше, если бы нас не уведомлял!

Говоря это, Смит думал о Герберте, для которого переезд оказался так пагубен.

Наб закончил свой рассказ. Разбойники не показывались на морском берегу. Не зная числа жителей на острове, они могли предположить, что Гранитный дворец охранялся значительным отрядом. Они, вероятно, еще не забыли, как во время атаки брига на них сыпались пули то с тех, то с других скал, и теперь не хотели рисковать. Зато плато Дальнего Вида было для них открыто и не простреливалось из Гранитного дворца. Тут-то они дали полную волю своим хищническим

наклонностям, грабя все подряд, поджигая строения, разрушая ради разрушения; они отступили только за полчаса до прибытия колонистов.

Наб выскочил из своего убежища. Рискуя быть убитым, он поднялся на плато и пытался потушить пожар, охвативший строения, но бесполезно бился до того самого момента, когда телега показалась на лесной опушке.

Спилетт остался в Гранитном дворце возле Герберта и Пенкрофа, а Смит в сопровождении Наба отправился осматривать разрушения, произведенные каторжниками.

По счастью, разбойники не подходили к основанию Гранитного дворца. В противном случае мастерские «Труб» тоже не уцелели бы. Но разорение в «Трубах» было бы поправить гораздо легче, чем опустошения, произведенные на плато.

Смит и Наб направились к реке и пошли по левому берегу, не встречая никаких следов разбойников. На другом берегу реки, в густом лесу, тоже не было видно подозрительных признаков их пребывания.

Можно было выдвинуть два предположения: каторжники узнали о возвращении колонистов в Гранитный дворец, так как могли видеть их на дороге скотного двора, или же после разграб-

ления плато они углубились в лес Жакамара, следуя по реке Милосердия, и ничего не знали о возвращении колонистов.

В первом случае они должны были вернуться к скотному двору, который теперь никем не защищался и где для них было много драгоценной добычи.

Во втором случае они, вероятно, вернулись в свой лагерь и выжидали удобного момента, чтобы предпринять новое нападение.

В обоих случаях их действия надо было предупредить, но всякая попытка с целью истребить этих бесчеловечных негодяев зависела от состояния здоровья Герберта. Смит не мог располагать всеми силами колонии, и в данное время никто не мог отлучиться из Гранитного дворца.

Инженер и Наб прибыли на опустошенное плато. Поля были вытоптаны. Хлебные колосья, начинавшие созревать, лежали на земле. Другие посевы не менее пострадали. Огород был уничтожен.

По счастью, в Гранитном дворце еще оставался большой запас овощей.

Что касается мельницы, строений птичьего двора и конюшни онагров, то все это было истреблено огнем. Несколько испуганных животных

бегало по плато. Пернатые, которым удалось укрыться от пожара в озере Гранта, уже вернулись в свое обычное помещение и рылись на берегу. Здесь все надо было строить заново.

Лицо Смита было бледнее обыкновенного и выказывало внутренний гнев, который он едва мог сдерживать, но инженер не произносил ни единого слова. Он в последний раз поглядел на свои истребленные поля, на дым, еще поднимавшийся с развалин, затем вернулся в Гранитный дворец.

Следовавшие за этим дни были самые печальные, какие только приходилось колонистам проводить на острове Линкольна. Силы Герберта заметно иссякали. По-видимому, его состояние существенно осложнилось вследствие перенесенного глубокого потрясения. Он почти непрерывно находился в каком-то забытьи, и у него несколько раз начинался бред. Все лекарства, которыми располагали колонисты, состояли в прохладительном питье. Лихорадка еще была не особенно сильна, но приступы повторялись каждый день.

6 декабря был первый сильный приступ. Бедный мальчик, у которого пальцы, нос и уши совсем побелели, сперва почувствовал легкий озноб, так называемую предлихорадочную дрожь. Пульс бился еле слышно и неровно, кожа

сделалась сухая, появилась сильная жажда. За ознобом последовал жар: лицо оживилось, кожа покраснела, пульс ускорился; вслед за тем выступил обильный пот, после которого лихорадка, по-видимому, уменьшилась. Приступ продолжался около пяти часов.

Спилетт не отходил от Герберта.

— У него перемежающаяся лихорадка, это несомненно, — сказал он инженеру. — Надо чем бы то ни было ее остановить в самом начале, иначе будет плохо. А чтобы остановить ее, необходимо какое-нибудь противолихорадочное средство.

— Противолихорадочное средство! — ответил Смит. — У нас нет ни хинной коры, ни сернокислого хинина…

— Нет, — сказал Спилетт, — но на берегу озера растут ивы, а ивовая кора может иногда заменить хинин.

— Попробуем, не теряя ни минуты!

Действительно, ивовая кора, равно как и кора дикого каштана, листья остролиста, змеиная трава и прочие справедливо считаются средствами, отчасти заменяющими хинную корку.

Смит сам срезал несколько кусков коры со ствола черной ивы, сам истер их в порошок, который в тот же вечер принял Герберт.

Ночь прошла благополучно. Герберт немного бредил, но лихорадка не только ночью, а даже и на другой день не появлялась.

Пенкроф снова начинал надеяться. Спилетт ничего не говорил. Приступы могли быть не ежедневные, а через день, и, следовательно, надо было подождать, что будет на другое утро. Колонисты с большим беспокойством ждали наступления утра. Завтра все должно было решиться. И с какой тревогой в Гранитном дворце ждали этого завтрашнего дня!

Надо также заметить, что после приступов Герберт чувствовал себя совершенно разбитым, голова у него делалась тяжелая, в глазах темнело. Был еще один симптом, очень испугавший Гедеона Спилетта: печень у Герберта сильно увеличилась и воспалилась, а вскоре усилился бред, показывавший, что болезнь подействовала и на мозг.

Гедеон Спилетт был потрясен этим новым осложнением. Он отвел инженера в сторону и сказал:

— Это злокачественная лихорадка!

— Злокачественная? — воскликнул Сайрес Смит. — Вы ошибаетесь, Спилетт. Злокачественная лихорадка не может развиться так вот, сразу.

Надо, чтобы в организме уже были ее зачатки.

— Я не ошибаюсь. Если за первым приступом последует второй и если нам не удастся предупредить третьего, он погиб…

— А ивовая кора?..

— Это слишком слабое средство, — ответил Спилетт, — а третий приступ злокачественной лихорадки, если его не остановить посредством хины, всегда бывает смертелен!

По счастью, Пенкроф не слышал этого разговора. Он помешался бы с горя.

Понятно, в каком беспокойстве Смит и Спилетт провели день 7 декабря и всю следующую ночь. Среди дня начался второй приступ. Герберт словно чувствовал, что погибает. Он протягивал руки то к Смиту, то к Спилетту, то к Пенкрофу.

— Я не хочу умирать! — лепетал он.

То была душераздирающая сцена. Пенкрофа пришлось удалить.

Приступ продолжался пять часов. Было очевид-

но, что третьего Герберт не перенесет.

Ночь была ужасная. В бреду Герберт говорил вещи, от которых разрывалось сердце колонистов. Он говорил о каторжниках, сражался с ними, звал Айртона. Он умолял таинственного покровителя колонии скорее явиться на помощь, ему все мерещилось его лицо. Затем он совершенно ослабел. Спилетт несколько раз думал, что бедный мальчик умер.

На другой день, 8 декабря, больной ослаб еще более. Ему дали новую дозу толченой ивовой коры, но Спилетт уже не ждал от этого пользы.

— Если до наступления завтрашнего утра, — сказал он, — мы не дадим Герберту более сильного противолихорадочного лекарства, он умрет!

Наступила ночь, быть может, последняя ночь для этого отважного, доброго, милого, умного мальчика, которого все любили, как родного сына. Единственного средства, которое существовало против страшной злокачественной лихорадки и которым можно остановить ее, не было на острове.

В течение этой ночи, с 8 на 9 декабря, бред усилился. Герберт уже никого не узнавал.

Около трех часов утра Герберт вдруг вскрикнул. Казалось, наступила его последняя минута.

Испуганный Наб, сидевший возле него, кинулся в соседнюю комнату, где были прочие колонисты.

В эту минуту Топ как-то странно залаял…

Все тотчас вошли в комнату Герберта и удержали умирающего мальчика, который хотел соскочить с постели; Спилетт, взяв руку больного, почувствовал, что пульс у него ускоряется…

Было пять часов утра. Лучи восходящего солнца начинали пробиваться в комнаты Гранитного дворца. День обещал быть превосходным, и этот день мог быть последним в жизни бедного Герберта…

Один луч солнца скользнул по столу, который стоял возле кровати больного.

Вдруг Пенкроф с криком указал на какой-то предмет, лежавший на столе…

То была маленькая продолговатая коробочка, на крышке которой было написано:

«Сернокислый хинин».

XI. На поиски

Спилетт взял коробочку и открыл. В ней было около двухсот гран белого порошка, который он попробовал. Страшная горечь подтвердила, что надпись на крышке не обманула.

Надо было, не медля ни секунды, дать Герберту это лекарство. Что же касается того, каким образом это лекарство тут появилось, то разговор об этом отложили.

— Дайте скорее кофе! — сказал Спилетт.

Спустя несколько минут Наб принес чашку теплого кофе. Спилетт всыпал туда восемнадцать гран хинина, и приготовленное таким образом лекарство дали выпить Герберту.

Лекарство появилось как нельзя кстати, потому что третий приступ еще не начался.

Все ободрились; все приняли за хороший знак это таинственное вмешательство, явившееся в самую ужасную минуту — в минуту, когда уже никто на него не рассчитывал, никто на него не надеялся.

Через несколько часов Герберт спал тихим, спокойным сном, и колонисты могли свободно толковать о странном случае. На этот раз

благодетельное вмешательство таинственного покровителя было еще более очевидно, чем когда-либо.

Но каким образом мог проникнуть этот таинственный покровитель ночью в Гранитный дворец?

— Решительно необъяснимо! — восклицал Спилетт.

Начиная с этого дня через каждые три часа Герберту давали хинин.

Больной на другое утро почувствовал облегчение. Разумеется, это еще нельзя было назвать выздоровлением, тем более что перемежающиеся лихорадки весьма часто возвращаются и избавиться от них очень трудно. Но за Гербертом ухаживали так заботливо, что можно было надеяться на самый лучший исход болезни.

Спасительное лекарство было под руками, и, несомненно, недалеко находился и благодетель, снабдивший их этим лекарством.

— У меня отлегло от сердца! — говорил Пенкроф.

— Я могу похвалиться тем же, — отвечал Спилетт.

— Так вы теперь уверены, господин Спилетт, что Герберт выздоровеет? — спросил моряк.

— Уверен, Пенкроф, — отвечал Спилетт.

— Ну и я тоже.

Они не ошиблись. С 20 декабря Герберт начал заметно поправляться. Он был еще слаб, и Спилетт держал его на диете, но лихорадочные приступы не возвращались. Мальчик безропотно покорялся всем предписаниям своего доктора.

— Ах, если бы мне скорее выздороветь! — говорил он.

Пенкроф испытывал нечто подобное тому, что должен испытывать человек, которого только что вытащили из пропасти на свет божий. Иногда он словно пьянел от радости. Уверившись, что не будет третьего приступа, он кинулся к Спилетту и так стиснул его в своих объятиях, что репортер газеты «Нью-Йорк геральд» чуть не задохнулся. С этих пор моряк называл его не иначе как «доктор Спилетт».

— Надо разыскать настоящего доктора, — говорил Спилетт.

— Будьте покойны, разыщем, — ответил Пенкроф, — и уж кто бы он ни был, пусть не прогневается: я не утерплю — обниму его крепко!

Окончился декабрь, а вместе с ним и 1867 год, ознаменовавшийся такими тяжелыми для линкольнских колонистов испытаниями.

Новый, 1868 год они встретили весело, обрадованные выздоровлением Герберта. Погода стояла превосходная. Зной умерялся свежим ветерком с моря.

— Я точно оживаю, — говорил Герберт. — Как мне хорошо!

Постель его была придвинута к открытому окну, и он с наслаждением вдыхал чистый морской воздух. У больного появился сильный аппетит, и Наб придумывал для него разные превкусные блюда.

— Кабы всех больных так кормили, — говорил Пенкроф, — то всякому бы хотелось поболеть.

В продолжение всего этого времени каторжники не показывались. Об Айртоне не было ни слуху ни духу. Только Герберт и инженер еще сохраняли слабую надежду его отыскать, остальные же колонисты давно решили, что несчастный погиб.

— Скоро наши сомнения разрешатся, — говорил Спилетт. — Как только Герберт совершенно поправится, мы организуем экспедицию и все расследуем.

— А как скоро Герберт совершенно поправится? — спросил Пенкроф. — Через месяц?

— Да, через месяц, верно, поправится, — отве-

чал Спилетт. — Ему с каждым днем все лучше и лучше. Раны почти совершенно зажили.

Весь январь колонисты были заняты работами на плато Дальнего Вида. Они собрали, что возможно, из хлебных посевов и огородных овощей, потоптанных разбойниками.

Во второй половине января Герберт начал вставать с постели. Сначала он вставал на один только час, потом на два, потом на три. Он был здоровый, крепкий юноша, и силы его быстро восстанавливались. В этом январе ему минуло восемнадцать лет. Он был высокого роста и обещал сделаться видным, красивым мужчиной.

— Ну, теперь я совсем выздоровел! — говорил Герберт.

— Все же не мешает быть осторожным, — отвечал ему строгий доктор Спилетт.

К концу месяца Герберт уже прогуливался по плато и по морскому берегу. Морские купания, на которые он отправлялся в сопровождении Пенкрофа и Наба, принесли ему огромную пользу. Смит, видя, что его любимец поправился, счел возможным назначить день экспедиции.

— Ночи теперь светлые, — сказал он, — что весьма удобно для наших исследований.

Начались сборы в дорогу. Колонисты покля-

лись не возвращаться домой, пока не истребят каторжников, не разузнают, какая судьба постигла Айртона, и не разыщут таинственного покровителя, столько раз помогавшего колонии. Они исследовали, но довольно поверхностно, побережье залива Вашингтона — от мыса Коготь до Змеиного мыса, а также леса и болота вдоль западного берега и бесконечные дюны, доходившие до залива, похожего на полуоткрытую пасть акулы.

Но им совершенно были незнакомы большие леса, покрывавшие полуостров Извилистый, весь правый берег реки Милосердия, левый берег реки Водопада и лабиринт отрогов, ущелий и долин, охватывающий своей запутанной сетью гору Франклина с трех сторон — с запада, севера и востока, а там, вероятно, существовали глубокие ущелья и пещеры. Следовательно, несколько тысяч акров площади острова еще не подверглись изучению. Поэтому участники экспедиции приняли решение отправиться в путь через леса Дальнего Запада и обследовать весь правый берег реки Милосердия.

— Я полагаю, — сказал Смит, — нам следует двигаться через леса Дальнего Запада, так чтобы пройти по всему правому берегу реки Милосер-

дия.

После некоторых прений предложение Смита было принято.

— Нам предстоит продвигаться вперед с топорами в руках, — сказал Смит.

— Ничего, — отвечал Спилетт, — зато нам предстоит честь проложить здесь первую дорогу.

— Дорожка будет, надо думать, подлиннее воробьиного носа, — сказал Пенкроф. — Как вы полагаете, господин Смит, на много миль она протянется?

— Миль на шестнадцать или семнадцать.

Повозка была в отличном состоянии. Онагры, вволю успевшие отдохнуть, могли легко совершить предстоявшее продолжительное путешествие. Съестные припасы, лагерные принадлежности, подвижная кухня, разные инструменты, оружие и охотничьи снаряды — все это было уложено в телегу.

Колонисты решили взять Топа и Юпа. Неприступный дворец не нуждался ни в чьей охране и защите.

14 февраля, канун отъезда, приходилось на воскресенье. Колонисты весь день посвятили отдыху.

Герберту, уже поздоровевшему, но все еще

несколько слабому, было оставлено место в повозке.

На другой день с рассветом Смит принял необходимые меры для ограждения покоев Гранитного дворца от всякого нападения. Веревочные лестницы, по которым некогда колонисты поднимались, были отнесены в «Трубы» и глубоко зарыты в песок, барабан подъемника был разобран, и от прежнего аппарата ничего не оставалось на месте. Пенкроф последним покидал Гранитный дворец и, разобрав подъемник, спустился на берег по длинной веревке, которую зацепили за выступ утеса и обоими концами укрепили внизу так, что ее легко было выдернуть и тем уничтожить всякое сообщение между верхней площадкой и подножием гранитной стены.

Погода стояла превосходная.

— Денек жаркий! — весело сказал Спилетт.

— Э, доктор Спилетт, — ответил Пенкроф, — мы по таким чащам будем пробираться, что и солнца-то не увидим!

— В путь! — сказал Смит.

Наб взялся править онаграми. Смит, Спилетт и Пенкроф отправились вперед. Топ резво и весело побежал. Герберт предложил Юпу место около себя, и орангутанг, нисколько не церемонясь,

воспользовался его любезностью.

Несколько миль повозка могла свободно объезжать деревья, стоявшие на порядочном расстоянии друг от друга; время от времени колонистам приходилось то там, то сям обрезать лианы и рубить кустарники, но пока еще никакого серьезного препятствия не обнаруживалось.

Тележка завернула за выступ гранитного кряжа и, проехав милю по левому берегу реки Милосердия, переправилась по мосту на другой берег, где уже начиналась дорога к бухте Воздушного Шара; оставив дорогу слева, двинулись в тени высоких деревьев по обширным лесам Дальнего Запада.

На протяжении первых двух миль деревья не смыкались в непролазную чащу, и тележка свободно проезжала между ними; иногда путникам приходилось разрубать топором сплетения лиан или прокладывать дорогу в зарослях кустарника. Но никакие серьезные препятствия не задерживали отряд.

В густой тени ветвистых деревьев стояла приятная прохлада. Вокруг раскинулось необозримое лесное царство, где, чередуясь, высились деодары, дугласы, казуарины, банксии, камедные деревья, драцены и образцы других древесных пород, уже встречавшихся колонистам.

Были тут в сборе и все представители птичьего населения острова: тетерева, жакамары, фазаны, лори, шумливые стайки какаду, попугаев и попугайчиков. Пробегая между кустами, мелькали агути, кенгуру, водосвинки — все напоминало колонистам их первые экспедиции по острову.

— Я, однако, замечаю, — сказал Смит, — что пернатые и четвероногие теперь гораздо боязливее, чем во время наших первых экспедиций.

— Это легко объяснить, Сайрес, — ответил Спилетт. — Каторжники, вероятно, побывали здесь раньше нас и напугали их.

— Может быть, Спилетт.

— Что ж они следов не оставили? — сказал Пенкроф. — Нигде не видно следов…

— Погодите, Пенкроф, найдем и следы.

Действительно, скоро они увидели лежавшие на земле срубленные, вероятно для прокладывания пути, деревья, пепел от погасшего костра и, наконец, отпечатки ног, еще сохранившиеся в некоторых местах на глинистой почве.

— Я советую вам, друзья мои, воздержаться от охоты, — сказал Смит Спилетту и Пенкрофу. — Ружейные выстрелы могут привлечь разбойников: они, вероятно, рыскают в этом лесу.

После полудня дорога стала гораздо труднее.

То и дело приходилось рубить деревья на пути. Подходя к каким-нибудь густым зарослям, Смит посылал на разведку Топа и Юпа; когда орангутанг и собака возвращались из чащи, не выказывая никаких признаков беспокойства, это значило, что опасность не угрожала ни со стороны разбойников, ни со стороны диких зверей.

Вечером колонисты расположились лагерем милях в девяти от Гранитного дворца, на берегу небольшого притока реки Милосердия. До сих пор они и не подозревали о существовании этого притока.

Поужинав с большим аппетитом после такой утомительной ходьбы, колонисты начали думать, как обезопасить себя на время ночи.

— Если бы нам приходилось опасаться только диких зверей, ягуаров например, — сказал Смит, — то стоило бы только развести вокруг лагеря костры, и это застраховало бы нас от возможных нападений; но дело в том, что кострами мы не отпугнем, а скорее привлечем каторжников, и поэтому лучше держаться в темноте.

Установили строгий распорядок дозора: караульные по двое должны были следить за окрестностью и сменяться каждые два часа. Герберта, несмотря на его протесты, освободили от

дежурства. Решили, что Пенкроф и Спилетт в одной смене, а Смит с Набом в другой должны поочередно стоять на страже около лагеря.

Впрочем, ночь была короткая, темнота скорее зависела от густой тени, царившей под ветвистыми деревьями, чем от отсутствия солнца. Тишину лишь изредка нарушал хриплый рев ягуара да язвительный хохот обезьян, видимо особенно раздражавший почтенного Юпа.

Во второй день удалось пройти только шесть миль, потому что дорогу на каждом шагу приходилось прокладывать топором.

В этот день Герберт нашел новые растения, какие еще колонистам до сих пор не встречались, а именно древовидные папоротники с висячими ваями и рожковые деревья; на длинные стручья этих последних с жадностью накинулись онагры.

— Попробуйте мякоть, господин Смит, — сказал Герберт, подавая стручок инженеру. — Какова на вкус?

— Превосходная! — отвечал Смит.

— Точно сахар, — сказал Пенкроф.

Еще немного далее колонисты нашли великолепные каури, расположенные красивыми группами; их цилиндрические стволы, увенчан-

ные конусами зелени, возвышались на высоту двухсот футов.

— А вот они, цари-деревья Новой Зеландии! — сказал Спилетт. — В них действительно есть что-то царское, и они по величине не уступят самим ливанским кедрам.

Что касается фауны, то она пока не представляла других образцов, кроме тех, которые уже прежде попадались колонистам. Впрочем, они видели, но издали, пару огромных птиц, живущих преимущественно в Австралии, — род казуаров, называемых эму, имеющих коричневое оперение и принадлежащих к отряду бескилевых птиц.

Топ со всех ног кинулся преследовать интересную пару, но казуары легко оставили его позади.

— Вот птички так птички! — сказал Пенкроф. — Как это они на таких ходулях так носятся: быстрее ветра!

С бандитами путникам не пришлось столкнуться, но следы их они опять обнаружили в лесу.

— Смотрите, смотрите, — сказал Пенкроф, — здесь недавно разводили огонь! Видите, головешки еще не совсем остыли…

— А вот, кажется, и отпечатки ног, — заметил Спилетт.

— Нет, господин Спилетт, это на человеческие следы не похоже, — возразил Герберт. — Посмотри, Наб, посмотрите, господин Смит.

— Вижу, мой друг, — отвечал инженер, — и полагаю, что Спилетт не ошибается…

— А вот и еще следы! — крикнул Пенкроф. — Глядите! Ого! Да тут проходил не один, а несколько человек.

— А вот мы сейчас увидим, сколько именно, — сказал Смит.

— Это как же?

— У проходивших, вероятно, ноги не одинаковой величины, и отпечатки подошв, значит, разных размеров. Мы вымеряем каждый отпечаток и тогда узнаем, сколько тут прошло человек.

— Правда, правда! Эх, голова-то у вас, господин Смит: все вы можете придумать, всякую хитрую штуку можете измыслить!

— Ну, эта штука не особенно хитра, — улыбнулся инженер. — Давайте-ка вымерять.

— Давайте! Давайте!

Все усердно принялись за дело и не замедлили удостовериться, что прошли пять человек.

— Пятеро! — проговорил Смит.

— Ну так и есть! — отвечал Пенкроф. — Каторжников ведь осталось пять.

— Значит, Айртона с ними не было! — воскликнул Герберт. — Поищем еще: может, мы как-нибудь просмотрели…

Но следа шестого человека не оказалось.

— Да, Айртона тут не было! — повторил с огорчением Герберт.

— Не было, — подтвердил Пенкроф, — а если не было, так это знак, что разбойники его убили. Желал бы я повидаться с этими зверями! Они теперь, верно, забились где-нибудь в пещеру… Только бы мне отыскать их берлогу! Я бы их там обложил, как тигров, и уж тогда — держись!

— Я не думаю, что они забрались в какую-нибудь пещеру, — сказал Спилетт. — По-моему, вероятнее, что они бродят теперь наугад, ожидая той минуты, когда завладеют островом и сделаются его полными хозяевами.

— Хозяевами острова? — воскликнул Пенкроф. — Хозяевами нашего острова Линкольна?

Голос моряка вдруг прервался, словно какая-то железная рука сдавила ему горло. Спустя несколько минут он проговорил спокойнее:

— Знаете ли вы, господин Спилетт, какой пулей я зарядил сегодня свое ружье?

— Нет, не знаю, Пенкроф, — отвечал Спилетт.

— Той самой, что прострелила грудь Герберта.

И я обещаю вам, что эта пуля попадет в цель!

— Каково бы ни было отмщение, оно все-таки не возвратит жизни Айртону! — сказал Спилетт.

— Так вы не сомневаетесь, что Айртон убит? — воскликнул Герберт.

— Трудно в этом сомневаться…

В этот вечер колонисты расположились лагерем в четырнадцати милях от Гранитного дворца. По расчету Смита, до Змеиного мыса оставалось всего каких-нибудь пять миль.

На следующий день они благополучно достигли оконечности полуострова и перерезали лес во всю его длину, но никаких признаков убежища таинственного покровителя не нашли.

XII. Освободились

Весь день 18 февраля был посвящен исследованию леса между берегами полуострова Извилистого. Колонистам удалось основательным образом обследовать весь этот лес, который шел полосой от трех до четырех миль ширины, ограниченной берегами полуострова. Могучие ветвистые деревья свидетельствовали о поразительном плодородии почвы, — пожалуй, здесь земля была самой плодородной на всем острове. Казалось, сюда, в умеренный пояс, природа перенесла уголок девственных тропических лесов Америки или Центральной Африки. Очевидно, буйная растительность находила в этой почве, влажной в верхнем своем слое и согреваемой изнутри вулканическим огнем, тепло, не свойственное умеренному климату. Преобладающими породами в лесу были каури и эвкалипты, достигавшие тут гигантских размеров.

Но колонисты пришли сюда не для того, чтобы восхищаться великолепной растительностью. Они уже знали, что в этом отношении остров Линкольна мог потягаться с группой Канарских островов, которые сначала названы были

Счастливыми островами. Теперь, увы, остров Линкольна уже не принадлежал колонистам полностью — другие завладели им, на землю его ворвались изверги, и нужно было истребить их всех до единого.

Здесь также не нашли никаких следов, как старательно ни разыскивали.

— Хоть бы один какой след, — говорил Пенкроф, — хоть бы где веточка сломанная или горсточка золы от костра!.. Ни колышка, ничего!

— Меня это не удивляет, — отвечал Смит. — Каторжники высадились неподалеку от мыса Находки и тотчас же бросились в леса Дальнего Запада, пройдя через Утиное болото. Шли они, вероятно, той же дорогой, что и мы, когда расстались с Гранитным дворцом. Оттого мы и наткнулись на следы, оставленные ими в лесу. Но, выбравшись на побережье, пираты поняли, что им не найти сносного убежища, и тогда они опять направились на север, обнаружили наш загон…

— Перешли, значит, Утиное болото? — заметил Пенкроф.

— Да. Они, вероятно, следовали почти по той же дороге, по которой мы вышли из Гранитного дворца, — этим я объясняю следы, попадавшиеся

нам в лесу…

— А куда же они, по-вашему, потом повернули? — спросил Пенкроф.

— Они легко сообразили, что на побережье не найдут безопасного убежища, и поднялись к северу.

— Тут-то они и открыли скотный двор?

— Куда теперь, быть может, воротились? — заметил Спилетт.

— Пожалуй, что и так! — вздохнул моряк. — Каково это представить, что они теперь там распоряжаются!

— Я не думаю, что они решились снова забраться на скотный двор, — сказал Смит.

— Почему не думаете, господин Смит?

— Они могут рассудить, что мы отправимся на розыски именно в ту сторону. Скотный двор может им служить для добывания провизии, а никак не убежищем.

— Я с вами совершенно согласен, — сказал Спилетт. — По-моему, знаете, где каторжники?

— Где?

— Около горы Франклина, среди утесов: там они могли себе выискать отличнейшую берлогу.

— Так давайте отправимся прямо на скотный двор, господин Смит! — воскликнул Пенкроф. —

Пора уж с ними покончить: мы здесь понапрасну время теряем!

— Нет, мы не теряем время напрасно, Пенкроф. Нам необходимо было убедиться, нет ли в лесах Дальнего Запада какого-нибудь жилья… Вы забываете, что наша экспедиция имеет двоякую цель: мы должны наказать преступников и, кроме того, заплатить долг признательности.

— Правда, правда, господин Смит: каждое ваше слово — золото, ей-богу!.. Только знаете что?

— Что, Пенкроф?

— Мы только тогда найдем этого джентльмена, когда ему так будет угодно!

— Я согласен с Пенкрофом, — сказал Спилетт. — Да и все, я полагаю, с ним в этом согласны. Убежище нашего неизвестного покровителя, без сомнения, так же таинственно, как и он сам.

Вечером повозка остановилась у устья реки Водопада. Путешественники приняли на ночь обычные меры предосторожности.

Герберт вновь стал крепким и здоровым юношей, каким он был до болезни, ему пошла на пользу жизнь на вольном воздухе, океанские ветры и живительное благоухание лесов. Он скоро перестал садиться в телегу и не только шел наравне с другими, но по большей части даже

забегал вперед.

— Ну что, Герберт, как себя чувствуешь? — спрашивал время от времени Спилетт.

— Отлично, господин Спилетт! — отвечал юноша.

— Он теперь опять у нас молодец! — вмешивался Пенкроф. — И не заметно, что хворал.

— Я после этой болезни стал гораздо сильнее, — уверял всех Герберт.

На следующий день, 19 февраля, колонистам пришлось долго пробираться по узкой долинке, извивавшейся между двумя громадными отрогами горы Франклина. Деревья редели. Местность была гористая, почва неровная. Путники стали подниматься левым берегом вверх по течению. Дорога там была в значительной ее части расчищена во время прежних походов от скотного двора до западного берега. Колонисты уже находились в шести милях от горы Франклина.

Сайрес Смит предложил следующий план: держа под тщательным наблюдением всю долину, по которой пролегало русло реки, осторожно подойти к скотному двору; если он захвачен — отбить его силой; если он свободен — укрепиться там и сделать его средоточием дальнейших походов для обследования горы Франклина.

План этот был единодушно одобрен — ведь колонистам не терпелось вновь стать хозяевами на своем острове!

Итак, путники направились по узкой долине, разделявшей два самых больших отрога горы Франклина. Рощи, теснившиеся по берегам речки, редели, поднимаясь к вершине вулкана. Местность вокруг была гористая, изрезанная оврагами и ущельями, очень удобная для вражеских засад, и продвигаться тут следовало с большой осторожностью. Топа и Юпа пустили вперед; бросаясь то направо, то налево в лесные заросли, они прекрасно выполняли обязанности разведчиков, соперничая друг с другом в сообразительности и ловкости. Однако не было никаких признаков, говоривших, что кто-то бродил недавно по берегам горного потока, что пираты находятся где-то поблизости.

Около пяти часов вечера повозка остановилась в шестистах шагах от скотного двора, скрываясь за густыми деревьями.

— Здесь пока подождем, — сказал Смит.

— Чего тут ждать? — спросил Пенкроф.

— Нельзя идти туда прямо, — отвечал инженер. — Если каторжники там — что весьма может быть, — то это значит подставить себя под пулю…

Надо подождать до ночи.

— Это слишком долго, Смит, — возразил Спилетт. — Я попробую отправиться сейчас же… Не беспокойтесь, я буду осторожен.

— И я с вами, господин Спилетт! — сказал Пенкроф.

— Нет, друзья мои, нет, — сказал инженер, останавливая нетерпеливых товарищей. — Обождите до ночи. Я не допущу, чтобы кто-нибудь из вас отправился днем… Это был бы безумный риск!

— Да помилуйте… — начал было нетерпеливый Пенкроф.

— Я вас прошу, Пенкроф… — сказал инженер.

— Извольте, — отвечал моряк.

И чтобы облегчить хоть немного душу, он принялся честить каторжников.

Колонисты поместились около повозки и зорко наблюдали.

Так прошло три часа. Ветер утих. Такое было безмолвие, что, хрустни самая тонкая веточка, зашурши трава, зашелести листва, все тотчас было бы слышно. Но ниоткуда не доносилось ни малейшего звука. Топ лежал, не выказывая признаков тревоги.

В восемь почти совершенно стемнело.

Спилетт и Пенкроф отправились, останавливаясь при малейшем подозрительном шуме, продвигаясь вперед с величайшей осторожностью.

В пять минут они очутились на лужайке близ скотного двора.

Здесь они остановились.

На лужайке было еще не совсем темно; в тридцати шагах обрисовались ворота скотного двора, которые, казалось, были заперты. Предстояло перейти эти тридцать шагов, и тут-то начиналась настоящая опасность; из-за частокола могла вылететь пуля или даже несколько пуль и положить на месте отважных разведчиков.

Не такие были люди Спилетт и Пенкроф, чтобы струсить и отступить, но они знали, что за малейшую неосторожность могут поплатиться жизнью, а жизнь их была для товарищей драгоценна. Если они будут убиты, какая участь постигнет Смита, Герберта и Наба?

Невзирая на все эти соображения, Пенкроф до того пылал гневом, что, забыв все, двинулся было к скотному двору. Спилетт схватил его за руку и вовремя остановил.

— Скоро совсем стемнеет, — шепнул он на ухо

своему нетерпеливому товарищу, — и тогда двинемся… Иначе испортим дело.

Пенкроф судорожно сжал ружье.

Скоро исчез последний отблеск зари. Тень словно выступила из темного леса и покрыла лужайку. Гора Франклина едва обрисовывалась на горизонте. Ночь наступила чрезвычайно быстро, как это всегда бывает в низких широтах.

Минута действовать наступила.

Спилетт и Пенкроф не теряли из виду изгороди скотного двора с тех пор, как вышли из леса. На скотном дворе, казалось, не было ни души. Частокол обозначался во мраке черной ровной линией. Если каторжники засели на скотном дворе, то именно здесь, около частокола, они должны были бы поставить часового.

Спилетт пожал руку товарищу. Оба направились ползком к скотному двору, держа ружья наготове.

Они без всякой помехи добрались до ворот.

Пенкроф попробовал отворить ворота, но они были заперты, как, впрочем, и предполагали разведчики. Однако моряк убедился, что засовы не задвинуты.

Из этого можно было заключить, что каторжники находились на скотном дворе и изнутри

приперли ворота.

Спилетт и Пенкроф остановились и начали прислушиваться.

Они не могли уловить никакого шума, ни малейшего звука. Муфлоны и козы, вероятно, спали, в хлевах было тихо.

Спилетт и Пенкроф, ничего не услыхав, задали себе вопрос: не перелезть ли через частокол? Однако это противоречило указаниям Сайреса Смита.

Попытка могла увенчаться успехом, но она могла привести и к поражению. Ведь если пираты ничего не подозревают о готовящемся нападении, то сейчас есть возможность захватить их врасплох. И разве можно рисковать все испортить, неосмотрительно перебравшись через ограду?

Журналист не хотел действовать очертя голову. Он думал, не лучше ли подождать, пока все соберутся, а тогда уж попытаться проникнуть в загон. Во всяком случае, ясно было, что к ограде можно подобраться незаметно и что ее никто не охраняет. Установив это обстоятельство, разведчики решили вернуться к своим и обсудить с ними положение.

Пенкроф, очевидно разделявший теперь эту точку зрения, безропотно последовал за журна-

листом, когда тот повернул обратно, к лесу.

Спустя несколько минут разведчики передали все, что следовало, инженеру.

Смит с минуту подумал и сказал:

— Я начинаю убеждаться, что каторжников нет на скотном дворе.

— А вот когда мы туда проберемся, тогда и узнаем, — отвечал Пенкроф.

— На скотный двор, друзья! — сказал Смит.

— Мы оставим телегу в лесу? — спросил Наб.

— Нет, — отвечал инженер, — повозка должна следовать за нами: в ней все наши запасы и в случае нужды мы из-за нее можем стрелять, как из укрытия.

— Вперед! — сказал Спилетт.

Повозка выехала из леса и бесшумно покатила к изгороди. Кругом царствовали совершенная темнота и глубокое безмолвие. Шаги замирали в густой траве.

Колонисты зорко оглядывались и каждую минуту готовы были дать отпор неприятелю. Юп по приказанию Пенкрофа держался позади. Наб, опасаясь, как бы Топ не бросился вперед, вел его на веревке.

Благополучно достигли частокола. Телегу остановили. Наб остался около онагров. Остальные

направились к воротам посмотреть, не закрыты ли они изнутри на засовы.

Одна створка ворот была отворена!

— Что ж вы говорили, что ворота заперты? — сказал Смит, обращаясь к Спилетту и Пенкрофу.

Те были так поражены, что не сразу нашли ответ.

— Голову даю на отсечение, что ворота были заперты, — проговорил наконец Пенкроф.

— Ворота были заперты, — подтвердил Спилетт.

Сомневаться в их показаниях было немыслимо. Смит задумался.

Значит, каторжники были на скотном дворе в то время, когда Пенкроф и Спилетт подкрадывались к изгороди?

В этом трудно было сомневаться: в отличие от нынешнего раза, тогда ворота были заперты. Кто же, кроме каторжников, мог их отпереть?

Теперь вопрос заключался в том, были ли еще разбойники тут или ушли.

Но кто мог на это ответить?

Вдруг Герберт, который проскользнул было в ворота, поспешно отступил и схватил Смита за руку.

— Что такое? — спросил инженер.

— Свет!

— В домике?

— Да!

Действительно, в окне, находившемся как раз против ворот, виднелся слабый свет.

Смит сразу сообразил, как действовать.

— Для нас большое счастье захватить каторжников в домике, когда они не ожидают нападения. Теперь они наши! Вперед!

Смит, Пенкроф, Спилетт с одной стороны, а Герберт и Наб — с другой осторожно обошли двор внутри, держась около частокола.

Везде было пусто и темно.

Через несколько минут все они уже были подле домика, перед запертой дверью.

Смит сделал товарищам рукою знак не трогаться с места и тихонько подкрался к слабо освещенному окошку. Глаза его жадно устремились внутрь комнатки.

На столе горел фонарь. Видна была кровать.

На кровати лежал человек…

Вдруг Смит проговорил глухим голосом:

— Айртон!

Колонисты ринулись в комнату.

Айртон, казалось, спал. Лицо его говорило, что он долго и жестоко страдал. Руки и ноги были

изранены.

Смит наклонился над ним.

— Айртон! — воскликнул он, взяв руку товарища, так неожиданно обретенного.

При звуке этого голоса Айртон открыл глаза, пристально посмотрел на Смита, потом на остальных… Вдруг он вскочил и воскликнул:

— Это вы? Это вы?

— Айртон! Айртон! — повторял Смит.

— Где я? — спросил Айртон.

— В своем домике, на скотном дворе!

— Один?

— Да.

— Но они придут, они сейчас придут! — воскликнул Айртон. — Защищайтесь! Защищайтесь!

И, совершенно обессилев, он снова упал на кровать.

— Спилетт, — сказал инженер, — на нас с минуты на минуту могут напасть… Надо поскорее ввезти телегу во двор. Затем заприте хорошенько ворота и возвращайтесь все сюда!

Спилетт и два его товарища быстро перешли двор и достигли ворот, за которыми, слышно было, Топ глухо рычал.

Инженер, оставив на минуту Айртона, тоже вышел из домика с ружьем в руках. Герберт был около него. Оба с беспокойством наблюдали вершину утеса, у подножия которого находился скотный двор. Если каторжники засели в ущелье

этого утеса, то они могли легко перебить всех колонистов поодиночке.

В эту минуту из-за черного, густого леса показалась луна. Мягкий свет разлился кругом. Скотный двор осветился весь, со всеми своими группами деревьев, небольшим ручьем, протекавшим по лугу, и лужайками, поросшими высокой травой.

Скоро показалась черная движущаяся масса. То была повозка, въезжавшая в круг света, и Смит услышал, как захлопнулись ворота и загремели засовы.

Вдруг Топ оборвал привязывавшую его веревку, неистово залаял и кинулся в глубину скотного двора, направо от домика.

— Друзья, готовьтесь! — крикнул Смит.

Все схватили ружья и приготовились стрелять.

Топ не переставал лаять; к нему присоединился Юп, испуская резкий свист, что у него служило признаком тревоги.

Колонисты поспешили за обезьяной на берег ручья, осененного большими деревьями.

И что же они увидели при лунном свете?

Пять трупов лежали почти рядом.

То были трупы каторжников, высадившихся четыре месяца назад на остров Линкольна.

XIII. Судья острова Линкольна

Что произошло? Кто наказал каторжников?

Быть может, Айртон?

Нет, потому что всего минуту назад Айртон страшился возвращения бандитов.

Айртон находился в каком-то забытьи; после нескольких произнесенных им слов он закрыл глаза и лежал неподвижно.

Колонисты в большом волнении провели всю ночь, не отходя от постели Айртона. Понятно, с каким нетерпением они ожидали, когда очнется их несчастный товарищ.

На следующий день Айртон очнулся, и колонисты дружески его приветствовали и радовались, что он опять с ними после ста четырех дней разлуки.

— Ведь почти целых четыре месяца мы не видались! — сказал Пенкроф. — И уже сколько мы передумали за это время! Я так уже решил, что вас нет в живых… А вот вы и опять с нами. И хоть малую толику помяты, а все-таки целы!

Айртон в кратких словах рассказал все, что было ему известно.

На другой же день после его прибытия на скот-

ный двор на него напали каторжники, скрутили руки веревками, завязали рот и стащили в темную пещеру у подошвы горы Франклина, где они устроили себе убежище.

Они решили его умертвить, но один каторжник его узнал и назвал по имени, которое он носил в Австралии. Разбойники без колебания готовы были убить Айртона, но они пощадили Бена Джойса.

Однако пощада дорого обошлась Айртону: прежние сообщники начали постоянно его мучить, уговаривая снова к ним присоединиться и заодно с ними действовать. Они надеялись, что он поможет им завладеть Гранитным дворцом, поможет проникнуть в это неприступное жилище, перерезать колонистов и завладеть островом.

Айртон, разумеется, не соглашался. Бывший каторжник скорее бы умер, чем изменил своим товарищам…

Разбойники все-таки не теряли надежды склонить его на свою сторону, и Айртон, которого держали связанным и под строжайшим надзором, целых четыре месяца промучился в их вертепе.

Каторжники, оказалось, обнаружили скотный двор вскоре после своей высадки на остров и с тех

пор похищали отсюда провизию, но не решались тут поселиться. 11 ноября двое каторжников, застигнутые врасплох прибытием колонистов, выстрелили в Герберта. Из них вернулся в пещеру только один и хвастался товарищам, что убил островитянина.

Другой каторжник, как уже известно читателю, погиб от кинжала Смита.

Все время, пока колонисты, задержанные болезнью Герберта, пробыли на скотном дворе, каторжники не покидали пещеры; раз только они решились на новый разбой, но, опустошив плато Дальнего Вида, снова вернулись в свое убежище.

С каждым днем они все хуже и хуже обращались с Айртоном. На руках и ногах несчастного человека еще видны были кровавые рубцы от веревок, которыми он жестоко был скручен день и ночь. Он каждую минуту ожидал смерти и уже скорее желал ее, чем боялся. Погибель его казалась неотвратимой.

Так продолжалось до третьей недели февраля. Каторжники, подстерегая благоприятную минуту, редко выходили из пещеры; отправляясь на охоту, они обыкновенно углублялись внутрь острова или прокрадывались на южный берег. Айртон не имел никаких сведений о друзьях и по-

терял всякую надежду когда-нибудь их увидеть.

Наконец вследствие бесчеловечного обращения несчастный до того ослабел, что лежал целые дни в каком-то забытьи, ничего не видя и не слыша. Начиная с этой минуты он утратил представление о происходящем. Впал он в забытье дня два назад.

— Но я не понимаю одного, господин Смит, — прибавил Айртон.

— Чего, Айртон?

— Я был связан в пещере, меня стерегли… Как же я очутился вдруг на скотном дворе?

— А как очутились здесь мертвые каторжники? — отвечал инженер.

— Мертвые? — воскликнул Айртон.

Невзирая на свою слабость, он приподнялся на постели:

— Я хочу их видеть!

Все вместе направились к ручью.

Утро уже наступило. Яркое солнце сияло на небе.

На берегу ручья были распростерты пять трупов. Казалось, смерть поразила их мгновенно.

На Айртона это зрелище произвело жуткое впечатление. Смит и остальные товарищи глядели на него, не произнося ни слова.

По знаку Смита Наб и Пенкроф осмотрели тела каторжников.

Ни на одном не было никакой раны или ушиба. Но после тщательного осмотра Пенкроф обнаружил на лбу у одного мертвеца красную маленькую, едва заметную точку. Такая же точка была на груди у другого мертвеца, на спине у третьего, на плече у четвертого и пятого.

— Вот что их убило! — сказал Смит, указывая на крохотный красный значок.

— Каким же оружием, Смит, они убиты? — спросил Спилетт.

— Оружием, поражающим мгновенно, как молния.

— Но каким именно?

— Этого я не знаю. Да, быть может, и никто, кроме поразившего, не знает…

— Да кто же их поразил? — спросил Пенкроф.

— Судья острова Линкольна! — отвечал Смит. — Тот, кто перенес вас на скотный двор, Айртон, тот, кто все время нам покровительствовал, тот, кто делал для нас все, чего мы сами не могли делать…

— Тот, кто после всех неоценимых услуг от нас скрывается! — прибавил Спилетт.

— Давайте его искать! — воскликнул Пенкроф.

— Давайте, — отвечал Смит. — Но человека, совершающего почти сверхъестественные вещи, мы найдем только тогда, когда он сам позволит…

Это невидимое покровительство трогало и вместе с тем раздражало инженера. Великодушный благодетель, избегавший всякого общения с облагодетельствованными, не желавший видеть их признательности, как будто выказывал им некоторое пренебрежение, что, по мнению Смита, значительно портило благодеяние и уменьшало ему цену.

— Давайте искать, — продолжал инженер, — и дай бог, чтобы нам когда-нибудь посчастливилось доказать этому высокомерному благодетелю, что он имеет дело с людьми не неблагодарными. Чего бы я не дал, чтобы ответить ему тем же, оказать ему, хотя бы ценою жизни, какую-нибудь услугу!

С этого дня поиски таинственного покровителя сделались единственной заботой колонистов.

— Разыщем нашего неизвестного благодетеля! — говорил Спилетт. — Обшарим все до единого ущелья в горе Франклина. Не оставим ни одного углубления, ни единой щелки необследованными. Если когда-нибудь репортер газеты был заинтересован тайной, не дающей ему покоя, так это я, друзья мои! Я жажду в нее проникнуть!

— Дадим себе слово не возвращаться в Гранитный дворец, пока не отыщем своего доброго гения! — предложил Герберт.

— Мы сделаем все, что возможно, чтобы его отыскать, — ответил инженер, — но, повторяю вам, мы найдем его только тогда, когда ему самому это будет угодно!

— Мы пока останемся, значит, на скотном дворе? — спросил Пенкроф.

— Да, — отвечал Смит. — Провизии вдоволь, и здесь мы в центре круга наших поисков. Если надо побывать в Гранитном дворце, то у нас есть повозка и пара онагров.

— Отлично, — сказал моряк. — Только вы одно забываете, господин Смит.

— Что такое, Пенкроф?

— А то, что весна близко и нам надо совершить плавание.

— Плавание, Пенкроф? Какое плавание?

— То есть не плавание, а скорее переезд.

— Переезд? — спросил Спилетт.

— Да, господин Спилетт. Вы забыли про Табор? Вы забыли, что необходимо отвезти записку, где будет сказано, что Айртон теперь на острове Линкольна? Иначе как шотландская яхта это узнает, когда за ним приплывет? И то, быть может, мы

уже опоздали!

— Как же вы думаете совершить этот переезд, Пенкроф? — спросил Айртон.

— На «Благополучном».

— На «Благополучном»? — воскликнул Айртон. — «Благополучный» уничтожен!

— Мой «Благополучный» уничтожен? — взревел Пенкроф.

— Да, — отвечал Айртон. — Каторжники случайно обнаружили бухту Воздушного Шара… Это было дней восемь тому назад… Увидели ботик, отправились на нем в море и…

— И что? — спросил Пенкроф, у которого сердце стучало, как молот.

— Из них только Боб Гарвей умел управлять судном… Они не справились, судно ударилось о скалы и разбилось вдребезги.

— Ах злодеи, ах разбойники, негодяи!

Пенкроф разразился целым потоком проклятий.

— Полно, Пенкроф, успокойся, — сказал Герберт, взяв моряка за руку. — Мы построим себе другой ботик, еще больше, еще лучше «Благополучного». Ведь все железо, все снасти уцелели и в нашем распоряжении.

— Да ты знаешь ли, что на постройку судна в

тридцать или сорок тонн потребуется по крайней мере пять, а то и шесть месяцев? — отвечал Пенкроф.

— Ну что же делать, — сказал Спилетт. — Мы в этом году не поплывем на остров Табор.

— Что сделано, того не воротишь, Пенкроф, — сказал Смит, — и в таком случае самое лучшее — покориться судьбе. Отложим поездку на остров Табор и будем надеяться, что это не повлечет за собой неприятных последствий.

— Ах, мой «Благополучный»!.. — вскрикивал не раз Пенкроф.

На общем совете было решено построить как можно скорее новое судно.

Затем колонисты занялись исключительно обследованием всех глухих местечек острова.

Поиски начались в тот же день и продолжались целую неделю. Между утесами, окружавшими гору Франклина, находился лабиринт прямых и боковых долин, расположенных очень прихотливо. Очевидно, там, в глубине этих ущелий, быть может, даже в гранитной массе самой горы следовало искать убежище таинственного покровителя. На всем острове не было места, более пригодного для устройства жилища, хозяин которого желал остаться невидимкою.

Но долины и ущелья были так извилисты, что в них легко было заблудиться, и потому поиски проводились весьма осмотрительно. Смит начертил план действий.

Прежде всего колонисты осмотрели долину, которая открывалась к югу от вулкана и из которой вытекала река Водопада. Тут Айртон указал им пещеру, где укрывались каторжники.

Эта пещера была совершенно в том же виде, в каком оставил ее Айртон. Колонисты нашли в ней кое-какую провизию.

Вся долина, примыкавшая к пещере и окруженная прекрасными деревьями, среди которых господствовали хвойные, была обследована с величайшим тщанием. Затем колонисты осмотрели юго-западные утесы и, обогнув их, углубились в узкое ущелье среди живописно нагроможденных базальтовых глыб.

Здесь деревьев было меньше. Траву заменил камень. Среди утесов прыгали дикие козы и муфлоны. Тут начиналась бесплодная часть острова. Уже можно было заметить, что из многочисленных долин, разветвлявшихся у подножия горы Франклина, только три богаты лесом и пастбищами, как, например, долина, избранная для скотного двора и граничившая на западе с

долиной реки Водопада, а на востоке — с долиной Красного ручья. Оба эти ручья начинались где-то в горах, а ниже, вобрав в себя несколько притоков, они превращались в речки, орошавшие южную часть острова. Реку Милосердия питали главным образом обильные родники, терявшиеся в густой чаще леса Жакамара; бесчисленные струйки подпочвенных вод, изливавшихся такими же родниками, орошали полуостров Извилистый.

Одна из вышеупомянутых долин, где не было недостатка в питьевой воде, вполне подходила для убежища какого-нибудь отшельника: он мог найти тут все необходимое для жизни. Колонисты тщательно исследовали все три долины, но нигде не обнаружили присутствия человека.

Где же таинственный незнакомец нашел себе пристанище? Может быть, на северном склоне, в диких ущельях, среди обвалившихся скал, в бесплодных теснинах, между застывшими потоками лавы?

У подошвы горы Франклина с северной стороны пролегали только две широкие и неглубокие долины; они были совсем лишены зелени, усеяны валунами, испещрены длинными полосами морен и потоками застывшей лавы, меж которых вздымались буграми вулканические горные

породы и лежали россыпью мелкие обломки обсидиана и лабрадорита. Эта часть острова потребовала долгих и трудных исследований. В склоны горы врезалось здесь множество пещер, конечно совсем неудобных для жилья, но совершенно скрытых от глаз и почти неприступных.

Но колонисты ни перед какими препятствиями не останавливались. Они даже посетили темные туннели, образовавшиеся в плутоническую эпоху. Эти туннели проходили сквозь массу гранита, и стены их еще сохраняли копоть, свидетельствовавшую о проходе подземных огней.

Колонисты, вооружившись горящими сосновыми ветками, тщательно осмотрели все до одной темные галереи, обшарили каждое углубление.

Но никогда, казалось, нога человека не ступала по этим древним проходам, никогда человеческая рука не перемещала ни одной из этих вековых глыб.

Однако, невзирая на то, что подземные галереи были совершенно пусты и в них царила глубокая темнота, Смит скоро должен был убедиться, что тут не было того безмолвия, которое можно ожидать в подобном месте.

Пройдя в глубину одной галереи, тянувшейся на несколько сотен футов внутри гранитной

массы, он был крайне удивлен, услышав глухой грохот.

Спилетт тоже услышал этот отдаленный гул. Они несколько раз останавливались, чтобы лучше прислушаться, и решили, что это подземные удары.

— Вулкан, значит, не совсем потух! — сказал Спилетт.

— Весьма возможно, что с тех пор, как мы обследовали кратер, в нижних пластах горы произошли какие-нибудь сдвиги, — отвечал Смит. — Всякий вулкан, считающийся потухшим, может снова вспыхнуть.

— Значит, мы можем ожидать извержения?

— Пожалуй что можем.

— И острову угрожает опасность?

— Не думаю, чтобы угрожала: кратер, то есть предохранительный клапан, существует, следовательно пары и лава будут извергаться этим путем.

— А что, если лава проложит себе новую дорогу и потечет на плодородную часть острова?

— Нет основания предполагать это, любезный Спилетт. Гораздо вероятнее, что она потечет по готовому уже пути.

— Э! Вулканы капризны! — сказал Спилетт.

— Заметьте, что гора Франклина несколько наклонена именно в ту сторону. Это должно способствовать излиянию лавы в долины, которые мы теперь исследуем. Только землетрясение может переместить центр тяжести и направить потоки лавы в другую сторону.

— До сих пор мы еще не видели над горой ни малейшего дыма, — сказал Спилетт, — значит ничто пока не предвещает близкого извержения.

— Да, — отвечал Смит, — дыма не заметно. Я еще вчера долго наблюдал вершину горы. Но весьма возможно, что в нижней части кратера, долгое время остававшегося в покое, нагромоздились обломки скал, отвердевшая лава, пепел, и вследствие этого предохранительный клапан чересчур придавлен. При первом серьезном взрыве, конечно, все это разлетится, как пух, и вы можете быть спокойны, любезный Спилетт, что ни остров, который представляет собой паровик, ни вулкан, который я уподобил предохранительному клапану, не лопнут вследствие давления газов. Но, повторяю, я все-таки, если бы мог, предотвратил бы извержение.

— Прислушайтесь, Сайрес, — сказал Спилетт. — Слышите, точно отдаленный гром? Это гремит в самом вулкане.

— Да, — отвечал Смит, с минуту прислушивавшийся к глухому подземному грохоту. — Подземная работа совершается. Увидим, что будет!

Смит и Спилетт сообщили товарищам о возможности извержения.

— Вот тебе раз! — воскликнул Пенкроф. — Старый потухший вулкан хочет разгуляться! Пусть попробует, как раз осадят!

— Кто же осадит? — спросил Наб.

— Наш невидимка, Наб, наш невидимка! Как только он заметит, что кратер пошаливает, он сейчас его прикроет, как ты прикрываешь кастрюлю, и — конец!

Как видит читатель, вера Пенкрофа в новоявленное божество, повелевающее островом, была непреложна, да и, надо сказать, таинственная сила, проявлявшаяся до сих пор во многих и многих случаях, казалась всемогущей. Но этот чародей ускользал от самых тщательных поисков, и, невзирая на все старания колонистов, на их усердие и, главное, на их упорство в исследовании острова, скрытое убежище до сих пор не было обнаружено.

С 19 до 25 февраля колонисты обследовали всю северную часть острова Линкольна, обшарили каждый уголок, каждую ямку; потом обыска-

ли всю гору, начиная с подошвы до усеченного конуса, заканчивавшего первый этаж утесов, а затем — до самых верхних зубцов громадной шапки, в глубине которой открывался кратер. Инженер даже составил очень точную карту горы и ее отрогов, и колонисты обошли их все до самых отдаленных уголков. Исследовали они также верхнюю террасу и возвышавшуюся на ней конусообразную вершину, вплоть до снеговой шапки, белевшей на ее макушке, в которой зияла воронка кратера.

Колонисты сделали более: они спустились в пропасть, в которой явственно слышались подземные глухие раскаты.

Но нигде колонисты не нашли следов таинственного доброго гения. Чародей не хотел показываться. Невзирая на все усердные, упорные, неустанные поиски колонистов, его таинственное жилище не было открыто.

Тогда они направились к дюнам и тщательно осмотрели снизу доверху высокие стены из лавы, окружавшие залив Акулы.

Никого! Ничего!

В этих двух словах подразумевалось столько бесполезно потраченного времени, столько трудов, сил, что наконец Смит и его товарищи без

раздражения не говорили уже о дальнейших поисках.

Ни к чему не ведущие поиски не могли продолжаться вечно.

— Знаете, что я думаю? — сказал Пенкроф, когда решено было прекратить дальнейшие обследования.

— Что, Пенкроф? — спросил Герберт.

— А то, что наш невидимка не живет на острове.

— А где же, ты полагаешь, он живет?

— Право, не придумаю, дружок, — отвечал моряк, разводя руками. — Может, в воде, может, еще где…

— Он везде может жить, где ни пожелает… хоть на облаках, — уверенно заметил Наб.

25 февраля колонисты возвратились в Гранитный дворец и с наслаждением отдохнули после тяжелых трудов утомительной экспедиции. При помощи двойного каната, который привязали к стреле и закинули на выступ площадки, они восстановили сообщение между своим жилищем и берегом.

Месяц спустя, 25 марта, они праздновали трехлетнюю годовщину своего пребывания на острове Линкольна.

XIV. Пробуждение вулкана

Прошло три года с тех пор, как пленные улетели из Ричмонда на воздушном шаре, и за эти три года сколько раз они говорили о родине!

Они не сомневались, что междоусобная война давным-давно окончена, и им казалось немыслимым, чтобы Север, то есть правое дело, не восторжествовал. Но как велась эта жестокая война? Сколько крови было пролито? Кто из их друзей пал в битве?

Ничто не обещало им скорого возвращения в родные места, но они мечтали, как отрадно было бы хоть на несколько дней снова их увидеть, снова установить связь с обитаемым миром, сообщение между Америкой и их островом, затем поселиться в этой колонии, которую они основали.

Неужто эта мечта неосуществима?

— А может, наш Невидимка перенесет нас в Америку? — прибавил Пенкроф.

— Что ж, захочет, так и перенесет! — ответил Наб.

— Если бы Набу или Пенкрофу сказали, что корабль в триста тонн ожидает нас в заливе Акулы

или в бухте Воздушного Шара, они бы ничуть не удивились! — улыбнулся Спилетт.

— Чего же удивляться? — спросил Пенкроф.

— Вы полагаете, что Невидимка все может?

— Полагаю, господин Спилетт, — ответил моряк.

— Я не могу похвалиться такой безграничной верой, — вмешался Смит, — и потому предлагаю серьезно обсудить вопрос о постройке судна. Не забывайте, что нам надо как можно скорее отвезти записку на остров Табор, иначе шотландская яхта может прийти и уйти…

— А сколько времени нам понадобится на постройку судна водоизмещением двести пятьдесят — триста тонн? — спросил Спилетт.

— Месяцев восемь. Самое меньшее — семь, — отвечал Пенкроф. — Только вот беда: зима наступает, а в холодную пору работать гораздо труднее. Надо, значит, положить еще недельку-другую на перерывы в работе. Да вот я вам что скажу: если наше судно будет готово к этому ноябрю, то и слава богу!

— Отлично! — сказал Смит. — Ноябрь всего благоприятнее и для близкого, и для дальнего плавания.

— Ну что ж, давайте приниматься за работу,

господин Смит, — отвечал моряк. — Чертите план — рабочие готовы. Айртон, надо полагать, кое-что понимает в этом деле и не откажется нам помочь.

Посовещались с остальными колонистами, те одобрили замысел инженера, и действительно, идея была превосходная. Правда, построить корабль водоизмещением от двухсот до трехсот тонн — задача нелегкая, но колонисты верили в свои силы, что вполне оправдывалось уже достигнутыми успехами.

Смит немедленно занялся составлением проекта и чертежами; остальные принялись заготавливать древесину.

Деревья должны были пойти на изогнутые шпангоуты на весь набор судна и на его обшивку. Леса Дальнего Запада дали им лучшие для кораблестроения породы дуба и вяза. Воспользовавшись просекой, которую прорубили во время последней экспедиции, проложили по ней дорогу, назвав ее дорогой Дальнего Запада; по ней бревна подвезли к «Трубам» и устроили там корабельную верфь. Что касается дороги, то она шла прихотливыми зигзагами, петляя в зависимости от расположения деревьев, выбранных для рубки, и все же благодаря ей значительная

часть полуострова Извилистого стала гораздо доступнее.

Колонисты спешили рубить и обтесывать деревья, так как сырая древесина не годилась для постройки судна и надо было, чтоб она успела высохнуть.

Линкольнские плотники работали с величайшим усердием весь апрель, в течение которого погода, к счастью, стояла довольно хорошая. Раза два или три случилась довольно сильная буря, но продолжалась недолго.

Дядюшка Юп ловко помогал рабочим, то карабкаясь на деревья и цепляя веревки, которыми тянули подрубленные дубы и вязы, то подставляя свои могучие плечи, когда требовалось дерево перетаскивать.

Закончив рубку, колонисты сложили дерево под широким дощатым навесом около «Труб» — там они должны были храниться, пока их не пустят в дело.

— Пусть теперь сохнет, — сказал Пенкроф, — а там и за постройку!

Колонисты успевали заниматься и хозяйственными работами. Ветряную мельницу отстроили заново; для птичника построили новое здание, гораздо красивее и больше.

В конюшне теперь стояло пять онагров, из которых четыре были отлично объезжены и служили попеременно то верховыми, то упряжными.

Кроме того, колонисты смастерили себе плуг и на онаграх теперь пахали землю.

Никто из линкольнцев не мог пожаловаться на недостаток работы, зато как замечательно влияла трудовая жизнь на их здоровье и расположение духа, как оживленно и приятно проводили они после рабочего дня вечер в Гранитном дворце, вспоминая прошлое, рассуждая о настоящем, строя тысячи планов на будущее!

Нечего и говорить, что Айртон жил в Гранитном дворце и что о возвращении на скотный двор не было и речи.

Но все-таки Айртон оставался печальным и гораздо охотнее участвовал в работах, чем в развлечениях. Работал он неутомимо, с толком, мастерски. Все любили и уважали бывшего каторжника, и он не мог этого не знать.

Скотный двор не был, однако, заброшен. Через каждые два дня кто-нибудь в повозке или верхом на онагре отправлялся проведать стада муфлонов и коз и привозил молоко, поступавшее в распоряжение повара и эконома Наба. Эти поездки обыкновенно предоставляли случай поохотить-

ся, а потому Спилетт и Герберт, захватив с собою Топа, чаще всех прогуливались на скотный двор; под их меткими выстрелами падало множество агути, водосвинок, кенгуру, кабанов, пекари, уток, тетеревов, жакамаров, бекасов, глухарей и прочей мелкой и крупной пернатой и четвероногой дичи.

Кроликов развелось многие сотни; устриц на отмели всегда было вдоволь; время от времени удавалось ловить черепах; стаи превосходных лососей снова заплыли в воды реки Милосердия, и новая ловля была чуть ли не обильнее прежней. На плато Дальнего Вида созревали всевозможные овощи; леса доставляли свои дикие, но прекрасные плоды — одним словом, богатства текли за богатствами, и Наб едва успевал с ними справляться.

Разумеется, телеграфное сообщение было восстановлено, и депеши по-прежнему исправно передавались, когда кто-нибудь из колонистов, отправившись на скотный двор, находил нужным там заночевать.

Остров был теперь снова безопасен.

— Теперь нечего бояться! — говорил Пенкроф.

— То, что случилось один раз, может случиться и в другой… — отвечал Смит.

— Как, господин Смит, вы думаете, что после беглых каторжников к нам пожалуют настоящие пираты?

— Все может случиться, Пенкроф. Не мешает чаще вести наблюдение за местами, где может пристать судно или лодка... Согласны вы со мной?

— Согласен. Уж вы что ни скажете, то всякое ваше слово — чистое золото!

Каждый день колонисты наводили из окон подзорную трубу на заливы Союза и Вашингтона. Отправляясь на скотный двор, они с таким же вниманием оглядывали западную часть побережья и, взбираясь на утесы, окружавшие гору Франклина, осматривали море в западном направлении.

Нигде не появлялось ничего подозрительного.

Решили с весны укрепить скотный двор вторым частоколом, гораздо выше прежнего, и, кроме того, сбоку прикрыть его деревянной крепостью, из которой в случае нужды можно будет отбиваться от неприятеля.

К 15 мая киль нового судна уже возвышался на дровяном дворе. Киль из отличного дуба имел в длину сто десять футов, что позволяло дать ему ширину двадцать пять футов. Вскоре почти

перпендикулярно к нему поднялись в пазах ахтерштевень на одном конце и форштевень — на другом. Но только это корабельные плотники и успели сделать до наступления ненастья и холодов. На следующей неделе еще поставили первые кормовые шпангоуты, а затем пришлось работы приостановить.

Пенкроф и Айртон, которые отличались особым усердием при постройке судна, пробовали работать и в плохую погоду. Они нимало не заботились, что ветер рвет с головы волосы, а под дождем они оба промокают до нитки.

— Напрасно вы теперь работаете, — говорил им Смит. — Это может вредно повлиять на ваше здоровье!

— Ничего не будет! — отвечал моряк.

Наступили сильные холода; дерево так затвердело, что работать было решительно невозможно, с чем согласился и сам упрямый Пенкроф. Около 10 июня постройка судна окончательно приостановилась.

Смит и его товарищи уже имели случай убедиться, как сурова здешняя зима. Холода не уступали холодам Новой Англии в Соединенных Штатах, хотя Линкольн — остров, а Новая Англия — часть материка, ничем не защищенная от

полярных ветров.

— Известно, — сказал однажды Смит, — что на островах и в прибрежных областях, лежащих на одинаковых широтах с материками, зимы гораздо теплее, чем на последних. В Ломбардии, например, зимы более суровы, чем в Шотландии. Это зависит от того, что море в зимнюю пору возвращает тепло, полученное им в летнее время. Острова первые пользуются этим теплом.

— Так отчего же наш остров выходит из общего закона? — спросил Герберт.

— Это трудно в точности объяснить, — отвечал инженер. — Вообще, Южное полушарие холоднее Северного…

— Да, холоднее, — отвечал Герберт. — Плавающие льды встречаются в нижних широтах чаще на юге, чем на севере Тихого океана.

— Правда, правда! — сказал Пенкроф. — Когда я плавал на китобойном судне, так видал айсберги — ледяные горы у мыса Горн.

— В таком случае холода на Линкольне можно объяснить присутствием плавучих или сплошных льдов на близком расстоянии? — заметил Спилетт.

— Весьма вероятно, любезный Спилетт. Замечу еще, что Южное полушарие несколько холоднее

полушария Северного вследствие чисто физической причины. Солнце к нему ближе летом, а потому зимой оно от него дальше. Зима суровее, зато лето очень жаркое.

Пенкроф нахмурил брови.

— А почему, господин Смит, — сказал он, — наше «полушарие», как вы его называете, так неровно устроено? Это несправедливо.

— Справедливо или нет, — отвечал, смеясь, инженер, — а деваться некуда! Происходит же эта особенность вот отчего. Орбита, по которой движется Земля вокруг Солнца, представляет собою не окружность, а эллипс, что соответствует разумным законам механики. Поэтому Земля в определенный момент достигает афелия, то есть точки наиболее далекой от Солнца, а в другое время — перигелия, то есть находится на самом коротком расстоянии от Солнца. И вот оказывается, что как раз во время зимы в странах Южного полушария Земля находится в точке, наиболее удаленной от Солнца, и, следовательно, в условиях, благоприятствующих тому, чтобы в этих областях были самые сильные холода. Тут уж ничего не поделаешь, Пенкроф, и самым ученым людям никогда не удастся что-либо изменить в устройстве Вселенной, установленном Господом

Богом.

— А ведь какие есть ученые! — проговорил Пенкроф. — Кабы записать все, что люди знают, какая бы толстая вышла книга, господин Смит!

— Она вышла бы еще толще, если бы записать все, чего они еще не знают, — отвечал Смит.

Вследствие тех или других причин в июне бóльшую часть времени колонисты вынуждены были сидеть у камина в Гранитном дворце.

Это заключение всех тяготило, и особенно Спилетта.

— Знаешь, Наб, — сказал он однажды негру, — я бы тебе написал дарственную, засвидетельствованную по всем правилам у нотариуса, и отдал бы в твою пользу все наследства, какие меня ждут, если б ты, как добрый малый, сходил куда-нибудь, где принимается подписка на газеты и журналы, да подписал меня хоть на какую-нибудь захудалую газетку! Если чего недостает моему счастью, так это наслаждения всякое утро узнавать, что накануне творилось на белом свете.

Наб добродушно рассмеялся.

— А я, господин Спилетт, — отвечал он, — только о том и думаю, что творится у нас на Линкольне да в моей кухне. Да нам и некогда читать — все у нас «процветает», как вы говорите, и дел по

горло!

Действительно, колония на острове процветала, и колонисты гордились, видя, что их трехлетние труды не пропали даром.

Разрушение брига «Быстрый» доставило им новые богатства. Не говоря уже о полной оснастке, которая могла послужить для нового судна, всевозможные инструменты и утварь, оружие и военные снаряды заваливали кладовые Гранитного дворца. Теперь уже не было нужды хлопотать о выделке грубого сукна. Если в первую свою зимовку они страдали от стужи, то теперь им нечего было ее страшиться.

В белье тоже недостатка не было, и к тому же колонисты содержали его в чрезвычайном порядке. Из хлористого натрия морской воды инженер легко извлекал натрий и хлор. Натрий, который нетрудно было обратить в соду, и хлор, из которого он добыл хлорную известь, использовались различным образом в хозяйстве, но преимущественно были полезны при стирке белья. Колонисты стирали не часто — всего четыре раза в год, как это делалось в старину в больших семейных домах.

Прибавим, что Пенкроф и Спилетт в ожидании, когда ему принесут газету, особенно отличались

в прачечном искусстве.

Так прошли зимние месяцы — июнь, июль и август. Они ознаменовались жестокими холодами — термометр в среднем держался около тринадцати градусов ниже нуля.

— Нынешняя зима будет холоднее прошлогодней! — говорил Пенкроф. — Ну да нам это теперь нипочем! Одежда у нас царская, топливо сбоку растет… И мы теперь столько запасли лесу, что каменный уголь можно жечь поэкономнее, потому что его труднее доставлять.

Люди и животные чувствовали себя отлично. Дядюшка Юп, правда, был немножко зябок, но ему сшили щегольской халат на вате; он перестал мерзнуть и опять прислуживал так же весело и бодро, как и летом.

Что это был за ловкий, усердный, неутомимый, проворный, скромный слуга! Его справедливо можно было поставить в пример всем двуногим слугам Старого и Нового Света.

— Молодец, молодец, слова нет! — говорил Пенкроф. — Но ведь коли Господь Бог дал четыре руки, так честному парню и стыдно не работать за двоих.

В продолжение семи месяцев со времени поисков около горы Франклина колонисты как будто

забыли о добром гении острова, и сам добрый гений ничем о себе не напоминал. Правда, в Гранитном дворце все было благополучно и никто из его обитателей пока ни в чем не нуждался.

Смит убедился, что если когда-нибудь этот добрый гений и проникал чудесным образом в Гранитный дворец через массу гранита, то теперь ничего подобного не случалось. Топ никогда более не рычал, и дядюшка Юп не выказывал никакой тревоги. Друзья — Топа и Юпа теперь нельзя было назвать иначе — уже не вертелись беспокойно около отверстия внутреннего колодца, не лаяли и не выли, как прежде, когда этот особенный лай и вой внушили Сайресу Смиту первое подозрение и побудили его исследовать колодец.

«Неужели я никогда не разгадаю этой загадки? — думал Смит. — Неужели таинственный благодетель исчез и не возвратится? Нет, это было бы слишком обидно! Что-то говорит мне, что он еще даст о себе знать… Кто знает, что готовит нам будущее? Подождем!»

Наконец зима окончилась. Но первые весенние дни ознаменовались явлением, которое могло иметь весьма важные последствия.

7 сентября Смит, посмотрев в сторону горы

Франклина, увидел, что над кратером вьется дымок.

XV. Телеграмма

Все бросили работу и долгое время безмолвно смотрели на дымящуюся вершину вулкана.

— Вулкан пробуждается! — сказал наконец Спилетт. — Уже его пары прорвали минеральный слой. Неизвестно, каких еще чудес натворит подземный огонь, но можно всего ожидать…

— То есть вы хотите сказать, что можно ожидать извержения? — спросил Смит.

— А вы какого мнения на этот счет, Смит? — Спилетт с интересом посмотрел на инженера.

— Я того мнения, Спилетт, что ожидать можно всего на свете… Впрочем, если и произойдет извержение, то я не думаю, чтобы от этого пострадал весь остров. Ведь извержение уже раз здесь было — об этом ясно свидетельствуют застывшие потоки лавы на северных склонах горы. Кроме того, отверстие кратера таково, что извергающиеся вещества должны непременно выбрасываться не на плодоносную часть Линкольна, а в противоположную сторону.

— Но ведь нельзя ручаться, Смит, что извержение произойдет именно через старый кратер, — возразил Спилетт. — Известно, что весьма

часто старые кратеры закрываются и образуются новые. Так случалось и в Старом, и Новом Свете: на Этне, на Попокатепетле, на Орисабе…

— Совершенно справедливо, Спилетт, — отвечал Смит, — накануне извержения можно всего опасаться. Достаточно землетрясения, которым нередко сопровождается извержение, — все строение горы изменяется, огненные потоки лавы прокладывают себе другой, новый путь. Я не хочу скрывать от товарищей, что нам может угрожать опасность, но вместе с тем я не полагаю, что эта опасность неизбежна, и волноваться заранее, по-моему, нечего…

— Мне кажется, что за Гранитный дворец нам ни в каком случае нечего бояться, — сказал Спилетт.

— Нет, если будет землетрясение, то пострадает, вероятно, и Гранитный дворец. Это, впрочем, будет зависеть от силы землетрясения, — ответил инженер.

— А уж скотному нашему дворику тогда, видно, несдобровать! — заметил Пенкроф. — Его смахнет и развеет, как какой-нибудь карточный домик!

— Что это вы все такое нехорошее придумываете, Пенкроф? — сказал Наб. — Есть о чем толковать!

— Твоя правда, Наб, — отвечал моряк. — Не стоит об этом толковать! Пойдем-ка лучше работать, дело-то веселее будет!

С этого утра дымок постоянно вился над вершиной горы, и даже можно было наблюдать, как с каждым днем дымок становится гуще и поднимается выше. Однако к густым его клубам не примешивалась ни единая искра пламени. Пока еще процессы шли в нижней части центрального очага.

Работы между тем шли обычным порядком. Колонисты очень торопились с постройкой судна. Пользуясь силой прибрежного водопада, Смит придумал гидравлическую пилу, работавшую так же, как деревенские лесопилки в Норвегии. Все, что требовалось, — придать бревну горизонтальное направление, а пиле — вертикальное. Смиту это удалось при помощи колеса, двух валов и соответствующей комбинации блоков.

К концу сентября каркас корабля был готов, судно решили оснастить как шхуну. Все шпангоуты держались на временных креплениях, и уже ясно выступала форма судна. На этой шхуне, отличавшейся узкой носовой частью и очень широкой кормой, несомненно, можно было в случае нужды делать довольно большие переходы, но настил палубы и вообще отделка должны были занять еще много времени.

К счастью, колонистам удалось спасти все металлические детали со взорванного «Быстрого». Из исковерканной обшивки Пенкроф и Айртон вытащили винты и множество медных гвоздей. Кузнецам работы стало меньше, но у плотников ее не убавилось.

На некоторое время колонисты должны были прекратить постройку судна, чтобы заняться

уборкой хлеба и покосом на плато. Окончив это дело, они снова взялись за топоры, молотки и струги.

— Теперь уж не отойдем, пока не доделаем! — говорил Пенкроф.

— Да отдохни хоть немного, Пенкроф! — просил иногда Герберт. — Смотри, ты совсем измучился!

— Э, дружок! — отвечал моряк. — Ну что за отдых, коли работа не окончена? Никакой нет охоты отдыхать. Вот как отделаем суденышко — тогда дело другое, тогда я знатно отдохну.

Колонисты, желая как можно больше времени выиграть на постройку, переменили часы обеда и ужина. Они обедали теперь ровно в полдень, а ужинали, когда уже совсем вечерело и надо было поневоле прекращать работу. После ужина все тотчас же ложились спать.

— В постель, в постель! — командовал Пенкроф. — Завтра рано вставать!

Невзирая на это, иногда разговор все-таки завязывался после ужина и отдалял час отдыха. Заходила, например, речь о том, чего можно ожидать от путешествия на новом судне, куда на нем можно доплыть, на которую из ближних земель легче всего попасть и каких перемен следует ожидать после посещения той или другой земли.

Пенкроф, увлекшись мечтами, скорее всех забывал о необходимости сна и строил самые фантастические планы.

Но как ни разыгрывалось воображение линкольнцев, господствующей их мыслью было снова возвратиться на свой остров.

— Никогда мы не оставим нашей колонии! — говорил Спилетт. — Мы столько положили труда на ее устройство, и нам так отлично все удалось… Когда у нас будет правильное сообщение с Америкой, то ничего не останется и желать.

Пенкроф и Наб особенно горячо выражали свою решимость окончить дни на острове Линкольна.

— Герберт, — говорил моряк, — ты ведь никогда не покинешь нашего острова?

— Никогда, Пенкроф — отвечал Герберт. — Особенно если ты решишься тут остаться.

— Я уж это давным-давно решил, дружок, — отвечал Пенкроф. — Ты поедешь в Америку, погуляешь там, а я тебя буду тут ждать. Ты там женишься и привезешь ко мне жену и детишек. И уж будь покоен — я из твоих мальчуганов таких молодцев сделаю, только держись!

— Хорошо, хорошо, Пенкроф, — отвечал, смеясь и краснея, Герберт.

— А вы, господин Смит, так уж на веки вечные

и останетесь губернатором острова, — продолжал размечтавшийся моряк. — Я другого не желаю и на другого не согласен. А сколько на острове может поместиться жителей, как вы полагаете? Тысяч десять душ? Да что десять тысяч — больше!

Спилетт улыбался, слушая моряка, но увлекался не менее его и кончал тем, что выражал ласкаемую им надежду основать линкольнскую газету — «Нью-Линкольн геральд».

Так уж создан человек: у него всегда есть потребность создать что-нибудь если не вечное, то долговечное — что-нибудь такое, что его переживет.

В конце концов, кто знает, быть может, Топ и Юп тоже тешились какими-нибудь мечтами!

Айртон никому не высказывал ни своих надежд, ни своих опасений, ни планов; у него была одна мечта — увидать лорда Гленарвана и доказать всем, что он, Айртон, действительно нравственно переродился.

15 октября вечером беседа колонистов затянулась дольше обычного. Усталость после дневных работ, однако, брала свое, и частые зевки показывали, что пора на покой.

— Уж девять часов, — сказал Пенкроф, — время

на боковую!

Он уже направился к своей постели, как вдруг зазвенел электрический звонок, помещавшийся в большом зале Гранитного дворца.

Все колонисты — Смит, Герберт, Спилетт, Наб, Айртон, Пенкроф — находились в зале… На скотном дворе, значит, никого из них не было. Кто же мог звонить?..

Смит встал со своего места. Все переглянулись и начали прислушиваться.

— Что это значит? — воскликнул Наб. — Черт, что ли, звонит?

Никто ему не ответил.

— Теперь бурная погода, — заметил Герберт. — Быть может, действие электричества так…

Герберт не окончил фразы. Инженер, на которого были обращены глаза всех товарищей, покачал отрицательно головой.

— Подождем, — сказал Спилетт. — Если действительно кто-нибудь желает послать нам депешу, то звонок повторится.

— Да кто же может нам послать депешу? — воскликнул Наб. — Кто?

— А *тот,* знаешь? — отвечал Пенкроф. — *Тот,* что…

Новый звонок прервал фразу моряка. Смит

подошел к столику и послал следующий запрос:

«Что вам угодно?»

Несколько минут спустя он получил ответ:

«Спешите, не теряя ни минуты, на скотный двор».

— Наконец-то! — воскликнул Смит.

Да, наконец-то тайна обещала раскрыться!

И усталость, и сон как рукой сняло. Колонисты безмолвно и быстро собрались. Дома оставили лишь Топа и Юпа.

Ночь была очень темная. Лунный серп исчез вместе с солнцем. Тяжелые грозовые тучи так заволокли небо, что не видно было ни единой звездочки. Только время от времени на горизонте сверкала молния.

Гроза приближалась и через несколько часов непременно должна была разразиться над островом.

Но никакая темнота, никакая гроза не могли остановить людей, привыкших во всякое время пробираться по дороге к скотному двору.

Они были очень взволнованы и шли скорым шагом. Они не сомневались, что наступил час объяснения загадки, что они наконец узнают имя таинственного существа, их великодушного и могущественного доброжелателя.

В лесу было так темно, что колонисты даже не могли различать дороги, и так тихо, что раздавался каждый шаг. Звери и птицы, чуя близкую грозу, притаились. Ни малейший ветерок не шевелил листву.

Они шли уже с четверть часа, когда Пенкроф прервал молчание:

— Нам бы следовало захватить с собой фонарь!

Инженер ему ответил:

— Мы найдем фонарь на скотном дворе.

Молния сверкала все чаще; временами горизонт вдруг озарялся ослепительным светом. Вдали слышались громовые раскаты. В воздухе стало душно.

Колонисты стремились вперед, увлекаемые какой-то невиданной силой.

В четверть десятого яркая молния озарила ограду скотного двора. Едва они успели войти в ворота, как раздались оглушительные громовые удары.

Смит первый приблизился к двери домика.

Может быть, неизвестный здесь… Его телеграмма послана, несомненно, отсюда. Однако в окошке не было света.

Инженер постучал в дверь.

Никакого ответа.

Смит, обождав минуту, отворил дверь и вошел; за ним вошли остальные колонисты.

Комната была темна.

Наб вынул кремень и огниво и высек огонь. Через несколько секунд колонисты зажгли фонарь и обошли комнату, освещая каждый уголок.

В комнате никого не было. Все стояло на месте. Комната была в том виде, в каком ее оставили колонисты.

— Что же это, неужто нам привиделось? — проговорил Смит. — Нет, это невозможно! Телеграмма была получена, и в этой телеграмме ясно сказано: «Спешите, не теряя времени, на скотный двор».

Инженер приблизился к телеграфному столику. Тут тоже все было в порядке.

— Кто был здесь в последний раз? — спросил Смит.

— Я, господин Смит, — отвечал Айртон.

— Когда?

— Четыре дня назад.

— А, вот записка! — воскликнул Герберт, хватая лист бумаги, лежащий на столике.

На листке было написано по-английски: «Следуйте по пути новой телеграфной ветки».

— В путь! — крикнул Смит.

Он теперь понял, что депеша была послана не со скотного двора, а из таинственного убежища, которое сообщалось посредством нового телеграфного провода с Гранитным дворцом.

Наб взял зажженный фонарь.

Гроза бушевала с несказанной яростью. Молния сверкала почти непрерывно. При ее блеске выступала из мрака гора и виднелся дымящийся вулкан.

— Где ж новый провод? — сказал Пенкроф, осматриваясь.

— Вероятно, дальше, за воротами, — отвечал ему инженер.

Действительно, за воротами колонисты, подойдя к первому столбу, увидели при свете молнии новый провод, спускавшийся на землю.

— Вот он! — сказал Смит.

Проволока тянулась по земле, но была обмотана изолирующим веществом, как это делается в подводном телеграфном канате.

При свете фонаря и блеске молнии колонисты пустились по пути, обозначаемому телеграфным проводом.

Гром гремел непрерывно; удары его были так оглушительны, что колонисты не могли даже разговаривать.

Впрочем, не до разговоров было…

Они сначала взобрались на утес, возвышавшийся между долиной, которая прилегала к скотному двору, и долиной реки Водопада, и переправились через реку. Проволока то протягивалась по нижним ветвям деревьев, то тянулась по земле.

Смит предполагал, что проволока окончится в конце долины и что тут они найдут таинственное убежище доброго гения острова. Смит на этот раз ошибся.

Пришлось взбираться на юго-западный утес и спуститься на обнаженную, бесплодную, дикую площадь, которой заканчивалась стена прихотливо нагроможденных базальтовых скал.

Время от времени кто-нибудь из колонистов приостанавливался, наклонялся и щупал телеграфный провод. Удостоверившись, что следуют правильно, они шли далее.

Колонисты более не сомневались, что провод приведет их к морю. По всей вероятности, там, среди скал, находилось таинственное жилище, которое они тщетно до сих пор разыскивали.

Все небо было в огне; молния ударяла в вершину вулкана, и иногда казалось, что из кратера вылетает пламя.

Около десяти часов колонисты достигли карни-

за высокой гряды, возвышавшейся на западном берегу океана. Поднялся сильный ветер. На пятьсот футов ниже морские волны с яростью били о гранит, осыпая подножие скалы белой пеной.

— От скотного двора до этого утеса будет мили полторы, — сказал Смит.

— По крайней мере полторы, — отвечал Пенкроф, — а то и больше. А где ж провод?

— Вот он, — сказал инженер. — Он теперь идет между скал, вот по этому скату…

— Крутенько здесь! — заметил Пенкроф.

— Да, и поэтому надо пробираться как можно осмотрительнее: один неверный шаг — и обвалившаяся глыба увлечет в море.

— Бог милостив, проберемся благополучно! — отвечал моряк. — Смотри, Герберт, осторожней…

— Не беспокойся, — отвечал Герберт, — я очень осторожен.

Чем дальше, тем спуск был труднее и опаснее, но они благополучно спустились с такого отрога, по которому даже при дневном свете другие люди не рискнули бы ступить шага. Камни беспрестанно сыпались из-под ног и при свете молнии сверкали, как воспламененные болиды. Смит шел впереди, Айртон позади всех. То они пробирались шаг за шагом, то скатывались по

голой, гладкой скале, то снова поднимались и снова начинали пробираться шаг за шагом.

Наконец телеграфная проволока круто повернула в прибрежные утесы, которые, по всей видимости, во время сильных приливов совершенно скрывались под морскими водами.

Колонисты достигли подошвы базальтовой стены и очутились перед узким уступом, спускавшимся прямо в море. Телеграфная проволока тянулась по этому уступу, и колонисты, не задумываясь, двинулись вперед. Не успели они сделать и ста шагов, как уступ понизился и под самыми их ногами засверкали морские волны.

Инженер схватился за провод и увидел, что он уходит в море.

Спутники его были поражены: у всех вырвался невольный крик отчаяния. Неужто после всех тяжелых трудов предстояло еще кинуться в море и отыскивать подводную пещеру?

Они были до того возбуждены, что, пожалуй, не поколебались бы и это сделать.

Один Смит не смутился, не утратил хладнокровия.

— Подождем, — сказал он товарищам. — Посидим вот здесь!

И он указал на углубление в скале.

— Чего ж ждать, Сайрес? — спросил Спилетт.

— Теперь прилив. Надо подождать отлива, и тогда дорога нам откроется.

— Почему ж вы так полагаете, господин Смит? — спросил Пенкроф.

— Если бы не было возможности до него добраться, он бы нас не позвал, — отвечал Смит.

Инженер говорил так уверенно, что никто ему не возражал. Его предположение, впрочем, было совершенно правдоподобно. Легко было допустить, что у подножия базальтовой стены существовала подводная пещера, вход в которую закрывали сейчас волны.

Предстояло, следовательно, провести несколько томительных часов в ожидании отлива.

Колонисты приютились под навесом скалы. Из черных туч, раздираемых зигзагами молний, потоками стал низвергаться ливень. Эхо гулко повторяло раскаты грома, усиливая их оглушительный грохот.

Колонистов охватило крайнее волнение. У каждого возникло множество странных мыслей. Все ждали чего-то сверхъестественного: вот сейчас возникнет перед ними величественное видение, появится великан, исполненный невероятной мощи, — ведь только сказочный образ мог соот-

ветствовать их представлению о таинственном могуществе незнакомца.

Наступила полночь.

Смит, взяв фонарь, спустился к самому краю и принялся осматривать расположение утесов.

— Как давно начался отлив? — спросил Спилетт.

— Два часа назад, — отвечал Пенкроф.

Инженер не ошибся. Мало-помалу из-под воды начал обозначаться свод громадной пещеры. Телеграфная проволока проникала в эту отверстую пасть.

Смит вернулся к товарищам и сказал:

— Через час откроется вход в пещеру.

— Так есть вход в пещеру? — спросил Пенкроф.

— А вы разве в этом сомневаетесь?

— Но ведь пещера будет наполнена водой, — заметил Герберт. — Как же мы по ней проберемся?

— Что-нибудь одно, — отвечал Смит, — или эта пещера совершенно освободится от воды — и в таком случае мы перейдем ее пешком, или она будет залита водой — и в таком случае нам будет дана возможность переплыть ее.

Прошел еще час. Дождь лил стеной. Колонисты спустились к самому морю. В три часа вода понизилась на пятнадцать футов. Свод все более

и более открывался. Он походил на огромную арку, под которой с шумом катились пенящиеся волны.

Смит наклонился и увидел какой-то черный предмет, плавающий на морской поверхности. Он потянул его к себе.

То была лодка, привязанная веревкой к выступу утеса, под аркой.

— Лодка! — сказал он товарищам. — Лодка из листового железа! Вот и два весла. Садитесь.

Наб и Айртон взяли весла, Пенкроф сел править рулем. Смит занял место на носу и поставил фонарь на форштевень, освещая дорогу.

Низкий свод, под который вошла лодка, вдруг поднялся, но вокруг стояла такая густая тьма, а свет фонаря был так слаб, что колонисты не могли определить ни ширины, ни высоты, ни глубины пещеры. Среди этого подземного базальтового строения царствовало величественное безмолвие. Ни единый звук не проникал сюда: шум проливного дождя, бушующий ветер, блеск молнии — все это вдруг исчезло и смолкло.

В некоторых странах существуют такие пещеры. Одни скрыты под морскими волнами, другие вмещают в себя целые озера. Такова Фингалова пещера на острове Стаффа, на одном из Гебрид-

ских островов; гроты Морга в бухте Дуарнене в Бретани, гроты Бонифачо на Корсике, пещера Люсе-фиорда в Норвегии; такова исполинская Мамонтова пещера в Кентукки, имеющая пятьсот футов в высоту и более двадцати миль в длину.

Колонисты плыли уже около четверти часа. Лодка двигалась быстро. Время от времени раздавался голос инженера, который указывал, куда повернуть.

— Направо! — вдруг скомандовал Смит.

Лодка повернула и пристала к правой стороне пещеры.

— Я хочу поглядеть, тянется ли проволока по этой стене, — сказал инженер.

— Что же, тут она? — спросил Пенкроф.

— Да, здесь, на выступе гранита. Вперед!

Колонисты плыли еще с четверть часа.

— Уж мы, пожалуй, проплыли с полмили, — сказал Пенкроф, — как вы думаете, господин Спилетт?

— Да, около того.

Вдруг снова раздался голос Смита:

— Стоп!

Лодка остановилась. Колонисты увидели яркий свет, озарявший громаднейшую подземную пещеру. И тогда стало возможно рассмотреть

этот тайник, о существовании которого никто не подозревал.

На высоте ста футов поднимался округлый свод, поддерживаемый базальтовыми столбами, казалось изваянными по одной мерке. Такие огромные колонны природа воздвигала тысячами в первые эпохи образования земной коры; в найденной пещере на них опирались неправильной формы арки и причудливые карнизы. Обрубки базальта, поднятые друг на друга, достигали сорока-пятидесяти футов высоты; подножия колонн омывала вода — совершенно спокойная, несмотря на бурю, бушевавшую над островом. Лучи, исходившие из неведомого источника света, замеченного инженером, четко обрисовывали каждую грань базальтовых призм, зажигали на них огненные искры и как будто пронизывали стены пещеры, словно они были прозрачные, превращали малейшие их выпуклости в блистающие самоцветы. Все эти разнообразные сверкающие блики отражались в воде, трепетали на ее поверхности, и казалось, что лодка плывет среди огнеметных струй.

Не могло быть никакого сомнения относительно отражавшегося в воде света, выхватывавшего из темноты снопами своих лучей очертания

базальтовых стен, колонн и сводов пещеры. Свет этот, конечно, давало электричество: о его происхождении говорил белый оттенок лучей. Электричество заменяло солнце в этой пещере и всю ее заливало светом.

По знаку Сайреса Смита весла вновь ударили по воде, вокруг дождем алмазов рассыпались брызги, лодка тронулась к тому месту, откуда разливался свет, и вскоре уже была от него не более чем в полкабельтове.

Подземный водоем достигал тут ширины в триста пятьдесят футов, а за ослепительным источником света видна была огромная базальтовая стена, закрывавшая впереди путь. Пещера значительно расширялась, и воды морские образовали тут озеро. Но по-прежнему и свод, и боковые стены пещеры, и каменный заслон, замыкавший ее, все эти базальтовые призмы, цилиндры, конусы затоплял поток электрического света, такого яркого, что он как будто исходил от этих каменных глыб; казалось, что их огранили, как драгоценные бриллианты, и каждая грань горит разноцветными огнями!

На середине озера виднелся какой-то длинный предмет веретенообразной формы, поднимавшийся над застывшей, неподвижной водой. Из

обоих концов его вырывался свет, словно из жерла двух накаленных добела печей.

Лодка медленно приближалась. Смит приподнялся со своего места и с величайшим волнением всматривался в странный ослепляющий предмет… Вдруг он схватил за руку Спилетта и воскликнул:

— Это он! Это может быть только он! Он!

И снова опустился на свое место, проговорив какое-то имя, которое мог расслышать только один Спилетт.

Произнесенное имя, по всей вероятности, было прежде известно Спилетту, потому что произвело на него ошеломляющее впечатление, и он глухим голосом проговорил:

— Он? Человек, объявленный вне закона?

— Он! — повторил Смит.

По распоряжению инженера лодка приблизилась к странному плавучему аппарату и пристала к левому его боку, из которого через толстое стекло вырывался целый сноп света.

Смит и его товарищи взошли на платформу и увидели на ней откидную дверь, ведущую вниз.

Все кинулись в эту дверь.

Внизу лестницы был узкий проход, освещенный электрическим светом, а в конце этого

прохода — другая дверь, которую Смит решительно распахнул.

Богато убранный зал, который быстро перешли колонисты, примыкал к библиотеке, где с потолка лились целые потоки электрического света.

Из библиотеки Смит отворил дверь в обширный покой, нечто вроде музея, где были собраны вместе с редкими образцами минералов, растений и рыб произведения искусства.

Колонисты, пораженные чудесами, представшими их глазам, начинали думать, что действительно попали в какой-то волшебный замок.

На богатом диване лежал человек, который, казалось, не заметил их появления.

Тогда Смит, к величайшему изумлению своих спутников, произнес:

— Капитан Немо, вы нас звали, и мы пришли…

XVI. Капитан Немо

При этих словах человек, лежавший на диване, быстро приподнялся. Колонисты увидели великолепнейшую голову, высокий лоб, гордый взгляд, белую бороду и густые, откинутые назад волосы.

Он оперся рукой на спинку дивана. Лицо его было спокойно; однако видно было, что он страдает тяжелым недугом. Но голос его был звучен, когда он ответил Смиту по-английски:

— У меня нет имени, милостивый государь.

— Я вас знаю! — сказал Смит.

Капитан Немо устремил на инженера молниеносный взгляд, но взгляд этот вдруг погас, и, опускаясь на подушки дивана, больной проговорил как бы про себя:

— Впрочем, не все ли равно? Я теперь умираю.

Смит приблизился к капитану Немо. Спилетт взял его за руку. Рука была горяча, как огонь.

Айртон, Пенкроф, Наб и Герберт стали в стороне, в уголке роскошного покоя.

Капитан Немо освободил свою руку и знаком пригласил Смита и Спилетта садиться.

Все смотрели на него с неизъяснимым волнением. Так вот тот, кого они называли добрым гением, могущественным чародеем, таинственным доброжелателем, который столько раз помогал им и выручал из беды!

Перед их глазами был только больной человек, а не божество, как полагали Пенкроф и Наб, и человек этот ожидал смерти.

Но каким образом, где и когда Смит мог знать капитана Немо? Отчего капитан так порывисто поднялся, услыхав свое имя?

Капитан Немо, поместившись на диване и пристально глядя на инженера, сидевшего против него, спросил:

— Вам известно мое имя, милостивый государь?

— Да, известно, — отвечал Смит, — как известно и название удивительного подводного судна…

— «Наутилуса»? — подсказал, улыбаясь, Немо.

— Да, «Наутилуса», — отвечал Смит.

— Но знаете ли вы… знаете ли вы, кто я таков?

— Да, знаю.

— А между тем вот уже тридцать лет, как я не имею никаких сношений с обитаемым миром; уже тридцать лет, как я живу под водой, в глубинах морских, в единственном месте, где я нашел независимость, которой вечно добивался… Кто же выдал мою тайну?

— Человек, который никогда не давал вам слово хранить ее и которого, следовательно, нельзя обвинить в измене.

— Это француз, который шестнадцать лет назад случайно попал на «Наутилус»?

— Именно.

— Значит, этот человек и два его товарища не погибли в Мальстрёме[40], куда был увлечен «Наутилус»?

— Не погибли. Их приключения появились в печати; вышла целая книга под названием «Двадцать тысяч лье под водой». Там рассказана ваша история…

— История нескольких месяцев моей жизни, — с живостью поправил капитан Немо.

---

[40] Примечания: 40

Мальстрём — водоворот в Норвежском море, у северо-западного побережья Норвегии.

— Это правда, — отвечал Смит, — но достаточно прочитать историю нескольких месяцев вашей необычной жизни, чтобы узнать о вас.

— Как о великом преступнике, не так ли? — сказал капитан Немо с высокомерной улыбкой. — Да, я жил вне общественных законов; я отщепенец, и люди, быть может, содрогаются при имени капитана Немо!

Смит ничего не отвечал.

— Что же вы скажете, милостивый государь?

— Я не признаю за собою права судить капитана Немо, — отвечал Смит. — Мне, как и всем, неизвестны причины, побудившие его вести такую странную жизнь, а раз причины неизвестны — нельзя судить их последствия. Но я знаю, что с самого нашего крушения у острова Линкольна нам тайно помогал великодушный человек, что этому великодушному человеку мы были не один раз обязаны жизнью… Этот человек — вы, капитан Немо!

— Да, я.

Смит и Спилетт поднялись со своих мест; товарищи их тоже приблизились. Признательность, переполнившая их сердца, готова была излиться в восторженных речах…

Но капитан Немо знаком попросил всех мол-

чать и взволнованным голосом проговорил:

— Погодите. Прежде выслушайте меня.

И в кратких, ясных словах он рассказал колонистам историю своей жизни.

Его рассказ был недолог, но он все-таки должен был собрать все свои силы, чтобы довести его до конца. Он заметно слабел и старался преодолеть эту слабость. Несколько раз Смит просил его отложить рассказ до завтра и отдохнуть, но в ответ на эти просьбы он только покачивал головой, как человек, который знает, что завтра ему не принадлежит, а когда Спилетт предложил ему свои услуги как медик, он ответил:

— Всякое лечение бесполезно, часы мои сочтены.

Капитан Немо был индус, принц Даккар, сын раджи прежде независимого княжества Бундельханда и племянник индусского героя Типу-Саиба[41]. Когда ему было всего десять лет, отец послал его в Европу с целью дать ему всестороннее образование и втайне надеясь, что когда-нибудь сын его как равный противник будет бороться с завоевателями угнетенной ро-

---

[41] Примечания: 41

Типу-Саиб (1750–1799) — индийский раджа и один из главных противников внедрения английского влияния в Индии, за что получил прозвище Тигр Майсура.

дины.

С десяти до тридцати лет принц Даккар успел многое увидеть и многому научиться.

Он путешествовал по всей Европе. Его знатное происхождение и огромное богатство привлекали к нему целые толпы, но его не соблазняли светские развлечения. Он был молод, хорош собой, но оставался серьезным, сдержанным, жаждущим только познаний. В эти юные годы он уже ненавидел… Он ненавидел ту единственную страну, на землю которой ни за что не хотел ступить, единственную страну, чьи заигрывания он постоянно отвергал; он ненавидел Англию, и тем более ненавидел, что во многом восхищался ею.

Этот человек воплощал ненависть побежденного к победителю. Поработитель не нашел бы пощады у порабощенного. Сын одного из тех правителей, которые лишь на словах покорились Соединенному королевству, принц из рода Типу-Саиба, воспитанный в духе борьбы за независимость и мести, полный неискоренимой любви к своей поэтической родине, закованной в цепи англичанами, он не желал ступить на землю той страны, которую считал про́клятой, ибо она поработила Индию.

Принц Даккар стал художником — чудеса ис-

кусства вызывали в нем благородное волнение; стал ученым — ничто не было чуждо ему в области высоких знаний; стал государственным деятелем, изучившим при европейских дворах все тонкости дипломатии. Поверхностному наблюдателю он, может быть, показался бы одним из любопытствующих космополитов, жаждущих все знать, но не способных действовать, одним из тех богатых путешественников, высокомерных пустоцветов, которые непрестанно разъезжают по всему свету и не принадлежат ни одной стране.

Но на самом деле это был художник, ученый, одаренный человек, который в душе оставался индусом, полным жажды мести, индусом, лелеявшим надежду, что настанет день, когда его соотечественники потребуют прав для своей страны, изгонят из нее чужеземцев и возвратят ей независимость.

В 1849 году принц Даккар возвратился в Бундельханд и там женился на девушке из знатного рода; жена была его первым другом, и ее сердце также обливалось кровью при мысли о страданиях родной страны. У них родились двое детей, принц безмерно любил их. Но семейное счастье не могло заставить его позабыть о рабстве и угне-

тении родины. Он ждал только случая. Случай скоро представился.

Английское владычество тяжким бременем ложилось на плечи индусов. Принц Даккар стал выразителем народного недовольства. Он стал говорить землякам о необходимости свергнуть чужеземное иго; он обошел несколько раз независимые области Индии, а также те, которые находились под управлением английских чиновников. Он всех звал отстаивать свободу и напоминал о славных временах Типу-Саиба, павшего при Серингапатаме, защищая родину.

В 1857 году вспыхнуло восстание сипаев[42]. Душой его был принц Даккар. Ему удалось поднять народ на борьбу. Он отдал правому делу все свои дарования и богатство, стал в первые ряды и дрался как лев, рискуя жизнью во имя освобождения отчизны. Он участвовал в двадцати схватках, был ранен десять раз, искал смерти, когда последние восставшие, отстаивавшие независимость Индии, пали, сраженные английскими пулями, но его смерть пощадила.

Никогда еще владычеству англичан в Индии

---

[42] Примечания: 42

Сипаи — наемные солдаты в колониальной Индии (XVIII–XX вв.), рекрутировавшиеся европейскими колонизаторами, чаще всего англичанами, из среды местного населения.

не угрожала такая опасность, и если бы сипаи, как на то рассчитывал принц Даккар, получили помощь извне, то Великобритании пришлось бы отказаться от завоеванных в Индостане владений.

Имя принца Даккара стало известно всем; тот, кто носил его, перестал таиться и боролся открыто; за голову была назначена награда, и хотя не нашлось ни единого предателя, чтобы погубить его самого, за него поплатились жизнью отец, мать, жена и дети — их убили прежде, чем он узнал, что им грозит гибель.

Индусы, быть может, были правы, но англичане были сильнее. Право вновь уступило силе. Сипаи были побеждены, и древние княжества раджей вновь подпали под жестокое владычество Англии.

Принц Даккар, не найдя смерти на поле сражения, возвратился в горы Бундельханда. Он был теперь совершенно одинок; лучшие его надежды рухнули. Он возненавидел цивилизованный мир и навсегда от него отрекся. Собрав около двадцати уцелевших верных товарищей, обратив в деньги остатки своих богатств, он в один прекрасный день исчез неизвестно куда.

Где же нашел принц Даккар независимость, в

которой отказали ему обитаемые страны?

Он нашел ее под водой, в морской глубине, куда никто не мог за ним последовать.

Воин превратился в ученого. На необитаемом острове Тихого океана он устроил верфь, и тут по его плану было построено подводное судно. Он сумел воспользоваться неизмеримой механической силой электричества, добывая его из неисчерпаемых источников, изобрел новые, прежде неведомые науке способы его применения и использовал эту силу для удовлетворения любых потребностей на своей подводной лодке — электричество служило двигателем судна, освещало и отапливало его. Море, заключающее в своих недрах мириады всевозможных рыб, целые поля водорослей, громадных млекопитающих и, кроме всего этого, еще сокровища, опустившиеся на его дно вместе со всеми разбившимися кораблями, предоставляло все необходимое принцу и его маленькому экипажу, что было чрезвычайно важно для добровольного изгнанника, не желавшего иметь никаких отношений с землей. Он назвал свое подводное судно «Наутилус», а себя окрестил капитаном Немо и скрылся под водой.

Прошли многие годы. Капитан Немо посетил все моря от одного полюса до другого и в этих ни-

кому не ведомых глубинах собрал невероятные сокровища. Миллионы, потонувшие с испанскими судами в 1702 году в заливе Виго[43], стали для него неистощимым источником богатства. Это богатство капитан Немо предоставлял в распоряжение всякого народа, который отстаивал свою свободу и защищал родину от вторжения угнетателей[44].

Давно уже капитан Немо не имел никаких отношений с людьми, живущими на земле, когда неожиданно в ночь на 8 ноября 1866 года на борту его подводного судна нежданно оказались три человека. То были французский профессор, слуга этого профессора и канадский рыбак. Эти люди были сброшены в море во время столкновения, произошедшего между «Наутилусом» и американским фрегатом «Авраам Линкольн».

Капитан Немо узнал от профессора, что «Наутилус», принимаемый то за исполинское млекопитающее из семейства китообразных, то за подводное судно пиратов, решено было пре-

[43] Примечания: 43

В заливе Виго 12 (23) октября 1702 г. между англо-голландскими войсками и французско-испанским флотом произошло морское сражение (во время Войны за испанское наследство).

[44] Примечания: 44

Речь идет о восстании греков, которым капитан Немо действительно помогал таким образом. (*Примеч. автора.*)

следовать во всех морях и во что бы то ни стало им овладеть.

Капитан Немо мог бы возвратить океану его добычу — сбросить в волны этих трех человек, которым случай позволил открыть его таинственное убежище, — но он этого не сделал. Он удержал их на «Наутилусе»; в продолжение семи месяцев они вместе с ним плавали, наслаждаясь чудесами подводного путешествия.

Однажды эти три человека, которым было совершенно неизвестно прошлое капитана Немо, ухитрились завладеть одной из лодок «Наутилуса» и бежали. Но так как в это самое время «Наутилус» захватило стремительное течение Мальстрём и повлекло к берегам Норвегии, то капитан Немо предположил, что беглецы утонули. Ему было неизвестно, что их выкинуло на берег одного из Лофотенских островов[45], что тамошние рыбаки их спасли и приютили и что профессор, возвратившись во Францию, написал книгу, в которой рассказал, как он семь месяцев странствовал в морских глубинах, сделав достоянием любопытных читателей многочисленные приключения, происходившие во время этого

[45] Примечания: 45

Лофотенские острова — архипелаг в Норвежском море, у северо-западного побережья Норвегии.

необычайного путешествия.

Капитан Немо еще долго вел свою подводную жизнь, но мало-помалу его товарищи умерли и были погребены на коралловом кладбище, на дне Тихого океана. «Наутилус» опустел. Остался в живых один капитан Немо.

Капитану Немо было шестьдесят лет, когда он потерял последнего товарища. Оставшись в одиночестве, он привел «Наутилус» в один из своих подводных портов.

Этот порт находился под островом Линкольна.

Здесь капитан Немо пробыл шесть лет. Он уже не плавал, а спокойно ждал смерти. Случай занес сюда воздушный шар, на котором бежали пленники из Ричмонда. Капитан Немо прогуливался в своем водолазном костюме по морскому дну, в нескольких кабельтовых от берега острова, когда инженер Смит был выброшен в море. Он поддался состраданию и спас Смита.

Сначала он решил как можно скорее бежать от места, где поселились люди, но это оказалось невозможным. Вследствие подземных сил поднялось дно базальтовой пещеры и закрыло «Наутилусу» выход из подводного порта. Там, где было достаточно глубоко для легкой лодки, не мог пройти «Наутилус», ибо его осадка была

довольно велика.

Итак, капитан Немо поневоле остался. Он стал наблюдать за своими соседями, выброшенными на необитаемый остров и лишенными самого необходимого. Но сам он не хотел показываться им на глаза. Мало-помалу, видя, какие это благородные, энергичные люди, какой братской дружбой они связаны меж собой, он заинтересовался их борьбой с природой. Волей-неволей он проник во все тайны их жизни. В водолазном костюме ему нетрудно было пробираться на дно провала, существовавшего внутри Гранитного дворца; поднявшись по выступам на стенках этого колодца к верхнему краю, он слушал, как колонисты рассказывают о своем прошлом, рассуждают о теперешнем своем положении и планах на будущее. Он узнал, кроме того, об американской междоусобной войне за уничтожение рабства.

Эти люди, которых случай занес на остров, были достойны всяческого уважения. Именно они могли бы примирить капитана Немо с человечеством, ибо являлись благороднейшими его представителями.

Капитан Немо спас Смита. Он привел и Топа к «Трубам», он же спас его от дюгоня в глубине

озера; он подбросил на мыс Находки ящик, в котором было столько вещей, полезных для колонистов; это он отвязал лодку, и она поплыла вниз по реке Милосердия; во время нашествия обезьян он сбросил вниз веревочную лестницу, укрепленную у двери Гранитного дворца; пустил по морю запечатанную сургучом бутылку с запиской, где сообщил, что Айртон находится на острове Табор; он взорвал разбойничий бриг при помощи подводной мины, установленной на дне пролива; он спас Герберта от смерти, принеся для него сернокислый хинин, и, наконец, он же сразил бандитов электрическими пулями — своим изобретением, которым он пользовался на подводной охоте. Вот чем объяснялось столько происшествий, которые могли показаться сверхъестественными. Все они свидетельствовали о великодушии и могуществе капитана Немо.

Невзирая на всю кажущуюся ненависть к людям, капитан Немо любил их и желал им добра. Чувствуя приближение смерти, он хотел дать несколько полезных советов колонистам и для этого вызвал их депешей, устроив телеграфное сообщение между «Наутилусом» и Гранитным дворцом.

Капитан Немо окончил свой рассказ. Тогда

заговорил Смит и, припомнив все услуги, оказанные им, от имени всех своих товарищей выразил признательность великодушному подводному обитателю острова.

Капитан Немо не придавал особого значения своим услугам и не рассчитывал на благодарность — его занимала иная мысль.

— Теперь вы знаете всю мою историю, — сказал он Смиту, — теперь можете, следовательно, меня судить…

Капитан Немо намекал, по всей вероятности, на страшное происшествие, свидетелями которого были три посторонних лица, три пленника на его судне.

Дело в том, что за несколько дней до бегства пленников «Наутилус», преследуемый фрегатом в Атлантическом океане, безжалостно потопил этот фрегат.

Смит понял намек и ничего не ответил.

— Это был английский фрегат, милостивый государь! — воскликнул капитан Немо, на минуту снова преображаясь в принца Даккара. — Слышите ли вы: английский фрегат! Он на меня напал; я находился в узком неглубоком проливе. Мне надо было пройти… и я проложил себе дорогу! — И, несколько успокоившись, он прибавил: — Я

имел на это полное право. Я делал добро везде, где мог, и вредил там, где следует вредить. Не всегда справедливость заключается в прощении и помиловании!

Несколько минут длилось молчание. Затем капитан Немо снова спросил:

— Что вы обо мне думаете, господа? Считаете вы меня преступником?

— Капитан, — ответил ему Смит, — ваша ошибка была в том, что вы пытались воскресить невозвратимое прошлое и боролись против врагов, не принимая в расчет их силы. Подобные заблуждения могут возбуждать различные чувства: одни осуждают их, другие, напротив, относятся к ним с сочувствием. По-моему, с человеком, который настаивает на том, что считает справедливым и добрым, можно не соглашаться, можно спорить, но нельзя его не уважать. Вам нечего опасаться, что история вас осудит. Она любит героев, хотя и порицает их увлечения.

— Прав ли я был? — проговорил как бы про себя капитан Немо.

Смит продолжал:

— О великих деяниях предоставим судить Господу Богу, ведь все от него исходит! Капитан Немо, перед вами люди, которые никогда не

забудут вас!

Герберт приблизился к капитану Немо, стал на колени, взял его руку и поцеловал.

Из глаз умирающего выкатилась слеза.

— Дитя мое, — проговорил он, — да благословит тебя Бог!

XVII. Завещание капитана Немо

Утро уже наступило, но ни один луч не проникал в подземную пещеру. Был час прилива, и морские волны заливали вход. Но электрический свет, вырывавшийся из окон «Наутилуса», не ослабевал, и водная гладь сверкала далеко вокруг.

Капитан Немо, чрезвычайно ослабевший, лежал на диване. Колонисты предлагали перенести его в Гранитный дворец, но он не соглашался. Он выразил твердое желание остаться на «Наутилусе» и тут ожидать смерти, которая была уже недалека.

Пока он лежал с закрытыми глазами, почти в забытьи, Смит и Спилетт от него не отходили.

Капитан Немо тихо угасал. Жизнь оставляла это тело; некогда могучее тело стало хрупкой оболочкой души, готовой расстаться с миром. Вся жизнь сосредоточилась в сердце и в мозгу.

Смит и Спилетт шепотом советовались, что делать.

— Нельзя ли его спасти? — говорил Смит.

— Невозможно! — отвечал Спилетт.

— Нельзя ли продлить его жизнь хотя бы на

несколько дней?

— Не думаю.

— Надежды нет?

— Он сам сказал, что ему ничто не поможет и что он ожидает смерти и не боится ее. Мы не можем тут помочь…

— Да отчего он умирает, от какой болезни? — спросил подошедший Пенкроф.

— Он угасает от слабости, от истощения сил, — отвечал Спилетт.

— А что, если бы мы его вынесли на вольный воздух? — продолжал моряк. — На вольный воздух да на солнышко? Может, он бы и ожил…

— Нет, Пенкроф, ему уже ничто не поможет, — отвечал инженер. — Да он и не согласится расстаться со своим «Наутилусом». Он жил на нем тридцать лет и на нем желает умереть.

Капитан Немо расслышал ответ Смита, открыл глаза, приподнялся и сказал слабым, но внятным голосом:

— Вы не ошибаетесь. Я должен — и я желаю — умереть здесь. У меня к вам просьба.

Смит и остальные колонисты приблизились к дивану, оправили подушки и расположили их так, чтобы умирающему было удобнее.

Капитан Немо словно прощался со своим жили-

щем. Он подолгу смотрел на все картины, которые висели на стенах, затянутых великолепными гобеленами, на скульптуры — уменьшенные бронзовые и мраморные копии прославленных статуй, — стоявшие на пьедесталах; прекрасный орган, поставленный у задней стены; витрины, заполненные всякими диковинами, окружавшие устроенный в середине зала бассейн, где красовались прекраснейшие образцы морской фауны и флоры: водоросли, морские травы, морские животные, подобные растениям, и растения, подобные животным, жемчужные раковины и нитки бесценных жемчугов; наконец его взгляд остановился на словах, начертанных над дверью этого музея и являвшихся девизом «Наутилуса»:

Mobilis in mobile[46].

Казалось, он в последний раз любовался этими дивными творениями искусства и природы, которыми ограничил свой кругозор за долгие годы жизни в глубинах океана.

Смит безмолвно ожидал, когда капитан Немо к нему обратится.

Спустя несколько минут, в которые он, вероят-

[46] Примечания: 46
Подвижный в подвижном (*лат.*).

но, припомнил всю свою жизнь, все свои радости и печали, капитан Немо сказал колонистам:

— Вы считаете, что вы мне обязаны?

— Капитан, мы рады бы ценой нашей жизни продлить вашу!

— Хорошо, — проговорил капитан Немо, — хорошо… Обещайте мне в точности исполнить мою последнюю волю, и вы мне этим заплатите за все, что я для вас сделал.

— Мы вам это обещаем, — отвечал Смит.

— Завтра я умру, — сказал капитан Немо.

— О нет!.. — воскликнул Герберт.

Капитан Немо знаком остановил Герберта и продолжал:

— Завтра я умру. Я не желаю другого гроба, кроме «Наутилуса». Это будет мой гроб. Все мои друзья покоятся в глубине океана, и я желаю похоронить себя там, где они.

Колонисты слушали в глубоком молчании.

— «Наутилус» не может выйти из этой пещеры, потому что путь заступает скала, поднявшаяся у самого выхода, — продолжал капитан Немо, — но он может опуститься на дно пучины и увлечь с собой мою бренную оболочку. Завтра, после моей смерти, вы оставите «Наутилус». Все, что на нем находится, должно исчезнуть вместе со мной.

Принц Даккар оставит вам на память только маленькую шкатулку… В ней лежат бриллианты на несколько миллионов; по большей части с ними связаны воспоминания о той поре моей жизни, когда я был супругом и отцом, когда верил, что на земле возможно счастье. А еще там лежат отборные жемчуга, найденные мной и моими друзьями на дне морей. Со временем вы можете с пользой распорядиться этим богатством. В ваших руках, господин Смит, и в руках ваших товарищей богатство вредить не может.

Он ослаб и должен был остановиться. Через несколько секунд, собравшись с силами, он заговорил снова:

— Завтра вы возьмете эту шкатулку, оставите эту комнату и запрете двери; затем вы подниметесь на платформу «Наутилуса», закроете все окна…

— Мы все это сделаем, капитан, — отвечал Смит.

— Хорошо. Вы сядете в лодку, в которой приплыли сюда, и возвратитесь домой… Но прежде чем вы оставите «Наутилус», вы пройдете на корму и там откроете два больших крана — эти краны находятся на грузовой ватерлинии. Вода проникнет в резервуары, и «Наутилус» тихо опу-

стится на дно океана…

Смит сделал невольное движение. Капитан Немо прибавил:

— Не беспокойтесь, вы похороните мертвого.

Ни Смит, ни его товарищи не возражали капитану Немо. То была последняя воля умирающего, и они считали невозможным ее не исполнить.

— Так вы даете мне обещание, господа? — спросил капитан Немо.

— Даем, капитан! — отвечал инженер.

Капитан Немо знаком поблагодарил и попросил оставить его на несколько часов одного.

— Вам нельзя оставаться одному, капитан, — возразил Спилетт, — вам может снова сделаться дурно, и некому будет оказать помощь… Все может случиться…

Но умирающий настоял на своем.

— Я проживу до завтра, — сказал он.

Колонисты оставили комнату капитана Немо, прошли библиотеку, столовую и очутились на носу «Наутилуса», в отделении машин, где были электрические аппараты, которые освещали, отапливали и двигали подводное судно.

— Что за удивительная, ма́стерская постройка! — говорил инженер, осматривая «Наутилус».

Колонисты поднялись на платформу, возвы-

шавшуюся на семь или восемь футов над водой, и наклонились к плоскому чечевицеобразному стеклу, защищавшему отверстие, откуда вырывался яркий свет из внутренних покоев «Наутилуса».

Они увидели рубку, где было рулевое колесо и помещался во время подводного плавания рулевой, который вел «Наутилус» сквозь толщу морских вод, и электричество озаряло ему путь, бросая на большое расстояние свои лучи.

Смит и его товарищи, живо взволнованные всем виденным и слышанным, молчали. Сердце их сжималось, когда они думали, что тот, кто так много для них сделал и кого им суждено было узнать только на несколько часов, близок к смерти.

Как бы ни осудили грядущие поколения принца Даккара, он все-таки останется одним из тех людей, память о которых никогда не изгладится.

— Признаюсь, таких еще не видывал! — сказал Пенкроф. — И кто бы этому поверил, что он жил на дне океана! Да и там, как подумаешь, покоя себе не нашел…

— А «Наутилус» мог бы быть нам полезен, — заметил Айртон. — На нем можно было бы добраться до какой-нибудь обитаемой земли.

— Благодарю покорно! — воскликнул Пенкроф. — Да я ни за что на свете не возьмусь управлять таким судном! Плавать по воде — это мое дело, а плавать под водой я не мастер!

— Я полагаю, — сказал Спилетт, — что управлять таким судном, как «Наутилус», очень легко, Пенкроф, и что мы скоро освоились бы с подводным плаванием. На «Наутилусе» нечего бояться бурь и нападений. Несколько футов ниже поверхности морские волны так же спокойны, как воды тихого озера.

— Все это так, господин Спилетт, — отвечал моряк, — все это так; но, по мне, лучше шквал, да на настоящем судне. Корабли строят, чтобы плавать по воде, а не под водой.

— Друзья мои, — вмешался Смит, — мне кажется, вы напрасно спорите о том, что в этом случае лучше и что хуже. «Наутилус» не наш, и мы не имеем права им распоряжаться. Впрочем, если бы даже он принадлежал нам, то и тогда нельзя им воспользоваться. Вследствие подземного сдвига поднялась скальная порода, закрывшая «Наутилусу» выход из пещеры. Капитан Немо желает, чтобы «Наутилус» пошел ко дну вместе с ним. Мы должны исполнить его последнюю волю, и мы ее исполним!

Подкрепив свои силы завтраком, колонисты снова вошли к капитану Немо.

Ему как будто стало лучше: глаза блестели, на губах появилась улыбка.

Колонисты приблизились к его дивану.

— Господа, — сказал капитан Немо, — вы люди мужественные, честные и добрые. Вы живете друг для друга, для вашего общего блага. Я нередко слушал ваши разговоры и наблюдал, как вы работаете. Я вас полюбил… Дайте мне вашу руку, господин Смит.

Смит протянул капитану руку, и тот ее с чувством пожал.

— Давно я этого не испытывал! — проговорил как бы про себя капитан Немо.

Затем он обратился к остальным:

— Довольно обо мне! Я хочу поговорить о вас и об острове Линкольна. Вы рассчитываете покинуть остров?

— Мы опять вернемся, капитан, — с живостью ответил Пенкроф. — Мы только съездим домой, проведаем Америку — и опять сюда… Мы вернемся, непременно вернемся!

— Вернетесь? Я, впрочем, знаю, как вы любите свой остров, Пенкроф, — прибавил капитан Немо, улыбаясь. — Оно и понятно: вы вложили в него

столько трудов.

— Мы имеем намерение подарить остров Линкольна Соединенным Штатам, капитан, — сказал Смит, — и основать здесь стоянку для американских судов, посещающих эту часть Тихого океана.

— Вы заботитесь о своей родине, господа. Вы работаете для ее славы и для ее блага, и вы совершенно правы. Родина! Счастлив тот, у кого есть родина, куда он может возвратиться! Человек должен умирать на родине… А я умираю далеко от всего, что было мне дорого…

— Быть может, вы желаете переслать что-нибудь вашим друзьям в Индию? — спросил Смит. — Я сделаю все, чтобы это исполнить!

— Нет, господин Смит, нет: у меня нет более друзей! Я последний в своем роду… и я давно умер для тех, кто меня когда-то знал. Но поговорим лучше о вас. Уединение, отчуждение от остального мира невозможно… свыше сил человеческих… Я умираю, потому что вообразил, будто можно жить одному, не имея никаких отношений с людьми… Вы должны сделать все, чтобы оставить остров и возвратиться на родину. Я знаю, что каторжники разбили ваш ботик…

— Мы теперь строим большой корабль, на

котором можно будет доплыть до какой-нибудь земли, — отвечал Спилетт. — Но я тоже думаю опять возвратиться на Линкольн. Он нам теперь очень дорог. С ним связано столько воспоминаний!

— Здесь мы узнали капитана Немо! — сказал Смит.

— И здесь все будет нам его напоминать! — прибавил Герберт.

— И здесь бы я упокоился вечным сном, — проговорил капитан Немо, — если бы… — Он не окончил фразы и, подумав, сказал: — Господин Смит, я желал бы с вами переговорить… Переговорить наедине…

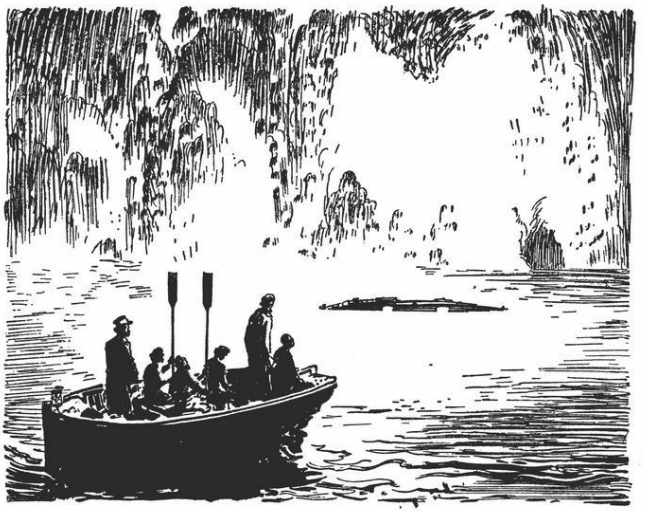
Остальные удалились.

Смит пробыл несколько минут с умирающим, затем отворил дверь и пригласил товарищей снова войти. Но он не сказал им, о чем разговаривал с хозяином «Наутилуса».

Спилетт подошел к дивану и с величайшим вниманием осмотрел умирающего. Капитана Немо, очевидно, поддерживала только нравственная энергия, которую скоро должна была сменить физическая слабость. Спилетт окончательно убедился, что о выздоровлении нечего и думать.

Наступила ночь. Колонисты знали это только по часам, потому что ни свет солнца, ни свет месяца не проникал в подземный порт, где находилось плавучее убежище принца Даккара.

Капитан Немо не испытывал страданий, но он угасал. Его прекрасное лицо, уже покрытое смертной бледностью, было спокойно. По временам из уст его вырывались отрывочные слова, обращенные к давно покинувшим его друзьям. Руки и ноги его начинали холодеть.



Раза два он обращался к колонистам, собравшимся около его смертного ложа; ему было отрадно видеть их, знать, что он не совсем одинок перед лицом смерти.

Около полуночи капитан Немо вдруг как бы содрогнулся, сложил руки на груди и закрыл глаза.

Около часу он очнулся опять. Его глаза, в которых когда-то было столько огня, блеснули в последний раз. Он тихо проговорил: «Родина!» — и скончался.

Смит принял его последний вздох.

Герберт и Пенкроф плакали. Наб упал на колени около Спилетта, неподвижно стоявшего у изголовья покойника.

Спустя несколько часов колонисты исполнили последнюю волю капитана Немо.

Они оставили «Наутилус», взяв с собой только шкатулку с алмазами и жемчугом, завещанную им покойным.

Они заперли великолепное помещение, освещенное потоками электрического света, и задраили отверстие в крыше палубы, так что ни капли воды не могло проникнуть внутрь помещений.

Затем колонисты сели в лодку, привязанную с правой стороны подводного судна, отвязали ее и подплыли к носу «Наутилуса», где находились на грузовой ватерлинии два огромных крана; открыли их.

Резервуары быстро наполнялись водой. «Наутилус» начал тихо погружаться в глубину моря.

Но колонисты долго еще могли видеть его свет, вырывавшийся из глубины и освещавший тем-

ные воды.

Наконец исчез последний отблеск. Гробница капитана Немо опустилась на дно океана. Подземная пещера наполнилась мраком.

XVIII. Подземные силы

На рассвете колонисты, все время хранившие молчание, достигли выхода из пещеры, которую они, в память капитана Немо, назвали пещерой Даккара. Отлив уже начался, и они без всяких затруднений проплыли под базальтовой аркой.

Пенкроф с помощью Айртона и Наба вытащил лодку на берег.

Гроза прошла. Последние раскаты замирали в отдалении, на западе. Дождя уже не было, однако небо было по-прежнему затянуто тучами. Словом, октябрь, первый весенний месяц в Южном полушарии, начался неблагоприятно, и порывистый ветер, все время переходивший от одного румба на другой, предвещал неустойчивую погоду.

Сайрес Смит с друзьями, выбравшись из пещеры Даккара, повернули к скотному двору. По дороге Наб с Гербертом отвязали провод, который капитан провел между двором и пещерой; они справедливо рассудили, что этот провод может им пригодиться впоследствии.

Поселенцы только изредка перебрасывались отрывистыми фразами. Они еще находились под впечатлением всех тех событий, которые разыг-

рались в ночь с 15 на 16 октября. Их неведомый покровитель, приходивший к ним на помощь в самые трудные минуты, человек, которого они в душе почитали своим добрым гением, их капитан Немо ушел из жизни. «Наутилус» вместе со своим хозяином погребен на дне океана. И каждый невольно еще острее ощущал свою оторванность от остального мира. Колонисты привыкли рассчитывать на вмешательство этой могущественной силы, которой, увы, уже не стало, и даже Гедеон Спилетт, даже Сайрес Смит поддались общему настроению. Вот почему оба хранили глубокое молчание.

Около девяти утра колонисты были дома.

Решено было спешить с постройкой корабля, и Смит — больше, чем когда-либо, — помогал рабочим. Неизвестно, что готовило им будущее. Иметь в своем распоряжении большое хорошее судно, на котором можно будет пуститься в плавание даже в бурю, а при случае предпринять и длительное путешествие, значило иметь лишний шанс на спасение. Если, закончив постройку судна, колонисты не решатся сразу покинуть остров Линкольна и добраться до Полинезии или берегов Новой Зеландии, то во всяком случае они смогут посетить остров Табор, чтобы оставить

там записку с указанием нового местонахождения Айртона. А сделать это необходимо на тот случай, если шотландская яхта вновь появится в здешних водах. Не стоило пренебрегать подобной возможностью!

Постройка шла чрезвычайно быстро.

— Нам необходимо закончить к первым числам марта, — говорил инженер, — иначе не успеем посетить Табор: начнутся равноденственные ветры и плавание сделается невозможным.

— Постараемся, постараемся, господин Смит! — отвечал Пенкроф.

Пенкроф, можно сказать, не выпускал из рук инструментов и ворчал всякий раз, когда кто-нибудь оставлял топор и брал ружье.

— Опять на охоту!

— Помилуй, Пенкроф, — улыбаясь, отвечал Герберт, — надо же поохотиться.

— Пожалуй, дружок, пожалуй, — вздыхал моряк, — только лучше бы не бросать работы. И что вам далась эта охота!

— Но если мы совсем перестанем охотиться, Пенкроф, так у нас и дичи не будет!

— И без дичи можно обойтись, — отвечал Пенкроф. — Да и надоела уж дичь, как горькая редька!

— Мы скоро вернемся, Пенкроф. Не волнуйся!

Охотники уходили, Пенкроф ворчал им вслед и, рассердившись, работал за шестерых.

Все лето стояла дурная погода; в продолжение нескольких дней была страшная жара, сопровождаемая сильными грозами. С зари до зари слышались громовые раскаты.

Конец 1868 года прошел в работе, ради судна были почти позабыты все прочие дела. Через два с половиной месяца шпангоуты были поставлены на место и прикреплены первые доски бортовой обшивки. Уже сейчас можно было смело утверждать, что Сайрес Смит не зря работал над чертежами судна: оно могло выдержать любые испытания.

1 января 1869 года ознаменовалось особенно сильной грозой, несколько раз на остров падала и молния. Громадные деревья были сожжены, в том числе великолепные каркасы, окружавшие новый птичий двор, построенный на южном берегу озера. Не были ли связаны эти грозы с теми мощными сдвигами, которые происходили в глубинных слоях земного шара? Сайрес Смит склонялся к этому предположению, тем более что полоса гроз сопровождалась усилением деятельности вулкана.

3 января Герберт, поднявшись на рассвете на плато, чтобы оседлать онагра, увидел, что над вершиной вулкана стоит столб дыма. Он поспешил сообщить это колонистам, которые тотчас же собрались.

— Эге! — воскликнул Пенкроф. — Это уж не пары, а как есть настоящий дым! Наш вулкан не только дышит, а уж курит!

Моряк довольно метко выразил изменение, произошедшее в кратере вулкана. Уже три месяца из него вырывались пары, свидетельствовавшие, что внутри его кипят расплавленные минеральные вещества, а теперь вместо паров из него валил густой дым, поднимавшийся в виде сероватой колонны, которая расстилалась шатром над вершиной горы.

— Какой густой дым, — сказал Герберт, — и как высоко поднимается!

— Да, да, огонь выбрасывает в трубу, — сказал Спилетт.

— И мы не можем его потушить! — прибавил Герберт.

— Надо бы по-настоящему прочищать вулканы, — заметил самым серьезным тоном Наб.

— Хорошо придумано, Наб! — воскликнул Пенкроф. — Только кто ж польстится на такую

работу? Ты, что ль, возьмешь метелку да пойдешь в трубочисты? — И Пенкроф расхохотался.

— Друзья, — сказал Смит, подходя к товарищам, от которых до тех пор стоял поодаль, — я не скрою от вас, что нам грозит скорое извержение.

— Ну так что ж, господин Смит, — отвечал Пенкроф, — мы посмотрим, что это за извержение такое, и, если оно стоит того, мы ему похлопаем, как хлопают в театрах, когда актеры отлично играют. Бояться же, надо полагать, нам нечего?

— Кажется, нечего, Пенкроф, — отвечал Смит. — Дым выходит из старого кратера, значит лаве открыт прежний путь, а прежде она выливалась по северному склону горы. Но…

— Но так как извержение ничему не служит и не принесет нам никакой пользы, лучше, если бы его не было, — сказал Спилетт.

— Кто знает, господин Спилетт, — возразил моряк, — а может, и принесет пользу? Может, в этом вулкане есть клады и он нам их выкинет, а мы уж сумеем ими воспользоваться!

Но Сайрес Смит неодобрительно покачал головой, словно говоря, что лично он не ждет ничего хорошего от процесса, развивавшегося столь стремительно. Он не мог так легко и беспечно, как Пенкроф, относиться к предстоящему из-

вержению. Если из-за наклона кратера поток лавы и не угрожает непосредственно лесистой и возделанной части острова, возможны иные, весьма печальные последствия. Как известно, извержение вулкана нередко сопровождается землетрясением. Остров такого происхождения, как остров Линкольна, может просто распасться на части, ведь по своей структуре он состоит из самых различных пород: из базальта и гранита, застывшей лавы на севере и рыхлых почв на юге, а эти породы, конечно, не прочно связаны между собой. Если даже самое истечение лавы не несет серьезной опасности, то слабый подземный толчок неизбежно приведет к самым трагическим последствиям.

— Мне кажется, — сказал Айртон, который приник ухом к земле, — я слышу какой-то глухой грохот: точно едет вдали повозка, нагруженная железом.

Колонисты тоже начали прислушиваться. К глухому грохоту временами примешивались подземные завывания, словно сильный ветер порывами проносился в недрах земли.

Но настоящих подземных толчков еще не было. Из этого можно было заключить, что пары и дым свободно выходят из центрального отверстия и

что предохранительный клапан, как называл Смит кратер вулкана, достаточно широк, и потому нечего опасаться землетрясения.

— Да полно вам прислушиваться! — воскликнул Пенкроф. — Пусть себе Франклин сколько угодно курит, ревет, стонет и выкидывает огонь — из-за этого еще не стоит оставлять работы! Ну, Айртон, Наб, Герберт, пойдем — пора приниматься за дело! Господин Смит, господин Спилетт! Пожалуйте! Сегодня надо прилаживать обшивку, и чем больше рук, тем лучше. Не пройдет и двух месяцев, как новый «Благополучный» будет готов. Мы ведь его назовем «Благополучным», в память о прежнем, правда, господин Смит? Пойдем же! Нельзя терять ни часа, ни минуточки!

Все повиновались призыву. Работа с обшивными досками, составлявшими как бы пояс судна, была тяжелая, но все охотно за нее принялись.

Весь день 3 января не было больше разговора о вулкане. Его, впрочем, с верфи не было видно. Но раза два или три яркое солнце, сиявшее на совершенно безоблачном небе, словно застилалось туманом, и это означало, что между островом и солнечным диском проходило густое облако дыма. Ветер, дувший с моря, уносил это облако к западу.

Смит и Спилетт это видели.

— Нам недолго придется ожидать извержения, как вы думаете, Смит? — сказал Спилетт.

— Думаю, что недолго, Спилетт, и чем скорее мы закончим корабль, тем лучше.

После ужина Смит, Спилетт и Герберт взошли на плато Дальнего Вида. Последние лучи дневного света уже погасли.

— Кратер в огне! — воскликнул Герберт, который быстро и первым взбежал на плато.

Гора Франклина превратилась в исполинский факел; пламя, почти невидимое из-за густых клубов дыма и пепла, не отличалось яркостью, но желтоватый отблеск падал на остров, и в его свете неясно обрисовывались ближние леса. Целые облака дыма поднимались к небу, и сквозь них едва мерцало несколько звезд.

— Подземная работа быстро продвигается! — сказал Смит.

— Это неудивительно, — отвечал Спилетт. — Вулкан уж давно проснулся. Помните, Смит, первые пары показались еще во время нашей экспедиции в горы, а это было, если я не ошибаюсь, около пятнадцатого октября.

— Да-да, — сказал Герберт, — значит, уже два с половиной месяца.

— Скажите, Спилетт, вы не чувствуете некоторого дрожания, сотрясения почвы? — спросил Смит.

— Да, Смит, чувствую, но от этого еще далеко до землетрясения.

— Я не говорю, что нам непременно угрожает землетрясение, и боже нас сохрани от него! Эти сотрясения происходят от подземного кипения. Земная кора не что иное, как стенка паровика, а вы знаете, что вследствие давления паров стенки паровика дрожат и звенят… То же в настоящую минуту совершается и с земной корой.

— Смотрите, какие великолепные снопы пламени вылетают из кратера! — сказал Герберт.

В эту минуту вырвался целый огненный столб — град искр и светящихся обломков рассыпался во все стороны.

Вслед раздалось несколько подземных ударов.

Пробыв около часа на плато, колонисты вернулись домой.

Инженер был задумчив и казался таким озабоченным, что Спилетт счел нелишним спросить, нет ли близкой опасности от извержения.

— И да и нет… — отвечал Смит.

— Кроме землетрясения, которое может разрушить остров, я не вижу опасности, — продолжал Спилетт. — Но землетрясения нам нечего бояться, потому что пары и лава уже нашли себе свободный выход через старый кратер.

— Я и не опасаюсь землетрясения, то есть не опасаюсь того, что обыкновенно называют землетрясением… Но могут случиться другие неожиданности и иметь бедственные последствия…

— Что именно?

— Я еще не знаю хорошенько… Мне надо произвести некоторые исследования. Через несколько дней я удостоверюсь, основательны ли мои опасения, и тогда я вам их сообщу.

Спилетт не настаивал.

Прошло три дня — 4, 5 и 6 января. Колонисты продолжали деятельно заниматься постройкой судна. Смит хотя ничего не говорил, но по мере возможности старался ускорить работы.

Над вершиной горы стояло облако дыма; из кратера вырывалось пламя и летели раскаленные камни.

Глядя, как некоторые из этих камней вновь попадают в кратер, Пенкроф, продолжавший смотреть на извержение как на забаву, говорил:

— Ну вот, наш великан жонглирует! Ах, затейник какой!

— Лава, по-видимому, еще не поднялась до краев кратера, — сказал Спилетт.

— Не поднялась, — отвечал Смит, — иначе она

уже изливалась бы через северо-восточный его край, в котором находится большая щербина.

Как ни торопились колонисты с постройкой судна, а все-таки нельзя было совершенно остановить все другие работы и забросить хозяйство.

— Пора бы кому-нибудь из нас побывать на скотном дворе, — сказал Смит, — и посмотреть, что поделывают наши муфлоны и козы.

Решили, что Айртон туда отправится на следующий день, 7 января.

— И я отправлюсь с ним, — сказал Смит.

Эти слова всех очень удивили. Айртон легко мог справиться один, зачем же Смит хотел его сопровождать?

— Как, господин Смит, вы тоже хотите идти на скотный двор? — воскликнул Пенкроф. — Ах ты господи боже мой! Постройка «Благополучного» все затягивается! А сами же вы, господин Смит, говорили, что надо как можно скорее закончить!

— Мы завтра же вернемся, Пенкроф… Я желаю поближе поглядеть на гору Франклина и понять, скоро ли будет извержение…

— Ох уж это мне извержение! — проворчал моряк. — Признаюсь, есть чем заниматься…

На рассвете Смит и Айртон сели в повозку и поехали скорой рысью.

Над лесом проносились тяжелые темные тучи дыма с тонкой сероватой пылью от пепла.

— Этот пепел иногда держится в воздухе целые месяцы, — сказал Смит. — В Исландии после извержения тысяча семьсот восемьдесят третьего года атмосфера в продолжение целого года до того была затемнена вулканической пылью, что сквозь нее едва пробивались солнечные лучи.

Обыкновенно эта пыль оседает, и так именно случилось теперь. Не успели Смит и Айртон дойти до скотного двора, как посыпалось нечто вроде черного снега, похожего на порох. Деревья, луга — все исчезло под густым черным слоем в несколько дюймов толщиной. По счастью, ветер дул с северо-востока и унес часть облака к морю.

— Как странно это видеть, — сказал Айртон.

— Дело принимает плохой оборот, — отвечал инженер. — Эта минеральная пыль показывает, как сильно действует подземный огонь.

— С этим, я думаю, ничего не поделаешь, господин Смит?

— Разумеется, ничего, — отвечал Смит, — но необходимо следить… Пока вы будете задавать корм муфлонам и козам, я пройду к истоку Красного ручья и посмотрю, что делается на северном склоне горы. А потом…

— Что потом, господин Смит?

— Потом мы посетим пещеру Даккара… Я хочу видеть… Одним словом, я приду за вами через два часа.

Смит пробрался по уступам восточных утесов, обогнул Красный ручей и достиг того места, где в первую экспедицию открыл серный источник.

Как все здесь изменилось! Вместо одного столба дыма теперь он насчитал тринадцать, которые вырывались из земли, словно от нажима поршней. Земная кора в этом месте, очевидно, подвергалась сильнейшему давлению. Атмосфера была насыщена сернистым газом. Смит чувствовал, как дрожал под ним вулканический туф, которым была усеяна долина, но никаких следов новой лавы еще не было видно.

В последнем обстоятельстве инженер убедился окончательно, исследовав весь северный склон горы. Клубы дыма и целые снопы пламени вырывались из кратера, град раскаленных шлаков и лавы засыпал почву, но лава еще не изливалась потоком. Это доказывало, что расплавленные минералы еще не поднялись до верхнего отверстия кратера.

— Лучше бы это уже наступило! — проговорил Смит. — Я был бы покоен, зная, что лава течет

прежним путем. Кто поручится, что она не проложит себе новую дорогу? Впрочем, опасность не в этом… Капитана Немо, кажется, не обманули предчувствия… Он угадал, где настоящая опасность…

Смит дошел до огромного вала застывшей лавы, продолжение которого образовало узкий залив Акулы, внимательно осмотрел окаменевшие потоки и решил, что последнее извержение происходило в весьма отдаленные времена.

Он отправился в обратный путь, прислушиваясь к подземному грохоту, который теперь раздавался уже почти непрерывно.

Айртон закончил свою работу и ожидал его.

— Я задал животным корм, господин Смит, — сказал Айртон.

— Хорошо, Айртон.

— Они что-то очень беспокойны, господин Смит…

— Да. Инстинкт заговорил в них, а инстинкт не обманывает.

— Вы хотели отправиться в пещеру Даккара?

— Возьмите фонарь, кремни и огниво, и отправимся.

— Готово, господин Смит.

— Ну, в путь!

Распряженные онагры тревожно бродили по двору.

— Видите, как они беспокойны, — сказал Айртон.

— Да, вижу… — отвечал инженер.

Почва была так усыпана пеплом, что они шли, точно по подушкам. Ни единое животное не показывалось в лесу. Даже птицы попрятались; время от времени порыв ветра с моря поднимал слой пепла, и оба колониста, охваченные густым вихрем, не видели друг друга. В таких случаях они спешили приложить платки к глазам и рту во избежание опасности ослепнуть и задохнуться.

Понятно, что нельзя было быстро двигаться вперед. Воздух сделался тяжелым, трудным для дыхания, как будто часть заключающегося в нем кислорода выгорела. Невозможно было пройти сотню шагов, не отдыхая. Только после десяти часов утра они могли дойти до базальтовых и порфировых утесов на северо-западном берегу острова.

Айртон и Смит начали спускаться по крутому склону, который в памятную бурную ночь в первый раз привел их в пещеру Даккара. Днем этот спуск был, разумеется, не так опасен; кроме того, слой пепла, покрывавший скользкие скалы,

позволял увереннее ступать по их крутизне.

Они довольно скоро достигли скалы, возвышавшейся на сорок футов над уровнем моря. Смит помнил, что скала понижалась отлого до самой поверхности моря, но, хотя был час отлива, покатость скрывалась под водой, и морские волны били прямо в базальтовую стену.

Смит и Айртон без труда отыскали отверстие, ведущее в пещеру.

— Тут, кажется, мы оставили лодку? — спросил инженер.

— Вот она, господин Смит, — отвечал Айртон, вытягивая ее из расщелины.

Айртон вынул огниво и кремень, высек огонь, зажег фонарь, затем взялся за весла.

Скоро они очутились под сводом подземной пещеры. Фонарь, поставленный на форштевне, слабо освещал им путь своим мерцанием.

Теперь, когда уже не было «Наутилуса», испускавшего целые потоки электрического света, в пещере господствовал глубокий мрак.

Как ни слабо освещал фонарь, все-таки можно было продвигаться вперед, держась правой стороны пещеры.

Гробовое безмолвие царствовало под этими сводами.

Но безмолвие это скоро было нарушено. Продвигаясь далее в глубину пещеры, Смит явственно услышал подземный грохот.

— Это вулкан! — сказал Смит. — Вы чувствуете запах серы?

— Да, как будто пахнет серой, господин Смит.

Они проплыли еще сажени две; запах сделался так невыносим, что сомневаться было нельзя.

— Вот чего боялся капитан Немо! — тихо проговорил Смит. Он слегка побледнел, но не утратил хладнокровия. — Все-таки надо убедиться окончательно… Надо исследовать самую глубину пещеры…

Айртон налег на весла. Лодка пошла быстрее.

В конце пещеры они остановились.

Смит стал на скамью и, подняв фонарь, начал рассматривать стену, которая отделяла пещеру от жерла вулкана.

Какова была эта стена? Имела она сто футов толщины или десять, он не мог решить.

Однако, принимая во внимание, как явственно раздавались в пещере подземные удары, он заключил, что стена не должна отличаться особенной толщиной.

Исследовав стену в горизонтальном направлении, инженер укрепил фонарь на конце весла и

поднял его как можно выше.

Он увидел, что тут, сквозь еле заметные трещины, выходил едкий дым, наполнявший пещеру зловонием. В иных местах образовались щели, доходившие почти до поверхности воды.

Смит с минуту оставался в задумчивости, затем снова повторил:

— Да, капитан Немо был прав! Вот где опасность, и опасность страшная!

Айртон слышал эти слова, но ничего не спросил; по знаку Смита он снова взялся за весла, и полчаса спустя лодка выплыла из пещеры.

XIX. Огонь и вода

Проведя на скотном дворе целый день и убедившись, что хозяйство в порядке, Сайрес Смит и Айртон переночевали там. Вернувшись на следующее утро, 8 января, инженер тотчас собрал товарищей и объявил, что острову угрожает страшная опасность, предотвратить которую не в силах человеческих.

— Друзья, — сказал Смит, и в голосе его слышалось глубокое волнение, — остров Линкольна не принадлежит к тем островам, которые просуществуют до тех пор, пока будет существовать земной шар; ему суждено более или менее близкое разрушение, и разрушение это неминуемо!

Колонисты переглянулись между собой, затем поглядели на инженера. Они его не понимали.

— Говорите яснее, Сайрес! — сказал Спилетт.

— Сейчас объясню, Спилетт, или, говоря точнее, передам вам объяснение капитана Немо. Сообщу вам то, что сообщил мне капитан Немо…

— Капитан Немо?! — воскликнули колонисты.

— Да. Перед смертью он оказал нам последнюю услугу…

— Последнюю услугу! Последнюю услугу! —

воскликнул Пенкроф. — Это не последняя! Вы увидите, что хоть он и умер, а все-таки еще много услуг окажет!

— Знайте, друзья, — продолжал Смит, — что острову, вследствие его особого строения, на которое указывал мне капитан Немо, рано или поздно угрожает катастрофа… Рано или поздно его подводное основание разрушится.

— Разрушится! Остров Линкольна разрушится? Подите вы, не морочьте нам голову! — воскликнул Пенкроф.

И невзирая на все свое почтение к инженеру, моряк не мог удержаться, чтобы не пожать очень выразительно плечами.

— Выслушайте, Пенкроф! Вот в чем убедился капитан Немо и в чем я сам убедился вчера, исследуя пещеру Даккара. Эта пещера простирается под островом до самого вулкана и отделяется от его жерла только стеной. Стена эта теперь испещрена трещинами; сквозь нее уже прорываются сернистые газы, образующиеся внутри вулкана.

— Ну так что ж? — спросил Пенкроф, наморщив лоб.

— Я убедился, что эти трещины постепенно увеличиваются под напором газов, что базальтовая стена мало-помалу поддается, и рано или поздно

в трещины хлынет морская вода, заполняющая внутренность пещеры.

— И отлично! — сказал Пенкроф, пытаясь шутить. — Море погасит вулкан, и все будет кончено!

— Да, все будет кончено! — отвечал Смит. — В тот день, когда море хлынет сквозь эту базальтовую стену и проникнет через жерло вулкана в недра острова, где кипят расплавленные минералы, в тот, Пенкроф, день остров Линкольна взлетит на воздух, как взлетела бы Сицилия, если бы Средиземное море хлынуло в Этну.

Колонисты были потрясены. Они поняли, какая опасность им угрожает.

Смит не преувеличивал. У многих людей, не знакомых с физикой, являлась мысль «погасить» вулканы, которые почти всегда возвышаются на берегах морей или озер, проведя в них морские или озерные воды; но эти люди не знают, что в таком случае земная кора неминуемо может взорваться, как взрывается непрочный паровой котел. Вода, хлынув в жерло, где температура достигает нескольких тысяч градусов, с такой внезапной силой обратилась бы в пар, что не уцелела бы никакая оболочка.

Было несомненно, что острову угрожает страш-

ное разрушение. Пещерная стена не могла долго продержаться. Невозможно было рассчитывать на несколько месяцев, даже на несколько недель, а только на несколько дней, быть может, на несколько часов.

Колонисты были глубоко опечалены. Они думали не о собственной гибели, а о скором разрушении уголка земли, на котором они нашли убежище после воздушного крушения, о гибели возделанного ими острова, к которому они так сильно привязались, который они надеялись обратить в цветущую колонию. Столько напрасной траты сил, столько потерянного труда!..

Пенкроф не мог удержать крупную слезу, которая скатилась по его щеке. Он даже не старался скрыть ее от товарищей.

Разговор длился еще некоторое время. Все пришли к заключению, что невозможно терять ни минуты, что надо использовать все силы колонии на возможно быстрое завершение строительства корабля, так как это было единственное средство спастись.

Все мысли колонистов были теперь поглощены тем, чтобы корабль был готов до наступления страшной катастрофы.

Постройка велась в лихорадочном темпе. Око-

ло 23 января судно было наполовину обшито.

До сих пор на вершине вулкана колонисты еще не замечали никакой перемены. Из кратера продолжали вырываться пары и дым, смешанный с пламенем; вылетали и раскаленные камни. Но в ночь с 23 на 24 января, вследствие напора лавы, достигшей первого уступа вулкана, верхняя часть конуса, который составлял как бы крышку горы, оторвалась. Послышался страшный грохот.

Колонисты подумали, что остров уже начинает распадаться на части. Все кинулись из Гранитного дворца.

Было около двух часов ночи.

Небо словно пылало. Верхняя часть конуса — громадная глыба высотой в тысячу футов и весом в миллиард пудов — ринулась на остров и поколебала почву. По счастью, конус имел уклон к северу: он упал на песчаную и туфовую равнину, лежавшую между вулканом и морем. Широко раскрывшийся кратер стал извергать такой яркий, сильный свет, что атмосфера казалась раскаленной массой. Время от времени языки жидкой лавы, вздуваясь у новой вершины, лились длинными потоками, словно вода из переполненного бассейна, и извивались по скатам вулкана наподобие тысячи огненных змей.

— Скотный двор! — закричал Айртон.

Действительно, вследствие нового положения кратера лава устремлялась к скотному двору и, следовательно, к самым плодоносным частям острова; истокам Красного ручья, лесу Жакамара грозила неминуемая гибель.

По крику Айртона все кинулись к стойлам онагров. Повозка быстро была запряжена.

Колонисты были теперь заняты одной мыслью: бежать к скотному двору и поскорее выпустить на свободу всех животных.

Не было еще и трех часов утра, как они добрались до скотного двора. Страшное блеяние показывало, в каком ужасе были муфлоны и козы.

Уже один поток лавы — раскаленных, обратившихся в жидкость минеральных веществ — катился с уступов горы на луг, уничтожая все на своем пути.

Айртон быстро распахнул ворота. Обезумевшие от испуга животные кинулись бежать в разные стороны.

Через час кипящая лава накрыла скотный двор, испарила воду протекавшего по нему небольшого ручья, зажгла строения, вспыхнувшие, как солома, и истребила изгородь до последнего столба.

От скотного двора и следа не осталось…

Колонисты хотели было задержать вторжение лавы и попытались бороться, но безуспешно: человек совершенно безоружен перед такими страшными проявлениями подземного огня.

Наступил день 24 января.

Смит с товарищами, прежде чем вернуться в Гранитный дворец, хотел установить окончательное направление, по которому пойдут потоки лавы. Общий уклон почвы понижался от горы Франклина к восточному берегу. Можно было опасаться, что потоки лавы сметут густые леса Жакамара и распространят свое разрушительное действие до плато Дальнего Вида.

— Озеро защитит нас! — сказал Спилетт.

— Будем надеяться, — отвечал Смит.

Колонисты хотели подойти к равнине, на которую упала верхняя часть конуса горы Франклина, но потоки лавы на каждом шагу преграждали им путь. Эти потоки стремились с одной стороны по долине Красного ручья, а с другой — по долине реки Водопада, испаряя на своем пути обе эти водные артерии. Оставалось только быстрее отступать.

Вулкан был неузнаваем. Теперь наверху у него было нечто вроде столовой доски, заменявшей

прежний кратер. Через две расселины, с южного и восточного края, лава беспрестанно выливалась двумя потоками. Поверх нового кратера стояло облако дыма и пепла; с поверхности острова поднимались клубы паров. В воздухе раздавались сильные громовые раскаты, которые смешивались с подземными ударами вулканической горы. Из жерла вулкана то и дело вырывались огненные глыбы, которые отбрасывались более чем на тысячу саженей и, разрываясь на высоте, разлетались во все стороны наподобие картечи. Небо отвечало на вулканическое извержение ослепительным блеском молний.

Около семи часов утра колонисты, укрывшиеся на опушке леса, не могли более оставаться в своем убежище. Не говоря уже о целом граде сыпавшихся вокруг них камней, лава, переполнившая русло Красного ручья, могла ежеминутно отрезать им дорогу к берегу. Первые ряды деревьев загорелись, и соки их, быстро обращавшиеся в пар, с треском разрывали стволы.

Колонисты отправились в обратный путь по дороге к скотному двору. Они двигались медленно или, точнее, отступали. Но вследствие уклона почвы огненный поток быстро распространялся на восток, и лишь только нижние слои лавы за-

стывали, их тотчас же покрывала новая скатерть расплавленных минералов.

Главный поток, направлявшийся по долине Красного ручья, с каждой минутой становился грознее. Вся эта часть леса была им охвачена; громадные клубы дыма взвивались поверх деревьев, подножие которых было уже объято пламенем.

Колонисты остановились неподалеку от озера, в полумиле от устья Красного ручья. Здесь для них должен был решиться главный вопрос.

Смит, привыкший принимать решения в самых сложных условиях и знавший, что окружен людьми, способными без малодушия выслушать самое страшное известие, обратился к товарищам и сказал:

— Или озеро задержит этот поток — и в таком случае часть острова избежит полного разрушения, или же огненный поток нахлынет в леса Дальнего Запада — и тогда на цветущей почве острова Линкольна не уцелеет ни единого дерева, ни единого стебелька. Нам останется только ожидать смерти на этих обнаженных скалах, и ожидать придется недолго: вместе с островом взорвет и нас.

— Так, значит, нечего и работать над постройкой корабля, коли нас ожидает смерть через

каких-нибудь несколько часов! — воскликнул Пенкроф, скрестив руки на груди и топнув ногой.

— Пенкроф, — ответил Смит, — мы должны бороться до последней минуты!

В этот момент поток лавы, пробив себе путь сквозь роскошные деревья, подошел к краю озера. В этом месте почва несколько возвышалась, и если бы такое возвышение было значительнее, быть может, оно могло бы задержать дальнейшее продвижение расплавленной массы.

— За работу! — крикнул Смит.

Все тотчас поняли мысль инженера. Надо было попытаться какими-нибудь средствами не позволить огненной массе ринуться в озеро.

Колонисты кинулись к верфи. Они быстро перетащили к озеру заступы, лопаты, топоры и тут при помощи земляной насыпи и срубленных деревьев в несколько часов воздвигли плотину высотой около трех футов и длиной несколько сотен шагов. Они не чувствовали усталости, не замечали времени. А когда окончили работу, им показалось, что они работали всего каких-нибудь десять минут.

И пора было заканчивать. Лава уже подходила. Поток ее вздувался, словно река во время весен-

него разлива, и грозил ежеминутно прорваться через единственное препятствие, которое мешало ему хлынуть в леса Дальнего Запада… Но плотина еще сдерживала его; спустя минуту страшного колебания огненная река устремилась в озеро Гранта, падая с высоты двадцать футов.

Задыхаясь от чрезвычайного утомления, не двигаясь с места, колонисты безмолвно глядели на эту ужасающую борьбу двух стихий.

Как страшна была картина этой борьбы огня и воды! Какое перо может описать все ее ужасы? Какая кисть может изобразить их? Вода оглушительно свистела, мгновенно испаряясь при столкновении с кипящей лавой. Пары воды взвивались на невероятную высоту, словно вылетали из внезапно открытых клапанов громаднейшего парового котла.

Но как бы ни была велика масса воды в озере, она должна была вся испариться, так как озеро нисколько не пополнялось, а вливавшийся поток лавы, питаясь неистощимым источником вулкана, беспрестанно катил новые волны расплавленных минералов.

Первая лава, влившаяся в озеро, мгновенно затвердевала и, скопляясь, быстро всплывала над водой. На поверхность этого первого слоя

катились другие, которые, в свою очередь, обращались в камень и присоединялись к первому слою. Таким образом образовывалась плотина и грозила завалить камнями все озеро, которое не могло выступить из берегов, так как излишек воды беспрестанно улетучивался через пар. Свист и шипение оглашали воздух, а пары, увлекаемые ветром, падали на поверхность моря в виде дождя. Плотина все удлинялась, и отвердевшие глыбы лавы громоздились одни над другими. Там, где еще недавно простирались тихие воды озера Гранта, образовалось громадное скопление дымящихся каменных утесов — словно землетрясением выдвинуло целые тысячи подводных камней. Если бы кто представил себе эти спокойные воды поднятыми посредством страшного урагана, затем внезапно отвердевшими при двадцатиградусном морозе, то мог бы понять, какое зрелище являло собой озеро Гранта три часа спустя после вторжения в него потока лавы.

Победа должна была остаться за огнем.

Для колонистов было весьма важно, что поток лавы направился к озеру. Это оставляло в их распоряжении еще несколько дней, и можно было питать надежду на спасение. Плато Дальнего Вида, Гранитный дворец и верфь были на некоторое

время ограждены от огня. Этой отсрочкой надо было воспользоваться, чтобы закончить обшивку корабля и хорошенько его проконопатить, затем сейчас же спустить его на воду и укрыться там, а за вооружение приняться только тогда, когда судно будет уже стоять на воде. При постоянном страхе взрыва, который грозил всему острову, нечего было и думать о какой-либо безопасности на суше. До сих пор несокрушимый Гранитный дворец мог каждую минуту разрушиться…

В течение следующих шести дней, с 25 по 30 января, колонисты так продвинулись в постройке судна, словно их работало не пять, а двадцать человек. Они позволяли себе только самые короткие передышки; яркое пламя вулкана давало им возможность беспрерывно работать и днем и ночью.

Колонисты дорожили каждой минутой, потому что озеро Гранта почти совсем уже загромоздилось остывшей лавой, и если бы новые потоки ее нахлынули с прежней силой, то расплавленная масса неизбежно распространилась бы по плато Дальнего Вида, а с нее — по морскому берегу.

Но если эта сторона острова была защищена от сокрушительного действия огненного потока, то нельзя было сказать того же о его западной

части.

Второй поток лавы, направлявшийся по долине реки Водопада, по долине широкой и ровной, грунт которой шел, понижаясь, по обе стороны ручья, не встречал на пути никаких преград. Таким образом, раскаленная жидкость беспрепятственно продвигалась через леса Дальнего Запада. В это время года древесные соки высыхали от палящей жары, и лес мгновенно загорался, так что пожар распространялся одновременно и по основаниям стволов, и по верхним ветвям. Казалось даже, что пламя быстрее перекидывается по вершинам деревьев, чем по корням, охваченным раскаленной лавой.

Обезумевшие от ужаса животные — ягуары, дикие кабаны, водосвинки, всевозможные пушные звери и пернатая дичь — укрывались на берегах реки Милосердия и в болотах, по другую сторону бухты Воздушного Шара. Но колонисты были слишком заняты своим делом и не обращали никакого внимания на самых страшных из этих животных. Они оставили Гранитный дворец, не искали убежища даже в «Трубах», а жили в палатке, близ устья реки Милосердия.

Каждый день Смит и Спилетт поднимались на плато. Иногда их сопровождал Герберт, но Пенк-

роф всегда отказывался: он не хотел глядеть на остров Линкольна, так страшно изменившийся после извержения вулкана.

Действительно, зрелище было тяжелое: вся лесистая часть острова совершенно обнажилась. Только одна группа зеленых деревьев сохранилась на оконечности полуострова Извилистого. Там и сям торчало несколько обгорелых, почерневших пней. Места, где прежде зеленели обширные леса, были теперь бесплодными, как болота. Там, где еще так недавно красовалась роскошная растительность, почва представляла собой безобразное нагромождение вулканического туфа. Река Водопада и река Милосердия не вливали теперь в море ни единой капли воды, и колонисты не могли бы утолять жажду, если бы озеро совсем иссякло. По счастью, южная стрелка озера уцелела, образовав нечто вроде пруда, в котором теперь находилась вся пресная вода озера Линкольна. На северо-западе резко обозначались отроги вулкана, имевшие вид гигантских когтей, вцепившихся в почву.

Да, это было горькое зрелище, и как было тяжко колонистам видеть, что их плодоносное владение, покрытое лесами, орошенное быстрыми реками, в одну минуту превратилось в бесплод-

ный скалистый утес, на котором без запасов они не могли бы просуществовать даже несколько дней!

— Сердце разрывается при виде этой картины! — сказал однажды Спилетт.

— Да, Спилетт, — отвечал инженер. — Я теперь только о том думаю, как бы нам закончить постройку корабля. Он один может спасти нас!

— А не замечаете вы, Сайрес, что вулкан, по-видимому, начинает стихать? Лава идет уже не так сильно, если я не ошибаюсь.

— Это ничего не значит. Жар внутри горы все еще сильный, и море с минуты на минуту может туда устремиться. Мы находимся теперь в положении пассажиров на загоревшемся судне, которые не могут потушить пожар и вместе с тем знают, что рано или поздно он проникнет в пороховые камеры… Пойдемте, Спилетт, скорее работать: мы не должны терять ни единого часа!

В течение следующих восьми дней, то есть до 7 февраля, лава продолжала литься из кратера, но потоки ее не пошли далее указанных границ.

Смит больше всего боялся, что расплавленные вещества могут хлынуть на песчаный морской берег, так как в подобном случае невозможно было бы работать на верфи.

В эти дни колонисты чувствовали колебание всего острова, что в высшей степени их беспокоило.

Наступило 23 февраля. Необходим был по крайней мере еще месяц, чтобы спустить корабль на воду.

Уцелеет ли остров еще месяц?

На этот вопрос невозможно было ответить: гибель могла прийти каждый день, каждый час.

Наступило 3 марта. Смит рассчитывал, что судно можно будет спустить дней через двенадцать.

Колонисты начали снова надеяться. Даже Пенкроф слегка оправился от мрачного уныния. Он, правда, ни о чем не думал, кроме судна.

— Мы его закончим, — говорил он инженеру, — мы его закончим, господин Сайрес, да и пора уже закончить, потому что скоро наступит осеннее равноденствие. Ну что же, коли понадобится, мы пройдем сперва к острову Табор и там перезимуем… Остров Табор после острова Линкольна! Ах, несчастный я человек! Думал ли я дожить до такой напасти?..

— Будем торопиться! — отвечал неизменно энергичный и хладнокровный Смит.

И все снова принимались за работу.

— Господин, — спросил однажды Наб, — что, ес-

ли бы капитан Немо остался в живых, случились бы все эти извержения, как вы думаете?

— Да, Наб, — ответил Смит.

— Ну, я этому не верю! — прошептал Пенкроф на ухо Набу.

— И я тоже! — серьезно ответил Наб.

В первых числах марта гора Франклина снова приняла грозный вид. Лава наполнила кратер и выливалась со всех сторон вулкана. Потоки бежали по поверхности застывших туфов и довершали истребление жалких остатков растительности, уцелевших после первого извержения.

На этот раз расплавленная масса хлынула на плато Дальнего Вида.

Это был ужасный удар для колонистов.

Мельница, строения птичьего двора, стойла онагров — от всего этого не осталось и следа. Испуганные пернатые разлетелись во все стороны. Топ и Юп вели себя крайне беспокойно, инстинктивно чуя скорое приближение катастрофы. Река расплавленных минералов, перелившись через гранитную стену, устремила свои огненные волны на берег моря.

Невозможно описать весь ужас подобного зрелища. Ночью можно было подумать, что это стремится Ниагара из расплавленного чугуна, с

раскаленными добела парами вверху и кипящими массами внизу!

Колонисты были вынуждены прибегнуть к последнему средству спасения: невзирая на то что надводная часть судна еще не была проконопачена, решили спустить его на воду.

Пенкроф и Айртон подготовили все к спуску. Назначили его на утро 9 марта.

Но в ночь с 8 на 9 марта вдруг раздались страшные подземные удары. Громадный столб паров, вырвавшись из кратера, поднялся более чем на три тысячи футов. Базальтовая стена пещеры Даккара, очевидно, уступила давлению газов. Морские воды, устремившись через жерло в огненную бездну, мгновенно обратились в пар. Кратер не предоставлял достаточного выхода этим парам. Произошел взрыв, который можно было слышать на расстоянии ста миль.

Обломки разрушенных утесов попадали в Тихий океан, и в несколько минут море сомкнулось над тем местом, где прежде был остров Линкольна.

XX. Уцелевшая скала

Одинокая скала длиною тридцать, а шириною пятнадцать футов едва поднималась из Тихого океана.

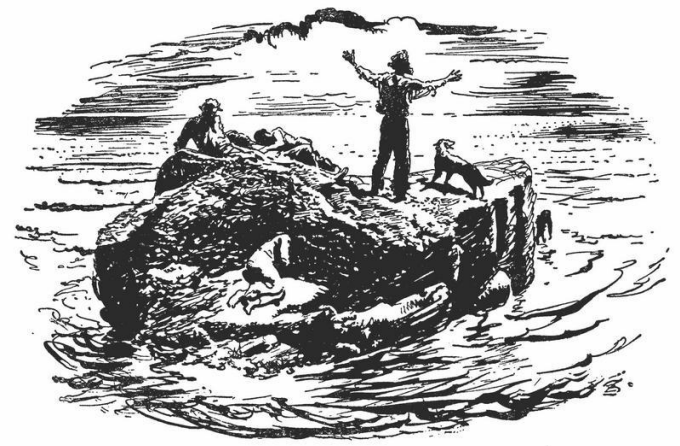
Это было все, что уцелело от Гранитного дворца. Громадная гранитная масса была опрокинута и разрушена, и несколько повалившихся утесов образовали это возвышение. Все исчезло в пучине: гора Франклина, вал застывшей лавы, окружавший залив Акулы, плато Дальнего Вида, островок Спасения, гранитные утесы бухты Воздушного Шара, базальтовые стены пещеры Даккара, наконец, даже полуостров Извилистый, находившийся так далеко от вулкана.

На уцелевшей скале нашли убежище шесть линкольнских колонистов и их собака Топ. Все животные и птицы погибли. Несчастный Юп тоже нашел смерть в какой-нибудь огненной расщелине.

Смит, Спилетт, Пенкроф, Герберт, Наб, Айртон и Топ остались в живых только потому, что их счастливым случаем выкинуло в море в ту минуту, когда во все стороны полетели обломки острова.

Когда несчастные выплыли на поверхность, они ничего не увидели, кроме небольшой скалы, едва возвышавшейся над волнами.

На этой скале, обнаженной и бесплодной, они жили в продолжение девяти дней. Кое-какая скудная провизия, которой они запаслись в ожидании катастрофы, немножко пресной воды, которую они собрали после дождя в углублениях гранита, — вот все, что у них оставалось. Их последняя надежда — судно — была уничтожена. У них не было ни малейшей возможности покинуть этот надводный камень. Не было огня, не было никакой возможности его добыть. Они были обречены на гибель.



В этот день, 18 марта, у них оставалось всего на два дня провизии, хотя они все время довольствовались только самыми скудными порциями. Ни наука, ни энергия и ум не могли им помочь в этом положении.

Смит был спокоен. Спилетт, менее хладнокровный, и Пенкроф, обуреваемый отчаянием и гневом, ходили взад и вперед по скале. Герберт не

отходил ни на минуту от инженера и по временам смотрел на него, как бы ожидая, не отыщет ли он средства спасения. Наб и Айртон безропотно покорялись своей участи.

— Ах, горе, горе! — повторял Пенкроф. — Нам бы хоть какую ореховую скорлупку, чтоб добраться до острова Табор! Ничего нет! Ничего!

— Капитан Немо хорошо сделал, что умер! — сказал однажды Наб.

В продолжение последовавших затем пяти дней Смит и его несчастные товарищи, экономя провизию, питались так, чтобы только не умереть от голода, и потому чрезвычайно ослабли. Герберт и Наб лежали почти в забытьи и несколько раз начинали бредить.

Все лежали неподвижно. Один Айртон поднимал еще голову и бросал отчаянные взгляды на пустынное, беспредельное море.

Наступило утро 24 марта.

Вдруг Айртон простер руки, приподнялся, как будто пытаясь указать на какую-то точку на горизонте.

Корабль был в виду острова, и этот корабль шел прямо к скале, возвышавшейся над волнами, — к скале, на которой изнемогали колонисты!

Если бы эти несчастные имели силы наблю-

дать за морем, они бы еще несколько часов назад заметили этот корабль.

— «Дункан»! — крикнул Айртон и упал без чувств.

Когда Смит и его товарищи очнулись, они увидели себя в каюте парохода, не понимая, каким образом избежали смерти.

Одно слово, произнесенное Айртоном, им все объяснило.

— «Дункан»! — проговорил Айртон.

— «Дункан»? — воскликнул Смит.

Да, к ним на помощь пришел «Дункан», яхта лорда Гленарвана, которой теперь командовал Роберт, сын капитана Гранта.

Колонисты были спасены.

— Капитан Грант, — спросил Смит, — кто подал вам мысль, не найдя Айртона на острове Табор, повернуть на северо-восток и зайти — более чем на сто миль — в этом направлении?

— Господин Смит, — ответил Роберт Грант, — я приплыл сюда не только за Айртоном, но за вами и за вашими товарищами.

— За мной и за моими товарищами?

— Разумеется. Я плыл к острову Линкольна.

— К острову Линкольна! — воскликнули хором Спилетт, Герберт, Наб и Пенкроф.

Они были чрезвычайно удивлены.

— Но каким образом вы узнали о существовании острова Линкольна, — спросил Смит, — ведь этот остров не помечен ни на одной карте?

— Узнал очень просто, — отвечал Роберт Грант, — из документа, который вы оставили на острове Табор.

— Документ? — воскликнул Спилетт.

— Разумеется, и вот он, — отвечал Роберт Грант, показывая записку, в которой самым точным образом была обозначена долгота и широта острова Линкольна как «настоящее место пребывания Айртона и пяти американских колонистов».

— Эту записку написал капитан Немо! — сказал Смит, прочитав документ и увидев, что он написан тем самым почерком, что и записка, найденная ими на скотном дворе.

— А, так это он брал наш ботик «Благополучный» и один-одинешенек плавал на остров Табор! — сказал Пенкроф.

— Да, — сказал Герберт, — он плавал затем, чтобы оставить там этот документ.

— А что, не говорил я вам, — воскликнул моряк, — что даже после своей смерти капитан Немо нам поможет!

В эту минуту Айртон приблизился к инженеру

и сказал ему:

— Господин Смит, куда прикажете положить эту шкатулку?

И он подал шкатулку, наполненную жемчугом и бриллиантами, которую оставил им в наследство капитан Немо. Он ее спас, с опасностью для жизни, в минуту разрушения острова Линкольна.

— Айртон! Айртон! — проговорил Смит с глубоким волнением.

Затем, обращаясь к Роберту Гранту, он прибавил:

— Капитан, вы покинули на острове Табор преступника, а теперь находите человека, которому я с уважением протягиваю руку!

Роберт Грант выслушал странную историю капитана Немо и приключения колонистов острова Линкольна. Затем, отметив на карте одинокую скалу, уцелевшую от разрушенного острова, он отдал приказ лечь на обратный курс.

Спустя пятнадцать дней линкольнские колонисты высадились в Америке, где уже вместо междоусобной войны воцарился мир, где уничтожено было рабство и торжествовало правосудие.

Бóльшая часть богатства, завещанного капитаном Немо линкольнским колонистам, была

вложена в приобретение обширного владения в штате Айова. Одна, самая прекрасная, жемчужина из этих драгоценностей была послана леди Гленарван от имени колонистов, спасенных «Дунканом».

Поселившись в новом владении, колонисты призвали к общему труду, то есть к довольству и счастью, всех тех, кого рассчитывали пригласить на остров Линкольна. Тут была основана огромная колония, которую окрестили именем острова, исчезнувшего в глубинах Тихого океана. Главную реку, здесь протекавшую, назвали рекой Милосердия, самой высокой горе дали имя Франклина, маленькому озеру — имя Гранта, а дремучие леса получили название лесов Дальнего Запада.

— Тот же остров Линкольна, — говорил Пенкроф, — только на твердой земле!

Под управлением Смита и его товарищей новая колония процветала. Колонисты поклялись никогда не расставаться, и им очень легко было сдержать эту клятву. Наб мог существовать только там, где был его господин; Айртон считал за счастье жить одной жизнью с людьми, которым он был всем обязан; Пенкроф превратился в заправского фермера; Герберт завершал свое образование под руководством инженера, а

Спилетт достиг исполнения самого пламенного своего желания: он издавал газету «Нью-Линкольн геральд», которую считал лучшей газетой на земном шаре.

Тут, в новой колонии, Смит и его товарищи несколько раз принимали у себя лорда и леди Гленарван, капитана Джона Манглса и его жену — сестру Роберта Гранта, самого Роберта Гранта, майора Мак-Набса и всех, кто принимал участие в историях капитана Гранта и капитана Немо.

Тут колонисты нашли счастье и спокойствие.

Но они часто вспоминали остров, на который были выброшены без всяких средств, полуобнаженные и чуть живые, — остров, на котором они нашли все, что было им необходимо, где прожили четыре года, узнали и похоронили капитана Немо и от которого уцелела только глыба гранита, омываемая волнами Тихого океана.

1875

Словарь

В словарь не вошли понятия, значение которых раскрывается в ходе повествования.

Ахтерштевень — нижняя кормовая часть судна, служащая продолжением киля.

Бакштаг — направление движения судна относительно ветра, когда угол между линией ветра и носом корабля больше 90° и меньше 180°.

Барометр-анероид — прибор для измерения атмосферного давления.

Бейдевинд — курс парусного судна относительно ветра, когда угол между линией ветра и носом корабля меньше 90°.

Бимс — поперечная балка, поддерживающая палубу и составляющая часть поперечного набора судна.

Брамсель — парус третьего яруса на парусных судах с прямым вооружением. В зависимости от принадлежности к определенной мачте брамсель носит дополнительное название — фор-брамсель на фок-мачте, грот-брамсель на грот-мачте, крюйс-брамсель на бизань-мачте.

Брать рифы — уменьшать площадь паруса (при

сильном ветре).

Бушприт — горизонтальный или наклонный брус, служащий для выноса вперед носовых парусов, благодаря чему улучшается маневренность судна.

Ванты — тросы, при помощи которых крепят мачту с боков.

Ватерштаг — снасть, поддерживающая мачту.

Ворвань — устаревший термин, которым называли жир, добываемый из морских млекопитающих и рыб.

Вымбовка — рычаг для вращения ворота, служащего для подъема якоря.

Галс — направление движения судна относительно ветра.

Гик — вращающееся горизонтальное рангоутное дерево, упирающееся передним концом в мачту, по которому растягивается нижняя кромка паруса.

Кабестан — лебедка с барабаном, насаженным на вертикальный вал, для подтягивания судов к причалу, выбирания судовых якорей и т. п.

Квагга — один из видов зебр. Распространена в Южной Африке.

Кливер — треугольный парус перед фок-мачтой.

Копер — строительная машина, которая держит и направляет сваи при их погружении в грунт.

Крюйт-камера — помещение на старинных военных кораблях для хранения взрывчатых веществ и ружейных патронов.

Линь — пеньковый трос, применяемый на судах для оснастки, такелажных работ и др.

Лот — навигационный прибор для измерения глубины воды с борта судна.

Марсель — второй снизу четырехугольный парус на парусных судах с прямым вооружением. В зависимости от мачт и реев, на которых они закреплены, различают фор-марсель, грот-марсель и др.

Набор корпуса судна — система балок, образующая каркас судна.

Нагель — деревянный или металлический стержень, скрепляющий части конструкций деревянных судов.

Прао — малайское открытое, почти плоскодонное, с вогнутыми внутрь кормовым и носовым штевнями судно, построенное целиком из тикового дерева.

Рангоут — совокупность надпалубных частей вооружения судна, предназначенных для постановки и несения парусов.

Рей — поперечный брус на мачте, к которому прикрепляют паруса.

Рефракция света в атмосфере — оптическое явление, при котором из-за преломления световых лучей в атмосфере удаленные объекты кажутся смещенными, а иногда изменившими свою форму.

Риф — поперечный ряд продетых сквозь парус завязок, при помощи которых можно уменьшить площадь паруса, подбирая и завязывая его нижнюю часть.

Секстант — прибор для измерения высоты небесных светил над горизонтом с целью определения координат места наблюдателя.

Стаксель — косой треугольный парус.

Стопор — приспособление для остановки какого-либо механизма или для закрепления его частей в определенном положении.

Таль — подвесное подъемное устройство с ручным или моторным приводом.

Топсель — рейковый парус треугольной формы.

Траверз — направление, перпендикулярное курсу судна.

Фальшборт — легкая обшивка борта выше палубы.

Фарватер — судовой ход, безопасный в навигационном отношении проход по водному пространству.

Фок — самый нижний парус на передней мачте судна (фок-мачте) с прямыми парусами или треугольный парус на судне, имеющем одну мачту.

Шпангоуты — ребра судна, к которым крепится наружная его обшивка.

Штевень — особо прочная часть корпуса судна, которой заканчивается набор судна в носу и корме.

Ярд — мера длины, равная 0,9144 метра.

О Жюле Верне и «Таинственном острове»

1

…Незаметно подкралась старость. Уже много лет Жюль Верн не выезжал из Амьена и все реже выходил из дому. Его мучили головокружения и бессонница. Он страдал от подагры и диабета, почти полностью потерял зрение, стал плохо слышать. Окружающий мир погрузился в полумрак, но он продолжал писать — наугад, на ощупь, сквозь сильную лупу, лишь в часы крайней усталости соглашаясь диктовать сыну Мишелю.

Из разных стран поступали десятки писем. Иные без адреса: «Жюлю Верну во Францию». Юные читатели просили автограф, с восторгом отзывались о его сочинениях, желали здоровья, подсказывали сюжеты новых романов. Известные ученые, изобретатели, путешественники благодарили писателя за то, что его книги помогли им еще на школьной скамье полюбить науку, найти призвание.

Массивный шкаф в его библиотеке, отведенный для переводной «жюльвернианы», был забит до отказа сотнями разноцветных томов, изданных на многих языках, вплоть до арабского и японского. Русские издания едва умещались на двух

верхних полках. Но это была лишь частица того, что тогда уже было напечатано во всем мире под его именем.

Все чаще в Амьен наведывались парижские репортеры и корреспонденты иностранных газет. И Жюль Верн, так неохотно и скупо говоривший о себе и о своем творчестве, вынужден был принимать визитеров и давать интервью. Беседы тут же записывались и попадали в печать.

Почти каждый журналист начинал с традиционного вопроса:

— Месье Верн, не могли бы вы рассказать, как началась ваша литературная деятельность?

— Моим первым произведением, — отвечал Жюль Верн, — была небольшая комедия в стихах «Разломанные соломинки». Я показал ее Александру Дюма, и он не только поставил ее на сцене своего «Исторического театра» — это было в 1850 году, — но даже посоветовал напечатать. «Не беспокойтесь, — ободрил меня Дюма, — даю вам полную гарантию, что найдется хотя бы один покупатель. Этим покупателем буду я!»

Работа для театра очень скудно оплачивалась. И хотя я продолжал писать либретто для водевилей и комических опер, только лет через десять мне стало ясно, что драматические произведения

не принесут мне ни славы, ни средств к жизни. В те годы я ютился в мансарде и был очень беден. Пора было всерьез задуматься о будущем. Мой отец не переставал настаивать, чтобы я вернулся в Нант. С дипломом лиценциата права мне было бы там обеспечено полное благополучие: отец хотел сделать меня совладельцем, а затем и наследником своей адвокатской конторы. Но я уже был «отравлен» литературой и остался в Париже. Моим истинным призванием, как вы знаете, оказались научные романы, или романы о науке, — не знаю, как лучше их назвать…

И все-таки я никогда не терял любви к сцене и ко всему, что так или иначе связано с театром. Мне всегда было очень радостно, когда мои романы, переделанные в пьесы, начинали на сцене вторую жизнь. В этом отношении особенно повезло «Михаилу Строгову» и «Вокруг света в восемьдесят дней».

— Хотелось бы знать, месье Верн, что побудило вас писать научные романы и как напали вы на эту мысль?

— Меня всегда интересовали науки, в особенности география. И понятно почему. Истоки будущих увлечений нужно искать в детстве. В Нантский порт прибывали корабли со всех

концов света. Я мечтал стать моряком, грезил о дальних странствиях, о необитаемых островах и даже попытался однажды, когда мне было одиннадцать лет, удрать в Индию на шхуне «Корали», поменявшись одеждой с юнгой. Любовь к географическим картам, к истории великих открытий никогда не остывала во мне и в конце концов помогла найти свой жанр. Литературное поприще, которое я избрал, было тогда ново и почти совсем не использовано. В занимательной форме фантастических путешествий я старался распространять современные научные знания. На этом и основана серия географических романов, ставшая для меня делом жизни. Ведь еще до того, как появился первый роман, положивший начало «Необыкновенным путешествиям», я написал несколько рассказов на подобные же сюжеты — например, «Драма в воздухе» и «Зимовка во льдах».

— Расскажите, пожалуйста, о своем первом романе. Когда и при каких обстоятельствах он появился?

— Приступив к роману «Пять недель на воздушном шаре» — помню, как сейчас, знойное лето 1862 года, — я решил выбрать местом действия Африку просто потому, что эта часть света была

известна значительно меньше других. И мне пришло в голову, что самое интересное и наглядное исследование этого обширного континента может быть сделано с воздушного шара. Никто не преодолевал на аэростате такие огромные расстояния. Поэтому мне пришлось придумать некоторые усовершенствования, чтобы баллоном можно было управлять. Помнится, испытывал сильнейшее наслаждение, когда писал этот роман и, главное, когда производил необходимые изыскания, чтобы дать читателям по возможности реальное представление об Африке.

Кончив работу, я обратился по совету одного из друзей к издателю Этцелю. Он быстро прочел рукопись, пригласил меня к себе и сказал: «Вашу вещь я напечатаю. Я уверен, она будет иметь успех». И опытный издатель не ошибся. Роман вскоре был переведен почти на все европейские языки и принес мне известность…

С тех пор по договору, который заключил со мной Этцель, я передаю ему ежегодно — увы, теперь уже не ему, а его сыну — по два новых романа или один двухтомный. И этот договор, по-видимому, останется в силе до конца моей жизни…

— Вас называют провидцем, месье Верн, и вы

это сами знаете. Ведь во многих ваших романах содержатся удивительно точные предсказания научных открытий и изобретений — предсказания, которые постепенно сбываются. Как это объяснить?

— Вы преувеличиваете. Это простые совпадения, и объясняются они очень просто. Когда я говорю о каком-нибудь научном феномене, то предварительно исследую все доступные мне источники и делаю свои выводы, опираясь на множество фактов. Нужно их только сопоставить и мысленно продолжить во времени. Пример — «Наутилус». Подводная лодка существовала и до моего романа. Я просто взял то, что уже намечалось в действительности, и развил в воображении. Сейчас господствует паровая машина, но не за горами век электричества. И вот я погружаю капитана Немо в стихию, которая дает ему возможность не только получать двигательную силу — электрическую энергию из самого океана, — но и добывать в морской пучине все необходимое для жизни. Не сомневаюсь, настанет день, когда люди смогут эксплуатировать недра океана так же, как теперь золотые россыпи… Когда-то я принимал участие в опытах с моделями летательных аппаратов тяжелее воздуха. Сейчас

достигнуты ощутимые результаты. Правда, еще нет надежного двигателя, но он появится. Могу сказать без малейшего колебания — будущее принадлежит авиации. Отсюда — электрический геликоптер Робура. Я верю в могущество науки и нисколько не преувеличиваю ее возможностей. Поэтому некоторые из моих предположений, высказанных несколько десятилетий назад, действительно в какой-то степени подтвердились. Позднее, наверное, подтвердятся и многие другие…

Что же касается точности описаний, то этим я обязан всевозможным выпискам из книг, газет, журналов, различных рефератов и отчетов, которые у меня заготовлены впрок и исподволь пополняются. Все эти заметки тщательно классифицируются и служат материалом для моих романов. Ни одна моя книга не написана без помощи этой картотеки. Я внимательно просматриваю двадцать с лишним газет, прилежно прочитываю все доступные мне научные сообщения, и, поверьте, меня всегда охватывает чувство восторга, когда я узнаю о каком-нибудь новом открытии…

— Ваши герои всегда путешествуют. Ну а сами вы, месье Верн, разве вы не любите путешество-

вать?

— Очень люблю, вернее, любил. Пока позволяло здоровье, я проводил значительную часть года на своей яхте «Сен-Мишель». Я дважды обогнул на ней Средиземное море, посетил Италию, Англию, Шотландию, Ирландию, Данию, Голландию, Скандинавию, высаживался на Мальте, в Испании, Португалии, заходил в африканские воды… Эти поездки очень пригодились мне впоследствии при сочинении романов.

Я побывал даже в Северной Америке. Это случилось в 1867 году. Одна французская компания приобрела океанский пароход «Грейт Истерн», чтобы перевозить американцев на Парижскую выставку… Мы посетили с братом Нью-Йорк и несколько других городов, видели Ниагару зимой, во льду… На меня произвело неизгладимое впечатление торжественное спокойствие гигантского водопада. Поездка в Америку дала мне материал для романа «Плавающий город».

Море — моя стихия, моя страсть. Самому мне стать моряком не довелось, но во многих моих книгах действие происходит на морских просторах…

Почти каждый посетитель задавал писателю дежурный вопрос:

— Месье Верн, вы один из самых популярных и самых плодовитых романистов. Не сочтите нескромным мое любопытство, но хотелось бы знать, как вам удается… в вашем возрасте… сохранять такую завидную работоспособность?

На этот вопрос Жюль Верн отвечал с плохо скрытым раздражением:

— Не надо меня хвалить. Труд для меня — источник единственного и подлинного счастья… Это — моя жизненная функция. Как только я кончаю очередную книгу, я чувствую себя несчастным и не нахожу покоя до тех пор, пока не начну следующую. Праздность является для меня пыткой.

— Да, я понимаю… И все же вы пишете с такой легкостью…

— Это заблуждение! Мне ничего легко не дается. Почему-то многие думают, что мои произведения — чистая импровизация. Какой вздор! Чтобы роман понравился, нужно изобрести совершенно необычную и вместе с тем оптимистическую развязку. И когда в голове сложится костяк сюжета, когда из нескольких возможных вариантов будет избран наилучший, только тогда начнется следующий этап работы — за письменным столом. Окончательный же текст получается после пятой или седьмой корректуры. Происходит

это потому, что яснее всего я вижу недостатки своего сочинения не в рукописи, а в печатных оттисках… К тому же еще я должен учитывать запросы и возможности юных читателей, для которых написаны все мои книги. Работая над своими романами, я всегда думаю о том — пусть иногда это идет даже в ущерб искусству, — чтобы из-под моего пера не вышло ни одной страницы, которую не могли бы прочесть и понять дети.

— А что вас заставило переселиться в Амьен?

— Желание избавиться от шума и сутолоки. Я пишу ежедневно с пяти утра до полудня. Такой распорядок жизни потребовал некоторых жертв. Чтобы ничто не отвлекало от дела, я променял Париж на тихий провинциальный город. И поступил правильно.

В заключение собеседник обычно спрашивал об общем замысле «Необыкновенных путешествий» и дальнейших планах писателя. Жюль Верн отвечал:

— Я поставил своей задачей описать в «Необыкновенных путешествиях» весь земной шар, природу разных климатических зон, животный и растительный мир, нравы и обычаи всех народов планеты. Следуя из страны в страну по заранее установленному плану, я стараюсь не возвра-

щаться без крайней необходимости в те места, где уже побывали мои герои. Мне предстоит еще описать довольно много стран, чтобы полностью расцветить узор. Но это сущие пустяки по сравнению с тем, что уже сделано. Быть может, я еще закончу мою сотую книгу! Закончу обязательно, если проживу еще пять или шесть лет…

— И вы знаете, чему будет посвящена ваша сотая книга?

— Да, я часто думаю об этом. Я хочу в своей последней книге дать в виде связного обзора полный свод моих описаний земного шара и небесных пространств и, кроме того, напомнить о всех маршрутах, которые были совершены моими героями… Но независимо от того, успею я выполнить этот замысел или нет, могу вам признаться, что у меня накопилось в запасе несколько готовых рукописей, которые будут изданы после моей смерти…

2

Жюль Верн скончался семидесяти семи лет, 24 марта 1905 года, так и не успев написать задуманную сотую книгу. Но то, что он выполнил за четыре с лишним десятилетия непрерывной работы над «Необыкновенными путешествиями», — колоссальный творческий подвиг: шестьдесят три романа и два сборника повестей и рассказов, в первых изданиях Этцеля это девяносто семь книг — всего около тысячи печатных листов, или восемнадцати тысяч книжных страниц! И это не считая статей и очерков, многочисленных пьес и научно-популярных географических трудов. Главный из них — «История великих путешествий».

Конечно, значение писателя определяется не количеством опубликованных книг, а новизной его творчества, богатством идей, художественными открытиями, которые делают его непохожим на других.

В этом смысле Жюль Верн — настоящий новатор. В истории мировой литературы он — первый классик научно-фантастического романа, замечательный мастер романа путешествий и

приключений, блестящий пропагандист науки и ее грядущих завоеваний.

Он довел до высокого совершенства художественную форму приключенческого романа, обогатив его новым содержанием и подчинив пропаганде научных знаний.

Наука в его романах неотделима от действия. На ней, собственно, и держится замысел. Читатель незаметно воспринимает какую-то сумму сведений, сплавленных с самим сюжетом. И в этом — не только мастерство романиста, но и огромная просветительная роль его «Необыкновенных путешествий», сопутствующих многим поколениям школьников разных стран и народов.

Фантастика произведений Жюля Верна основана на научном правдоподобии и нередко на научном предвидении.

Открытия и изобретения, которые еще не вышли из стадии лабораторного эксперимента или только намечались в перспективе, он рисовал как уже осуществленные — с заглядом, как выяснялось позднее, на 30, 40, 50, а то и на 100 лет вперед. И этим объясняются столь частые совпадения мечты фантаста с ее последующим воплощением в жизнь.

Жюль Верн «усовершенствовал» все виды транспорта — сухопутные, морские, подводные и воздушные, — «построил» межпланетный лунный снаряд, «запустил» искусственный спутник, «сконструировал» множество электрических приборов, «изобрел» телевизор и звуковое кино, аппараты искусственного климата и немало других замечательных вещей, предвосхитивших реальные достижения науки.

Инженерная фантастика в романах Жюля Верна утвердилась на равных правах с географической.

Путешественники, созданные воображением писателя, исследуют вулканы и глубины морей, проникают в недоступные дебри, открывают новые земли, стирая с географических карт последние «белые пятна».

Гаттерас достигает Северного полюса, Немо водружает свой флаг на Южном, Эрик Герсебом («Найденыш с погибшей „Цинтии“») совершает кругосветное плавание в арктических водах, доктор Фергюссон («Пять недель на воздушном шаре») открывает истоки Нила и т. д.

Последующие исследования подтвердили справедливость многих географических прогнозов Жюля Верна, особенно в произведениях, изобра-

жающих экспедиции в Арктику.

Вместе с новым романом в литературу вошел и новый герой — рыцарь науки, бескорыстный ученый, чьи дела и свершения, опережая реальные возможности времени, устремлены в будущее.

Герои «Необыкновенных путешествий» не только проникают в тайны природы, познают неведомое, изобретают, конструируют, строят, но и участвуют в освободительных войнах, выступают с оружием в руках на стороне угнетенных.

И они же, герои «Необыкновенных путешествий», пытаются претворить мечтания о совершенном обществе будущего, где восторжествует полная справедливость, исчезнут угнетение и неравенство, где высшие завоевания науки и техники будут служить общему благу.

Так возникают в романах Жюля Верна (в духе предначертаний французских утопистов) образцовые трудовые общины, идеальные города-государства. К инженерной и географической фантастике присоединяется фантастика социальная.

Под этим углом зрения и нужно рассматривать «Таинственный остров».

3

«Робинзонады, — вспоминал Жюль Верн на склоне лет, — были книгами моего детства, и я сохранил о них неизгладимое воспоминание. Я много раз перечитывал их, и это способствовало тому, что они запечатлелись в моей памяти. Никогда впоследствии при чтении других произведений я не переживал больше столь сильных впечатлений. Не подлежит сомнению, что любовь моя к этому роду приключений инстинктивно привела меня на дорогу, по которой я пошел впоследствии. Эта любовь заставила меня написать „Школу робинзонов“, „Таинственный остров“, „Два года каникул“, герои которых являются близкими родичами Дефо и Висса. Поэтому никто не удивится тому, что я всецело отдался сочинению „Необыкновенных путешествий“».

«Таинственный остров» принадлежит к циклу романов-робинзонад, занимающих в творчестве Жюля Верна особое место.

Само слово «робинзонада» вошло в литературу еще в XVIII веке, когда во многих европейских странах стали появляться один за другим десятки книг, написанных под влиянием «Робинзона

Крузо» (1719), всемирно известного романа, принадлежащего перу английского писателя Даниеля Дефо. В робинзонадах изображается полная превратностей трудовая жизнь либо одного человека, либо небольшой группы людей, очутившихся на необитаемом острове.

В XIX веке новые образцы робинзонад создавали преимущественно авторы приключенческих романов, развивавшие авантюрную сторону сюжета за счет его идейного содержания. В отличие от них робинзонады Жюля Верна исполнены глубокого общественного смысла, являются, можно сказать, философскими романами, несмотря на то что они предназначены для юных читателей.

«Таинственный остров» — лучший из его романов-робинзонад — задуман был еще до того, как Жюль Верн стал Жюлем Верном.

К началу 1860-х годов относится незавершенная рукопись — первый, еще очень слабый набросок впоследствии знаменитой книги. На титульном листе выведено крупными буквами: «Дядя Робинзон».

Некая миссис Клифтон и ее четверо детей — Мари, Роберт, Жан и Белла — выброшены бурей на необитаемый остров в северной части Тихого океана. Их участь разделяет бывалый француз-

ский матрос Флип, возглавивший маленькую колонию. Дети называют его дядей Робинзоном. Через несколько дней находит свою семью и мистер Клифтон, спасшийся чудом на том же острове вместе с верным псом Фидо. Клифтон — искусный инженер. Он добывает огонь, изготовляет порох, методически возделывает этот дикий уголок земли, всячески улучшая условия существования колонистов.

В дальнейшем многие персонажи и эпизоды перейдут в измененном виде на страницы «Таинственного острова». Инженер Клифтон превратится в Сайреса Смита, матрос Флип — в Пенкрофа, Роберт Клифтон — в Герберта Брауна. Даже пес Фидо будет действовать там под другой кличкой, а самый остров со всей его флорой и фауной, вплоть до орангутанга, окажется перенесенным в южную зону Тихого океана.

Десять лет спустя, незадолго до переселения в Амьен, Жюль Верн загорелся мыслью написать роман об удивительных результатах трудовой деятельности небольшой группы людей, очутившихся на необитаемом острове. Он решил было взять за основу рукопись «Дяди Робинзона», но Этцель, ознакомившись с «бледной робинзонадой», отверг ее без всякого снисхождения:

— Советую все это бросить и начать сначала, иначе будет полный провал.

— И все же здесь содержится зерно романа! — уверенно ответил Жюль Верн.

Но «зерно» долго не могло прорасти. Сюжет упорно не складывался. Тем временем, между делом, он успел написать блестящий роман «Вокруг света в восемьдесят дней», а то, что считал своим главным делом, — робинзонаду — все еще никак не давалось.

Пока он обдумывал и браковал варианты, читатели продолжали присылать письма с просьбами воскресить капитана Немо и раскрыть его тайну, не разгаданную профессором Аронаксом в романе «Двадцать тысяч лье под водой». И когда в один прекрасный день писатель решил вернуться к истории Немо, а заодно также связать сюжетные линии новой робинзонады с «Детьми капитана Гранта», план созрел окончательно, и он немедленно принялся за работу.

В феврале 1873 года Жюль Верн сообщил издателю:

«Я весь отдался „Робинзону“, или, вернее, „Таинственному острову“. Качусь, как на колесиках. Встречаюсь с профессорами химии, бываю на химических фабриках и каждый раз возвраща-

юсь с пятнами на одежде, которые отнесу на ваш счет, потому что „Таинственный остров“ будет романом о химии. Я стараюсь всячески повысить интерес к таинственному пребыванию капитана Немо на острове, чтобы исподволь подготовить крещендо…»

Роман разросся до трех книг. Писатель в течение полутора лет отдавал ему лучшие утренние часы. «Таинственный остров», как и многие его другие романы, впервые был напечатан в «Журнале воспитания и развлечения» — журнале для юношества — и в 1875 году вышел отдельным изданием, еще больше приумножив славу Жюля Верна.

Благодаря счастливым сюжетным находкам от «Детей капитана Гранта» и «Двадцати тысяч лье под водой» протянулись нити к «Таинственному острову». Эти три романа образуют трилогию — трехглавую сверкающую вершину в горной цепи «Необыкновенных путешествий».

4

Итак, «роман о химии»?..

Действительно, инженер Сайрес Смит создает на необитаемом острове настоящую химическую фабрику. Описание производства различных химикатов, начиная с добычи сырья, — больше чем научные экскурсы. От благополучного исхода реакции зависит судьба колонистов. Каким образом удастся Сайресу Смиту найти выход из трудного, казалось бы, безвыходного положения? Но, как всегда, выход найден и цель достигнута: еще раз и снова автору удается доказать, каким безграничным могуществом обладает человек, вооруженный знаниями!

И все-таки «Таинственный остров» — меньше всего роман о химии.

Это роман-утопия. Клочок земли в океане, где преднамеренно собраны многие разновидности флоры и фауны чуть ли не со всей планеты, — поэтическая аллегория земного шара, отданного в распоряжение свободных людей.

С первых же строк книга захватывает читателей стремительным диалогом:

«— Что, мы поднимаемся?

— Нет! Опускаемся!

— Хуже, господин Сайрес! Мы просто падаем!

— Ради Христа, кидайте балласт!

— Мы только что избавились от последнего мешка!

— Поднялся ли шар?

— Нет!»

Четверо мужчин и один мальчик попадают на затерянный в океане необитаемый остров. Это произошло 23 марта 1865 года. Кто они, герои романа? Участники Гражданской войны в США, военнопленные южан-сепаратистов, вырвавшиеся из Ричмонда на аэростате. Не случайно они назвали свой остров «в честь благороднейшего гражданина Американской Республики», президента Авраама Линкольна, борца за освобождение негров, павшего от руки фанатика в апреле того же 1865 года.

Остров Линкольна, куда ветер заносит беглецов, — благодатный уголок. Здесь собраны все богатства природы, какие только могут понадобиться человеку в его трудовой деятельности. Это один из тех островов, которые «нарочно приготовлены для приюта потерпевшим крушение и на которых бедняги могут всегда выпутаться из беды», говорит один из колонистов.

Благодаря знаниям своего руководителя инженера Сайреса Смита и благодаря своему собственному уму «они сумели обратить себе на пользу животных, растения и минералы острова и, так сказать, покорить три царства природы».

Инженер Сайрес Смит — главный герой романа — образ человека будущего, человека, покорившего природу и освобожденного от всяких пут. Неистощимая энергия, трудолюбие, сила воли, предприимчивость, находчивость, великодушие, отвага, дерзновенная мысль, разносторонние знания — в нем сосредоточены все лучшие качества, которые помогут человеку завоевать свободу и овладеть вселенной.

В наше время, в век научно-технической революции, такой человек, как инженер Смит, кажется прямым предшественником передовых людей XX века. Писатель прозревает грядущие дали, предвосхищая не только завоевания техники, но и образы новых людей.

В уста Сайреса Смита он вкладывает свои мечты о будущем человечества.

Колонисты размышляют о том, что станет с людьми и что заменит им минеральное топливо, когда запасы угля иссякнут. Инженер отвечает: вода, разложенная на свои составные элемен-

ты. «Я полагаю, что наступит время, когда вода заменит теперешний горючий материал, когда составляющие ее газы, водород и кислород, — используемые порознь друг от друга или оба вместе, в виде гремучего газа, — предоставят неисчерпаемый источник теплоты и света, и притом теплоты и света такой силы, какую никогда не может обеспечить каменный уголь… Нам нечего опасаться истощения горючего материала. Пока наша земля существует, до тех пор она будет служить нуждам своих обитателей и у них не будет недостатка ни в теплоте, ни в свете… Итак, я полагаю, что, когда каменноугольные залежи истощатся, отопление будет производиться посредством воды. Вода — это уголь будущего».

Какая смелая мысль и как созвучна она научным исканиям нашего времени, пусть и с поправками на достижения техники, выходящие за пределы воображения автора! Чем больше узнают люди, тем больше остается непознанного. Наука, как и природа, неисчерпаема. На замечание Пенкрофа — «Толстенные книги получатся, если записать все, что люди знают» — Сайрес Смит отвечает: «А еще толще книги можно написать о том, чего люди до сих пор не знают».

Герои романа, попавшие на необжитую землю,

оказываются на первых порах в положении куда более трудном, нежели их предшественник Робинзон Крузо, которому удалось захватить с корабля все необходимые инструменты и припасы. Робинзонам, потерпевшим крушение в воздухе, действительно пришлось проделать как бы заново весь путь, пройденный человечеством: начать с добывания огня, изготовления лука и стрел, примитивных орудий труда, необходимой домашней утвари, а потом уже, с помощью первобытных инструментов, создать более сложное оборудование и приступить к большим работам.

В отличие от Робинзона Крузо, герои «Таинственного острова» не ограничиваются охотой, скотоводством и земледелием. Они строят мосты, проводят каналы, воздвигают плотины, осушают болота, добывают полезные ископаемые, плавят металлы, сооружают машины, устанавливают электрический телеграф, занимаются научными изысканиями.

На «химической фабрике» Сайреса Смита изготавливаются кислоты и щелочи, глицерин, стеарин, мыло, свечи, порох, пироксилин, оконные стекла и стеклянная посуда. Колонисты занимаются сахароварением, налаживают выработку войлока и т. д.

Как верно подметил рецензент одной из старых русских газет, «этот роман, так сказать, в ракурсе — история европейской цивилизации в связи с историей развития науки».

Мы не просто следим за всеми операциями, но как будто и сами участвуем в повседневной деятельности этих людей, связанных братской дружбой, — настолько точно, зримо и образно изображены трудовые процессы.

Свободный труд свободных людей, живущих на свободной земле, творит чудеса. Здесь каждый трудится для себя и одновременно для всего коллектива. Плоды совместного труда становятся общим достоянием. Для каждого в отдельности и для всех вместе созидательный труд является первейшей жизненной потребностью. Здесь не существует ни денег, ни частной собственности, ни присвоения чужого труда. Здесь — все за одного и один за всех.

Боцман Айртон, проведший двенадцать лет на необитаемом острове, потерял человеческий облик, превратился в дикаря. «Горе тому, кто одинок, друзья! — восклицает Сайрес Смит. — По-видимому, одиночество быстро погубило рассудок этого человека, раз вы нашли его в таком жалком состоянии».

Жюль Верн как бы вступает в спор с «Робинзоном Крузо» Дефо, доказывая, что человек может жить и совершенствоваться только среди людей, что Робинзона неминуемо постигла бы участь Айртона. И чтобы дать ему возможность провести на клочке суши, отрезанном от всего мира, целых двенадцать лет, автор нарочно путает даты, утверждая, что Айртон был оставлен на острове в 1854 году (а не в 1865-м, как сказано в «Детях капитана Гранта»).

И тут надо напомнить, что воображаемый остров Линкольна Жюль Верн поместил в 150 милях от реального Табора, лежащего на 153° западной долготы и 37° 11′ южной широты. Этот уединенный островок обозначен на географических картах как риф Мария-Тереза, но в прежние времена его именовали еще Табором. Отсюда и рассеянность Жака Паганеля, забывшего, что у этого островка есть и второе название. На Таборе нашли приют спасшиеся во время крушения «Британии» капитан Грант с двумя матросами. И сюда же был высажен за свои преступления боцман Айртон, дошедший в одиночестве до полного одичания.

Но стоило только Айртону попасть в человеческое общество, присоединиться к группе

свободных тружеников во главе с Сайресом Смитом, как к нему снова вернулся разум. Дикарь стал человеком, закоренелый негодяй — честным работником.

Исповедь Айртона — по смыслу ключевая глава романа — и появление Роберта Гранта, ставшего капитаном яхты «Дункан», соединяют «Таинственный остров» с первым томом трилогии.

Там же, в подводном гроте острова Линкольна, обретает последнее прибежище со своим «Наутилусом» постаревший капитан Немо.

«Он стал наблюдать за своими соседями, выброшенными на необитаемый остров и лишенными самого необходимого… Мало-помалу, видя, какие это благородные, энергичные люди, какой братской дружбой они связаны меж собой, он заинтересовался их борьбой с природой. Волей-неволей он проник во все тайны их жизни… Эти люди, которых случай занес на остров, были достойны всяческого уважения. Именно они могли бы примирить капитана Немо с человечеством, ибо являлись благороднейшими его представителями».

Автор опять сдвигает хронологию, утверждая, что события, изображенные в «Двадцати тысячах лье под водой», происходили шестнадцать

лет назад, тогда как известно, что действие в обоих романах по времени почти совпадает (вторая половина 1860-х годов). Но если бы не было перестановки дат, капитан Немо не успел бы состариться и не мог бы сказать, что живет уже тридцать лет в морских глубинах…

В финале выясняется, кто он такой: индийский принц Даккар, один из вождей восстания сипаев, жестоко подавленного англичанами, потомок раджи Типу-Саиба, правителя последнего независимого государства на юге Индии.

Типу-Саиб — лицо историческое! — пытался вступить в союз с правительством Французской республики, был членом республиканского клуба и погиб в бою с англичанами в 1799 году.

Роман «Двадцать тысяч лье под водой» был написан в последние годы царствования Наполеона III. В полный голос писатель не мог тогда выразить свои республиканские чувства, не мог раскрыть революционное прошлое Немо. По прошествии нескольких лет, когда появилась такая возможность, Жюль Верн не преминул ею воспользоваться в последних главах «Таинственного острова». Откликаясь на просьбы читателей, он «рассекретил» биографию Немо.

«В 1857 году вспыхнуло восстание сипаев. Ду-

шой его был принц Даккар. Ему удалось поднять народ на борьбу. Он отдал правому делу все свои дарования и богатство, стал в первые ряды и дрался как лев, рискуя жизнью во имя освобождения отчизны. Он участвовал в двадцати схватках, был ранен десять раз, искал смерти, когда последние восставшие, отстаивавшие независимость Индии, пали, сраженные английскими пулями, но его смерть пощадила».

Дальнейшая биография Даккара сливается с историей Немо, строителя «Наутилуса» и подводного странника, нашедшего независимость в глубинах морей.

А теперь, спустя много лет, капитан Немо, таинственный покровитель колонистов, с восхищением следивший за их деятельностью, осуждает себя за индивидуализм и отрешенность от мира. В предсмертной исповеди он говорит Сайресу Смиту: «Уединение, отчуждение от остального мира невозможно… свыше сил человеческих… Я умираю, потому что вообразил, будто можно жить одному, не имея никаких отношений с людьми…»

Он умирает на страницах «Таинственного острова», но продолжает жить и сражаться в романе «Двадцать тысяч лье под водой». Помощь, ко-

торую он оказывал колонистам, и его исповедь — здесь автор акцентирует свою главную мысль — соединяют «Таинственный остров» со вторым томом трилогии.

Будущее принадлежит таким людям, как Сайрес Смит и его товарищи. Созидательный труд должен быть не только обязанностью, но и естественной потребностью человека. Люди сильны только в сообществе, только в коллективе. Тот, кто хочет жить и бороться в одиночку, пусть даже и за правое дело, обречен на гибель. К таким выводам приводит читателей Жюль Верн.

5

В эпилоге романа колонисты, после благополучного возвращения в Америку, покупают участок земли в штате Айова и основывают на тех же началах новую трудовую общину — островок свободной земли среди океана земель, подчиненных буржуазным правопорядкам. «Под разумным руководством инженера и его товарищей колония процветала», — сообщает автор. Поверить ему на слово? Ведь деятельность колонистов в штате Айова выходит за рамки повествования!

Республиканец 1848 года, Жюль Верн вырос на идеях Сен-Симона, Фурье, Кабе, теоретиков и глашатаев утопического социализма, мечтавших о создании совершенного общества мирным путем, без пролития крови, минуя социальные потрясения.

По мнению Этьена Кабе, автора романа «Путешествие в Икарию» (1842), мирную революцию совершит наука: «Машина несет в своем чреве тысячу маленьких революций и великую революцию — социальную и политическую. Пар заставил аристократию взлететь на воздух!» В утопическом государстве Кабе благосостоя-

ние достигнуто с помощью техники. Машины применяются для выпечки хлеба, в строительстве, для изготовления одежды, в больницах, в сельском хозяйстве. Жители Икарии проводят в больших масштабах мелиоративные работы, владеют управляемыми воздушными шарами и подводными лодками. Много внимания уделено развитию гигиены и медицины. Икарийцы ждут от электричества таких же благ, как и от пара. Но больше всего Кабе говорит об устройстве идеального общества. Упоминая машины разного назначения, он воздерживается от технических описаний. И это характерная черта социальной утопии XIX века, отделяющая ее от инженерной фантастики.

Благодаря занимательности и живости изложения роман «Путешествие в Икарию» стал своего рода евангелием для многих тысяч людей, считавших, как и Кабе, что коммунизм можно осуществить путем наглядной пропаганды. Достаточно только создать несколько образцовых общин, чтобы пример оказался заразительным и образовалось целое икарийское государство, процветанию которого поможет Наука. Пытаясь претворить свои планы в жизнь, Кабе навербовал сторонников среди французских рабочих и

отправился с ними за океан. В 1848 году он основал в Техасе первую общину. Позже возникло еще несколько подобных же коммунистических общин, но враждебное окружение, внутренние неурядицы, слабая производительность труда в условиях полунатурального хозяйства показали несостоятельность этого социального эксперимента. Суровая действительность опровергла утопию. Кабе и его последователи убедились на собственном опыте, что при господствующем в государстве капиталистическом строе частичные коммунистические преобразования обречены на провал. Последняя икарийская коммуна распалась в 1895 году, когда Этьена Кабе давно уже не было в живых. «Путешествие в Икарию» подействовало на воображение Жюля Верна. Во многих романах, и прежде всего в «Таинственном острове», он описывает деятельность трудовых общин, основанных, по сути, на тех же икарийских принципах: труд и знания каждого принадлежат всем. Но при этом Жюль Верн старался оградить своих героев от тех неизбежных неудач, которые терпели икарийцы.

Не потому ли утопические трудовые общины существуют в романах Жюля Верна только на необитаемых островах или… в межпланетном

пространстве («Гектор Сервадак»)?

И все же в области социальной фантастики Этьен Кабе был непосредственным предшественником и учителем автора «Необыкновенных путешествий».

На первое место Жюль Верн выдвигал научный прогресс, видя в нем с высоты своих творческих достижений источник благоденствия для всего человечества. И только позднее он сделал для себя решающий вывод — в переломном романе «Робур-Завоеватель» (1886): «Успехи науки не должны обгонять совершенствования нравов». Иными словами, наука может служить и добру и злу, в зависимости от того, в чьи руки она попадает и каким целям служит. Без борьбы справедливости не добьешься!

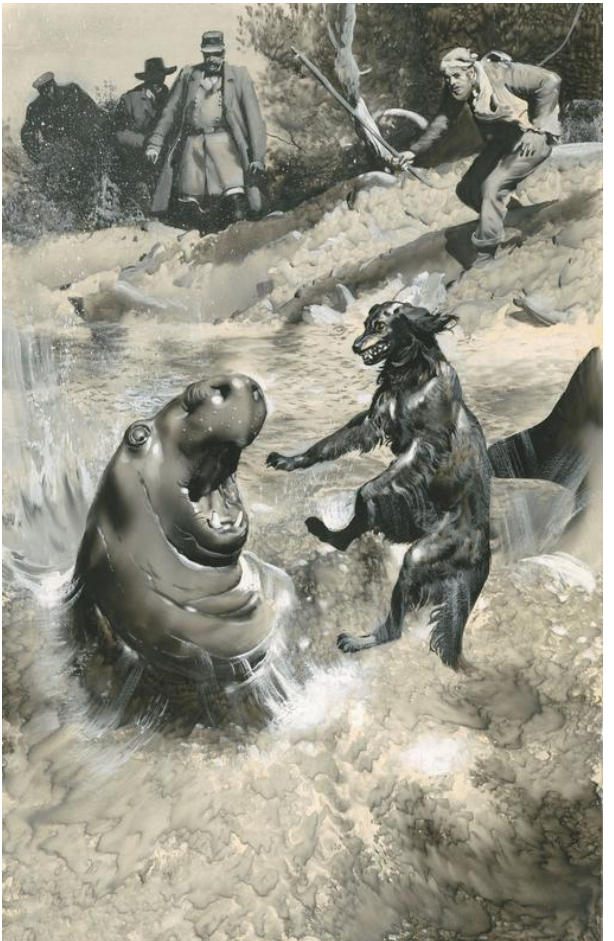
Безупречная нравственность героев «Таинственного острова», разумно использующих научные знания только для общего блага, для добрых целей в коллективном труде, создающих при посредстве науки дружную трудовую коммуну, неподвластную законам буржуазного общества, делает их новыми людьми, людьми будущего, по устремлениям близкими нашему времени. Жюль Верн был и остался неумирающим спутником юности, а «Таинственный остров» — одним из самых популярных произведений в мировой детской литературе.

Евгений Брандис

Цветные иллюстрации Зденека Буриана к роману «Таинственный остров»

Веревки обрезали, корзина полетела в воду, и воздушный шар снова поднялся на две тысячи футов. (К странице 9)

Бедный негр, поглощенный горем, не видал, как вошли товарищи... (К странице 70)



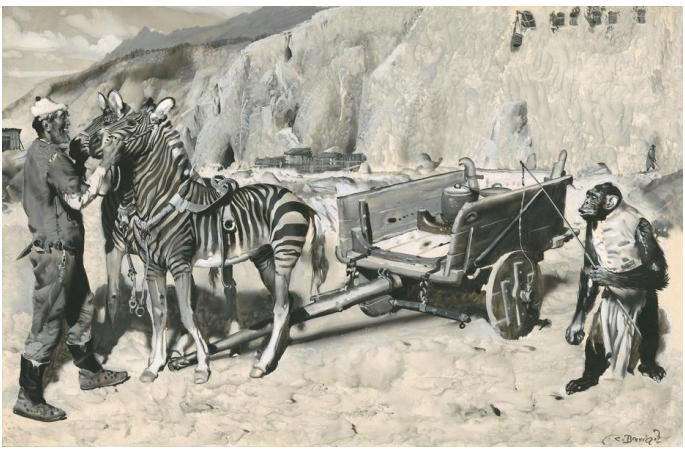
Огромное животное устремилось на собаку, которая тщетно хотела увернуться от него… (К странице 165)

Герберт и Пенкроф убили стрелами двух кенгуру и еще одно животное, которое походило и на ежа, и на муравьеда… (К странице 153)

ZBurian

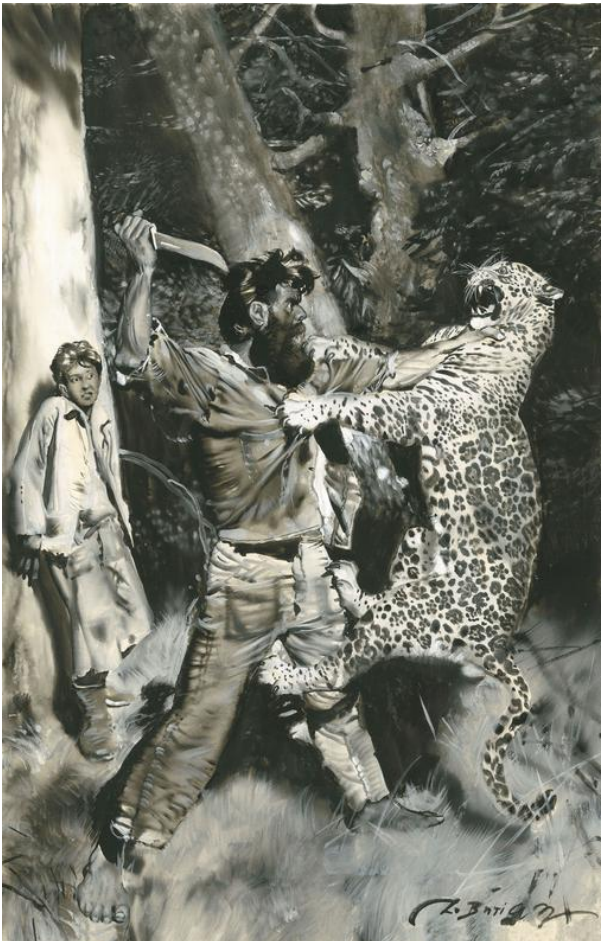
Черепаха имела три фута в длину и, вероятно, весила не менее десяти пудов. (К странице 232)

Ягуара отбросило назад, затем он ринулся на охотника, но в эту самую секунду пуля вонзилась ему между глаз... (К странице 261)



На скотный двор устраивались весьма частые поездки в повозке, точнее, в заменявшей ее легкой одноколке. (К странице 309)

Броситься на это чудовище, повалить его самого на землю, затем крепко связать — все это для Пенкрофа и Спилетта было делом одной минуты. (К странице 356)

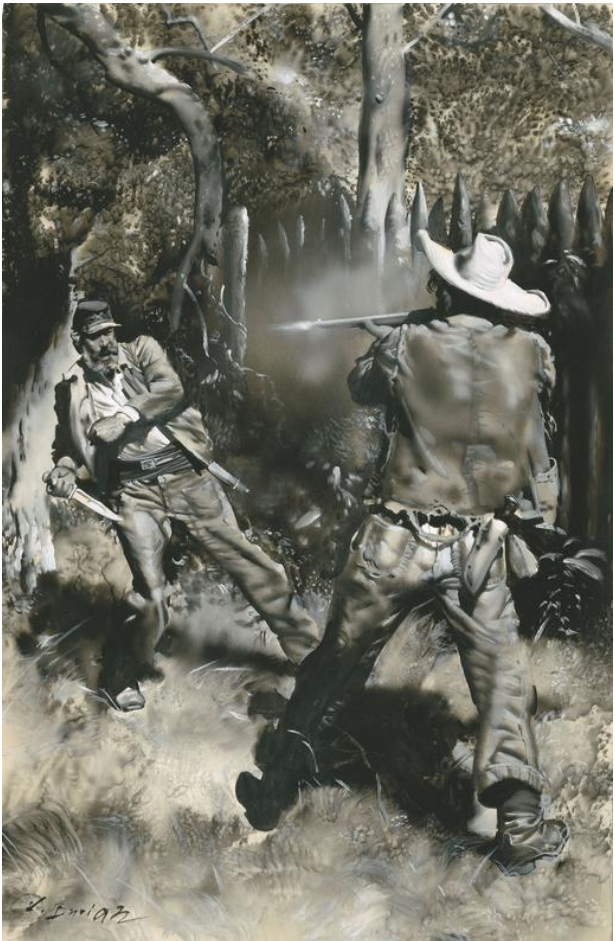


Неизвестный, не имевший никакого оружия, кроме ножа, ринулся на кровожадного зверя… (К странице 381)

Пенкроф и Айртон, притаившиеся в расщелинах скал, тоже следили за приближающейся шлюпкой… (К странице 447)

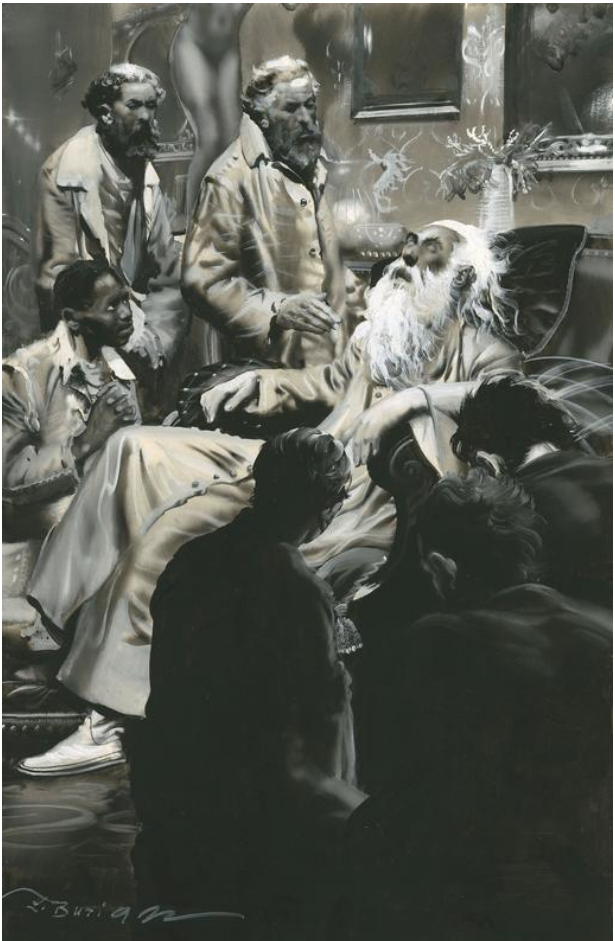
Z. BUTLER

Недолго думая, Айртон прицелился, и два выстрела раздались… (К странице 442)



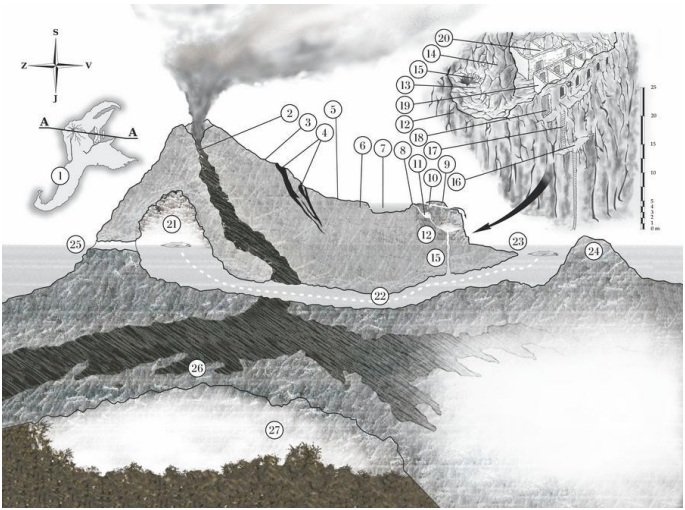
Смит быстро пошел налево, огибая изгородь, и вдруг очутился около каторжника, который прицелился в него и выстрелил... (К странице 485)

Среди этого подземного базальтового строения царствовало величественное безмолвие. (К странице 562)



— Всякое лечение бесполезно, часы мои сочтены. (К странице 568)

Произошел взрыв, который можно было слышать на расстоянии ста миль. (К странице 607)



Таинственный остров, или остров Линкольна

ОБОЗНАЧЕНИЯ НА СХЕМЕ:

1. Схема острова Линкольна
2. Жерло вулкана горы Франклина
3. Дорога к кратеру
4. Месторождения угля и железа
5. Скотный двор
6. Красный ручей

7. Озеро Гранта

8. Сток озера, закрытый колонистами

9. Плато Дальнего Вида

10. Новый сток озера с водопадом

11. Маленький грот

12. Главная пещера Гранитного дворца

13. Нижняя часть Гранитного дворца

14. Гранитный столб, поддерживающий свод

15. Колодец стока воды

16. Выступ гранитной стены

17. Веревочная лестница

18. Вход в Гранитный дворец

19. Кухня, столовая и спальня

20. «Дружеская» комната и склад

21. Подземная пещера «Наутилуса»

22. Канал, по которому «Наутилус» проплыл в пещеру

23. Место, где капитан Немо потопил пиратский бриг

24. Островок Спасения

25. Западный канал в пещеру

26. Путь по лавовым каналам к пещере Подземного мира

27. Подземный мир

Это был солдат, достойный генерала Гранта, отвечавшего на вопрос о людских потерях: «Я никогда не считаю своих убитых!» (К странице 14)